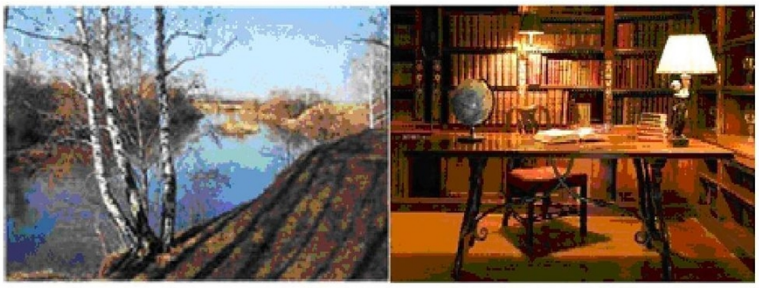
Литературный клуб Исеть

2021

Предисловие

Сайт «Литературный клуб Исеть» был создан в мае 2015 года и изначально задумывался для авторов Зауралья. Обоснованием этому было то, что как в самом Кургане, так и в области достаточное количество литературных объединений, но… нет своего литературного сайта. И многие авторы из Кургана, Шадринска, Катайска, Каргаполья, Сафакулево, Далматово, Куртамыша и др. оценили возможности сайта, став (кто, как) размещать на его страницах свои произведения. Наша страна огромная и, конечно, место проживания авторов не имеет значения. К нашей радости, не обошли своим вниманием сайт авторы из многих других областей страны, и даже авторы из стран ближнего зарубежья. На сайте есть страница «Книжная полка», на которой размещаются или уже опубликованные сборники авторов как в стихах, так и в прозе, или сборники, оформленные из произведений, поступивших на сайт. В данный момент таких сборников 185. 25.10.21. на «Книжной полке» был размещён сборник «Стихи (избранное)», в которой вошли стихи 45 авторов. В данный сборник «Проза (избранное)» вошли произведения (заметки, рассказы, повести, романы) 7 авторов.

От администрации Евгений Секерин

Содержание **стр.**

Децина Анатолий Николаевич, Новосибирск 3
Учёный с мировым именем в оласти косметологии, поэт, писатель

2. Нестеренко Борис Михайлович, Новосибирск 16
Член Союза писателей России

3. Покидышев Николай Александрович, Курган 53
Член Союза писателей России

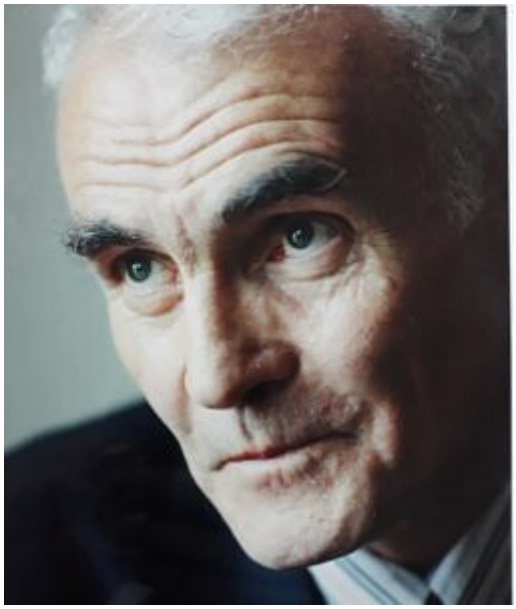
4. Рыжова Ольга Викторовна, Курган 144
Филологический факультет Курганского университета

5. Лидия Попкова, р.п.Каргаполье (Курганская область) 171
Член союза профессиональных литераторов

6. Ширманов Игорь Александрович (Олег Яненагорский), Ханты-Мансийск 211
Член Союза писателей России

7. Ольков Николай Максимович, с.Бердюжье (Тюменская область) 324
Член Союза писателей России

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Дань памяти

Анатолий Николавич Децина

(1941- 2018)

Родился 10 июня 1941 г. в г. Владивостоке. В 1965 году закончил химико-технологический факультет Уральского политехнического института им. С. М. Кирова (кафедру технология органического синтеза). По распределению поступил в Новосибирский институт органической химии Сибирского отделения Академии наук. В 1976 году защитил кандидатскую диссертацию в области физической органической химии. А.Н. Децина учёный с мировым именем в области косметологии. Автор более **60** научных работ и более 30 патентов. В 2001году он выпустил монографию «Теория мягких косметологических воздействий. Современная косметология». В последние годы занимается проблемами, связанными с продлением жизни человека. Круг интересов А.Н Децины не ограничивается только наукой. Страстный любитель дальневосточной природы он в молодые годы исходил «вдоль и поперёк» уссурийскую тайгу. Благодаря литературному таланту его богатый жизненный опыт находит отражение в стихах и прозе.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Мэй Хуа Лу

(Олень-цветок)

Приморье - моя Родина. Родился во Владивостоке за 11 дней до начала войны. Через четыре года мама вывезла меня сначала в голодную послевоенную Горьковскую область (село Малые Поляны), потом семья (по вербовке – единственный шанс выбраться из села) оказалась в шахтерском поселке на Урале (Челябинская область). Затем постепенно перемещался на Восток - учился в Свердловске, распределился после института в Новосибирск (Академгородок) – здесь и осел. Но Родина всегда манила и, наконец, исходив в походах Алтай и Западные Саяны, в возрасте тридцати лет я вернулся. Правда, возвращение было необычным. К этому времени, и мама оказалась в Приморье. Она, выйдя на пенсию, приехала в свою родную деревню Фурмановку (Ольгинский район) и купила свой старенький домик, в котором когда-то родилась. С тех пор все мои практически ежегодные походы с друзьями по Уссурийской тайге либо начинались у маминого порога, либо заканчивались здесь же.
Хорошо помню свои путешествия в бассейне реки Великая Кема. Однажды мы попытались повторить маршрут В. К. Арсеньева (1905 года), когда он встретился с Дерсу Узала после очередной разлуки (встреча у водопада). Книгами Владимира Клавдиевича я зачитывался в юности. Потом были Курилы (остров Итуруп) и Камчатка (озеро Курильское и вулканы), но Приморье – это не только Родина, но и моя поздняя Любовь. Признаюсь Вам, что когда мне становится очень грустно, я беру сборник рассказов и повестей о дальневосточной природе «Солнце во все небо» и перечитываю – он всегда под рукой. Особенно часто «западаю» на повесть Михаила Пришвина «Женьшень», в которой дается совершенно фантастическое описание Уссурийской тайги. В ней все так созвучно чувствам, которые испытывал я в процессе многократных поисков Корня Жизни или, когда уходил в дальнюю разведку маршрута и общался с прекрасной приморской природой один на один. Мне кажется, что и теперь эти поиски продолжаются в моей жизни непрерывно. Между прочим, название моей зарисовки тоже возникло, как бы, в виде продолжения имени самки пятнистого оленя – Хуа Лу, ярко представленной М. Пришвиным в повести. Несколько лет назад в Китае судьба свела меня с симпатичной и необычайно душевной китаянкой. Потом она со своим другом приехала в Россию. Они начинали свой ресторанный бизнес и даже около месяца жили в нашей семье. В разговорах я часто упоминал Приморье, свою маму и мои походы за женьшенем. Рассказывал, как мы слушали, наблюдали и участвовали в действе, называемом «рёв изюбрей». Однажды упомянул пятнистого оленя и назвал его «хуа лу» (по Пришвину). Собеседница меня поправила – пятнистый олень (или на китайском – олень-цветок) переводится как «мэй хуа лу». Мне это понравилось.

1©

Иногда вечерами, сын достает с антресолей фотографии, слайды, мои записи и, вдруг, понимаю, что все это было со мной и совсем недавно. С удовольствием погружаюсь в давно ушедшие события, и фантастика удивительным образом переплетается с реальностью.
Берег таежной реки. Я как старый усталый олень – от жизни мне, кажется, уже ничего не нужно – только отдых и кормежка. Где-то рядом оленуха наблюдает за моим молодым и взбрыкивающим иногда олененком. А он, в свою очередь, уже присмотрел себе подружку, хотя еще мало, что смыслит в этой жизни. И сколько еще в его жизни будет подружек! Но

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

и гонору в нем на троих! И это ему не так, и трава не такая сочная, как у других, и вода в речке не вкусная, и я абсолютно всем (а ему особенно) надоел и мешаю. Эх, если бы он знал, как мне дался этот участок тайги и как я жалею, что вышли мы на него, когда силы мои на исходе! А в голове звучит навязчивый мотив, и одна за другой появляются рифмы – откуда, что берется?

«Нравоучительное» пожелание»
(мотив песни «Закончен школьный роман…»)

Свобода сводит с ума -
Резвишься щенком на лужайке -
Еще не устойчив в прыжках,
Но мыслями весь впереди!

Свобода сводит с ума –
Она же, увы, порождает
Манкурт, что не помнят родства,
Зверей, что не помнят добра.

А впереди вся жизнь
И масса неизвестных,
Задачам несть числа – их все не разрешить!
Но впереди вся жизнь –
И внешняя бравада,
Заезженный мотив – так надо, так надо!

Свобода сводит с ума –
Живете весной и цветами!
Родителей мучит вопрос –
Что будет с каждым из вас?

Свобода сводит с ума –
И буковку «Я» раздувает
До неприличных высот,
Но лишь бы не было – П-ш-и-к!

А впереди вся жизнь
И масса неизвестных
Проблемам несть числа – их все не разрешить!
Но впереди вся жизнь –
И внешняя бравада,
Родительский мотив – так надо, так надо!

И, чтобы не было там,
Добра вам всем мы желаем!
Надежда в каждом из нас,
Что чадо его не манкурт!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Свобода сводит с ума,
На то она и свобода!
(там-там, та-ра-ра, ри-ра-ра!)
Желаем успехов мы вам!

Да, опять мотивы в голове и рифмоплетство! Пора бы образумиться. Я давно заметил, что стихи возникают у меня всегда, когда мне очень трудно (физически или душевно). Вот, как сейчас.
В голове много всякой всячины, которая всплывает независимо от меня применительно к возникающей реальной ситуации. Вот, хотя бы, притча о старом гусаке, отчетливо возникающая в тех случаях, когда мой отпрыск вольно или невольно говорит мне обидные слова.
Летит стая гусей над морским простором. Штормит и дует встречный ветер, который усиливается и усиливается с каждым часом. Волны все круче, но старый гусак ведет свое семейство очень низко над морем, так как знает, что чем выше, тем сильнее ветер. Но и внизу – не слабо. Ветер срывает гребешки волн и захлестывает стаю. И вот уже в волнах постепенно гибнут практически все. Вот уже захлестнуло и любимую гусыню. Остался только гусак и его старший сын. Наступил критический момент и сын взмолился.

- Отец, я не долечу до берега – устал, и крылья намокают. Помоги мне возьми на спину – дай передохнуть!

- А, вот, когда в следующем году мы снова полетим, и мне будет трудно, ты мне поможешь? – спрашивает гусак.

- Конечно, помогу! Ну, подставь мне спину!

Ничего не ответил старый гусак, напряг все силы и оставил сына без помощи. Прошло несколько лет и ситуация повторялась из года в год – гусак терял каждую новую семью полностью. И вот, однажды, очередной старший сын просит отца о помощи. Гусак задает ему тот же вопрос о том, поможет ли он отцу, когда будет очень трудно. В ответ он услышал:

- Нет, отец – ведь, со мной будет мой сын, и я буду помогать ему!

Тогда подставил старый гусак свою спину и понес своего сына к берегу – к спасительным камышам.
Вот такая притча и она не дает проявиться обиде на моего глупого олененка. Хотя, конечно, все это очень жестоко.
Оленуха моя уже давно не обращает на меня никакого внимания, да и я, если честно, тоже. Все держится на совместном воспитательном процессе и на ожидании новых пастбищ с сочной травой, на которые ещё, возможно, смогу их вывести. А моя душа хочет ласки и нежности! Хочет – хоть умирай! Возможно, я недополучил всего этого в детстве и в молодости. А сейчас, что поделаешь - некуда мне податься.
Лежу на крупном чистом песке. Солнце греет спину, но скоро все изменится – наступает осень. Журчит прозрачная вода – от реки веет прохладой. Совсем, рядом с берегом две большие рыбины крутят брачный хоровод. Вот самец лег на дно и, извиваясь всем телом, разбрасывает в стороны мелкую гальку и песок. Крупные камешки отодвигает своим хищно загнутым носом. Углубился на пару копыт и снова к своей подружке. Осела муть и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

самка, плотно прижимаясь к дну ямки, начинает выдавливать из себя мелкие зернышки – икринки. Самец помогает ей, поддавливая сверху, и затем сам заливает икру белой жидкостью. Процесс закончен, но расслабляться рано – они вместе с разных сторон засыпают свое будущее потомство песком и мелкой галькой, а потом долго, пока не иссякнут силы, охраняют свою «терку» от посягательств большой любительницы икорки – форели (проходной голец). На этом жизнь рыбин и заканчивается – они больше ни на что не способны, и обязательно безропотно погибнут, выполняя волю Всевышнего. Но будет жить, и развиваться их многочисленное потомство. Удивительное дело!
Интересно, кем станут эти две красивые рыбины в другой их жизни? В любом варианте, это будут Хорошие исполнители. Ведь это они после того, как маленькими рыбками (пеструшка) спустились в море и отъелись на морском планктоне, превратились в серебристых красавцев - рыбин (сема), находят свою родную речку, впадающую в море, возможно по особому вкусу пресной воды. Именно на «пресняках» - языках пресной воды в устьях речек они достаточно долго крутят свои хороводы, переходя из соленой морской в потоки речной воды. Ученые называют такой процесс адаптацией для перехода из соленой воды в струи речной, пресной воды, а мне кажется, что это самая настоящая дегустация – та ли это речка? Если не та, то поплыву дальше. Вот, наконец, она родная обнаружена. Вперед в верховья! Пороги, шиверы, завалы, корчи – они все преодолели, проскочили все опасные места и совершили закладку будущего потомства. Интересно, счастливы ли они? Возможно, счастливы и их счастье очень простое и абсолютное - оно заключается в единственной фразе: «Мы это совершили!».
А как быть мне? Если бы знать, кем я буду в следующей жизни, может быть, мне было бы и легко покинуть эту. Ясно, что вряд ли я буду Хорошим исполнителем – мне очень не хочется уходить из этой жизни! Был ли я счастлив? Иногда мне казалось, что я счастлив. Но куда деть моё нынешнее состояние? Впечатление такое, что чем больше мыслей и дум, тем меньше счастья.
Конец сентября. Через пару недель начинается наш ежегодный, изнурительный праздник-работа. Гон! Ах, какие раньше были времена! Настоящее светопреставление – каждая жилка звенит, как струна! Силища неимоверная! Сколько противников повержено и сколько подружек – оленух (ланок) было рядом со мной! Всех не упомнить.
А что же сейчас? Я совсем не готов ни к гону, ни к реву. В голове мелькают рифмы, в душе тоска смертная. Душевное одиночество - и сегодня, и завтра, и когда закончится гон, и все самцы разойдутся со своими гаремами, и когда наступит зима, и всегда, и всегда! Вот мой неизбежный удел!
Поднялся с кряхтением и сиротливо заковылял вокруг своего пристанища. Единственно, на что я гожусь, так это на поиски новых пастбищ, и еще я знаю много съедобных и лекарственных трав. Действительно, за свою долгую жизнь я много бродил по лесам и горам, многому научился. Теперь про меня говорят, что я обладаю «чуем» на хорошую траву. Остальные самцы (особенно молодые) пока еще слабоваты в этом отношении. Вышел на край своей поляны и огляделся. Да, скоро нужно искать новую – подъели траву, подчистили, истоптали, да и другие семьи помогают. Вот и сейчас, совсем рядом со мной пасется молодая ланка с олененком. Мы с ней видимся постоянно - крепенькая, стройная, симпатичная и у неё пристальный, особенный взгляд желто-зеленых глаз, который меня очень волнует. По-видимому, ей нравятся мои угодья, а она нравится мне. У неё, конечно, есть партнер, который, на мой взгляд, для неё не очень подходит. Такое впечатление, что его духовное (или душевное) развитие существенно отстаёт от физических кондиций. Это обстоятельство видно невооруженным глазом. Время делать дело, водить семью по хорошим выпасам и полянкам, быть добытчиком или, хотя бы, учиться этому, а он ……ведет себя, как ребенок. В общем, взвалила она все заботы на себя и тянет, как

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ломовая лошадь. Правда, может быть, ей (по крайней мере – пока) нравится руководить своим семейством – «детским садом». Возможно, она еще не вышла даже на вторую жизненную ступеньку, которую кто-то охарактеризовал такой давно - давно услышанной мной короткой песенкой: «Ты небо рисуешь синим и серым рисуешь скалы. Потом, мужчин - обязательно сильными, а женщин, конечно, слабыми. Но небо лишь изредка синее, а серые вовсе не скалы! И, вот, приходится быть сильной, а хочется быть слабой!». А потом будет третья ступень – рухнет семья, если партнер не поумнеет и если, при этом, встретится настоящий, сильный защитник, с которым можно поделиться заботами. Или, может быть, душа её необратимо закостенеет от постоянного, однообразного напряжения сиделки при двух неразумных детишках (даже любимых) и домашних забот, которых у неё «полный рот». Таков будущий расклад, если сейчас ничего не менять.
Интересно, как эта симпатичная оленуха лично ко мне относится? Очень хочется ей помочь, чтобы не опустилась она под тяжким бременем забот раньше времени. Постепенно приближаюсь. Вот мы уже рядом, но она делает вид, что меня не замечает. О, Господи! Как мне хочется дотронуться до её нежной шерстки! Её чадо прыгает рядом, задирает меня и требует внимания. Отвлекаюсь и предлагаю полизать золу кострища, которое оставили наши злейшие враги – охотники. Объясняю полезность золы для организма и делаю вид, что лизать золу мне приятно. Хотя на самом деле это скорее противно, чем наоборот. Маленькая соплюшка копирует меня и тоже лижет золу. Вот и первый шаг для сближения. С этого дня мы часто с ланкой, оставаясь одни, говорим о разных вещах и о жизни, о наших семьях. Правда, такая разговорчивость не характерна для неё – чувствуется напряженность в наших отношениях. Очевидно, это разница в возрасте. И мне стоит больших усилий удерживать её рядом, ласково прижиматься к ней. Чтобы сблизиться с ней, я привожу её к живительному источнику – аршану с соленой водой, вытекающей из скал. Я нашел настоящий источник, а не какую-то человеческую подделку. Мы вместе пьем целебную влагу и, мне кажется, что она забывает о наших различиях, и я ей нравлюсь, также как и она мне. Однажды мы с ней поцеловались так, как я не целовался… (уже и не помню когда!). К сожалению, это произошло всего один единственный раз. И я до сих пор не знаю, то ли она боится меня, то ли для неё поцелуи это какая-то игра. Я очень хочу повторить тот первый сладкий поцелуй, а она всячески стремится от этого уйти. И, все-таки, при каждой встрече стараюсь дотронуться до неё, до самых сокровенных мест. Я не знаю, что она чувствует, может быть, просто терпит меня. Хотя, хочется надеяться на лучшее. Я многого уже не могу ей дать, но мне так хочется ощутить её ласку и нежность. И ради этого я готов на все.

Моя любимая подружка - недоступна, как всегда!
О, Господи! Как мы теряем - недели, месяцы, года!
Их у тебя еще не мало, а мне как быть, дружок, скажи?
Мне невозможно ждать, стесняясь, нужны крутые виражи!

Вот ты ушла, а я остался и с очень скромным поцелуем -
Возможно, обжигались часто, ну, а теперь на воду дуем?
Может, я тебе не нужен? И причем здесь - дни, недели!
Может ты вообще такая? Только в это я не верю!

Знаю, чувствую, надеюсь – голос нежности разбужен!
Не могу я согласиться, что тебе вообще не нужен!
Подойди ко мне поближе, прикоснись к губам губами –
Наши нежности сольются! Все не выразить словами!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Знаю, (ты себя боишься!) и под гладкой кожей ёжик -
В кулачке зажата нежность! Время (лекарь) - не поможет!
Да и времени в обрез – воза нет, а лишь тележка -
Тебя любит старый гном! Будь поближе, Белоснежка!

Стань собою – нежной, доброй, подожми свои копытца
И иди ко мне навстречу, дай тобою насладиться!
Сбрось неверия одежды, прикоснись ко мне душой!
Ты же знаешь, (правда, знаешь?) – без остатка я весь твой!

Ты, любимая подружка, недоступна, как всегда!
Как бездарно мы теряем недели, месяцы, года!
Их у тебя еще не мало, а мне как быть, дружок, скажи?
Меня прости, прости за спешку, и за крутые виражи!

В нашей тайге растут растения, которые могли бы мне помочь – элеутероккок, заманиха (чертово дерево) и др., но самое известное из них – женьшень. Иногда раньше я его находил, выбивал копытом и съедал корень, но в те времена он мне был практически не нужен. А вот сейчас – наступил тот самый момент, если уже не поздно. Но где его искать – на поляне и вокруг неё вряд ли найдёшь – всё вытоптано и выбито. Нужны выходы на склоны сопок и в трудно доступные леса. Буду готовиться к дальним радиальным выходам и, хорошо бы, не одному, а с любимой ланкой. К тому же, хочется и необходимо, чтобы она, при этом, всегда была рядом. И вот, под предлогом поиска новых пастбищ я уговорил её сопровождать меня. Свою дочурку она пристроила в общее подростковое стадо, где ей будет не скучно и, самое главное, за этим шустрым созданием будет надежный пригляд другими оленухами. Самцы в этот период слонялись по тайге, жировали, готовясь к будущим поединкам.
В тайге не было, и нет благоденствия, – идет борьба. Вот я обратил внимание на вершины громадных деревьев с блестящей тонкой золотисто-коричневатой корой. Высоко вверху, в недоступной для оленей кроне, почти на каждом дереве находятся большие кучки веток – большей частью засохших. Но, вот на одном из деревьев видны ветки с остатками свежих листьев. Для меня это сигнал опасности. Я неоднократно наблюдал, как медведи, забравшись на эти деревья, устраивались в прочной развилке, обламывали и обсасывали кончики веток с маленькими черными ягодами, складывая обработанные ветки под свой зад. За всю свою долгую жизнь мне удалось всего один раз попробовать это медвежье лакомство (на поваленном ветром дереве) – слишком высокие кроны. Попробовал и ничего не понял – ягоды, как ягоды, и листья, как листья, немного горчат. Для того, чтобы как-то оценить растение, нужно постоянное его употребление и необходимо обязательно «прислушиваться» к своим ощущениям. Так появляется и накапливается Опыт. А сейчас мой опыт призывал к осторожности.
Остановились, принюхались и осторожно обошли опасное место высоко по склону, делая постоянные, короткие контрольные остановки.
Мы уходили от всех вверх по одному из притоков большой реки, вместе кормились и, время от времени, как бы невзначай, соприкасались телами. Я ласково лизнул её и покусываю за ушко, а она ……. Что она? Уходит от меня в сторону под разными предлогами. Однажды, я её спросил прямо: «Хорошо ли тебе со мной?». И любимая ланка ответила, что, если бы это было не так, то мы не ходили бы вместе. Это дало надежду. А ночью мне приснилось.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Осенний гон – наркотик для души!
И птичий щебет, и оленьи лица,
И ланки все – ну, ах, как хороши!
Такое может лишь присниться!

Пусть твой народ поймет меня превратно
Я хмелем пьян, как «вьюнош» глуп –
Веду себя совсем не адекватно!
В итоге, как всегда, отлуп!

Я встретил сфинкса с девичьим лицом.
Какая стать! Какие формы!
И возраст – можно быть отцом,
На месте все – превыше всякой нормы!

Причем здесь сфинкс с горбинкой на носу?
Точеный мрамор безмятежный
Лишь оттенил твою красу
С душой холодной или снежной!

Но, что хмельному до того?
Ему, ведь, по колено море!
Ласкаясь к камню, я не слышу никого,
Кто предвещает только горе.

Вот хмель исчез и сон уходит,
Но наступил синдром похмельный.
Припал к источнику, лакаю я аршан,
(Об этом разговор отдельный!)
Вгляделся - сфинкс, не сфинкс, - она!
Покинул мир я запредельный!
Спешу к подружке – не до сна!

Забрели на заболоченный участок тайги, полакомились клюквой. Ланка не любит вкус этой ягоды – слишком кисло! Морщит свою прелестную мордашку и фыркает. Но я то знаю, что это хорошее средство от некоторых видов хвори. В моей жизни был период, когда практически все мои сородичи вымерли от внезапно появившейся болезни. Нам удалось выжить вблизи мохового болота в верховой тундре. Каждый день утром и вечером я выгонял свое семейство (ланок с оленятами) на моховой простор и мы общипывали ягоды клюквы – оленята пищали, но сосали кислые стебельки, заедая кислоту сочной травкой. В окружающем болото сосняке мы на загладку лакомились брусникой. Но больше всего любили чернику и голубику – чуть глубже в сосновом бору. Особенно радовалась сладким ягодам молодежь. Ее приходилось слегка поддевать рогами, чтобы перейти на другие места с необходимой для сытности сочной травой. А они брыкались, поворачивая ко мне свои чумазые (в ягоде) и обиженные мордашки. Не знаю, что меня толкало к этому болоту, но никто из нас тогда не заболел.
С особой тщательностью осматриваю юго-восточные и юго-западные склоны, на которых возможность встретить женьшень максимальна, так как он не растет на северных и южных склонах. Однажды мои старания увенчались успехом – передо мной стояло

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

небольшое растение с розеткой из трех листков, каждый из которых напоминал широко расставленные человеческие пальцы, а из розетки тянулась вверх, стрелка с кроваво-красными ягодками на вершине. Это небольшой корешок, называемый «тантайзой». В стороне от ланки, я добыл и схрумкал свою добычу вместе с листьями и ягодами – говорят, они тоже обладают целебной силой. Подошел к подружке по скитаниям, прикоснулся губами к ее носику, и прислушиваюсь к себе. Да, что-то есть, какой-то отклик – хочется прижаться поближе, но она совсем меня не ощущает, потянулась в сторону за листочком на кустике и отошла. Нет, эффект слишком слабый – возможно доза слишком мала. Недаром, говорят, что максимальными лечебными свойствами обладают самые большие корни «упие» с пятью пятипалыми листьями в розетке, но они встречаются очень редко, и найти такой корень – настоящее счастье. Мне, можно было бы попробовать и промежуточный вариант – «сипие» с четырьмя пятипалыми листьями в розетке. Ну, вот, наконец, и оно! Красавец-корень и величина приличная! В теле разливается приятная теплота, самка замечает мое оживление и с удивлением наблюдает за мной, не делая никаких встречных шагов. Мне так и не удается поцеловать ее в губы и дотронуться до самых сокровенных мест. Что же это такое? Неужели, я её не волную? Но, ведь мне так нужна её помощь!

Все погасло, и в голове опять закрутились четверостишия.

Спасибо тебе за уроки!
Спасибо за все! А я сник –
Ложатся паскудные строки
На жизни моей черновик.

Наверно мытарить приятно
Того, кто всё может отдать,
Но многое мне непонятно –
Приходится молча страдать!

Я много отдал бы провидцу,
Который мне все объяснит,
Расскажет, покажет мне в лицах
О ком мое сердце болит!

Вот начал я сам с нетерпеньем
Мыслишки выстраивать в ряд.
В итоге пришел к заключенью,
Причем, ему сам и не рад!

«Ты можешь отдать все? Прекрасно!
А, кто б мог подумать иначе?
А все остальное напрасно –
А ласки и нежность, тем паче!

Холодный рассудок – не больше!
Его я ни в жизнь не нарушу!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Коль хочешь, прими, как подарок
Мою, хоть и черствую, душу!».

Спасибо тебе за уроки!
Спасибо за все! А я сник –
Ложатся паскудные строки
На жизни моей черновик.

Стихи мои свет не увидят
И, вряд ли, услышишь их ты!
Слова, как слова! Не обидят!
А мне, как на рану бинты!

Господи! О чем это я? И откуда прет эта бессмыслица? Неужели у неё действительно холодная и черствая душа? Но, ведь, есть же молодой партнер. Как же она с ним? Неужели ласки только при соитии или по её «высокому» разрешению?
Нет, такого не может быть! Я это хорошо чувствую – ей нравились мои ухаживания. Но сейчас мне очень грустно и тоскливо. Поэтому, наверно, такие стихи.
И, всё-таки, я глубоко ошибался! Никаких чувств ко мне не было, нет, и не будет! Недавняя беседа у источника все расставила по своим местам. Оказывается, она не может идти ко мне навстречу, проявляя нежность и ласку, потому что …… не свободна. Все, приехали! Все это время, все эти прогулки, все мои чувства ……!
Олень развернулся и понуро побрел куда подальше.
Мне невольному свидетелю этой сцены «у фонтана» (у источника) ужасно жалко старого оленя. Я ему сочувствую и понимаю, «как мать родную». Куда он пойдет? Что с ним будет? Теперь он точно не вернется. Раньше довольно часто они расставались, но (обычно он) делали шаги навстречу друг другу. И во всех случаях ему не удавалось «разговорить» неразговорчивую подружку и довести до выделенной шрифтом формулы. А сейчас - это приговор!
Мне не хочется покидать грустного оленя, и я иду за ним.
Наши мысли и души созвучны. Иду за ним и улавливаю слабое бормотание, а потом вот они – стихи, которые сначала мне показались незатейливыми.

Счастье вдребезги – вдрызг, словно и не бывало!
Всё твердит мне вокруг, что пора на покой,
Но хочу я, хочу, чтобы ты вспоминала,
Ну, хотя бы, вот так про меня: «Был такой!».

И, когда, может быть, тебе станет тоскливо и грустно,
Вдруг, захочешь когда-нибудь, жизни иной,
И увидишь - вокруг счастья нет и все пусто,
Вспомни эти слова обо мне: «Был такой!».

Но, когда это будет, когда? Мне не ясно!
Может быть, даже в жизни не этой, а вовсе в другой!
Ты поверь, для меня наша встреча была не напрасна -
Я надеюсь, ты вспомнишь не раз: «Был такой!».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Был такой и любил тебя он безответно,
Ты его не любила. Ну и, что ж, Бог с тобой!
Пусть душа его бродит, томится по белому свету,
А, в твоей – лишь останется след: «Был такой!».

Мне б вернуться назад, ну, хотя бы, всего на три года,
И как можно подальше пройти от тебя стороной,
Обрести, ненадолго совсем, ту былую свободу,
Вот тогда и исчезли бы эти слова: «Был такой!».

Все, что было, уже не вернётся – я знаю!
Улетело, ушло в даль с дождем и июньской грозой!
И не знаю, как жизнь обернется и та, и другая –
На прощанье оставлю слова: «Был такой!».

Удивительно сильные и грустные строчки! Не знаю, хорошо это или плохо, что его подружка никогда не поймет этих стихов. Да и откуда она о них узнает! Судя по всему, думаю даже, если узнает, то не поймет или поймет слишком примитивно. Уходи олень! Иди, как можно дальше – это не твоя судьба!
Мне показались интересными оленьи «соображения» о таежных растениях. В последние годы мои научные (назовем их так) интересы переместились из области клеточной биотехнологии в весьма любопытную область – изучение свойств окружающей нас флоры и фауны. Поэтому и брожу по тайге. Удивительно, как мало мы еще знаем о растениях! Человечество в своей «самодеятельности» (в отрыве от природы), поглощенное фантастическими возможностями, которые, якобы, открываются с каждым научным открытием, как правило, залезает в разнообразные тупики и ловушки.
Возьмем лишь один пример, связанный с открытием антибиотиков. Даже судя по названию («анти» - против; «биос» – жизнь) с этими препаратами следовало обращаться очень осторожно и аккуратно. После эпохального открытия пенициллина возникла надежда окончательно решить проблему лечения заболеваний, вызываемых микроорганизмами. Прошло несколько десятков лет – производство разнообразных антибактериальных препаратов (к началу нового века их было уже более 150 наименований) нарастает в геометрической прогрессии. Казалось все! Проблема решена или близка к решению. Однако….в России ежегодно фиксируется более 50 миллионов инфекционных и паразитарных заболеваний – болеет каждый третий. Распространяются лекарственно-устойчивые штаммы палочкм Коха (туберкулез). Появились инфекции с возбудителями (микробами), которые устойчивы по отношению к абсолютно всем антибиотикам. Эффективность многих антибиотиков против различных видов микроорганизмов в некоторых регионах снижается практически до нуля. Ученые всего мира «бьют тревогу», а медицинская телега продолжает катиться с грохотом, калеча и убивая всё живое. Всё, кроме микроорганизмов, которые легко преодолевают антибиотическое давление. Знаю об этом не понаслышке. Мне (неспециалисту) приходилось объяснять практикующим врачам МСЧ-168 (Академгородок), что ампициллин, который они для блокировки заболевания пытались мне ввести с помощью капельницы, является неэффективным в Новосибирской области практически для 90% местной микрофлоры. Действовали они, конечно, по утвержденной Минздравом схеме. Известен случай, когда в Свердловской области погибли сразу несколько детей. Причина та же, микробы оказались устойчивыми к примененным антибиотикам и врачи, конечно, не занимались «отсебятиной» - действовали «по схеме».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А сколько таких случаев нам не известно! Налицо явный тупик.

И вот уже правительство США выделяет средства (на гранты) для решения проблемы снижения количества антибиотиков, применяемых в лечении разнообразных заболеваний. Судя по сообщениям СМИ (см., например, Новая газета №41 Р(1104) 26.10-1.11.2005 г.) проблема устойчивости микроорганизмов к антибиотикам (проблема резистентности) стала одной из важнейших политических тем во время дебатов перед выборами в британский парламент. Европейский союз принял на этот счет специальные рекомендации парламентам. Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) издала толстенный талмуд «Глобальная стратегия ВОЗ по сдерживанию резистентности», где всем государствам предложено считать эту проблему национальным приоритетом. Все эти усилия направлены на то, чтобы выбраться из явного тупика.

И мне подумалось, как же хорошо изюбрю – он как-то чувствует, что нужно ему и его сородичам и находит подходящие лечебные (или лечебно-профилактические) растения вокруг себя в самой природе. Слава Богу, что у него не появляется желания и возможности заниматься извлечением из этих растений отдельных компонентов, затем синтезировать разнообразные аналоги биологически активных веществ и кормить ими свое стадо и других оленей. Слава Создателю, что в окружающей нас природе имеется практически все необходимое для решения большинства существующих и, возможно, будущих проблем. Нужно только повернуться к Природе лицом. Я уже это пытаюсь сделать.

Конечно, нельзя утверждать, что животные, находясь в тесном единении с природой, не болеют. Однако, складывается такое ощущение (см. работы известного исследователя развития ветеринарии на Дальнем Востоке А.М.Юдина), что всевозможные эпизоотии среди животных прямо связаны с хозяйственной деятельностью человека – «нет человека, природа остается Природой, появился человек, и вместо природы появилась Окружающая среда» со всеми вытекающими последствиями. Если это не совсем так, то истина, возможно, скрывается за следующей формулой: «Нет человека и нет достоверных сведений о заболеваниях животных». И потом, объясните мне, например, причину наблюдаемого мной случая. В одном из моих путешествий по сопкам в поисках женьшеня, нашу лайку укусил щитомордник. Мы спустились к речке (Тудагоу, возле с. Фурманово) и увидели, что собака зашла в воду по брюхо (место укуса) и очень долго пила речную воду. Фактически ее живот раздулся, как бурдюк. Доковыляла до своей будки, а вечером исчезла. Вернулась домой через 3 дня - веселая, подвижная и готовая к новым путешествиям. Кто ее учил всему этому (промывке организма), что она делала в тайге? Нет, у животных многовековой опыт предотвращения различного рода заболеваний. Нам нужно внимательно наблюдать за ними.

Кстати, где мой визави? Ушел он от своей подружки опечаленным, грустным и одиноким с моим мысленным напутствием: «Иди, как можно дальше – это не твоя судьба!». Тоже, я вам скажу, «советчик»!

Оказалось, однако, что буквально через три дня они снова встретились и по инициативе изюбря. У него было время подумать в одиночестве и, кажется, душевная боль притупилась. Вот основные его постулаты, излагаемые ланке:

1. У нас с тобой общее дело (поиск новых выпасов) и, если ты не против этого, то мы будем продолжать его вместе.

2. Наши взаимоотношения будут строиться на чисто практической и рациональной основе. Давай забудем о том поэтическом и романтическом вздоре, который я нес все эти годы.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

3. Тебе, судя по всему, такое изменение в отношениях дастся легко, а я постараюсь его пережить.

Вначале мой герой предложил ланке высказать свои соображения относительно дальнейших вариантов взаимодействия – «ты понимаешь, что после последней встречи нам придется что-то менять?». Мне показалось, что в её ответе (после долгого молчания) прозвучало непонимание – а что, собственно, менять?

Хотя я должен еще раз оговориться, что не следует мои пояснения воспринимать в качестве мнения нейтрального наблюдателя. Все-таки, я на стороне старого оленя – он мне ближе по духу.

И только потом олень приступил к изложению своих постулатов, тщательно продуманных в ночном одиночестве.

Конечно, для его подружки все это было неприятно. А теперь попробуем представить его взгляд на результаты встречи – к сожалению, с ланкой я не имею мысленного контакта. Разговор иногда прерывался длительными паузами. Так было всегда и ранее, когда от неё требовался ответ на не очень приятный вопрос. Мне казалось, что, подбирая слова для ответа, она стремится случайно меня не обидеть. Но, может быть я и не прав и это все объясняется тем, что жизнь не ставила перед ней таких задач и, поэтому готовых решений нет, а она не хочет ошибиться.

Реакция на первый постулат была чисто «женской» - «главное не нужно, как это бывает, превращаться во врагов». Из этого следует, что она, в принципе, не исключает такой вариант совместного взаимодействия. Я успокоил её, сообщив свое мнение о том, что она хороший помощник в наших поисках новых пастбищ (я говорил ей это и раньше). В развитие обсуждения (в запале) у неё возник вопрос – «может быть мне уйти? Понятно, что при отсутствии какого-либо выбора я не согласился с этим мнением. Здесь есть интересный момент – а, если бы у меня была альтернатива, то, как бы я ответил на этот вопрос?

Самый больной вопрос был заложен во втором постулате. Он отменял целый ряд моих ранних предложений и высказываний, в надежде заинтересовать её, типа таких: «Мне кажется, что я смогу сделать твою жизнь и жизнь твоего «чада» более интересной!», «Можно попробовать повысить твою оленью квалификацию до стадии всеобщего признания» и т. д. Тут главное было не опускаться до крохоборства (ах, ты мне так, а я вот так!). Как мог, я пытался объяснить, что при практическом и рациональном подходе на её месте может оказаться любой другой более подходящий олень или ланка, так как для такой работы, которая требует определенных душевных затрат, необходимо какое-то душевное родство. И я, конечно, буду искать себе именно таких помощников. Вот оно слабое место в моих рассуждениях – скатился от чисто практических моментов к «духовному родству», не объясняя, что это такое. Сейчас я думаю, что мне не важно кто это будет – олень или оленуха, важно, чтобы мне было с ними интересно общаться и видеть, что они с благодарностью воспринимают новую для них информацию. Конечно, я их не буду любить так, как любил тебя. Время ушло и уходит, поэтому остается рационализм и не более того. А здесь ты будешь в одном ряду с другими сородичами.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Борис Михайлович Нестеренко, Новосибирск

Родился в д.Шагирка Кыштовского района Новосибирской области 22 мая 1951 года. Закончил Свердловское суворовское училище (1970г.). Автор книг: "Кадетская душа"; "Слово верное"; "Всё будет хорошо"; "Тёплый дом" и др. Печатает свои печатает свои произведеня на порталах Стихи.ру, Проза.ру. Член Союза Писателей России.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ТРАКТОРНАЯ РАПСОДИЯ

Рассказ

Уже минуло четыре дня, как мы гостим у моей двоюродной, или, как у нас говорят, сродной, сестры Нели. Она на пару лет старше меня и так и не выбралась на жительство в город, оставшись в родной Бочкарёвке и выйдя здесь замуж за первого парня на селе и школьную ещё свою любовь Генку Лакетко. Неля с Геннадием живут душа в душу, народили двух замечательных пацанов и обустроили добротный дом и крепкое хозяйство.

Давно уже собирался я побывать на своей малой родине и, наконец-то, вырвался из душного и провонявшего мазутными запахами Новосибирска в родную сибирскую глубинку, в районный центр Кыштовку, прихватив с собой свою новую супругу Наташу и сынишку от первого брака 12-ти летнего Артёмку. Два часа лёта на двухмоторной чешской «Элке», промежуточная посадка в Барабинске – и мы на месте. На грунтовом аэродроме нас уже поджидал мой сродный, а Нелин младший брат Юра, помладше меня годами, но поглавнее по должности – секретарь Кыштовского райкома комсомола, приехавший за нами, соответственно, на новеньком служебном «Уазике».

Переночевали мы у Юры и рванули на этом «Уазике» в Бочкарёвку, поближе к моей малой родине. Давненько, лет десять не бывал я в этих краях, многое сильно изменилось: появилась новая дорога из райцентра до Бочкарёвки, туда стал ходить рейсовый автобус, заметно для глаз увеличилось число автомобилей. Погода прекрасная, разгар июля месяца, солнце печёт, из перелеска ветерком натягивает такие запахи разнотравья, что с непривычки кружится голова.

- А знаешь, Боря, - подал голос из-за руля Юра, - а ведь в твоей родной Шагирке уже давно никто не живёт, и домов уже не осталось. Лет пять содержали там летом отделение колхоза, телят откармливали, сено заготавливали, но всё на временной основе. А лет пяток, как там и отделение свернули. Ты слышал такое выражение – «бесперспективная деревня»? Башка у них бесперспективная – сначала закрыли школу, потом магазин с почтой, а потом хватились, перспективы нет! Пропала деревня.

Я в ответ только выругался. А что я мог сказать? Против лома нет приёма! Властям видней в смысле перспективы, а нас и не спрашивают. Не стало деревни, в которой я впервые осознал себя человеком, хоть и голопузым, но вполне самостоятельным. Не стало людского поселения, в котором я лет пяти от роду научился читать и в котором впервые пошёл на рыбалку и в школу. На рыбалку, конечно, раньше.

«Уазик» резво бежал по щебёнке насыпной дороги, на заднем сиденье Артёмка и Наташа громко восхищались набегающими видами первозданной тайги и цветочных полян, а мне от Юриных слов взгрустнулось и я, несмотря на лёгкую тряску, погрузился в воспоминания и почти что задремал от этого нелёгкого занятия.

Минут через сорок мы подъезжали к Нелиному дому. Сразу видно – дом справный, надворные постройки крепкие, люди здесь живут хозяйственные.

Юра посигналил, и из калитки буквально вылетели два пацана-погодка, беленький, как лён, и красненький, как огонёк. Беленький был постарше.

- Серёжа, Женя, людей не стопчите, - вышла за ними Неля, - с приездом, гости дорогие! Мы обнялись, расцеловались и стали проходить в дом. Сытые собаки во дворе поленились на нас даже головы поднять, и, лёжа в тени, только изредка вздрагивали всем телом, стряхивая обнаглевших мух.

Вот и добрался я с семьёй до Бочкарёвки. Здравствуй, Родина моя!

Встреча прошла по полной программе, с обниманиями, целованиями, с неприменными «а помнишь…» и с термоядерной самогонкой в 10-ти литровой бутыли, поднятой Геной

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

из подпола. Я тогда, грешным делом, ещё «принимал на грудь» и принимал изрядно, как все. Время и место были такие – Советский Союз, год 1988-ой! Народ пропивал последние коммунистические иллюзии, а кремлёвская партократия, похоже, не представляла и в эскизе того магистрального пути, по которому можно было бы вывести государство из накопившихся проблем, неустройств и дефицитов.

Вечер выдался замечательный. Во-первых, с Артёмкой всё было «в ажуре», он и племяши мои по-быстрому сдружились, и уже через полчаса они выкатили на улицу старенький, грозно ревущий мопед и стали обучать моего городского сына премудростям езды на этом железном коне. Вот так сама собой решалась задача по деревенской, я бы сказал, реабилитации мальчишки, практически ничего не умеющего делать руками. Я за сына стал спокоен.

Ну, а, во-вторых, вечер задался гостями. И песнями! Конечно, многие мои сверстники и друзья детства разъехались, но ведь не все же! Пришёл первый гармонист на деревне Лёня Жеребцов, пришёл порезанный по пьянке заезжими ингушами Костя-библиотекарь и привёл с собой супругу Нину, Сидорову в девичестве, с которой я, будучи в суворовском отпуске после первого года обучения, ох как дружил! Никак мы с ней досыта нацеловаться не могли!

Были мои двоюродные дядьки по материнской линии, в том числе и дядя Коля Мищенко. О нём бы отдельно рассказать, всей своей жизнью он этого заслуживает, не человек, а песня.

Фронтовик-артиллерист с искалеченной ногой, он трудился за четверых. Он никогда ни дня не состоял в колхозе, единоличник, а, значит, все неудобья были его – заготовка дров в осиннике, покосы на болоте и в кочкарнике при полном отказе в выделении коня для вывоза накошенного из леса. Частник? Ну, и крутись, как знаешь. И он крутился, а ещё, единственный в округе, содержал пасеку и из отбракованного мёда ставил вкуснющую медовуху и выгонял из неё невероятный по качеству самогон. Теперь я бы сказал – наносамогон!

А как замечательно он пел! Вы же понимаете, что дело непременно дошло до песен, это вам не поп-культура! Не буду перечислять уже основательно забытые названия песен, но вот совершенно замечательно пелись за столом… украинские песни. Дело в том, что наши деды и прадеды осваивали эти сибирские края, будучи столыпинскими переселенцами в рамках государственной земельной реформы. И приехали они сюда, в основном, с Украины, тогдашней Малороссии, с Полтавщины. В застольном песенном репертуаре это ощущалось с удивительной красотой. Признаюсь, и я пытался подпевать землякам, но получалось что-то невразумительное.

Славно нас встретили! Утром я почувствовал это особенно чётко. Неля и Гена уже были на работе, а я с племянниками произвёл осмотр дома и хозяйства. Обнаружил в амбаре три сломанных телевизора.

- А нам их ремонтировать негде, - разъяснил мне старший племяш Серёжка, - как ломается, мы новый покупаем!

И пока Наташа с подошедшей Нелей разбирались с платьями и кофточками из сумок и готовили завтрак, я отремонтировал два из трёх телевизоров, благо неисправности там были плёвые и легко устранимые. Я паяльник дольше искал.

- Неля, а как бы мне на родину съездить, в Шагирку? – спросил я благодарную за нежданную помощь сестру, - туда хоть проехать можно?

- Можно, - ответила Неля, - вот Генка придёт с работы, с ним и поговори.

Ну, что ж, подожду, поговорю. Благо, есть, чем заняться – рядом моя ненаглядная речка Чёка, за речкой смешанный лес с ягодниками и косачами, кормящимися сладкой

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

лесной ягодой, а если углубиться в лес, то можно встретить и лису, и ласку, и даже Михайла Потапыча. Медведи, по Серёжкиным словам, в деревне уже всех достали!

- Борис, тут тебя дед Яков спрашивает! – раздался со двора Нелин голос, и я, отложив в сторону Серёжкину коробочку с рыболовными крючками, пошёл на зов.

Во дворе меня поджидал самый настоящий сказочный персонаж. Я опешил даже от такого сюрприза. Под навесом в тени стоял дедушка невысокого роста, мне по плечо, примерно, и одетый по последней моде моего голоногого послевоенного детства: на седой нестриженой голове картуз-восьмиклинка с измятым козырьком и пуговкой на макушке, тело прикрыто рубахой-косовороткой с опояской из какой-то верёвочки, а ниже холщовые штаны из самотканого полотна неопределённого цвета, заправленные в сыромятные чирки домашнего пошива. В левой руке у него зло дымилась десятисантиметровая, не менее, самокрутка из газеты, а в правой руке утвердилась узловатая черёмуховая палка. Мы поздоровались, и я пригласил дедушку присесть.

- Значить, ты и есть Мишкин сын? – начал беседу дед. - Дерзкий парень был, как он теперь?

Я коротко рассказал, что пару лет назад отец, бросивший нашу семью в 1963 году, приезжал в Новосибирск, как чувствовал, проститься. Мы с ним повидались у его младшего брата, дяди Николая, и в скорости отец умер где-то в Мордовии.

- Вот, непутёвая голова, - сквозь кашель после очередной затяжки промолвил дед, - а ведь семья у него была сурьёзная! Ах, война, мать её ити, как людей покорёжила. Которых не убила. Отец его, дед твой, значит, Исак, силён был шибко. Зашёл он как-то в Правление по делу, а там в углу мешки с рожью лежали. Он дело-то выправил, сунул незаметно мешок под тулуп, да так и ушёл, прижав мешок под мышкой одной рукой. А в том мешке аржи пудов пять! Силён был Исак.

- Дедушка, а по маминой линии родства, что скажешь? – с неподдельным интересом стал я выспрашивать. – Побережнюков помнишь?

- Ну, как не помнить, когда твой дед Онофрий Максимович при Колчаке был на деревне старостой, а при совецкой власти, мать её ити, председателем колхоза в войну. Грамотный был шибко, его ссыльные поляки выучили, он и в пехотном полку в Тифлисе ещё до Империлистической урядником служил, помощником комвзвода. Да вот в веру свою баптистскую шибко ударился, потому и на службе не остался, потому и уцелел, слава Богу! Чего лыбишься, Михалыч? Шибко ты на батьку похож! Ну, вылитый.

- Ну, как тут не улыбаться, дедушка, - отвечал я. – Когда учился я в военном училище, то тоже был, как дед Онуфрий, и урядником, и помощником комвзвода! И по службе, как и он, дальше не пошёл, и во Христа верую, но вот дедов уклон баптистский не признаю. Вечная Онфрию Максимовичу память и Царствие небесное! - Я перекрестился.

- Вона как, стало быть, ты, внучок, душа православная? Ну, тогда заходи к деду Якову в гости, подарок есть для тебя дорогой, тебе по душе будет, а мне такой подарок в чужие руки отдавать не хочется. Я ведь один остался, Нюрка-соседка за мной присматривает, чтоб я цигаркой дом не спалил. Ха-ха-ха, - на удивление звонко рассмеялся дед.

Подошли Неля с Серёжкой.

- Познакомились? – спросила Неля. – Это, Борис, наш ветеран, Яков Хрисанфыч Бочкарёв, из первопоселенцев. Ему уже 102 года, но, как видишь, ещё на ногах. Стопочку выпьешь, Яков Хрисанфыч?

- Отчего ж не выпить, внучка, - отвечал ей дед Яков, - благословясь, с гостем твоим выпью.

И Неля пошла за обещанной стопочкой. А мне хочется сделать здесь небольшое отступление, исторический экскурс.

Итак, немного истории с географией. Мне не хочется, чтобы читатель запутался в

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

названиях и блуждал на незнакомой местности, поэтому уточняю некоторые детали.

Кыштовский район находится на самом севере Новосибирской области, а до села Кыштовки от областного центра более пятисот километров. Потом порядка семидесяти километров покрытой гравием дороги – и мы в Бочкарёвке, миновав по пути Черновку и Колбасу, сёла более крупные и благополучные. Вот в Бочкарёвке и проживала моя родная тётя по маме Полина Кузнецова, почти всю свою жизнь посвятившая протекающей через село реке моего детства Чёке. Сколько я её помню, тётя Поля работала на реке, специальными приборами замеряя периодически уровень воды, её температуру, скорость и прочее всё такое. Имелась у неё кладовочка с приборами, журналом наблюдений и казённая лодка.

Младший её сын Юра, встречавший нас на лётном поле, окончил у нас в городе Сельхозинститут и трудился в райцентре секретарём райкома комсомола, а дочь Неля, выйдя замуж, так и осталась в Бочкарёвке, унаследовав и материнскую должность на реке.

Но село Бочкарёвка – не моя родина. Моя родина – деревня Шагирка, в семи километрах вверх по течению Чёки. Именно здесь родились мои родители (простите за тавтологию), в Шагирке прошло моё босоногое детство, здесь пошёл я в первый класс и начал познавать окружающий мир.

На север по реке километрах в шести от Шагирки стояла когда-то деревня Чебурда, а ещё в пяти километрах севернее на речке Узас, впадающей в Чёку, жила-была когда-то пограничная деревня Узас. И всё, конец цивилизации.

Если доставало желания и настойчивости, то необходимо было пройти километров двадцать почти полного бездорожья, миновать три Албацких ручья, совершенно непроходимых весной и осенью, и оказаться на границе Васюганья – заповедного края непроходимых болот и урманов, царства клюквы и медведей, уходящего далеко на север в Томскую область.

Все эти деревни и сёла Черновского сельсовета основали в начале двадцатого века переселенцы из Малороссии, с Полтавщины, в рамках Столыпинской земельной реформы. В богатую и сытую Сибирь они уезжали от безземелья, голодухи и тягот общинного жизнеустройства. И уезжали очень грамотно и толково. Сначала на место выезжала «разведгруппа», договаривалась с местным «обчеством», подыскивала место для деревни, оформляла на месте в земельном комитете документы, а затем привозила основной контингент переселенцев с чадами, домочадцами и нехитрым скарбом. И ехали люди сюда вполне спокойно, ибо на базовой для переселенцев станции Транссиба Татарская их уже поджидали уполномоченные по переселению. Здесь, исходя из количества едоков в семье, приезжим выдавалось всё необходимое: кони, коровы, телеги, плуги, посадочный материал. И деньги. Вот так при царе-батюшке проводилась в России земельная реформа. Поучились бы современные «рыночники» у дедов наших, как в стране реформы проводить!

Была ещё во время Отечественной войны между Бочкарёвкой и Шагиркой одна деревня, называлась она Латыши, жители которой, как я теперь понимаю, являлись депортированными прибалтами. Но, как она в сороковом году в один день образовалась, так в начале пятидесятых в один день из неё все жители и съехали, бросив скот, дома, посадки и могилы на кладбище. Деревни не стало, как и не было.

Но вернёмся в Бочкарёвку. Как там дед Яков? А очень даже неплохо – Неля вынесла полграфинчика самогонки, порезала пару-тройку огурчиков с помидорчиками и пригласила Якова Хрисанфыча к столу. А я подошёл и без приглашения.

Мы с дедом приняли по стопочке, дружно хрустнули огурцом и помолчали, каждый думая о своём. Не знаю, о чём задумался дед Яков, а я смотрел на него и диву давался – передо мной сидел человек, родившийся в прошлом веке, переживший три войны и две

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

революции, переживший царя, Ленина, Сталина и даже «кукурузника» Хрущёва.

- Яков Хрисанфыч, - прервал я молчание, - а как, собственно говоря, с деревнями народ определился? Не расскажешь? Ну, приехали в лес, избы поставили, вот и живи коллективно, чем больше народу – тем лучше! Нет, по деревням разделились.

- Да так и было, Михалыч. Сперва вроде как все здесь, на Чёке, определились. Места здесь были для хлебопашества удобные, по правому берегу грива идёт, леса нет, а что было – то расчистили, покорчевали да пожгли. И распахали потом, благословясь. Но ведь человек не только трудом живёт. Была средь нас община баптистская, шибко их на прежнем месте власти гнобили. А здесь они волю почуяли. И пока мы на пригорке церкву ставили, решили Подсадниковы, Коваренки, Побережнюки и Нестеренки отдельным хутором жить. Подыскали место, да и обустроились. А расстояние от церкви до первого дома с землемером шагами отсчитали, вот и образовалась Шагирка. А уж в Чебеурду и Узас ушли бродяги отпетые, которые на земле не хотели трудиться – охотники, рыболовы, углежоги, да добытчики. Промышляли по Узасу, Каинзасу, Майзасу да Ую.

Дед замолчал, достал из нагрудного кармана особым образом сложенный кусок газеты, оторвал одну страничку и начал свёртывать козью ножку. Кисти его были крепкие, с длинными тонкими пальцами, пожелтевшими от табачного дыма и покрытыми трещинами и мозолями от многолетнего труда. Но они ничуть не дрогнули, когда он из кисета насыпал табак в козью ножку и прикуривал от спички, прикрывая огонёк ладонями. Крепкий был дед на удивление.

- Дедушка, а давай по второй, - предложил я по отпускной беззаботности и уже потянулся за графином.

- Нет, Михалыч, благодарствуем, но кто ж с утра вторую пьёт? Разве бездельник или неприкаянный какой!

- А вот скажи, Яков Хрисанфыч, что это ты ко мне по отчеству, да по отчеству? Я ведь тебя в три раза младше, а ты вон какой ветеран, чисто праотец библейский!

- Эх, Михалыч, вы в своём городу все обычаи забыли. Вот ты женат? Дети есть? Живёшь отдельным хозяйством? Значится, ты самостоятельный хозяин и обращения соответственного требуешь! А есть такие, что до седых бород Васьками остаются. Думаю, ты не из таковских!

- Надеюсь, Яков Хрисанфыч. А что это ты за речку такую сейчас назвал – Уй? Я раньше про неё и не слышал.

- А чего ж, значит, слушай. В наших краях из Васюганья четыре реки выходят: Чёка наша, южнее - Майзас да Каинзас, а севернее – Уй. На Ую даже я не был, это самое гиблое место, болота непроходимые да урманы чёрные. Там в Отечественную дезертиры скрывались. Много их набиралось, люди разные – и баптисты, которым по вере убивать нельзя, и уголовники беглые, и просто от фронта бегущие. А все – народ таёжный, с ружьишками да топорами. И все на Уй тянулись перезимовать. Там по реке бобровые деревеньки были, а где бобёр – там и медведь, а медведь – это пудов пять мяса и жира, жить можно! Но шибко спокойно им жить не давали. Наезжали к нам, бывало, энкаведешники в голубых фуражках, оставляли в селе заслон, брали проводников из местных и отправлялись за дезертирами в тайгу. Через недельку возвращались с добычей. Как-то сам видел – на двух телегах везли побитых бородатых мужиков, а на одной лежали мёртвые энкаведешники, но уже без синих фуражек. Эх, война, мать её ити, она и здесь убивала!

На улице послышался рёв подъехавшего трактора. Это прибыл на обед Гена на своём «Белорусе» с тележкой, из которой повыпрыгивали все трое наших пацанов, а из кабины появился и сам Геннадий. Он поздоровался с нами и направился умываться и переодеваться к обеду, а мальчишки обступили нас и, перебивая друг друга, рассказывали,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

как они с Геной участвовали в ремонте моста через реку. Оказывается, там мужики на повреждённом во время весеннего ледохода мосте соорудили самодельный копр и бабой из лиственного комля забивали новые сваи. И, оказывается, по Генкиной просьбе, мужики разрешили им в этом деле поучаствовать, и пацаны целую сваю в речное дно заколотили!

Ну, что тут скажешь? Давно я не видел, чтобы мальчишки радовались труду, как удовольствию. В городе труд для ребёнка – занятие, зачастую, неинтересное и воспринимается им, как наказание.

Тут и дед Яков до дому засобирался, обняв на прощание засмущавшегося Артёмку. Поблагодарил хозяйку за угощение, похвалил мою Наташу за красоту и ушёл, заручившись моим обещанием обязательно прийти в гости.

Здесь и обед подоспел, за которым мы обсудили с Геннадием моё желание посетить родную деревню или то, что от неё осталось.

По Генкиным словам, проехать до Шагирки вполне возможно, там даже мост через Чёку весной поправили, но не в целях поддержания пути на Шагирку, а ради сохранения этого направления в качестве выхода на Васюганье. Хоть и были деревни этого куста разорены, но дорога сюда не пустовала. По ней всё ещё продолжали, особенно интенсивно осенью, перемещаться немалые грузы: кедровый орех из тайги, клюква с болот, добытые охотниками соболя, птица и лоси.

Дорога, на моё счастье, есть. Уточняю у Гены, когда можно будет туда съездить и на чём? Будь я один, я бы и пешком дошёл, не вопрос. Не уверен, что мне поверят, но я одолевал эту дорогу в семь километров один, пешком, будучи учеником первого класса. Но я мечтаю побывать в родном «стойбище» с семьёй, чтобы всё показать жене и сыну и рассказать им, откуда есть пошёл русский человек, сибиряк Борис Нестеренко.

Гена, не задумываясь, сказал, что практичнее всего будет ехать на мотоцикле. Легковушка там не пройдёт, так что или на мотоцикле, или на гусеничном вездеходе, но вездехода поблизости не наблюдается. А поехать он предложил в субботу – и день выходной, и вернуться можно будет прямо к баньке. Помыться после дороги, попариться и отдыхать потом с чувством выполненного долга. Предложения Гены были выслушаны со вниманием и всеми нами дружно одобрены.

Во второй половине дня мои племянники устроили для нас по моей просьбе экскурсию по Бочкарёвке. А я не переставал удивляться мудрости наших дедов. Это надо же было суметь в новых краях, после степной Полтавщины, в Сибирских лесах такое удобное и красивое место для села выбрать! Не имея карт, не располагая вертолётами и дельтапланами, так понимать и чувствовать окружающую природу, что место для села кажется единственно верным в данном ландшафте!

Село протянулось вдоль реки по её правому высокому берегу. Чёка здесь, выходя из леса, делает внушительную петлю, и эта её излучина представляет собой большой пологий холм, на самом высоком месте которого наши деды поставили церковь. Вот вам и центр села. Правда, от церкви остался только первый этаж, превращённый властями в колхозный клуб, но где же ещё отплясывать комсомольцам, как не в разрушенном храме? Рядом находились библиотека, магазин сельпо, радиобудка, дизельная электростанция и чуть поодаль – Правление колхоза. Во дворе клуба тянулись к небу три громадных кедра, возрастом гораздо старше советской власти и явно посаженные здесь чьей-то хозяйственной рукой. Это был привет от моих предков.

Поводили нас ребята по селу изрядно: и кузницу старую показали, в которой не было ни электричества, ни станков, но где подковывал коня старый деревенский кузнец, и к мосту нас сводили, на котором они сваю забивали, и, перейдя по мосту реку, завели нас в заросли малины, из которой мы потом мою супругу еле вытащили - до того вкусна была малина. Вот так и прогуляли мы по селу незаметных часа три, здороваясь со встречными и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

обещая непременно зайти в гости. Сделав по селу изрядный круг, приятно устав и нагуляв аппетит, мы вернулись домой, потеряв мальчишек где-то по дороге. Почаёвничали и передохнули в летней кухне в прохладе и тени.

Не буду здесь подробно описывать, как мы провели два оставшихся дня до субботы, это к делу не относится, но всё складывалось просто замечательно. Мы и купались в реке, и рыбачили, и в лес по ягоду ходили, и один раз даже поблудили немножко, но старый солдат в моём лице быстро сориентировался по солнцу, и мы вышли прямо на тропу, которую потеряли. К Неле постоянно кто-то приходил, чтобы и нас повидать, и про себя рассказать. Круговорот лиц и новых впечатлений не дал заметить, что уже и суббота подошла. Пора собираться в дорогу!

Мальчишки начали собираться загодя, ещё в пятницу. Они готовили жерлицы на щуку, ибо, по их словам, в Шагирских омутах щука обитает крупная и непуганая. Приедем на место, объясняли они Артёму, сразу жерлицы и поставим, наловив старой майкой мальков для наживки. А улов снимать нужно будет по клёву или по отъезду, и широко разводили руки в стороны, показывая размер предстоящего улова. Нас же в дорогу собирала Неля. Она вручила Генке узелок с едой, бидончик домашнего кваса, а Наташе – тюбик мази от комаров и гнуса и пол-литровочку, завёрнутую в полотенце, но вот чего именно, мы с Геной подсмотреть не успели.

Путь предстоял совершенно не дальний, но мы всё равно присели на дорожку, помолчали и начали усаживаться в транспорт: Гена – за руль своего «Урала» с коляской, я – к нему за спину на заднее седло, Наташа с Глебом - в люльку мотоцикла, а племянники на свой мопед. Взревел от перегазовки мотор мотоцикла, и наш маленький отряд двинулся в дорогу.

Путь наш лежал в противоположную от моста сторону, мимо колхозного гаража, по распаханной, покрытой зелёными всходами гриве в лес и далее вдоль речного берега. Дорога то приближалась почти вплотную к реке, то удалялась от неё довольно значительно, но была хорошо заметна под зарастающей её травою и мелким кустарником. Лишь в одном месте мы довольно долго провозились, преодолевая лесной почти высохший ручей, но с препятствием справились. А я ведь помнил это место! Здесь раньше была гать, и я уставился внимательно себе под ноги. Да, вот они, остатки гати, вдавленные в грунт и грязь полусгнившие жерди настила. Я похвалил себя за открытие.

Преодолев ручей, наш караван остановился на перекур. Мы умылись в речке, покидали в рот лесной ягоды, а я рассказал спутникам, что помню, как мы переезжали по гати этот ручей на телеге. Правил конём мой отец, в телеге сидели мой дед Исак и я, ещё даже не ходивший в школу. Куда и зачем мы ехали, я не помню, но помню, что дед Исак, куривший самокрутку, случайно выпавшим огоньком поджёг сухую соломенную подстилку в телеге, мы поспрыгивали с аварийной телеги, а отец, сбросив пылающую солому, матерился так, что в обеих деревнях, наверное, слышно было! Я прикинул в уме, что отцу тогда лет тридцать от роду было, а вспоминается он мне почему-то солидным мужиком, гораздо старшего возраста по виду. Нет, это не отец старым был, это я был тогда совсем маленьким. Мы расселись по местам и тронулись дальше. Ехать оставалось километра три, и они промелькнули без приключений под неумолкающий голос лесной кукушки, прорывающийся сквозь сытое урчание мотоциклетного мотора. Это кукование сопровождало нас до самого последнего поворота, за которым показался деревянный мост через Чёку, а за ним … деревни не было! Была большая прогалина в лесу, но без домов и других построек, без людей и собак, без собачьего лая и гогота гуляющей по улице домашней птицы.

Для Генки это был вид привычный, Наташа вообще ничего не понимала, а я опешил! Нет моей родины, нет Шагирки, воспоминания о которой так прочно во мне сидели, и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

одно дело об этом услышать, и совсем другое – увидеть катастрофу своими глазами. Мы подъехали к мосту, и остановились. Гена пошёл по настилу из тёсаных брёвен на другой берег, и я увязался за ним.

Десятка три шагов – и вот он, другой берег. Я устремляю взгляд налево и вижу на берегу чуть ниже моста деревянный крест, под ним тракторный каток, радиатор с вентилятором и засохшие цветы на них. Вот оно, это место, куда стремилась моя раненая в детстве душа, тревожа меня смутными воспоминаниями и страшными видениями. Здесь в морозные зимние дни в начале 1957 года, в промежутке между Новым годом и Рождеством разыгралась ужасная трагедия, оставившая в моей детской душе неизгладимый след на всю жизнь. По уровню трагизма этой истории здесь Шекспир с его датским принцем и близко не ночевал. У нас, у русских, всё своё, и трагедии в том числе. Я молча перекрестился.

- Ты знаешь, что здесь случилось? – спросила подошедшая Наташа.

- Знаю, - ответил я, - но не сейчас. На привале расскажу.

- Мост осмотрели – можно перебираться, - подключился к разговору Гена, - куда двинемся? Может быть, на могилки? Вон кладбище старое.

Мы приняли от моста вправо и через пару минут уже были на пригорке у кромки леса. Это и было деревенское кладбище. Твёрдо знаю, что где-то здесь похоронена мать моего отца, моя бабушка Мотя, умершая на троицу 1956 года, почти на моих детских глазах. Я её скоропостижную смерть и похороны хорошо помню. Помню, как гроб несли на кладбище, но где её могилка? Бог весть! Уже ничего не найти, не определить, холмики могил почти сровнялись с землёй, всё заросло травой, кустарником и молодыми деревцами – лес наступает. Никаких надписей и рамочек с именами и датами, да и кто бы в деревне подписывал и для кого? Свои своих и так знали.

Наташа достала из сумки Нелину пол-литру, как оказалось, водки «Пшеничная», кружку эмалированную и пару огурчиков. Разместила это всё на капоте мотоциклетной люльки, и мы, никого не выделяя, помянули всех лежащих здесь земляков. Они это заслужили, и не их вина, что страна постепенно приходит в запустение, как и этот забытый людьми погост.

Следующим пунктом остановки должен был стать мой дом, или то, что от него осталось. Заехав со стороны моста в покинутую деревню, мы катим по её бывшей единственной улице.

По обе стороны дороги выделяются квадратные возвышенности на месте разобранных домов. И на этих квадратах вымахала конопля под два метра высотой. Это проросло конопляное семя, которым здесь годами кормили домашнюю птицу. По этим конопляным участкам хоть план деревни составляй! Едем медленно, а я вглядываюсь и стараюсь хотя бы примерно вспомнить, кто и где жил. Проехали «дом» отцовских родителей, школу, клуб, магазин, спустились с горочки на повороте реки – и вот он мой «дом»! Абсолютно точно определяю своё детское местожительство. Можно устраивать привал, а потом погулять, повспоминать, принять по рюмочке на родной земле.

Мальчишки наши ещё не проголодались и сразу же засобирались на рыбалку. А мы их и не удерживали, разве что Наташа их репеллентом намазала. И они ушли, длинноногие и длиннорукие, Серёга самый высокий, Артём на голову ниже и Женя, ниже Артёмки тоже на голову. Их уже ждали щуки в омутах и окуни в затонах, благо вода в речке была тёплая, хоть чай заваривай.

А мы с Геннадием пошли на штурм Наташи, имея в уме ту початую бутылку «Пшеничной», которую открыли на погосте. Расстелили на траве под берёзой покрывало из дому, поместили на него нехитрую закусь и заветную «Пшеничную». Налили в кружку, в крышку от бидончика с квасом и в Генкин дежурный стакан из бардачка по пятьдесят

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

грамм и дружно выпили под первый тост, ощущая полную беззаботность и успокоенность. Вот тут-то Наташа и не выдержала. И вопрос она задала Гене, а не мне, но намёк мне был совершенно понятен.

- Ген, а что за крест у моста стоит? Ты ведь должен знать!

- А я и знаю. Тут давным - давно разбился то ли пьяный тракторист, то ли ревнивый комбайнёр. Деревни нет, и спросить некого. А я ведь из Бочкарёвки.

- А ты меня спроси, Гена, - заявил я к немалому его удивлению. Я-то из Шагирки, я знаю, что здесь произошло. Пусть я был мал, не всё сам видел, не всех слышал, но то, что видел, я помню, а что не помню, то повзрослев, у людей выспрашивал, у родных выпытывал. Уж очень сильное впечатление этот несчастный случай на меня, мальчишку, оказал. Я до сих пор не понимаю, почему наши родители позволили нам наблюдать, как развивалась эта трагедия. Трагедия в жизни, а не на сцене, без оптимистического финала и без общего поклона в конце. История эта настолько безысходна в своей сути, что из неё и выводов-то никаких не сделаешь. Наташа, я обещал тебе рассказать, но мне и самому нужно её из себя выговорить!

- Готовы? Тогда слушайте.

Я довольно хорошо помню день, когда началась эта история. Новый год мы уже встретили, а колядовали на Рождество уже после этого несчастья. Вот так обозначаются дни, в которые возвращает меня память. Лет мне было, наверное, шесть, потому что в школе я ещё не учился, но уже хорошо многое помню. В тот день мы, пацаны, никак не могли дождаться вечера – со вчерашнего дня на клубе висело объявление, что передвижка привезёт в деревню фильм с Чарли Чаплиным, по- моему, «Огни большого города». Мы не знали, конечно, Чарли Чаплина в том далёком 1957 году, но каким-то образом до нас дошло, что фильм будет невообразимо смешной. Так и вышло. Ещё засветло к клубу подкатила полуторка с фанерной будкой, из неё выгрузили киноаппарат, движок с генератором и банки с лентой.

К шести часам вечера начали подходить к клубу взрослые. Пришёл и мой отец. Он у киношника был в авторитете, подключал к проектору генератор, стоящий на улице, обеспечивал работу движка и помогал с порядком в клубе. Отец потому был в авторитете, что не являлся колхозником, а работал на ремонте техники в МТС и, значит, получал зарплату деньгами, располагал выходными и имел на руках паспорт. Колхозники же не имели ничего: ни зарплаты, ни выходных, ни паспортов. Такое вот было разделение народа на «чистых» и « не чистых».

Но вернёмся в клуб. В зрительном (и единственном) зале существовала своя иерархия. Впереди на полу сидели мы, совсем мелочь пузатая, на первых рядах сидели пацаны-школьники и подростки, в середине зала располагались женщины, а последние скамейки занимали мужики. И из их порядков во время сеанса поднимались такие клубы махорочного дыма, особенно отчётливо видимые в луче проектора, что я постоянно удивлялся, как это свет пробивается через дым к экрану. Но свет пробивался-таки, и мы уже до половины посмотрели картину с героем в непривычном для нашего взгляда котелке, катаясь натуральным образом по полу от смеха. Смеялись и взрослые, сопровождая некоторые сцены крутым доморощенным комментарием, тем более, что фильм был немой, а читать по-быстрому строчки на экране было и не с руки после баньки и стакана-другого самогона, и непривычно. Были Новогодние праздники, и это дополняет картину.

Ничто не предвещало беды.

Вдруг дверь в клуб со стуком распахнулась, и в свете проектора в помещение ввалился мужик в полушубке и овчинной шапке. Сначала подумалось, что пьяный, но включили свет, увидели, что человек это не местный, трезвый и только тогда прислушались к его

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

словам.

- Беда, люди! Спасите Фрола! Трактор нужен! – твердил он, как заученно, и толкал мужиков к выходу. Мужики его осадили, привели в чувство: у кого-то в кармане даже четушка оказалась. И, отдышавшись, нежданный гость стал говорить.

Они с напарником в Орловке разобрали дом, погрузили брёвна на тракторные сани и, зацепив их за трактор С – 80, потащили сани с домом куда-то за Черновку. Доехали до нас, и при переправе через мост санные полозья зацепились за какой-то сук и собрали мостовой настил в кучу. Сани провалились в пустоту и потянули за собой трактор, который полетел с моста в реку. Он-то сидел справа и успел выскочить, а напарник, сидя за рычагами, замешкался и выпрыгнуть из кабины не успел, только высунулся наполовину. Так он в лёд и врезался, наполовину в кабине. Трактор пробил лёд, ушёл в воду, наверху торчит лишь часть кабины и голова напарника. Сам-то спасшийся поднялся от реки на дорогу и пошёл за помощью на свет. И пришёл в клуб.

Тут на первый план вышел мой отец. Кто-то сказал, что он тракторист из МТС, на что отец заявил, что в колхозе техники нет и не было, вся техника в МТС, что у него дома стоит под окном колёсный «Путиловец», но с него толку, как с козла молока. И, вообще, нужно идти на место и произвести разведку. (Вот они, фронтовики.) На этом киносеанс был закончен, и все мужики, а за ними и мальчишки, отправились к мосту. На улице было темно, и кого-то отрядили сразу за лампами и фонарями. Мороз к ночи крепчал, но было терпимо, иначе бы я просто никуда тогда не пошёл. Мы потолкались немного у взрослых под ногами и отправились спать, ничего не разглядев и ничего ещё не понимая.

Как потом я узнал, за ночь случилось многое. Мужики на месте падения разожгли костры и отрядили коня и нарочного, чтобы донести до властей эту трагическую новость. В Шагирке тогда телефона не было, и звонить поехал человек ночью в Бочкарёвку. Но прежде мужики обследовали место и участников аварии и поняли, что ничего сами сделать не смогут.

В кабине трактора С-80 и С–100 возле рычагов управления находится железная конструкция для воздухозабора и воздушного фильтра. При ударе трактора об лёд эта конструкция смялась и зажала ноги трактористу. И никаким образом мужики не могли его освободить из тисков и вытащить из воды. Нашлись добровольцы, которые в январе ночью раздевались и спускались в воду у застрявшего во льду трактора. Они, опытные механизаторы, ощупали в кабине всё, до чего смогли в воде добраться. И вынесли вердикт – нужно подгонять пару мощных тракторов и тросами вытягивать весь санный поезд на берег, потому что отцепить сани под водой невозможно.

Но не забывайте, что торчащий по плечи из ледяной воды человек был в полном уме и в трезвой памяти. Что у него ноги были зажаты в стальной капкан и, скорее всего, были сломаны. Что он осознавал весь ужас сложившегося положения. Я это представить не могу. Но узнал потом из разговоров взрослых вот такие подробности.

Единственное, чем смогли облегчить участь несчастного, так разве что накачали его крепчайшим самогоном. А к утру подъехали участковый милиционер, один на десяток деревень, фельдшерица с чемоданчиком, инструктор райкома партии, председатель колхоза из Орловки, откуда трактор вышел в путь, и ещё кто-то, точно не помню.

А к обеду привезли вызванную властями жену несчастного и двух его пацанов лет 15-ти, наверное, прощаться с отцом. И это я описываю уже не со слухов, это я видел сам. У меня в мозгу на всю жизнь осталась эта картина – пробитый лёд, из полыньи торчит часть кабины трактора и человек, погружённый по плечи в чёрную воду. Совершено чёрное лицо со впавшими глазами и белыми, как снег, губами. Начинался второй акт драмы. Начальствующий комитет решил начать активные действия. И решение их было

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

гениальным. Поскольку ноги несчастного невозможно освободить, то их нужно … оторвать. Привели крепкого жеребца с конюшни, двое добровольцев разделись, залезли в воду и обвязали канатами тело несчастного. Тянуть канаты должен был назначенный жеребец. Опять влили в тракториста самогона, а фельдшерица сделала ему какой-то укол. По сигналу милиционера экзекуция началась, конь резво потянул канаты. Боже милостивый, я такого крика никогда больше в жизни не слышал!

Коня остановили, спасаемый, не поддерживаемый канатами, обвис и погрузился в воду. Бывшие рядом кинулись поднимать и закреплять ему голову над водой. Напомню – здесь же на берегу находились жена и дети страдальца, и, как мне сейчас вспоминается, его родители.

Наступал третий акт драмы. Это я тоже видел своими глазами в тот же день, но после обеда. Когда я прибежал на это скорбное место, тракторист уже был в сознании, но только вот что он сознавал? Я услышал какое-то бормотание или причитание в морозной тишине. Подошёл поближе, и отчётливо расслышал, как погибающий человек выговаривает стоящему рядом участковому милиционеру, почти не замолкая, одну и ту же фразу: «Пристрели меня!» На льду, рядом с прорубью валялись пустые бутылки из-под самогона, как сейчас их вижу. Среди людей на берегу ходила одна новость – из Берёзовки идут сюда два трактора С-100 от геологов. Вся надежда только на них. Но уж путь больно длинный.

Я ушёл домой, потеряв к происходящему всякий интерес или пресытившись обилием негативной информации и тяжёлых впечатлений.

А ночью тракторист в проруби умер. К полудню подошли оба С-100 из геологической партии и, зацепив тросами санный поезд, играючи вытащили его на берег. Труп освободили из стальных тисков и отдали родственникам, трактор погрузили на сани и тоже куда-то увезли. А я ещё долго просыпался по ночам, увидев во сне чёрное лицо со впалыми глазами и белыми, как снег, губами.

- Вот такая вот тракторная история, Наташа, - закончил я свою невесёлую повесть, - и мне давно уже надо было её тебе рассказать, но подходящего повода не находилось. Но вот рассказал – и душу облегчил, тяжело было всё это в себе носить. Я и парнишек на рыбалку выпроводил, чтобы они не слушали таких страхов. Не понимаю, почему наши родители позволили нам смотреть на эти ужасы? Или время такое было безжалостное, послевоенное? Не стало человека – не стало и проблемы? Если они так закаляли наш дух, то мой, точно, не закалился, а, скорее, развился в каком-то ином направлении после этой трагедии. Как знать, как сложилась бы моя судьба, не повлияй на мою душу тёмная сила произошедшей драмы? Я был бы другим – это точно!

Воцарилась тишина.

- Ну, брат, развёл ты тут антимонии, - крякнул Гена, - вон какой тоски нагнал! Мы что, сюда страшилки слушать приехали? Ну, так мне – не страшно! Я понял из твоего рассказа, что крепок мужик сибирский: и рвали его конём, и в воде топили, и в проруби замерзал, а чуть не двое суток жив оставался! Да и, судя по возрасту, фронтовик был. Вот за таких давайте выпьем, помянем.

Он наполнил нашу тару, и столько доброй энергии излучало его лицо, столько оптимизма звучало в его словах, что на сердце у меня полегчало, и я с удовольствием поддержал его предложение. Кто знал тогда, что жить Геннадию оставалось всего-то лет шесть. Что при заготовке дров в лесу его убьёт падающей лесиной, и семья останется без отца, мужа и работника. Лежит он сейчас в Бочкарёвке на погосте и ему ничего уже не страшно…

После стопочки-дугой разговор возобновился в благодушном тоне, мы пошли гулять по Шагирке в районе нашего «дома». Нашли остатки пасеки, пчёлы с которой однажды загнали меня в реку, нашли на реке заводь, богато украшенную цветущими кувшинками.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А там и мальчишки подошли с рыбалки, довольные выше крыши – на кукане несли они четырёх окуней размером с мой полуботинок и пару щучек, по полметра длиной каждая. Вот это рыбалка!

Как же мала была наша деревня. Только теперь, стоя на пригорке практически в центре селения, я мог охватить взглядом всю территорию. Вон там – мост, справа кладбище, а прямо на меня простирается бывшая главная и единственная улица деревни, спускается с пригорка, на котором я расположился, делает резкий поворот вправо, повторяя излучину реки, и на речном же берегу обрывается. Предпоследний слева дом, вернее, квадрат гигантской конопли на месте усадьбы, и является тем местом, куда мы с моим двоюродным братом Федькой, будучи лет шести от роду, надумали залезть в поисках мёда. Знали ведь, что у дяди Марка в огороде стоят ульи, вот и решили полакомиться, предприимчивые, но бестолковые. Ах, как же нас гнали пчёлы из огорода! Прекрасно помню, как я влетел в избу, дико крича и хаотически отмахиваясь. Отец был дома во дворе, сначала ничего не понял, потом, по-видимому, атакованный пчёлами, круто матюгнулся и, схватив меня сзади за рубашку, рыкнул мне в спину: «В реку!» И мы понеслись к Чёке, благо до берега было, как я сейчас вижу, всего-ничего. Момент – и мы уже в реке, только макушки торчат из воды. Вот так я за мёдом слазил в чужой огород!

- Ну что, сынку, помогли тебе твои ляхи? – приговаривал отец, когда мы вылезли на берег и шли до дома, он – мокрый весь, а я – с интенсивно распухающей физиономией.

Что это значит, я не понимал, да и теперь не совсем понимаю, причём тогда была эта фраза из «Тараса Бульбы», но привожу этот случай в доказательство того, что отец мой был человеком начитанным и с чувством юмора. И юмора, надо сказать, весьма оригинального. Так, однажды зимой, в трескучие морозы, он вошёл в дом с улицы с топором в руке, а топор был покрыт красивыми морозными узорами. Я и рот открыл, когда высунулся с печи и увидел такую красоту. Отец отреагировал моментально: - Красиво? На, лизни! – и протянул топор мне к лицу. Ну, я и лизнул… Как же он смеялся, когда мой язык прилип к раскалённому от мороза обуху. Вот такой юморист был мой покойный отец. О родителях плохо не говорят, а для меня отец вообще был непререкаемым авторитетом. И оставался таковым до тех пор, пока я, будучи уже лет четырнадцати от роду, всё-таки решился прекратить его пьяные издевательства над мамой, сгрёб отца в охапку, завалил его на кровать, связал и дал выволочку его же брючным ремнём. В скорости после этого он из семьи ушёл. И Бог с ним.

Жена моя в это время заставила мальчишек перекусить нехитрыми нашими запасами, и они, особенно Артёмка, начали донимать меня разными вопросами по истории деревни и назначению остатков почти уже невидимых строений. Благодаря этим вопросам, я вспомнил, что совсем уж в раннем детстве мы жили в другом месте деревни, рядом с избой деда Исака. Мы пошли искать это место, основываясь даже не на памяти моей, а на каком-то шестом чувстве. И нашли! Мы определили место, на котором стоял мой первый в этой жизни дом, дом, с которого я отчётливо помню себя как личность. В густых зарослях гигантской крапивы и конопли что-то темнело. Раздвигая их подобранной хворостиной, я подобрался поближе и обнаружил вросший в землю … «Фордзон-путиловец»!

Да, это был, бесспорно, он – отцовский трактор, постоянно стоявший под нашим окошком. Вот потому-то он и стоял, что был не на ходу, красавец – железные колёса с огромными шипами, дырчатое металлическое сиденье на листовой пружине, кабины нет, а из двигателя сбоку торчит большой шкив для привода на молотилку. Изготовлен он был, видимо, так основательно, что разобрать его в своё время инструмента не нашлось, а целиком вывезти у кого-то руки не дошли. Вот и земляка нашёл, подумалось мне, а мальчишки просто обалдели от вида этого монстра. Серёжка с Женей тут же начали

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

строить планы по эвакуации этого раритета.

Время пролетело на удивление быстро, и Гена сказал, что пора и домой подаваться. Погостили - и будет, тем более, что погостили хорошо. Столько историй, воспоминаний и находок для нашей маленькой экспедиции я и сам не ожидал. А меня не покидало чувство удивления от того, как мал был на самом деле тот мир, который мною в детстве ощущался огромным и таинственным. Вся моя вселенная того времени помещалась теперь на трёхстах метрах лесной опушки и речного берега. И эта вселенная скоро совсем потеряется в сибирском лесу, мост сгниёт, а дорога зарастёт… Потом придёт очередь Бочкарёвки, потом - России. Нет, народ не разъезжается, народ вымирает. Прости, Шагирка, мы больше сюда не приедем. Это точно.

Сборы были недолги, рыбу ребята ещё перед обедом посолили, чтоб не пропала, тщательно затушили костерок – и по коням!

Прощай, Шагирка, несуществующая уже моя родина! Прощайте, славные мои родичи и земляки, простите нас, коли что не так. Спасибо вам за землю эту, за эту реку и лес, за небо над головой и ласковое солнце. Спасибо вам за жизнь! Дай Бог, чтобы меня помнили так, как помню вас я – крепко, с любовью и благодарностью…

Как я нашёл тестя

Дописывая Варлама Шаламова

Я хочу познакомить вас с одним человеком. Это – мой первый тесть Постников Семён Андреевич, царство ему небесное. Родом он откуда-то из Донбасса, из Горловки, из беспризорного детства. Вот и всё, что я знаю о его отрочестве и юности.

Меня познакомила с Семёном Андреевичем его дочь Галина, моя будущая первая жена. Она вместе с папой приехала в Новосибирск после выхода отца на пенсию в Магаданской области. В нашем городе Семёном Андреевичем в предвидении пенсии был заранее прикуплен небольшой домик, в котором они и проживали втроём, вместе с бабушкой Галины по материнской линии, дожидаясь выхода на северную пенсию и приезда мамы, Постниковой Зинаиды Алексеевны. По прибытию которой в Новосибирск и состоялась моя первая в жизни свадьба.

Но, впрочем, речь не о них, не о бабушке, не о моей тёще и не о моей первой и не самой лучшей жене. Продолжим знакомиться с первым в моей жизни тестем, Постниковым Семёном Андреевичем. Мы как-то быстро сблизились с ним душевно. Был он человеком простым, беззлобным и непосредственным. Высокий, худой, даже тощий, с лицом, обтянутым сухой кожей, из-под которой выпирали острые скулы. Имел впалые щёки вследствие вставной челюсти и небольшой, сломанный в каких-то жизненных передрягах нос. Вышел он на пенсию с должности завгара, всю жизнь прослужив, по его словам,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

возле автомобилей.

Приехав в Новосибирск, дома Семён Андреевич не засиделся и устроился в Ленинское отделения Госбанка в отдел Инкассации, где довольно быстро стал старшим смены. Должность по тем временам была не из последних. В пору повсеместного и сплошного товарного дефицита иметь свободный доступ в любой инкассируемый магазин, столовую или ресторан давала немалое разнообразие в ежедневном пищевом рационе и винной, что для нас было важнее, карте. Частенько мы делили с ним на двоих бутылочку портвейна или, что реже, поллитровку водочки, но уже пригласив за компанию соседа Сашу Матвеева. Тёща, Зинаида Алексеевна, конечно, ворчала на нас, но до скандала дела не доводила. Была она женщиной властной, командиршей в семье и диктатором в быту. Помню отчётливо, как она отреагировала однажды на поздний приход Семёна Андреевича с работы. На его попытки объясниться, что, мол, ездили в тир сдавать зачёты по стрельбе, она моментально отреагировала словами: - Что, не настрелялся ещё, стрелок?!... И пусть это будет первым следом в моих «поисках» тестя.

А что обычно делают русские мужики за бутылочкой? Они, конечно беседуют за жизнь. И мы беседовали. Меня, как сына фронтовика – орденоносца, интересовал вопрос участия моего тестя во всём этом сумасшествии под названием Вторая мировая война. Ведь возраст у него к тому времени был самый «пушечномясной» - год рождения 1920! Но единственное, что мне удалось из него вытянуть по этому вопросу, это что в «армию» - я намеренно беру это слово в кавычки – он был призван в возрасте 19-ти лет в 1939 году в период компании по омоложению её рядов. И всё. Молчок. Больше об этом ни гу-гу. И пусть это будет вторым следом в моих «поисках» тестя.

Так о какой же армии говорил Семён Андреевич? Всю свою сознательную жизнь, я подчёркиваю – всю жизнь от призыва до выхода на пенсию, он провёл в Магаданской области. А если точнее, то на Дальстрое. Не было в те злопамятные времена ни автономных округов в тех краях, ни Якутии, а была провинция Дальстрой империи по имени ГУЛАГ. И «армия» там была соответствующая. Но мой тесть настойчиво умалчивал об этой армии и о том, какими путями он попал на Дальстрой, но топоним этот частенько мелькал в его воспоминаниях. Как и другие местные названия, красивые и звучные. Сусуман, Мяунджа, Аркагала, Кадыкчан, Буркандья, прииск, с которого он вышел на пенсию – всё это посёлки Сусуманского района Магаданской области. И пусть это будет третьим следом в моих «поисках» тестя.

Надо сказать, что в жизни Семён Андреевич был человеком добродушным, я бы сказал даже добрым, отзывчивым и незлопамятным. Находясь под каблуком жены, он все более-менее значимые поступки совершал после непременного её одобрения. Как-то у Зинаиды Алексеевны возникла необходимость репрессировать кошку, покрывшуюся каким-то лишаём. На мой вопрос, а как же Семён Андреевич, я услышал от тёщи, что он из дому уходит, когда она рубит голову курице. Добрейшей души человек был Семён Андреевич. И каково же было моё удивление, когда его дочь, моя первая жена, по какому-то случаю, уже не помню точно, проболталась мне, что её папа, оказывается, «сидел» после войны, «мотал» срок, и довольно немалый. Я был буквально ошарашен этим фактом, но все мои вопросы по этой теме были оставлены без ответа. Единственное, что я услышал от жены, это просьбу, не возвращаться к этому вопросу более никогда и ни с кем, потому что эта тема у них в семье запретна. И пусть это будет четвёртым следом в моих «поисках» тестя.

А теперь, заинтересованный, надеюсь, читатель, проведя тебя по следам в моих «поисках» тестя, я хотел бы привести здесь объёмистую цитату из «Колымских рассказов» Варлама Шаламова и завершить эти «поиски» интересным и, желательно, убедительным результатом.

Итак, Варлам Шаламов, сборник «Левый берег», рассказ «Зелёный прокурор».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Количество «секретов» и «оперпостов» было резко увеличено – охота за беглецами была в полном разгаре. Летучие отряды прочёсывали тайгу и наглухо закрывали «освобождение через зелёного прокурора» - так назывались побеги. «Зелёный прокурор» освобождал всё меньше, меньше и, наконец, перестал освобождать совсем.

Пойманных обычно убивали на месте, и немало трупов лежало в морге Аркагалы, ожидая опознания – приезда работников учёта для снятия отпечатков пальцев мертвецов.

А в десяти километрах в лесу от угольной аркагалинской шахты в посёлке Кадыкчан был расположен такой «оперпост», где содаты спали, ели, вообще базировались.

Во главе этого летучего отряда летом сорокового года стоял молодой ефрейтор Постников, человек, в котором была разбужена жажда убийства и который своё дело выполнял с охотой, рвением и страстью. Он лично поймал целых пять беглецов, получил какую-то медаль и, как полагается в таких случаях, некоторую денежную награду. Награда выдавалась и за мёртвых, и за живых – одинаково, так что доставлять «в целости» пойманного не было никакого смысла.

Постников со своими бойцами бледным августовским утром наткнулся на беглеца, вышедшего к ручью, где была засада.

Постников выстрелил из маузера и убил беглеца. Решено было его не тащить в посёлок и бросить в тайге – следов и рысьих, и медвежьих встречалось здесь много.

Постников взял топор и отрубил обе руки беглеца, чтобы учётная часть могла сделать отпечатки пальцев, положил обе мёртвые кисти в свою сумку и отправился домой – сочинять очередное донесение об удачной охоте.

Это донесение было отправлено в тот же день – один из бойцов понёс пакет, а остальным Постников дал выходной день в честь своего «успеха»…

Ночью «мертвец» встал и, прижимая к груди окровавленные культяшки рук, по следам вышел из тайги и кое-как добрался до палатки, где жили рабочие-заключённые. С белым, бескровным лицом, с необычайными синими безумными глазами, он стоял у двери, согнувшись, привалясь к дверной раме, и, глядя исподлобья, что-то мычал. Он трясся в сильнейшем ознобе. Чёрные пятна крови были на телогрейке, брюках, резиновых чунях беглеца. Его напоили горячим супом, закутали какими-то тряпками страшные руки его и повели в медпункт, в амбулаторию. Но уже из избушки, где жил «оперпост», бежали солдаты, бежал сам ефрейтор Постников.

Солдаты повели беглеца куда-то – только не в больницу, не в амбулаторию – и больше о беглеце с отрубленными руками никто ничего не слышал…»

Вот так, идя по малочисленным и малозаметным следам, я «нашёл» своего тестя, Постникова Семёна Андреевича, «нашёл» его у многолетнего лагерного сидельца и пронзительного русского писателя Шаламова Варлама Тихоновича. Его ефрейтор Постников в сороковом году в Кадыкчане и мой тесть Постников, призванный в 39-м, проживший от призыва до пенсии в Сусуманском районе Колымы и отсидевший солидный срок после низвержения Берии, - это один и тот же человек. И никто не убедит меня в обратном.

Судьба семьи Семёна Андреевича сложилась незавидным образом. Начну с дочери их Галины. Женою она оказалась меня не устраивающей, мы с нею благополучно развелись в 1979г. и пошли в разные стороны. Нормальной семьи создать ей так и не удалось, помыкалась она по разным мужьям, прижила ещё дочку и умерла довольно нестарая ещё от рака груди. Нашего совместного сына Артёма мне кое-как удалось из этой среды выцарапать и вырастить из него вполне приличного человека.

Старший сын их Андрей оставался на Колыме, женился там, но потом жена его повесилась, и сам он тоже то ли повесился, то ли застрелился, то ли пьяный утонул на рыбалке, и Бог с ним.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Сам Семён Андреевич заканчивал свой путь земной в тоске и мучениях. Что-то там в ногах его приключилось нехорошее с сосудами, и эскулапы советские начали отрезать ему ноги по частям – сначала отняли ступни, потом голени, потом в бёдрах отрезали и, наконец, выстригли всё, что можно было, непосредственно из таза. Вот так, умаляясь на глазах, ушёл из жизни по частям мой первый в жизни тесть Постников Семён Андреевич. И в этом видится какой-то символ…

И, наконец, тёща моя первая, Зинаида Алексеевна. Она пережила всех, кроме меня, разумеется. Она до последних дней сохраняла ясность ума и вполне уважительное ко мне отношение. Случалось, нечасто конечно, но заходила ко мне в гости, вполне приняла мою новую семью, жаловалась на подростковые выходки Артёма, моего сына и её внука, жившего в то время с ней. Всё, как обычно бывает у нормальных людей, и поэтому слова плохого я о ней не скажу.

Конечно, исходя из всего вышеизложенного, можно было бы сказать, что Бог покарал моего тестя. Но сказать это я не могу, да и не хочу. Кто я такой, чтобы судить о правомерности суда Божьего? Да и «следы», отысканные мной, всё же не тянут на неоспоримые, приемлемые для суда улики. Ведь всё это может быть и совпадением. Хотя я в такие совпадения не верю.

И последний, но очень важный для меня вопрос. Как быть с Артёмом, моим сыном и внуком Семёна Андреевича? Рассказать ли ему о моих изысканиях? Разрушить ли в его душе образ доброго деда, которого он любил больше всех в той семейке? Если «да», то ради чего? Только ради сухого принципа – правда любой ценой? Я всё же склоняюсь к мысли ничего Артёму не рассказывать, но не из чувства жалости, а из пожелания, чтобы каждый жил с теми знаниями, которые он приобретёт сам, благодаря своим силам, своему уму и своему желанию. Навязанное знание может оказаться не только вредно, но и вполне губительно.

Как ты ТАМ, Семён Андреевич???

14 апреля 2011г. Г. Новосибирск

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Михановский Вадим Семёнович

Жизнь свела меня с этим человеком вроде бы случайно, но что-то сомневаюсь я в этой случайности. Два человека, проживая в одном городе и занимаясь русской словесностью, просто не могли не встретиться. Я не буду здесь сравнивать уровень этих литературных занятий, я просто хочу указать на общность наших интересов, которая и привела к неожиданной встрече. И я сразу хочу сказать судьбе «спасибо» за знакомство с этим незаурядным человеком – Михановским Вадимом Семёновичем.
Познакомились мы с ним в Новосибирской писательской организации, куда я зашёл в первый ещё раз со своими дилетантскими претензиями на членство. Встретивший меня Секретарь Шалин Анатолий Борисович в ответ на моё заявление о том, что я писал и буду писать о Суворовском нашем братстве, сказал, что за стенкой у него как раз сидит сейчас один суворовец, с которым он может меня познакомить.
Когда мы вошли в соседнюю комнату, там вели беседу два человека, один из которых сразу встал, проявляя непоказную воспитанность, и я понял, что он и является обещанным суворовцем. Высокий, стройный с атлетической не по годам фигурой, с седой гривой волос и орденом на груди – он сразу же произвёл на меня впечатление незаурядного человека, а первое впечатление редко бывает обманчивым. Знакомство состоялось, а сопровождалось оно со стороны Вадима Семёновича предложением отбросить по-кадетски эти светские условности и обращаться друг к другу на «ты» и по имени, что было для меня приятно, но несколько затруднительно в силу разницы в возрасте в целое поколение. Да и жизненный опыт давал себя знать – Вадим Семёнович оказался Воронежским суворовцем набора 1943 года и участником исторического Парада Победы в Москве в 1945 году. И теперь я с гордостью могу сказать, что в его лице я приобрёл искреннего друга и опытного наставника. Мне хочется о нём вам рассказать.
Родился Михановский Вадим Семёнович на одной из погранзастав Дальнего Востока 02 марта 1930 года. Историк по образованию. Член Союза журналистов России с 1958 г. В годы войны подростком ремонтировал боевые самолёты в прифронтовой, позже – в стационарной авиамастерской, на знаменитом Новосибирском Чкаловском авиазаводе клепал фюзеляжи истребителей. В конце 1943 года был направлен в Воронежское суворовское военное училище. Участник исторического Парада Победы в Москве в июне 1945 года. Ветеран ВОВ. Капитан запаса. Сотрудничал в газете «Алтайская правда» и на краевом радио. В командировках буквально изъездил весь Степной и Горный Алтай. Выступал с репортажами и очерками на Всесоюзном радио, в «Советском спорте», «Литературной газете». В журналах «Спортивная жизнь России», «Сибирские огни», «Новосибирск» и др. Совместно с композитором Георгием Ивановым создал пьесу «Два цвета времени», поставленную на сцене Новосибирского театра музкомедии, которая была выдвинута и принимала участие в конкурсе на соискание Государственной премии СССР. Является лауреатом премии ВДНХ и Союза журналистов СССР за очерк о семье новосибирских конструкторов новой сельхозтехники. Награждён орденом «За заслуги перед отечественной журналистикой» 1 степени и др. правительственными наградами.
Но это всё сухие факты, а душу Вадима Семёновича можно понять, читая его замечательные произведения и слушая волнующие воспоминания. Вот, например, как он рассказывает о своих первых днях в стенах Воронежского СВУ.
«В тяжёлое время, сразу после Курской битвы, в СССР стали открываться Суворовские и Нахимовские военные училища, похожие во многом на старые кадетские корпуса. Одним из первых создано было такое училище в Воронеже – Вж СВУ. Город был полностью разрушен, как и Сталинград. Здесь два года прямо через центр проходила линия фронта.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Лишь на левом берегу реки, в заводском районе, который звался «Придача», уцелели два корпуса военного городка, построенного ещё в царское время. В нём и разместилось Суворовское, начальником которого был назначен бывший выпускник Псковского кадетского корпуса, сын Георгиевского кавалера, генерал-майор Баланцев…»
«Первое знакомство начальника училища с будущими подопечными состоялось на моих глазах. Поэтому рисую картину так, как она мне запомнилась… Перед широкоплечим, плотным генералом стоит худенький отрок в заплатанной стёганке и в широких лаптях. Между ватником и лаптями – светло-серая полоска онучей, перевитых до колен домотканой верёвкой. Отрок словно шагнул с дореволюционной картинки в Букваре под названием «Крестьянские дети».
Мне более привычно продолжить рассказ стихами, поэтому приведу далее своё стихотворение, навеянное воспоминаниями Вадима Семёновича.

ПЕРВЫМ СУВОРОВЦАМ СССР

«Где вы, братья-кадеты
Самой первой волны,
Кто со мной в 43-ем
Прорастал из войны?
Прорастали и смело
В жизни шли до конца
И не раз под прицелы
Подставляли сердца!»
(Вадим Михановский)

Пацан стоял в худых лаптишках,
Отца утратив на войне,
По виду вроде бы мальчишка,
По факту – труженик вполне.

Познал он рано вкус работы,
Покуда батя воевал -
Он боевые самолёты
Для фронта год уже клепал.

Теперь стоит в строю в онучах,
Не понимая, почему
Его привёл счастливый случай
В строй новобранцев СВУ?

Ну, как страна в войне кровавой
Всё для него найти смогла
И боевого генерала
Ему в наставники дала?

Тот был в бою, горел в огне
И, словно равному вполне,
Мальчишке руку крепко жал
Орденоносный генерал.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Дела великие творились
В те легендарные года –
И в 43-ем очутились
В строю мальчишки навсегда.

Уже побитые судьбою
И обожжённые войной,
Всё брать обученные с бою,
Судьбы не знавшие иной.

И поколенье состоялось!
Спасибо, Родина, тебе,
Что в ту годину догадалась
Стать их наставницей в судьбе.

Потом сполна они заплатят,
Как ты учила их платить -
На долю их конфликтов хватит
И хватит крови, чтоб пролить!

Но ни о чём не сожалеет
Тот 43-его набор,
Вот жаль, что круг его редеет,
Со смертью уступая спор.

Страна моя, в каких сусеках
Таких нашла богатырей,
Готовых всякую прореху
Заделать жизнею своей?

Готовых рвать зубами глотку,
Себя и в малом не щадя,
И в том была твоя находка
И гений мудрого вождя!

А теперь вновь вспоминает Вадим Семёнович Михановский..
«Автор этих строк прибыл в Вж СВУ с одной из самых первых групп в октябре 1943 года. В старшей, первой роте, которой командовал капитан-краснознамёнец Василий Тимофеевич Борисенков, уже находилось десятка полтора ребят. Все – тринадцатилетние, почти все успели поработать в колхозах и совхозах, на заводах и военных мастерских, некоторые были сыновьями полков, почти все прошли через голод и холод военной поры, эвакуацию и блокаду…
И вот мы здесь! Остриженные после бани наголо, в одинаковом обмундировании с малиновыми погонами, отороченными белым кантом, мы все походили друг на друга, как один выводок у клушки.»
«Сейчас бы я добавил: и были очень хорошие учителя. Их, ушедших на фронт из школ, в том числе и с институтских кафедр, направили в конце 1943 года в Суворовские и Нахимовские училища для организации учебного процесса… И они, эти наставники, имена которых с благодарностью вспоминают до сих пор мои побратимы, в короткое

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

время сумели дотянуть нас до стартовых позиций, с которых продолжился наш жизненный путь.»
И вновь я позволю себе продолжить этот очерк своим стихотворением по мотивам воспоминаний Вадима Семёновича.

СТАЛИН И СВУ

В эпоху грозных испытаний,
В год 43-ий фронтовой
Усыновил товарищ Сталин
Вас государственной рукой.

И вы в сиротстве не пропали,
И голод вас не подкосил –
Вас спас тогда великий Сталин,
Не пожалев ни средств, ни сил.

Проста история кадетства,
Когда в неё я заглянул -
У вас война украла детство,
А Сталин вам его вернул.

Пусть говорят, что был тираном
И ни за что мог расстрелять -
Но для тирана как-то странно
Сирот в дворцы переселять.

А вы, элита перестройки,
Новоявленный «высший свет»,
Пролезли в князи из помойки
И что вам дела до кадет?

Вам СВУ обузой стали,
Завет Суворова постыл,
Эх, был бы жив товарищ Сталин –
Он вас бы вмиг окоротил!

Восстань, великий укротитель
Алчбы и подлости людской,
Советских СВУ родитель –
Ушёл ты рано на покой!

Во время первой нашей встречи меня глубоко поразило горькое чувство в голосе Вадима Семёновича, с которым он признал, что стройные шеренги суворовцев первого призыва редеют с каждым годом, несут невосполнимые потери. Он вспоминал своих однокашников поимённо и с чувством гордости за их достойную жизнь. Вадим Семёнович – гражданин, и об этом, в первую очередь говорят все его произведения. Приведу ещё одну его цитату.
«После одной из наших традиционных встреч на воронежской

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

земле, когда оказалось, что пофамильный список нашей роты поредел больше, чем наполовину, у меня невольно родились строчки, обращенные к моим однокашникам, погибшим в различных горячих точках — от Анголы и Египта до Вьетнама, Кореи, Кубы и Афганистана:

Где вы, братья-кадеты,
Самой первой волны,
Кто со мной в 43-м
Прорастал из войны?
Прорастали и смело
В жизни шли до конца,
И не раз под прицелы
Подставляли сердца!

Как ни горько это говорить, но ничего не изменилось в этом плане и полвека спустя! Не думаю, что за это время поумнели военачальники и политики. Устраивая локальные войны и так называемые оранжевые революции, взрослые дяди из вполне респектабельных государств толкают на гибель кого угодно, только не себя и своих отпрысков. Зато очень громко рассуждают в парламентах и прессе о свободе, равенстве, демократии, плюрализме, толерантности и прочем словоблудии, за которым стоят искалеченные ими же души молодых людей. Те пока ещё верят громким фразам, пока ещё не сомневаются ни в красиво звучащих лозунгах, ни в том, что они совершают по указке со стороны.

* «Для того, чтобы государство благоденствовало, чтобы народ был счастлив в этом государстве, им должны управлять специально подготовленные граждане. Для этого обязательны следующие условия:
1. Эти граждане должны быть хорошо воспитаны и хорошо образованы.
2. Воспитываясь, они должны жить вместе. Воспитывает коллектив!
3. Воспитание должно быть всеобъемлющим — моральным, религиозным, художественным, музыкальным, спортивным, военным.
4. После получения такого образования воспитанник должен служить государству как воин.
5. Лучшие из воспитанников в последующем должны обучаться ещё и философии, в том числе и государствоведению. Лишь после этого они должны управлять государством, а лучшие из лучших возглавлять его».
(Из бесед Платона с учениками о «Законах» и «Государстве».)
Как говорится, не убавить, не прибавить.»
А в заключение этого небольшого очерка о суворовце первого призыва и моём старшем друге Вадиме Семёновиче Михановском я приведу своё, посвящённое ему стихотворение.

СТРЕЛЕЦ ИЗ БЛИЗНЕЦОВ

«Сам не верю: шесть десятков лет
Нашенской суворовской дружине!
Но за тех, кого сегодня нет,
Тихо встанем и бокалы сдвинем…
… Мы стрельцы в созвездье Близнецов».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

(Вадим Михановский, Воронежский первосуворовец)

* * *

Мой старший друг, ты крепок, как атлет,
Ты строен, сед и опытом увенчан,
В одном лице кадет ты и поэт,
Король пера и покоритель женщин.

Первосуворовец – таинственно звучит
Для младших поколений слово это,
Являет выправка твоя, и внешний вид
Нам образец советского кадета.

Вадим Семёныч, дорогой мой человек,
Воронежский суворовец былинный!
Суров бывал к тебе двадцатый век,
Но ты прошёл достойно путь свой длинный.

В стихах своих ты к Господу воззвал,
Чтоб к двум семёркам Он добавил третью,
А сам восьмой десяток отшагал,
И дай-то Бог, десяток не последний!

На службе у словесности родной
Ты состоишь с полста восьмого года,
Вадим Семёныч, кто ещё с тобой
Сравнится из Суворовской породы?

Кадет и друг, ты мудр, как старый змей,
Ловлю внимательно взыскательное слово,
Которое по доброте своей
Даруешь мне, принявши вид суровый.

Твой интеллект – гранитный обелиск,
Твёрд и высок, впечатан прямо в небо,
Он возносил тебя в такую высь,
К которой никогда я близко не был.

Завидую я участи твоей,
Кадет, поэт и описатель судеб,
Живёшь достойно ты среди людей
Своею жизнью. А другой – не будет.

Ты родом из военных пацанов,
Одевших алые погоны в сорок третьем,
Стрелец ты из созвездья Близнецов
Без братьев, что ушли от нас в бессмертье…

13 июня 2012г. Новосибирск

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Свинячий супчик рассказ из цикла борискины записки

Записка первая

Что тянет человека к перу и бумаге, в данном случае, к клавиатуре и монитору? Почему так неодолимо хочется припомнить, как можно больше, и заглянуть в прошлое, как можно глубже, перенося возникающие, не совсем ясные картинки на бумагу? Кто ответит? Ну, допустим, напишу я про своё детство рассказ один – другой, и кому это будет интересно, кто потратит своё время на чтение? Ведь это будут записки о моём детстве, а у остальных людей оно было своё, неповторимое, зачастую, ничем примечательным не отличающееся, но, тем не менее, вызывающее вполне определённые тёплые чувства. А моё – оно персонально моё, и интересно может быть только для меня. И тут в мои рассуждения прокрадывается некое сомнение в правильности моих предположений. Конечно, детство у людей строго персональное, но если в некоторых воспоминаниях обнаружатся общие черты, созвучные чувства, близкие оценки, то и читателям будет интересно убедиться во всеобщности, так сказать, их детских переживаний. Убедиться в том, что всё у них в детстве было в порядке, всё «как у людей», и нечего комплексовать и кукситься на «несчастливое» детство.

А по поводу правомочности перенесения воспоминаний на бумагу в виде печатного текста, то для меня ответ здесь лежит на поверхности. Вот выхожу я, допустим, из ограды на улицу и вижу, что на тротуаре за ночь намёрз ледок. Но я ведь не задаюсь вопросом, а нужно ли мне дорожку почистить, и кто будет по ней ходить. Нет, я просто беру лопату или пешню и скалываю лёд. Я всем нутром своим чувствую, что это нужно сделать. Вот и про детство своё написать я чувствую неодолимую потребность. А там как Господь положит…

Какая такая надобность толкает людей на обнародование своих воспоминаний или фантазий? Мне здесь видится множество причин для этого довольно рискованного предприятия. Да, причин много, но цели у людей, рискнувших заняться писательством, практически всего две.

Часть людей, я бы причислил их к неутомимому роду оптимистов, пытается таким образом найти скрытые смыслы и неочевидные мотивы в окружающем мире и в той, на первый взгляд, бессмысленной суете по добыванию хлеба насущного и называемой кратко - человеческой жизнью. Эти люди бесстрашно погружаются в самые глубины своего «Я», открывают читателю самые потаённые уголки своей души, не устрашаясь ни упрёков в индивидуализме, ни предвзятого непонимания, переходящего в активное неприятие тех нравственных категорий, на которых зиждется внутреннее самостояние новоявленного писателя. В самом общем случае о цели их писательских трудов можно сказать, что эта цель описывается в пределах Основного вопроса философии. А как он звучит? Правильно: «В чём смысл жизни?»

Вторая половина писателей, воспоминателей и мемуаристов отнюдь не озабочена сложными философскими вопросами. Нет, она просто не принимает эту жизнь, считает её бессмысленной и жестокой, она элементарно боится и этого мира, и этой жизни. И бежит от неё в иной, неземной и справедливый, выдуманный виртуальный мир фантастических романов, бесконечных сериалов, детективов и комиксов. Выдумать новый справедливый мир гораздо легче, чем попытаться этот сделать хоть на малую толику удобней для житья.

Вот и меня не минула участь эта, и я собрался-таки с силами и приступил к давно задуманному делу – написать несколько страничек о своём раннем детстве. Именно о раннем, ограничивая этот период походом в школу сверху и, сколько вспомню со своего рождения, снизу. Я до того заряжен этой темой, что мне уже снятся какие-то сценки из

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

детства и целые абзацы из будущих рассказов. А это значит, что нужно собраться с духом и приниматься за дело.

А начну я этот свой рассказ попыткой проникнуть в прошлое как можно глубже, обстоятельно вспоминая любые мелочи, анализируя их и дополняя непротиворечивыми результатами логических построений. С Богом!

Итак, что же я помню из самого-самого раннего? Нужно найти в памяти такой эпизод, чтобы по нему можно было провести хронометраж и определить, с какого возраста я себя помню.

Деревня наша Шагирка стояла на речке Чёке на самом севере Кыштовского района Новосибирской области. Основанная Столыпинскими переселенцами, она располагалась по левую сторону Чёки, в красивой излучине реки на приметно поднятом берегу. Это небольшое возвышение земли (как и любое другое) в деревне называлось «гривой». На этой гривке стояли избы клуба, правления, школы и магазина сельпо. Вот пишу эти строки, а перед глазами сценка, как мой «тятя» (папа) возле сельпо выбивает из бутылки водки пробку одним ударом ладони о донышко. Но о тяте и водке чуть позже.

Итак, Шагирка растянулась по левому берегу речки и состояла из одной улицы. Деревня наша была невелика, хозяйств на 30 – 40, ни колхоза в ней не было, ни церкви. А если без церкви, то, стало быть, деревня, а не село! А вместо колхоза – отделение.

Я к чему тут в географию ударился? А чтобы возраст свой попытаться вычислить! От сельпо налево по улице через четыре усадьбы по каждой стороне, и вся Шагирка кончалась в этой стороне. За домами на пустыре стояли какие-то механизмы сельские, а за ними – ограда вокруг деревни, или, по-деревенски, «прясло». Прясло это ограничивало в передвижении всякую крупную домашнюю живность и сооружалось без каких-либо механизмов при помощи топора и какой-то матери. Я отца наблюдал за этой работой. Деревенская улица у ограды превращалась в дорогу и через немудрёные ворота убегала за семь километров в село Бочкарёвку, в которой и находилось правление колхоза. Для полноты картины необходимо уточнить, что ворота в прясле назывались в деревне поскотиной.

Вот неподалеку от поскотины, третий по счёту с левой стороны и стоял наш дом. А через дорогу был дом «тятиных» родителей – деда Исака и бабы, дай Бог памяти, имени не помню. И неудивительно, потому что было мне тогда от роду года три, ну, максимум четыре. И всё, что я помню об этой бабушке, так это тот факт, что она с семьёй сходила на Троицу на могилки, там её продуло, она слегла и через неделю преставилась. А я помню не только факт её смерти, но и посещение могилок, и как нас, пацанов, угощали там конфетами – подушечками. Ничего более раннего вспомнить не могу.

Похоронили бабушку, прошло лето, наступила зима с холодами и снегами, чётко помню, как отец подъезжал к дому на гусеничном тракторе и уминал снежные наносы вокруг дома. А перед самым Новым годом к нам на постой определились два геолога, которые на севере района нефть искали. Нефть там нашли только в наше время, а у меня в памяти следок. И ещё у геологов я впервые увидел чудо чудное в фанерной коробочке – шахматы! Они меня буквально заворожили, я мог часами смотреть, как эта бородатая парочка «щёлкала» партии. А что ещё зимою делать?

Дальше – провал в памяти, как мозги не напрягаю. Видимо, не было значительных событий в моей голопузой жизни. Да и не до меня, несмышлёныша, тогда было окружающим. Время стояло нелёгкое, люди трудились, не разгибаясь, ведь страшная война всего десять лет, как кончилась. Народ жил в нужде неописуемой, это и представить сейчас трудно. В деревне не было электричества, радио, почты и медпункта. Одежонку всякую сами изготавливали: ткали полотно, выделывали кожи, шили всю верхнюю одежду сами, как могли, обувь тачали, валенки валяли. Помню, когда мама привезла мне

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

из райцентра маковый бублик на гостинец, я с ним с неделю играл, прежде, чем съесть!

Итак, минула зима после смерти бабушки, и отец как-то распорядился с нашим хозяйством, слишком уж неказистое оно было. Жить мы переехали к отцу моей мамы, деду Онуфрию и бабе Параскеве (Параньке). Отец работал в МТС, дома по хозяйству и ещё умудрялся как-то лес на новый дом заготавливать. А мама? А мама жила как-то незаметно, обшивая и подкармливая нас. Стыдно, но я её помню в то время гораздо хуже, чем отца.

Прошёл год, и во второе лето после смерти бабушки нам поставили новый дом. Вот это событие я помню уже довольно отчётливо, я уже заметно подрос и из малыша превратился в мальчишку. И теперь можно хотя бы примерно прикинуть возраст, с которого я себя помню.

Итак, полтора года после смерти бабушки суммирую с одним годом на постройку дома и с одним годом жизни в новом доме и получаю три с половиной года. От семи лет до школы отнимаю эти вспомнившиеся три с половиной года и получаю три с половиной года от моего рождения и до первых вразумительных воспоминаний. Конечно, плюс – минус тут возможен, но, мне думается, небольшой.

И здесь мне представляется случай, пусть вкратце, но сказать несколько слов о том, как нам строили новый дом. В то время я уже привыкал быть на людях, а не у мамки под присмотром, и строительство нашего нового дома мимо меня пройти не могло. А дом нам ставили «обчеством», как говорили родители. Заготовили материал, инструменты, составили бригаду из соседей, назначили день и в два дня поставили дом-пятистенок, даже крышу берестой покрыли. Да, именно заранее заготовленными листами бересты, что было для мен удивительно, потому что наш старый дом покрыт был земляными пластами. Кто не знает, пласты – это вырезанные лопатой из почвы с крепким дёрном земляные, так сказать, пластины. Вот так и стояли дома под пластами, а на крышу, бывало, корова взбиралась, чтобы зелёненькую травку там пощипать. С крыши до солнца ближе, там трава раньше зеленеет, чем внизу.

А мне эта передислокация была тем дорога, что теперь через дом от меня жил мой двоюродный брат и одногодок Фёдор. Сошлись мы с ним, не разлей вода! Летом на рыбалку, предварительно надёргав волосинок на леску из конской гривы, весной в кустарники за деревней «зорить», как мы говорили, с солью птичьи яйца из обнаруженных в кустарнике гнёзд, зимой силки на зайцев ставить. Фёдор был поосновательней меня, спокойный и рассудительный. Он и теперь такой. Какое приключение своё детское не вспомню, Федя непременно рядом. И пчёлы меня с ним поедом на пасеке ели, и охотничья собака мне пол ягодицы откусила у него во дворе, и под лёд я по его подсказке провалился, благо, это лужа была, с полметра глубиною.

Вспоминается, как мы, накатавшись на санках с горки возле школы, заявились в дом к моей бабушке Параньке. Дома никого не было, хотя тогда мы ещё жили в доме деда и бабушки. Значит, нам лет по пять было. Мы после катанья возбуждённые чрезмерно и нешуточно голодные. Хвать – похвать, а на столе только пол краюхи хлеба и миска крупной соли.

- Надо бы в печи посмотреть, - изрёк рассудительный Фёдор, ткнув пальцем в сторону тёплой русской печи, возвышавшейся справа от входных дверей.

Я подскочил к печи, отодвинул заслонку, а там прямо на выходе, рядом с загнеткой стоит аккуратненький такой, маленький чугунок, накрытый пустой миской.

- А давай-ка чугунок сюда, - подытожил наши поиски Федя и стал устраиваться за столом.

Я надвинул на руки рукавицы, которые всегда лежали у печки для подобных случаев, и перенёс чугунок на стол. В нём, под миской, обнаружился вкуснющий молочный супчик,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

который мы и навернули с братом прямо из чугунка, не наливая даже в миски. Потом погрелись, обсохли – и снова на горку, день ещё не кончился.

А часам к пяти дня пришло время домашнюю скотину кормить. Я уже был дома, листал «Мурзилку» и тут слышу бабин голос:

- Василиса (это мама моя), ты чугунок из печи никуда не подевала?

- Ничего я, мам не трогала, я полчаса, как с работы пришла. Может Вы куда поставили и забыли? Что за чугунок-то?

- Да ничего я не забыла! Утром, как все позавтракали, я остатки со стола да из мисок собрала, картофельные очистки туда добавила, скибку хлеба покрошила и залила всё в чугунке водичкой, которою молочную посуду мыла. А что б допрело всё и к обеду тёпленьким было, поставила чугунок этот в печку у самой заслонки. А тут наваждение такое – ни чугунка, ни супа, и поросёнок голодный визжит, надрывается!

У меня и «Мурзилка из рук выпал. Мы, оказывается, свинячий суп съели! Ну, дела! А вдруг в нём что-то вредное? А не заболеем ли мы?

Через считанные секунды я уже был на коленках у мамы и, запинаясь, рассказывал ей эту историю с поросячьим чугунком. Бабушка слушала, посмеиваясь, а потом успокоила меня:

- Ну, что ты, внучок, переживаешь? Ничего плохого в этом супе не было. Я и картошку даже пред тем, как почистить, тёпленькой водой помыла. Не заболеете, не переживай, вот только пацанам не рассказывайте о поросячьем супе – могут засмеять.

И я, вспомнив эту забавную историю, улыбнусь вслед двум сродным братьям и порадуюсь тому, что они оба, слава Богу, живы – здоровы. Видно, супчик тот поросячий был не только безвредным, но и весьма полезным. И вкусным, я это точно помню!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Молочный зуб рассказ из цикла борискины записки

Записка третья

В это утро я проснулся раньше обычного. Сон мой прервала мамина рука и предчувствие большого приключения. Вчера вечером мои родители решили свозить меня в Бочкарёвку, на приём к фельшерице Надежде Ильиничне. А дело было в том, что у меня уже три дня болел зуб, с которым справиться самим нам никак не удавалось. У меня и раньше возникали проблемы с молочными зубами, но мы с мамой вполне успешно при помощи крепкой нитки удаляли эти проблемы вместе с очередным зубом. Р-р-аз! – и вот он, больной зуб, уже на ниточке висит. А этот, ну, никак не поддавался, и мама решила отвезти меня в фельдшерский пункт, а заодно и свою младшую сестру, тётю Полину, проведать.

Жила тётя Полина в ближайшем к нам селе, прозываемом Бочкарёвкой, с мужем дядей Александром Ефимычем и дочкой Нелей, которая была годом меня старше. До Бочкарёвки ходу было километров шесть по дороге, что вилась вдоль речки Чёки. Летом расстояние это почти никого не смущало, а вот зимой, особенно после обильных снегопадов, дорогу напрочь заметало, и чтобы восстановить сообщение с большой, так сказать, землёй, необходимо было приложить определённые усилия. Для прокладки дороги до Бочкарёвки использовалось высшее достижение тогдашней инженерной мысли – клин! Клин представлял собой треугольник из трёх могучих брёвен, скрепленных намертво железными полосами и скобами, и буксировался на толстой железной цепи за гусеничным трактором. И вот таким образом в течение снежной сибирской зимы восстанавливалась дорога до нашей родни, а также до медпункта, до почты и до библиотеки. Для нас с Бочкарёвки начиналась цивилизация, потому что там даже радио было!

Вот об этой Бочкарёвке и пошла речь, когда мама заговорила вчера в обед с отцом о моём зубе.

- Отец! - начала мама, едва папаня отложил ложку, - Ты не поможешь мне с Бориской завтра к Полинке съездить? Смотри, два дня уже малец с зубом мается, не пожевать, не поспать ладом. Мы с ним пробовали, как обычно, зуб этот ниткой суровой выдернуть, но не получается – крепко сидит, заматерел. Свезу-ка я Бориску к Ильинишне, уж она-то это дело выправит!

- Ну, а чего? Езжайте, - ответил отец, подумав немного. – Дорога налажена, клин только третьего дня протащили туда – обратно. А с зубом шутить – себе дороже! Ты же помнишь, как меня в том годе прихватило – хоть на стену лезь! Я уж его, треклятого, и одеколоном тройным жёг, и пассатижами тянул, но не вытащил, а только расколол на части. Потом напился у Николая Боровкова самогонки до бесчувствия и уснул, не помню, как. А утром, слава Богу, отпустило по неведомой причине. Так что поезжайте, поезжайте, и думать нечего. Я через часок пойду на работу, заверну в Правление и занаряжу у бригадира лошадь с санями на завтра.

Я так и подпрыгнул в своём углу с немудрёными игрушками:

- Тятя, тятя, занарядьте Серко, ну, пожалуйста, пускай мы на Серке в Бочкарёвку поедем!

- Ну, что ж, Борька, можно и Серка запрячь, лишь бы он свободен был, на другую работу не выписан, - последовал ответ отобедавшего и пребывающего в благодушном настроении отца. Он достал из кармана металлическую баночку из-под монпасье, в которой у него была махорка и особым образом сложенный обрывок газеты. Свернув внушительную самокрутку, он пересел на табуретку у печи, закурил, а мы с мамой принялись обсуждать подробности завтрашней поездки.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И здесь просто необходимо разъяснить мою просьбу, адресованную отцу. Дело в том, что этот самый Серко был нашим общим любимцем из числа колхозных лошадей. Деревня наша была небольшая, даже маленькая, и общественных лошадей в конюшне было совсем немного. Да и лошади были все старые, работой изнурённые. И Серко, молодой, красивый конь серой масти вызывал у нас, пацанов, необъяснимую симпатию. Я помню, что частенько угощал его припасённой заранее корочкой ржаного хлеба, прежде чем выдернуть у него из гривы два – три волоса для лески на удочку. Да и будучи молодого возраста, Серко и запряжённый часто, без всякого понукания, самостоятельно переходил с размеренного шага на энергичную рысь от избытка сил, видимо.

От заполнивших мою голову ожиданий и мечтаний у меня и зуб болеть почти перестал, и игрушки стали неинтересными. Я с нетерпением ждал, когда отец придёт с работы и подтвердит завтрашнюю поездку. Ждал я отца с таким упорством и нетерпением, что даже устал от этого ожидания и, сморившись, уснул в своём тёплом углу с игрушками.

Проснулся в этот раз я не сам, а от лёгкого прикосновения маминой ладони, положенной на мой лоб.

- Ну, просыпайся, сынок, пора – скоро отец подъедет. Как ты себя чувствуешь, зуб не болит?

Зуба я спросонья совершенно не чувствовал и, чтобы убедиться в его присутствии, немедленно сунул палец в рот. Вот он этот зуб, на месте, шевелится в десне, но никуда не делся. Значит, нужно ехать к Надежде Ильиничне, чтобы его выдернуть. И, странное дело, при мысли о вырывании зуба во мне не возникало панического чувства, сопровождающего посещение стоматологического кабинета уже во взрослом возрасте. Этот страх придёт позже.

В доме уже все давно проснулись, отец с утра задал сена овечкам и корове, мама попоила и покормила прочую домашнюю живность, осталось только меня поднять и собрать в дорогу. В замёрзшее окно уже вовсю светило солнце, на стенке над столом в солнечном луче весело стучали цепочные «ходики», отсчитывая минуты нового дня.

Сборы мои были недолгими, тем более, с маминой помощью. А вот уже и на улице раздался скрип подъезжающих саней и отцовский голос, обращённый к коню с обычным мужским напутствием. Потом открылась входная дверь, и в дом вошёл отец вместе с клубом белого морозного воздуха.

- Здорово бывали, лежебоки! Готовы в дорогу? Сани поданы, а ну, выметайся на улицу! – приветствовал нас тятя с добродушной строгостью.

Мама помогла мне застегнуть меховую шубейку и накинула поверх шапки и шубки старую шаль, завязав её концы мне крест на крест за спиной.

- Выходи, сынок, на улицу, а то сопреешь здесь одетый. Я вас догоню.

Я вышел на улицу и осмотрелся, стоя на крыльце.

Морозец стоял крепенький. Он сразу же стал пощипывать меня за нос и щёки, холодный воздух обжигал рот и горло при дыхании. Сам воздух был неподвижен и прозрачен и, казалось, звенел от мороза. Деревня уже давно проснулась, в домах топились печи, и дым из труб поднимался серо-голубыми столбами в безоблачное небо. Солнце, небольшое, но необычно яркое, жарко пылало над горизонтом. Стоял конец декабря 1957 года, мне было от рода шесть лет, и вся жизнь лежала впереди.

Возле дома на улице уже стояли сани с запряжённым Серком, который приветствовал моё появление негромким ржанием. Я, неловкий в шубейке, в валенках не по ногам да ещё увязанный в материнскую шаль, заковылял с крыльца на улицу. Серко, похрапывая, переминался с ноги на ногу, косил на меня большими выпуклыми глазами. Он, видимо, понимал, что ему предстоит не тяжёлый труд, а лёгкая прогулка, и с нетерпением показывал свою к ней готовность.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А мороз с утра стоял на улице приличный, казалось, сам воздух звенел и потрескивал, даже извечные забияки – воробьи попрятались по амбарам и застрехам, а кто не успел спрятаться, валялся замёрзший на дороге. Для привычного к улице Серко тоже было довольно холодно, и он стоял в наброшенной на спину попоне, морда его возле ноздрей и рта была в маленьких сосульках, а изо рта, как у Змея Горыныча, вырывались струи сизого пара.

- Привет, Серко! – Я хотел было погладить его по морде, но мешала горбушка хлеба, зажатая в большой рукавичке. Я предложил ему хлеб, и Серко аккуратно взял его у меня большими серыми губами. Пару раз хрупнув небольшим сухарём, он начал тыкаться большой головой мне в руки, выпрашивая ещё чего-нибудь вкусненького.

- Борька, марш в сани! Не балуй лошадь! – раздался с крыльца голос отца, мама тоже показалась за ним с каким-то узелком в руках.

Я взобрался на сани, мама тоже уселась рядом, отец набросил на нас двоих большой лохматый тулуп, подал в руки маме вожжи и звонко хлопнул ладонью Серко по крупу.

- Счастливого пути, граждане! – напутствовал он нас шутейно и, не оглядываясь, зашагал к крылечку.

А Серко будто только и ждал команды «марш». Он легко сдёрнул сани с места и резвой рысью устремился вперёд. Я, не ожидавший от коня такой прыти, даже на спину завалился, а Серко всё набирал скорость, разгоняя, видимо, застывшую кровь. Мама вожжами придержала его прыть и свободной рукой помогла вернуться мне в сидячее положение.

- Эх, - подумалось мне, - здорово мы едем, вот только жаль, что в обычных санях! Вот бы тятя кошёвку нам подрядил! Приехали бы к тёте Полине, как короли.

Но кошёвка, видимо, нам не полагалась, в ней ездили только деревенские начальники, бригадир и учётчик. Субординация тогда соблюдалась строго.

А я, несмотря на свой малый возраст, в сельских повозках разбирался уже довольно хорошо. И, надо сказать, в повозках этих наблюдалось изрядное многообразие. Из зимних я знал сани – розвальни и, как уже было сказано, кошёвку, которая была как бы легковым автомобилем для местного руководства. А в летних повозках выбор был побогаче. Самым тяжёлым был фургон, предназначенный для перевозки тяжёлых грузов и в который запрягалась пара лошадей. Потом обыкновенная телега, лёгкая телега – бричка и ходок, летний вариант кошёвки, на котором к нам изредка приезжали даже инструкторы райкома во время посевных и уборочных кампаний. Приезжали, ели от пуза сало и домашнюю колбасу, запивая крепчайшей самогонкой, и, написав кривыми строчками отчёты, убывали в сторону райцентра Кыштовки, загруженные в ходок в горизонтальном положении.

Так думал молодой Бориска, в тулупе сидя на санях…

А тем временем накатанная дорога с лёгким скрипом бежала нам под сани. Серко приноровился к определённой скорости, только ноги мелькали, и селезёнка ёкала под его крутыми боками. Он, безусловно, прекрасно знал дорогу и, после того как мы по мосту переправились через Чёку, совершенно не требовал управления. Дорога была довольно однообразная, разговаривать с мамой через укутавшую мою голову шаль было не очень-то удобно, и я незаметно задремал, навёрстывая недосып, случившийся из-за раннего подъёма.

Проснулся я, когда мы из леса выехали на гриву, на безлесное поле, плавно идущее на подъём, на котором летом располагались посевные угодья колхоза. На них и работал мой тятя на всех небогатых механизмах того времени. Пахал, боронил, сеял, культивировал, жал и опять пахал и на колёсном тракторе, и на гусеничном. Я к нему сюда этим летом на велике приезжал, чем удивил отца нешуточно. Так удивил, что он даже затрещину мне

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

отвесить позабыл за такое путешествие!

Минут через пятнадцать и Бочкарёвка в морозном мареве показалась. До дома тёти Полины ехать почти через всё село, у всех на виду, и я после поскотины упросил маму дать мне вожжи.

- Ну, что с тобой сделаешь, порули, ямщичок! – сказала мама, передавая мне вожжи, ты только коня не понужай, он и так бежит, старается.

Мама, она всегда мама, ей и коня жалко! Хотя, чего его жалеть? Серко тянет сани, будто балуется. Впереди показался неглубокий овраг с пологими краями, оставшийся от протекавшего когда-то здесь ручья. Это старое русло делило село примерно пополам, а за ним по правую сторону стоял магазин сельпо и тётин дом с палисадником. Я привстал на ноги, пошевелил чуток вожжами и прикрикнул на конягу.

- Н-н-но, не балуй!

Серко встрепенулся, перешёл на лёгкий намёт, сани наши буквально вылетели из овражка и, эффектно повернув направо, подкатили к тётиному палисаднику. Мы приехали.

Не успели сани остановиться, как из-под ворот к нам с заливистым лаем подскочила маленькая лохматая собачонка и ну вокруг саней круги описывать. А пока мы из тулупа освобождались и с саней спускались, из калитки вышла тётя Полина, прикрикнула на собаку и давай с мамой обниматься. Надо понимать, как она была рада нашему приезду, неожиданному и скоропостижному! Мы ведь не могли сообщить ей о нашем визите, потому как не на чем было сообщать. Ни телефона, ни рации – шмации тогда между нами не существовало и в помине. Связь с роднёй поддерживалась только с оказией или при личной встрече.

Тётя Поля завела нас в дом, и я как в новый мир попал. На окнах тюлевые занавески, на полу домотканые дорожки, пол выкрашен масляной краской, над столом висит керосиновая лампа «летучая мышь», а в углу играет музыку большой чёрный репродуктор.

В доме тепло, чисто и … празднично!

Дядя Александр Ефимыч пошёл коня устраивать, а мы разделись, прошли в дом, помыли руки под рукомойником и расселись за столом. Тётя Поля сунула мне пряник в руку и разговорилась с мамой, а я сидел молча и только морщился от боли, попытавшись куснуть глазированный пряник и ощутив горячий прострел боли от прикосновения к больному зубу.

- А что, - частила тётя Поля, - Ильинична, слава Богу, никуда не уехала. – Вот чай попьём и сходим к ней. Она поможет, ты, Борька не сомневайся, зуб выдернуть – не роды принять! Плёвое дело.

Так и вышло, как тётя Поля говорила. Медпункт находился неподалеку, в одной половине дома, а во второй половине жила сама Надежда Ильинична. Мы, возглавляемые тётей Полиной, проследовали до этого дома, на стук вышла хозяйка, сопроводила нас во вторую половину, где велела мне снять верхнюю одёжку и усадила на стул под яркой лампой.

- Закрой глаза, Бориска, и открой рот, - сказала Надежда Ильинична и подойдя ко мне почти вплотную, звякнула чем-то металлическим. Мой язык ощутил во рту что-то холодное, и мне в десну словно шилом кольнули. Я отрыл от неожиданности глаза и увидел, как фельдшерица закладывает мне в рот комочек белоснежной ваты.

- Всё, больной, операция проведена успешно, - с улыбкой сказала Надежда Ильинична и протянула мне удалённый зуб. – Видишь, у твоего зуба четыре корня, но обычно их бывает три, а четыре гораздо реже, как у этого. Вот поэтому он вам и не поддавался. Приедешь домой, брось этот зуб за печку и скажи ему вслед: зуб, зуб, будь крепким, как

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

дуб, вырастай новый, острый и здоровый! И три раза сплюнь.

Я сидел молча, с ватой во рту и только хлопал глазами. И это всё? И ради этого стоило ехать за километры? Святая детская простота! Тогда я ещё не знал, что такое зубная боль. Надежда Ильинична завернула мой зуб в бумажку и отдала его мне. Со словами горячей благодарности на устах мама, я и тётя Полина направились до дома.

А там нас уже поджидал Александр Ефимыч и их дочка Неля. Она была на полтора года старше меня и уже ходила в школу. Тётя Поля работала на речке, снимала какие-то параметры и отсылала эти данные в райцентр, дядя Александр был в правлении колхоза при какой-то должности, по местным понятиям они относились к местной элите, поэтому и дом у них был обставлен особым образом, так сказать, эксклюзивно. Пока взрослые накрывали на стол в честь нашего приезда, Неля отвела меня в горницу, чтобы похвалиться своими богатствами. Я вполне равнодушно взирал на её самодельные куколки, разные тряпочки и открытки и осматривал чистую светлую комнату. Всё здесь было необычно и удивительно: две кровати, одна поменьше, другая побольше, с блестящими никелированными спинками, стол у окна и два стула за ним, а не табуретки или лавки, комод, покрытый вышитой салфеткой, а на ней несколько фарфоровых слоников. В углу стояла необычная конструкция из полочек, на которых стояли книги, и Неля называла это этажеркой.

Книги меня не заинтересовали, а вот то, что лежало на нижней полочке, притянуло меня, как магнитом. Это были журналы, как сейчас помню, «Костёр», «Пионер» и «Весёлые картинки»! Я прочитал названия, полистал «Костёр» с «Пионером», посмотрел в них картинки, посмотрел заглавия, а сами тексты в номерах читать не стал, для меня это было ещё сложно, я читать мог, но не усваивал прочитанное. И, наконец, «Весёлые картинки»! Я взял один номер, открыл его где-то на середине, вижу смешную картинку и читаю: «Идёт бычок, шатается, вздыхает на ходу: ой, доска кончается, сейчас я упаду»! Ну, умора, я так и зашёлся смехом. Вот это книжка! И не одна, вон их сколько – целая полка. Я уселся на пол поудобнее и углубился в журнальное богатство. Всё осталось где-то в стороне: вырванный зуб, двоюродная сестра Неля и даже вечный побирушка Серко с его мокрыми губами. Я нашёл здесь целое сокровище!

Так я и просидел возле этажерки, пока мама не позвала меня к столу, обедать. Я направился на зов сначала с журналом в руке, но Неля забрала его у меня, обиженно фыркая на невнимание с моей стороны. А тётя Поля добавила, что буду я непременно большим начальником, коли так читать люблю. И подарила мне этот номер со стихотворением про бычка. Я даже подпрыгнул от восхищения и благодарности. Большего подарка на предстоящий Новый 1958 год я и представить себе не мог. Ай, да зуб! Вовремя он у меня заболел, думал я с благодарностью и незаметно поглаживал карман на штанах, в котором лежал завёрнутый в бумажку тот самый зуб.

После обеда мама, тётя Полина и Неля занялись изготовлением масок для нас на Новогоднюю ёлку. Тётя Поля выложила на стол припасённый откуда-то лист ватмана, ножницы, мучной клейстер в блюдечке. Она карандашом рисовала на ватмане маску в виде очков и треугольник – заготовку для носа. Мы вырезали всё это ножницами, а мама клейстером склеивала из бумаги носы для масок, длинные и острые, как у Буратино. Потом носы приклеивались к очкам, и получалась смешная маска с резинкой для крепления на голове. Потом тётя Поля развела в воде пару таблеток какого-то лекарства, по-моему, стрептоцида и этим раствором выкрасила маски в приятный золотистый цвет. Маски были готовы.

А там незаметно и время подошло собираться в дорогу. А то как бы не пришлось затемно домой по лесу ехать, что совсем не входило в мамины планы. Мы с шутками и улыбками оделись-обулись, собрали нехитрые свои вещицы, а там и Александр Ефимыч

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

наши сани к дому подогнал. Мы, попрощавшись и поблагодарив хозяев за тёплый приём, уселись в сани и помаленьку тронули с места. Застоявшийся Серко опять начал набирать скорость, но мама в этот раз не придерживала коня. Домой можно ехать и побыстрее. И Серко как чувствовал, что дорога наша ведёт к родному дому.

Бежал конёк весело и с ветерком, унося меня через застывший заснеженный лес в Шагирку, в новую жизнь, в Новый год. В этом году я пойду в школу, в этом году я буду со всей деревней ночью выходить на улицу и искать напряжённым взором в угольно чёрном небе блестящую летящую точку – наш Спутник, о времени и месте пролёта которого будут сообщать все радиостанции Советского Союза.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

МЕСТО ВСТРЕЧИ ПОЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ, ИЛИ ЗАБЕГ В ШИРИНУ СУВОРОВЦА НЕСТЕРЕНКО

«Праздник нужен душе, праздник! Я его долго жду!» Егор Прокудин, «Калина Красная». (Василий Шукшин) Как не хватает в нашей жизни Праздника! Проходят трудовые будни в суете забот о семье и о хлебе насущном, какие-то мелкие, почти ничего не значащие проблемы постоянно воруют твои часы и дни, уходят месяцы и годы неизвестно куда, а жизнь не становится длиннее, если ты даже и умудришься что-то решить по мелочи, ничего кардинально не изменив ни в своей жизни, ни в жизни близких и окружающих. «Быт заел!» - как часто мы слышим эти слова, не понимая ничуть, что за кратким сакраментальным выражением кроется тоска зелёная и могучий позыв к перемене обстоятельств и места действия незамысловатой драмы под названием - жизнь. «Не могли бы мы где-нибудь здесь организовать небольшой забег в ширину?» - это заявление Егора Прокудина с точностью снайпера попадает в цель и помогает всем желающим найти решение проблемы с монотонностью быта и отсутствием настоящего Праздника в нашей жизни. Василий Макарович Шукшин, тонкий знаток русского национального характера и удивительный мастер самобытного слова подаёт читателям краткий и ёмкий совет: «Если Праздника нет – устрой его!»

А светлый образ рефлектирующего вора Егора Прокудина по кличке Беда понадобился мне для того, чтобы объяснить досужему читателю, откуда есть пошла сама идея моей поездки в Екатеринбург, чтобы отметить там с друзьями и однокашниками некруглый юбилей – 65 лет явления в этот Божий мир суворовца Нестеренко Бориса. Где-то в конце апреля – начале мая мой друг, Кавказский кадет Пётр Берёзкин задал мне во время разговора по Скайпу вполне тривиальный вопрос, каким образом я собираюсь отмечать свой некруглый юбилей и в каких числах я отбываю в Екатеринбург. Пётр совершенно не воспринимал мои разъяснения по поводу весеннего обострения моего благоприобретённого недуга и слушать не хотел моих доводов о проблемах не только со здоровьем, но и с самими докторами. Но на то мы с Петей и друзья, чтобы уже через пару минут прийти к общей точке зрения, которая включала в себя и мою поездку в Екатеринбург, и возможное выступление моё в родном Суворовском училище, и скромный банкет в Кадетском Клубе персон на пятьдесят с приглашёнными цыганами и дрессированными медведями. Вот так было принято принципиальное решение в полном соответствии с заветом литературного героя мудрого Макарыча – по причине отсутствия праздника этот Праздник организовать со всей необоримой силой нашего кадетского Содружества!

Я ещё только пытался осмыслить, как это мой частный разговор с другом начинает приобретать общественный статус, а Пётр Берёзкин уже названивал в Екатеринбург, Москву и Питер, выходил на связь с тамошними отделениями нашего кадетского Содружества и озадачивал их по поводу нашей с ним придумки, и убедительно просил подключаться без раскачки к организации поездки поэта Бориса Нестеренко в город его суворовской юности, включая в эту поездку обязательное выступление с чтением кадетских стихов перед личным составом Суворовского училища. Создание Праздника началось! Запели приводные ремни, закрутились маховые колёса, зазвенели зубчатые шестерни – заработал мощный и слаженный механизм Суворовского сообщества и изготовил такой Праздник, который будет вспоминаться мною с теплом и благодарностью не один год. Пётр Берёзкин, Сергей Писаченко, Альберт Бобов, Коля Летов, Евгений Романов, Владимир Проскурнин, Юрий Рогозин, Михаил Чёрный и многие другие кадеты, о вкладе которых я просто не ведаю, совершили просто неподъёмное дело – за считаные дни договорились и с командованием Суворовского училища, и организовали вполне

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

профессиональную видеосъёмку, и обеспечили мне жилой угол и кусок хлеба с буженины, изготовили, завизировали и прислали всевозможные Поздравительные адреса и подарочные раритеты. Это по официальной части, так сказать.

А ещё состоялась экскурсия по Училищу и визит в Музей Суворовского училища, где мне как бы ненароком показали хранящиеся там мои книги… Сразу же хочется отметить неподдельную симпатию ко мне и непоказное радушие сопровождавшего меня полковника Копылова Владимира Викторовича, совсем не должностную готовность помочь в организационных делах подполковника Кукарцева Алексея Михайловича и других членов администрации Училища, от Завклубом до Директора Музея. Но это, так сказать, лирика, предварительные ласки и рекогносцировка. Основное событие поджидало меня через день, потому что Командование Суворовского училища уже объявило о моей творческой встрече в Актовом зале, которая состоится 20 мая в 16 часов по местному времени. На встречу приглашались наряду с воспитанниками и мои друзья кадеты – ветераны, вход свободный.

И вот наступила пятница, и пришёл час «Ч». Я вошёл в Актовый зал с пакетом своих книг в одной руке и с распечаткой текста выступления в другой. Поднялся на сцену, проверил микрофон на трибуне и присел за стоящий рядом столик. Первые ряды кресел стали занимать подходящие ветераны-суворовцы, было несколько их жён и даже одна кадетская внучка. Стали подходить суворовцы, разумеется, организованно и строем, а у меня вдруг зачесались ладони на нервной почве: большинство суворовцев были неожиданно юны. Я готовил текст и подбирал стихи для несколько иной возрастной категории, и вносить коррективы в намеченный план мне пришлось уже по ходу выступления, что меня несколько сбивало, и что, вероятно, подметили внимательные слушатели. Но для меня лично выступление видится вполне удачным, если судить по бурным аплодисментам зала, сопровождавшим чтение каждого стихотворения. Я не собираюсь в этом очерке перечислять все прозвучавшие со сцены стихи, но два стихотворения я всё же приведу по причине их личной значимости для меня. Первым стихотворением я начал своё выступление, вероятно, довольно удачно прямо у микрофона заменив им в плане другое, не так точно подходившее для юной аудитории. А это стихотворение стало ключевым для всего моего дальнейшего выступления и настроило положительный контакт с моими слушателями и зрителями. Рассказав в нескольких фразах историю написания этого стихотворения, в частности, и про то, что написано оно в День 70-летия Св СВУ, я почувствовал со стороны моих слушателей некоторую доверительность и прочитал им

СТИХИ КАДЕТИКАМ

Я в класс вошёл, вспотев изрядно,
Светился Знак на пиджаке,
Стихов заветная тетрадка
Зажата плотно в кулаке.
Я так мечтал об этом часе,
Так его в мыслях рисовал,
И вот стою в кадетском классе,
Как на венчанье генерал.
Передо мной сидят кадеты
И ждут с надеждой и всерьёз,
Что я готовые ответы
На все вопросы их принёс.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Сидят кадеты – семилетки 13-ти неполных лет,
И продолжают эти детки
Писать историю кадет.
Для них писал я свои книжки
Про дружбу, мужество и честь,
Для этих стриженых мальчишек
Я так мечтал стихи прочесть!
И вот свершилось – я приехал
На встречу с юностью своей,
А возраст дружбе не помеха,
Да и «кадетка» - не музей.
И мы ещё не экспонаты,
Хоть и оставили следы,
Пускай, частично мы пузаты
И пусть местами мы седы.
И я не гибок, и не строен,
Но вам, мальчишки, поклонюсь.
Поклона низкого достоин
Любой, кто в бой пойдёт за Русь.
Я вам, ребята, почитаю
И про войну, и про любовь,
Лишь по любви, от ран страдая,
Отдать возможно свою кровь.
Пускай, вы мне ещё по пояс,
Но рядом с вами вижу я –
Не вся пропита в людях совесть,
И честь утрачена не вся.
Нет, наш народ не вымирает,
Да и России не конец,
Когда погоны одевает
Десятилетний сорванец!

Но было в моём выступлении ещё одно стихотворение, которое тоже вызвало бурную положительную реакцию зала. Дело в том, что в первом ряду сидел мой командир кадетской роты Анатолий Михайлович Логинов. И для меня было делом чести прочитать посвящённые ему строки! Мне даже не верилось в подобную возможность, но судьба оказалась щедра ко мне на подарки, и я, сказав несколько пояснительных слов, прочитал

ОФИЦЕРЫ СВУ

Мне майор Лисовский –
Как пригляд отцовский,
А подполковник Логинов –
Мне как забота Родины!
Полулюди – полубоги,
Офицеры-педагоги,
Жили, будто пели песню,
Люди Долга, люди Чести.
Настоящая элита,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А не та, что лыком шита,
Не карьерные штабисты –
Офицеры, коммунисты.
Благодарен я безмерно
Моим ротным офицерам,
Если я чего достиг –
Это всё стараньем их!

Зал встретил эти нехитрые строки бурными аплодисментами, перешедшими в овацию, когда Анатолий Михайлович встал со своего места. Издали было видно, что мой командир счастлив в эту минуту, но вот как я был счастлив – это не представить, не рассказать! За такою вот минутой можно и подальше Екатеринбурга поехать. И именно сцена с моим командиром говорит мне, что творческая встреча поэта Бориса Нестеренко с новым поколением суворовцев прошла удачно.

А через день, в воскресенье, 22 мая в Кадетском Клубе состоялся дружеский банкет, на котором в тёплой компании выпускников-ветеранов Суворовского училища я принимал вполне законные поздравления с 65-летием, слушал замечательные тосты в мою честь и принимал скромные, но очень дорогие для моей памяти подарки. Опять звучали мои стихи и песни на мои слова. Было сказано много добрых слов в мой адрес, я их постарался все запомнить и увёз домой, доброе слово всегда в хозяйстве пригодится!

А «заказанных» цыган и дрессированных медведей не было, зато рядом были мои друзья, большие, сильные и добрые, сами, как медведи! Я знаю, что на них всегда можно положиться, потому что мои друзья-кадеты – это самый дорогой дар, вручённый мне родным Свердловским Суворовским военным училищем. Спасибо вам, братцы, и низкий поклон за Праздник души, устроенный для меня и для всех нас, приехавшим и не приехавшим, но знающим моё творчество и чью поддержку я чувствую повседневно!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Покидышев Николай Александрович
Родился 10 октября 1949 года в городе Каменск-Уральском Свердловской области.
Член Союза писателей России с 2008 года
Руководитель поэтического клуба «Сонет»

НИКОЛАЙ ПОКИДЫШЕВ

70-летию начала Великой Отечественной войны,
70-летию начала блокады Ленинграда,
всем, кого опалило военное лихолетье,
посвящаетс

ОСКОЛОК В ПАМЯТИ

г. КУРГАН
2011 г.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ББК 84Р6
П 48

Николай Александрович Покидышев
«Осколок в памяти»

Автор выражает благодарность за помощь
в подготовке документальных материалов для книги
Белошейкиной (Ивановой) Татьяне Алексеевне,
Гавриловой Светлане Игоревне, аспиранту Уральской
государственной архитектурно-художественной академии,
Образцовой (Глинкиной) Раисе Алексеевне,
Гусевой Людмиле Анатольевне, заведующей филиалом
№ 17 Центральной городской библиотеки имени А.С.Пушкина
(г. Каменск-Уральский),
Зенковой Любови Васильевне, сотруднику городского
Краеведческого музея имени Ивана Яковлевича Стяжкина
(г. Каменск-Уральский),
Румянцевым Марии Ивановне и Владимиру Валентиновичу,
Вознюк Вячеславу Петровичу,
Душкину Вячеславу Павловичу,
Кашубскому Евгению Вадимовичу, директору школы № 7,
Пермякову Валерию Ивановичу,
Соболеву Сергею Алексеевичу,
Черкашину Александру Валентиновичу, начальнику отдела
Каменск-Уральского металлургического завода,
Шатову Николаю Александровичу,
Шипилову Михаилу Алексеевичу,
Шуваловой Любови Васильевне.

Глубокую благодарность за финансовую помощь в издании книги автор
выражает Душкину Вячеславу Павловичу и Соболеву Сергею Алексеевичу

ISBN 978-5-904279-24-0

© Покидышев Н.А.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу члена Союза писателей России Н.А. Покидышева
«Осколок в памяти». Курган.2011 г.

Представленное к рецензированию издание посвящено памятным для всего населения нашей страны событиям – 70-летию начала Великой Отечественной войны и 70-летию начала блокады Ленинграда!

Материал книги может вызвать неподдельный интерес у читателей любого возраста – от школьника до пожилого человека, и особо – у жителей Курганской области, так как много непосредственных действующих лиц, «прописанных» на страницах книги, являются уроженцами нашей малой Родины – Южного Зауралья.

Будущий читатель найдёт для себя богатейшую информацию по истории появления на карте России, тогда СССР, нового города, Каменска-Уральского, строивших его людей, с краткими их биографиями, с географией выхода мест их первоначального поселения – из Рязанской, Тамбовской, Воронежской, Саратовской, Пермской и других областей.

Читатель найдёт в книге много совершенно неизвестной до настоящего времени действительно достоверной, правдивой информации о военных и трудовых буднях жизни всего советского народа, как говорилось в одной из легендарных песен «От Москвы до самых до окраин!»: о советско-финской, второй мировой, Великой Отечественной войнах, о ходе строительства нового города, его военного завода, о работе создававших его людей на износ, о падавших в рабочее время от переутомления и истощения в голодный обморок заводчан за станком, попадавших в заводскую больницу на излечение…

Книга ценна наличием в ней не парадной, праздничной, а обычной, повседневной, будничной информации о жизни простого человека, сложностях его учёбы, труда, войны (учебные, трудовые, боевые будни, ранение, госпиталь, плен, побег…). Потрясают факты проводившегося в Ленинграде патрулирования его улиц, борьбы с мародёрством, смертей ленинградцев от голода в возрасте не старше 20 лет, о бомбёжках города вражескими самолётами, о гибели от этих бомбёжек жителей целых многоэтажных домов, о самом явлении блокады уникального города Ленинграда, о процессе спасения ленинградцев через эвакуацию их на Большую землю, о качестве продуктов их питания… Уникальны приводимые факты встреч бывших фронтовиков, участников Великой Отечественной войны более чем через 30 лет после её начала.

Исключительно богат материал книги, раскрывающий сам процесс возникновения реально города Каменска-Уральского со всеми его сложностями и тонкостями: строительство землянок, бараков, сараев, нормальных одноэтажных и двухэтажных домов, спортзала, столовой, завода, кондитерской фабрики, школы; обычная жизнь представителей различных поколений, их духовный мир, круг чтения…

Книгу существенно обогащает значительное число стихов, принадлежащих перу автора. При их чтении создаётся ощущение, что их написавший сам был участником событий, отстоящих от нас на 70 лет.

Материал книги, несомненно, воссоздаёт дань уважения всем нашим соотечественникам, принявшим участие в трудовых и боевых буднях того далёкого времени, приближавшим день Победы, в том числе особо – нашим зауральцам.

Книга рекомендуется к публикации: её материал будет полезен школьникам, студентам, аспирантам, учителям школ, преподавателям вузов. Материал книги будет очень полезен при военно-патриотическом воспитании подрастающего поколения!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Действительный член Академии военных наук В.В. Пундани
27 апреля 2011 г.

ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ ЗАБЫТЬ

Война – это слово для многих из нас с самого раннего детства, наверное, стало следующим после «мама» и «папа».

Не к каждому вернулся папа.

Мы росли среди последствий войны – ведь не прошло и пяти лет после её окончания, как мы появились на свет.

Мне, семилетнему, отец показал дом своей сестры Анны Дмитриевны в Крюково – не в воспетой в песне деревне Крюково, а в станционном посёлке. Во время боёв за Москву тот дом стоял на рубеже между нашими и фашистскими окопами. С западной стороны он был изрешечён вражескими пулями, с восточной – пулями защитников столицы…

Мы жили среди последствий войны всегда.

Их можно было не только видеть, но и трогать руками.

В 1975 году мне пришлось служить в Минске. Там, в сквере около одной из центральных площадей города, во время оккупации, фашисты устраивали публичные казни мирного населения через повешение. Те места на ветвях деревьев, где крепили верёвки, за тридцать лет не смогли зарасти корой, и оставались видны невооружённым глазом …

Я прикасался к коре тополей на месте бывшего концлагеря Тростянец. Созданный после оккупации Минска для советских военнопленных, он просуществовал практически до подхода наших войск.

Наступление было стремительным, и у фашистов не осталось времени на плановую ликвидацию. Ликвидировали лагерь поспешно и с неподдающейся пониманию бесчеловечностью: выкопали бульдозерами траншеи, на краю траншей партию за партией ставили военнопленных и торопливо расстреливали. Тела убитых и раненых лопатами бульдозеров сталкивали в траншею. Потом разровняли землю на месте преступления…

Тополя здесь выросли огромные…

Я прикасался к израненным стенам Кобринского редута в Брестской крепости, к свисавшему сосульками кирпичу во внутренних капонирах, откуда защитников выжигали огнемётами.

Я гладил в Ленинграде стену дома с памятной надписью «Эта сторона опасна во время артобстрела».

На Пискарёвском кладбище мне не хватило бы дня, чтобы прочитать фамилии всех захороненных. Но я искал одну: фамилию старшего брата отца с инициалами В. Д. – Василий Дмитриевич…

Семьдесят лет прошло с июньского утра сорок первого года.

Семьдесят лет прошло с 8 сентября 1941 года – Дня начала блокады Ленинграда.

В каждой семье своя память о войне…

С ней трудно жить, но прошлое не изменишь.

Прошлое не изменишь, но забыть прошлое – значит, предать его.

Печальная дата – начало Войны.

И, всё-таки, самым важным для всех солдат, не вернувшихся с неё, и для тех, кто вернулись, но не дожили до сегодняшнего дня, для всех нас, да пребудет всегда наша Память о них…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ И РОС

Грандиозность всего несостоявшегося в жизни страны и людей из-за начавшейся Великой Отечественной войны невозможно себе представить: слишком всё огромно и необъятно. В неподдающихся пониманию цифрах куда-то, на очень дальний план, уходит горе одной семьи, страдания, выпавшие на долю каждого, кого опалили годы военного лихолетья.

Но когда речь идёт об одном городе и об одном человеке, то всё становится отчётливей и зримей, больней и дороже. Особенно, если речь идёт о месте, где ты родился и рос, о твоих родных и близких.

Поэтому я хочу говорить о дорогих моему сердцу местах и дорогих моему сердцу людях.

Жизнь не признаёт сослагательного наклонения.

Но оно вполне допустимо в лирической строчке «…если б не было войны».[1] И не менее допустима проекция его присутствия при противопоставлении конкретных фрагментов из документов.

Вот первый из них о моём родном Каменске-Уральском:

«…проектами 1934 г. была намечена планировка центрального ядра соцгорода УАЗа. [2]

…Данный проект… разрабатывался с логическим зонированием территории: жилыми, административными, учебными, лечебными, культурно-просветительскими зонами, зонами для спорта и отдыха…

На правом берегу р. Исети предусматривалось возведение жилых массивов, административного центра, железнодорожного вокзала, техникума, театра, стадиона, зоопарка, ботанического сада.

На живописных берегах планировались спортивно-оздоровительные комплексы и зоны отдыха: водные станции, лыжный трамплин, бухта для яхт, речной вокзал.

Следует отметить обилие зеленых зон внутри микрорайона и по его периметру. В соцгороде предусматривалось создание скверов и парков, озеленение внутри кварталов и вдоль улиц, возведение индивидуальных усадеб с индивидуальными домами и огородами при них.

С восточной стороны микрорайона вдоль правого берега р. Исети… предусматривалось возведение жилых семиэтажных домов… Дома размещены в окружении зеленой полосы скверов. В центре этого комплекса предполагалась композиционная доминанта – высотное здание...»[2]

Таким мог стать мой город, «…если б не было войны».

Ещё фрагменты из документов:

«**1939 год.** 3 июня 1939 года вышло Постановление Экономсовета СССР №513-99С о строительстве в районе г. Каменск-Уральский завода № 268 как базы по производству магниевых сплавов.» [3]

«…9 июля 1939 г. на заседании Совнаркома было принято постановление о строительстве в Каменске в рамках Наркомата авиационной промышленности* металлургического завода для обеспечения самолетостроителей полуфабрикатами из алюминиевых сплавов. В 1939 г. южнее деревни Волкова началось строительство заводской площадки и подъездных путей к ней [20 с. 6-7], возведение первых жилых домов и бараков для строителей...»[2]

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«**1940 год.** 4 февраля Нарком авиапромышленности утвердил проектное задание. В мае начались первые строительные работы по возведению завода, с октября – подразделениями стройтреста №5 НКАП»[2]

Так было положено начало заводу, с которым будет связана вся жизнь моих родителей, родителей моих сверстников и жизнь тех из них, кто тоже будет работать на этом заводе.

Среди первых строителей приехал в Каменск по комсомольской путёвке Александр Михеевич Шатов. Во время одной из командировок в деревни нынешних Катайского и Шадринского районов, относившихся в то время, как и сам Каменск-Уральский, к Челябинской области, Александр Михеевич познакомился с симпатичной девушкой Надей – Надеждой Николаевной, весёлой и задорной певуньей. Парень с Брянщины и девушка из Саратовской области всю жизнь пройдут вместе.

В 1940 году, после окончания школы фабрично-заводского ученичества, из Челябинска на вновь строящийся завод прибыл четырнадцатилетний паренёк Соболев Лёша – Соболев Алексей Степанович, родившийся в деревне Буркино под Каменском. Скорее всего, он не загадывал очень далеко, а просто был рад работе на важном оборонном предприятии, но вся жизнь Алексея Степановича окажется связанной только с этим заводом.

«…Если б не было войны», Маша Кульгузкина, как и Надежда Николаевна Шатова, тоже родившаяся среди саратовских просторов, жила бы по-прежнему в родных местах, и, наверное, никогда бы и не узнала, что за далёкими Уральскими горами есть город Каменск, а на его юго-восточной окраине уже строятся заводские цеха, в один из которых она придёт ученицей токаря.

Если б не было войны, отец после срочной службы в Ленинградском военном округе вернулся бы на свой Московский электромеханический ремонтный завод**.

Родители мамы Степан Степанович и Анисья Антоновна в середине тридцатых годов покинули родное тамбовское село Подгорное на берегу реки с красивым названием Пальной Воронеж по призыву «На стройки пятилетки!» и уехали в Ступино***. В те времена в народе такой переезд называли «завербоваться на завод». «Завербовались» они на Ступинский металлургический завод № 150.

На этом же заводе трудились бы по-прежнему и другие жильцы нашего дома № 5 по улице Западной: Шипилов Алексей Михайлович, уроженец Тамбовской области, и его жена Эмма Антоновна, Глинкины Алексей Иванович, из Москвы, и Ульяна Митрофановна, родом из Воронежа.

Из Тамбовской области в апреле 1939 года призвали на срочную службу в Ленинградский военный округ Душкина Павла Васильевича, уроженца Воронежской области.

В ноябре этого же года, в составе 287 стрелкового полка, Павел Васильевич примет участие в войне с белофиннами.

Об этой войне до нынешней поры немногое достоверно известно. Историки называют её «вооружённым локальным двусторонним конфликтом». Дело, конечно, не в названии, а в том какие жертвы принёс с собой этот «конфликт»: официальные цифры советских потерь в войне были обнародованы на сессии Верховного Совета СССР 26 марта 1940 года – 48 475 погибших и 158 863 раненых, больных и обмороженных.

Моему отцу из наставлений офицеров, вернувшихся с финской войны, особенно запомнился рассказ о «кукушках»: финских снайперах, умело маскировавшихся в зимнем лесу даже на деревьях, не говоря о «складках пересечённой местности», об умении быстро скрываться в случае обнаружения, в том числе на лыжах. Дозорной разведке

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

приходилось всегда быть начеку, высматривая возможные места нахождения снайперов-«кукушек»…

Выполнить боевую задачу, и остаться живым в условиях такой войны было очень непросто. Опыт приходил с каждым боем.

Осенью сорокового года Павел Васильевич демобилизовался, устроился слесарем-сантехником в Государственный Союзный строительно-монтажный трест № 20 Наркомата авиационной промышленности. Трест уже начал монтажные работы на Каменск-Уральском заводе № 268. И всё, вроде бы пошло по мирным рельсам, думал забрать невесту, создать семью.

Но повторюсь: у жизни нет сослагательного наклонения.

Началась война.

«…21 июля Государственный Комитет Обороны обязал своим решением НКАП приспособить строящийся завод №268 для размещения в нем эвакуируемых из-под Москвы литейного и прокатного цехов завода №150 (Ступинского металлургического завода)»[3]

Вместо запланированных семиэтажных домой, скверов и спортивно-оздоровительных зон отдыха начинается спешное строительство жилья для эвакуируемых рабочих.

«…Жилой поселок для рабочих и строителей расположился с северо-западной стороны от заводской территории вплотную к ней. Временными деревянными и кирпичными бараками застроили три квартала в границах улиц Центральной, Коммунальной, Слесарей, 4-й Проезд и ул. Западной с обеих сторон… В 1942 г. в поселении были возведены из дерева необходимые общественные здания: баня, больница, столовая, клуб…»[2]

И поехали на Урал со Ступинским заводом его довоенные работники, уроженцы Москвы и прилежащих к ней областей.

И начала война перемешивать судьбы людские.

С одним из первых эшелонов с эвакуированными приедет в Каменск из Саратовской области Маша Кульгузкина. На металлургическом заводе, она встанет к токарному станку, но ещё не над каждым цехом тогда были сделаны крыши. Здесь Маша встретится с Алексеем Соболевым, чтобы уже никогда не расставаться с ним, и называть её станут Марией Архиповной Соболевой.

Труд станочника и металлурга и в мирное время лёгким не бывает. А в те годы заводчан, терявших сознание от переутомления и истощения, поднимали на ноги в заводской больнице № 3.

Руководство завода находило резервы и лежавшим в больнице выдавали дополнительно сто двадцать пять грамм хлеба. Моя мама, Анна Степановна, шестнадцатилетней девушкой начала работать там медицинской сестрой. Она не помнит ни одного случая, чтобы хотя бы один кусочек хлеба «исчез», пока его несли больным в палату.

18 августа 1941 года уйдёт уже на вторую в своей жизни войну Павел Душкин. В декабре, под Ленинградом будет ранен: осколок пробьёт каску чуть выше лба, но солдат останется жив. Останется и шрам от осколка – след от мимолётного прикосновения смерти, торопившейся к кому-то другому. После госпиталя радиста 8-го отдельного лыжного батальона 29 танковой бригады снова направят на Волховский фронт.

Позже он примет участие в битве на Курской дуге, в 1944 году – в боях на Карельском фронте, а в 1945 – до Победы – на Белорусском.

До конца мая 1946 года, продолжит службу в составе Группы Советских Оккупационных Войск в Германии.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

В начале июня 1946 году гвардии старшина Душкин Павел Васильевич вернётся домой. На его гимнастёрке будут сиять четыре боевых медали.

Две войны, почти шесть фронтовых лет на тридцать один год жизни: пропорция, которая не каждому под силу…

Брестская крепость…

Сколько о ней написано и рассказано!

В августе 1975 года по делам военной службы мне пришлось побывать в Бресте.

Пройдя мимо монумента «Жажда», я свернул с мраморных дорожек мемориала цитадели, и пошёл в сторону нетронутых со времени войны руин, где от стен почти метровой толщины остался только битый кирпич. Поневоле одна мысль не оставляла меня:

– Как вообще кто-то мог здесь остаться в живых?

Именно в Брестской крепости начнётся война для солдата срочной службы, уроженца уральского села Борисово, Пермякова Ивана Прокопьевича. Тяжело контуженный, вместе с другими ранеными он попадёт в плен, пройдёт пять концлагерей.

Из последнего, с лирическим названием в русском переводе «Буковый лес», его в числе других жертв освободят американские войска. К моменту освобождения Иван Прокопьевич при его высоком росте будет весить *тридцать шесть килограмм*: весь мир до сих пор с содроганием произносит название этого лагеря: Buchenwald (Бухенвальд)...

После всех проверок, неизбежных для бывших военнопленных, вернётся на родной Урал, устроится на металлургический завод. Однажды он встретит свою будущую жену Анастасию Николаевну, которая ещё в войну, в шестнадцатилетнем возрасте, пришла на шихтовый двор литейного цеха. И оба, и Иван Прокопьевич, и Анастасия Николаевна, не сменят места работы до ухода на пенсию.

Петра Александровича Вознюка вместе с женой Галиной Николаевной партия направит из Пермской области в Каменск на завод обработки цветных металлов (ОЦМ). Завод создавался сходу из эвакуированных Кольчугинского, Московского прокатного и Ростовского фольгопрокатного заводов.

После Гражданской войны Пётр Александрович воевал с басмачами на Каспии, а в Отечественную ему выдадут «бронь» для работы на оборонном предприятии. И он будет работать на износ: в марте шестьдесят третьего уйдёт из жизни, не успев поднять на ноги сыновей Рудольфа, Вячеслава, Сергея и младшенькую Татьяну. Растить их придётся жене Галине – одной, на мизерную зарплату младшего медперсонала заводской больницы № 3.

Мой отец, Александр Дмитриевич, родился на юге Рязанской (тогда – Московской) области. Родина мамы, Анны Степановны, – на севере Тамбовской. По прямой дороге от деревни отца до деревни мамы было двести километров от силы. Но чтобы они встретились на Урале, отцу выпадут блокада, Ленинградский фронт, госпиталь после тяжёлого ранения и направление на завод.

Что это значило в действительности «временные деревянные бараки»? Их называли в народе короче и точнее: рабочие казармы. Они и были, по сути, казармами: внутри строения не было капитальных перегородок, а висели занавески, отделявшие пространство одной семьи от пространства другой. Все «удобства» находились на улице.

Но люди были рады и этой крыше над головой, месту, где можно было согреться и отдохнуть после работы в цехах под открытым небом.

> «**1942 год.** 6 февраля была сдана в эксплуатацию первая электропечь литейного цеха. 14 февраля она дала первую плавку… В апреле ушел с завода в Верхнюю Салду первый вагон с первой продукцией (литые слитки) предприятия.»[3]

Завод начнёт «производство основных материалов и заготовок для самолетостроения и частично для моторных заводов»[3], как будет записано в паспорте предприятия.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Шатов Александр Михеевич будет пытаться «вырваться» на фронт, но ему прямо скажут:

– Куда назначили, там и работай – это приказ. А то допрыгаешься!..

Шла война, был отодвинут генеральный план строительства города, но для людей делали всё возможное.

Уже появились бараки с внутренними деревянными перегородками. В соответствии с решением горисполкома для рабочих завода в 1942 году построили из дерева баню, больницу, столовую, клуб. Одновременно начинается строительство двухэтажного кирпичного здания школы № 7 на 400 мест – школы, в которую позже мы придём учиться.

По аналогии сразу же вспоминается один из разговоров с отцом о блокаде:

– Только представь себе, сынок: после самой тяжёлой первой блокадной зимы, сразу же, с началом весны сорок второго, в городе начали восстанавливать водопровод, канализацию, бани. Да, бани. И отдельный талон на помывку выдавали, при банях прачечные открыли. Даже занятия в школах начались…

В войну, мальчишкой, пришёл работать на Синарский трубный завод Ковалёв Василий Васильевич и работал там до ухода на пенсию.

Однажды, во время ночной смены, мы пришли с ним размечать заготовки труб для погрузки в полувагоны. Над площадкой с заготовками не горело несколько ламп, и не было видно маркировку диаметра.

Василий Васильевич снял рабочую рукавицу, обхватил пальцами правой руки заготовку из ближайшего стеллажа, отрицательно показал головой:

– Не те.

Потом также, обхватом пальцев, померил заготовки в следующем, и кивнул:

– То, что надо.

Моя растерянность от такого способа измерения, наверное, была видна даже при очень слабом освещении.

Стоявшие рядом машинист крана Александр Иванович Белоусов и второй стропальщик Николай Васильевич Катохин, улыбаясь, подтвердили:

– Не сомневайся. Он ещё ни разу не ошибся.

Я повернулся к Василию Васильевичу:

– Как Вы это чувствуете?

Одевая рукавицу, он только слегка повёл плечом:

– С двенадцати лет, с войны, их гружу – вот и чувствую…

…Из Далматовского района в 1944 году призвали в армию Николая Серафимовича Полухина и направили в Дальневосточный округ. Вначале их часть стояла около Раздольного, в тридцати километрах от Владивостока, в ожидании приказа о дальнейших действиях. Никаких жилых строений для солдат не было, землянки строили сами. Затем выдвинулись к Гродеково, и уже там находились до начала войны с милитаристской Японией. Как только вечером объявили о войне, часть, в которой служил Николай Серафимович, перешла границу с Китаем. После освобождения Китая их часть до мая 1946 года по-прежнему находилась в этой стране до особого распоряжения командования. Лишь в конце мая они начали возвращение в СССР – в Краскино Хасанского района. Здесь Николай Серафимович и служил до 1950 года.

По возвращении к гражданской жизни устроился вначале на Уральский алюминиевый завод, принимал участие в прокладке троллейбусной линии между посёлком Чкалова и УАЗом. А после пуска линии перешёл на Каменск-Уральский металлургический завод.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Ещё в 1952 году в гостях у друга познакомился с выпускницей Шадринского педагогического института девушкой Галей, уроженкой Макушинского района. Вскоре они поженились. Галину Васильевну, как молодого специалиста, направили работать в школу № 7 вначале библиотекарем, а в 1957 году – учителем младших классов. В сентябре она стала Первой Учительницей нашего 1-го «б» класса. Проработала Галина Васильевна в одной школе более сорока лет…

После Победы город торопливо навёрстывал отставание от своего генерального плана.

Появились и стадионы, и водные станции, Дворцы культуры и красивые дома с фонтанами во дворах.

Огромный фонтан построили в центре площади Горького в соцгороде Уральского алюминиевого завода – завода, вошедшего в энциклопедию «Великая Отечественная война. 1941–1945». Вот цитата из энциклопедии: «…В авг. 1941 остался единственным пр-тием, выпускавшим алюминий для нужд оборонной пром-сти».

Недалеко от троллейбусной остановки, у проходной нашего Каменск-Уральского металлургического завода, который многие по старинке продолжали называть «Почтовый ящик четыре», тоже появился большой красивый фонтан.

И в нашем дворе по улице Западной построили фонтан – пусть небольшой, но скамейки около него редко пустовали.

Пётр Майоров, потерявший ногу на войне, любовался фонтаном и плескавшейся в нём малышнёй со скамейки у своего подъезда: метры, пробегаемые детскими ногами, гораздо короче тех, что нужно пройти ему на костылях…

Почти всё, что намечалось Генпланом 1934 года, в городе построили, а сейчас и далеко превзошли.

Стали металлургами, как и их отцы, Валентин Алексеевич Глинкин, Николай Александрович Шатов, Сергей Алексеевич Соболев, Михаил Алексеевич Шипилов и Валерий Иванович Пермяков. Из трёх сыновей Павла Васильевича Душкина металлургом работал Валентин Павлович, а Валерий Павлович и Вячеслав Павлович стали специалистами по монтажу промышленных предприятий.

Старые города выросли вширь и ввысь, появились новые.

Но не вернутся миллионы тех, кто защищал будущее наших родных мест.

У многих из нас Время забрало вернувшихся с Войны родных и близких.

Наша память отчасти похожа на зеркало: в ней полно и ёмко отражается увиденное и пережитое недавно. Но чем дальше мы удаляемся от конкретного события, тем больше деталей этого события отходит вначале на второй, потом на какой-то дальний план, и вот они совсем теряются. Скоро от самого события остаются только небольшие фрагменты, словно наше зеркало вначале незаметно тускнело, а однажды нечаянно разбилось, но в его осколках ещё многое можно увидеть, различить…

Мне казалось, что я никогда ничего не забуду из пережитого в послевоенные годы детства.

Оказалось – очень, очень многое забыл.

Чем старше становишься, тем больше появляется вопросов, ответить на которые могли бы лишь наши отцы…

И сегодня, искренне желая всем сердцем поклониться поколению людей отстоявших нашу страну в той страшной битве и в трудовом тылу, мы, к своему стыду и огромному сожалению, можем принести только эти осколки, оставшиеся в памяти…

Да простят они нам запоздалый наш поклон!..

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

[1] – «Если б не было войны» – цитата из стихотворения Игоря Шаферана, название одноимённой песни (музыка Марка Минкова)

[2] – из статьи Гавриловой Светланы Игоревны, аспиранта Уральской государственная архитектурно-художественная академия, «Развитие градостроительной структуры г. Каменска-Уральского начала XVIII – середины XX веков». Там же см.

– соцгород – один из типов расселения в городах нового типа, был основан на принципах воспитания «человека новой формации»: труженника-коллективиста с активной жизненной позицией и широким кругом интересов»;
– УАЗ – Уральский алюминиевый завод.
[3] – Из книги «Каменск-Уральский металлургический завод 60», автор-составитель Котлов А.Н., творческая группа: Пасынков Б.И., Баранчиков В.М., Шишменцев В.П., 298 стр., тираж 1000 экз., ООО «Компания «Лазурь», 2004 г.
*11.01.1039 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР «О разделении Наркомата Оборонной промышленности СССР из Первого (самолётного) управления Наркомата Оборонной промышленности СССР был образован Народный комиссариат авиационной промышленности СССР (НКАП) – государственный орган СССР в ранге министерства, управлявший развитием авиационной промышленности СССР в 1939-1946 годах.
** Московский электромеханический ремонтный завод – основан в 1934 г. Осуществляет ремонт тяговых двигателей и вспомогательных машин.
*** В 1932 г. в районе деревни Ступино началось строительство крупного электровозного завода (в 1936 г. перепрофилирован в металлургический комбинат). В 1934 году из деревень Ступино, Кремичанка и посёлка Электровозостроя создан рабочий посёлок Электровоз, который при преобразовании в 1938 г. получил название Ступино и статус города. С 1944 г. – центр Ступинского района.

…ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА

21 ИЮНЯ 1941 ГОДА

Сегодня в ночь обрушится война
На старый Брест, на Холмские ворота.
На смертный бой поднимется страна
И первой в бой опять пойдёт пехота.

Бессчётных пушек рявкнет хриплый бас,
Взрокочут танки, взмоют самолеты.
Рванутся корабли, меняя галс,
Во все моря на жуткую охоту.

Эфир взорвется криком позывных
И воздух раскалится от снарядов,
И будет смерть подряд косить живых,
И станет каждый миг страшнее ада.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Четыре года! – битвы тяжкий ад:
Без продыха, жестокий и кровавый.
Но до сих пор везде огни горят –
Огни бессмертных подвигов и славы.

Но до сих пор пропавших свято ждут,
Во здравие в церквях им ставят свечи.
Об убиенных слёзы так же жгут
Глаза и сердце – если плакать нечем.

Всё так же память на войну ведёт,
И беспощадней добивают раны.
И всё внутри невольно вдруг замрёт,
Когда июнь и день – с тем утром ранним…

Сегодня в ночь обрушится война.
Ну, а пока и лист не колыхнётся.
Последний час над миром тишина
И живы все, кто с битвы не вернётся!

ЛЕНИНГРАДУ

Сорок первый двадцатого века.
В Ленинграде – июньская ночь.
В белый сумрак распахнуты веки
Статуй Летнего сада. Точь-в-точь

Также смотрят скульптуры безглазо
На Варшаву, Париж и Берлин.
Сколько войн они видели разных!
Но такую – лишь ты один,

Ленинград – наша гордость и слава,
Ленинград – наша вечная боль,
Из Героев Герой по праву,
Поклониться сегодня позволь

До земли, что пропитана кровью,
Защищавших тебя бойцов:
Встанут снова с Блокадою вровень
Юность, раны наших отцов.

Встанут с первой суровой зимою
Тени страшные: голод, цинга.
И обрушатся с жутким воем
Сотни бомб с самолётов врага…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И с трудом, по сугробам, с винтовкой,
Встанут роты на встречный бой
Из промёрзших до звона окопов,
Город свой заслоняя собой…

Ленинград! Извини, что тревожу:
Поздно, ночь, может, спишь уже.
С каждым годом ты всё дороже
И роднее ещё душе!

Но туда, в сорок первый далёкий,
Всем, кто жили и жив сейчас,
Может, ты передашь мои строки
В предрассветный июньский час?..

22 июня

1

В рассвете с вчерашних танцев
Спешил паренёк домой,
Мечтал в выходной отоспаться –
Счастливый и молодой.

Мечтал о новом свиданьи,
О нежных, желанных губах,
Целованных только в тайных
Самых смелых мечтах.

Он шёл со вчерашних танцев
Сквозь хрупкую тишину…
Под Брестом фашистские танки
Уже ворвались в страну.

Уже грохотали взрывы,
Горели деревни; шёл бой.
А танки рвались торопливо,
Сжигая из баков газойль.

Дым чёрный вздымался густо.
У танков – железная прыть.
В сожжённой деревне грустно
«Журавль» над колодцем скрипит.

А ветер то гонит пепел,
То брякнет пустым ведром.
Вчера здесь смеялись дети
И каждый спешил в свой дом…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

2

Сколько по русским равнинам
Сожжённых, разрушенных мест!
Сколько родных и любимых
В могилах безвременных здесь!

В полях отгремевших сражений
Следов почти не найти.
…Где-то в сожженной деревне
«Журавль» сиротливо скрипит.
Где наш паренёк, что с танцев
Спешил поутру домой?
Лежит он в могиле братской?
А может поныне живой?

И в мирном июньском рассвете
Страшного эха набат
К той, самой любимой на свете,
Зовёт в сорок первый назад?..

3

Двадцать второе. Вечер.
Давно отгремела война…
Сердцу заплакать нечем:
Выжжено горем до дна.

Только лишь боль сухая,
Горькая, горькая боль,
Из памяти не стираясь,
Въелась крепче, чем соль.

С рождения боль, навеки.
Ударит нежданно под дых.
А ветер гоняет пепел
На месте сражений былых…

Вечер 22 июня 2010 года

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

СОЛДАТСКИЙ МЕДАЛЬОН

…Приказом Народного Комиссара Обороны Союза ССР №138 от 15.03.41 г. были введены медальоны в виде текстолитового пенала с вкладышем из бумаги…

Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут.
Сползает солнце вниз по небосклону.
Упорно фрицы к нам опять ползут.

Нас только двое и одна граната,
И у Серёги меньше на патрон.
Весь взвод полёг, но продержаться надо
Пока свой фланг подтянет батальон.

Нам на двоих и сорока нет полных:
Такой уж выпал сорок первый год.
К земле прижавшись гимнастёркой потной,
От глаз, со лба стирая грязный пот,

Серёга улыбнулся вдруг: «А знаешь,
Не зря мы здесь и в крови, и в пыли
Лежим сейчас. Однажды, в мирном мае,
Придут сюда и спросят: – Как могли

Полдня держаться два почти мальчишки,
Когда весь взвод в бою уже полёг?
А я тебе шепну: «Васяня, слышишь? –
И жаворонок в небе запоёт…»

… На месте том нашли два медальона.
В одном – записка, скрученная в жгут:
«Я зарядил последних шесть патронов.
Боезапас уже не подвезут…»

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ОСКОЛОК В ПАМЯТИ

Посвящается
памяти наших отцов

** ** **

Война…

Если бы кто-то спросил, когда она впервые коснулась сознания моих сверстников, то, наверное, никто не смог бы вспомнить.

Нас, родившихся через четыре года после Победы, всё оставленное Войной, окружало с первых минут жизни.

Ко мне это относится буквально.

Роддом, в котором я появился на свет, располагался в бараке постройки 1941 года, ровеснике нашего рабочего посёлка. У эвакуированного из-под Москвы в Каменск-Уральский Ступинского металлургического завода строить другое жильё тогда не было возможности. И называться завод стал по-другому: «Почтовый ящик № 4».

Вернее, в посёлке, кроме бараков, было ещё немного частных домиков с довоенной поры, но эвакуированные и прибывающие из госпиталей фронтовики получали направление во «временное жилое строение», как именовались в официальных документах бараки, спешно строившиеся один за другим.

То ли по недогляду кого-то из медсестёр, то ли по какой другой причине, но несколько детей, в том числе и я, простыли и заболели воспалением лёгких. Потребовалось переливание крови. Папина кровь подошла по группе, и мне переливали её. Сколько раз – не знаю, но когда я уже подрос, папа говорил порой: «Смотри, не подводи! В тебе литр блокадной крови!»

Самые ранние разрозненные отрывки из детской памяти, наверное, от первой поездки с папой и мамой на родину отца – на Рязанщину.

…Мне почти четыре года.

Поздний летний вечер в деревенском доме.

При полупригашенном свете керосиновой лампы, на кухне, около огромной печи, какой я ещё не видел, за столом сидят папа и один из его старших братьев – Михаил: в войну капитан, артиллерист, а сейчас – учитель математики сельской школы.

Расположившись рядом на лавке, сквозь дрёму, я слышу голос дяди Миши:

«… Помню, что бой был тяжёлый: они били из своих орудий по нам, мы – по ним. На батарее – грохот от стрельбы, взрывы впереди и где-то сзади. Вдруг один такой оглушительный, будто в меня самого попало...

А больше ничего не помню. Очнулся уже в плену. Два раза бежал из концлагеря. В последний – удачно. Дней пять мы с другом лежали в болоте, ждали наших.

Довоевать дали, награды есть, а дальше деревни жить нельзя… Как вспомнишь!.. Российская империя!..»

«Российская империя!..» срывалось у него сразу же, как только начинал волноваться. Я не знал, что такое «Российская империя», но перебивать старших не решался.

Другой вечер, что всегда помню.

Бабушка Дарья, здесь же, на кухне, процеживает парное молоко и рассказывает маме:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«…Как немец к Москве подошёл, Ванюшу, зятя, на фронт забрали, а Наташенька, доченька, на девятом месяце, к нам в деревню подалась. Добраться-то от Москвы добралась, да простудилась.

Родила Володеньку, внучка, тут и скончалась. Думали: «Что отцу на фронт напишем?» А писать-то уже некому было – убили Ванечку в эту же зиму, под Москвой. А Володенька рос сначала у меня, а потом у другой моей дочки. Её, как тебя, Анютой звать. В Москве сейчас живут…»

Ещё одно из ярких воспоминаний.

Мне около пяти лет. Мы с ребятами играем, спрятавшись в тень от нашего нового двухэтажного дома по улице Западной, 5.

Среди слепящего летнего дня, задыхающегося от густого аромата цветущих во дворе клумб, листьев клёнов и тополей, буйной травы, растущей сразу же за краем тротуара, на скамейке у подъезда сидит отец Вальки Майорова дядя Петя в своём латаном-перелатаном старом армейском кителе и с неизменными костылями. На землю он опирается одной ногой, а вместо второй – пустая штанина, подвёрнутая за поясной ремень.

Фронтовик курит «козью ножку» и, улыбаясь, подставляет лицо солнечному теплу. Сегодня ему принесли пенсию.

Через некоторое время рядом появляется его жена и громко, на весь двор, зовёт своих детей: «Люська! Валька! Галька! Идите есть картошку жареную – и, оглядев окружающих её соседей, победно завершает – с мясом!»

У Мещеряковых и Конычевых, наших соседей по коммунальной квартире, отцы погибли. У одного осталось трое, у другого четверо детей, и жёны в одиночку растят их. У Володи Румянцева, моего одногодка, из квартиры над нами, погиб дядя – Иван Иванович Баток.

В каждой семье не стало кого-то из родных.

Воевали отцы, но всё пережитое ими с рожденья окружало нас.

Оно впитывалось нами из разговоров родных между собой; из их разговоров с друзьями, тоже прошедшими фронты, госпитали и военный тыл с его трудовым фронтом. Впитывалось из случайно оброненных фронтовиками фраз, из всего видимого вокруг в тесном мире коммунального жилья и за его стенами, и, казалось, из самого воздуха, которым мы все тогда дышали…

Отцы вспоминали о войне, а мы слушали…

Слушали ещё дошколятами, сидя на папиных коленях, слушали в школьные годы и уже повзрослевшими, во время редких приездов в родительский дом…

И не один раз, и не от одного фронтовика слышали слова: «Это же книгу надо писать, чтобы все знали…»

Но из тех, кого я знал, ни один не написал такую книгу. Не то, что писать, они и говорить долго о Войне не могли…

А тех, кто вернулся, сегодня догнали раны и безжалостное Время.

С ними ушла их память о Войне. Но часть своей памяти они оставили нам.

У меня уже седая голова, а я всё не могу решить: имею ли право говорить об **их Войне**? Дано ли мне оно по праву сыновнего долга?

Но жить с невысказанным грузом такой памяти очень тяжело. Наверное, это тоже каждый решает по-своему.

Я решил попытаться пересказать эпизоды воспоминаний отца о войне.

1

…Ты спрашиваешь, сын, как я оказался в войну в Ленинграде?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Тогда, наверное, начинать нужно с самого начала, с моего рождения: уж очень, как мне кажется, одно за другое цепляется. Даже о самом рождении моём мама, твоя бабушка Дарья, без улыбки вспоминать не могла.

По её словам, они с отцом в то время пристрой из самана к дому делали: копали глину на реке, накладывали на телегу, привозили во двор, сгружали и опять на Молву, речку нашу. Сколько телег привезли, мама не помнила, но вдруг почувствовала: всё, начинается – не первенца рожала, я уже двенадцатым был.

Вот она и говорит папе:

– Митя, не могу больше, рожаю.

А папа в ответ:

– Даша, подожди немного. Давай ещё один возок нагрузим…

Так я и родился около речки.

В то время в нашей Мурзинке было 75 дворов. Она считалась не самой маленькой из ближних деревень: в Луканетках насчитывалось 40, в Харламовке 50, и только во Владимировке было около 300 дворов.

Трудно жили, что там говорить. Вроде и работали и старшие и младшие, а каждый раз думали: как зиму перезимовать, чтобы запаса хватило?

Помню, когда коллективизация была, на ночь в каждый дом определяли одного уполномоченного, чтобы доглядывал за хозяевами. И в наш дом определили.

Сидят папа с мамой, разговаривают тихо: что же делать? Если хлеб отдать – хоть по миру иди, чем детей кормить?

А уполномоченный с лавки:

– Вы, хозяева, делайте, что вам нужно. Считайте, что меня нет.

Родители опять думают-гадают, как быть: если послушать уполномоченного – вдруг завтра сам же их и сдаст в тюрьму? Не послушаться – тоже не лучше…

Решили спрятать на свой страх и риск.

В хлеву, прямо под лошадьми, вырыли яму и туда положили шесть мешков зерна, остальное сдали.

Утром пришли, уполномоченного спросили как дела. Он ни слова о спрятанном зерне не сказал. Поискали немного, ничего не нашли, забрали выставленные мешки и уехали.

Вот так и спаслись.

Мама потом, уже вечером, говорит:

– Мить! А мы даже имени-то уполномоченного не знаем: за кого Бога молить?..

Потом был тридцать третий с голодом, а следом тиф брата Ваню унёс: тому только девятнадцать исполнилось.

Почему-то ещё одна история запомнилась. Это уже в колхозное время.

Жил у нас на другой улице Митька с уличным прозвищем «Колчак». Работал трактористом – важная на деревне специальность, в трактористах всегда нужда. А местный врач у него вдруг обнаружил туберкулёз и дал направление в больницу в Рязань. А тогда ещё МТС[1] были объединённые. Вызвали врача в райком и выговорили ему:

– Уборочная в разгаре, а ты тракториста – в больницу. Вот кончится уборочная, тогда и отправляй!

Врач вернулся, вызвал к себе Митьку, забрал у него направление в больницу и выписал таблетки.

Через несколько месяцев Митька умер.

После смерти Митьки его мама при встречах с односельчанами говорила:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Врач-то наш поначалу отделаться хотел от Митеньки, в Рязань отправлял. Потом смилостивился, таблетки выписал, лечить начал, да Божья воля вмешалась! А за врача я молюсь, и молиться буду!..

После тридцать четвёртого дела в нашем колхозе стали заметно хуже: всё меньше стали получать колхозники за трудодни, хотя работали по-настоящему, никому и в голову не приходило улынивать, прятаться за спину другого.

«Первую заповедь колхозника», план обязательных поставок государству – а это от четверти до трети урожая, как район прикажет – нужно было выполнять. Да ещё и МТС за обработку полей колхоз плати…

Нашей семье было немного полегче, чем другим: всё-таки старшие дети жили и работали в Москве, а самый старший, Вася, – в Ленинграде. Помогали, как могли. Родители овечек несколько штук держали, птицу. Самая это морока гусей и уток пасти: чуть заигрался, а они по реке уже километра за два уплыли – беги берегом, догоняй…

Семилетки в нашей Мурзинке не было. Вот и отвозили на постой за километров семь с лишним в другую деревню – в Кумино. Время от времени папа привозил продукты: для нас и хозяевам в оплату за угол.

Учился я с удовольствием. Когда уже заканчивал, папа говорит:

– Давай, сынок, просись учиться дальше, в городе. Там не пропадёшь и к братьям поближе.

Дали мне в сельсовете справку на получение паспорта, направление на учёбу и поехал я в Москву: тогда наш район в Московскую область входил.

Поступил в школу фабрично-заводского ученичества[2] при Московском электромеханическом ремонтном заводе. На этом заводе делали двигатели для электровозов.

Дисциплина в школе была строгая, учили по-настоящему, тройка не считалась за оценку. Преподаватели говорили:

– Двигатель, собранный плохим специалистом – это гарантия рекламации на продукцию. А рекламация – это брак в работе.

Никаких опозданий на занятия или в общежитие вечером без уважительной причины не признавалось; за грубые нарушения дисциплины наказывали вплоть до отчисления.

Но и опекали своих выпускников даже после окончания школы.

Мастера, обучавшие нас два года, приходили на завод, интересовались как дела у каждого, чем помочь могут. Ты, может, не поверишь, но у бригадиров спрашивали как про детей малых: ходим ли в обед в столовую, не перебиваемся ли всухомятку? Приходили и в заводское общежитие, смотрели: в каких комнатах живём, кто соседи; узнавали у коменданта: нет ли на нас жалоб, радовались хорошим отзывам о нас.

Как оказалось и заводские специалисты за нами внимательно наблюдали.

Однажды, во время перекура, подходит ко мне начальник участка Баладжан и просит закурить. Я даю ему папиросу, а он, раскуривая её, так спокойно, как всегда на «Вы», говорит:

– Товарищ Покидышев. Замечаний по работе у меня к Вам нет. Но вот я уже не первый раз нарочно спрашиваю у Вас закурить, и что же вижу? Курите Вы дорогую марку «Пушка». Я получаю больше Вас, но не могу себе позволить такие папиросы. Смотрю, опять пакетик с пирожками с собой, а столовая рядом. Не дело это!..

Запомнил я тот урок отношения к подчинённым.

…Уже после войны, когда заехал я на завод, встретил меня Баладжан как родного сына, звал в свой цех, спросил, где и кем работаю.

– Да, – сказал, – с оборонного предприятия так просто не отпускают…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Я любил свой завод и свои электродвигатели: ведь мы их собирали для первых электровозов в стране.

Я жил в столице. В спортивной форме два Первомая маршировал по Красной площади мимо трибуны Мавзолея, на которой стоял Сталин.

Накануне праздника нам выдавали по погоде белые майки или свитера, белые брюки и парусиновые теннисные туфли. Для ослепительной белизны туфли ещё с вечера мы начищали увлажнённым зубным порошком и оставляли сушиться…

В мае тридцать девятого меня призвали на срочную службу и направили в полковую школу Второго полка связи Ленинградского Военного Округа[3].

Я сразу влюбился в этот город: в первом же увольнении, когда поехал в гости к старшему брату Василию.

Я ходил по ленинградским улицам, пока ноги не начинали гудеть. Вместе с другими курсантами назначал свидания своей девушке у знаменитых Пяти углов; смотрел и не мог насмотреться на белые ночи…

А сколько километров отмаршировали мы по Дворцовой площади, пока готовились к праздничным парадам!.. Отмаршировали не в сапогах, их ещё не выдавали, а в ботинках с обмотками, которые разматывались на ходу именно во время прохождения мимо начальника школы…

С какими ребятами пришлось вместе служить и учиться! Где они сейчас, мои тёзки: Саша Блинов, Саша Серебренников и Шура Бруква?..

Бруква – это его прозвище, потому что он никогда не мог чисто произнести слово «брюква» из-за своего белорусского выговора. А настоящую его фамилию я называть не буду.

Когда через несколько месяцев после начала учёбы мы стали пооткровеннее в своих рассказах о гражданской жизни, Шура огорошил всех.

По его словам, однажды летом, находясь в гостях на даче у своего дяди, они с двоюродным братом через небольшой пролом в заборе пробрались на соседний участок. Понимая, что так делать нельзя, из мальчишеского любопытства, осторожно, от куста к кусту, прокрались на несколько метров от забора.

Строения на участке были такие же, как и у них, но винный погреб оказался открытым. Рядом никого не было видно и мальчишки – им тогда было по двенадцать-тринадцать лет – вошли в погреб. Конечно, опять-таки из любопытства, отведали вино из высокой стеклянной бутыли, стоявшей на деревянном столе посреди погреба.

– Вроде бы и выпили всего по большому стакану, и вино было похожее на сладковатый густой сок, – рассказывал Шура, – а когда хотели встать из-за стола, то не смогли: ноги стали какими-то ватными.

В это время в погреб вошёл какой-то мужчина, наверное, за вином или проверить погреб перед тем, как его закрыть, и увидел непрошенных гостей. Он спросил, откуда они, а услышав, что с соседней дачи, рассмеялся:

– Так ведь у вас такой же погреб, как у Климента Ефремовича. Зачем сюда-то пришли?

– Интересно стало, – оправдывались неудачливые дегустаторы.

Видя, что им самим трудно будет дойти назад, мужчина вышел из погреба, кликнул кого-то, а потом вернулся уже с молодым красногвардейцем.

Вот в его сопровождении ребята, через запасную калитку в заборе, и вернулись на свою дачу.

Прощаясь, красногвардеец, не выдержал, заулыбался:

– Ну, посмеётся товарищ Ворошилов, когда узнает, какие гости у него в погребе побывали.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Слушавшие Шуру курсанты ахнули:

– Как ты сказал? Ворошилов? Ну, ты придумал! Да кто же тебя туда пустит?

– Как кто? Как кто? – разгорячился Шура. – У дяди и у Ворошилова конюшни рядом. Вот за ними мы и прошли.

– А кто же тогда у тебя дядя? – спросили мы.

Шура притих, потом серьёзно сказал:

– Тимошенко Семён Константинович[4].

– Нарком обороны? – ахнули все. – Ври, да меру знай. Если у тебя дядя нарком, что же мы газету карандашами рисуем? Попроси у него краски и настоящий ватман.

– Хорошо, – также серьёзно ответил Шура.

Сказать сказал, но поверить было трудно: слишком необычным казалось такое соседство в казарме – с племянником самого Тимошенко!

Но примерно через месяц Шуру вызвали в штаб полковой школы, и оттуда он вернулся с большим пакетом из плотной тёмно-жёлтой бумаги. Вдоль верхнего края пакета чёрным крупным шрифтом было напечатано: «ПРИЕМНАЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ СССР».

В июне сорок первого, после окончания школы Шуру направили на фронт. Больше о нём я ни разу ничего не слышал… Но это – забегая вперёд.

А тем временем служба и учёба шли для каждого по-своему. Кому-то и то, и другое давалось без особых усилий; кому-то учиться было легче, чем заниматься строевой и физической подготовкой: что такое марш-бросок на лыжах для бойца, который на них ни разу в жизни не вставал? Я-то с наших крутых берегов скатываться научился, чуть на другой, пологий, берег не выносило. А каково, если впервые лыжи одел, да ещё с горы вниз съехать надо? Причём дорога вниз идёт не по открытому месту, а петляет между деревьями.

Привезли нас на занятия как-то на границу с Финляндией. Местные мальчишки как вьюны с самой высоты откуда-то из-за деревьев выныривают, с криками несутся вниз. Кажется, что деревья им сами дорогу уступают.

Вот на глазах у смеющихся над нами мальчишек мы и одолевали премудрости спуска на лыжах с крутых склонов…

Было и ещё одно непредвиденное обстоятельство. Часть новобранцев на гражданке зачастую не ела досыта. А тут от регулярного качественного трёхразового питания и нормального режима отдыха они стали заметно набирать вес. Причём некоторые до того поправились, что уже и одного раза на турнике подтянуться не могли. А в армии установленные нормативы выполнять нужно. Стали отказываться от добавок – с нормами справились. Как мы те добавки потом, уже в блокадные дни, вспоминали!..

Во время Финской войны нас только раза два привозили на станцию помогать перегружать раненых. В основном, как мне запомнилось, это были обмороженные солдаты. Откуда-то, откуда – не знаю: ведь нам не разрешали разговаривать с ранеными, пошёл слух, что обморозились они при взятии линии Маннергейма[5]. Якобы, одно из укреплений было сделано в виде канала. И когда наши бойцы ворвались на это пространство, белофинны открыли шлюз и затопили водой канал… Но о той войне из нас никто ничего толком не знал.

2

…В июне 1941 года я уже оканчивал двухгодичную полковую школу связи, когда объявили о начале войны. Почти всех курсантов сразу же отправили на фронт. Нас, нескольких выпускников, прошедших полный курс, оставили в школе инструкторами – обучать новобранцев.

С первых же дней войны стало ясно: радистов для фронта понадобится много!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Телефонные провода не укроешь от снарядов. Пока доползёт телефонист к месту одного обрыва, снаряд может повредить линию в другом. Сколько их уползло и не вернулось: кого пуля, кого осколок догнал… А без связи не повоюешь.

Уже в июле нарком обороны издал приказ[6]: у каждого командира должна быть переносная рация.

Наш полк стоял на окраине Ленинграда, и мы надеялись, что пополнение придёт из ленинградцев.

С командиром роты капитаном Рикедой и моим командиром взвода лейтенантом Павлом Васильевым мы проверили наши радиоклассы, исправность передатчиков и приёмников, казарму. Капитан доложил комполка о готовности.

Пополнение поступило. Но какое!.. Ограничено годные были подарком. Как в Ленинград так быстро попали новобранцы с Западной Украины и из Средней Азии – не знаю. А они почти не знали русского языка – языка, на котором их нужно было учить.

Проверяешь слух курсанта – ведь вся радиосвязь на нём держится – как слышит, как отличает точки и тире морзянки. Вроде отличает хорошо, улавливает разницу между знаками, правда, пока не зная какую букву принял. А как только начинаешь говорить с ним – тупик. С теми, кто без слуха проще: перевели в телетайписты или телеграфисты и пусть учатся. Но ведь и там язык знать надо. А приказ один – учить этих, других нет. И учить по ускоренной программе: три месяца – и готов.

Обстановка в школе тоже изменилась: мы стали боевым подразделением, несли дежурства в части и патрульную службу в городе.

Блокада началась 8 сентября, запасы в городе резко сокращались, подвозимых продуктов не хватало.

Первым исчез в полковой столовой белый хлеб, свободно лежавший на металлических тарелках. Потом исчез чёрный. Сам паёк почти с каждым днём становился всё меньше, а выдаваемый хлеб – сырой, тяжёлый, действительно не по сорту, а по своему виду чёрный – не насыщал, а ложился в желудке камнем. Чувство голода стало одним из постоянных ощущений.

Когда остановилась ТЭЦ, пришлось самим заготавливать в лесу дрова для отопления – похолодало как-то резко, сразу.

По-моему, к октябрю, в полковую столовую уже не ходили. Дежурные приносили оттуда котёл с полужидкой кашей и, пока курсанты были на занятиях, поднимали его на второй этаж, в столовую роты.

Но если недоедаешь так много дней подряд, да ещё рубишь дрова на морозе, а потом, чуть живой и мокрый от слабости, возвращаешься в полухолодную казарму, разве наешься миской каши?..

Всё чаще утром, при подъёме, кто-то от истощения не мог подняться с кровати: ведь, всё-таки, до войны этим людям не зря военно-врачебная комиссия ставила штамп «ограничено годен». Они не были подготовлены даже просто к военной службе, а на них свалилось такое тяжёлое, подчас непосильное, испытание!..

Однажды, с какой-то неожиданной оказией, в школу привезли мясо. Назначили наряд на кухню разделывать его, каждый грамм был взят на учёт, но один небольшой кусок пропал. Как и когда – никто не заметил. Обыскали всю столовую – не нашли. Не хотелось верить, но был только один очевидный ответ – мясо взял кто-то из наряда. Взял для себя, у таких же истощённых товарищей. Кто-то стал ***вором***.

Это очень тяжело для голодного: смотреть на большое количество еды в твоих руках и удержаться, не съесть хотя бы маленький кусочек. Не только вид, а даже просто запах еды вызывал болезненные спазмы в животе. Поэтому, когда мы шли патрулём по

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

городу, всегда, по возможности, старались обходить Адмиралтейство: откуда всегда вкусно пахло нормальной пищей…

Капитан Рикеда построил роту перед казармой и скомандовал:

– Наряд! Два шага вперёд! Круу-гом!

Потом встал между нарядом и остальными курсантами, помолчал.

– Товарищи бойцы, – негромко произнёс он. – Через час пятеро из вас пойдут в Ленинград нести боевую патрульную службу. Одна из ваших задач – борьба с мародёрами до расстрела на месте. С теми, кто, потеряв человеческий облик, грабит голодных и больных.

Сегодня впервые, подписывая наряд на патрулирование, я буду думать: вдруг один из уходящих и есть тот, кто ограбил своих товарищей? Как поступит он в трудную минуту? Не обратит ли своё оружие против вас? Своим поступком он уже перешёл на сторону врага, пытающегося сломить нас голодом.

У него есть час для решения: признаться и искупить вину по закону военного времени, как положено бойцу Красной Армии, или навсегда остаться врагом!

А теперь – разойдись!

Конечно, всем хотелось поскорее уйти с пронизывающего холодного ветра, укрыться от его порывов в казарме, но не успели мы ещё выполнить команду, как где-то сзади нас раздался громкий глухой хлопок и все поняли, *что* случилось: плотно уперев ствол карабина себе под подбородок, нажал на спусковой крючок курсант, укравший мясо…

Вскоре этот курс, обучавшийся по ускоренной программе, отправили на фронт. Пришли учиться другие и тоже ушли…

Когда лёд на Ладоге набрал нужную толщину и заработала «Дорога жизни», стало немного легче: вместе с неизменной пшённой кашей появились и другие продукты.

Да… А мясо нашлось – выдало себя запахом, когда, засунутое в небольшой закуток за печкой, стало портиться от тепла.

Никто не хотел прикасаться к нему. Просто смели, выкинули и забыли. Как забыли того, кто украл злополучный кусок.

Как его звали, каким он был, где похоронили – никто не запомнил. Никто не запомнил, никто не винил: не каждый мог вынести такую долю. Но каждый сам намечал для себя черту, до которой сегодня нужно дойти и не сломаться. А завтра…

А до завтра, сынок, ещё дожить нужно было…»

3

…Я так откровенно, как всё было, рассказываю тебе о блокаде, а сам думаю: «А нужно ли? Очень непросто человеку, не прошедшему через испытания, которые выпали другим, понять их, не осудить за поступки, кажущиеся из сегодняшнего дня некрасивыми, предосудительными».

Но, наверное, чем честнее рассказываешь, тем достовернее твои слова, тем легче они находят отклик у собеседника.

Так вот, я хочу вернуться к новобранцам, что пришли в нашу школу в первые дни войны.

Многих из них в мирное время признали ограничено годными по здоровью. В армии они не служили, были людьми сугубо штатскими, но в военкоматы пришли сами.

Им было труднее всех. От войны и так не ждут ничего хорошего, но такие страшные испытания и лишения и представить себе никто не мог.

Им было труднее всех ещё и потому, что первая осень и начало зимы до открытия «Дороги жизни» были самыми тяжёлыми для каждого, кто оставался в Ленинграде: таким

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

внезапным оказался перелом от мирного уклада к невыносимым и душевным, и физическим мукам.

Все верили в непобедимость Красной Армии, никто не думал, что война может стать долгой и настолько кровопролитной. И все каждое утро, каждый час ждали сообщение, что наши войска отбросили силы противника, перешли в наступление и начали разгром врага.

Но такого сообщения не передавали. Говорилось о новых и новых потерях, об оставленных населённых пунктах, а на город, лавина за лавиной, налетали самолёты с крестами и сыпали, сыпали бомбы.

Навстречу им взлетали наши, краснозвёздные, но наших было так мало! Несколько фашистских машин набрасывались на одну краснозвёздную, и, несмотря на всё мастерство и упорство, на бесстрашие наших лётчиков, принимавших такой неравный бой, горели самолёт за самолётом.

Мы, с земли, напряжённо следили за ходом каждого воздушного боя, всем сердцем желая своим уцелеть, сбить хотя бы одного гада!.. А когда немецкие асы беспощадно, почти в упор, расстреливали из пулемётов прыгающих из горящих машин лётчиков, их только начинающие раскрываться парашюты, слёзы ненависти и горечи непрошено, сами появлялись на наших глазах.

После команды «Отбой воздушной тревоги», по возвращении в классы, очень трудно было снова сосредоточиться на учёбе: эпизоды воздушного боя стояли перед нами…

4

Уже больше двух месяцев прошло с начала блокады. Уменьшить ещё норму пайка означало бы не оставить ни одного шанса на выживание. А люди держались…

Не было еды, не было тепла.

Начальник медсанчасти полка, кадровый офицер, многое повидавший в финскую войну, заставлял каждого при нём выпивать мензурку хвойного настоя от цинги – горького и противного. И если кто-то пытался обмануть, уйти, не проглотив самодельного лекарства, не церемонился в выражениях:

– Глотай, а то расстреляю как дезертира! Я заставлю тебя выжить. Вы мне, сопляки родные, живыми нужны. Это – мой воинский долг.

Боец глотал, а военврач, наливая порцию для следующего, говорил:

– Теперь тебе точно цинга нипочём! Но не зазнавайся – ты ещё на фронт должен здоровым отбыть.

Никто не обижался на его грубоватые шутки. Этот много повидавший офицер знал своё дело, но при необходимости действительно мог применить оружие, чему я сам оказался свидетелем.

…Среди курсантов военного набора оказался один, который начинал ссылаться на недомогание, как только нужно было поработать физически. Пару раз ему поверили. А тут нашему взводу выпал наряд на заготовку дров.

И опять этот «больной» за своё:

– Так плохо себя чувствую, что еле на ногах стою.

Комвзвода Васильев не выдержал:

– На товарищей своих посмотрите: они тоже доппаёк не получают и еле на ногах стоят, а молча собрались. Пойдёмте к врачу в медсанчасть. Если он признает Вас неспособным к физической работе, то останетесь в наряд по взводу.

Мы взяли пилы, топоры, несколько больших санок и, скорее маленьким караваном, чем строем, направились к медсанчасти.

У входа лейтенант скомандовал:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Всем ждать. Больной – со мной.

Не прошло и пяти минут, как дверь распахнулась, и из неё, с перепуганным лицом, выскочил, в наполовину одетой гимнастёрке, с шинелью и шапкой в руках, «больной» курсант.

Следом, с трудом передвигаясь, пытался выйти военврач с крепко обхватившим сзади его руки лейтенантом Васильевым.

– На месте… как дезертира… по закону военного времени…, – выталкивая из себя каждое слово, кричал военврач, пытаясь правой рукой достать пистолет. Но комвзвода по-прежнему с силой сжимал руки офицера.

–У него… у него боках… жир свисает… а он больной? – также, словно задыхаясь, выкрикивал военврач, а комвзвода всё старался его завести назад в медсанчасть.

Наконец ему это удалось, дверь захлопнулась.

Через некоторое время Васильев вышел, торопливо сбежал по ступенькам, осмотрел нас, продрогших без движения на холодном ветру, и вплотную подошёл к уже одевшемуся «больному»:

– Ещё хоть слово – сам пристрелю, даже если под трибунал отправят. Ясно?

Не сдержавшись, свой вопрос он выкрикнул прямо в лицо «больному».

Тот стоял, не в силах от страха ответить, лишь его нижняя челюсть мелко-мелко дрожала.

Лишь когда в лесу бойцы начали укладывать в санки заготовленные дрова, Васильев попросил:

– Саш, сверни покурить. До сих пор руки трясутся.

– Что случились-то?

– Он ведь знаешь, что спросил у военврача? – жадно затягиваясь самокруткой, начал Павел. – Нельзя ли ему получить заключение о негодности к службе, нужные справки о болезни его родные принесут. А сам здоровее всех нас: стоит без гимнастёрки – весь розовый, упитанный. Хорошо, что врач сгоряча кобуру расстегнуть не успел. Я, как понял к чему дело идёт, обхватил его. Еле смог удержать: вроде худой, а жилистый…

Где-то недели через три с нами в патрульную группу назначили «больного».

Недалеко от центра города, он обратился к комвзвода:

– Товарищ лейтенант! Мои родители недалеко живут. Разрешите всем вместе зайти, согреться.

Вечер, действительно, был холодный и ветреный.

Другие тоже поддержали:

– Может, правда, погреемся, товарищ лейтенант?

Немного подумав, Васильев кивнул головой:

– Не больше пятнадцати минут.

Дом и в самом деле оказался неподалёку.

Дверь открыла мать «больного».

Увидев сына с сослуживцами, ахнула. Как и каждая мать, первым делом проводила нас к столу, побежала было на кухню. Лейтенант попробовал остановить её:

– Не беспокойтесь, мы только обогреться немного.

Но она и слушать его не стала:

– Что Вы, товарищ лейтенант! Какое беспокойство! Такая радость! – и ушла.

Мы наслаждались теплом.

От окон, закрытых для светомаскировки плотными тёмными шторами, совсем не дуло. И так приятно было видеть радость матери от встречи с сыном, словно каждый из нас вернулся в свой родной дом!

Но вот женщина вернулась и начала расставлять на столе тарелки с едой.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Мы не верили своим глазам: в блокадном Ленинграде, где по карточке выдают в день умещающийся на ладони кусок тёмной массы, называемой хлебом, перед нами поставили тарелки с настоящим хлебом, и сыром, нарезанными ровными тонкими кусочками!

В отдельных маленьких тарелочках лежали комочки сливочного масла, ещё с капельками влаги и следами чайной ложечки, которой, наверное, их отделяли от куска. Следом появились настоящий чай в стаканах с подстаканниками и сахарница с белоснежным сахарным песком.

Не отрывая глаз, мы смотрели на расставленные яства и не могли сказать ни слова.

Как нам хотелось съесть всё за один присест!

Но одновременно появилось ощущения соучастия в бесчестном поступке.

С побелевшим лицом комвзвода тихо приказал:

– Ни к чему, кроме чая не прикасаться!

И уже обращаясь к хозяйке, жёстко добавил:

– Уберите, пожалуйста, всё, кроме чая!

– Почему, почему, товарищ лейтенант? Пусть кушают, нам не жалко! – не поняла та.

– Эта еда убьёт их! Они давно отвыкли от неё, – стараясь быть вежливым гостем, пояснил Васильев, а у самого желваки по скулам заходили.

С обиженным видом хозяйка унесла масло и сыр, оставив на столе только хлеб, но к нему никто не мог прикоснуться.

Вернувшись, женщина встала за спиной у сидящего сына, положила руки ему на плечи и вновь заговорила:

– Товарищ лейтенант! Что нам нужно сделать, чтобы сына забрать из армии? Он у нас один.

Павел даже чаем поперхнулся:

– Вы что же думаете: если я у матери четвёртый, так меньше дорог ей?

И, не слушая ответа, поставил на стол стакан с недопитым чаем и скомандовал:

– Всем встать, одеться!

И вполоборота к хозяйке уронил:

– Нам пора.

Её сын вышел из квартиры последним. Карманы его шинели оставались такими же плоскими, как и до посещения дома, и всё равно никто не мог заговорить с ним.

Дней через десять его уже не было на утреннем построении. Вернувшись из штаба, Васильев жирной чертой зачеркнул фамилию этого курсанта в списке взвода. Потом поднял на меня глаза и без всякой злости, с какой-то обречённой усталостью пояснил:

– Комиссовали. По состоянию здоровья...

5

Хотя военврач, как мог, заботился о нашем здоровье, но здоровыми были не мы, а те мародёры, которых встречали при патрулировании.

Сытые, с тугими, а не ввалившимися щеками, они легко таскали в ожидавшие их машины картины, мебель из чужих опустевших квартир. Увидев нас, сразу бросали выносимый скарб, запрыгивали в автомобиль и, смеясь, уезжали с тем, что уже было нагружено в кузов.

Вскинуть быстро тяжёлый карабин… Если бы мы могли это сделать, то мародёры не ушли бы от нас. Быстрыми наши движения не получались при всём желании задержать преступников.

Иногда становилось, казалось, совсем невыносимо.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Не раз, и не два приходила мысль: «Ещё один такой день я не переживу. Уж лучше на фронте от пули…»

И сразу же накатывала злость на себя: «Это что же? Сдаюсь?..»

Я шёл к баку с ледяной водой и пил её, чтобы, пусть хоть ненадолго, обмануть желудок, без конца требовавший еды.

Раньше я уже рассказывал тебе, что примерно с октября мы не ходили в полковую столовую, а еду оттуда дневальные приносили в столовую роты, пока курсанты были на занятиях.

Но как-то с доставкой опоздали. Уже прозвучала команда: «Перерыв», а дневальные ещё не дошли до лестничной площадки между первым и вторым этажами. Услышав команду, они заспешили, один из них оступился и упал, выпустив ручку котла.

Тяжёлый котёл опрокинулся, и горячая жижа полилась на упавшего, на ступеньки.

Как на притчу, к лестнице уже подходил взвод, закончивший занятия чуть раньше других.

Они видели и чувствовали запах пищи, которую так ждали, и которая на их глазах, на глазах тех, кто привык ценить каждую кроху еды, разливается по лестнице, а значит, пропадает, необратимо растрачивается зря, никого не насытив, никого не поддержав своей живительной силой.

Злая обида на растяпу дневального, обида за самих себя, взломала воинскую дисциплину, и вместе с неутоленным голодом толкнула нескольких курсантов, что стояли у ступенек, к опрокинутому котлу.

Обжигая ладони, они черпали кашу и жадно глотали её. Не в силах ещё раз зачерпнуть обожжёнными ладонями из котла, стали собирать её со ступенек. А сзади их толкали другие, которые тоже поняли, что сегодня останутся без еды, и хотели хотя бы немного получить её. Из окончательно перевернувшегося котла остатки вылились на ступеньки…

Командир взвода закричал: «Прекратить! Разойдись!» Но его не слушали. Тогда он, с сержантами, начал оттаскивать курсантов от каши. Те плакали – горько, как дети, у которых отбирают самое вкусное, самое желанное…

Подоспели сержанты других взводов, и скоро порядок был наведён. Обожжённого дневального и курсантов, обжегших ладони, отправили в медсанчасть. Вместо каши принесли и выдали сухой паёк, занятия продолжились. Но отпускать с занятий стали только после доклада дежурного о готовности столовой.

И ты, сынок, не думай плохо о тех, кто не сдержался, бросился к каше. Ребята они были что надо!

Через какое-то время, помню, сидим с Пашей Васильевым у него в кабинетике, составляем план занятий на неделю, а один из «любителей каши», коренной ленинградец, входит, мнётся.

Павел его спрашивает:

– Что случилось?

А курсант так несмело говорит:

– Товарищ лейтенант, разрешите обратиться. Ко мне родные приходили. Холодец из кошки принесли. Можно Вас с товарищем сержантом угостить?

Разворачивает небольшое полотенце, а в нём неполная литровая банка холодца – незамёрзшая до студня жидкость с тонкими, тоньше спички, бледными прожилками мяса.

У нас с Пашей аж горло перехватило: ведь сам на ногах еле держится! Пока шёл от пропускного пункта у ворот части мог бы один съесть. Родственники тоже, наверняка, голодают. Значит, обменяли свои рабочие или иждивенческие карточки, решили сына поддержать самым бесценным – едой.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Паша разволновался – желваки на скулах ходуном ходят. Встал, подошёл к курсанту, заглянул в глаза, спрашивает:

– Что сами-то не едите? Ваши родные о Вас позаботились.

Курсант опять с виноватым видом:

– Не могу я один, товарищ лейтенант. Нехорошо получится, как будто тайком.

Разлили мы тот холодец по кружкам, выпили. Привкус его мыльный до сих пор помню, а как курсанта звали – забыл.

Поблагодарили мы его тогда, конечно.

Но стыдно мне, что имя его забыл…

6

Весной сорок второго пришли приказы о переводе нескольких офицеров и сержантов школы в действующую армию, то есть на фронт. В их числе были и мы с Пашей Васильевым.

Перед отправкой все пережившие блокадную зиму вначале проходили обязательную военно-врачебную комиссию. Тех, кто прошёл ВВК, вначале ненадолго направляли в госпиталь, и только после этого – на фронт.

В мае я уже был на передовой. Доехать до неё из Ленинграда можно было на попутке.

Стояло затишье, изредка вспыхивали бои чисто местного характера: где-то мы немного продвигались вперёд, где-то, выравнивая линию обороны, немного отходили назад. Разведка боем и с их стороны и с нашей велась осторожно, без вовлечения значительных сил. Всё это чем-то походило на первый раунд у боксёров, когда оба пытаются прощупать друг у друга слабые места, с той разницей, что здесь обе стороны были вымотаны предыдущими боями. Но все понимали, что долго затишье продолжаться не может.

Как-то в конце июля командир роты приказал мне сходить в штаб батальона за поступившими документами.

Уже на выходе из штаба я услышал близкий взрыв.

Только выскочил за порог, как раздался характерный свист мины и чей-то крик:

– Ложись!!!

И почти одновременно раздался взрыв…

В первое мгновение, когда я пришёл в себя, левый глаз ничего не видел и горел от боли. Казалось, что голова раскололась на две части. Я попытался сжать обе половинки руками, но опять потерял сознание.

Во второй раз очнулся от того, что начал задыхаться. Рот был полон крови. Я попробовал приподняться и сесть. Правой рукой затронул шею там, где было горячо: вся рука покрылась кровью. Тогда я плотно прижал ладонь к ране. Ни говорить, ни кричать, конечно, не мог.

Пробегавшая мимо женщина-военврач, увидела меня.

– Здесь ещё один! Санитары, быстрее! – полуобернувшись назад, скомандовала она.

Подоспевшие санитары хотели уложить меня на носилки, но военврач остановила их:

– Этого перевозить только сидя!

Меня усадили к борту полной раненых полуторки. Со стороны передовой гремело и грохотало.

Военврач подбежала к водителю полуторки:

– Гони быстрее! Видишь, начинается!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

…Уже в госпитале сосед по палате, с которым нас вместе привезли, рассказал, что в тот день даже команды о подготовке к бою не было:

– Пристрелялись гады, наверное. Сколько уже друг напротив друга стоим. А они ещё и на небольшой высотке. Ладно, медсанбат не задело: там как раз раненых к эвакуации готовили. Считай, что нам повезло!

Его ранило в грудь, и он наделся на скорую поправку.

Осколок из шеи мне достали, а с глазом пока ничего не было ясно, только перевязки делали постоянно.

Однажды пришёл лечивший меня врач и предупредил:

– Для дальнейшего лечения будете направлены в тыл.

7

Документы на отправку подготовили быстро. На следующее утро нас погрузили в закрытые машины и повезли к Ладоге: другого пути на Большую землю не было.

Полог кузова был опущен, но один край оставили приоткрытым для свежего воздуха. Водитель хоть и торопился, но вёл машину так, что нас почти не трясло. А, может, мы просто не замечали этого.

Как-то вдруг стало ясно: с Ленинградом мы расстаёмся надолго.

Пока он вот ещё рядом, за бортом машины, но это последние наши минуты вместе. Вместе с городом, который нас встретил в невозвратимое мирное время, стал дорог сердцу, с которым вместе в июньское воскресенье услышали слово «Война».

Вместе с ним впервые увидели в небе над городом самолёты с крестами на плоскостях крыльев, но ещё не могли поверить до конца, что кто-то из сидящих в этих самолётах, привычным движением руки откроет бомболюки, и на улицы и дома нашего Ленинграда, с воем, рванётся сверху Смерть…

Вместе с этим городом мы пережили самую трудную первую блокадную зиму, когда не раз казалось, что даже и жить-то не осталось сил… Само собой вспоминалось виденное в ту зиму:

…Мы в патруле идём по Ленинграду по назначенному маршруту. Навстречу нам медленно, неуверенно движется человеческая фигура, обвязанная платком. И, не доходя метров двадцать до нас, начинает оседать на сугроб. Мы спешим к человеку, но у него уже нет сил встать. Из-под платка на нас смотрит истощённая пожилая женщина и почему-то пытается улыбнуться. Паша Васильев, начальник патруля в этот день, спрашивает:

– Бабушка, Вы далеко живёте?

И еле слышный шёпот-шелест в ответ:

– Бабушка… Мне, мальчики, двадцать лет…

Она скончалась у нас на руках, и мы не стыдились своих слёз.

Паша, с силой выдохнув, негромко сказал:

– Запомните эту девушку, бойцы! Запомните! А когда война кончится, мы расскажем о ней, чтобы все знали…

…Снова мы в патруле. Уже отзвучал отбой воздушной тревоги. Мы видим, как впереди, метрах в сорока от нас, люди потихоньку начали выходить из бомбоубежища. И вдруг фасадная сторона пятиэтажного здания, из которого они выходят, будто нехотя и почти беззвучно, вернее, со звуком похожим на шуршание высыпаемого сухого песка, начинает оползать вниз. Никто ещё не успел осознать опасности и сбежать от неё, как в одно мгновение всё стремительно меняется, и стена, уже с жутким грохотом, рушится на выходящих людей, заполняя своими обломками улицу до противоположной стороны тротуара…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

…Середина марта. Всех, кроме дежурной роты, сняли с занятий. Мы грузим на машины вытаявшие из-под снега трупы: сделать это надо до прихода настоящего тепла, иначе эпидемии не избежать. Никогда не видели сразу столько убитых и умерших от голода…

А сегодня мы расстаёмся с этим городом.

И в горле у меня снова ощущение удушья, как в минуту ранения. И другие раненые смотрят в щель полога на уносящиеся назад улицы, и никто не пытается притвориться спокойным…

Я ехал и не знал, что ещё осенью сорок первого мой старший брат Василий ушёл с народным ополчением, а в декабре погиб при защите Ленинграда. Только в тылу меня догонит эта весть…

8

…Помню маленький пароходик у Ладожской пристани, как опять быстро, почти в полной тишине, в трюмы и на палубу, погрузили нас, часть гражданских и детей. Дети не плакали, а доверчиво шли за родными: кто с узелком, кто с игрушкой в руках.

Погода была пасмурная, стоял лёгкий туман.

Мы понимали, что туман – наше спасение. Все уже были наслышаны об «охоте» фашистских самолётов на речные суда с флагом Красного Креста.

Когда отплыли, и пристань спряталась за кормой в полосах тумана, невольно все стали вслушиваться: не гудят ли в небе самолётные моторы?

– Неужели капитан не может что-нибудь сделать, чтобы наш пароход не шумел так сильно? Ведь нас, наверное, на всю Ладогу слышно. И самолёты могут услышать, – такие мысли непрошено лезли в голову, но никто не произносил их вслух.

Временами небо начинало проясняться, и глаза всех на палубе устремлялись к светлому разрыву в облаках.

Слух, казалось, обострился до самой крайности. Возникало ощущение, что слышишь пульсирование крови в висках.

А мы всё плыли и плыли…

Как все вздрогнули, каким оглушительным показался нам неожиданный гудок паровоза!

– Что он так громко гудит? Ведь фашисты услышат и налетят бомбить! – обожгла первая мысль.

И только потом поняли: где-то там, уже очень близко, другой берег!

Неужели доплыли, и впереди, пока ещё невидимая из-за спасительного тумана, нас ждёт пристань Большой земли? Только в тылу так безбоязненно громко, в полную силу, могут гудеть паровозы!..

Снова нас перегрузили с парохода на машины, перевезли на железнодорожную станцию, находившуюся неподалёку, и разместили по вагонам военно-санитарного поезда.

Вскоре, после переклички между собой дежурных по вагонам, захлопнули двери, и состав тронулся…

Мы ехали в тыл. Кого-то из нас там ждали тяжёлые операции, кого-то лечение после них, но, казалось, что самое страшное уже позади.

Беда подстерегла с другой стороны.

На первой же большой остановке часть ходячих раненых выскочили на перрон.

Даже в те тяжёлые годы к поездам местное население выходило торговать кто чем, но в основном, конечно, продуктами питания. Пусть выбор был скудным, но продавали квашеную капусту, репу, морковь, а главное – отварную домашнюю картошку! Правда, прошлогоднего урожая, но и такой мы не пробовали почти год.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И ещё продавали хлеб! Не по карточкам, не на граммы, а буханками, как в мирное время. Конечно, он не был таким, какой ты привык покупать в магазине, но и совершенно не был похож на блокадный ленинградский – липкий, сырой, тяжёлый.

Перед отправкой нам по денежным аттестатам выдали деньги. И те, кто вышел на перрон, хотя нас нормально кормили, не удержались: купили и картошку, и хлеб. А когда вернулись в вагон, сразу накинулись на еду.

Медсестра бегает, упрашивает:

– Нельзя вам, опасно при вашем состоянии!

Ведь сами знали – нельзя, а оторваться не могли: голод слова не понимает.

Пока упрашивала, некоторые уже всё съели и корчатся на своих полках. Медсестра бегом за врачом. Вернулись, скорее объевшихся забрали на промывание желудка. Кого-то спасли.

Когда ужин начали разносить, отдёрнут занавеску на полке – а там кто-нибудь из тех, кто тайком купленное съел, уже холодный лежит. Унесли их и сняли с поезда на следующей остановке. И мы на ус намотали, и контролировать нас стали строже…

9

Наконец, приехали к месту назначения в Свердловск.

По прибытии в госпиталь заново всех обследовали, а через несколько дней вызвали меня к лечащему врачу.

Вхожу, а он сидит, мою медицинскую карту просматривает. На взгляд ему лет за сорок, а волосы из-под шапочки – седые.

Поднял глаза на меня, кивнул на стул рядом:

– Садитесь, сержант.

Потом отложил медкарту, ещё раз внимательно всмотрелся:

– Ну, давайте прямо говорить. Ознакомился я со всеми записями в карточке: и военного госпиталя, и результаты нашего обследования. К фронтовым врачам у меня замечаний нет: с ранением в шею всё сделали толково, осколок извлекли, швы наложили грамотно, мы здесь ещё кое-что сделаем, и шея Вас беспокоить не будет. Но вот с глазом…

Он замолчал, покрутил в руках взятый со стола карандаш, и, словно приняв решение, закончил:

– В очень нехорошем месте второй осколок застрял. Он маленький, но трогать его опасно: слишком близко важные нервы глаза. И прирос он там за это время. Не тронуть – значит, есть шанс, что хотя бы свет и темноту глаз различать будет, и удалять глаз не потребуется: он чистый, а кровоизлияние рассосётся. Но как поведёт себя осколок потом – сказать не могу: голова она и есть голова. На сегодня прогноз благоприятный. Что решаете? Оперируемся или нет?

Меня словно опять взрывом об землю ударило.

До этой минуты я надеялся, что в тыловом госпитале мне вылечат глаз: ну, засорило его тогда, воспалился он, но на то и врачи, чтобы лечить! А теперь вон как дело оборачивается: ещё и осколок в голове останется на память, и как поведёт себя потом неизвестно. Но одно я твёрдо знал: никаких операций больше не хочу. Так и сказал военврачу.

Он пододвинул мне медкарту, карандаш и показал где расписаться. Потом встал, подошёл ко мне.

Я вскочил, а врач крепко пожал мне руку:

– Всё, что в наших силах, сделаем, сержант. Только и Вы постарайтесь... – и, помолчав, добавил – без глупостей. Вам ещё жить да жить.

Потекли госпитальные, похожие один на другой, дни.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Нет, здесь я не совсем прав: похожи они были утренними обходами, лечебными процедурами, перевязками, но в свободное время перед нами с концертами выступали и школьники, и разные артисты, даже из Свердловского оперного театра. И мы для них всегда своё, пусть небольшое, ответное выступление готовили. А таланты среди раненых всегда находились! Всё было от сердца: и у артистов, и у нас, потому и запоминалось надолго.

До сих пор помню, как ещё на фронте, в начале лета сорок второго года, перед нами выступала Клавдия Шульженко: на поляне, без микрофона, около часа она пела для нас. Да как пела! Казалось, начнись сейчас бой, мы без оружия в атаку встанем и победим! Разве такое забудешь!

…После разговора с врачом я продолжал надеяться, что глаз будет видеть лучше, чем предполагают медики. Отказаться-то от операции я отказался, но иногда становилось страшно: а как на самом деле поведёт себя оставшийся осколок?

Я учился прятаться от этой мысли, пытаясь вспоминать что-нибудь выученное раньше наизусть, повторяя по нескольку раз одно и то же стихотворение. Слабость брала своё, и наплывал сон.

Спать и есть теперь мы могли без конца: проснулся какой-то, без преувеличения, волчий аппетит.

Выздоравливающий организм, наверное, хотел наверстать упущенное. И снова, как в дни блокады, когда невыносимо хотелось есть, я начинал пить воду, чтобы обмануть желудок. Я вспоминал происшествие в санитарном поезде и мысленно спрашивал себя:

– Ты этого хочешь?

Не так уж и велики были по нынешним временам нормы госпитального питания: откуда им тогда было взяться большим? Но мы начали набирать вес, а некоторые – нездорово опухать. Врачи объясняли, что после голода такое возможно, но никогда не ставили блокадников на раздачу пищи…

Наступил день, когда мне сняли повязку с глаза.

Военврач оказался прав в своих прогнозах: я мог отличать им только свет и темноту. Внешне глаз почти не отличался от здорового, и это почему-то помогло справиться со злой обидой за рухнувшие надежды. Осколок не беспокоил, и при повороте головы в глазах не вспыхивали искры, как в первое время после ранения.

– Но, но, но, – видимо, поняв моё состояние, начал военврач. – Не так уж плохи Ваши дела. Застрянь осколок чуть дальше, Вы бы не здесь сейчас стояли, а в братской могиле лежали. Возьмите себя в руки.

– Через пару дней выписываем Вас, а что дальше делать – военкомат решит.

В день выписки, с документами из госпиталя, мы, признанные негодными к службе в военное время, явились в военкомат и получили направления на оборонные заводы области.

– А ты, сержант, останься на пару минут, – приказал мне оформлявший документы майор.

Когда все вышли, он продолжил:

– Хотя тебя врачи списали как военного человека, но военную твою специальность радиста они отобрать не могут. Мне вот тоже после ранения дорогу на фронт закрыли, а я у них добился права служить здесь. Приказ Наркома о радиосвязи никто не отменял, поэтому до особого распоряжения будешь при заводе после работы обучать призывников радиоделу. Вот тебе документ на это: я его заранее подготовил – не так часто нам радисты с полной довоенной подготовкой попадаются.

Работать меня направили на «Уралмаш».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Не раз от усталости, вместе с другими, спать оставался прямо в цехе: и теплее, чем в общежитии, и ехать никуда не надо. Особенно в те дни, когда после смены я шёл в заводской клуб ОСОАВИАХИМа[7] обучать призывников радиоделу.

Хотя время было и суровое, но, как и в мирные годы, каждому заводскому новичку старались по возможности устроить проверку и для каждого придумывали что-нибудь новенькое.

Помню, заканчиваю отладку радиостанции, установленной на танк, а ко мне подходит один из «старых» рабочих и с серьёзным видом спрашивает:

– Саш, тут у нас одного на другой участок отозвали. Ты помочь нам немного не можешь? Делов-то минут на пять.

– А чем помочь могу?

– Да на днище танка края вмятины чуток отрихтовать, Я первым ударом место показываю, а ты, следом, по нему – кувалдой. Вдвоём быстрее.

Сразу понятно стало: они, наверное, решили, что если я радист, то не понимаю можно ли рихтовать кувалдой броню на днище танка. Но виду не подал.

Подошли к другому танку, а около него уже больше обычного рабочих крутится и все стараются со мной взглядом не встретиться.

Берёт мой провожатый одну кувалду, подаёт мне другую:

– Пойдём в яму, а то скоро смена кончится.

А я спрашиваю:

– Где рихтовать-то будем: под трансмиссией или на корме?

– Да под трансмиссией. Тебе-то какая разница?

Тут я и пояснил ему:

– Разница есть. Меня учили, что под трансмиссией толщина брони до тринадцати миллиметров, а на корме раза в три толще. Там уж никак кувалдой не выправишь.

Понял он, что розыгрыш не прошёл, как засмеётся, а за ним и другие. Перестали занятой вид делать, подошли ко мне:

– Не обижайся, Сашок! Традиция – дело святое. Не думали, что ты про броню наизусть помнишь…

В ноябре сорок пятого пришло письмо от родных: умер папа.

Два года они с мамой не знали, где их сыновья: живы или нет? Потом начали приходить письма то от одного, то от другого, пришли с опозданием похоронки на Васю, на зятя Ивана.

Папа сам прошёл русско-японскую и войну знал «изнутри»: неприкрашенную, не пересказанную чужими словами.

Как написала сестра, иногда вечером садился к столу, брал письма сыновей, начинал перечитывать. Одно прочитает, разволнуется. Соберёт их опять вместе, унесёт, а потом себе места не находит.

«Врач сказал – от сердца помер. Думаем: не выдержало оно радости, что четверо живыми вернулись» – так было написано в письме сестры.

Конечно, пока письмо дошло, отца уже похоронили, но я хотел хоть свежей могиле его поклониться. Прибежал к мастеру просить краткосрочный отпуск на родину, но мне его не дали: на оборонных заводах были свои порядки.

– Отец Ваш похоронен. За сколько дней Вы доберётесь до дома и обратно при такой «скорости» поездов – неизвестно. Да ещё в военной комендатуре разрешение нужно заранее оформлять. А у нас – план, госзаказ, каждый человек на счету. Сочувствуем, но разрешить не можем.

Сгоряча я хотел уехать без разрешения, но сосед по комнате, тоже бывший фронтовик, остановил:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Не дури! Первый же патруль задержит. А тогда, сам понимаешь, и на прежние заслуги не посмотрят![8]..

Только через год я смог приехать на могилу отца. К тому времени нас, несколько человек, направили на металлургический завод, в Каменск-Уральский.

Кто и почему так решил – не знаю. Не знал, конечно, и того, что уже навсегда моя жизнь окажется связанной с этим заводом и с этим городом.

10

После войны отец писал запросы в архивы Ленинградского военного округа, в Центральный архив Министерства Обороны.

И за всё время отыскался только один однополчанин – Серебренников Александр, который жил тоже на Урале, в Свердловской области. Отыскался через тридцать два года после начала войны, в 1973.

Погостил у нас его фронтовой друг, оставил на память свою небольшую фотокарточку. На обратной стороне написал: «Дорогому другу по совместной службе в рядах Советской Армии Саше Покидышеву от его однополчанина Сашки Серебренникова». Потом провёл поперечную черту и ниже неё добавил стихи:

«Когда призвала нас страна
Мы в Армию пришли.
Когда нагрянула война,
Мы смело в бой пошли.
Погибли многие друзья –
Не перечесть числа.
Но радость встречи ждёт живых
И, в том числе, меня. Твой Сашка. 23.2.1973 г.»

Прощаясь, оба понимали, что второй встречи может и не быть.

Теперь та фотография у нас дома хранится среди фотографий наших родных.

А военврач из Свердловского госпиталя, говоря об осколке, оказался провидцем.

Два раза папа неожиданно терял сознание: первый раз в 1959 году, а потом в 1964. Оба раза «Скорая помощь» увозила его, не зная, какой поставить диагноз. А к обеду, он сам возвращался домой из больницы, и, смеясь, рассказывал, как дежурный врач упрашивал его:

– Александр Дмитриевич! Миленький! Ради науки дайте Вас прооперировать! Я хоть посмотрю, что у Вас там такое случилось!

И обижался на отказы папы:

– В другой раз и спрашивать не буду! Прооперирую – и точка!

11

В последние годы жизни отец часто вместо любимого баяна брал в руки балалайку.

Настраивал её то на один лад, то на другой, поясняя мне:

– Так играли на нашем краю деревни, а вот так – на другом… Вот это называется балалаечный строй, а это – гитарный… Ты послушай как под него пели…

И пел частушку за частушкой, а потом вдруг отставлял балалайку и уходил в свою комнату.

Я, конечно, слушал его, но ещё не мог понять: отец знал, что здоровье уже не позволит ему приехать в родные места, встать на высоком берегу Молвы и запеть, как раньше, чистым баритоном:

Вижу чудное приволье,
Вижу нивы и поля –
Это русское раздолье,
Это Родина моя…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Он всегда во время приездов «здоровался» этой песней с родными местами.

В вечерней летней тишине далеко слышно. И в домах, стоявших около реки, услышав папин голос, говорили:

– Шура домой приехал!..

Он знал, что больше не приедет туда, а песни его были поклоном далёкой родине и прощанием с нею.

Ни разу после войны он не смог заставить себя приехать в Ленинград. В Москву, на свой первый завод, МЭМРЗ, приезжал. А в город, где встретил войну – не мог… Но баян себе в начале пятидесятых выбрал именно Ленинградской фабрики «Красный партизан». На лицевой стороне правого полукорпуса ярко выделялась накладная надпись из белой пластмассы с нижним подчёркиванием: «Ленинград»…

В последнюю минуту жизни, словно услышав чью-то команду, он вскочил с края кровати, на которую только что присел, шагнул вперёд и упал навзничь, будто встав в атаку, не уберегся от вражеской пули.

…Сегодня уже нет в живых ни моего отца, ни четверых его воевавших братьев.

До сих пор мне не удалось найти могилу, в которой похоронен самый старший из братьев, ополченец Василий Дмитриевич Покидышев, 1906 года рождения, погибший за город, что стал ему родным.

Не смог отыскать могилу своего отца Богданова Ивана Алексеевича и мой двоюродный брат Богданов Владимир Иванович. Ни Иван Алексеевич, ни его жена Наталья Дмитриевна, умершая почти сразу после родов, так и не узнают, что их сын окончит Московский медицинский институт, и будет работать в Звёздном городке, в Центре Управления полётов.

Нет Алексея Дмитриевича. В двадцать девять лет, в сорок первом, он ушёл на фронт, а летом сорок второго, как специалиста-железнодорожника, его отозвали назад, на Московскую железную дорогу. Но вскоре снова направили на фронт. Воевал в пехоте, участвовал в освобождении Праги, был ранен. После войны вернулся в вагонное депо станции Перово и работал здесь до пенсии.

Михаил Дмитриевич был ранен в боях под Минском, попал в плен. Ему только-только исполнилось двадцать четыре. При ликвидации первого концлагеря пытался бежать, но неудачно: перевели в другой лагерь с более жёстким режимом. При подходе наших войск снова бежал с группой своих товарищей. Рассредоточившись по два человека, они несколько дней прятались в прилегавшем к лагерю болоте. Дождались наш танковый десант. Опять воевал – уже до Победы. Имел награды. До ухода из жизни от сердечного приступа работал сначала учителем, потом директором Владимировской сельской школы Кораблинского района Рязанской области.

Самый младший из братьев Николай Дмитриевич, 1924 года рождения, не дожидаясь призывного возраста, ушёл добровольцем и тоже воевал до Победы. Войну, как и его старший брат Алексей, закончил под Прагой. Орденоносец, внесён в Книгу Памяти и славы Рязанской области. Похоронен в родной рязанской земле.

Нет и моего деда Степана Степановича Черепякина – уроженца Тамбовской области. Вместе с другими работниками эвакуированного Ступинского металлургического завода приехал с семьёй на Урал. Он тоже добровольно пришёл в военкомат и был направлен на железную дорогу. Вначале работал кочегаром, потом – помощником машиниста: водил поезда от станции Синарская (ныне станция Каменск-Уральский) до Екатеринбурга, Перми на запад и до Омска – на восток. В войну было понятие «турная езда»: за тендером паровоза цепляли «теплушку», в которой жили члены локомотивных бригад во время их поездок.

В разное время они ушли из жизни.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Но часть их памяти осталась со мною. И тот отцовский осколок остался в моей памяти. Он всё чаще напоминает о себе, и мне подчас очень трудно жить с ним.

Поэтому сегодня, может быть, слишком поздно, но я решился рассказать услышанное об **их Войне.**

Пусть это будет **попыткой вспомнить за тех, кто не написал *свою книгу*, попыткой вспомнить за отца** …

---

[1] Совет труда и обороны 5 июня 1929 года принял постановление «Об организации машинно-тракторных станций». Созданные государственные машинно-тракторные станции (МТС) обеспечивали производственно-техническое обслуживание колхозов. В системе МТС обучались кадры сельских механизаторов.

[2] Школа фабрично-заводского ученичества (школа ФЗУ) – основной тип профессионально-технической школы в СССР с 1920 по 1940 год. В 1930-1939 годах обучение проходило в основном на базе 7-летней школы и, из-за сокращения часов на общеобразовательные предметы, срок обучения снизился до 1,5-2 лет.

[3] «…После окончания войны с Финляндией части связи, сформированные 20 запасным полком связи, выполнив специальные задания командования ЛенВО, прибыли для расформирования в
20-й запасный полк связи округа.

На базе этих частей и 20 запасного полка связи вновь сформирован 2-й полк связи округа.

В ходе Великой Отечественной войны выявилась необходимость создания целого ряда частей связи. В 1941 г. 2-м полком связи Ленинградского округа было сформировано и отправлено на фронт несколько частей связи, в том числе 14-й отдельный линейный запасной полк связи и 26-й отдельный полк связи (командир полка полковник А.Н. Коровников), который предназначался для обеспечения связи штаба Северного фронта, а в последующем Ленинградского фронта…» (Из истории 95 Ленинградской Краснознамённой бригады управления имени 50-летия образования СССР, в/ч 13821, 188651, Ленинградская обл., Всеволожский район, пос. Чёрная речка)

[4] «Тимошенко Константин Семёнович (1895-1970) – Маршал Советского Союза (1940), дважды Герой Советского Союза (1940,1945)... В советско-финскую войну командовал войсками Северо-Западного фронта. В мае 1940 – июле 1941 нарком обороны СССР…». («Великая Отечественная война. 1941-1945», энциклопедия)

[5] «…система долговременных фортификационных сооружений и заграждений Финляндии на Карельском перешейке...» («Великая Отечественная война. 1941-1945», энциклопедия)

[6] «…В июле 1941 издан приказ наркома обороны «Об улучшении работы связи в Красной Армии». В нём отмечалось, что неудовлетворительное управление войсками в значительной мере является результатом плохой организации работы связи, и в первую очередь игнорирования радиосвязи...» («Великая Отечественная война. 1941-1945», энциклопедия)

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

[7] ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиационному и химическому строительству) – общественно-политическая оборонная организация (1927-1948 г.г.), предшественник ДОСААФ.

[8] Только 25 апреля 1956 г. будет принят Указ Президиума Верховного Совета СССР *«Об отмене судебной ответственности рабочих и служащих за самовольный уход с предприятия или учреждения и за прогул без уважительной причины»*.

ГОРОДУ ЛЕНИНГРАДУ

1

Война – от этой темы не уйду.
Пока живу – болею ей и брежу.
И с памятью по Ладожскому льду
«Дорогой жизни» вспять бреду в надежде

Что где-то здесь я встречу вдруг отца
Такого непривычно молодого,
И в том бою с ним буду до конца,
И раны сам перебинтую снова,

В полуторке сам отвезу в санбат,
С ним поплыву по Ладоге туманной…
А может мимо пролетит снаряд?
Не будет ран, машины санитарной?..

Да, чудеса бывают на войне.
Куда там сказкам разным вместе взятым.
Ах, если б наяву, а не во сне,
Вернулись все, кто не пришёл обратно!..

2

…Год сорок первый. Ленинград.
Чуть стих налёт артиллерийский,
Как тут же с воздуха бомбят
По расписанию, садистски.

На краснозвёздный самолёт –
По восемь – с чёрными крестами.
За Мгу и Тихвин бой идёт.
На сотни вёрст – огонь и пламя.

Блокадное кольцо фронтов
Петлёю захлестнуло город.
Снаружи – полчища врагов,
Враг изнутри – смертельный голод.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

В тот самый страшный первый год
Никто судьбы своей не зная,
Хотел увидеть, как придёт
Заветный День и наше знамя
Внесут в поверженный Берлин.
И будет солнечное утро.
И на обломках ИХ руин
Напишет кто-то краской крупно:

«За Ленинград!». И на стволах
У пушек, танков в схватке боя
Та надпись всех уже звала:
Звала к Победе за собою!

3

Вдруг память как взрывной волной,
Швырнет безжалостно и слепо
В окоп по-мартовски сырой,
На ту войну, где даже не был.

Родную землю рвет снаряд
И лес оглох от канонады.
А за спиною – Ленинград,
«Дорога жизни» и блокада.

Одна винтовка на бойца,
Патронов – семь, и две гранаты.
Но вновь встают на шквал свинца
Полуголодные ребята.

Встают почти что пацаны:
Ведь им ещё не всем по двадцать.
Нет у войны другой цены –
За жизнь лишь жизнь должна сражаться.

И ртом, распухшим от цинги,
Кричит полуохрипший ротный:
«Вперёд! За Родину, сынки!»
Встают – в огонь прицельно плотный.

…С осколком в голове, отца
Везла полуторка к санбату –
В крови, в бинтах на пол-лица,
Всё рвался он в бреду обратно.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

С осколком дожил до седин,
А в День Победы молча плакал
Солдат, оставшийся один
Из всех поднявшихся в атаку.

…Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Окоп по-мартовски сырой,
Прожектора кромсают небо,

Надсадно канонада бьёт.
К Победе путь ещё так долог.
…Мне жить спокойно не даёт
Застрявший в памяти осколок.

4

По рассказу моего попутчика
в электропоезде «Каменск-Уральский – Курган»
(май 1986 г.) о боях под Ленинградом в июле
1942 г.

«…С утра приказ был: наступать.
А пушки – с вечера в болоте.
Одним расчётам – не достать,
За помощью к кому? К пехоте.

Лицом к гнилой воде склоняясь,
Из топи тянем на сухое,
И под колёса, молча, в грязь
Сам лёг один, второй… Такое

Придумать даже – страшный грех:
Живые люди – вместо гати.
Я до сих пор их помню всех,
По смерть мне той высотки хватит…

И сходу: «По врагу – огонь!»,
Едва успели окопаться,
В ушах от взрыва жуткий звон –
И больше я не смог подняться.

Казалось, будто голова
Распалась сразу на две части,
И кровь лилась по рукавам,
Пока стянуть пытался каску…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Вот так закончил я войну:
Очнулся только в медсанбате.
Те пушки в каждом сне тяну…
Прости, сынок, вдруг сердце схватит» –

Тут мой попутчик замолчал,
Лишь дёрнул у рубахи ворот.
Вагон мотался, нас качал
На стрелках – мы въезжали в город.

И безымянный мой сосед
Ушёл с толпою пассажиров,
Пока готовил я ответ:
«Спасибо Вам, от всех, кто живы,

От всех, кого тогда спасли
В своём бою под Ленинградом»,
И имя не успел спросить,
Пока в купе сидели рядом.

…Меня накрыло вдруг войной,
Той, на которой даже не был:
Я вижу свой окоп сырой,
Прожектора кромсают небо,

Подсумок, фляга на ремне,
Туман болот под Ленинградом…
Всю жизнь взрываются во мне
Не долетевшие снаряды…

КУРСАНТЫ

На обратной стороне фотографии отца

надпись фиолетовыми чернилами:

«Полковая школа. Второй полк связи.

г. Ленинград. Зима 1940-1941 г.
Баров, Сергеев, Сычёв»

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

1

Глухая ночь. Все в доме спят.
Неслышно сны порхают стаей.
Был День Победы и Парад,
Светилась цифра «60»,
Гвардейской лентою сверкая.

В полнеба полыхал салют,
И пели песни фронтовые
От сердца, как сквозь боль поют
Тем, кто уже в другом краю,
Но кто для нас – всегда живые.

Их голоса, их кровь и боль
В виске пульсируют набатом:
Бессонной ночью снова в бой
Их память нас ведет с собой
От Дня в июне к Дню Парада.

2

Курсанты школы полковой,
Последний мирный выпуск летний.
Одним – окоп передовой,
Другим – в десант, блокада – третьим:

«Запас», «негодный к строевой»,
Учить ускоренно «морзянке».
Им хлеба в день – накрыть рукой,
Дрова – самим рубить в делянках.

А холод страшный – как назло,
Топор – кувалды тяжелее,
Бревно тянуть через сугроб:
Ознобный жар лишь тело греет.

А вечером – нелегкий путь
Наряда патруля дозором
С приказом на суровый суд:
Расстрел на месте мародеров.

Ни дистрофия, ни цинга
Вас в лихолетье не сломила:
«Хотя бы одного врага
Убить, пока подняться в силах!»

С тем уходили вы на фронт,
Не долечившись в медсанбатах.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Блокадный сорок первый год
Был шаг к Победе в сорок пятом.

3

Сергеев, Баров и Сычев,
И мой отец – он крайний слева.
Война не началась ещё.
Начался год лишь сорок первый.

Ваш снимок – как он уцелел
И на войне, и в годы после?
Что патефон тогда вам пел,
Уже не спросишь – слишком поздно.

Курсанты школы полковой,
Второй полк связи, выпуск летний:
Вдруг кто из вас ещё живой?..
Молчат. Нет сна в поре рассветной.

Их не вернуть из тишины.
Отец не сядет у постели…
Мы все – осколки той войны,
Что до сегодня долетели.

ЛАДОГА

С утра на Ладогу туман
Лёг белым пухом непроглядным.
Опять уходит караван
К Большой Земле из Ленинграда.

На белых флагах – Красный Крест,
Но лучше пусть туман не тает:
Ведь «мессер», взяв цель в перекрест,
Здесь никого щадить не станет.

Носилок, раненых – битком
На палубах. А в трюмах – дети,
От голода – белей бинтов:
За что им это лихолетье?

Все звуки остро ловит слух:
Лишь волны бьются в стены трюма.
Над палубой – тумана пух.
На барже – раненая юность.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Так тихо – будто уже тыл,
Как будто не вчера здесь выли
Чужие бомбы с высоты,
И взрывы солнца свет затмили.

Спасенья не было нигде,
И гарью пахло до удушья,
И сиротливо на воде
Качались детские игрушки.

…Доплыли. Сходу, спешно, в тыл
Грузились в санитарный поезд.
Но сколько тех, кто не доплыл,
Остались, Ладога, с тобою?

Войны короткий эпизод,
Где случай жизнь дарил вслепую.
И был июнь – шёл второй год
Сражений за страну родную.

23.02.1943 г. У ДЕРЕВНИ ЧЕРНУШКИ

Посвящается памяти
А.М. Матросова, Г.П. Кунавина*,
всем воинам, закрывшим собой амбразуры,
всем защитникам Родины

В окопе – снег с землёю вперемешку,
А пахнет вдруг подснежником, весной.
Сто лет прожить неплохо бы, конечно,
Ну, а пока – покончить бы с войной.

Там, впереди, на склоне у высотки,
Зашёлся лязгом в ДЗОТе пулемёт;
И, кажется: из пуль весь воздух соткан,
Но я уже шепчу себе: «Вперёд!»

Распался миг на тысячи мгновений,
Мне ясно виден пуль слепой полёт,
И надо встать, да силы нет в коленях,
Но я уже сказал себе: «Вперёд!»

Ещё лежу, но в теле есть команда –
Стремительнее тока в проводах.
Я жить хочу! Но ведь кому-то надо
Перешагнуть через себя и страх!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

С трудом от снега тело отрывая,
Я, вижу, как в кино, со стороны:
Уже ползу, свой автомат сжимая,
Среди какой-то странной тишины.

Но вот и ДЗОТ. И поздно на попятный:
Так близко вспышки выстрелов видны;
Что не дожил – пусть доживут ребята.
И дай им Бог вернуться всем с войны!

Рывком встаю, о пули ударяясь,
Лечу так долго на проклятый ДЗОТ,
Весною пахнет мать-земля сырая,
Да не ко мне весна теперь придёт.

Удар о землю. Выдыхая тяжко,
Я обнял ДЗОТ как друга – лучший друг.
…Из-за спины рвануло криком: «Сашка!..»,
А он лежал, не разжимая рук.

…Опять февраль, такой же озорной,
Поземку гонит, с ветрами танцуя,
Там, где бойцы вставали в смертный бой
За отчий дом и за страну родную.

У старых обелисков и крестов
Подчас уже и некому заплакать,
Но и сегодня, сколько новых вдов! –
Жён тех, кто под огнем вставал атаку

Не для бравады, не для орденов,
А просто по-другому не умели.
Над русскими просторами снегов
Поют о них февральские метели…

---

* Ефрейтор Григорий Павлович Кунавин 26 июля 1944 года в бою за деревню Харасимовиче, расположенную в пяти километрах восточнее польского города Домброва-Бялостоцка, своим телом закрыл вражескую амбразуру.

Родился 8 (21) января 1903 года в селе Байны ныне Богдановичского района Свердловской области в крестьянской семье. Русский. Окончил начальную школу в посёлке Каменск-Уральский, ныне город Свердловской области. (По материалам сайта www.oblgazeta.ru)

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ПЕРВЫЙ БОЙ

«С 12 сентября … в городе развернулись ожесточённые уличные бои…»
«…Потери Красной Армии в Сталинградской битве составили 1 млн 130 тыс. солдат и офицеров…»
(Из официальных источников)

…Он умирал. А рядом, бесполезный,
Лежал пустой, разбитый автомат.
Фашисты на этаж уже не лезли,
И грохот боя отступил назад,

Куда-то вниз, и стал почти не слышен,
И в голове стоял неровный гул,
И каждый миг казался долгим, лишним,
Срываясь в шёпот пересохших губ,

Который самому казался криком,
В слепой надежде повторявшим: «Пить!..»
Он не успел ещё к войне привыкнуть.
Как никогда ему хотелось жить.

Одежда на боку от крови взбухла,
И он не раз сознание терял.
В свой первый бой их взвод вступил под утро.
Кто жив, кто – нет, боец уже не знал.

Он умирал мучительно и трудно:
Свой первый бой закончивший солдат.
… У матери, не веря, шепчут губы
Вслед строчкам: «…сын погиб… за Сталинград»

ЧТО Я ПОМНЮ ОБ ОТЦЕ

(Отрывки из письма друга)

«…После нашего разговора я задумался: а на самом деле – что я помню об отце?

Вначале вопрос даже нелепым показался: да всё помню – и то, каким он был, и рассказы, начиная с его детства в деревне. Только когда попытался сложить их в одно целое, понял: отрывки помню, а в целое они не складываются.

Причём я отлично вижу его самого, как он чуть сутулясь из-за своего высокого роста, неторопливо ходит рядом по комнате, его спокойные и скупые движения больших

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

рук, когда он передвигает немного в сторону стул, одним боком почему-то оказавшийся у него на пути…

Наверное, в каждой семье есть старый фотоальбом с такими же старыми фотографиями, ещё на картонных подложках или в пожелтевших паспарту с тиснёными вензелями в углах, и, конечно, в пару к нему, есть старая небольшая сумка, в которой хранятся семейные документы.

Сейчас я сижу за столом с такой сумкой, с вынутыми из неё документами, и с раскрытым старым фотоальбомом.

Я вижу отца и одновременно складываю и складываю один отрывок с другим: отрывок из документа к отрывку из запомнившегося рассказа, а потом снова: документ, фотография, рассказ, рассказ, фотография, документ...

Вот заверенная нотариусом письменная копия паспорта:

Душкин Павел Васильевич, родился 16 января 1915 года в селе Куликово Дрязгинского района Воронежской области…

О его родителях я почти ничего не знаю. Знаю, что имя деда, конечно, было Василий, но отчества не помню, а бабушку звали Дарья Игнатьевна.

Семья была очень работящая. «На ноги встали» во время НЭПа, без наёмных работников: всё сами. Жили по деревенским меркам того времени хорошо.

По словам отца в 1928 году их «раскулачили»: всё отобрали, из дома выгнали, и жили они то ли в хлеву, то ли в сарае. Деда вообще выселили из деревни с «волчьим билетом». Насколько я помню, это некий документ или справка. Человек с такой справкой должен был регистрироваться в каждом населённом пункте, но не имел права находиться там более трёх дней. И на работу с «билетом» не брали.

Куда после выселения сгинул дед, неизвестно: отец о нём больше ничего с тех пор не слышал.

Знаю, что со старшим братом, кажется, его звали Иван, у отца была значительная разница в возрасте. После полученного во время Первой мировой войны ранения брат хромал на одну ногу, поэтому от службы в армии был освобождён. А младший, Василий, пропал без вести в Отечественную войну.

Отец его после войны долго искал, направлял всевозможные запросы, и, кажется, где-то уже в шестидесятые годы получил подтверждение о его гибели. У отца была единственная фотография Василия, на которую он часто и подолгу смотрел и смахивал слёзы…

Была ещё сестра, кажется Ксения, немного постарше отца. Наверное, были и другие братья и сёстры: дети нередко умирали в крестьянских семьях. В памяти остались только эти.

Вообще, как видишь, всё одни «кажется» да «вроде бы». Не приучены были наши родители или, оберегая нас, не доверяли бумаге свою родословную: вдруг в чужие руки попадёт? И как потом всё обернётся?

Вот и росли мы без родительского прошлого, без памяти о нём: «мы наш, мы новый мир построим…»

Да и условия не подходили для писания биографий и родословных – надо было выживать…

Поэтому отец в тринадцать лет пошёл работать на лесоразработки. Платили мало, но хотя бы кормили.

Но всё равно до войны отец успел закончить семь классов.

…С июля тридцать четвёртого года по апрель тридцать девятого папа работал разнорабочим (вслушайся в название!) в научно-исследовательском совхозе имени

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Сталина. Совхоз находился в посёлке Шульгино Мордовского района Тамбовской области.

Здесь он и встретился со своей будущей женой, нашей мамой, шестнадцатилетней девчонкой Дусей – Евдокией Андреевной Зайцевой.

Мама было родом из какой-то близкой к посёлку деревни. Она в том же апреле тридцать четвёртого устроилась официанткой в столовую совхоза.

Мать рассказывала, как она впервые «познакомилась» с отцом.

В обед в столовую всегда приходило много рабочих совхоза. Она, как в ресторане, собирала заказы, разносила им блюда.

В общем, засуетилась, забегалась, и забыла принести отцу чай. Тот ждал-ждал, грохнул кулаком по столу и закричал:

– Ты когда мне, курица, чай принесёшь?

Но настоящее знакомство и серьёзные отношения начались у них спустя несколько лет…

В апреле тридцать девятого отца призвали в армию.

С этой весны мама будет ждать его. Она закончит Черкасскую автошколу, до июня сорокового года будет работать шофёром в совхозе, реостатчиком, весовщиком, заведующей магазином. Ей, наверняка, и не думалось, что разлука затянется до июня сорок шестого года, пока её жених пройдёт Финскую и Отечественную войны, а потом приедет за ней…

Но опять возвращаюсь к отцу.

Передо мной его красноармейская книжка.

Многие записи выцвели и читаются с трудом, поэтому снова получаются обрывочные сведения.

По порядку.

Участвовал в Финской войне в составе 287 стрелкового полка. В октябре 1940-го демобилизовался: непонятно, почему так быстро, да? Тогда ведь не меньше двух лет служили. Но, может быть, срок по-другому исчислялся за участие в военных действиях?

С 10 ноября 1940 г. по 18 августа 1941 г. работал слесарем-сантехником 6 разряда в Государственном Союзном строительно-монтажном тресте № 20 Наркомата авиационной промышленности – в том самом тресте, что занимался демонтажем двух цехов Ступинского металлургического завода и их монтажом у нас, в Каменске-Уральском. Вот здесь впервые появляются и Каменск, и наш завод.

Но не могу увязать всё это с периодом после армии.

Рассказывая о нём, отец употребил бытовавшее тогда выражение «сидеть на колуне». Так называли время, когда у человека нет ни еды, ни денег, до получки далеко, да и слишком она мала, чтобы дотянуть до аванса, занять не у кого: у них дела не лучше. Выходили из положения, кто как мог: любыми случайными приработками, чаще всего за еду. Семью при таких «капиталах» не заведёшь. Отец начал подумывать: не пойти ли снова в армию, уже добровольцем?

Тут и началась война.

30 августа 1941 года папу мобилизовали в Красную Армию из Каменска-Уральского Челябинской области (интересно, Каменск действительно тогда относился к Челябинской области?*). В сентябре сорок первого зачислили в 8-й отдельный лыжный батальон 29-й танковой бригады радистом, в звании сержанта. Бригада воевала на Волховском фронте.

Интересно, что записи в красноармейской книжке отца, которую ему выдали 4 декабря 1943 года, не совпадают с записями в военном билете, выданном 22 апреля 1964 года.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

По красноармейской книжке отец принял присягу 15 ноября 1941 года и был ранен в голову в декабре этого же года. А в военном билете указаны другие даты: присяги – 1 октября 1941 года, а ранения – январь 1942 года.

Пусть даты не совпадают, но шрам на голове, чуть повыше лба, от осколочного ранения, хорошо помню: осколок пробил каску. Это было под Ленинградом.

После ранения отца опять направили на фронт.

Записи в красноармейской книжке:

«Март 1942 г. – 21-я танковая бригада, МБА, радист, сержант.

Апрель 1942 г. – 29-я танковая бригада, рота управления, взвод связи, ст. радиотелеграфист, ст. сержант.»

«Вступил в партию в 1943 году» – дата стёрлась.

Кстати, вроде бы столько натерпелся от власти, а коммунистом был убеждённым, никаких шуток по этому поводу не признавал. Надо же, как была поставлена пропаганда у большевиков. Да что об отце говорить, по себе знаю: когда учился в институте, Павка Корчагин был ещё тот, ну, я, то есть.

Но опять отвлёкся.

Думаю, что в партию отец вступил на Курской дуге.

Как он рассказывал, бои были страшными по ожесточённости с обеих сторон: танки, стоя друг напротив друга, ствол в ствол, вели стрельбу в упор. Подчас они даже разъехаться не могли из-за обилия подбитой техники.

В один из боёв отец, с рацией, настроенной на приём, находился в блиндаже рядом с командиром полка. Тот ставил боевую задачу капитану Похитону: во время боя, не покидая головного танка, корректировать огонь артиллерии по второму эшелону обороны немцев.

Выслушав от Похитона ответ «Есть!», комполка налил в алюминиевую кружку водку и протянул капитану. Тот, молча, выпил, поставил пустую посуду на стол, вытянулся по стойке «Смирно» и отдал честь командиру: оба понимали – с такого задания живыми не возвращаются.

Пока танк, на котором находился капитан, мог уходить из-под огня – уходил, не прекращая передавать координаты для наводчиков по установленной форме, с позывными.

Отец торопливо повторял получаемые данные, но связь с Похитоном то и дело прерывалась. В какой-то момент перерыв в связи был очень долгим, а потом в наушниках опять раздалось:

– «Первый»! «Первый»! Я – «Второй», – услышали они голос капитана.

– Есть связь! – торопливо доложил отец.

Комполка, не выдержав, вырвал у него микрофон, и плотно зажав тангенту, открытым текстом закричал:

– Похитон! Дружок!.. Дружок!.. Ты где?

– Мой танк подбили! Взял рацию, залез на берёзу. Слушайте координаты…

И едва начавшись, связь опять оборвалась. Отец без конца повторял:

– «Второй!» «Второй»! Я – «Первый»! Приём!

Но капитан на вызовы не отвечал.

Бой продолжался…

Когда солдаты полка дошли до израненного пулями и осколками снарядов обломка ствола, оставшегося от берёзы, то увидели лежащего рядом капитана Похитона…

Про тот бой на Курской дуге отец часто вспоминал, и каждый раз его губы начинали дрожать под конец рассказа…

И опять записи в книжке бойца:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Карельский фронт – 1944 г.

Белорусский фронт – 1945 г.

Май 1945 г. – май 1946 г. – 67-я отдельная танковая бригада в составе Группы Советских оккупационных войск в Германии.

Демобилизован в мае1946 г. на основании Указа Президиума Верховного Совета СССР от 20 марта 1946 г., как родившийся в 1916 году».

На самом деле отец родился 16 января 1915 года, но как вкралась ошибка, сейчас, конечно, не узнаешь. Не этим ли объясняется, что отец ещё год служил после войны?

После демобилизации съездил за матерью в Тамбовскую область. Там они поженились 25 июня 1946 года.

Отец предложил матери ехать в Каменск на завод, который начал строить до войны. Мать согласилась, и 20 сентября этого же, сорок шестого года, отец был принят слесарем-сантехником на завод № 268.

Да, ещё чуть не забыл.

У старшего брата отца был сын, Андрей – одногодок папы: чувствуешь разницу в возрасте между детьми в одной семье? Вот они-то и росли как братья.

Дядю Андрея я помню, ездил к нему с родителями в Наро-Фоминск в 1966 году. Он тоже прошёл всю войну. Помню доставал из коробочек и показывал уйму орденов и медалей. С отцом они постоянно переписывались.

Упорству отца я всегда поражался.

Уже после войны он окончил вечернюю школу, что находилась у нас, на посёлке Чкалова. Потом, в пятьдесят шестом году, поступил в Каменск-Уральский вечерний авиационный металлургический техникум и закончил его в шестьдесят первом году по специальности «обработка цветных металлов и сплавов давлением» с присвоением квалификации техника-технолога.

Помню, когда вечерами отец поздно сидел за домашними заданиями, мы из прихожей на кухню или в маленькую комнату через большую ходили вдоль стеночки. Ты же помнишь нашу квартиру по улице «4-й Проезд»?

В большой комнате, за столом, занимался отец. Тревожить его было опасно. Ну, а если потревожил, то частенько в твою сторону летел тапок. На вопрос «За что?» следовало:

– Ах, ты ещё и огрызаешься!

И на затылок обрушивалась тяжёлая рука отца.

Конечно, столько лет перерыва в учёбе, две войны, работа, трое детей… Нервы сдавали.

Вообще, насколько я сейчас оцениваю отца с высоты моих лет, это был настоящий мужчина. Суровый, рассудительный, немногословный, физически сильный. Он никого и ничего не боялся, кроме, наверное, как и многие в то время, возможных репрессий.

Помню как после известного съезда Партии и разоблачения культа личности мать потихоньку, шёпотом, в первый раз нам рассказала, что они с отцом раскулаченные. Оказывается, семья матери тоже была отнесена к кулакам и наказана соответственно.

Отец и тогда о своей семье почти ничего не рассказывал, да и о войне тоже. Начал рассказывать года за три-четыре до своей смерти, причём почему-то мне, а не старшим братьям. Видимо, рассчитывал, что я эту память сохраню лучше.

Были такие откровения не раз, но короткие, а обстоятельные получились раза два. Они особенно запомнились.

Один разговор – это, когда я с женой находился в растянувшейся на три года – с 1979 по 1982 год – командировке в городе Лысьва Пермской области. А в 1980-м отец приезжал ко мне в гости дня на четыре.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Второй – в 1984 году, в Свердловске. Мы ходили с ним поздним вечером по улице Малышева в районе ВТУЗ-городка, и он много и интересно рассказывал о довоенных годах, о войне, о первых послевоенных…

Даты, фамилии, номера военных приказов, их содержание – вещи, о которых многие годы говорить было нельзя…

Эх, тогда бы иметь магнитофон или диктофон, или записать, пока в памяти всё свежо было! Сколько не сохранил в этой вечной гонке!..

Фильмы о войне советских времён отец не любил. Если начиналось такое кино по телевизору, он обычно вставал, и со словами «Я эти сказки смотреть не хочу», уходил. Исключением были, пожалуй, только «Живые и мёртвые». Этот фильм отец уважал с тех пор, как мы впервые увидели его в нашем старом клубе на посёлке Чкалова…

И опять возвращаясь к нашему разговору об отцах: как назвать такие совпадения в их и в нашей жизни?

И у тебя, и Уважаемые господа, нас бабушку звали Дарья. Отцы жили, считай, в соседних областях. Призвали их – при разнице в возрасте в пять лет – в одном тридцать девятом году, в один и тот же Ленинградский Военный округ, там вместе встретили войну. У обоих – осколочное ранение в голову. Оба после войны оказались в одном городе и на одном заводе…

И мы в этой жизни не разминулись: жили в одном дворе, учились в одной школе, институты кончали в одном городе, тогда ещё Свердловске, хотя в шутку часто между собой его Екатеринбургом называли – напророчили. И не потерялись за столько лет – это тоже не маленько!

Вот, Коля, «шершавым языком плаката» сухую статистику изложил.

Ах, да, награды отца забыл назвать: «За оборону Ленинграда» (1942 г.), «За отвагу» (1944 г.), «За взятие Берлина» (1945 г.), «За победу над Германией» (1945 г.).

Обидно думать, что даже эти крохи памяти об отце могут бесследно пропасть...

15.04.2011 г. Слава»

---

* 15.06.1942 в состав Свердловской области из Челябинской области переданы город областного подчинения Каменск-Уральский, Каменский и Покровский районы.

ПОСЁЛОК ЧКАЛОВА
(Отрывки из книги «ЗА КРАСНЫМИ ГОРАМИ»)
«Исполком Горсовета РЕШИЛ…»

1

Наверное, к каждому человеку со временем приходит осознание своей неразрывности с местом своего рождения: будь это громадный город или небольшая деревенька, глухой кордон в глубине леса или необозримый степной простор – кому что выпадет.

Мне выпало родиться в той части Каменска-Уральского, что до настоящего времени называется посёлком Чкалова.

Долгие годы я воспринимал его название как саму по себе возникшую данность, которая была до моего рождения и будет потом.

Но недавно один мой знакомый, перебравшийся в Каменск-Уральский из близлежащей деревни, когда узнал, что я родился и вырос на посёлке Чкалова, с усмешкой обронил:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– А, из Чикаго.

– Почему? – удивился я.

– Да казино там открыли с таким названием. Поэтому некоторые теперь посёлок так называют.

«Неужели место, где ты родился, может так легко потерять своё настоящее имя? – подумалось мне. – Немало американизмов вошло в наш разговорный и деловой язык, но неужели так просто вытеснить имя посёлка?»

Наверное, тогда и появилась у меня мысль узнать, когда и каким документом закреплено было за посёлком его название.

При первой попытке мне не повезло: в городском архиве сказали, что столь давние документы отправлены в областной архив.

Специалист областного архива, выслушав меня, объяснила порядок проведения поиска по запросу: необходимо указать точную дату принятия решения об образовании посёлка или номер этого документа. При разбросе даты даже в два года нужно просмотреть не менее ста дел.

Ни точной даты образования посёлка, ни номера документа я назвать не мог, потому что именно это и надеялся узнать в архивах.

По словам того же специалиста облархива в имеющемся на сегодня электронном варианте справочника административно-территориального деления Свердловской области упоминания о посёлке Чкалова как единице административно-территориального деления города Каменска-Уральского нет. Упоминается лишь о ликвидации единицы с таким названием в Бруснянском сельсовете.

Наверное, слишком поздно я решил это узнать, когда почти ушло поколение тех людей, что начинали строить наш посёлок и дали ему имя. Но я надеялся, что, может быть, всё-таки ещё найдётся человек, который это помнит, или который рассказал об этом своим близким и в их памяти сохранился его рассказ.

После первых безрезультатных попыток обращения в архивные организации у меня появилась мысль обратиться за помощью к городским краеведам, в том числе и в краеведческий музей, но не по телефону, а по приезде в Каменск.

В конце мая 2010 года я снова приехал в родной город.

После первых же моих слов, сотрудник городского Краеведческого музея имени Ивана Яковлевича Стяжкина Любовь Васильевна Зенкова минуты за полторы нашла на своём компьютере необходимую информацию.

Зафиксированное в протоколе решение исполкома города Каменска-Уральского № 38 от 25.12.1942 г. «О застройке посёлка завода № 268 и присвоении наименования посёлка имени Чкалова» в настоящее время хранится в областном архиве. Любовь Васильевна назвала номера фонда, описи и дела с этим документом: ведь именно из их музея эти документы силами их специалистов передавались в областной архив. А сколько до этого было проведено исследований по истории названий населённых пунктов, находившихся на территории нынешнего города!

Вскоре, ссылаясь на полученные конкретные данные о месте нахождения документа, я отправил письменный запрос в областной архив.

Почти две недели запрос шёл в архив. На мой телефонный звонок о сроке исполнения, специалист коротко ответила: «Месяц». Но прошёл не один месяц. Только 19 октября, когда, уходя на работу, я по привычке заглянул в почтовый ящик, то нашёл долгожданный ответ.

Конверт от нетерпения вскрыл на ходу.

Там лежали сложенные втрое два листа бумаги: сопроводительное письмо и ксерокопия Решения Исполнительного Комитета Каменск-Уральского горсовета

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Депутатов трудящихся № 798 от 25 декабря 1942 года «Об утверждении проекта планировки посёлка завода № 268».

Я шёл по улице и читал неровные строчки с прыгающими то вверх, то вниз буквами, отпечатанными, наверное, на видавшей виды машинке:

«Исполком Горсовета РЕШИЛ:…»

Дальше шли пункты и подпункты принятых решением мер и мероприятий.

И, наконец, в пункте четвёртом говорилось: «Присвоить поселку завода № 268 наименование «посёлок Чкалова».

Вот они слова о присвоении имени и статуса населённого пункта – с конкретной датой, которую фактически можно считать Днём рождения посёлка!

25 декабря 1942 года.

В это время в блокадный Ленинград с Большой земли по ладожскому льду по «Дороге жизни» везли всё самое необходимое для осаждённого города, в котором промышленные предприятия, под артобстрелом и воздушными налётами, ни на час не прекращали выпуск оборонной продукции, и скоро, 18 января 1943 года, блокада будет прорвана.

…Части сил Калининского фронта вели наступательную операцию под Великими Луками, сражаясь с левым крылом группы армий «Центр» – оперативной группой «Шевалери», объединявшей девять дивизий. К 20 января 1943 года эти девять дивизий были разгромлены.

…Ещё не освобождён Смоленск, но скоро, 18 февраля 1943 года, наши войска освободят Курск.

…Сталинградская битва с 19 ноября из оборонительной фазы перешла в наступательную: контрнаступление развивалось ударами Юго-Западного и Донского фронтов…

И кто-то из наших отцов в это время вставал в бой на одном из фронтов, кто-то упорно оборонял вчера отвоёванную пядь родной земли, кого-то, тяжелораненого, увозила полуторка из медсанбата в госпиталь, кто-то, чудом уцелев в жестоких сражениях, уходил со своей обескровленной людскими потерями воинской частью на переформирование…

А на безымянном до этого дня посёлке, на заводе № 268 уже вошли в эксплуатацию литейный цех, цехи переплава отходов и ремонтно-инструментальный, пусть даже с неполным комплектом оборудования.

И сам завод в апреле 1942 года тоже получил свой первый «паспорт»:

«Завод №268 является металлургическим заводом, предназначенным для производства основных материалов и заготовок для самолетостроения и частично для моторных заводов. На заводе предусмотрена организация трех основных производств: прокатного – для изготовления алюминиевых листов, прессового – для изготовления прессованных профилей, кузнечно-прессового – для производства поковок и штамповок из цветных и черных металлов»...

Завод начал обеспечивать поставку качественных слитков для дальнейшей их обработки на заводах Наркомавиапрома, Наркомцветмета, Наркомчермета.

Я держал копию «Решения»: обычный стандартный лист бумаги формата А-4.

Но у меня возникло ощущение, что и текст документа, и его дата в верхнем правом углу, одним своим прикосновением к моим рукам стёрли границу времени. И сейчас, здесь, где-то очень рядом со мной, безмерно уставшие от войны люди, определив судьбу развития посёлка на годы, предусмотрев и строительство клуба, и детских учреждений, и не такую уж далёкую необходимость надстройки вторых этажей, встают из-за стола и уходят в холодный декабрь сорок второго.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Кто-то вернётся в цеха на заводскую площадку, кто-то – в рабочую казарму, чтобы отдохнуть перед сменой, кто-то засядет за разработку рабочего проекта застройки…

Впереди будут ещё два с половиной года войны, и будет Победа. Но каждый пункт решения, принятого 25 декабря 1942 года, тоже будет выполнен: появятся новые дома и улицы, появятся детские сад и ясли, киноклуб и станция юных техников – таким уже увидит и запомнит посёлок не одно послевоенное поколение.

2

Окраина…

Может быть, такое слово было бы верным по отношению к местоположению посёлка Чкалова на пространстве, занимаемом городом.

Ведь дальше, за веткой подъездного пути, ведущей от нашего металлургического завода мимо красных отвалов шлама к станции УАЗ (Уральский алюминиевый завод), есть только небольшие посёлки «Второй рабочий» и «Силикатный», и цепочка домов, растянувшаяся около остановочных платформ от 13-го до 10-го километров.

Но это верно лишь с точки зрения планиметрии.

За прошедшие годы я проехал всю нашу страну. Не перелетел на быстрокрылых лайнерах, а именно проехал: в маршрутных автобусах и в попутках, в дальних поездах и в электричках. Проехал от западной границы Варшавского моста в Бресте до морского берега Владивостока, от посёлка Полуночное на севере Свердловской области до южной границы Узбекистана, дальше за которой уже начинался Афганистан.

Я видел белые ночи Северного Урала и бархатно-чёрные ночи юга Крыма и Средней Азии, когда за краем конуса света, падающего от ламп чайханы, не видно ни зги.

Это тоже были географические окраины страны. И опять – только географические. Потому что, как для меня наш посёлок, так и для тех, кто родился и вырос в таких далёких от нас селеньях, для каждого из нас место, где мы родились, до последнего дня жизни остаётся самым центром нашего сердца.

Однажды, в начале восьмидесятых прошлого века, возвращаясь из очередной командировки в столицу, я стал случайным свидетелем разговора двух попутчиков-москвичей.

Мы уже проехали посёлок Трубный и подъезжали к Каменскому вокзалу. Оба москвича стояли в коридоре купейного вагона у окна и один, негромко, обронил другому:

– Представляешь: даже в таком месте живут люди…

Второй, также негромко, ответил:

– Не представляю. Но ведь живут.

Наверное, им, действительно, трудно было представить, что человек не только может жить в таком месте, но и быть счастливым, и любить его так же, как они любят Москву: не за что-то, а просто как свой родной город. В нём тоже, к сожалению, много чего не так, как хотелось бы видеть, но это город, который ты никогда не сможешь оторвать его от своего сердца…

«Временные жилые сооружения…»

«**Барак** – деревянное здание лёгкой постройки, предназначенное для временного жилья»
«**Землянка** – крытое углубление в земле, вырытое для жилья, укрытия»
«Словарь русского языка». СИ. Ожегов

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Из воспоминаний моих ровесников:

Любовь Чемезова (Синявская): «Мое детство прошло на посёлке Чкалова. Мы там жили до 1967 года в бараке около линии. До 3-его класса училась в школе № 7. Помню, рядом с бараком стоял большой дом. Мы всё время бегали в подъезд: очень хотелось пожить в этом доме, или хотя бы к кому-нибудь в гости зайти, но не было знакомых.

Родители мои работали на КУМЗе, мы их встречали около проходной, которая напротив аптеки. Она и сейчас там есть. Потом родители получили квартиру на УАЗе: здесь я и живу до сих пор.

У мамы подруга жила напротив молочного магазина, так я очень часто там бывала, ездила в гости к кавалерам с подругами. Потом они нас провожали пешком до «Челябинской». Ездили мы туда очень долго, пока я не вышла замуж. Вот, говорю вам, и такая ностальгия... Когда приезжаю в гости к сестре, сердце сжимается: такое все родное. А когда едем на Силикатный купаться, проезжаем мимо места, где стоял наш барак, дух захватывает: так хочется закрыть глаза и хоть на миг очутиться в том родном бараке, где живы родители и все подружки, и друзья рядом, но... Как это все далеко, только память всегда рядом. И как хочется хоть на миг вернуть то время!..»

Татьяна Григорьева (Жернакова): «Я пришла в 7 школу со второго полугодия третьего класса. Мы переехали с УАЗа и маме дали комнату в бараке № 20, который стоял первым через дорогу от столовой № 3.

У нас было две комнаты. В первой комнате жили Пустоваловы, у них был сын Серега чуть старше нас. В третьей комнате жили Сырчины, у них было несколько детей. Потом в двух комнатах жили Карсюковы. Дальше по четной стороне плохо помню. Рядом с нами в 6 комнате жили Лаптевы. С Валентиной мы до сих пор дружим. Общаемся и с тётей Машей Лукиных, она жила рядом с Горожанцевыми. А мама всю жизнь работала в 13 цехе КУМЗа. Наш поселок был таким маленьким, там все знали всех, или почти всех. Как, впрочем, и сейчас.

Маме дали квартиру в 1970 году. В этом году многих из бараков начали расселять. В первую очередь тех, кто работал на КУМЗе…»

1

Уходит время и уносит с собой не только секунды, часы, года. Уносит дома, улицы, деревья. И там, где ещё совсем недавно они стояли и росли, ты однажды увидишь совсем другие дома, улицы и деревья.

И вдруг нестерпимо захочется снова прийти к твоему старому дому: прийти по старой улице, постоять у того клёна, что рос напротив твоего подъезда – подъезда, из которого ты ушёл в Большую жизнь…

Но нет уже туда пути.

Есть только память: единственный для каждого и не очень надёжный проводник по прошлому.

Вот с нею я и прихожу к середине пятидесятых лет.

Сразу же нужно оговориться, что к тому времени на посёлке были не только бараки, но и одноэтажные и двухэтажные кирпичные дома.

Одноэтажные – это те, на которые, в соответствии решением горисполкома от 25 декабря 1942 , планировалось надстраивать второй этаж. Внешне, с уличной стороны, они почти не отличались от бараков. Но, кроме того, что они были кирпичными, вход в комнаты у них был не из общего сквозного коридора, а из отдельного подъезда. Подъезды как бы делили дом на секции из нескольких комнат.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А «двухэтажки» строили со всеми удобствами и даже с деревянными балконами. Наша семья в пятьдесят третьем году переехала в коммунальную квартиру такого дома: пусть в маленькую комнатку, однако, в этой квартире были и кухня, и ванна, и туалет.

Но мне хочется рассказать о бараках, с которых в начале сороковых начинался посёлок, и в которых, несколько лет спустя, и для меня, и для многих моих ровесников начиналось детство.

Самыми первыми из бараков были рабочие казармы. Они, действительно, более похожи на армейские казармы: длинное помещение без межкомнатных перегородок. Только в отличие от армейского образца, в них висели тряпичные занавеси, отделяя место проживания одной семьи от другой.

Шла война, и для людей было главное иметь тёплый угол для отдыха после тяжёлой работы под открытым небом, когда ещё не все возводимые цеха имели стены.

Строился завод, и строился посёлок.

Бараков становилось всё больше и больше.

Где-то они стояли вдоль дорог, уходя вглубь кварталов, как по улице Центральной. Где-то, как по улице Школьной, стояли ровными рядами одним выходом к улице, другим – во двор. За первой шеренгой бараков стояла вторая, третья...

Это были уже бараки с деревянными, обшитыми с двух сторон дранкой, перегородками между комнатами. И получить такую комнату на одну семью было непросто. Нередко заселялись в новое жильё, когда даже стены ещё не были оштукатурены, и новосёлы сами заканчивали остальное за строителей: штукатурили, красили, подгоняли двери…

Роддом, школа, магазины, первая баня, чайная напротив заводской проходной по улице Центральной – всё вначале размещалось в бараках с их теснотой и скученностью, но с их верным теплом и надёжным кровом.

А там, где сейчас на улице Западной стоит магазин «Чкаловский», проходила дорога к землянкам. Они тоже были первым домом для моих ровесников. Только в наш класс из землянок придут Вася Грехов, Саша Таланов, Оля Юферева, Слава Крюков…

Мои родители жили тогда в двух смежных комнатах вместе с дедушкой Степаном Степановичем, бабушкой Анисьей Антоновной и маминым братом Михаилом Степановичем.

В других комнатах барака жили семьи тоже не меньше нашей. Сколько всего в бараке было комнат, по исходной нумерации, не помню, но на старых семейных снимках рукой фотографа химическим карандашом написан наш первый адрес: улица Школьная, 20 барак, комната 23.

Строили бараки как можно быстрее: между деревянных щитов засыпали шлак, щиты обивали дранкой со стороны улицы и комнат, штукатурили. На утепление потолка и завалинок тоже шёл шлак. Сами комнаты располагались вдоль длинного коридора дверями друг напротив друга. И только у выходов на улицу расположение комнат было несимметричным из-за входных тамбуров, надёжно защищавших зимой коридор от холодного воздуха.

Большим семьям, занимающим две комнаты, для удобства и сохранения тепла зимой, разрешали соединять их между собой. Дверь из второй комнаты в коридор закрывали изнутри, утепляли, но убирать саму дверь и капитально заделывать стенной проём долгое время не разрешали.

К раскалённым трубам комнатных батарей зимой невозможно было прикоснуться. Поэтому детьми мы часто играли прямо в коридоре, пока родители отдыхали после ночных смен или перед работой.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Очень редко коридор был пустынным. Уже ранним утром сквозь двери из коридора доносилось: «Кому молочка домашнего, свеженького?» Через некоторое время другой женский голос спрашивал: «А кому сметанки, топлёного молочка?»

Открывались двери комнат, и кто-то покупал свежее молоко, кто-то – топлёное, кто-то – сметану. Продавцы и покупатели не только знали друг друга. Большей частью продавцы знали даже кто, сколько и чего купит, а покупатели – почём им продадут, поэтому выходили с уже заранее отсчитанными деньгами, зажатыми в одной руке, и с банкой или бидончиком в другой.

Уходили молочницы, а следом шли другие, предлагая то зерно для кур – самых частых обитательниц крохотных сараев, то свою картошку, чтобы не идти с ней через весь посёлок на базар и не стоять за прилавком в ожидании покупателя. Шли то погорельцы-горемыки с малыми детьми на руках и просили хлеба «за ради Христа», то умелицы с искусно связанными пуховыми шалями, шла соседка к соседке занять что-то, чего не оказалось дома под рукой в эту минуту, уходили жильцы на работу в первую смену…

Целым событием был приезд старьёвщика. Его лошадь со стареньким колокольчиком под дугой и телега с ящиком, украшенным выцветшими тряпицами, были известны и детям, и взрослым.

Как только телега останавливалась, к ней уже спешили со всех сторон. Детям хотелось заполучить какие-то виденные в прошлый раз игрушки, взрослым – избавиться от пришедших в негодность старых вещей, которые всё-таки жалко выбрасывать просто так.

Старьёвщик неторопливо доставал из ящика большой ручной безмен, разновесы, также неторопливо, словно с неохотой, перебирал-просматривал предлагаемое ему тряпьё, взвешивал его. Если вещь была стоящая, то прятал её в ящик, доставал из-под фуфайки деньги, отсчитывал их и отдавал бывшему хозяину этой вещи. Если принимаемый товар был так себе, то расчёт шёл необходимыми мелочами: пакетиками бельевой краски или синьки, мотками суровых ниток на дратву для подшивания обуви, особенно валенок, гребёнками и расчёсками, складными ножиками с одним лезвием и плоскими железными щёчками.

А для малышни самым ценным были воздушные шарики с пищалками и без них, алюминиевые наганчики, такие крохотные, что умещались без труда даже в небольшой детской ладошке, двухцветные карандаши: красные с одной стороны и синие с другой... Старьёвщик уезжал, а обмен ножиков на наганчики, воздушных шариков с пищалками на карандаши ещё долго продолжался…

Но настоящие игрушки продавались в магазинах.

Самый ближний из них находился от нас через дорогу, на другой стороне улицы Школьной. Располагался он во втором ряду от барака на углу Школьной и Центральной, и был, наверное, одним из самых посещаемых.

В первой части барака находился сам промтоварный магазин: две соединённые комнаты, без перегородки, составляли торговый отдел с прилавками, стеллажами товаров. Стеллажи были забиты до отказа отрезами тканей, обувными коробками, стянутыми шпагатом в узлы комплектами и зимней, и летней рабочей одежды, предметами обихода от кастрюль и вёдер до кочерёг и ухватов. Поверх всего этого разнообразия висели рядом на плечиках выходные костюмы и фуфайки, женское платье и синий комбинезон…

И, конечно, с полок и сквозь стекло прилавков на нас смотрели самые разные игрушки. Непременная деревянная лошадка-качалка стояла перед прилавком. И разве можно было пройти мимо неё, не потрогав гладкие разноцветные бока, блестящую чёрным лаком искусно вырезанную гривку?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Там продавались плоские пистолеты и револьверы с вращающимся барабаном. Соответственно и пистоны к ним были разные: отдельные бумажные квадратики или бумажные ленты, свёрнутые как серпантин. Сквозь верхний тонкий слой папиросной бумаги просвечивал коричневатый бугорок пороха. Ох, и здорово они бабахали, оставляя после выстрела настоящий запах сгоревшего пороха!

А как манили наши взгляды сабли и кортики в ножнах с покрытыми бронзовой краской накладками! Пусть их клинки были алюминиевыми, но сами игрушки по форме почти ни отличались от своих грозных оригиналов…

В этом же бараке, через стенку от магазина находилась столовая № 3, где между столами, всегда с неутомимой сердечностью, сновала официантка Фая. Неизвестно как, но она успевала не только вовремя подать заказываемые блюда всем посетителям, но ещё и найти для каждого ласковое слово. А вот самой с лаской не везло: кажется, наконец, нашла уже самого дорогого, желанного. Ан, нет: отъестся он на Фаиных харчах, приоденется франтом за её счёт – и только его и видели…

А на следующее утро, Фая, с той же сердечностью и ласковостью будет разговаривать с посетителями, такими же белоснежными будут её косынка на иссиня-чёрных волосах и фартук с кружевными краями… Вот только припухшие глаза скажут внимательному взгляду о ночных слезах и страданиях этой женщины, всегда готовой прийти на помощь другим. И слушая её голос с таким знакомым пришепётыванием на согласных, такие привычные от неё слова: «Сейчас, миленький! Сейчас тебя накормлю!», поневоле всплывала мысль: «Ну, почему же ей так не везёт?..»

К другой стене столовой примыкал спортзал, в котором чаще всего почему-то мы видели тренировки боксёров. Их тренер не прогонял нас, когда мы группками по два-три человека садились на завалинку у окон и с неотрывным интересом, подолгу, смотрели, как проходили разминка, отработка ударов, спарринги … Тренер, наверное, нарочно не прогонял нас. Может быть, он надеялся, что у кого-то из мальчишек, постоянно торчащих у окна спортзала, любопытство однажды перерастёт в желание самому прийти в зал и сказать:

– Я тоже хочу стать боксёром!..

А заканчивался барак совершенно неожиданным соседством спортзала с небольшой чайной. Вход в неё был с северного торца строения. Само помещение чайной было крохотным: буфетная стойка с примыкающей к ней огромной пивной бочкой с торчащей из неё трубой с краном и три-четыре высоких столика для посетителей. Но заказывал ли там кто-нибудь чай – не знаю.

Рядом с бараком высились земляные валы, внутри которых находились ледники третьей столовой. Единственный вход у подножия вала был тщательно утеплён и обвешан замками.

Зимой эти валы были одним из самых любимых мест для игры. С них можно было кататься на лыжах, на санках, бороться на краю склона друг с другом, пока, чуть только оступись, не скатишься вниз вместе со своим «противником»… А летом там можно было играть в прятки, в войну, пробираясь ползком к вершине, и неожиданно скатываться на «часового», брать его «в плен»…

2

От своего первого дома на свете, от барака № 20, от пересечения улиц Школьной и Центральной, вместе с моей памятью, я пойду к заводской проходной.

Завод в то время все называли «Почтовый четыре», опуская слово «ящик». До перекрёстка Школьной и Центральной заводская стена тогда ещё не дошла. Там было поле с высокой зелёной травой. В глубине поля стоял чей-то одноэтажный бревенчатый дом. Брёвна издали казались тёмно-коричневыми. На поле всегда паслось немного коров

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

и лошадей, и кто-нибудь косил траву, а после набивал ею принесённые мешки.

Как раз напротив проходной завода, через дорогу, находилась настоящая чайная: с буфетом, с большим столовым залом, с обязательным огромным фикусом и большой коновязью на улице. Снег, грязь или трава по сезону около коновязи всегда были усыпаны жёлтой соломенной трухой и клочками сена.

А перпендикулярно к чайной стоял барак, в котором располагался продовольственный магазин. Он ещё не переехал в двухэтажный дом № 4 по улице «4-й Проезд» и его пока не называли «Второй магазин». В доме № 4 находился магазин промышленных товаров: ткани, платья, пальто, меха. Да, да. Там висели каракулевые шкуры, шкуры рыжих и черно-бурых лисиц – даже в то трудное время спрос на них был: женщины всегда хотели и хотят быть красиво одетыми…

Так вот, вдоль продовольственного магазина, как вдоль каждого барака, стояли сараи, в которых хранилось необходимое торговое и подсобное оборудование. В том числе там стояли и кислородные баллоны. И однажды среди летней ночи, по-моему, 1956 года, на весь посёлок прогрохотал взрыв. Никто пока не знал, что случилось, но первой мыслью у многих, как потом рассказывали друг другу, была мысль: «На заводе?..»

По чьему недосмотру взорвались баллоны, что в действительности стало причиной ЧП – едва ли кто сейчас помнит это. Но в каком радиусе взрывной волной выбило стёкла из окон, кому среди ночи они посыпались в комнату и даже на кровать – это помнили долго.

А злополучный сарай стоял примерно там, где сейчас стоит дом № 28 по улице Центральной.

Если бы во время воображаемой прогулки в пятидесятых, я повернул бы налево и пошёл по улице «4-й Проезд» до её пересечения с улицей Западной, то уже издалека бы услышал необыкновенный аромат свежих пряников.

На этом углу, на противоположной стороне улицы Западной, где теперь стоит пятиэтажка с филиалом «Сбербанка», находился цех городской кондитерской фабрики. И от вкусных запахов, заполнявших прилежащие улицы, даже у сытого человека появлялось желание «перекусить чего-нибудь такого…»

3

Вдоль чётной стороны улицы Западной, если идти к её началу, в сторону рынка, стояли три барака. В одном из них находилась часть классов школы рабочей молодёжи, ШРМ, как её называли тогда. Мой отец учился там в десятом классе. Иногда, когда мама дежурила в больнице, и меня не с кем было оставить, он брал меня с собой на занятия, усаживая рядом. Из всех уроков мне больше всего нравилась литература: наверное, потому что она была более доступна для понимания пятилетнего мальчишки.

Вела занятия Елена Михайловна Масленникова: педагог, влюблённый в свой предмет. Непросто было убедить взрослых людей, прошедших войну, занятых на физически тяжёлом производстве (металлургия никогда не была лёгким делом), что уроки литературы для них не менее важны, чем изучение технологии металлов. Не знаю, насколько ей это удалось, но слушали её на уроках всегда почти с детским интересом, и, конечно, как в любой школе, не любили вызовов к доске.

Почему-то мне особенно запомнился урок о творчестве Михаила Васильевича Ломоносова. Нужно было рассказать наизусть отрывок из «Оды на день восшествия на Всероссийский престол Её Величества Государыни императрицы Елисаветы Петровны 1747 года». Это сейчас я полностью привожу название оды по одной из своих самых любимых поэтических антологий Ленинградского госуниверситета. А на уроке её называли просто «Одой на восшествие».

Ещё перед уроком к отцу подошли два его одноклассника и попросили:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Сашка! Выручай! Ты выучил? Немного? Вот и подучи, пока она рассказывать будет. У тебя память хорошая, успеешь.

Но Елена Михайловна не стала давать новый материал. Открыв журнал, она подняла взгляд на класс, и потому, как все нарочито старательно уткнулись в учебник, сразу всё поняла.

– Повторяем выученный отрывок? Прекрасно. Кто же хочет к доске? Так. Ни одной руки. Что ж, тогда выйдет…

Во время возникшей паузы кто-то за папиной спиной тихо прошептал:

– Саша! Давай!

Папа поднял руку и спросил:

– Можно мне?

Елена Михайловна отложила ручку:

– Готовы? Читайте.

Папа, как тогда говорили «с выражением», прочитал отрывок. Мне казалось, что он заговорил на незнакомом языке, в котором я понимал только отдельные слова.

– Садитесь. Отлично. Кто объяснит: зачем Ломоносов написал эту оду? Что он хотел ею сказать?

И снова Елена Михайловна подняла взгляд на класс.

– Что тут объяснять? – раздался чей-то голос с задних парт. – Перед царицей хорошеньким себя показать хотел.

Елена Михайловна встала:

– Серьёзный упрёк. Но, товарищи, такое «напутствие», не понравься оно Елизавете, могло дорого стоить поэту. Как может какой-то даже даровитый смерд поучать дочь Петра Великого? Ломоносов это ясно понимал. И его оду можно назвать мужественным гражданским поступком.

– Я прожила достаточно много лет, много повидала и многих авторов почитала. Не каждая эпоха может представить пример такого мужества. Из вас многие прошли войну, и, наверное, сами, мне, уже немолодой женщине, можете ответить: в бой встают все, как один, или всегда есть кто-то первый?

В классе было тихо-тихо.

Тут Елена Михайловна серьёзно посмотрела на меня:

– Вы, молодой человек, это тоже запомните.

От того ли, что со мной впервые говорили как с взрослым на «Вы» и назвали «молодым человеком», или от того, что за её словами скрывался какой-то более глубокий, более важный смысл, понятный старшим и совсем непонятный детскому разуму, но я действительно запомнил тот урок.

Елена Михайловна жила в соседнем дворе. Часто я её видел возвращающейся с уроков с сумкой в одной руке и с неизменной стопкой тетрадей, прижимаемой другой рукой к груди. Я здоровался с ней, и ждал, что однажды она меня спросит:

– Ну, молодой человек, поняли то, что я Вас просила запомнить?

В ответ я мог бы только сказать:

– Запомнил, но ещё не понял.

Но она не спрашивала, а на моё «Здравствуйте!», отвечала также доброжелательно, как всем детям и взрослым.

Через несколько лет, когда я пошёл в третий класс, мы, временно, до переезда в новую четырёхэтажную школу, одну четверть учились в том самом бараке, где была ШРМ.

И первые дни, когда я утром открывал дверь в свой класс, никак не мог отделаться от впечатления, что ошибся, попал не туда. Странно было видеть вместо прежних

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

привычных высоких столов и скамеек наши небольшие светлые парты: словно каждый день кто-то неизвестный показывал мне один и тот же фокус, а я, хотя и знал заранее, чем он кончится, но втайне надеялся – а вдруг?..

У каждого барака, как и у каждой семьи – своя история, многие из которых остались сегодня лишь в памяти самих жильцов, и, скорее всего, уйдут вместе с их памятью. А, может быть, кто-то успел рассказать своим детям о послевоенном житье-бытье, и эти рассказы запали уже к ним в душу и когда-нибудь тоже прорастут повестями-воспоминаниями, ценными именно документальной основой...

4

А ещё мне хотелось бы, в рамках этой же главы, вспомнить о двух одноэтажных домах.

Первый из них стоял вдоль улицы «3-й проезд». В левой его половине находилось 4-е отделение милиции, в правой – почтовое отделение. Их входные двери были обращены к уличной стороне, и к каждой вело высокое крыльцо. И у милиции, и у почты даже в небольшом посёлке всегда много работы.

Около крыльца «4-го отделения» почти всегда стояли чьи-то велосипеды или мотоциклы, изредка – грузовые машины, рядом с ними кто-нибудь торопливо курил, облокотившись на перила, а разные люди входили и выходили из милиции.

Если внимательно всмотреться в стоявшие велосипеды и мотоциклы, то можно было бы заметить одну общую для них деталь: отсутствие государственных номерных знаков. Да, да. На право управления велосипедом, выезжающим на автомобильные дороги, тоже нужно было вначале сдать экзамен, получить «корочки», и ездить, соблюдая не только предписанные правила движения, но и иметь в наличии, на велосипедной раме, исправные насос со шлангом и подсумок с инструментами и небольшой коробочкой велоаптечки. А под седлом велосипеда крепился госномер, который в любую погоду должен был быть чистым.

У грубо нарушившего правила движения сотрудник ОРУДа (отдела по регулированию уличного движения, существовавшего одновременно с ГАИ) в отделении милиции снимал номер, выкручивал ниппели из обеих камер колёс и забирал права до повторной сдачи экзамена.

А когда в тёплую погоду открывалась танцплощадка, находившаяся через дорогу, рядом со старым двухэтажным клубом, работы сотрудникам милиции добавлялось.

Как только, по взмаху дирижёрской палочки перед духовым оркестром, из раковины эстрады выплывали первые звуки вальса, поляна вокруг обнесённой высоким решётчатым забором веранды стремительно начинала наполняться людьми всех возрастов: от пяти-шестилетних детей из соседних двухэтажек, до пенсионеров, прервавших ненадолго вечернюю прогулку. Те, кто уже купили билеты на танцы, предъявляли их контролёрам, стоявшим по обеим сторон входа, а кто хотел потанцевать «бесплатно», торчали у деревянной решётки забора в надежде увидеть знакомого и попросить у него на время билет с оторванным контролем. По такому билету можно было попытаться пройти лишь после того, как заядлые курильщики, протанцевав пару танцев, заспешат выйти покурить. Постоянные контролёры знали почти всех танцующих в лицо, поэтому, когда кто-то другой вдруг пытался пройти по билету с оторванным контролем, заявляя, что выходил покурить, они пропускали его, отлично зная такие хитрости. Главное – в руках у него есть билет, а сами они всё равно «сидят на окладе».

С теми же первыми звуками вальса, с крыльца «4-го отделения» спускались и шли к танцплощадке молодые крепкие парни. На их красных нарукавных повязках золотились бронзовой краской заглавные буквы «БСМ» – бригада содействия милиции. Работали они

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

под руководством милиции, а не местных властей, поэтому неподчинение им значило неподчинение милиции.

Они строго следили за общественным порядком, а когда возникали конфликты, грозящие перерасти в драку, пресекали их. Нетрезвым сразу же предлагали удалиться. Редко дело доходило до задержания и доставки в милицию: чаще всего это случалось с кем-то из «залётных», приехавших из другой части города и пытавшихся не уронить «авторитет» своего посёлка.

Когда с киноэкранов Людмила Гурченко в «Карнавальной ночи» пропела одну из песен своей героини, то местные остряки тут же переделали её применительно к задержаниям поселковой милицией:

Если в ресторане, с пьяною ухмылкой,
Врежут Вам бутылкой в солнечный денёк,
Не хватайтесь сразу за ножи и вилки:
Тут же прилетит за Вами «Чёрный воронок»
И улыбка, без сомненья,
Пропадёт из ваших глаз,
И в «Четвёртое отделение»
«Спецтакси» доставит вас.

«Спецтакси» «Четвёртого отделения», машина с зарешёченным кузовом, выкрашенная в иссиня-чёрный цвет и прозванная за то, как и по всей стране, «чёрным воронком», умело появляться в нужном месте в нужное время, хотя уличных телефонов-автоматов вблизи практически не было.

Одним из сотрудников «4-го отделения», был Юров. Имени его я не помню. Мы знали, что он отец нашего одноклассника Юры, и так и запомнили его как Юркиного папу. Их семья жила в бараке около больницы. Другие сотрудники приезжали в отделение только на дежурство.

Многие из старожилов посёлка, наверное, помнят преданность Юрова своему делу и отвагу, порой до безрассудства, с которой он, в одиночку, бросался в гущу дерущихся камнями и палками пьяных.

Однажды нам пришлось стать нечаянными свидетелями запомнившегося навсегда случая.

В тот летний вечер родители были на работе, а я ушёл к дедушке с бабушкой. Мы играли в «войну» в сараях, стоявших между 19 и 20 бараками на Школьной улице. Взрослые, сидя на вынесенных из дому табуретках вокруг небольшого столика, ничуть не менее азартно, играли в лото. Женщины, спрятавшись в тень на завалинке под стеной барака, говорили о чём-то. И вдруг откуда-то прошелестело: «Драться будут! На ножах!»

Все сразу вскочили, забыв про лото и разговоры. Женщины начали звать своих детей домой, но мы, тут же, забрались на крыши сараев, и, замирая от страха и любопытства, стали ждать: что же будет дальше?

Тут из 19 барака вышел мужчина лет сорока с ножом в руках. Мы знали, что он на днях вернулся из тюрьмы. Мужчина подошёл к одному из открытых окон барака и негромко сказал:

– Ну, выходи, гад!

Скоро, с другой стороны барака, какой-то нетвёрдой походкой, вышел другой жилец барака, тоже совсем недавно освободившийся.

Первый мужчина сам нарисовал ножом на земле круг, диаметром не больше трёх метров и вышел из него. Потом посмотрел на второго и что-то тихо сказал.

Они вошли в круг, встали в центре, скрестили ножи, а потом сразу же отпрыгнули

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

друг от друга.

Всё произошло молниеносно. Первый мужчина тут же метнулся вперёд и ножом в правой руке резко ударил противника в живот.

Видимо, удар был страшным и точным: раненый на глазах побелел и начал медленно падать – сначала на колени, а потом на правый бок. Его выцветшая голубая майка сразу же потемнела от крови.

Ударивший постоял над ним, потом сам зашатался и такой же нетвёрдой походкой, спиной отступил к завалинке и сел на неё, не выпуская окровавленного ножа.

– Всё, – глухо обронил он. – Опять за решётку.

Наверное, ещё до начала драки, кто-то добежал до проходной завода и позвонил оттуда и в милицию, и в больницу, потому что не прошло и трёх минут после окончания драки, как с подножки подъехавшей к бараку грузовой машины соскочил Юров – без кителя, в одних майке и галифе, и почему-то босиком. Он подошёл к сидящему преступнику и протянул руку:

– Отдай нож. Следуй за мной.

Тот, сидя, отдал нож, поднялся, глядя на милиционера. И, может быть, лишь в этот момент, осознав, что он сделал и что его ждёт опять, дико и страшно закричал:

– Аааaа!...

– За мной, я сказал! – ещё раз приказал милиционер, и они пошли к той грузовой машине, на которой он приехал.

Прибывшая следом за милиционером медсестра с носилками, подошла к раненому, наклонилась и прижала пальцы к его шее, Потом выпрямилась:

– Уже ничем не помочь. Мужчины, помогите положить его на носилки.

Подняв голову, она увидела нас.

– Почему здесь дети? – почти закричала она.

Мы ссыпались с крыши и стремглав припустили вглубь бараков, думая, что нас тоже сейчас заберут в милицию.

Никто за нами не побежал, никто не забрал, только забыть увиденного мы не могли. Но, не сговариваясь, никто из нас не рассказал родителям, как неожиданно закончилась наша игра в тот вечер.

Потом, из разговоров старших, мы услышали, что, когда Юрова спросили, чего же он босиком-то примчался задерживать, тот вначале отшутился:

– Чтобы нежарко было.

И улыбнувшись, добавил:

– Да я дома после дежурства спать лёг, когда из больницы прибежали с криком «Убивают!». Нового дежурного, как на грех, к начальству вызвали. Когда одеваться? В галифе запрыгнул, ноги – в тапки, и – ловить попутку.

И ещё шире улыбнувшись, закончил:

– А тапки потерял где-то.

Общий хохот был ему ответом.

5

И о втором доме, памятном, наверное, для многих жителей посёлка, хотелось бы вспомнить.

Он по-прежнему стоит на своём месте, и у него тот же самый адрес: Западная, 11.

Сейчас в нём находиться магазин стройматериалов, а раньше этот барак назывался «Станция юных техников».

Входные двери у него были со двора. Одна вела в детскую библиотеку, другая – в технические кружки: авиамодельный, фото, автомотодела. В библиотеку записывали с

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

первого класса, а в кружки – с разграничением по возрасту.

Едва научившись читать, мы пришли записываться.

Библиотекарем оказался мужчина: худощавый, невысокий, немного выше нас, с чёрными-чёрными волосами, подстриженными под полубокс. На смуглой коже лица чернели несколько родинок. Он был похож на постаревшего как-то сразу мальчишку, который ещё не поверил в это и остался таким же по-мальчишески задорным.

Заполняя формуляр новому читателю, он расспрашивал его:

– Ты действительно любишь читать или в школе велели записаться? У нас строго: книгу выдаём на две недели, а потом нужно прийти продлить срок. Но лучше, если ты будешь укладываться в отведённые дни, потому что книг пока немного, а спрашивают одни и те же, что по программе задают. Вот, посмотри какие у меня большие списки очередей на них…

Он показывал толстую общую тетрадь. Фамилии тех, кто уже получили желанную книгу, были аккуратно, по линейке, зачёркнуты карандашом.

И обязательно добавлял:

– Ты уже подумал, где будешь книжку хранить? Её нужно беречь как живую.

Вначале, когда мы ещё только учились читать, нашими первыми книгами были чаще всего короткие сказки с красочно оформленными страницами, на которых рисунков было больше чем текста, а буквы – размером с крупную горошину. Прочитывали их быстро, а потом начинали читать снова, подолгу рассматривая каждую иллюстрацию, или как мы говорили «картинку».

Встречаясь по дороге в библиотеку, показывали друг другу, какие книжки несём. Если одному из нас нравилась книжка другого, и он ещё не читал её, то заранее договаривались о просьбе к библиотекарю переписать книгу на своего попутчика.

Почему-то все в первую очередь спешили просмотреть лежавшую в левом углу стола стопку только что сданных книг, словно в ней одной таились самые интересные рассказы, повести. Стоявшие на полках издания, наверное, тоже были хорошими, но раз их не выбрали раньше, значит, их можно будет взять потом, когда прочитаешь вот эту – сразу понравившуюся тебе...

Библиотекарь знал об этой нашей привычке. Тех, кто у него не интересовался другими книгами, он спрашивал:

– А вот такую почитать не хочешь?

И доставал её со стеллажа у себя за спиной:

– Ты почитай, почитай. А потом мне скажешь: понравилась или нет.

Может быть, он умел подбирать книги, может быть, для детской библиотеки действительно выделяли только лучшие из них, а, может, нам всё было интересно, но очень редко мы оставались равнодушными к прочитанному.

Самыми любимыми были, конечно, книги из серий «Русские народные сказки», «Детская художественная литература», «Детская энциклопедия» – дорогие издания в твёрдых тиснёных переплётах, со стилизованным красным или бронзовым орнаментом по периметру обложки и огромными, во всю страницу, иллюстрациями. И, конечно – книги о войне: дети и внуки тех, кто прошли сквозь страшное горнило невыразимых человеческих страданий и утрат, мы с жадностью читали о ней и художественные, и документальные строки, дышавшие гневом и сердечной болью.

Для нас скорее было бы удивительным встретить человека, не опалённого войной. Палочку, постоянно стоявшую у стола библиотекаря, все уже давно заметили. А скоро, из разговоров старших, узнали о его военном прошлом: танкист, во время одного из боёв был тяжело ранен, в госпитале, чтобы спасти его, врачам пришлось ампутировать ему ногу.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Прошли годы.

Я помнил о библиотекаре, как о человеке, который более шести лет вёл нас по стране Родная Литература.

Как он, вписывая в формуляр выбранные книги, негромко ронял:

– Три таких больших – на две недели? Это не многовато? Не в ущерб учёбе? Классику не читают по диагонали.

Как вдруг однажды, принимая прочитанные тома, неожиданно, сам заявил:

– У нас хорошая библиотека. Но вы уже выросли из неё. Пора переходить в заводскую.

Лет двадцать назад, в разговоре с одним из друзей детства, я спросил его о библиотекаре.

Услышанное не укладывалось в сознании:

– Его убил сын-алкоголик по наущению дружков: раз инвалид войны, значит пенсия большая. Ходить не может – значит, дома спрятал. Поищи получше.

Денег сын не нашёл, обозлился – и убил.

Человек, который прошёл войну и чудом остался жив после тяжёлого ранения, убит своим сыном?

Так бережно относившийся к чужим детям, никак не мог он в небрежении растить родного сына. Почему же сын вырос отцеубийцей?

Я попытался вспомнить имя библиотекаря – и не смог. И друг мой тоже не смог.

Иногда самоуверенность очень подводит нас. Тогда, в детстве, мы очень обиделись бы на человека, который сказал бы нам о том, что лет через десять – пятнадцать в нашей памяти не останется имени нашего библиотекаря.

Бесконечные каждодневные заботы без спросу, безжалостно и исподволь, вычёркивают из памяти, отложенные ею до поры-до времени воспоминания о важных, но уже далёких событиях, эпизодах.

Ужас от страшной новости отодвинул на второй план желание разыскать тех, кто помнит имя погибшего.

И снова прошли годы.

И сегодня, когда я дошёл до этих строк, с горьким стыдом признаюсь: так и не нашёл времени узнать, как же звали человека, которого, без сомнения, многие тоже могут назвать своим Учителем.

Человек не может быть без имени. Память одного человека может его потерять, но чтобы забыли все – такого не бывает.

Я кинулся к телефону: кого-то не было дома, кто-то уехал по делам.

И, наконец, услышал от Людмилы Анатольевны Гусевой, заведующей филиалом № 17 Каменск-Уральской городской библиотеки, забытое имя:

– Потапов Александр Алексеевич.

Он действительно был её Учителем в библиотечном деле до ухода на пенсию в 1981 году.

И, без сомнения, Александр Анатольевич Потапов достоин того, чтобы снова зазвучало его имя – имя Воина, имя Учителя, имя Библиотекаря.

Следуя его совету, мы стали брать книги из «взрослой» заводской библиотеки: вначале по читательским билетам родителей, а с шестнадцати лет – уже по своим.

И снова нас встретили с тем же вниманием и заботой.

Может быть, нам везло, а может библиотекарями, учителями, медиками становятся люди особого склада души, заведомо знающие, что на этом пути их не ждут златые горы, но для которых выбранное ими дело значит неизмеримо больше…

Поклон им и огромное спасибо за всё, в чём они помогают нам!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Вот и подошла к концу глава о бараках.

Их почти не осталось уже. Там, где тянулись они цепочкой, поднялись вначале двух-, а потом пятиэтажные дома. Во многом по-другому выглядит сегодня посёлок. И уже потемнел и осыпался местами кирпич на домах-ровесниках нашего детства. Нет давно старого клуба, построенного в военные годы, а есть новый Дворец культуры «Металлург».

Но остались люди, которые помнят и свои бараки, и постаревшие дома, в которых они когда-то жили, и старый клуб.

И осталась людская память и о бараках, и о первых, ещё коммунальных, квартирах, и о том послевоенном времени, к которому эта память или души наши приросли так, что до последнего мгновения жизни не оторвать…

И хочется начать рассказ о домах, в которых мы жили, о нашей школе № 7, о наших клубе и стадионе.

5

Но переходя к другому рассказу, нельзя не вспомнить о сараях. Трудно даже представить себе как эти нехитрые строения выручали людей в то послевоенное время.

Они стояли между бараками, вдоль всей их длины: потемневшие от дождей и снега дощатые копии человеческого жилья – сколько комнат в бараке, столько дверей в сарае. Каждая дверь сарая находилась напротив окна жильца-владельца этой части сарая.

У бараков, расположенных вдоль дорог, сараи с наружной стороны стояли между ними и дорогой. Сараи же, находившиеся между соседними бараками, примыкали друг к другу задними стенами.

В кварталах с первыми двухэтажными домами сараи выглядели совсем по-другому: когда вы входили в такой двор, то в глаза бросалось некое подобие кирпичной крепости с глухими стенами по её длине и с двумя сквозными высокими арками на торцевых сторонах. Внутри этого сооружения находилось четыре ряда сараев. Два крайних ряда примыкали к кирпичным стенам, у двух внутренних рядов задняя стена была общей.

Крохотные по размерам, они, однако, вмещали в себя нехитрый сезонный скарб, которому не место в комнатах: лопаты, велосипеды, рыболовные снасти… Запасы дров или угля для кухонных печек тоже выносили в сараи, а в тёплое время кто-то ухитрялся держать в них кур.

Каких трудов стоило вырастить купленных на базаре или привезённых от родственников из деревни цыплят!

Внутри сарая для них ставили крепкую клетку, которая была не по зубам даже крысам: как без них, если хотя бы у кого-то хранилась картошка или ещё что-нибудь съедобное.

Перед тем, как вынести цыплят на улицу, хозяйки ограждали выбранное место рамами с густой металлической сеткой, а чаще всего – с марлей. Сами же, вооружившись длинным прутом от дворовых кошек, усаживались на маленьких скамеечках рядом с крошечным «птичьим двором». Кошки с ума сходили от цыплячьего писка, но, отведав хотя бы раз хозяйского прута, становились очень осторожными. В чью пользу был окончательный счёт, сейчас не узнаешь, но, наверное, всё-таки в пользу хозяев: иначе они не начинали бы заново каждую весну хлопотливую «птичью эпопею».

Иногда, по договорённости, соседу уступали свою клетушку, и тот, присоединив её, а то и клетушку второго соседа с другой стороны, уже мог разместить на новом пространстве что-нибудь крупное: например, мотоцикл, если обладал такой редкой по тем временам техникой.

Но около одноэтажных домов сараи, наверное, были просторнее, потому что в них держали даже свиней и коров. И если по «своим» мы во время игр носились

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

беспрепятственно, почти не мешая никому, то около этих сараев, как нам казалось, постоянно кто-то что-то делал, или возился с живностью. Да и стояли они близко к дому, и наши воинственные крики (разве где-нибудь дети играют тихо в «войну»?) мешали взрослым отдыхать после смены или перед работой.

Потом, когда в начале шестидесятых начнут расти «самстроевские» восьми- и шестнадцатиквартирные двухэтажные дома, снова появятся общие, на несколько домов, сараи с единым наружным кирпичным периметром. Вход в секцию каждого дома в них будет иметь дверь, а пожарным выходом вместо двери будет окно, закрывавшееся деревянной ставней. Каждый сарай тоже будет небольшим по размеру, но в нём хозяин, при желании, мог уже выкопать яму для хранения овощей.

А для нас, к тому времени школьников средних классов, они станут местом одной из любимых вечерних игр в прятки с фонариками.

Суть её точно такая же, как и обыкновенных пряток. Но при этом водящий оставался на улице, а остальные прятались в секциях сараев, у которых закрывали и входную дверь, и ставню на окне, поэтому в секции становилось довольно темно. Включать лампочки освещения или свой фонарик водящему по правилам запрещалось. И когда он, открывал наугад дверь секции и входил в неё с дневного света, то, конечно, ничего сразу разглядеть не мог. Мало того: как только водящий входил, ему в глаза ударял свет нескольких фонариков: отечественных – с плоскими батарейками, простым стеклом и отличным отражателем, немецких «дайманов» – тоже с плоскими батарейками, но – с увеличительным стеклом, круглых китайских (тогда – великолепного качества) на трёх батарейках. Все фонарики заранее регулировались на точечный пучок, поэтому световой «залп» получался сильным. Конечно, водящий представлял, что его ждёт, и заслонял ладонью глаза. В это время ему нужно было узнать кого-нибудь из прячущихся игроков, выкликнуть его имя, и бежать назад к «кону» на улице, где хлопком ладони по стене закрепить свою победу.

Темп игры был очень быстрым и минут сорок – пятьдесят нам хватало наиграться, но зато, какие это были минуты!..

Сараи исчезли где-то в начале девяностых: и от ветхости, и от пожаров, и от пришедших им на смену гаражей. Но мне кажется, что сараи тоже заслужили добрую память от людей, которым с послевоенных лет они были безмолвными незаменимыми помощниками!..

ПОРА ПОСЛЕВОЕННАЯ

Пролог

А где-то ждали нас дороги,
Врывался свежестью сквозняк,
Плыл над землёю месяц строгий
И утомлённый спал барак.

Сирень вовсю благоухала,
Роняли звёзды небеса,
Рассветы вспыхивали ало,
Вскипала на траве роса.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Вставали павшие в атаки,
Ночной покой живых храня…
В послевоенном том бараке
Жизнь начиналась для меня.

С тех пор со мною неделимы
Барак послевоенных лет,
Россия – отчий край любимый
И детства алый тот рассвет.

1

Шестнадцать комнат с каждой стороны
Вдоль длинного сквозного коридора:
Построенный на третий год войны
Барак – мой первый в жизни дом, с которым

Я связан неразрывно, навсегда –
Не детством, а всей памятью своею.
Из всех разлук я прихожу сюда,
Где он стоял – и места нет роднее

На всей Земле среди прекрасных мест
С их дивными чужими чудесами.
Одно богатство я сочту за честь:
Родство с послевоенными годами.

2

Пора послевоенная – с бараками:
За счастье – комнатёнка для семьи,
Пусть стены в ней пока обиты дранкою,
А штукатурить их – жильцам самим.

В бараках магазины и столовая,
Роддом и школа – трудный скромный быт.
Для многих даже родина здесь новая:
В войну с заводом в тыл пришлось отбыть.

Что ни семья, то – фронтовик: кто – раненый,
Кто – инвалид; над койкой – снимки в ряд
Родных мужчин – с надеждой-ожиданием:
А, может, жив кто и придёт назад?..

Как ближе к лету – разговоры страшные:
«По всем приметам – быть войне опять!»
По праздникам – столы с закуской вскладчину
И с бражкою: гулять – так уж гулять!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

В разгар весёлой пляски с хлестким хлопаньем
По голенищам да под свист лихой,
Вдруг женский крик: «Ой, где ты сгинул, сокол мой!..»
Плеснётся обжигающей тоской…

3

А отпуск – обязательно с поездками
К родным в свой отчий довоенный дом:
В «пятьсот веселых» – с битвой за билетами,
С вагонами, набитыми битком,

Насквозь в пыли от дыма паровозного,
Четыре дня пути в один конец,
С знакомствами – простыми и серьёзными:
«Где воевал?», «Где ранен был, боец?»

Рязанские, тамбовские и курские
– Смешала вас военная метель! –
До боли в сердце – все родные, русские,
Уральские, сибирские теперь,

В другой земле схоронят ваши косточки,
Вдали от дорогих душе краёв.
Но до последних дней, последней ночечки,
Вы пронесёте к ним свою любовь…

4

Пора послевоенная – особая:
Хоть тень и след войны лежит на всём,
Под свист мальчишек птицы мира голуби
С утра взмывают в выси окаём.

Овчарки – на военной регистрации,
Госномер нужен на велосипед,
Но в клубе – вечера с оркестром, с танцами,
И модницы оделись в креп-жоржет.

В квартирах с теснотою коммунальною
Прохожим поздним есть всегда ночлег,
Полным-полны столовые и чайные,
Но много инвалидов и калек.

Любой и день, и час – такие яркие,
И жизнь, как будто, началась с нуля:
С фундаментов домов, дорожек парковых,
Разбитых в выходной на пустырях.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Пора послевоенная – нелёгкая:
Куда ни глянь – на всем войны следы,
Как детство – недоступное, далёкое,
Мне с каждым годом все дороже ты!

** ** **

Дома в те годы строили войска.
Крушил лачуги лихо танк без башни.
Война для всех была еще близка,
Жила во всём в своем соседстве страшном.

Через поселок наш ходил стройбат:
От стройки – до ворот их Энской части,
А мы слетались стайкою галчат,
Со строем рядом шли, сияя счастьем.

Шли гордо дошколята-пацаны,
Рождённые в бараках, в коммуналках,
Шли как на самый главный бой войны,
Прижав к плечам оструганные палки.

Под песню взвода, перестроив шаг,
И, не жалея стареньких сандалий,
Шли в бой, где ждал нас ненавистный враг
На той войне, которой мы не знали.

Но знали точно: чей отец убит,
Чей – инвалид и чей кричит ночами
Как будто в танке до сих пор горит,
Сбивая пламя голыми руками.

И жгла обида как своя вина:
Нам слишком поздно выпало родиться.
Но если вновь обрушится война,
То отомстим за всё проклятым фрицам!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

УГОЛ ШКОЛЬНОЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ

Угол Школьной и Центральной –
Там душа моя живёт.
То с улыбкой, то печально
С давних пор к себе зовёт

В тот барак послевоенный
– Неказистый и родной –
С дружной песней непременной
В летний вечер выходной,

С разговором тихим, ладным
На завалинках у стен
В платьях праздничных нарядных,
С ребятнёю у колен.

Пусть мужья в лото играют
По копейке с носа – кон.
То гармонь – с другого края,
То из окон – патефон.

Мягкий сумрак лёг, не тает,
С бледным отсветом закат,
Звёзды выпорхнули стаей,
То горят, то не горят.

Завтра снова на работу.
Сны кружатся от стены.
А на стенах – в рамках – фото,
Не вернувшихся с войны.

В каждой комнате над койкой
На стене портрет родной.
Память – горькая настойка
В летний вечер выходной.

В сны вплывут с привычной болью
Голоса из тишины
– вдоль Центральной и вдоль Школьной –
Всех, кто не пришёл с войны…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

СКРИПКА ЧУКАЯ

Рассказ

Вечером, возвращаясь домой, на чьей-то лестничной площадке я услышал звуки скрипки.

Кто-то неровно и не очень уверенно водил смычком по струнам. И от этой неровности, неуверенности мелодия, сама по себе немного грустная, звучала по-особому искренне.

Она тревожила память, побуждая вспомнить что-то очень давнее и очень-очень знакомое.

И вспомнилось…

Тогда, в середине пятидесятых, подъезды нашего дома мыла старая, по представлениям пяти-шестилетних пацанов, женщина. Но звали ее все просто Люба.

Каждое утро она появлялась откуда-то в чёрной плюшевой жакетке или, по времени года, каком-нибудь платье – слишком заношенных и слишком свободных для вещей со своего плеча, в линялом платке, видавших виды резиновых ботах и с неизменным ведром на левой руке.

Её высокая, худая, сутулая фигура с наклонённой головой узнавалась издалека. С виновато-грустной улыбкой входила Люба в подъезд. Мягким мелодичным голосом ласково откликалась на приветствия жильцов.

Пока ей набирали воду в ведро, она стояла, прислонившись к косяку квартирной двери. Сама дверь почти не закрывалась: в трехкомнатной коммуналке жили четверо взрослых и девять детей, да ещё шли гости к ним… Казалось, что в коридоре кто-то без конца гулко хлопал в ладоши.

Любу мы считали дурочкой, поэтому, проскакивая мимо, тайком от старших обязательно показывали ей язык, строили рожицы. А она совсем не сердилась. Если останавливались слишком близко, гладила наши затылки, приговаривая: «Ребёночек!»

Говорила не похоже на других, по-своему приглушая звонкое «ч», путая гласные, и получалось смешное «рабёнашчак». И мы, конечно, смеялись, уверенные, что только дурочка может так запутаться в простом слове.

Потом Люба уходила мыть полы. Тёрла тряпкой доски с облупившейся краской, а сама, по-прежнему виновато улыбаясь, невнятно и тихо о чём-то разговаривала с собой.

Приходила она не одна. На улице, беспокойно и часто заглядывая в подъезд, топтался в ожидании жены Чукай. Ниже Любы на голову, с длинными обвислыми усами, в чёрном долгополом пальто с широкими, по тогдашней моде, плечами и таких же, как у Любы, резиновых старых ботах – он странным образом дополнял её. Поврозь мы их и представить не могли.

Нередко Чукай приходил со скрипкой. Заглянув в подъезд и убедившись, что Люба никуда не делась, он прижимал скрипку к посеревшему от долгой носки воротнику пальто, склонял голову к деке и начинал играть…

Люди входили в подъезд и выходили; кто-то шёл дальше через двор. Рядом, за невысокой оградой детских яслей, воспитательница громко сзывала пищавших малышей. С улицы доносились автомобильные гудки. А Чукай играл…

Я не помню ни одной мелодии. Помню только, как нервно и неровно вдруг начинал плясать смычок, а резкие разорванные звуки, вырываясь из-под него, словно спешили разбежаться в стороны друг от друга. И внезапно прекратив игру, Чукай бросался к подъезду снова искать Любу.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Успокоенный и повеселевший, он выскакивал на улицу. Путаясь в полах пальто, с криком «Кыш-кыш-кыш!» бежал к нам, взмахивая длинными рукавами, как крыльями, и делая вид, что хочет кого-то поймать. А мы со смехом разбегались врассыпную, хотя совсем и не боялись его.

Закончив с подъездами, Люба шла с Чукаем к рынку в «шестой» гастроном. Там она снова мыла полы. А после продавщицы наливали ей водку в небольшую стеклянную баночку из-под кильки-частика.

Люба неторопливо пила и так же неторопливо что-то рассказывала, глядя на склянку в руках. А очередь тоже неторопливо двигалась, и кто-то из невольных слушателей вздыхал, кто-то, крестясь, шептал: «Господи, упаси!», кто-то кончиком платка отирал глаза.

Часов в десять Люба и Чукай исчезали до завтрашнего утра.

Но иногда, в конце июня, Чукай пропадал из города, а Люба отправлялась искать его, Бог весть как находила, привозила назад, и всё начиналось по-прежнему.

Зимой пятьдесят девятого мы переехали в новую квартиру, и я забыл о двух «чудных стариках». Только через много лет, во время одного из приездов домой, когда в разговоре о соседях по старому дому всплыло имя Любы, мама сказала:

– А ты знаешь – она пропала. Поехала искать Чукая и не нашла. Вернулась сама не своя. Зиму хандрила, а с весной уехала – и всё.

– Что же он убегал от нее?

– Да не от нее. До войны они жили в Минске: интеллигентная семья, дети. А когда эвакуировались, при бомбёжке поезда у них на глазах детей убило. Вот Чукай и убегал спасать их.

…Сколько разных скрипок слышал я! Но ни одна до сегодняшнего дня почему-то не напомнила мне скрипку Чукая – скрипку Войны. И разве память в этом виновата?

А скрипка в подъезде всё играла…

И мне показалось: стоит нажать звонок – дверь откроется, и я войду в свое послевоенное детство, где среди солнечного утра Люба по-прежнему моет лестницу в нашем доме, а Чукай, прижав голову к неразлучной скрипке, так же неровно водит смычком.

Я подойду, и за того пятилетнего мальчишку, за себя сегодняшнего, забывшего двух безвестно пропавших «стариков», скажу:

– Простите! Простите за всё!

И когда Чукай, прервав игру, бросится к открытой двери подъезда, я впервые вместе с ним – среди рёва самолетных моторов, воя падающих бомб и их взрывов – услышу детский пронзительный крик:

– Ма!..

1987 г.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ДЕНЬ ПОБЕДЫ

Детство голоногое моё!
Сколько счастья – просто быть мальчишкою:
Мы сегодня на парад идём!
Заводской АН-2 скользит над крышами:

С неба разноцветная метель
Засыпает улицы листовками.
Хочется взлететь или запеть.
Щеголяет детвора обновками.

Духовых оркестров разнобой,
От медалей – солнечные зайчики.
Золото знамён над головой
И шаров взлетающие мячики.

У подъезда фронтовик-сосед
Костылём стучит не в такт мелодии,
И багряно полыхает свет
На эмали боевого ордена.

Верится, что враг везде разбит
И победа навсегда за нами!..
Почему ж заплакал вдруг навзрыд
Инвалид, закрыв лицо руками?

…В кепке, в старом сером пиджаке,
До бела под мышками истёртом,
Выходил он посидеть в теньке,
«Козью ножку» свертывал с махоркой.

Не любитель много говорить,
Слушал шум двора и птичье пенье.
Не спеша цигарку докурив,
Шёл домой: все двадцать шесть ступеней

Без протезов – горькая нужда! –
Стиснув зубы, штурмовал раз в сутки.
И шутил: «Ну, летом – ерунда!
Вот зимой – в каких ходить обутках?»

В холод он и впрямь не выходил,
Видно прав: какой с него гулёна…
Тихо, незаметно рядом жил,
Ждал тепла, раз в месяц – почтальона.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Что он вспоминал? Последний бой?
Как без ног очнулся в медсанбате?
…Только умер, брошенный роднёй,
В богадельне, на чужой кровати…

А пока – он жив, и май опять:
Самый главный праздник для солдата!
В полный рост стараясь твёрже встать,
Как он в бой вставал не раз когда-то,

Посреди пятидесятых лет
Костылем победно салютует,
Будто вправду отыскал ответ:
Больше никогда войны не будет!

Детство промелькнувшее моё!
В День Победы – не унять тревоги –
Вижу: с костылями наотлёт
В полный рост встаёт солдат безногий!..

** ** **

Мне опять сегодня снилось детство,
Западная улица, дом пять,
Ясли за забором по соседству,
С малышнёй, что вывели гулять.

Во дворе фонтан журчал довольно,
В нём плескался кто-то из детей.
Сквер, травы зелёное приволье,
Поджидали к вечеру гостей.

Шли домой с завода наши папы.
У сараев кто-то пас цыплят.
Серый кот струной прижался к лапам
И с цыплят давно не сводит взгляд.

Снились мне соседские ребята –
Вова Волков и Сергей Вознюк:
Улетели души их куда-то,
Словно птицы осенью – на юг.

Словно стёрлась времени граница,
Шёл с работы заводской народ…
Он всегда, всю жизнь мне будет сниться,
Пятьдесят шестой далёкий год,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Будка с газировкой на «Центральной»,
Продавцу, отдав свой пятачок,
Важно скажет: «Лей в стакан хрустальный!»,
Поселковый Гера-дурачок.

И никто вокруг не засмеётся:
С головой у Геры – с той войны,
Что, как сердце, в каждом болью бьётся –
Страшной, горькой болью всей страны.

Снится так непоправимо поздно,
Но ведь в ком-то тоже он живёт:
Мирный, с близким эхом битвы грозной,
Пятьдесят шестой далёкий год…

ГОРОДУ МОСКВА

Городу юности моего отца,
его брата Алексея и сестры Анны

Москва, июль пятидесятых,
Вокзалы полные битком
Людей с узлами, провожатых,
И очередь за кипятком.

Машин потоки мчатся мимо,
В мундирах, на конях верхом –
Милиция. Бензином, дымом
Пропахло всё насквозь кругом.

В домах – шипенье керогазов,
И в коммунальной тесноте
На кухне говорят все сразу,
А запоют – так тоже все.

И электрички в Клин, в Голутвин,
Сбегают с криком от платформ
К покою дачных мест уютных
Лишь вскинет руку семафор.

И в Химках, Кратово, Ильинке,
Прожив короткий выходной,
Народ присядет по старинке
И заспешит опять домой

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

В свои родные коммуналки,
Где «КВН»-ов* тихий свет…

Мне вспомнился вдруг полдень жаркий
Москва пятидесятых лет,

Вокзал, динамик что-то гаркнул,
И я увидел, наконец:
Из тёмного проёма арки
Ко мне шагнул живой отец…

«КВН»* – «КВН-49» (Кенигсон, Варшавский, Николаевский – 1949 г.)
– чёрно-белый телевизор, выпускавшийся в СССР в различных модификациях с 1949 по 1960 год.

** ** **

Моему деду
Степану Степановичу Черепякину –
участнику штурма Перекопа,
помощнику машиниста в годы
Великой Отечественной войны
посвящается

Январский снег в окне сверкает,
Свет фонарей и лунный свет,
И тишина вокруг такая,
Какой, наверно, в небе нет.

Вдруг, отчего – и сам не знаю,
Всплыл в памяти напев родной:
«Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой…»

Как часто в невозвратном прошлом,
Мне песню эту пел отец,
А дед, вихры мои взъерошив,
Шептал: «Ты слушай, оголец!»

Седой, глаза прикрыв рукою,
Сам горько песне вслед вздыхал,
Как будто что-то знал *такое*,
Чего напев не досказал,

Что рвалось в том минорном ладе
Наружу с горечью слепой,
С чем человек не в силах сладить,
Со всей несказанной тоской,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

С какою русское раздолье,
Его леса, поля, снега,
Вливаясь в нашу кровь, невольно
В ней остаётся на века?

Я песню слово в слово помню,
И вижу, словно наяву,
Как мчат дорогой зимней кони
И постромки вот-вот порвут…

Куда летит та тройка-птица?
О чём мой дед грустил тайком?
От песни почему не спится
И слов неясных в горле ком?

И тишины не разбивая,
Плывёт сквозь ночь напев родной:
«Вот мчится тройка почтовая
По Волге-матушке зимой…»

ПОБЕГ

Памяти старшего брата
моего отца
Михаила Дмитриевича Покидышева
посвящается

…Два дня уже мы с ним лежим в болоте,
А, кажется, – полжизни здесь лежим.
От голода и холода колотит,
И мысль одна: «Остаться бы живым!»

Я даже его имени не знаю,
А видел только номер на груди:
Собаки вслед захлёбывались лаем,
Лишь артналёт помог от них уйти.

В пролом в заборе многие рванули.
Не всем тогда с побегом повезло:
Со всех сторон вдогонку мчались пули,
И вечер выпал светлый, как назло…

По горло нахлебались «Deutscher Ordnung»*.
В гнилой воде по горло, молча, ждём:
Вот-вот земля от русских танков вздрогнет,
Мы встретим их и вместе в бой пойдём…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Так и случилось… Мы ушли с десантом…
Потом я до Победы воевал.
А мой напарник – его звали Санька –
В боях за Краков смертью храбрых пал.

Я был наводчик. Он служил в пехоте…
Войну… Наш плен… Забыть бы наконец!
Но снится снова: мы лежим в болоте.
А в стороне – концлагерь Тростянец**.

И не хочу – но год за годом снится
Снарядами разломанный забор,
И до утра откормленные фрицы
Из автоматов бьют по мне в упор…

---

* Deutscher Ordnung (в им. падеже: Deutsche Ordnung) – немецкий порядок
** В лагере смерти Тростянец гитлеровцами уничтожено свыше 200 тысяч военнопленных и мирных граждан

МОНОЛОГ ВЕТЕРАНА ВОЙНЫ

Пусть нам говорят: «Что войну вспоминать?
Ну, было – и сплыло. Ушло без возврата».
Вернись время вспять, я б сорвался опять
На страшную ту, что досталась солдату.

Где горе повсюду в обнимку с бедой,
След в след, день и ночь, за тобою ходили.
Где те, кто сегодня остался живой,
Без слёз, стиснув зубы, друзей хоронили.

У каждой войны счёт потерям есть свой,
Свой враг и две даты: вчера и сегодня.
И если с войны я вернулся живой,
То долг мой святой – всех погибших в ней помнить.

Всех тех, кто остались в далёкой земле,
С ней кровью своею навек побратались.
Остались с войны «похоронки» семье,
Не каждому даже медали достались.

Лишь память святая не знает границ,
Уходит опять на сраженье со смертью.
Не каждому в поле стоит обелиск,
Но каждый пред памяти высью бессмертен.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Там вписаны все, даже кто без имён
Легли в Диком поле, у речки Непрядвы.
И Воинской Славе от древних времён
Народная Память пусть будет наградой!

УРОК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ

Рассказ

Лёша торопился, хотя идти было очень неудобно: жёсткий фуляр с баяном оттягивал руку, а тут ещё сплошной гололёд. Посреди февральской оттепели ночью ударил мороз и к утру все улицы превратились в каток. В нормальную погоду от дома до троллейбусной остановки Лёша дошёл бы за двадцать минут, но сегодня, наверное, и за полчаса не успеть. Хорошо, что из дома по привычке вышел с большим запасом.

Надо же было погоде именно сегодня преподнести такой сюрприз. В конце прошлого занятия в музыкальной школе Лёшин учитель по классу баяна Владимир Георгиевич, расписываясь в дневнике, вдруг сказал:

– Да, чуть не забыл. Школьные баяны на несколько дней отдают мастеру на проверку. У тебя дома есть инструмент?

– Есть, – ответил Лёша.

Ему нравились школьные тульские баяны, но их тёплый и мягкий звук казался слишком домашним, без тех маняще-загадочных, будто слегка картавящих, обертонов, которыми отзывался отцовский аккордеонированный* «Ленинград». На нём даже обыкновенные гаммы звучали так завораживающе, словно сейчас баян сам по себе заиграет что-то необычное, никогда никем раньше не слышанное. И в отличие от тульского собрата планки от кнопок на правой клавиатуре у него не были на виду, поэтому баян выглядел нарядным концертным инструментом.

– А прийти с ним на следующее занятие сможешь?

Лёше до того хотелось показать свой баян, что он, не задумываясь, пообещал:

– Конечно, смогу.

Зачем учителю знать, сколько километров его ученику добираться до школы? Пообещал смочь, значит, сможет.

И вот теперь, поскальзываясь и оступаясь, Лёша думал только об одном: нужно успеть на урок и не разбить инструмент…

Музыка. Она окружала Лёшу с раннего детства. Как только их семья переехала из барака в «двенадцатиметровку» в коммунальной квартире, папа сразу купил себе баян.

У папы был замечательный баритон. Гуляя с Лёшей, он всегда что-нибудь напевал. И однажды, когда папа только-только допел свою любимую «Вижу чудное приволье…», к ним подошла какая-то незнакомая пожилая красиво одетая тётя:

– Здравствуйте. Давайте знакомится. Меня зовут Ираида Сергеевна. Я – заведующая художественной частью заводского клуба. А вас как звать?

Папа назвал и себя, и Лёшу.

Ираида Сергеевна улыбнулась:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ну, Лёша пусть пока подрастает, а Вы, Дмитрий Борисович, приходите в клуб на репетицию заводского хора. Нельзя с таким голосом только для себя петь.

Так папа стал солистом хора. А после замечания Ираиды Сергеевны «Музыкальный слух – это хорошо. А кто за Вас нотную грамоту учить будет?», в доме вначале появились книги по музыкальной грамоте, а вслед за ними – баян.

…Играть папа научился быстро. Ноты популярных песен баянисты-любители доставали всеми возможными путями, обменивались ими между собой.

Заметив как-то, что Лёша увлечённо рассматривает одну из выписанных книжек, папа спросил:

– Нравится? А понимаешь что написано?

Лёша с гордостью показал папе страницу:

– Я уже вот сколько выучил.

– А ноты мне поможешь переписать? Мне их на день дали, не успеваю. Попробуй, а я на работу пошёл.

Лёша переписывал до вечера. У него не было беглого нотного почерка папы, поэтому рисунок каждой ноты он выводил по-книжному правильно и долго, но переписал всю песню.

Лёше тоже хотелось научиться играть на баяне. Тайком от папы, когда тот уходил на работу, Лёша доставал баян и пытался «на слух» что-нибудь сыграть или, как выражались баянисты, «подобрать». И конечно, папа застал его за этими попытками:

– Нет, сынок. Так дело не пойдёт. Учиться нужно у настоящих учителей. Это мне уже поздно, потому и приходится самому… А ты узнай где обучают.

При Дворце культуры алюминиевого завода был детский оркестр народных инструментов, но баянист в оркестре тоже уже был.

Однако руководитель оркестра Павел Геннадьевич, студент-заочник Свердловской консерватории, предложил Лёше играть на басовом контрабасе:

– Контрабас – это душа оркестра. Ты будешь задавать ритм. Понимаешь, какой важный инструмент тебе доверяем?

Почти два года Лёша играл на контрабасе. Но в один из июньских дней Павел Геннадьевич, взяв Лёшу за плечи, с улыбкой сказал:

– Ну, что ж. Пора учиться дальше.

И привёл Лёшу в музыкальную школу к своему однокурснику Владимиру Георгиевичу. Лёшу прослушали и приняли.

…Ещё подходя к троллейбусной остановке, Лёша сразу заметил неподвижность проводов. Они не дрожали и не раскачивались как обычно, когда троллейбус вот-вот покажется на остановке. И народу, не смотря на утренний час, не было. Куда все подевались?..

На дверях одноэтажного здания белел прикреплённый школьными кнопками листок с надписью от руки химическим карандашом: «Из-за гололёда троллейбусы не ходят».

Как он сам не догадался? Никакому троллейбусу в гололёд не осилить дорогу от их посёлка до посёлка алюминиевого завода с её крутым спуском и таким же подъёмом между посёлком «Красная Звезда» и ТЭЦ.

О том, чтобы вернуться домой и речи не могло быть, ведь Владимир Георгиевич ждёт. Один километр дороги от дома до троллейбусной остановки уже позади. Но ещё четыре с лишним километра с баяном в руках? Вместе с футляром он весит больше тринадцати килограмм! Даже если Лёша придёт на занятие, или как в музыкалке говорят

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

на урок по специальности, в каком состоянии будут у него пальцы? Он же ничего, даже гамму до-мажор, не сыграет!

Но он дал слово, значит, надо идти. Ему двенадцать лет и он знает наизусть, наверное, каждый метр предстоящего пути. С каждым отрезком дороги связано какое-нибудь Лёшино воспоминание. Пешком на УАЗ** и обратно проходил он здесь не раз. Правда, это было летом, когда, тайком от родителей, с друзьями, они убегали купаться на Исеть. А сейчас ему всего-то нужно дойти в одну сторону: всё равно скоро дорогу посыплют песком и начнут ходить и троллейбусы, и автобусы.

И Лёша пошёл.

За остановкой сразу почувствовались резкие порывы ветра, предвещающие смену погоды. Местами из-под кустов уже намело остатки сухого снега, но он только припорошил лёд, скрывая небольшие ямки, и идти по нему было не легче, чем по гололёду.

Мысленно Лёша разбил свой путь на короткие участки. Сейчас он старался дойти до следующей остановки «Посёлок «Красная Звезда». Это недалеко: чуть больше половины километра, две тысячи с небольшим его, Лёшиных, шагов…

…На одной из улиц посёлка, недалеко от остановки, живёт его первая учительница Галина Васильевна.

Как он и его одноклассниками любили приходить к ней в гости! Вначале их усаживали пить чай за круглым столом в небольшой комнате деревянного дома: за окнами виднелись высокие сугробы, а от печки наплывали убаюкивающие волны тепла. Потом убирали чашки, печенье и начинали готовиться к школьному празднику.

В их старой двухэтажной школе уже тогда не хватало свободных помещений, а в классах порой насчитывалось до тридцати с лишним учеников. Обязательно кому-то из тридцати учёба давалась с трудом, и учителя оставались после уроков заниматься с отстающими. Поэтому Галина Васильевна и приглашала ребят к себе: в весёлой суматохе пролетали час за часом, зато успевали и новую классную газету подготовить, и к литературному монтажу стихи подобрать...

На этой же улице, но с левой стороны дороги, жил тогда Серёжа Пустовалов. В третьем классе, катаясь на лыжах, он сломал ногу, и каждый день один из учеников класса приходил заниматься с Серёжей, чтобы он не отстал от остальных. Серёжина мама, встречая нового «учителя», волновалась, даже на «Вы» переходила:

– Вы проходите, проходите, раздевайтесь: у нас тепло, с утра печь затопили.

А «учитель», покраснев от непривычного к нему обращения, торопился проскочить к однокласснику.

Пока оба разбирались с уроками, Сережина мама, стараясь не шуметь, готовила для них угощение, потом поила чаем. Сидя с угла стола, смотрела на детей, тайком вытирала глаза краем головного платка, и, не сдержавшись, роняла:

– Ребята, вы даже не знаете, какие вы хорошие.

Тут уж и «учитель» и ученик окончательно краснели вместе от смущения.

Когда Сережа поправился и вернулся в класс, с ним не нужно было после уроков заниматься дополнительно …

За «Красной Звездой» начинался самый трудный отрезок дороги. Крайние дома посёлка по обеим сторонам лепились около скального обрыва. Слева из-за посёлка,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

зажатая между высоких берегов, повторяя изломы обрыва, от водопада к водопаду, срывалась вниз узкая речка Горячка. Сворачивая направо почти под прямым углом, она вырывалась на ровное место и, уже успокоившаяся, текла дальше.

Другой берег реки поднимался также круто. Поэтому и дорога, вслед за обоими берегами, вначале резко сбегала вниз, а потом устремлялась вверх к Финскому посёлку. Правда, теперь остановку стали называть «ТЭЦ» потому, что напротив Финского посёлка и стоит сама ТЭЦ, вплотную примыкая к забору алюминиевого завода.

Для женщин всей округи ТЭЦ была сущим наказанием, пока её трубы не сделали выше и не накрыли колпаками золоуловителей: раньше в сторону какого посёлка подует ветер, там и станет серым от прилетающей золы всё вывешенное для просушки бельё. Потому, прежде чем вешать бельё, хозяйки в буквальном смысле смотрели: откуда ветер дует?..

Закончились последние дома, и теперь, с громадного открытого пространства между посёлком и ТЭЦ, ветер налетал с утроенной силой.

Перекладывая футляр с баяном из руки в руку, оступаясь и поскальзываясь, Лёша осторожно начал спускаться к Горячке. До неё шагов шестьсот, но спуск крутой как со снежной горки: того и гляди на самом деле упадёшь и скатишься до середины моста.

Вода в речке и вправду была горячая: в неё сбрасывала свои отработанные отходы ТЭЦ. Поэтому даже в сильные морозы речка не замерзала, а клубилась облаками пара, который, остывая, укрывал всё вокруг мохнатой серебрящейся шубой инея.

> …В Горячке Лёша иногда купался с друзьями, хотя вода в ней никогда не бывает чистой. Цветом своим она похожа на воду в банном тазике, когда из неё не только вынули заваренный веник, но в ней же ещё и голову с мылом помыли. Да и на вкус, если нечаянно попадёт в рот, не лучше. Одно у Горячки преимущество: много ближе Исети и карьеров Силикатного завода, за которыми давно закрепилась худая слава опасных мест.
>
> И на реке, и на карьере почти сразу от берега дно резко уходило вниз, а на Силикатном ещё и ледяных ключей много на каждой «яме». «Яма» – это часть карьера, где земснаряд силикатного завода уже закончил добычу песка, а вода из бесчисленных ключей заполнила выемку.
>
> Попробуй попроситься у родителей туда!.. До сих пор жива старая-престарая шутка, ответ родителей на такую просьбу: «Утонешь – домой не приходи!» Поэтому ребята постарше опасались брать с собой «малышню», знали: ослушайся – достанется за них по первое число.
>
> Вот до отъезда в пионерлагеря и в деревни к родным и ходили на Горячку. Но и Горячка была по-своему коварной. Часам к трём дня на ТЭЦ начинали промывать какие-то котлы, и пятна мазута, растянувшись тонкой цветной плёнкой по поверхности воды, от водопада к водопаду, неслись одно за другим по крутому руслу Горячки. Смыть такую «чёрную метку», беспощадную улику нарушения родительского запрета, можно было только в бане, с содой, которую приходилось покупать по дороге домой…

Воспоминания о лете отвлекли Лёшу от дороги. Под ногу попал ледяной выступ, и, поскользнувшись на нём, Лёша упал на спину. Баян он успел подхватить обеими руками и прижать к груди, но сам проехал метров пять вниз по придорожному тротуару.

Осторожно поднявшись, Лёша не стал очищать пальто, боясь потерять драгоценное время, и уже гораздо осторожнее, повернувшись боком к тротуару, стал спускаться дальше, выбирая на гололёде припорошенные снегом углубления. Хорошо, что порывы

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

холодного ветра дули навстречу, а не толкали вперёд, вниз. Выходя из дома, Лёша не застегнул пальто на самую верхнюю пуговицу, и теперь, то подбородком, то носом, он натыкался на выбившийся при падении шарф. А ветер, отыскав незащищённое место, снова и снова прорывался туда, прижимался к рубахе, выстуживая её…

Наконец добравшись до подножия спуска, Лёша на минуту остановился. Он поставил футляр одним длинным краем на лёд, другим – себе на ноги, не снимая варежек, поправил шарф. У Лёши не было часов, и он не знал, как долго уже пытается дойти, опаздывает, или пока успевает на урок. И спросить не у кого было: ни одна машина не обогнала его и не попалась навстречу.

Слева, над горячей водой, огромными густыми облаками клубился туман. Напрасно ветер пытался разогнать его. Лишь время от времени, с того или другого края, отрывались куски белой пелены, похожие на большие простыни, и, тая в воздухе, уносились к посёлку. Налетавшие на Лёшу порывы, словно с удивлением натыкались на него, и мчались дальше к устью впадения Горячки в Исеть.

Лёша прошёл ровный участок дороги над речкой. Впереди был километр затяжного подъёма к Финскому посёлку. Теперь встречный ветер сталкивал его назад.

И опять, как лыжнику на крутом косогоре, нужно было идти боком, поочерёдно подтягивая одну ногу к другой. Баян, словно став намного тяжелее, тянул к земле. Приходилось держать футляр тоже боковой стороной навстречу ветру, чтобы вместе, и ветер, и тянущий книзу груз, не опрокинули Лёшу назад. В самых скользких местах Лёша сходил на обочину, и, проваливаясь в тёмный снег почти по колено, высоко поднимая баян, шаг за шагом, продвигался вперёд.

И вдруг снова упал, провалившись ногой почти до пояса в какую-то яму у края тротуара. Упал на правый бок, вскинув руки с баяном над собой. Но теперь, чтобы выбраться из сугроба и встать, пришлось поставить футляр на твёрдое место, и, не выпуская его из левой руки, самому, ползком, подтянуться туда.

Уже отряхиваясь, Лёша узнал эти кусты. Как он мог забыть про глубокую вымоину около них?..

Прошедшим летом, когда он, Володя Пшеницын, Коля Казанцев и прицепившийся к ним Витька Черепанов, возвращались с Исети, их настигла здесь страшная гроза: с диким ветром, оглушающим громом и невиданным ливнем, будто ты идёшь сквозь бесконечный водопад. Тогда они спрятались под этими высокими кустами. Вцепившись в мокрые ветви, смотрели, как грязный водяной поток, вместе с камнями, вскипая брызгами и пузырями, нёсся около их ног вниз…

Гроза умчалась в сторону посёлка, и они перепрыгнули через промоину на тротуар. Но самый младший, Витька, вечный невезунчик, конечно, сорвался в грязь и заорал:

– Ой, я ногу больно порезал!

А сам тут же опустил руку в тёмную жижу:

– Тут железяка какая-то торчит.

– Да брось ты её. Руку лучше давай, – прикрикнул на него Коля.

Но Витька, с натугой, уже тащил что-то из остатков мелеющего потока. Коля, обхватив его руку своей, потянул вверх и, всхлипнув, грязь отдала свою добычу прежних лет. Ребята ахнули: Витька и Коля держались за плоскую позеленевшую медную рукоять старой сабли. Все они знали: в этих местах воевал полк «Красных орлов», но представить себе не могли, что именно здесь мог идти бой, и русские на русских мчались в рассыпавшейся лаве, вращая саблями над головой…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Пошли домой, пока ты ещё и череп не нашёл, – растерянно бросил Володя.

На другой день, также вчетвером, в белых рубашках и пионерских галстуках, ребята отвезли саблю в городской краеведческий музей…

И снова шаг за шагом Лёша поднимался наверх.

Вот уже стал виден крайний барак Финского посёлка. Здесь раньше жила Лёшина одноклассница Римма Керонен.

«Как же она в такую погоду отсюда в школу-то добиралась? – подумал Лёша. – Ведь наверняка ей с первого-то класса хотя бы раз выпадала погода и похуже? То ли родители приходили за ней, то ли у кого-нибудь пережидала?»

…Родители Риммы вместе с другими финнами были высланы на Урал, кажется, в самом начале войны. В то время и появился около дороги Финский посёлок. Наверное, высланные держались обособленно, потому что Лёша никогда не слышал от взрослых или ровесников о друзьях-финнах. Значит, и приютить Римму в непогоду после школы никто не мог. Трудно представить себе как семилетняя кроха одна добиралась в школу и обратно через двухкилометровый безлюдный пустырь, на котором кроме полыни не росло ничего: что может вырасти там, где с неба сыплется зола и оседает фтор с алюминиевого завода? Только полынь и выживет…

Римма плохо понимала и говорила по-русски, поэтому и оценки у неё не были блестящими. Но она была во всём предельно старательной, честной, совершенно неспособной ни на какие хитрости, а тем более подвести кого-то. Говорила Римма только тогда, когда к ней обращались, сразу же краснея от обращённого на неё внимания, а слова произносила медленно, тягуче, с таким мягким акцентом, словно среди звуков не было ни одной буквы «р». После уроков Римма сразу исчезала из школы, и Галина Васильевна не задерживала её. Но как маленькая девочка умудрялась из пропылённой дали приходить в школу всегда аккуратно одетой, с тщательно завязанными бантами на льняносветлых волосах?..

Уставший и вспотевший, одолев долгий подъём, Лёша пытался отдышаться. Он поставил баян на скамейку остановки «ТЭЦ» и с надеждой посмотрел на троллейбусные провода. Но они по-прежнему качались только от ветра, без той особой дрожи, которая предвещает появление троллейбуса. С высоты остановки пройденная дорога просматривалась до самого посёлка, и на ней тоже не было видно машин.

Осталось совсем немного: около километра без всяких спусков и подъёмов до автобусной остановки «УАЗ».

Лёша взял баян. Остановку «ТЭЦ» он не любил: её пустыри и тёмно-серые бараки выбивались из общего облика города, казались случайным пятном на нём. А ещё непонятно почему, но именно сейчас, вспомнилось событие, о котором Лёша не хотел рассказывать родителям.

…В тот день, около года назад, он ехал в автобусе на репетицию детского оркестра народных инструментов в ДК алюминиевого завода. Автобус ещё не тронулся с остановки «ТЭЦ», как навстречу ему, из-за поворота со стороны УАЗа, надрывно тарахтя, появился колёсный трактор. За трактором, на буксировочном тросе, болтаясь из стороны в сторону, волочился по асфальту какой-то серовато-зелёный ком размером с большую бочку.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Опасаясь столкновения с буксируемым грузом, водитель автобуса остановился и вместе с пожилой женщиной-кондуктором стали наблюдать за приближающимся трактором. Пассажиры тоже повернулись к окну, желая понять причину остановки.

– Ой! – вдруг вскрикнула кондуктор и закрыла лицо руками, а водитель, глухо крякнув, опустил голову, словно не желая видеть происходящего.

Теперь и Лёша с пассажирами поняли, *что* тащил за собой трактор.

Цепляясь острыми гранями за асфальт, а потом, переворачиваясь через них, ударяясь то одной, то другой стороной об дорожное покрытие, с петлёй стального троса на шее, за трактором волочился такой всем знакомый бронзовый бюст Сталина. Словно сопротивляясь, он опять и опять цеплялся за дорогу, вздыбливался над ней и с размаху падал, влекомый мощью трактора. И был момент, когда бюст развернуло к пассажирам, и показалось, что такие знакомые по бесчисленным фотографиям глаза словно взглянули в глаза пассажиров, не понимая, *почему можно так обращаться с памятником, почему никто не прекратит надругательства над ним?*

Пассажиры сидели, опустив головы, и старательно не встречались взглядами.

Трактор свернул с основной дороги в сторону свалки, находившийся неподалёку, а автобус поехал дальше. Но до конечной остановки никто ни слова не проронил.

«Взрослых иногда совершенно невозможно понять» – подумалось тогда Лёше.

Он хорошо помнил поездку с родителями в Москву перед первым классом. Папа привёл его тогда на Красную площадь, по которой не раз проходил до войны в праздничных колоннах со своим Московским электромеханическим ремонтным заводом.

Они стояли напротив Мавзолея с надписью «ЛЕНИН СТАЛИН». Мавзолей в этот день не работал.

– А ты видел живых Ленина и Сталина? – спросил Лёша.

– Только Сталина. Когда Ленин умер, мне и трёх лет не было.

– А Сталина ты сколько раз видел?

– Два раза. Потом меня забрали в армию, а через два года началась война.

Лёша стоял, держась за папину руку, и думал: «Как всё-таки это здорово: увидеть Москву, Красную площадь и Мавзолей!..»

На всех папиных и маминых почётных грамотах профили Ленина и Сталина были рядом бок о бок. А теперь памятник одного из них со стальной петлёй на шее волокли на свалку.

Разве можно *о таком* рассказывать родителям?..

… Когда Лёша дошёл до Дворца культуры алюминиевого завода, места прежних репетиций детского оркестра, он только мельком взглянул на здание: теперь до музыкальной школы оставалось минут пять ходьбы.

«Интересно, правда или нет, что Дворец после войны строили пленные немцы?» – только и успела промелькнуть мысль.

Пальцы уже с трудом удерживали металлическую ручку футляра, обтянутую чёрным дерматином, намокшим от снега с варежек.

Вот уже поворот с «Алюминиевой» на «Строителей»,.. высокое школьное крыльцо, раздевалка...

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Лёша потянул на себя наружную дверь в класс, потом толкнул плечом внутреннюю, и ввалился с баяном в комнату.

Владимир Георгиевич уже собирал свои бумаги со стола.

– Троллейбусы не ходят, – не проговорил, а хриплым шёпотом выдохнул Лёша. – Вот, я пешком…

– И откуда ты шёл?

– С посёлка Чкалова***.

Учитель по-новому, внимательно, посмотрел на Лёшу.

– Ты присядь пока, отдохни. А я с твоего разрешения посмотрю инструмент, раз уж ты его принёс.

Лёша непослушными замёрзшими руками пододвинул баян к Владимиру Георгиевичу.

Тот открыл футляр, вынул инструмент из куска чёрной бархатной ткани и тоже внимательно осмотрел обе клавиатуры, осторожно, чуть-чуть развёл меха и снова свёл их, нажимая на кнопку воздушного клапана в левой части корпуса.

– Конечно, после такой прогулки по морозу проверить его звучание нельзя. Но всё-таки я тебе порекомендую чаще играть на школьном баяне. У тебя хороший баян, но он больше подходит для опытного баяниста, с выработанной постановкой правой руки. Старое задание выучил? На следующем занятии послушаю. А сейчас давай дневник, я напишу тебе, что выучить к другому уроку.

Из того же футляра Лёша достал дневник и толстый «Самоучитель игры на баяне».

Владимир Георгиевич, сверяясь с «Самоучителем», начал что-то писать. Закончив, он потянул открытый дневник Лёше.

Лёша смотрел на запись учителя и не верил глазам: в графе «специальность» напротив сегодняшнего задания стояла «пятёрка».

Владимир Георгиевич улыбнулся:

– Ты её заслужил. А играть пока всё-таки старайся на тульском баяне…

** ** **

Много лет прошло с тех пор.

И однажды, в июле, Алексей приехал в отпуск в родной город с шестилетней дочкой.

На остановке напротив проходной алюминиевого завода кондуктор вдруг объявила:

– Троллейбус дальше не идёт. Линия обесточена.

На возмущенные реплики пассажиров она устало ответила:

– Ну, не я же напряжение отключила.

Почти все ехали на работу в ночную смену на металлургический завод. Часы над проходной завода показывали 22.15.

– А что? – вдруг засмеялся кто-то из пассажиров. – Вспомним молодость, пройдёмся пешочком?

Тёплая летняя ночь ласково обняла своих нежданных гостей.

Вдоль всей дороги ярко горели фонари. Около самых светильников крутились обязательные многочисленные мошки.

Недавние пассажиры, группами по три, по четыре человека, двинулись от проходной завода к Дому обороны, к повороту на посёлок Чкалова.

Дочь вначале шла, держась за руку Алексея, но скоро устала, и он посадил её себе на плечи. Шагавший рядом мужчина, ровесник Алексея, предложил:

– Давайте Вашу сумку, удобнее нести будет.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Постепенно разговорились. Узнав, что Алексей родился и вырос в посёлке, собеседник, представившийся Олегом, сразу заинтересовался:

– А в школе какой учился? В седьмой? А я в двадцать третьей. Классе в пятом родители уехали с посёлка на УАЗ, а работать остались на КУМЗе. И я на него же после армии устроился. Скучаю по посёлку. Вроде бы чего скучать? Жили в избушке между посёлком и «Красной Звездой»: теснота, воду принеси, дрова наруби, печку истопи – а скучаю. Да ещё как. К друзьям своим к кому в гости захожу, с кем на заводе встречусь – и жить охота. Ты чё улыбаешься? Не веришь?

– Да нет. У меня тоже самое. А улыбаюсь, потому что вспомнил, как один раз, школьником, вот также пешком, но с баяном в руках, по гололёду шёл с посёлка на УАЗ на урок в музыкалку. И также троллейбусы не ходили. Что только тогда в голову не лезло…

– Ты не шутишь? И дошёл?

– Дошёл. Накануне пообещал учителю прийти – вот и пошёл.

Олег даже остановился:

– Дочь вырастет, ты ей про это обязательно расскажи. И дорогу пусть запомнит. Помнишь, как нам в детстве говорили: вырастите и поймёте, что для вас посёлок значит. А мы смеялись: ну, посёлок и посёлок – что тут понимать? А мне в армии даже Горячка наша снилась. Тоже вот, пойми, почему: вонючая, грязная, с берега в неё что только не сбрасывают – а снилась.

…Первые группы бывших пассажиров, ставших поневоле пешеходами, уже прошли ТЭЦ, начали спускаться к реке.

Тёмное небо с множеством сверкающих звёзд нависало так низко, словно тоже пыталось прижаться на ночь к земле, отдохнуть на её пахучих травах, но опасалось намочить в широких водах Исети свои чёрно-бархатные одежды.

Издалека, со стороны Волковской плотины, доносился приглушённый рокот падающей воды.

– Пап, мы скоро придём? – услышал Алексей голос дочери.

– Скоро, совсем скоро. А тебе не нравится идти?

– Нравится, но я спать хочу.

… На развилке перед троллейбусной остановкой Алексей и Олег попрощались.

– Хорошо сегодня смена началась. А дочери ты потом всё-таки расскажи, как шёл здесь зимой. Может быть, со временем поймёт, и, может, эту ночь не забудет, – сказал Олег на прощанье.

С сумкой через плечо и спящей дочерью на руках Алексей шёл к родительскому дому привычной дорогой, которая с детства столько раз провожала и встречала его.

Провожали и встречали разросшиеся тополя на «Восточной»; двор на углу «1-го Проезда» и «Центральной», к которому примыкала старая двухэтажная школа, давным-давно распахнувшая в сентябре свои двери для нового первоклассника…

Провожала и встречала и сама спрятавшаяся за забором и деревьями школа, словно стыдясь раскрошившихся и выпавших местами кирпичей в столбиках для решётки забора…

Провожал и встречал стадион «Металлург», напоминая о жарких футбольных матчах заводских команд, тренировках и соревнованиях на его дорожках, сверкании льда и разноцветных ламп в дни проката на катке…

Провожал и встречал Дом спорта. Сколько раз, мальчишками, они пускались в «дальнее плавание» на «плотах» – брошенных строителями мостках – по «океану» талой воды внутри недостроенных стен будущего царства спорта!..

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Провожал и встречал завод с проходной на улице «Центральной», как провожал и встречал каждый день его отца, родителей всех ребят посёлка, а теперь провожал и встречал выросших детей своих первых рабочих военных лет…

Провожал и встречал, как сегодня встречает, родительский дом, под кровом которого Алексей жил до отъезда на учёбу в институт.

Конечно, Алексею многое нужно рассказать дочери про родной город.

Но вначале он приведёт её на берег Исети и разрешит вволю наплескаться в изумрудно-прозрачной воде. Потом они поднимутся на скалы над рекой, будут смотреть на неё и вдыхать пропитанный запахом сосновой хвои воздух. А возвращаясь по мягкому ковру опавших сосновых иголок, будут слушать их тихие шорохи под ногами.

Он привезёт дочь на Силикатный карьер, где давно все «ямы» соединились в одно огромное озеро, а слепящий на солнце бело-золотой песок по-прежнему прячется своими краями от жары в чистую воду подземных ключей.

Он покажет ей поле бывшего заводского аэродрома. Там уже не трепещет на ветру пёстрый колпак, и не садятся заводские АН-2, но, наверное, небо над полем ещё тоже помнит рокот их моторов.

Он обязательно привезёт дочь в Старый Каменск. Они пройдут мимо купеческих домов и лабазов из красного кирпича: с полуарками окон, с ажурным железным кружевом над водосточными трубами и краями крыш. Постоят у обелиска Героям гражданской войны 1918-1921 годов: может быть, сейчас в одной могиле покоится прах русских людей, скакавших друг на друга с саблями наголо отстаивать свою для каждого правду?.. И обязательно придут к старой плотине над Каменкой, перегородившей реку со времён Петровых.

И каждое из времён будет стоять с ними рядом: от первых поселенцев, выбравших местом своего житья берега Каменки и Исети, до нынешнего – за двадцать лет до конца века двадцатого. И сегодня это и будет для Алексея самым главным уроком по специальности: специальности отца научить своего ребёнка любить землю, на которой родился и рос…

---

* Тип настройки язычков баяна («в разлив», «розлив», «с биением»), альтернативный настройке «в унисон».

**УАЗ – жилой район Уральского алюминиевого завода в г. Каменске-Уральском

***Посёлок Чкалова – жилой район Каменск-Уральского металлургического завода (КУМЗа).

НЕПОСТАВЛЕННАЯ ТОЧКА

Можно, казалось бы, уже поставить точку в конце последнего предложения в рассказе о моих земляках и обозначить ею окончание повествования.

Но только вот память, наверное, у каждого из нас, против точки: не признаёт она на своих просторах этот знак препинания. Память может спрашивать, рассказывать,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

восклицать, но оборвать её точкой нельзя – у памяти всегда есть многоточие, после которого прерванный на какое-то время рассказ снова будет продолжен, пусть даже уже другим рассказчиком…

Время может отнять у человека жизнь, но не может отнять его память, если человек поделился ею с кем-то.

И сейчас, когда пришла пора поставить заключительный знак препинания, так трудно оборвать себя точкой, словно опять надолго расстаться с теми, кто поделился со мной своей памятью.

И, как всегда, в минуту расставания, без спроса, вдруг всплывут сами по себе мгновения, о которых ты давным-давно не вспоминал, но они жили и живут в недоступных уголках памяти…

…Мне шесть лет. Вот наш двор между улицами Западная, Трудовые резервы, Центральная и 1-й Проезд. Лето. Посреди двора шумит фонтан. В тени у дома наши отцы: кто-то азартно двигает шашки по картонной «доске», кто-то ещё более азартно переживает за исход игры. Вообще-то, они собрались на заводской стадион: «болеть» за футбольную команду цеха, каждый за свою, конечно. А пока есть время, решили сразиться в шашки.

В голубой тенниске с короткими рукавами рядом с ними стоит Алексей Михайлович Шипилов, тогда для меня просто дядя Лёша. С лёгкой улыбкой, как на расшалившихся детей, смотрит он на игроков, а потом и сам не выдерживает:

– Да куда ты ходишь!

Из многого почему-то запомнилось именно это…

…Пять лет спустя. Зимний субботний вечер у нас дома, уже на улице Центральной: редкий случай, когда выходные у друзей отца совпали и можно отдохнуть вместе.

На раздвинутом в большой комнате столе сейчас остались стаканы с горячим чаем и патефон. С пластинки Изабелла Юрьева поёт своё:

– Саша! Ты помнишь встречи наши?..

А тётя Надя Шатова, со смехом теребит плечо мужа, Александра Михеевича, и тоже подпевает чистым голосом:

– Саша! Ты помнишь встречи наши?..

Александр Михеевич смеётся со всеми шутке жены, а Алексей Иванович Глинкин, хлопая в ладоши, подливает масла в огонь:

– Надя! Спой ещё! А вы тоже подпевайте!

Последняя реплика обращена к моей маме и Ульяне Митрофановне, тёте Юле – жене Алексея Ивановича.

Но обе только отмахиваются от него:

– Ещё чего придумаешь!..

…Со стороны они могли показаться не очень-то серьёзными для взрослых, но я знал их и другими.

Вчера и завтра для них – тяжёлые смены в горячих цехах, с «колодцами», из которых в строго установленное время нужно доставать отожжённый металл, бессонные дежурства у кроватей больных в заводской больнице, семейные заботы и хлопоты. Но сегодня у них выходной. А в выходной можно пойти летом на футбол, а зимой разделить радость встречи с друзьями…

…Павел Васильевич Душкин: немногословный, внешне казавшийся таким строгим, даже немного суровым, был с нами отзывчивым, удивительно искренним. Рядом с ним само по себе всегда возникало чувство надёжной защищённости. И ещё рядом с ним всегда была его жена Евдокия Андреевна: вместе они делили все трудности послевоенной жизни, вместе растили троих сыновей…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Наши отцы и мамы. Где они брали силы быть без преувеличения самыми лучшими? Может быть, то сложное время делало людей такими, но входя тогда в дом своего друга или одноклассника, ты чувствовал себя вернувшимся к себе домой. Это тоже не преувеличение, а факт.

Иван Прокопьевич и Анастасия Николаевна Пермяковы, Румянцева Мария Ивановна, Николай Серафимович и Галина Васильевна Полухины, семьи Казанцевых, Киселёвых, Новосёловых, Пшеницыных, Пироговых, Смирновых – разве перечислишь всех, кто дарили нам тепло своих душ!..

Пожелаем же здоровья живым, и поклонимся памяти покинувших нас!..

СОДЕРЖАНИЕ

Рецензия на книгу

ВОЙНА, КОТОРОЙ НЕ ЗАБЫТЬ

ТАМ, ГДЕ РОДИЛСЯ И РОС

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

…ТАК НАЧАЛАСЬ ВОЙНА
21 июня 1941 года
Ленинграду
22 июня
Солдатский медальон

ОСКОЛОК В ПАМЯТИ 2
Городу Ленинграду
Курсанты
Ладога
23.02.1943 г. у деревни Чернушки 6
Первый бой

ЧТО Я ПОМНЮ ОБ ОТЦЕ

ПОСЁЛОК ЧКАЛОВА
Пора послевоенная
Дома в те годы строили войска 1
Угол Школьной и Центральной 1
СКРИПКА ЧУКАЯ
День Победы
Мне опять сегодня снилось детство
123
Городу Москва
Январский снег в окне сверкает 1
Побег
Монолог ветерана Войны 1

УРОК ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ 1

НЕПОСТАВЛЕННАЯ ТОЧКА
На последней странице обложки разместить:
– фото автора,
– краткую биографическую справку,
– заключение В.И. Филимонова, приведенную ниже:

«… Четкость и ясность мысли, глубина проникновения в прошлое, благодарный поклон светлым образам земляков, исторически выверенные поэзия и проза, неугасающая память сердца, выплеснутая во вдохновенные строки – вот качества, которые характеризуют произведения автора, вот на каком материале создана данная книга. Нежная грусть по ушедшему старшему поколению и непоколебимая уверенность в силе духа поколения нынешнего – верная и прочная основа творчества любого писателя. Особенно такого сына своего Отечества, как Николай Покидышев».

Владимир Филимонов,
ответственный секретарь
Курганской областной писательской организации

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021. http://literklubisetv.ucoz.com/

Рыжова Ольга Викторовна

Курган

Поэтесса. Член городских литературных клубов «Поэтическая горница», «Сонет». Периодически печатается в местных СМИ (журнал «Сибирский край и др.). Выпустила два авторских сборника «Грусть о любви» (2010 год) и «Море житейское» (2012 год). На постоянной основе помещает свои стихи и прозу (рассказы, заметки) на сайте «Литературный клуб Исеть». В 2014 году закончила филологический факультет Курганского Университета по специальности – журналист.

Ночная встреча

Темно. Тихо. В уши натолкана вата. Скрип снега эхом катится далеко в ночь…
Выдох. Тёплый воздух в одну минуту (а может секунду) поднимается вверх, превращаясь в хрусталь, и начинает звенеть: дзинь-дзинь-дзинь.
Парк, занесённый скрипучим и лёгким снежком. Дамочка-скамейка изящно примостилась рядом с кавалером-фонарём. Он сияет жёлтым светом, освещая изогнутые чугунные ножки деревянной дамочки. Им не холодно. Беседа длится уже два часа, а снег всё падает и падает спокойно и бесшумно.
Скамейка нарядилась в пышную белую шубку, ярко сверкающую под влюблённым взглядом доброго фонаря. Небо улыбается миллионами рассыпанных серебряных звёзд, глядя на такую трогательную встречу в зимнем ночном парке… Звёзды не хотят уходить, они, будто охраняют эту любовь, любовь дамочки-скамейки и кавалера-фонаря. Но…
Появляется рассерженный месяц. Как долго он искал её: во всех парках всех городов всех стран огромнейшей Земли! И нашёл. И не одну. Он опоздал. Она уже влюблена, влюблена в этого тощего и длинного глупого оболтуса!
Друг, где ты? В трудных жизненных ситуациях нет ничего лучше, чем помощь (а может совет) лучшего друга. Ветер появляется как всегда вовремя. Потихоньку, мало-помалу, исподволь, не напрягая и отвлекая звёзды и небо, ветер начинает властвовать и помогать

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

другу. Дует, заметает и накрывает снежным одеялом, в конце концов, дамочку-скамейку с головой…
От горя кавалер-фонарь начинает мигать (столько снега свалилось на его больную от любви голову). Где она, любимая? Какая встреча сорвалась… А он так и не успел признаться ей в любви…
К утру всё стихло. Не стало видно скамейки, и фонарь погас. А месяц ушёл спать довольный и счастливый.

4 января 2013 год

Встреча у помойки

Звонит настойчиво будильник. Утренний кофе дымится в кружке. Быстро встаю, одеваюсь, выпиваю, обжигаясь, кофе.
Мусор. Опять надо его выносить. Иду по тёмному двору. Фонарь горит только у помойки…
Избавляюсь от ненужного мешка и, выдохнув, с радостью спешу на работу. Как будет сегодня: с кем поругаюсь, с кем помирюсь… Мысли выели весь мозг.
- Холодно.
Спотыкаюсь от неожиданного слова. Меня обгоняет высокий молодой человек.
- Да, холодно.
Соглашаюсь и иду дальше.
- А завтра снег обещали.
Продолжает рассуждать молодой человек и вдруг резко поворачивается ко мне.
- Может, познакомимся? Меня Константином зовут. А Вас?
Стопор. Что делать? Неужели со мной ещё можно знакомиться? Я совсем забыла о земных и простых чувствах, поставила на себе крест: только ем, сплю и работаю. Особей противоположного пола почти не замечаю. Ноги и руки отнимаются, чувствую себя не в своей тарелке…
- Вы молодой, а я уже… бабушка.
- Какой молодой! Мне уже тридцать восемь. А я ни разу не был женат.
- Оглянитесь, вокруг так много молодых девушек!
- Да нет их уже, все замуж вышли! А Вы мне подходите, будет с кем в театр и в кино сходить.
Ого! Какое самомнение! А буду ли я с ним знакомиться?!
- Извините, но Вы найдёте себе другую девушку, познакомитесь с ней и будете ходить в театр и в кино.
Сворачиваю направо и быстрым шагом перехожу на другую улицу.
- Тогда прощайте!
Слышу, но ускоряю шаг. Господи, помоги мне убежать!
Через несколько дней снова несу мусор и вспоминаю неожиданную встречу. Да, оказывается и в меня можно влюбиться, а я-то думала... Встреча греет уставшее сердце и оставляет надежду. Моя половинка просто ещё не встретилась.
Чаще оглядывайтесь вокруг!
13 октября 2013 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Спасибо тебе, Зима!

Зима? Зима. Ну, наконец-то. Как долго мы тебя ждали: то дождь, то солнце припекает, то почки на деревьях появляются… Кажется, что тебя никогда не будет. Ан нет! Ещё чуть-чуть и новый год! Всё течёт, всё изменяется. Меняется время, меняется человек, меняется природа.
Ноябрь. Метель, мороз до -25 градусов. Демонстрация на 7 ноября. Люди кутаются в тёплые шарфы и шапки. Кто-то ждёт Нового года, а кто-то… новой жизни.
Занесённый снегом, огромный (я так думала) дом, куда приходят или приезжают молодые женщины в первый раз, а кто-то во второй, в третий и даже в пятый раз. Вот и меня привезли, как мне казалось, в заточение (на улицу не выпускали, свиданий не разрешали). Четвёртый этаж, деревянные замороженные окна. Прогреешь дырочку, надышишь и смотришь на улицу. Едут машины, бегут люди. А ты здесь. Жутко.
В палате три женщины. Никто не знает, но точно уверен, кто появится у него через несколько дней. И я точно знаю - будет мальчик. Поразительно! Тогда и УЗИ никому не делали, а всё получалось так, как хотелось и мамам, и папам.
Наступает долгожданное число. Страх отступает. Хочется сына! Боли не чувствуешь, только бы всё получилось и побыстрее. Восемнадцатилетняя Таня рожает уже трое суток. Как стойко переносит она боль! Позавидуешь. А у меня пока только схватки… Галя хочет сына, а Света хочет доченьку. А у меня будет сынок и имя мы ему уже придумали – Артур.
Мы рождены и воспитаны в советской России и с Богом почти не знакомы. А в роддоме любимые слова у женщин, слова, помогающие переносить боль, думаете, какие? «Ой, мамочка» и «Ой, Господи». Да меня потом медсёстры спрашивали, а не верующая ли я?! Это от нас не зависит. Эти слова из наших глубин поднимаются и спасают в трудных жизненных ситуациях.
Вот и свершилось! Маленькие кулёчки появляются в палате только во время кормёжки (тогда дети с мамами вместе не лежали). А мы уже находимся на первом этаже перед выпиской.
Стук в окно. Тук-тук-тук. Ничего не видно. Дышишь на стекло, греешь дырочку, она увеличивается и… в окне появляется молодой человек в серой кроличьей шапке-ушанке. Таня хватает сыночка и подносит к окошку. Молодой папа долго разглядывает сына, качает головой и быстро уходит. Оказывается сыночек родился чёрненький и кудрявый, а папа и сама Таня светленькие с белёсыми ресницами…
Все расстроены. Таня плачет. Мы, как можем, утешаем её, а вдруг? Ура! Через неделю он встречает Таню, принимает на руки сына, улыбается, молчит, но крепко обнимает свою любимую. Как мы радовались и хвалили доброго папу!
И нас потихоньку друг за другом уводят любимые мужья и уносят своих долгожданных первенцев.
На улице метёт и завывает вьюга, снегу намело! Еле-еле стою на ногах, голова кружится от счастья и радости.
Каждый год вот уже 25 лет я жду своего сына домой, обнимаю и целую его. Он для меня всё такой же маленький беспомощный живой кулёчек, не умеющий даже громко плакать. Я люблю его и счастлива!
Спасибо тебе, Зима!

18 ноября 2013 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Врач или палач

Можно конечно писать только хорошее об этом празднике, но я хотела бы написать именно об этом…
Защищённость. Простое слово. Но какой заложен в нём глубокий смысл! Мы рождаемся, учимся, работаем и… умираем в большей степени совсем не защищёнными.
Законы, законы, законы. На словах – всё для людей: образование, медицина, труд. А на деле? Кто пишет эти законы? Говорят, что мы, люди. Ни одного что-то я не написала, а тем более ни за один не проголосовала, хоть и прожила почти половину жизни.
Столкнулась недавно. Шок. Стопор. Слёзы. И… какая-то мудрость. Жизнь опять ставит преграды, а мы русские люди (так хочется сказать, советские) их преодолеваем, падаем, встаём и снова идём вперёд, чтобы жить. Сейчас расскажу, на своём примере. Кто-то, конечно, скажет, что жизнь сама по себе суровая штука. А я думаю, нет, наша страна. В ней мы (не первый раз говорю) не живём, а выживаем.
Поликлиническое отделение. У регистратуры небольшая очередь, теперь наше Министерство здравоохранения ввело приём врача по записи, причём только по телефону. Выстаиваю очередь (проверяю, чтобы моя карточка была у врача). Жду своей очереди у кабинета. Вхожу и как всегда (более двадцати лет) с замиранием сердца жду, когда врач выпишет мне рецепт. Ведь, если честно, мне только он и нужен один раз в месяц. Деньги лежат в кошельке (с зарплаты отложила, слава богу). После небольшого молчания:
- Вы свободны.
- Как?!
- Этот препарат с августа этого года считается наркотическим, и мы его не выписываем.
- ??????
Вот это да! А я его принимаю утром и вечером уже не первый десяток лет. Здоровье, конечно, не улучшилось, но хотя бы стабилизировалось. И я жила до последнего момента спокойно. Выпила лекарство и опять за рецептом пришла. А теперь…
- Мы Вам можем предложить другой препарат (название), но он стоит недёшево.
Начинаем выяснять, сколько он стоит и… тут мне кажется, что я умираю. Он стоит в семь раз дороже, чем тот, который я принимала столько лет!
- Я не смогу его принимать, мне просто не хватит денег.
- Значит, Вы отказываетесь, так и запишем.
Не будем воспроизводить всё, что я говорила, конечно, старалась без хамства. Но как уж получилось…
- Вы сами виноваты, мы всех предупреждали.
- А меня никто не предупредил. Я была на приёме в июле.
- Ну, забыл я. Да и что бы изменилось?
Вот это врач!? Да с пациентами нужно по-другому разговаривать, тихо, спокойно, входить в положение каждого, на то ты и врач. Всё-таки любой врач должен быть немного и психологом. А тут выясняется, что самые жестокие у нас в России – это как раз врачи. А если бы чуть-чуть внимания, терпения, то изменилось бы многое: человек бы морально подготовился, отложил бы необходимую сумму. Вообще был бы готов к таким страшным для него переменам.
Кто-то скажет, что ничего не случилось: был один препарат, будет другой. Но люди то разные: кто-то мимо ушей пропустит и примет данное, как должное; а кто-то, придя домой после такого «приёма», уснёт и не проснётся… И никакое лекарство не поможет. Очень важен и нужен психологический настрой в любом деле, а особенно, когда это касается твоего здоровья.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Ну что ж, будем жить! Или выживать? Врач или палач…
13 июня 2014 год

Шантаж

Шантаж…
Я думала по своей наивности и доброте, что шантажа уже нет, он изжил себя. Ошибалась…
Посмотрим, что означает это слово в Викепидии. Шантаж (фр. chantage) — угроза компрометирующих или клеветнических разоблачений с целью вымогательства чужого имущества или разного рода уступок. В настоящее время слово «шантаж» нередко используется в широком смысле — как угроза любых негативных последствий в случае невыполнения требований. Расчёт шантажиста обычно при этом заключается в том, что последствия являются более тяжёлыми и неприемлемыми, чем выполнение его требований, и тогда шантажируемая сторона может пойти на их выполнение как на меньшее зло или неприятность. Одной из основных черт шантажа является завышенность требований шантажиста по сравнению с нормами окружающего мира. Согласно статье 615 Российского Уголовного уложения России 1903 года, шантажом называлось «побуждение, с целью доставить себе или другому имущественную выгоду, к передаче имущества, или к уступке права по имуществу, или к вступлению в иную невыгодную по имуществу сделку, посредством угрозы оглашением вымышленных или истинных сведений».
В ныне действующем российском уголовном законодательстве шантаж — не самостоятельное преступление, а средство совершения других преступлений. Шантажом называется угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких. Шантаж как один из видов угроз может применяться не только при вымогательстве, но и, например, при понуждении к действиям сексуального характера, воспрепятствовании законной профессиональной деятельности журналистов и т. д.
Вот-вот и нашла. Мне, оказывается, препятствуют, чтобы не писала ни одной статьи или заметки о проблемах в медицине. Окончив университет и почувствовав свободу слова, слова справедливого и честного журналиста, мне захотелось писать на разные темы, причём те, которые меня затрагивают лично. Столько интересных тем можно поднять и проблем обсудить. Люблю культуру, но бывает, что и социальные проблемы западут в сердце, и медицинские.
И что вы думаете? Вызов к начальнику. И… шантаж. Если я напишу вдруг и подниму любую проблему медицины в нашем городе или области (я работаю в медицинском учреждении 23 года и естественно много знаю изнутри), то буду ….уволена.
Естественный вопрос: почему? И ответ: «нельзя выносить сор из избы». А если, не выносить сор, вся изба будет под потолок завалена, и скоро нечем будет дышать. Кто будет писать, если не ты. Так нас учили.
Да, вот не ожидала, что став журналистом, не буду иметь права писать о том, о чем хочу. Суровая правда жизни. Пришлось пообещать, что пока я работаю в медицинском учреждении, писать о проблемах медицины не буду, но как только уволюсь, напишу все, о чём думаю. Это будет тоже шантаж, только мой. И без всяких условий…1 июля 2014 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Спартанская жизнь молодой бабушки

Кухня. Цементный пол с линолеумом, два тоненьких одеяльца. Ночь… Хождения мимо меня, несколько раз в туалет, несколько раз в ванную (дверей в кухне нет). Засыпаю… Скрежет зубами рядом! Долго думаю: «Что это?» А это кот кушать ночью ходит.
Утро раннее. Плач ребёнка (в утренней тишине это особенно убивает), недолгое молчание (кормление), и снова плач. Мужской голос, в котором слышится злость, усталость и готовность на всё, только бы плач стих. И… временная тишина (укачал папа сыночка). Лежать больше не могу (кости ломит, и мышцы ноют, всё-таки пол). Встаю, готовлю завтрак ему отдельно и ей отдельно (молодой маме нельзя кушать острого, жаренного, жирного, вообще всего того, что любит кушать молодой папа). Пока готовлю сразу двум, завожу стирку (за ночь накопилась гора пелёнок и маленьких ползунков, малышу памперс можно надевать только на прогулку или в больницу). Хорошо хоть машина сама умеет стирать. Папа ест и быстро испаряется на работу… А я перекусываю и забираю малыша, чтобы мама поела. Пока она кушает, дитё несколько раз хочет заорать, но, посмотрев на меня, понимает, что не в те руки попал, ничего у него не получится… Правда, мы давно поняли, что спит он только на улице. Потом, на бегу, мама одевается потеплее и уносит сыночка на улицу, а я засовываю коляску в лифт (он такой узкий и маленький, что сама я стою на одной ноге) и спускаюсь вперёд мамы с сыном, открываю дверь подъезда и провожаю их погулять. Выдохнув, начинаю новый этап нового дня…
Пока они гуляют, я должна приготовить обед (и снова всё отдельно: не только суп, а и второе блюдо, и салат). Затем сделать влажную уборку во всей квартире, прибрать после молодых диван, всё разложить по местам, убрать за котом, покормить кота, развешать стирку на балконе. Балкон тоже интересный – косой и зауженный с одной стороны, приходиться протискиваться, напрягаться… Но - я всё смогу, я всё преодолею! Квартира однокомнатная и пока я всё делаю, с меня сходит семь потов, а то и десять. И я не преувеличиваю. На кухне солнце и жарища, все окна открыты, но сквозняка нет… Включаю кондиционер и телевизор (ведь когда малыш дома телевизор включать нельзя, он слышит всё), нахожу музыкальный канал и под музыку продолжаю работу.
К 11-12 часам дня переодеваюсь и иду в магазин и не один раз (продукты покупать приходиться ей – в одних магазинах, а ему в других, и обязательно сегодня, ведь нужно кушать только свежие продукты)… Как же я далека от этого (закупаю всё впрок и надолго)!
Только успеваю разложить продукты в холодильнике, как приходят с прогулки, и начинается кормление ребёнка, затем молодой мамы, а потом и папа появляется на обед. И я стараюсь всем прислуживать и сразу мыть посуду, чтобы гора не накопилась… Усыпляю малыша и мама старается немного поспать. А я (наконец-то) собираюсь ПОГУЛЯТЬ (ведь всё-таки не зря же я приехала в этот прекрасный и старинный город)! Крашусь, переодеваюсь и… хватаю два мешка мусора (папу просить, себе дороже). До 5 вечера хожу пешком по городу, общаюсь с жителями, фотографирую, ищу заветные места для вдохновения.
Снова дома и уже вечер. Кормление всех, проводы на улицу. Папа испаряется после работы, но уже в гараж (уж очень любит он там бывать, наверное, отдыхает и набирается сил для бурной ночи).
У меня всё по новой: стирка (накопленное за день), уборка и готовка ужина (всем всё отдельно). Замечаю, что к вечеру совсем не хочу есть. Пью чай и наконец-то ложусь на диван, смотрю всё, что попало, лишь бы расслабиться и отдохнуть. Около 8 вечера заявляется молодая семья, он встречает её с сыночком на улице. Кормление. Он сидит у компа и делает вид, что чем-то очень занят. Она - без претензий. Я прислуживаю. В 9

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

часов вечера купание. Молодой папа берёт всё на себя: купает, вытирает, одевает (я ему подаю, что одеть, а то он не знает). Молодая мама ужинает. Потом все удаляются в комнату: она – спит, он – укачивает на ночь спелёнатого ребёнка, умеет же папаша укачать). Я мою посуду, и наконец-то, расстилаю свои одеялки… Только пристраиваюсь поудобнее, начинаются хождения, и папаня заваливается на кухню поесть перед сном. Опять кормлю, мою посуду. Ложусь. Но перед этим стою долго у окна и молю Бога дать мне силы на следующий день…
И так две недели, изо дня в день. Перед отъездом сынок прижимается ко мне и тихо шепчет: «Жаль уезжаешь, теперь мне опять придётся готовить, убирать и стирать…» А ты как хотел, семью ведь сам завёл, терпи!
Приезжаю домой, и все удивляются: молодая, красивая, подтянутая, стройная женщина, а почему-то все бабушкой зовут…
Понимаю, а всё-таки на расстоянии жить и любить лучше!

27 августа 2015 год

Капитальный, на века

Капитальный ремонт. Последнее время самая обсуждаемая тема среди жителей многоквартирных домов. Решила поинтересоваться, а когда же наш дом склонит свою старую голову и предстанет … перед капитальным ремонтом.
Поинтересовалась. Лучше бы не читала! Волосы зашевелились на голове… Сейчас моему дому 48 лет (он построен в 1967 году). Сколько себя помню (а живу я в нём 41 год) капитального ремонта никогда никто не делал. Иногда побелят, а иногда покрасят в подъездах в застойное советское время. Крышу не перекрывали (много лет течёт бедная крыша аж до второго этажа), швы между панелями не промазывали (углы каждую зиму регулярно промерзают), а в подвалах… живут сточные и канализационные воды.
И вот что я увидела: наш милый старенький домик может умереть и не дождаться капитального ремонта, и многие наши пожилые жители тоже… Запланировано 8 видов услуг. Бедная крыша вздохнёт свободно через 5 лет, фасад дома (межпанельные швы) будет приведён в порядок тоже через 5 лет. Этого мы ещё дождёмся, а вот следующие виды услуг будут затянуты на 20 лет!
В 2030 (я буду уже бабушкой) проведут ремонт фундамента, поменяют внутридомовые инженерные системы. И только в 2040 году отремонтируют подвал… А там и до погоста недалеко… На протяжении 25 лет с нас будут взимать деньги и … ничего не делать. Разве ремонт проводят столько лет? Мы и то стараемся в квартире побыстрей всё сделать: месяц, два, ну полгода.
Да, если честно, текущий ремонт (есть такая строчка в квитанции) тоже надо делать раз в месяц: стёкла в окна подъезда вставить, покрасить, побелить, оштукатурить. Или?
Всем давно кажется, что это очередной законный грабёж городских жителей. Или я ошибаюсь? Тогда поясните конкретно, что и когда будет сделано, но только не по списку, который я нашла на сайте ЖКХ города.
А моему дому надо набраться терпения, ведь только в 72 года он будет, как новый… Я стану старушкой, отойду подальше на расстояние, полюбуюсь новым блестящим и красивым домом и спокойно умру.
Я не буду писать свой адрес, но это чистая ПРАВДА! Если это кому-нибудь ещё нужно…

29 октября 2015 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Марк-добряк или привет из Австралии

Если бы вчера мне такое сказали…
Всё по порядку: обычный вечер после работы, глаза уже болят, но… Зависаю в компьютере, занимаюсь ни пойми чем, вдруг на моей стене появляется смайлик с улыбкой до ушей, а потом ещё и ещё. Внимательно смотрю, кто это такой настойчивый. На фото круглое лицо не старого мужчины совсем не курганской внешности с большой белой бородой, за стёклами очков - голубые добрые глаза. Захожу к нему и вижу, что это Марк из Австралии!? И откуда же он взялся здесь, в Кургане?
Спрашиваю: «Кто Вы?» И получаю несвязный ответ (написано по-русски, но почти ничего не понимаю): «Я есть путешественник Марк. Даю мастер-класс школы, лицеи, люди с ограниченными возможностями». Мне стало интересно. Чтобы я поверила, он даёт мне ссылки на видеоролики о себе нашей КГТРК. Оказывается это знаменитый волонтёр и путешественник из Австралии Марк Уозли, путешествует по миру уже лет двадцать, умеет делать всё: от вышивки до столярного мастерства. Марк занимается благотворительными мастер-классами по рукоделию и другим ремёслам, даёт бесплатные мастер-классы по английскому языку, а самое главное - на встречах с людьми и детьми с ограниченными возможностями вселяет им веру и надежду, уверенность и настойчивость в своих силах, своими беседами даёт им стимул к адаптации в современном обществе, стимул к раскрытию своих талантов и возможностей. Ого! Вот это да! Переписывались весь вечер. По-русски Марк плохо понимает и пользуется переводчиком в интернете, так что мы понимали друг друга. Потом пошли цветочки, коалы, и снова цветочки и сердечки (смайлики). Спрашиваю: «Где Вы живёте?» «Отель Москва» - как долго я смеялась, ведь гостиница «Москва» никогда у нас не ассоциировалась с современным ОТЕЛЕМ… Обычная «Москва» с кафе и рестораном. Пишу, что живу рядом и каждое утро хожу мимо «Москвы» и могу завтра утром помахать ему, если он выглянет из окна. Марк радуется, как ребёнок, и говорит, что будет на углу гостиницы меня ждать, ведь ему к восьми утра надо идти в школу на встречу с детьми.
Как всегда поздний вечер, всё забываю. Утром сладкий кофе, сборы на работу и вдруг как осенило – меня же ждут! Быстро собираюсь, бегу, благо пять минут ходьбы. За версту вижу, что на углу гостиницы стоит небольшого роста добряк-дедушка с огромной бородой (хотя ему чуть больше сорока), больше похожий на европейского Санта Клауса, и вертится вокруг себя, меня ищет. Машу ему рукой и он мне машет, перехожу оживлённый перекрёсток, и происходит чудо! Мы встречаемся, как будто знаем друг друга сто лет и долго не виделись, обнимаемся по-русски три раза. И вот очная ставка всё ставит на свои места: для него – интересная встреча с женщиной, не знающей английского языка (как тут не захочется начать его изучать?), для меня – желание общения с уникальным в своём роде путешественником и сетование на нашу школу (ведь как учили, да и учили ли вообще, из трёх языков я более менее понимаю французский, а английский и немецкий только на уровне: хэллоу, гудбай, данке шон…).
Стоим и изъясняемся жестами, да и улыбками помогаем друг другу. «Ты - мне - на клавиатуре - напишешь…» Достаёт из бумажника монетку «сувэнир» из далёкой Австралии. Это пять австралийских центов. Говорю: «Спасибо!», а ещё говорю, что бегу на работу, машу ему «Пока-пока!», а он со мной переходит по зеленому свету и держит меня за руку. Потом хочет поцеловать, тянется, а я как ошпаренная: «Нельзя-нельзя!». «Сори, сори» - и целует мне руку. Да, как давно мне никто не целовал руки…
Далёкая Австралия… и там люди живут…
До вечера, добрый Марк! Никогда не забуду такой душевной встречи. 24 мая 2016 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И смех, и слёзы, без любви…

Ох уж эти сайты знакомств… Маета и суета вокруг пустого места. Я часто нахожусь в интернете (по работе, конечно) и для интереса много лет назад зарегистрировалась на одном из сайтов знакомств. Ну и для порядка иногда просматриваю свою страничку: кто был, кто в гости заходил, кто симпатизировал, а кто и сообщение прислал. Иногда улыбнусь, иногда ругнусь, а то и просто про себя промолчу.
Вот и вчера «зашёл» в гости один мужчинка. Да не только симпатию оказал, а и сразу сообщение написал. Что бы ни посмотреть? «Зашла», посмотрела. Вы не представляете, как долго я смеялась, до слёз! Пишет: «Приятная женщина, жаль, что не встретились раньше». Посмотрела, кто там такой на фото: фото маленькое, не разглядишь. Ну это ещё фото, а так то часто такая страсть: или размыты фотографии, или просто их нет. Да и зачем, женщин то завались, любая хоть за кем побежит (это я шучу) Думаю, как же не обидеть. Пишу: «А на фото Вас и не видно». Ответ: «Зачем Вам моё фото, я ведь завтра уезжаю. Это я по работе приехал. А на ночь я Вам не нужен». Думаю, это что новый метод предложения на ночь? Или мужчины ОЧЕНЬ бояться женщин, что даже простой ответ на сообщение вызывает у них страх, и они сразу все уезжают. Желала долго ему удачи, и написала, чтобы не боялся общаться с женщинами. Смех? Смех!
А то один раз сразу пригласили в кафе посидеть. Пошла, что мне стоит (хоть посмеюсь). Сидели, заказывала, расплачивался. Узнав, что у меня старенькая мама, да и сын живёт со мной (тогда он ещё учился в колледже), мужчина быстро ретировался и… уехал на автобусе, даже не проводив меня. Смех и слёзы? Да!
Ещё интересный случай. Моего возраста мужчина тоже сразу пригласил встретиться в Парке Победы. Походили, посидели на лавочке. Узнав, что я активная и в работе и по дому (а может гипер-активная), да ещё творческого склада ума, он быстренько извинился и сказал, что ему бы тихую женщину (это что – немного не в себе?). Чтобы она только готовила, и лежала потом рядом на диване, попивая с ним пивко… Слёзы? Слёзы!
Недавно совсем встретилась с умным привлекательным интеллигентом. Понравился. Но и…. ему оказывается нужна тихая и домашняя (интересно, а я что уличная?), да ещё в гости я его не позвала (это с первого-то разу). Увы! «Вы не для меня» - с ноткой грусти и пафосом в голосе произнёс он по телефону. Без любви? Без любви… Ну, зато после этой встречи моё вдохновение зашкаливало, и стихи только так вылетали, как из печки пирожки!
И смех, и слёзы, без любви…

10 августа 2017 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И жизнь хороша, и жить хорошо

Всё самое загадочное и интересное, волшебное и смешное, глупое и не очень случается накануне долгожданного и нужного для всех нас, яркого и весёлого праздника Нового года. Всё закуплено, холодильник ждёт своих гостей, на балконе ёлка волнуется перед встречей с мишурой, игрушками, огоньками и тому подобное, окна улыбаются и подмигивают наклеенными снежинками и нарисованными трафаретами. А ты с утра и до вечера просчитываешь в уме, что будешь готовить, не забыл ли чего купить, кому и какие подарки будешь дарить, крутишь в голове, крутишь, ну вроде бы всё сделано.
И вот пять дней до Нового года. Ёлочка уже стоит на высокой тумбочке, сверкая огоньками, купленными только что (ведь, конечно же старая, прошлогодняя гирлянда не горит, а ты и не помнишь, год как никак прошёл). Мама наряжает ёлочку, ты делаешь небольшие композиции из веточек и свечек, из шишек и желудей. И такое счастье в душе и на сердце – Новый год на пороге! И вдруг…
Открываешь холодильник и… вода потекла. Оказывается уже около суток мой большой и добрый холодильник не морозит, он «заболел», а ведь продукты то уже закуплены…
Хорошо, что зима за окном, и балкон холодный: все продукты переносишь на балкон.
Судорожно ищешь в интернете или в газете объявление: «Ремонтирую холодильники».
Находишь, быстро набираешь номер. И вот на следующий день последние твои денежки (ты мог бы протянуть их до зарплаты, если всё уже закуплено) перекочёвывают в карман ремонтника. И всё. И ёлочка как-то тускло горит, и игрушки вдруг начинают падать, биться, причём самые любимые и дорогие. А в ночь с 31 декабря на 1 января вдруг искрит только что отремонтированный выключатель и даже немножко «бьёт», а тебя начинает потрясывать… И ты конечно же стараешься его не включать (ведь электрика в праздник не вызвать, он тоже хочет отдохнуть), а праздник оказывается длинный, целых десять дней…
А тут вдруг вечером хочется чего-нибудь молочного лёгкого и вкусного. На ощупь открываешь холодильник, ищешь полочку с творогом и сметаной, достаёшь (надо же, уже начинаешь видеть в темноте, как кошка), добавляешь в тарелку сахар и начинаешь есть...
Ты забыл совсем, что рядом со сметаной стоял в такой же круглой баночке майонез… И как только ты соль с сахаром не перепутал…Вкусный был ужин при свечах…
Ну да ладно, понимаешь, что вслед за чёрной полосой обязательно в жизни будет белая, и с нетерпением её ждёшь, в окошко выглядываешь, прислушиваешься к телефону, и бежишь по каждому поводу к домофону.
Так и получается: начинаются звонки, поздравления, и телеграмма почему-то оказывается в твоей двери, и брат с Аргентины шлёт горячий привет, а родная тётя, любимая и неповторимая, как будто бы рядом, и подружка в дверь звонит, и вообще ЖИЗНЬ ХОРОША И ЖИТЬ ХОРОШО! И ты веришь, что всё самое загадочное и интересное… А дальше ты и сам знаешь!

4 января 2017 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Злая тётка Война (к выводу советских войск из Афганистана)

«Смотрю по телевизору Афган
Кабул, Гардез, дуканчики с бачами,
Прошёл уже с тех пор немало стран,
Но, вновь, ко мне он возвращается ночами…»
(из песни)

Война. Это слово для нас, поколений 60-70-80-х годов прошлого столетия, было таким далёким, тёмным, и в то же время таким страшным и злым (из рассказов наших дедушек и бабушек). Мы не понимали, откуда она пришла к нам, в мирное время…
В то время в нашем воспитании много внимания уделяли патриотизму, долгу, чести и совести. А понятие «интернациональный долг» было неразделимо с нашими убеждениями. И вот наши мальчишки-сыновья, друзья, женихи, мужья потихоньку стали исчезать… Это было без громких слов, тихо и по обоюдному уговору (как нам тогда казалось) нашего государства и наших мальчишек. Только одно заявление. И молодого человека отправляли в Афганистан «выполнять интернациональный долг», что меняло всю его жизнь и жизнь его родных, близких. Почти десять лет каждая девчонка и каждая мать молили Бога, чтобы их родной любимый и единственный не написал заявления. А если он ещё и с парашюта до армии несколько раз прыгнул, то вообще, сто процентов - его возьмут… Кто-то не вернулся, пропал без вести, или нечего было возвращать… Сломанная психика, «чужая» жизнь после двух лет такого… Многие каждую ночь до сих пор (а им уже за пятьдесят) кричат во сне или плачут, снова проживая тот бой… А утром вспоминают своих друзей, погибших, раненых, калек.
Конечно, что вспоминать, и сейчас не прекращаясь, идёт по всему миру эта проклятая тётка Война. Но наши дети и внуки с пелёнок знают всё и обо всём, и ещё подумают, идти на войну или нет, и сколько заплатят (по контракту). И война сейчас совсем другая – хитрая, жестокая. Можно не быть на месте и убивать… Война дальнего действия.
В одном только мы уверены - наши мальчишки, какими бы они не были ленивыми, заумными, рассудительными не по годам, практичными, продумывающими свои дела и шаги по жизни и в карьере, если понадобиться (не дай Бог), защитят нас!
Берегись, злая тётка ВОЙНА!

9 февраля 2017 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Моя любимая тумбочка…

А у меня дома, оказывается, есть очень интересная вещица… Конечно, это лучше сказать предмет мебели, а проще, тумбочка. Но тумбочка старая, а может и старинная…
Делая как всегда в отпуске генеральную уборку, я полезла наверх, на большой шкаф, сделанный, если верить штампу на тыльной стороне двери, аж в 50-х годах прошлого столетия Московской строительной артелью! Крепкий, тяжёлый, из настоящего дерева, с огромным зеркалом (хоть бы одна царапина) он стоит в углу маминой комнаты. Не поверите, ничего не сломано: полочки и ящички легко ходят взад-вперёд, выдвигаясь на нужный размер, чуть-чуть только центральная дверь сошла с петли, надо бы одеть обратно.
Так вот наверху этого шкафа всегда стояла такая маленькая тёмная тумбочка. Я на неё никогда не обращала внимания, стоит да и стоит. Но не зря же она мне попалась. Я вспомнила, что это тумбочка корейская, да, да, да, а может и японская! Мамочка моя этого не помнит. Но получила она тумбочку в приданое, когда выходила замуж. Два года с 1944 по 1945 года мой дедушка служил (он был военным) в г.Пхеньян в Северной Корее. В то время, как вы помните, Япония оккупировала Северную Корею, а наша армия освободила страну от её оккупации. Значит, в Корее были и японцы! Может эта тумбочка японская? В 1946 году дедушку отправили в Москву на учёбу, так наша тумбочка и переехала в Россию.
Теперь о тумбочке. Она маленькая, полметра высотой, полностью деревянная из какого-то красного дерева, приятно пахнущего (может это красный кедр, а может дуб, а может лиственница). Это видно внутри тумбочки, так как снаружи она давно уже на сто раз перекрашена моим папой. Всего два маленьких выдвигающихся ящичка, две дверцы. Ничего не повреждено, всё крепкое и на века! Внутри одного из ящичков я обнаружила иероглифы, они правда немного стёрлись, но четыре из них видно хорошо, а если взять лупу, то можно их срисовать. Вот бы ещё перевести! И как переводить, если не знаешь корейские это иероглифы или японские, а может вообще китайские…
А теперь я увлеклась и сделала себе нежную женскую тумбочку нежно-зелёного цвета с азиатскими мотивами. Ну что со мной поделаешь…
И вот она красавица, такая же маленькая, уютная. Моя тумбочка обрела новую жизнь и теперь живёт в моей комнате, и проживёт ещё много-много лет.

9 августа 2017 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Последний вальс «сумасшедшего композитора»

Я не знала о нём, никогда не слышала, даже не догадывалась… Как часто в жизни таких людей узнают только после смерти. Родился в Киеве, жил в Санкт-Петербурге. Гений, творческий человек, живущий только нотами, только музыкой… Вы спросите, а как такое возможно? Возможно. Такие люди, «не от мира сего», часто незаслуженно при жизни получают прозвища от непонимающих их людей, влачат нищенское существование, но ничего при этом не требуют, им бы только делать то, что они любят, что умеют, в чём они мастера своего дела.
Олег Николаевич Каравайчук. Родился в 1927 году в Киеве. Отец – скрипач, мать – педагог. Композитор от Бога. С самого детства он сочинял музыку в душе и сердце, и больше был импровизатором, чем пишущим по правилам музыкальной науки. Композитор, написавший удивительную музыку ко многим советским кинофильмам: «Поднятая целина», «Короткие встречи», «Ксения, любимая жена Фёдора», «Два капитана» и многие другие. Экстравагантность во всём: в одежде, в общении, в поступках сослужила плохую службу, его называли «сумасшедший композитор». Он выступал всего один раз в жизни на своём сольном концерте и то, концерт чуть не закончился скандалом. Непредсказуемость во всём! А какая музыка! Самое главное: он писал её по ходу, выступал импровизированно, не готовя ноты. Музыка лилась из-под его пальцев сама! Сухой, жилистый, лёгкий, кажется, дунь и сдует! Ан нет – музыка вечна и она осталась. Он мог воспроизвести без музыкального инструмента музыку всего того, что видел и где находился: дерева, травы, леса, дачного посёлка, кладбища…
Он считал, что главное - это ноты, а не умение виртуозно и артистично исполнять музыкальное произведение, да ещё показывать это на своём лице (согласитесь, часто исполнение для нас – это не только музыка, но и сам артист, его лицо, руки, и только так мы всё вместе воспринимаем, и говорим, понравилось нам исполнение или нет).
На кладбище он сразу напевал вальс и называл его «гробовым», в дачном посёлке, прислонившись к любимой развесистой ели (её спилил сосед-дачник, от ели падала тень на его баню), он пел музыку дерева, таким образом, общаясь, «разговаривая» с ней. А как ему не нравились заборы в дачном посёлке вокруг одинаковых особнячков «новых русских», похожие на тюрьму… Он говорил, что это «конец» людского общения, «конец» вселенский… Современная архитектура для него была треугольной, а треугольник в его понимании и есть смерть…
Никого не оставив после себя (всю жизнь прожил с мамой), он оставил множество сочинений, положенных на нотные листы, они хранятся в архивах, и только некоторые из них звучат в полюбившихся нами фильмах прошлого столетия. Мы смотрели их, слушая восхитительную музыка, не зная и не думая, кто же написал её, кто сделал фильм таким прекрасным, ведь хорошо подобранная музыка очень украшает фильм, делает его узнаваемым по звуку!
Лучше поздно, чем никогда. Он ушёл в 2016 году. А я узнала его в 2017. Узнала, и никогда уже не забуду Ваш последний вальс, Олег Николаевич. Спасибо за это знакомство, спасибо за то, что Вы были рядом и далеко, спасибо…

24 декабря 2017 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Любимая дочь кулака Гаврилы

Почему меня так интересует история Зауралья и трепетно волнует история моего любимого города Кургана? Это моя малая Родина, где жили, работали и умирали мои родные, прадеды и деды. И не только в Кургане, но и в селе Половинное Курганской области.
В селе Половинное жил мой прадед Половинкин Гаврила (к сожалению отчества не знаю, папа не говорил), зажиточный крестьянин многодетный (пять детей, три дочери, два сына), по-советски - кулак, раскулаченный в 20-ые годы. Его старший сын Картерий, был им выгнан из дома после ссоры (они поссорились из-за того, что Картерий потерял вожжи!). Моя бабушка Половинкина Татьяна Гавриловна была любимой дочерью Гаврилы. Если две другие сестры Анастасия и Екатерина работали по хозяйству, то Татьяна могла подольше понежиться в постели. Ей прощалось всё. В те времена, если вышла замуж, то терпи. Но Татьяна терпеть измену молодого мужа не захотела, ушла от мужа Григория, хотя очень его любила. В то время, особенно на селе, такая бы женщина была проклята и выгнана отцом из дома. Но Татьяну пустили домой и даже выдали её второй раз замуж, но уже в Курган за Зыкова Степана Андреевича (сына местного артельщика-строителя Зыкова Андрея Романовича, он занимался строительством двухэтажных домов в Кургане). Степан Андреевич ездил к своей будущей жене Татьяне на велосипеде, а тогда велосипед был редкостью. Наш дом, построенный моим прадедом в 1907 году, стоял по улице Солдатской (сейчас М.Горького), здесь в 1930 году родился мой отец, Зыков Виктор Степанович. К сожалению, вначале 90-х дом был снесен и теперь здесь автостоянка…
Моих родных из села Половинное раскулачили в 20-ые годы. Тогда всю семью Гаврилы поместили в тюремный городок в Кургане (он находился в квадрате улиц Советская (Дворянская), Кирова (Казарменный переулок), М.Горького (Солдатская), Красина (Телеграфный переулок). Бабушка Катя (младшая сестрёнка Татьяны) рассказывала, как она очень хотела пить, приходилось через решётки вытягивать руки, и в ладошки ловить капли, которые капали с крыши, ведь таял снег, была весна. Этапом их отправили под г.Омск в тайгу. Но семья трудолюбивая и сильная выжила, никто не умер, в советские годы они перебрались в Омск, и теперь в Омске живут мои родные.
Семья артельщика-строителя Зыкова Андрея Романовича успела в 1930 году (после рождения папы) продать свой дом и тоже уехала в Омск поближе к родственникам Татьяны. Моего папу Татьяна воспитывала одна. Мой дедушка Степан Андреевич Зыков в Омске заболел туберкулёзом и умер довольно таки молодым, лет в 36. Татьяна сама потом признавалась, что всю свою жизнь любила только своего первого мужа, а за второго вышла, потому что надо было быть замужем. Поэтому может быть она особенно и не старалась любить моего папу, ведь не каждая мать отдаст своего ребёнка в интернат… С образованием в два класса церковно-приходской школы Татьяна Гавриловна Зыкова всю жизнь работала уборщицей и получала 28 рублей (потом 48 рублей) и всегда экономила. Говорят, что куска хлеба у неё было не выпросить, даже в гости к своим сёстрам она ходила со своим хлебом… Мой папа окончил 7 классов в интернате в Омске, приходил домой к маме только по выходным. Умерла моя бабушка в 69 лет, я была во втором классе. Помню, как папа ездил в Омск на похороны мамы.
Вот такая была моя бабушка, на которую я очень, говорят, похожа характером. Может быть… Иногда я просто чувствую её в себе и думаю: «а так бы поступила моя бабушка…»

6 января 2018 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Твой след давно волною смыт, только сердце у меня не камень…» (любимой мамочке)

Ей всего двадцать, всё впереди! Всё хорошо, но ослабленный организм молодой девушки где-то подхватил бациллы туберкулёза… После четырёх, проведённых успешно, операций, она была направлена бесплатно в военный санаторий (её папа был полковником в отставке).
Она приехала в Крым, в это райское место, после жаркого горного климата г. Алма-Аты в Казахстане. Сердце бьётся особенно громко и сильно, хочется петь и кричать от радости, ведь почти три месяца она не будет ни о чём думать, только море, воздух, горы и общение с разными людьми, приехавшими, как и она, отдохнуть и подлечиться в Алупку, в военный санаторий на берегу Чёрного моря. Она даже не задумывалась, что ждёт её здесь, казалось, горы свернёт, так клокотали в ней сила молодости и великое послевоенное счастье в те далёкие сейчас пятидесятые годы прошлого столетия в СССР.
Февраль, март, апрель, три счастливых месяца, были наполнены помимо лечения походами, танцами, встречами и знакомствами. Как это романтично и сказочно! Цветущие каштаны, молодая зелень, и аромат, этот благоухающий повсеместный аромат, от которого было не спрятаться, да и нужно ли было прятаться?
Ему было за тридцать. Высокий, стройный, красивый черноволосый молодой человек, слегка хромающий (лечил ногу после ранения). Умный, скромный, добрый, не нахал. Чего ещё надо было желать молодой и неопытной девчонке? Он был женат… Она звала его «дядя Коля». Чтобы почувствовать себя взрослой, решила соврать и представилась женой военного офицера с двумя детьми. Он ухаживал, как все влюблённые: водил по выставкам и концертам, дарил цветы и… не приставал, вы представляете?! Даже не намекал, будто она ещё девушка (так ведь и было), а он ещё неопытный юноша в стадии первой влюблённости. Где бы он ни появлялся, всюду был слышен его громкий, сильный голос, а сердце её замирало…
Как им было хорошо вместе! В то время по СССР гастролировал, звезда мировой эстрады, французский певец Ив Монтан. И пусть он не приедет в Алупку, и они не увидят и не услышат его воочию, но из всех открытых окошек, со всех танцплощадок курортного городка неслась эта популярная в то время песня: «Опавшие листья». Эта песня навсегда осталась у неё в сердце, а может и у него тоже:
«…Почернел от слёз тот гранит,
Твой след давно волною смыт.
Только сердце у меня не камень,
Оно каждый взгляд твой хранит…»

И она была уверена, если бы Ив Монтан вдруг приехал, то её Николай Матвеевич достал билет и сводил бы её на концерт! Мужчина!
Гуляющие парочки, расползающиеся по уголкам тёплого по-летнему, вечернего городка, никого не замечающие, держащиеся за руку или в обнимку. Дядя Коля держит за руку молодую и гордую, но уже с двумя детьми (ха-ха-ха!).
«Ласточкино гнездо», построенное в начале XX века, расправило свои крылья над этим тихим южным уголком, оберегая влюблённые души от жизненных трудностей. Дворец графа Воронцова (памятник архитектуры XIX века), выстроенный в духе английского зодчества, когда-то принадлежавший трём поколениям семьи Воронцовых, отправлял в путешествие по своим комнатам посетителей знакомых и не очень, всех, кто отдыхал и лечился в санатории. Дядя Коля и Она, находившись по анфиладам дворца,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

налюбовавшись красотой живописных картин и классических скульптур, в столовой ели из одной тарелки (часто они опаздывали на обед, и им оставляли приготовленные блюда на специальном столике), пили из одной чашки.

Советский Союз, эта огромная страна, где жили вместе люди разных национальностей. Вот и здесь в санатории кого только не было! Она пользовалась успехом, за ней пытались ухаживать: казах, белорус, эстонец… А чеченец Магомед предложил ей быть его женой и уехать в Чечню. «Почему я?» - удивившись, спросила она. «Жена нужна такая, как ты, лучше быть не может» - скромно опустив глаза, ответил он. За ней пытался ухаживать ещё один военный, он упрашивал её выйти за него замуж, ведь ему предложили работать в посольстве, а там без жён работать нельзя…

Отказ был очевиден. Да и как же иначе, когда рядом такой мужчина, и ей не надо было ни объяснений, ни обещаний, ей так было хорошо! Да и он не нахальничал, они дружили и жили этой дружбой, жили настоящим, не заглядывая в будущее.

Дни бегут с такой быстротой, особенно, если проводишь их с пользой и делом, а ещё быстрее, если ты влюблён (или влюблена), и это взаимно. Всему когда-то приходит конец… Он уезжал первым. Она слышала, как приехал автобус, как люди, собравшиеся домой, расселись по местам, как автобус несколько раз просигналил у её окна («Наверное, дядя Коля попросил…» - подумала Она). Автобус уехал, а она так и не выглянула и не попрощалась. Вот такая гордая, молодая и красивая! Она знала, что больше его никогда не увидит, ведь он был женат, а она замужем… Она не дала своего адреса (тогда всё-таки люди писали письма и могли много лет переписываться). Представляете, каково было его состояние? Он, Николай Матвеевич, знал, что Она больше его никогда не назовёт «дядя Коля»… Как ему будет не хватать её голоса, и этих карих с грустинкой глаз! С ней он чувствовал себя пареньком, и не было ещё этой войны, и нога у него не болела, будто бы и ранения не было… Он был влюблён, как будто в первый раз!

Всё позади: и тревоги и думы, и радость и печаль - выросли дети и внуки, растут, как грибочки, правнуки, но до сих пор звучит в её душе: «Только сердце у меня не камень, оно каждый взгляд твой хранит…»

25 апреля 2018 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Мой трамвайчик из детства…» (моей бабушке посвящается)

Самые сильные воспоминания – это воспоминания детства. Не побоюсь ещё раз сказать, моё детство было счастливым! Каждое лето хоть на один месяц, а иногда и на всё лето, меня отвозили в тёплый и уютный город, находящийся в окружении высоких гор, в теперь уже зарубежье, Казахстан. Алма-Ата город в переводе с казахского языка сейчас означает «яблоневый». А тогда нам говорили, что этот город – отец или дед яблок, потому что все склоны и подножья гор вокруг города были усыпаны яблоками, знаменитым апортом, выведенным именно здесь. И даже в городе почти в каждом палисаднике росли эти яблони и давали вкусный сладкий, сочный и крупный урожай.
В этом городе по улице Чапаева (сейчас уже нет такой улицы…) в небольшом домике на первом этаже жили бабушка и дедушка, тёти и дяди, мои сёстры и братья. Большая шумная и дружная семья. Деда я побаивалась, а вот бабушку… любила очень-очень! Большая, тёплая, добрая, мягкая, с задорным хохотком и весёлой искринкой в глазах. Её длинные волосы каждое утро красиво укладывались наверху высокого лба и всегда были выкрашены, без единой сединки!
Она любила всех своих внуков, но меня (как мне казалось), девочку из холодного зауральского городка, вечно больную и вялую, грустную и слезливую, больше всего: всё самое лучшее было для меня. Её маленький палисадник под окнами всегда манил меня к себе. Здесь стояла раскладушка и можно было в жару (а там с 10-11 утра начиналась просто ЖАРА) можно было полежать, почитать книжку, а самое главное поесть фруктов, которые свисали со всех сторон: сверху - яблоки, знаменитый апорт, рядом китайская вишня, золотая слива сверкала на солнце, снизу - на грядке, клубника вкусная, до сих пор помню её вкус. Палисадник не был огорожен забором, забор был из кустарника (не знаю его названия), который подстригал мой дед специальными ножницами. Здесь не было голубей, а были горлицы, и все одного цвета, и ворковали по-другому, не так как у нас в городе. Не было комаров и мошек. На первых этажах я впервые на окнах увидела красивые решётки, и всё удивлялась, зачем они? Потом бабушка мне объяснила: жарко, окна у всех открыты, воры могут залезть. Но опять же двери были всегда открыты (чтобы нам внукам ключи не давать, потеряем же). По каждой улице бежали и журчали арыки с водой из рек Большой и Малой Алматинки, их я тоже увидела впервые, и в жару в арыках купалась ребятня.
С бабушкой мы часто ездили на Зелёный базар на любимом трамвайчике. Она мне покупала всё, на что бы я ни посмотрела, кормила и поила меня сытно и вкусно. Арбузы, дыни («колхозницы»), виноград чёрный и зелёный, груши! Красота! В городе был огромный парк имени Горького, куда каждое воскресенье меня водили гулять. Этот парк был для меня целой страной волшебной и сказочной: детская железная дорога увозила нас в детскую библиотеку, на лодочной станции мы катались на лодках и водных велосипедах, в парке был зоопарк настоящий, не приезжий. Огромные клетки, вольеры без ограждений для парнокопытных. Слоны, верблюды, тапиры антилопы, львы, обезьяны – всё это увидела ВПЕРВЫЕ в своей жизни именно в Алма-Ате. Был такой случай: кто-то пустил слух, что из клетки вырвался лев, и я залезла в клетку с обезьянами, а потом меня долго не могли найти… Прямо анекдот! Конечно, уходить домой я не хотела, и на обед бабуле приходилось меня тащить за руку, а я ревела на весь парк! Каждое лето в парк имени Горького приезжал чехословацкий «Луна-парк» (наподобие Диснейленда) и вот здесь я увидела: американские горки, конечно, не самые высокие, комната страха (мертвец, встающий из гроба в синем свете, никогда не забуду!), детский тир, купленные

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

билеты и выигрыши – то детское колечко, то классная куколка или машинка, естественно, жевательные резинки чехословацкого производства, сталкивающие машинки с педалями и аттракцион с белыми лебедями, которые поднимались высоко над парком, откуда был виден весь город!
Бабушкины ароматные сибирские шанежки, булочки-розочки, печенье-трубочки с яблочным повидлом впервые я попробовала там, и теперь такие же мне печёт моя мамочка. Вечером перед сном мы долго-долго гуляли с бабушкой под низким и звёздным небом, казалось, протяни руку и звёзды ухватишь! Мальчишки натягивали белые простыни, и с неба падало что-то серое и лохматое со страшным сморщенным личиком, это были летучие мыши. Девчонки с визгом убегали врассыпную, а я бежала к бабушке. Баба Надя учила меня вышивать крестиком. Первую свою салфеточку, вышитые крестиком два яблочка, я подарила ей. А ещё в одной из комнат, куда селили именно меня, приезжую сибирячку, в тёмном углу стояло чёрное немецкое пианино (не помню названия). И вот тут то, когда меня оставляли одну, закрывали двери, моей радости не было предела! Мне можно было делать всё: я садилась за пианино (играть я не умела, а на нём никто не играл, у моей тёти было другое пианино современное в то время «Элегия»). Я играла одной рукой, двумя руками, а самое главное: через музыку, придуманную мною, сочиняла сказки, пела, и могла до поздней ночи не спать, пока не заглядывала бабушка и говорила, что уже пора спать, и соседи будут ругаться. Перед первым классом я как всегда набиралась сил и здоровья у бабушки, но букву «Р» говорить не умела, а может, не хотела… Бабушка применила прекрасный педагогический метод и за одну ночь научила меня говорить эту букву: она просто не давала мне спать, заставляя произносить букву. И вот под утро, когда я просто уже не могла не спать, я крикнула «Р-р-р-р-р!» и спокойно уснула. Спасибо, бабушка!
Чёрный вкусный чай номер тридцать шесть, особенный белый хлеб, настоящее эскимо на палочке с орехами (оно было огромное, а может это мне так казалось), сладкий инжир, халва, восточные сладости, рахат-лукум и многое-многое другое, всё это впервые в жизни я попробовала и увидела в Алма-Ате в гостях у моей любимой бабушки Воробьёвой Надежды Алексеевны. А сегодня ей исполнилось бы 105 лет.

В моём сердце морока:
Жёлтый, как одуванчик,
Мне сигналит негромко
Мой из детства трамвайчик.

Тот звоночек хрустальный,
Волшебство каждый вечер,
Полумрак в детской спальне,
Двор огнями расцвечен.

Силуэт милый возле,
Голос бабушки ласков.
Небо в звёздах, а после –
Смех и добрые сказки.

Полетаю немного –
От тоски это средство.
Серебрится дорога.
Мой трамвайчик из детства…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Помню и люблю тебя, баба Надя! 22 мая 2018 год

Суровое лето девяносто третьего… («крутым» девяностым посвящается)

Вот уже и двадцать первый век семимильными шагами отмеривает нашу жизнь… Время летит стрелой. Странная закономерность получается, мы быстро всё забываем, и кажется, это было не с нами… А потом даже удивляемся: а было ли?
Крутые девяностые, сколько же вы нам принесли и бед, и разочарований в этой, как нам казалось, устоявшейся для нас жизни – учёба, работа, квартира, любовь. Всё было на своих местах, и в несколько лет, а иногда и месяцев, всё провалилось в тартарары, а главное: безвозвратно…
Так и в этом городе всё было хорошо до поры, до времени. Золотое детство, шалопайная юность, безоглядная молодость, весёлая учёба, а потом вдруг как-то сразу: работа, свадьба, дети, развод… Чуть успели попривыкнуть, а тут снова непредсказуемые девяностые постучались, и не просто постучались, а громко, звучно, и даже кое-где двери повышибали!
1993 год. Как всегда лето пришло жаркое. И хотелось убежать из города, уехать по привычке, в советское время часто уезжали, чтобы отдохнуть от назойливых проблем. А что же не уехать? Ведь есть куда - в любимый город детства.
Молодая, свободная (успела развестись) она и четырёхлетний сыночек. Их ждут и любят! В кассе билетов было не достать, почему-то все ринулись куда-то уезжать. Покупать надо было заранее и через кого-то. Но у неё всё получилось (друг помог). Собралась быстро, и сынок радовался (это было его первое путешествие по железной дороге). Два дня в пути: варёная курица, помидоры, огурцы, пирожки с луком, беляши (насобирали, что могли), чай с сахаром ещё давали в вагоне и постельное бельё, пусть и серое, но стираное. Да и разве это важно, когда ждут тебя и встречают сочными, вкусными мантами, нежной крахмальной фунчозой (китайская лапша) с мясом, а фрукты, ну просто даром! И нужно-то было только на дорогу насобирать, ведь родная тётя, любимая бабуля (уже прабабушка) сделают всё, чтобы внучка и племянница с маленьким сыном жили да радовались! И пусть не стало Советского Союза, но родственные связи-то не отрежешь.
Вообще, отпуск удался: солнце, радость и счастливые глаза сыночка! Но пора подумать и об обратной дороге. Оказалось - билетов просто нет! А ведь надо и на работу выходить.
Теперь зарубежье, город детства не хотел отпускать свою любимицу. Помыкались родные, помыкались, да и купили билет у соседки на её имя… А соседка и рада продать: «Ты бери, а в вагоне скажешь, когда проверять будут, что, мол, забыла паспорт дома» По глупости, а может и по молодости, не подумала она и купила билет. А сыночку билет вовсе и не нужен, он мог с мамой на одной полке ехать, ему же всего четыре года.
И вот опять хлопоты, сборы. Вместе с продуктами, ещё и одежда, купленная на китайском рынке, подарки для всех - сумки оттягивали руки, но было празднично, ведь дорога домой всегда радует усталых путешественников!
Плацкартный вагон. Поезд отправляется и… проверка билетов проводником. Но вместо одного проводника, рядом почему-то целая команда раскосых, как ей тогда казалось, одинаковых людей-мужчин в железнодорожной форме этого пока ещё нового государства… И ей стало страшно! Они или не могли, или не хотели говорить по-русски. Нашёлся один «переводчик»
- Бэлет.
- Вот, это мой билет, а ребёнку четыре года.
- Паспэрт.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Ой, дома забыла! Что делать? Поезд уже тронулся. Может, поверите?
- Нэт. Сэйчас стоп-кран сорву!

И началось: всю дорогу до ближайшего крупного города она и её сыночек, как приклеенные, бегали за начальником поезда и упрашивали его не ссаживать их, денег-то не осталось. А раскосые люди-мужчины не сдавались: «нэльзя», «другой страна», «дэньги бы помогли» - вот несколько фраз, которые они изредка произносили.

А в вагоне сидели и лежали, стояли и курили, пили и матерились. Был такой хаос, что просто с ума можно сойти! Но она не сдавалась: ей пришлось подыграть одному «крутому» попутчику (видимо, это был человек в малиновом пиджаке, вы, конечно же, знаете и помните, кого так называли). Он считал себя самым-самым, и ему можно было всё, ведь он же – новый русский! И она пообещала… Тогда новый русский нашёл начальника поезда и, видимо, дал ему «на лапу» (пусть и другая страна, но рубли то ещё никто не отменял). А она насильно улыбалась и держала за руку, не отпуская, сыночка. Надо было и себя, и сына спасать, ведь у «малинового пиджака» в кармане и пистолет имелся, он им часто бравировал и всем в вагоне показывал… Маленький сынок толкал «страшного дядю» и как мог, защищал свою мамочку, ведь считал себя уже мужчиной! Наверное, мало было начальнику денег. И он всё-таки высадил молодую маму с сыном… Слава богу, хоть это был крупный город и последний в этой, как она уже поняла, чужой и новой стране… На вокзале творилось нечто: очереди в кассы изгибались и закручивались в толстые спирали, орущие взрослые, стонущие и вздыхающие пожилые люди, плачущие дети. Ни еды, ни питья, ни денег, всё пришлось бросить в том вагоне и бежать оттуда, уносить ноги! «Малиновый пиджак» потом долго ей снился… Да и сынок часто вспоминал «страшного дядю» с пистолетом…

И вот поезд до Ленинграда (в то время ещё никто не привык к новому названию города - Санкт-Петербург). Бригада вроде из русских. Но она долго-долго опять упрашивала проводника взять её вместе с сыном до дома (поезд шёл через её родной город). И уже тронулся состав, и проводник согласился, но… попросил в залог что-нибудь… «Что? - лихорадочно думала она - Что же такого ценного у меня есть?».

- Да, вот возьмите кольцо, - у неё было на пальце колечко, подаренное при помолвке её женихом, а потом и мужем, уже и бывшем… Жаль, конечно, но надо отдать, а то и до дома не добраться. Отдала. И вот они с сыном едут домой. Вагон полупустой и можно было бы отдохнуть после той первой дороги в этом сумасшедшем поезде, но… Проводник не посадил их в купе. В коридоре на своих сумках и пакетах они ехали всю ночь. Об них спотыкались, еле-еле пролезая через них ночью в полумраке в туалет, матерились, но они терпели, потому что дом светил своим добрым и тёплым светом в кромешной тьме и хаосе ужасающего лихолетья «крутых» девяностых…

Проводник не обманул: через несколько дней этот же поезд проезжал обратно. Она ждала со страхом, ей почему-то казалось, что он обманет. Состав остановился и этот же проводник отдал за деньги, которые она ему принесла, её колечко. Не обманул, но нажился. А она радовалась, ведь они с сыном дома у мамы и папы, у бабушки и дедушки. Даже тогда, когда она ехала на такси с последними рублями в кармане и с двумя, чуть постарше, молодыми женщинами (они тоже были из её города), даже здесь её успели обмануть… Женщины обещали, что все вместе они сбросятся и заплатят таксисту-бомбиле (в ночное время тариф был вдвое больше). Но… увы, этого не случилось. Не успела она и глазом моргнуть, как женщины быстро испарились, сойдя раньше и сделав «ручкой», так и не заплатили. Ей пришлось со спящим сыном на руках (была поздняя ночь) расплачиваться за троих (спасибо, хоть за ребёнка он не взял). Она пришла домой измученная, обиженная… Ещё потом полгода «красный пиджак» ездил к ней и колотил в дверь (и как только дверь старая выдержала), мол «ты обещала, но так и не дала…»

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Интересно, и откуда он узнал её адрес? «Мрак!» или «Жуть!» - так сказал бы Эллочка из знаменитого романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев».
Но обидно было другое. Обидно было то, что все моральные ценности, приобретённые ею за четверть с небольшим века, пропали, канули в лету… Всё это было почти у всех людей из такой большой страны с таким прекрасным названием «Советский Союз»! Разве не так? Ах, вы ж «крутые девяностые! Суровое лето девяносто третьего…

3 июня 2018 год

Посылочка

Утро не предвещало ничего удивительного. Будильник как всегда «прокричал» в шесть тридцать. Чашка горячего кофе растекалась, казалось, по всему телу, и вместо бодрости, несла сладкий сон. Погода в новостях не радовала - конец мая, а как будто начало апреля… Обычный трудовой день.
До обеда время летело со свистом: письма, ответы, сканы, успевай вертеться! В обед, купив молока, она решила забежать домой. Дом находился от работы пять минут ходьбы, а медленным шагом и все двадцать. Заветный любимый почтовый ящик. Не так давно, каждый день что-нибудь да выдавал старый ящик: письма, телеграммы, газеты, журналы. Лет двадцать пять, как ящик скучает: только иногда одна газета, да может посылочка от тёти.
Но на этот раз из ящика выпала тоненькая бумажка. Оказалось, извещение в почтовое отделение на посылку. «Ура!» - пела душа от радости. А голова размышляла: «Подумай, что там? Подарочки, наряды. Впереди лето, оденешься!» Бегом на почту. Как всегда очередь, даже днём: пенсию кто-то получает, кто-то отсылает посылку или бандероль, кто-то денежный перевод оформляет… Ждать нелегко, особенно когда обед кончается, а хочется успеть домой занести и посмотреть, что там, в посылочке?
И вот всё позади: ожидание, расписка в получении. При получении почтальонша, взвесив на весах посылку, завела разговор о том, что теперь все посылки и бандероли, и даже письма, вместо самого большего недели, идут месяц, потому что всё проходит через Москву. «Ой, - удивилась почтальонша – а эта посылка шла через Оренбург». Лет десять уже как посылку не дождаться, даже если заплатил и думаешь, что самолётом быстро доставят. Всё какие-то хлопоты, деньги…
Звонок в дверь, мамочка открывает, улыбается. Плащ на вешалку, большими ножницами нужно разрезать бечёвку и разорвать пакет (теперь посылку можно и в пакете специальном почтовом отправить). Это раньше для посылок сбивали ящики из фанеры, кто во что горазд, и писали «АВИА» большими буквами, если хотели, чтобы посылка улетела самолётом.
Из пакета она начинает вынимать наряды: платье, блузочки, вязаные вещи в одном экземпляре, эксклюзив, так сказать, умеет же тётушка порадовать! Мамочка бегает то в комнату к зеркалу, то к ней похвастаться. На этот раз одели мамочку, уж больно ей всё идёт, да и модная она у неё! И вдруг…
Из пакета выпадает на стол интересная вещица – пластмассовый стержень сантиметров пятнадцать, не больше, литой и вроде закруглённые концы, светло-серого цвета… «Что это?» - первый вопрос мамочки, а потом и её. Она берёт эту вещицу и долго крутит её в руках, старается где-нибудь найти дырочку или вход куда-нибудь… Ничего не получается. Началось самое страшное: голова и мозг работают усиленно, думают и размышляют - пакет был запаян на почте, значит, это тётя что-то такое положила, чего

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

они никогда не видели - такой прибор, может градусник (не открывается), или маскарограф (тоже не открывается), лечебный прибор для суставов, а может внутри мазь или крем какой современный. Но это ещё цветочки!
Время сейчас сложное, терроризм кругом. А вдруг кто-то на почте подбросил, и эта вещица взорвётся или, не дай бог, излучает что-нибудь, и они все умрут… А то ещё опаснее: этот маленький пластмассовый стержень грозит какой-нибудь экологической катастрофой, а может это химическое оружие? И виноваты в этом будут они, две женщины из русской глубинки: старенькая, за восемьдесят, и в полном расцвете сил, за пятьдесят. Жуть! Что делать? Как поступить? Ведь если пойдёшь в полицию, вместо помощи, тебя и засудят, а не пойдёшь… Ой, что может случиться! Метались женщины из угла в угол, весь вечер покоя не знали. А вещица так и лежала на столе, казалось, излучая что-то космическое, необычное и фантастическое…
Они решила позвонить тёте, стоит ли им переживать. Долгие минуты ожидания, и такой любимый и родной голос:
- Какой стержень? Ах, этот… Какие же вы дуры, а?! Это же вам футлярчик герметичный, а в нём браслетик, бижутерия вообщем. Вы же любите всякие безделушки. И футляр современный, там есть замочек, ноготком вверх и всё.
Какой дружный выдох облегчения! Кажется за тысячи километров на другом конце провода, у телефона, тётя вздрогнула, услышав этот громкий и радостный выдох. Как же они долго смеялись! А если бы в полицию пошли?...

20 июня 2018 год

Письмо тебе

Здравствуй.
Время летит. Тридцать четыре года будет позади. Жизнь моя выкидывала всякие винты, и не только моя… Тебя нет тридцать четыре года…
Сколько тебе было? Девятнадцать. Я была младше на два года и в свои семнадцать лет ничего не понимала, почему всё молниеносно закрутилось и так же молниеносно разорвалось. Взгляд, улыбка, один единственный поход в кинотеатр в летний солнечный день. Потом ссора (не помню даже по какому поводу), и, наверное, года два необщения. Вдруг увидела тебя снова в кинотеатре, и ты меня увидел. Потом через несколько месяцев письмо в почтовом ящике с предложением переписываться. Обратный адрес был для меня странен… Подсказали добрые люди – это учебка в Литве, а после неё … туда отправляют. Поняла. Письма редкие, но какие – тёплые, добрые, без хамства и пошлости. Первое признание в любви и именно в письме.
Фотографии, пожелтевшие со временем. Пусть чёрно-белые, пусть нечёткие, но я и сегодня, как вчера, вижу молодого паренька со светлыми волнистыми волосами. Потом студёная зима, письмо от какой-то женщины (это оказалось письмо от твоей мамы), её просьба приехать на поминки к… тебе (оказывается в твоих личных вещах, которые ей привезли, были только мои письма). Мой первый полёт на кукурузнике с моим папой и первое в жизни чувство горячего комка в горле, обжигающие слёзы.
После всего этого я уже больше НИКОГДА не расставалась с этим страшным словом ВОЙНА. Мне пришлось и жениха своего ждать (а ты, наверное, глядя с небес, не удивился) и тоже оттуда… А мой сын, уже взрослый и такой самостоятельный с твоим именем живёт и гордится, что назван в честь тебя (мы со своим будущим мужем

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

договорились, что когда у нас появиться сын, то мы обязательно назовём его в честь тебя). И мы назвали.
Вы смотрите на нас с небес, но я думаю, вы даже не сомневались, что поступали правильно - воевали и отдавали свой патриотический долг. Только кому…
Мы помним вас, а я помню тебя, мою первую ЛЮБОВЬ. Ты остался в моём сыне, а теперь и в моём внуке. Ты живёшь в нашей памяти и наш долг ПОМНИТЬ.

9 февраля 2019 год

«Драмы и трагедии старого города» узнали горожане и гости Кургана на ночной экскурсии по старинным кварталам с Алексеем Дедовым

Я снова убедилась о пользе и необходимости экскурсий по старому городу. Польза – познавательность, расширение кругозора, развитие интереса к истории малой родины, а необходимость – это, когда просто хоть раз в месяц тебе тянет погулять по старым улочкам, подышать воздухом прошлого и насладиться тишиной и умиротворённостью бывшего уездного городка, а теперь центра Зауралья, Кургана.
Экскурсия состоялась 8 июля в 20:00 часов. Я уже посещала такие экскурсии, но только днём, вечерняя экскурсия «Драмы и трагедии старого города», путешествие по старым кварталам, стала для меня открытием!
Пятьдесят человек, а может и больше, собрались у фонтана на Троицкой площади г. Кургана. И это надо учесть, что был вторник, после трудового рабочего дня. Хочется отметить возрастную категорию собравшихся: от молодых юношей и девушек до пожилых людей, всем интересна история любимого города. Алексей Дедов, корреспондент, телеведущий, государственной телерадиокомпании «Курган» как всегда был на высоте.
Экскурсия началась с места, где возник наш Курган и это не Царёво городище в Энергетиках. На Троицкой площади рядом с фонтаном мы узнали, что здесь именно возник наш город (а тогда поселение) во второй раз. Почему поселенцы ушли с Царёва городища, можно только догадываться, но всё-таки, наверное, потому что с той стороны было много нападений разбойников и монголо-татар. Теперь я знаю об истории одной из растущей ели рядом с памятником Наталье Аргентовской. Увлекательно до мурашек! И совсем не страшно.
Наше путешествие началось с улицы Климова (бывшая Береговая). Памятник культурного наследия дом 80А, сегодня Дом-музей декабристов. Оказывается, он был открыт в 1975 году после реставрации и переделки и сохранён в прежнем виде. Первым владельцем этого дома был земский исправник Бошняк Н.А., затем его сменил на должности Степан Мамеев, получив вместе с должностью земского исправника и дом Бошняка, и не только дом (жена Бошняка ушла к Мамееву). Вот и подумаешь – и в те времена женщины были падки на деньги… В доме Мамеева побывал один из первых декабристов, сосланный в Сибирь Павлом I, Август Коцебу. Он был удивлён безвкусице Мамеева: по стенам были развешены расписанные подносы и даже столешницы. Странно, а ведь и у нас сейчас иногда на кухне вешают расписанные подносы. И это, по мнению Августа Коцебу – безвкусица… В этом доме после революции располагались: Окружное земельное управление и сельскохозяйственный музей, конфетная фабрика Беленького, завод по переработке молока (с сентября 1929 года), капо-корешковая мастерская, Дом пионеров, медицинское училище.
Ещё на месте огромной многоэтажки справа от Дома-музея декабристов стоял дом

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

купчихи Лапшиной, торговавшей в собственной лавке бакалейными товарами на базарной площади в Нижнем ряду. Ещё на улице Климова, 74 сохранился новодел, копия торгового дома сарапульских купцов Ижболдиных, торговавших мануфактурой (так раньше называли ткани).

На другой стороне улицы Климова на самом углу с улицей Томина все были растроганы обшарпанным маленьким домиком (на нём висело объявление «ПРОДАЮ»). Оказывается этому домику 169 лет и это не что иное, как каменная четырёхугольная сторожка Богородице-Рождественского собора, построенная по проекту помощника архитектора Рыкачева (всё, что осталось от Богородице-Рождественского собора).

Мы прошли: здание городской Думы, выстроенной в стиле классицизма, ул.Климова, 61(сильно перестроенное это здание до сих пор сохранилось и используется в качестве жилого дома…), Никольское детское убежище, ул.Климова, 59 (здесь располагался детский приют с очень семейной, тёплой и душевной обстановкой, до сегодняшнего дня дом используется в качестве жилого).

Хочется поподробнее остановиться на доме земского исправника А.И.Дуранова, ул. Климова, 50 (объект культурного наследия). Здесь до сих пор живут, но истории, драмы и трагедии случались здесь издавна… Дуранов занимал должность земского исправника с 1830 по 1837г. Он встречал первых декабристов и имел с ними приятельские отношения. У земского исправника была приёмная дочь Танечка. Танечке было всего 17 лет, когда в неё влюбился декабрист Пётр Свистунов (ему было уже за сорок). Дуранов сначала противился такому зятю, но потом в 1842 году в его доме была сыграна свадьба (на свадьбе не обошлось без «разборок» - жених был ревнивый, и кто-то из гостей не так посмотрел на его Танечку, слава богу, получилось избежать дуэли…) Свистунов увёз молодую жену на новое место службы в Тобольск. Молодые жили долго и счастливо!

Дом купца К.М. Дунаева, кто не знает это деревянное, лёгкое здание, с резным декором, образец рубленного деревянного зодчества. Сын известного купца Марка Дунаева женился и решил строить себе дом. В 1906 году дом был построен с надворными постройками, баней, конюшней, кладовой. После революции здесь были: Народная школа танцев в 1918 г., в 1919 г. был открыт Дом крестьянина, а в 1920-ых годах именно здесь был установлен первый курганский радиоприемник. Дом был сохранён в первозданном виде, только не стало открытой веранды, и вход был перенесён на ул. Климова. В 1980г. его реставрировали. Сейчас здесь находится художественное отделение Курганской школы искусств №1.

Мы, путешественники, вместе с экскурсоводом прошлись улице Куйбышева (Троицкая) от улицы К.Маркса до улицы Володарского (пер.Бакиновский), повернули на улицу Советскую (Дворянская), и окончили своё путешествие у театра «Гуливер» (доходный дом семьи Васильевых). Мы заслушались, а Алексей Дедов заговорился так, что и не заметили, как прошло и не два, и не три, а три с половиной часа, автобусы уже не ходили. Пришлось рысью бежать домой, и дома я появилась аж в первом часу ночи!

У каждого старинного дома есть своя история, свои «страсти», свои трагедии и драмы. И надо бы нам знать всё это и не забывать.

Я не стала вам рассказывать о других старинных домах, вы всё сами узнаете, если хоть раз сходите на экскурсию с Алексеем Дедовым (и снова спешу сообщить, что это не реклама, а мои впечатления).

11 июля 2019 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

С Днём рождения, папа!

В прошлом веке в далёком теперь 1930 году на второй день Рождества Великого христианского праздника 8 января в г. Кургане на улице Солдатская (теперь улица М.Горького, дом 45) у купца Андрея Романовича Зыкова родился внук Виктор. Его отец Зыков Степан Андреевич после окончания курсов маслоделов женился на дочери кулака Половинкиной Татьяне Гавриловне из села Половинное, взяв жену в дом отца в город Курган. К тому времени семью кулака Гаврилы Половинкина в селе Половинном уже успели раскулачить и сослать под Омск в тайгу… А Татьяна Половинкина успела выйти замуж за Степана Зыкова. Родился сын, они продали дом по ул. Солдатской и уехали под Омск, поближе к семье Татьяны.
Мой папа Виктор Степанович Зыков рос и воспитывался уже в Омске. С детства он любил рисовать и рисовал, где придётся. На рисунке старом эскиза родового дома по ул. Солдатской нарисован его рукой витязь простым карандашом, а было ему тогда лет восемь. Окончил семилетку, поступил в ремесленное училище. У нас сохранилась фотография из Омска в военные годы, где папе двенадцать лет, и он работает на фрезеровочном станке на Омском заводе (не знаю, правда, на каком…). В армии папа служил на Дальнем Востоке во флоте. После армии, уже будучи взрослым, в конце 50-х папа поступает Алма-Атинское художественное училище. В Алма-Ате (тогда столице Казахской ССР) он знакомится с моей мамой. Мама с подружками пришла на новогодний вечер в художественное училище и в дверях встретила моего папу. Любовь с первого взгляда поразила и её и его!
Поженившись в Алма-Ате, после окончания училища, молодая семья Зыковых уезжает по распределению в Щучинск. Папа работает учителем рисования и черчения. Думает он, думает и всё-таки едет в Курган, на свою родину. Сначала он поехал один и устроился в наш Курганский драматический театр художником, а потом и перевёз всю свою семью. К тому времени у них уже я успела родиться, мне было пять месяцев, а братику моему шесть лет.
Затем папа устроился в Художественный фонд и работал там до 1982 года, года два работал на КЗКТ художником, на пенсии папа работал охранником на заводе дорожных машин.
Папа очень любил что-нибудь мастерить. Если не писал картины, то делал всевозможные поделки - сейчас, можно сказать, занимался декором своего дома.
Папа, прости за всё, я понимаю тебя, творческого человека (сама такая), как мы тебе все мешали! Мы простили тебя, и ты нас прости! Ведь все твои таланты проявились и в нас! Мы помним и любим тебя, спасибо за ТВОРЧЕСТВО!
Сегодня тебе исполнилось бы 90 лет! С днём рождения, папа!

7 января 2020 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

В гостях у детства

Давно не писала, ох как давно… Почему? Да просто на две недели ушла в детство и… не вернулась. Вы спросите: как так, в связи с чем, почему? Вопросы, вопросы, а ответы такие простые! Вот оно детство, вот оно, вернулось. И вернулось через внука, любимого маленького человечка, вертлявого, как юла, живчика и балаболкина, хитрюшкина, весёлого и умного (не по годам), со своими проблемами и обидами, со своими важными делами, такими важными, что все наши взрослые дела, ничего не стоят!
Как снег на голову! Надо, баба, надо. Баба Оля уже почти и забыла, что она – бабушка. Привезли и оставили. Как, что?! Да и опыт немного поистёрся. Столько лет прошло. Не помню почти ничего. Собралась, взяла себя в руки и, как солдатик, отстояла, отслужила, смогла.
Утро. Встаю рано, как всегда, свои дела и любимый диван с весёлым «Ералашем». До 7 утра кайфую. Все вроде спят… Каша есть, бутерброды, салатик, всё готово и ждёт нашего взрослого мальчика, с его аккуратностью и щепетильностью (это я насчёт чистоты рук, посуды, салфеток, полотенца). Что сделаешь - воспитание (не моё, конечно, пришлось учиться самой заново). И тут слышу, шуршит змейкой по полу и раз – под диван. Смотрю – в комнате нет нашего живчика! Недолго выдержало детское сердечко, из-под дивана раздалось: «Баба Оля, можно с тобой полежать? Я не буду тебе мешать!» Конечно, можно. Лежим, кайфуем вместе. И тут: «Баба Оля и что это меня к тебе, как магнитом, тянет?», и объятия, и поцелуйчики в эти толстенькие щёчки. И тут начинается игра: то наш живчик - лётчик и торопится всё прибрать (постельку, подушки), умыться, почистить зубы, вымыть зубную щётку и к бабе – в столовую для пилотов. Или он спасатель - окенавт (помните мультик?) и должен быстро подкрепиться водорослями и осьминогом, чтобы спасать океан от загрязнения…
Завтракаем, медленно жуем с закрытым ртом: «Баба, скажи, а я же не чавкаю?» «И какая ты баба быстрая, всё так быстро съедаешь» «А после завтрака сюрприз будет?» И сюрприз всегда ждёт послушного лётчика: то конфетка, то сладкий творожок, то вкусная слива. И конечно каждый день путешествия по любимым паркам, по дворикам и улочкам старого города. И знаете, первый раз вижу мальчика, который не стонет, не ноет, не просит покушать и попить, а просто идёт и ждёт, когда появиться лавочка и мы присядем с ним, подкрепимся, попьём воды и пойдём дальше. «Баба, а что важно в путешествии? Терпение!» Вопросы и на ходу придуманные бабулей ответы, правдивые и понятные. Что мы видели: деревья в парке, разных птичек, насекомых, красоту облаков и летней природы. «Баба, а вон облачко похожее на большую птицу» или «Баба, а вот листочек, он похож на сердце, это значит, дерево нас любит». А вы видели когда-нибудь бабочку с фиолетовыми с одной и серебряными с другой стороны крыльями, которая сама сидит на краешке фонтана и пьёт воду? Наверняка не видели, а мы видели. Дрозды, скворцы такие красивые, и это всё в огромном, как лес, парке.
Гуляем после завтрака и по дороге заходим в магазин (а кто же нам купит свежие продукты). И тут задача: «Баба, а я бы так всё это съел…» И ты своим взрослым умишком понимаешь, ах вот бы всё это купить и накормить маленького взрослого человечка! Что можешь, покупаешь. Он торопится помочь: берет сумку или пакет – «Да, ты не волнуйся, я всё смогу и выдержу». А после магазина снова прогулка – батут и качели, знакомства с другими ребятишками и - неописуемая радость и восторг! «Ах, как бы я хотел остаться у тебя навсегда!» Почему? «Да у тебя так интересно и всё можно!».
Звонит сам в домофон, открывает наша бабулечка Нелли. Бежит, спешит рассказать, что нового увидел, что запомнил.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Обед. Такое важное мероприятие, ведь если наш живчик не скушает всё до донышка, сюрприза не будет или мультики будут отменены… Иногда вспоминаем, чему научились за год: играем в школу. И тут баба Оля особенно не привязывается, ведь всё-таки лето! Учитель Михаил Артурович строг и добр – задаёт вопросы и ставит одни пятёрки. Математика, геометрия, чтение, физкультура, рисование. Чего только не придумает маленькая голова этого умного человека – сам читает и изучает энциклопедию или европейские («такие страшные») сказки. А как он поразил меня своими познаниями в цветах оказывается, чтобы получился оранжевый цвет, нужно покрасить сначала желтым, а потом слегка красным цветом (я имею ввиду цветные карандаши). А серый цвет получается, если чёрным карандашом раскрашивать и не давить.

И тут вдруг случается ремонт бабушкиной крыши (ведь она живёт на последнем пятом этаже). Строители колотят с утра до вечера по крыше, и она вдруг преображается. А один строитель красит карниз у крыши и на кране или специальной машине (извините, я не понимаю в этих машинах) висит прямо у балкона, где наш живчик Мишаня нюхает цветы. «Баба Оля, он висит! А вдруг он упадёт. Надо ему помочь!» Бежит, спотыкается, несёт ему воды попить и говорит: «Дядя, а вы не упадёте?» Строитель показывает ему железную цепь, которой примотан к крану. «Баба, он не упадёт!» А потом каждый день после прогулки мы машем своей маленькой ручонкой, и где бы ни был строитель, он всегда видит Мишаню, и тоже ему машет рукой. «Баба Оля, он меня помнит!» Какой неподдельный восторг и удивление, ведь его, маленького мальчика, уважают и помнят!

Вечереет. Любимый полдник уже близко! А кто же устоит против вкусной бабушкиной булочки с вареньем, маслом, а может мёдом? Прабабушка Нелли мастер по выпечке. И Мишаня наблюдает, как она замешивает тесто, раскатывает, да и ему даёт поработать немного, и выпекает в печке такие вкусные трубочки с джемом.

Вечерние прогулки были редки, но зато какие! Путешествие на вокзал к любимому папиному «железному Феликсу» (помните такого на нашем вокзале?). «А папа залазил на этот старинный паровоз? А папа засыпал уголь в топку? А я могу?» Смог, постарался, а потом гордо сидел на скамейке у памятника Тимофею Невежину, болтая ножками. «Баба Оля, а зачем тут стоит этот памятник? Почему он такой большой? Из чего он сделан?» Как могу рассказываю, что без этого дяди не было нашего города… Думал долго и выдал: «Ну, я думаю, хорошо, что был такой дядя. А то бы я к тебе не приехал». Очень понравилась Мишане старая водонапорная башня: «Я бы тоже хотел такую иметь, я тогда её отремонтирую».

Ужин и вечер, когда все заняты своими делами. И живчик наш старался играть в своей комнате и время для него тянулось и тянулось… Почему? А потому что баба Оля включала Мишане в восемь часов вечера мультики, и этот час был только его. А две бабушки сидели в другой комнате и ждали.

И так каждый день. Мишаня поправился, подрос, и сила в руках появилась, зря, что ли на тренажёрах в парке занимался? Кстати, взрослые люди говорили, что прекрасная у него координация движений и выполняет он упражнения с упорством и как надо. Почти двадцать дней беспокойных и самых счастливых, весёлых и радостных.

Если честно, я просто забыла, что я где-то работаю и скоро надо идти на работу, и мне вообще казалось, что мне тоже пять лет… Он пропал так же молниеносно, как и появился – приехал папа и увёз. Раз и всё…

А мне не хватает шума, крика, шёпота, вопросов и ответов, этих серых и открытых глазок, этой доброй и нежной души!

Приезжай внучок почаще, ведь и бабушке надо иногда убегать в детство вместе с тобой!

18 июня 2020 год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ЛИДИЯ ПОПКОВА

СИРЕНЬ ЦВЕТЁТ В МАЕ
(роман)

2020 год
р.п. Каргаполье

Попкова Лидия Николаевна
С августа 2011 года член Российского союза профессиональных литераторов.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Ну что я завтра жду тебя в 8 – 30. Сразу после планёрки заходи. Обсудим все вопросы. В телефонной трубке раздались гудки. Директор завода Алексей Мохов положил трубку. Людмила Завьялова, корреспондент районной газеты «Светлогорский вестник», достала из стола чистый лист бумаги, взяла линейку и ручку. Надо было нарисовать макет будущей полосы, посвящённой работникам машиностроительного завода, куда завтра ей предстояло отправиться.

Она отлично знала предприятие с первого дня его открытия, когда в двух небольших производственных цехах начиналась его история. Стояло начало зимы, и в помещении было как-то неуютно, прохладно, пахло металлом и машинным маслом. Несколько токарных станков являлись основным оборудованием. Коллектив состоял из десятка профессионалов – мужчин средних лет, приглашённых на новое предприятие с «Ремтехпредприятия», где они ранее трудились.

Церемония открытия длилась недолго. Глава района Сергей Малинин сказал напутственную речь, поздравил коллектив с открытием завода, пожелал стабильной работы. Директор Алексей Мохов заверил, что открываемый завод станет ведущим предприятием района и со временем выйдет на проектную мощность, уверенно пойдёт вперёд.

Честно говоря, тогда Людмила, присутствующая тогда на этом торжестве, как сотрудник районки, как – то не очень поверила в перспективы будущего завода. Обойдя небольшой цех, пообщавшись с рабочими и сделав несколько фотоснимков, удалилась в редакцию. В следующем номере на первой полосе вышла её небольшая заметка под рубрикой «Событие», где рассказывалось об открытии завода.

С той поры предприятие стало «объектом», куда её направляли в творческую командировку, когда надо было осветить его работу, подготовить материал, приуроченный к дате открытия или к профессиональному празднику. На заводе её знали в лицо. И она хорошо была знакома с руководителями цехов, сотрудниками бухгалтерии, специалистами, рабочими.

Директора « машиностроительного» Алексея Мохова знала с комсомольских времён: вместе работали в райкоме комсомола. Был Алексей заводилой интересных дел, организатором молодёжных мероприятий и праздников. Из него так и била неиссякаемая энергия. Он вечно что – то придумывал, заводил секретарей первичек на какие – то фантастические сподвижничества. И что удивительно – всё запланированное ими, осуществлялось!

Алексею пророчили стать во главе районной комсомолии, но в один прекрасный день молодёжной организации не стало. Комсомол ушёл в историю.

Алексей не затерялся в суете и суматохе перестроечного времени. Он по – прежнему оставался на «волне». В своё время возродил к функционированию развалившуюся «Сельхозтехнику», объединил вокруг предприятия оставшиеся существовать колхозы и совхозы, а вернее принявшие новые формы хозяйствования сельхозпредприятия, наладил ремонт техники.

Когда районное руководство предложило возглавить вновь создаваемый завод – дочернее предприятие одного из крупных в области машиностроительных объединений, загорелся желанием сделать его крупным градообразующим предприятием. У него всё получилось! Уже десять лет Светлогорский машиностроительный завод в числе передовых предприятий района. он ежегодно увеличивает объёмы производства. Его продукция – запорная арматура для нефтегазовой промышленности – пользуется спросом не только в регионе, но и далеко за его пределами, в республиках ближнего зарубежья и даже в других странах. Предприятие значительно расширило производственные площади, появились новые цеха, современное оборудование, в десятки раз вырос коллектив. С

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

желанием идёт сюда трудиться молодёжь. Одним словом, цель, когда – то поставленная Алексеем, стала достигнутой реальностью.

Людмиле предстояло подготовить расширенный материал о достигнутых успехах, о людях предприятия.

***

Мобильный телефон, лежащий на тумбочке, призывно пиликнул, известив о том, что «батарея заряжена». Людмила автоматически отсоединила его от сети и посмотрела время на дисплее. Часы показывали 6 – 30. Наскоро сделав небольшой макияж, она прошла на кухню, привычно приготовила себе бутерброд и налила чашку кофе.

Домочадцы ещё сладко спали. Черкнув короткую записку «Обед в холодильнике», она вышла из дома. Утренняя свежесть приятно обдала лицо. День обещал быть тёплым, солнечным. На траве блестели капли ночного дождика, освежённая зелень клёнов радовала глаза. В лужице на асфальте бойко плескались шумные воробьи. Людмила быстрым шагом направилась в сторону завода. Ей хотелось пройти путь пешком, наслаждаясь утренней бодростью и прелестью природы. В мыслях она выстраивала ход предстоящей беседы.

На проходной её встретил знакомый дежурный – среднего роста, кареглазый, улыбчивый мужчина, ранее работавший в цехе, но теперь по состоянию здоровья определённый на данный пост.

Опять Вы в гости к нам, - доброжелательно поприветствовал он корреспондента,- рад видеть Вас в добром здравии.

Людмила ответила взаимным приветствием и искренней улыбкой.

Многие из идущих на работу специалистов здоровались с ней, как с хорошей знакомой. Она, в свою очередь, отвечала им. Некоторых даже знала по имени – отчеству.

Заводская территория была ухоженной: клумбы с цветами, уютные беседки, аккуратно подстриженные кустарники и красиво оформленные деревья – всё свидетельствовало о том, что коллектив любит своё предприятие и заботится о чистоте, красоте и уюте его. Не случайно завод считается в Светлогорске одним из самых красивых, благоустроенных предприятий, занимает по оформлению призовые места в ежегодных конкурсах.

Перед входом в административное здание красовалась внушительных размеров «Доска Почёта», где в рамках размещались большие фотографии передовиков производства. Среди них были ветераны и совсем молодые ребята. Со многими Людмиле доводилось встречаться, брать у них интервью, делать очерки. Она видела их в работе. С кем – то, возможно, будет беседовать и сегодня.

***

Светлогорск она любила какой – то патриотической любовью. Это была не просто малая родина. С этим уютным посёлком связывали её долгие годы всей жизни. На глазах он рос, строился и преображался. Бывшие окраины превратились в обустроенные кварталы. Новые дома и административные здания, магазины, тенистые парки, широкие улицы и палисадники в красивых ярких цветах, искристый фонтан на главной площади – делали посёлок удивительно притягательным и уютным.

А она вспоминала его тем милым причалом своего детства и юности, когда на пыльных улочках не было асфальта, когда школа располагалась почти на самой окраине, оттого и звалась «степнушкой», когда за стадионом ещё лежал пустырь…

Это теперь Светлогорск – посёлок городского типа. В годы детства он ещё был селом, хотя и районным центром.

Их семья жила по другую сторону реки Светлой, в одной из тех деревень, что расположились по всему правому берегу. Деревни чаще всего носили названия, вероятно, данные первыми поселенцами с далёкой архангельщины: Ожоговка, Антоновка,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Климовка, Лобовка и подобные. Они, зареченские ребятишки, ходили в Светлогорскую школу с того берега через большой деревянный мост. Он был красив и прочен, с высокими перилами и внушительными сваями – ледоколами с обеих сторон. На мосту вечерами собиралась молодёжь, это было место излюбленных свиданий влюблённых. По весне, в пору ледохода, на мосту было особенно многолюдно: смотрели, как Светлая несла огромные льдины и шумела, вздымаясь волнами, а вдали взрывали лёд, чтобы разбить его и освободить реку от сковавшего её зимнего плена. Потом, в половодье, река заливала большой луг между селом и деревнями. Летом же заливной луг покрывался зеленью сочной травы и служил для выпаса многочисленных деревенских и колхозных стад.

Людмила всегда с грустью и одновременно с радостным чувством вспоминала времена своего детства.

***

Утро только начиналось. Алая лента зари и первые лучи солнца предвещали жаркий день. Во дворе весело звенели о подойник струйки молока: мать доила корову Марту. А куры уже копошились на зелёной дворовой лужайке, разгребая заметённые с вечера в кучку остатки вчерашней травы, брошенной на «ужин» Марте.

- Поднимайся, дочка! – бросил, выходя в сени, Степан Петрович, - На рыбалку пора!

Он вышел на крыльцо, потянулся так, что косточки хрустнули, и легко пробежал к деревянной бочке с водой. Весело обдал лицо и грудь из пригоршней, и также бодро поспешил к сараю – дровянику, где с вечера стояла железная банка с дождевыми червями и лежали на полке две удочки. Людка побежала за отцом в предвкушении похода на берег реки, где они обычно рыбачили. Её босые ноги радовались соприкосновению с прохладной и мягкой травой.

Отец с улыбкой вышел из сарая и протянул Людке небольшую знакомую чашку:

- На – ко, Людок, наложи каши, что вчера сварили на приманку.

На берегу было тихо. Слышалось даже лёгкое течение воды и жужжание комаров в прибрежном ивняке. Людка привычными движениями разбрасывала в воду горстями кашу, чтобы приманить ближе к берегу доверчивых карасей. Отец готовил удочки, доставал из банки червей. Людка уже умела нацеплять на крючок наживку. «Дочь рыбака!»- шутливо называл её отец.

Только испытавший может знать ту радость, которая охватывает, когда поплавок на удочке начинает нырять вниз – вверх! Теперь главное – быстро, не дёргая резко, суметь поднять удилище, чтобы с крючка не сорвалась поблёскивающая чешуёй добыча, выбросить её на берег и, сняв с крючка, положить рыбку в ведёрко!

Время, проведённое на рыбалке, было для Людки сказочным.

Не меньше удовольствия доставляли девчонке поездки в лес, которые Степан Петрович называл тихой охотой. После рабочего дня, он усаживал дочь впереди себя на велосипед и они, укрепив на багажнике две корзинки, отправлялись за грибами. В лесу эти дары, чаще всего грузди, казалось сами бегут к отцу. Он лишь бережно разрывал бугорки и осторожно срезал белые коротконогие, ядрёные груздочки в комочках рыхлой земли. Людка тоже с радостью наполняла свою корзинку, в которой дружненько умещались розовые, синенькие, фиолетовые сыроежки, а порой толстенькие, будто медвежата подберёзовики.

Мать , Татьяна Семёновна, уже встречала их на крылечке. Улыбалась.

- Добытчики наши прибыли, - ласково говорила она, принимая корзины. Потом, устроившись всей семьёй на полянке, они дружно перебирали грибы, сортируя их на посолку, на пельмени, на пирожки…

Одно в детстве не любила Людка – полоть грядки на огороде. А это было

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

необходимо и входило в обязанности ребятишек. Уж слишком однообразно и утомительно было в жаркий день дёргать из грядок сорняки, которые по – хозяйски располагались между рядками морковки, свёклы, в капусте и вообще засоряли нужные культуры. Людка, как ни старалась, но обязательно выдёргивала с сорняками и их тонкие росточки.

- Людка, ты смотри чо дёргашь! А то от тебя только вред, да пакось! – наставительно ворчала на неё старшая сестра Шура.- Вот скажу мамке, что специально морковку выдирашь, она тебе задаст!

- Да не специально я, она сама прицепилася, - оправдывалась Людка. – Будешь ругаться, я вообще уйду, и будешь одна свою краснокорёнку дёргать.

Краснокорёнкой и лебедой мать называла все сорняки.

С большой радостью, будто освобождаясь от изнурительной процедуры прополки, Людка бежала с огорода во двор, когда мать, достав из пригона большой мешок, кричала дочерям:

- Девки, айда в лесок за травой!

Этот поход был ежедневным всё лето. Надо было принести Марте к вечеру мешок свежей травы, чтобы вернувшись с пастбища, дать ей в кормушку ароматной зелени, которую та будет уплетать во время дойки. Потом угостят её холодной колодезной водой, и она довольная уляжется в пригоне, прикроет глаза и будет жевать свою жвачку. Мама же процедит тёплое парное молоко, нальёт Людке с Шуркой по большому алюминиевому бокалу, чтоб пили они этот целительный напиток от души. Белая пена сладко осядет на губах. Какое это было удовольствие – пить парное молоко, пахнущее солнцем, луговыми травами и беззаботным детством…

***

Время близилось к обеду. Как всегда летело оно быстро. Людмила почти закончила репортаж с машиностроительного. Оставалось только ещё раз сверить цифры, уточнить фамилии и сдать готовый материал. Завтра газетный день, сверенные и прочитанные корректором материалы до 15 часов должны быть подписаны редактором и отправлены в печать.

Людмила набрала номер телефона директора завода.

- Алексей, привет! Я сделала репортаж. Посмотришь? Я через часик подскочу…

- Я сам к тебе подъеду, - ответил собеседник с того конца провода. - После обеда наведаюсь в районную администрацию, а попутно в редакцию заскочу. Ты на месте будешь?

- Да. Буду ждать.

Материал Алексею понравился. Цифры и факты были точными. Никаких поправок он не сделал.

- Молодец, Людмила! Как ты умеешь передать обстановку, мысли выразить. И словами так передать, что читаешь и будто рядом с тобой стоишь и живую картину видишь, человека представляешь. Даже как будто запах цеха чувствуешь! Здорово! Спасибо тебе!

- Ну ты уж прям захвалил меня, - смущённо парировала она. – ничего особенного. Просто написала так, как почувствовала… Кстати, ваш фрезеровщик – Максим Тарасов – мне тоже урок преподал. Беседуем с ним, а он слово *«оснастка»* употребляет в разговоре. Я же, к стыду своему, не знаю его значения. Думаю, инструмент какой –то. Спрашиваю у него: «А что такое «оснастка»?». Он мне отвечает: «Ну, это вроде то, что в работе помогает. Вот у Вас, например, есть диктофон, фотоаппарат. Это Ваша оснастка. Она Вам в работе помогает». Так что, я теперь свою оснастку знаю.

Они засмеялись. Прощаясь, Алексей поднял вверх большой палец и весело сказал:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Так держать, Людочка!
- И тебе, Лёша, удачи!

На следующий день репортаж с хорошими фотографиями успешно ушёл в печать. А в номере красовался под заголовком «Судьба завода – наша судьба».

***

В один из последних дней уходящего лета Степан Петрович пришёл домой раньше. Присев на крылечке, позвал жену.

- Слушай, Танюша, меня вот тут на новую работу направляют. Начальником лесопилки в 25 – й квартал. Там уже всё готово: полностью установлено оборудование, сформирован штат, построено жильё – бараки для рабочих, столовая. Всё готово к работе. Придётся вам с девчонками без меня управляться…

- И ты уже согласие дал? – всполошилась Татьяна. – Выходит, оставляешь нас. Надолго?

- Пока на годик. А там видно будет. наладим производство и обратно вернусь. Не мог я не согласиться. Ведь я же коммунист. К тому же фронтовик. Да и опыт руководящей работы имею.

Он помолчал. Приобняв жену, добавил:

- Справимся. Тяжеловато тебе будет с хозяйством, с ребятишками. Но ты, же у меня сильная, выдюжишь. Да и я не за тридевять земель еду. Раз в месяц, а то, глядишь, и почаще, наведываться буду. Картошку осенью выкопаем, дрова заготовлены, сена скотине на зиму хватит. Всё справлено. Думаю, нормально всё сложится. Люду, как немного утрясутся первые проблемы обустройства, к себе возьму. Будем с ней жить в лесной избушке. Ей понравится. Пусть этот год, пока в школу не пошла, поживёт.

- Да как же, Стёпа? Ведь ей и постирать надо, и покормить. К тому же, ребёнку пригляд нужен.

- Нормально будет. Там банька будет. смогу и себе, и ей постирать. Питание в столовой наладят. Что-то смогу и сам приготовить. По субботам рабочих будут на машине домой возить. Захочешь, можешь с ними что – то передать.

На том и порешили. Осенью Людка уехала с отцом на лесопилку. Место было просто сказочным. Посреди леса на огромной вырубке возник небольшой рабочий посёлочек: два длинных барака – мужской и женский, маленькая банька, уютная столовая и что – то навроде клуба или избы – читальни, где можно было отдохнуть, почитать журналы, газеты, поиграть в шашки, шахматы, домино.

В противоположной стороне стояли две маленькие избушки для руководителей. Одна из них предназначалась начальнику лесопилки, то есть Степану, другая – руководителю производства Михаилу Ивановичу Колосову.

В избушке, где поселились Степан с Людкой, имелись деревянный топчан, небольшой стол и лавка, аккуратно смастерённые из гладко выструганных досок. В углу приютилась печь – каминка с небольшой чугунной плитой. Выбрав местечко, отец попросил ребят – рабочих сколотить маленький топчанчик. Так у Людки появилась своя кровать. Перед входом в избушку соорудили из горбыля маленькие сенцы, чтобы было куда дровишки складывать, да зимой вход в избушку не заметало.

Сразу за жильём имелся неглубокий пруд, на берегу которого установлена бочка на телеге, а рядом – насос для накачивания воды. Такое нехитрое оборудование на случай пожара. Чуть поодаль выстроена добротная конюшня, где в стойлах жили две лошади Карька и Мотька.

Сама производственная зона располагалась метрах в 500 – х от всех построек. Имелось всё необходимое оборудование для обработки леса, его распиловки,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

складирования, погрузки и прочих производственных нужд. Рабочие – лесорубы работали в делянах уже глубоко в лесу. Там пилили – рубили деревья, чистили от сучьев и хлыстов, трелевали тракторами в производственную зону.

Людке нравилось на новом месте жительства. Целыми днями играла она на вольном воздухе, собирала осенние букеты из листьев, посыпала опилками дорожки, наблюдала как в верхушках сосен скачут белки, как долбит на дереве дятел, а высоко в небе кричат улетающие на юг журавли, утки, гуси…

В середине каждой недели на лесопилку приезжали мощные машины – лесовозы. На них грузили тёс, очищенные и обработанные брёвна, которые куда – то увозили для строительства. Людка знала всех приезжающих шоферов. Они привозили ей гостинцы, подарки, шутили, называли лесной феечкой.

Особенно среди них Людка выделяла одного – молодого, высокого, улыбчивого парня, которого все почему – то звали «Шляпа». Должно быть потому, что всегда красовалась на нём широкополая чёрная шляпа. Он снимал её, кланялся Людке и, картинно выкинув из – за спины руки, угощал чем – то вкусненьким: пряниками, печеньем, конфетами. Однажды даже привёз ей целую картонную коробку карамелек – подушечек «дунькина радость», запашистых, с начинкой – повидлом. Людка сидела на полу в избушке и уплетала их горстями прямо из коробки, пока её не стошнило. А Шляпа заливисто хохотал над Людкиной бедой, потом убрал коробку с пола и, уезжая, посоветовал девчушке отдать те конфеты Зайке с зайчатами. Что она и сделала, выставив коробку на крылечко столовой, где повариха тётя Зина обещала передать подарок , как только Зайка приведёт свою семью на ужин. С тех пор Людка много лет не могла смотреть на карамельки – подушечки.

Зимой, когда вокруг засыпало снегом, Людка вместе с рабочими весело помогала очищать территорию от намётов. Она с удовольствием орудовала небольшой лопатой – пехлом, прогребая дорожку к своей избушке. Лопату ей сделали маленькую, лёгкую и удобную парни – рабочие. Вечерами они с отцом топили печку, а потом пекли вкусные печёнки, побросав картофелины в горячие угли.

Постепенно зима отступала. Мартовские дни принесли первую оттепель. Как-то поздним вечером за окном избушки послышался нудный протяжный вой. Отец выглянул за занавеску и как – то насторожился.

- Волки, - тревожно произнёс он. – Голодное время для них пришло, к жилью потянулись.

Людка тоже бросилась к тёмному окошку. Чуть поодаль, посреди поляны, она увидела тёмные силуэты, похожие на больших собак. В темноте страшно светились их глаза. Они походили на яркие фонарики. Звери сидели в ряд и смотрели на их избушку.

Отец спешно метнулся к топчану, нагнулся и достал из – под него ружьё и патроны. Надо было быстро принимать меры. Но пока он заряжал оружие, от рабочего барака прогремел выстрел, видно кто- то из рабочих быстрее среагировал на опасность. Тёмные фигуры со светящимися глазами метнулись в сторону леса и вскоре исчезли в чаще. С той ночи в посёлке организовали дежурство, что позволяло своевременно отпугнуть хищников. Особое внимание уделяли конюшне, где держали лошадей.

Летом лес стал настоящей волшебной страной. Людка собирала цветы. На лесных вырубках лакомилась вкусной душистой земляникой, с радостью слушала щебетание птиц. Ей ничуточки не хотелось в деревню. В лесу такое раздолье, благодать, красота!

Иногда из соседнего барака приходила к ним в избушку тётя Света – полненькая, светлоглазая девушка с красиво уложенной на голове русой косой. Она приносила продукты и варила вкусный суп или жаркое, и они все вместе усаживались за стол ужинать. Тётя Света шутила, смеялась и отец тоже становился весёлым. Потом она

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

убирала со стола, мыла посуду. Иногда наливала в большой таз воду и стирала Людкины вещички, отцовы носки. Потом собиралась домой, а он уходил проводить её. Проводы, бывало, длились долго и Людка начинала бояться одна. Визиты тёти Светы становились всё чаще, а проводы всё дольше.

Однажды на лесопилку нежданно приехала Татьяна Семёновна. Она подгадала к машине, что шла в субботу в квартал за рабочими.

Людка несказанно обрадовалась визиту матери, повисла на ней, целовала щёки , крепко обнимала за шею. Ей совсем недосуг было обращать внимание на то, как холодновато встретились родители.

- Что пригнала, Татьяна? – хмуро спросил Степан. – Али дома дел нету? Я на той неделе и сам собирался ехать. Картошки привезть надо. Сметанки с творожком не мешало бы…

Она посмотрела на него как – то особенно внимательно и сказала:

- Приехала вот. И картошки привезла, и сметанки с творожком. Да не это причина. Дошла до меня молва, Степан, что неправильно ты тут ведёшь себя. И ребёнок видит это. Не дело…Заберу дочку и уедем завтра. А ты как знаешь. Обидно только, что семью на бабу променял.

- Замолчи! – вспылил Степан. – Вишь с разборками тут приехала. Не твоё дело как живу.

Он резко встал и хлопнув дверью вышел. Куда ушёл? Не было его долго. Татьяна собирала в сумку Людкины вещи и плакала.

Вернулся Степан злой и пьяный.

- Что собралась? Давай вали! Нечего мне разборки учинять!

- Охлынь, Степан! Ребёнка не пугай. Уедем мы завтра. Не жена я тебе боле. Изменил ты мне. Да ещё и глаза налил. Бессовестный!

- Ах, ты, стерва! И чего притащилась? – закричал Степан, хватая со стола нож. – Убью!

Татьяна метнулась к выходу и побежала в лес. Он за ней. А Людка, отчаянно плача, бежала за ними и кричала, что было силы:

- Папа! Мама! Не надо! Стойте!

Лес отзывался пронзительным и долгим эхом. Никого не было вокруг – все уехали на выходные.

Сколько времени прошло Людка не знала. Где – то там, в лесу, скрылись мать и отец. А она уже не кричала, а просто стояла среди деревьев и часто всхлипывала. Тихо. Неслышно. Начинало смеркаться. В лесу становилось темно и страшно. Людка присела в траву под деревом и сжалась. Неожиданно вышел Степан. Он шёл в сторону Людки, чуть левее и звал её:

- Люда, ты где? Отзовись! Людок!

Но она ещё крепче прижалась к сосне, вжалась в траву и, кажется, даже не дышала. Своим детским сознанием она понимала, что нельзя выдать себя. В этот миг она боялась отца. Боялась больше, чем тех волков, которые, наверное, в этом лесу и теперь живут. А ещё она со страхом думала: «Где же мама?»

Отец прошёл мимо и направился к опушке. Вскоре он исчез из вида. Людка же продолжала сидеть в укрытии. Быстро и страшно сгущался сумрак.

Вдруг поблизости хрустнула веточка – из – за деревьев появилась Татьяна. Людка, вскочив, бросилась к матери.

- Мама! Я тебя потеряла… Я боюсь…

Она прижалась к ней худеньким тельцем и задрожала, плача тихонько, беззвучно. Татьяна присела, обняла дочку и, целуя, шептала:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Родная моя. Не бойся, я с тобой…Доченька. Солнышко моё. Пойдём. Тут небезопасно. Волки могут быть рядом. Пойдём в бараки. Спрячемся там.

К баракам они подошли, когда было уже совсем темно. В избушке у Степана горел свет.

- Дома стало быть, - прошептала мать. – Теперь выпьет ещё и нас искать пойдёт. Спрятаться нам, Люда, надо. Она забралась под нары и прикрыла собой дочь. В тёмном углу было страшно.

- Молчи, Люда…Бога ради молчи…Чтоб не нашёл нас отец…, - горячо шептала она в Людкино ухо.

И тут скрипнула дверь барака. Узкая полоска света скользнула внутрь. Без сомнения, это Степан искал их. Чиркнув спичкой, посветил на нары. Пусто. Что – то пробурчав себе под нос, ещё дважды зажёг спички и направился к выходу. Татьяна и Людка, крепко прижавшись в угол, со страхом ждали. Открылась и закрылась дверь барака, послышались удаляющиеся шаги.

- Выходи, дочка, теперь не придёт больше сюда, - прошептала Татьяна.

Сколько времени сидели они ещё в бараке – неведомо. Ясно было одно: оставаться здесь на ночь рискованно – вдруг ещё искать пойдёт. Взяв Людку за руку, Татьяна вывела её из барака и опушкой направилась к конюшне. В отцовой избушке горел свет.

Рядом с конюшней высился стог свежего сена. Татьяна зашла к нему с тыльной стороны и, вырыв отверстие, залезла внутрь сама и затащила Людку. Они оказались в тёплом убежище. Сено пьяняще пахло, травинки слегка покалывали лицо, шею, руки. А высоко в небе горели яркие звёзды. Они будто с любопытством заглядывали в стог. Вскоре Людка, прижавшись к маминому телу, сладко уснула. Только Татьяна всю ночь напролёт перебирала в памяти события минувшего вечера и не могла найти ответа на главный вопрос: « Что делать?»

Утром, с трудом уговорив Людку, она взяла её за ручонку и повела в избушку отца. Степан сидел на табурете у входа и курил. Увидев жену и дочь, поднялся навстречу.

- Таня. Людок! Простите меня. Всю ночь не спал, искал вас. Очень боялся. В лесу ведь волки. Простите…

- Люда голодная. Покормлю её, и мы уедем. - негромко сказала Татьяна.

Вечером они уехали домой на машине, что привезла рабочих с выходного.

Через две недели приехал домой Степан. Татьяну он застал во дворе, хлопочущей по хозяйству. Молча сел на крыльцо. Несколько минут наблюдал, как она кормила кур, сгребала в кучки траву во дворе. Молчала.

- Подойди, Танюша. Поговорить надо, - наконец сказал он, - сядь рядом.

Она, по – прежнему молча, подошла, села на ступеньку, вытерла передником руки и пот со лба. Ждала.

- Прости меня, Таня, - тихо вымолвил Степан. – Не буду оправдываться. Виноват. Не скрываю, изменил я тебе со Светой. Сам не знаю, как вышло. Обещаю – не будет этого больше. Простишь – буду признателен тебе. Не простишь – уйду.

Помолчал, доставая из пиджака папиросы. Закурил.

- Только не думай – не к ней уйду. Тебя люблю. Детей. Плохо мне без вас…

Опять замолчал. Спустя несколько минут продолжил:

- Знаю, обидел тебя здорово. Люду напугал…Стыдно мне, поверь… Прощения прошу не для красного словца. Сердцем прочувствовал. А на лесопилку больше не поеду. Возвращаюсь на прежнее место - мастером на кирпичный. Вон и вещи все привёз.

Татьяна легко поднялась со ступеньки, посмотрела на усталое лицо мужа.

- Пойди умойся, Степан, вон из бочки. Голодный, наверное. Я пока на стол соберу. А вечером баню протопим. На работу – то когда?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Да завтра и выйду, что ж бездельничать – то.

Он поднялся и зашагал к бочке. А Татьяна направилась в избу и захлопотала на кухне, собирая мужу поесть.

Больше они к этому разговору не возвращались. И жизнь потекла своим чередом. Простила она или не простила – это осталось тайной, тем прошлым, которое родители не хотели ворошить. Главное – сохранилась семья. И царил в ней, как и прежде, покой.

Через три года отца не стало. Он умер тихо и не мучительно. Сказались фронтовые раны.

***

Еженедельная планёрка у редактора всегда проходила бурно: обсуждали вышедший номер очередной газеты, подводили итоги, выбирали лучший материал недели, самый интересный заголовок номера, удачную фотографию, героя полосы, оценивали актуальность материалов. Всё это имело финансовую подоплёку, оттого носило характер негласного соревнования. Но судили и рядили справедливо, честно, приводили неоспоримые аргументы. Кого – то хвалили, кого – то журили. Равнодушных не было. И никто не обижался, если указывали коллеги на газетные «ляпы».

Во второй половине планёрки составляли план следующего номера. Заместитель редактора Вероника Зайцева разворачивала макет каждой полосы и, сообщив грядущие события, выслушивала предложения журналистов по освещению их на первой полосе. Последняя отводилась на поздравления, объявления и рекламу, а центральная часть являлась полем деятельности корреспондентов. На полосах размещались статьи, репортажи, интервью, сюжетные фотографии, зарисовки и рассказы о людях – всё, что собрали корифеи пера в творческих командировках, при посещении многочисленных районных мероприятиях. Всё то, что выстрадали, написали в рабочие моменты, а нередко и бессонными ночами дома. Журналисты – народ неугомонный. Они способны найти не просто интересные факты, а сенсацию! Или поймать интереснейший фотокадр! Особенно здорово это получалось у Ивана Кротова – заведующего отделом сельского хозяйства. Нередко, бывая на полях и фермах, он умудрялся сделать такие снимки, которые лучше любого репортажа раскрывали азарт, энтузиазм, трудовой ритм бойцов хлебной нивы или волшебниц молочных рек.

Иван обладал талантом быстро войти в доверие, найти тему для разговора с любым и непринуждённо, как бы между прочим, выведать всю нужную информацию, при этом узнав личные качества, характер, интересы и увлечения героя будущего репортажа. Оттого получался этот труженик многогранной, интересной личностью, а не просто вырванным на момент скучный собеседник. Складывалось мнение, что Иван знает его всю жизнь.

К тому же Иван был скорым на ногу и хватким до всего нового. Он мог в один и тот же день побывать в двух сельхозпредприятиях, посетить утреннюю дойку на дальнем отгонном пастбище, а днём проехать с молодым комбайнёром – передовиком в кабине современного комбайна по пшеничному полю. К тому же на утро следующего дня выдать сразу два актуальных материала, сдобренных сюжетными фотоснимками.

Ещё Иван умел так передать картину, что читатель мог ярко увидеть огромное поле колосящейся пшеницы, почувствовать запах колосьев, ощутить их тяжесть и одновременно уловить лёгкий ветерок жаркого дня. А портреты героев его разносюжетных материалов были настолько выразительными, что вставали незабываемыми образами - старый ли хлебороб с глубокими морщинами на загорелом лице, молодой ли комбайнёр с выгоревшим на солнце чубом, в светлой кепке, от которой пахнет машинным маслом и пылью.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Людмиле нравились его захватывающие репортажи и необычные интервью с искоркой, с неординарными вопросами. Хотелось быть погожей на этого неугомонного журналиста, делать такие же захватывающие материалы. Именно таким представлялся ей журналист, как говорят, от Бога, мастер пера.

***

В восьмом классе Людка влюбилась. Как-то непредсказуемо всё вышло. Тихая и закомплексованная по характеру, она не пользовалась особыми симпатиями у мальчишек – одноклассников, хотя собою была недурна. Даже в день 8 Марта, когда мальчишки тайком подкладывали симпатизируемым девочкам в дневники открытки с цветочками, подписанные инкогнито, она не находила таковых в своём дневнике или учебнике. Ей же так хотелось увидеть такой подарочек за обложкой книги или тетради. Однажды она даже купила в «союзпечатовском» киоске красивую открытку с весёлыми цветочками, обрамляюшими цифру 8, и нацарапала, как можно безобразнее и грязнее на оборотной её стороне поздравление, якобы от неизвестного мальчика. Утром незаметно положила открытку в дневник. На уроке демонстративно открыла его и будто бы удивилась, увидев неожиданный подарок.

Мальчишки как-то обходили её вниманием, не дёргали за косички, не просили списать контрольную, не пытались помочь поднести портфель…

А той зимой она неожиданно обнаружила – за ней внимательно наблюдает парень из соседнего 11 класса. Каждую перемену она ловила на себе его взгляды. Среднего роста, сероглазый и темноволосый он будто негласно следил за ней. Она чувствовала это постоянно: когда стояла среди одноклассниц, когда прогуливалась с кем – то из них по школьному коридору, когда спешила к буфету за чаем с булочкой…Натыкаясь на его взгляд, Людка смущалась и отводила глаза. Но на следующей переменке опять выходила из своего 8 – го, чтобы увидеть глаза мальчишки из – 11- го. Эти «переглядки» длились всю зиму. От подружек – одноклассниц узнала, что зовут его Антон Черных, и то, что он, как и Людка, из - за реченских.

Майские праздники нагрянули солнечными днями, буйством зелени, радостными перекличками птиц и опьяняющим свежестью запахом проснувшейся природы. Вернувшись с первомайской демонстрации, девчонки наскоро переоделись, и шумной ватагой заспешили в лес, где уже цвели пушистые подснежники, весело кустились лучистые, солнечные цветы горицвета, выбрасывала кое – где ярко – фиолетовые и розоватые кисти медуница. Берёзы уже оделись в молодую зелень мелкой листвы и стояли стройными красавицами. Лёгкий ветерок ласкал лицо приятным прикосновением. Настроение витало на пике блаженства.

- А айда-те сегодня в клуб, на танцы, - предложила Иришка Антонова, - мы ведь уже не маленькие. Музыку послушаем, попрыгаем!

- А, чо, пошли, - отозвались дружненько девчата. На том и порешили.

Вечером, как и договаривались, весело заспешили в клуб. Впервые попав на танцы, девчонки ощутили себя повзрослевшими и, ничуть не смущаясь, выходили парами на круг среди молодёжи постарше.

И, (О.Боже!) там на последнем ряду сдвинутых к стенке скамеек, в кругу друзей - деревенских мальчишек, сидел Антон. Людка увидела его сразу, и сердце её учащённо забилось, готовое выпрыгнуть из груди. Он тоже заметил Людку.

Заиграла музыка. И Антон направился к группе девчат, неугомонно щебетавших у стенки. Людкино сердечно застучало ещё громче, закружилась голова, и она даже не слышала сказанных Антоном слов. Он уже взял её за руку и повёл по кругу. Она боялась поднять глаза, не чувствовала ног и всего своего тела. Была словно лёгкая пушинка, которая бесплотна и бездыханна. Даже музыки не слышала. Будто плыла по кругу,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

поддаваясь воле ведущего…

Танец закончился. Антон проводил её к подружкам, как говорится – где взял, туда и сдал. Не успела она прийти в себя, как заиграла новая мелодия, и снова Антон пригласил на танец…

Так прошёл весь вечер. И каждый танец был будто продолжением предыдущего. Ни словом не обмолвились они. Только стал тот вечер началом Людкиной любви. На всю жизнь. Пусть трудной, безответной, но первой. А тогда впереди были разочарования, страдания, слёзы и большое, непреодолимое желание самоутвердиться в жизни и доказать ему – вот, мол, смотри кого ты потерял!

Восьмой класс Людка закончила неплохо. В основном на четвёрки. Правда, математику на слабенькое «хорошо». Физику и химию тоже. Не любила она точные науки. Зато литературу – на твёрдую пятёрку. Читала много и увлечённо. С удовольствием «поглощала» классику. Помнила даты жизни великих писателей, знала произведения не только школьной программы, но и те, что выходили за рамки её.

Получив документ об образовании, решила, что в школу больше не пойдёт. Собралась в техникум или в училище. И как не настаивала мать, решения своего не меняла. А вот профессию, по которой пойдёт учиться, не выбрала. Хотелось уехать в город.

- Давай со мной в «финансуху», - заявила одноклассница Тайка Ершова, - в сберкассе будем работать. Деньги – то считать научат. И экзамены там сдавать нетрудные : сочинение, да математика. И жить общагу дают. Опять же в городе. Поехали вместе.

И подала Людка документы в ту самую «финансуху», то бишь, в финансово – экономический техникум на отделение «Сберегательное дело».

Сочинение одна из всего потока написала на пятёрку. А Тайка, как она выразилась, на «цвай»!

- Да и не беда! – смеялась подружка, - подумаешь не сдала! В девятый пойду!

А Людка в девятый не хотела. Но и в «финансухе» оставаться без Тайки тоже не хотела. Оттого на экзамен по математике не пошла, а направилась за документами в приёмную. Она, наверное, смогла бы сдать экзамен на тройку и по конкурсу бы точно прошла, но не захотела.

- Что ты, девочка, - уговаривала её руководитель комиссии, средних лет, приятная женщина, - ты же можно сказать, уже поступила. Даже, если на троечку сдашь, проходной балл имеешь. Иди сдавать с другим потоком и будешь зачислена.

- Нет! – твёрдо ответила Людка, - мне не нравится эта профессия…

Документы ей отдали. На другой день она увезла их в педучилище. Где успешно сдала экзамены и была зачислена.

А в деревне была красота! В садах цвела черёмуха и яблони. Бушевала, затопляя округу лиловыми волнами, сирень. Эти ароматы весны одурманивали, пьянили, рождали радостные чувства, которые выплескивались через край, будто уносили куда – то высоко в голубое небо к яркому солнцу.

Вечерами на танцплощадке у клуба играла знакомая музыка, собиралась молодёжь. Смеялись, танцевали, влюблялись. Стоя в кучке верных подруг, Людка краешком глаза следила за Антоном, который всегда находился среди друзей – ребят. Иногда он приглашал её на танец, порой провожал домой…Случалось, что уходил с другими девчатами. И тогда Людка, вернувшись с танцев, плакала. Она, к великому сожалению, не была его единственной, как бы ни любила этого симпатичного весёлого парня. Он не был её кавалером. Случалось, что кто – то из парней намеревался прогуляться с ней, и тогда Антон, обязательно, как – то незаметно отстранял провожатого, и сам оказывался на его месте, уводя Людку из девчачьей компании. Они гуляли по укутанному вечерней

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

прохладой саду, где цвела сирень и он рвал её душистые гроздья, дарил Людке огромные букеты и что –то рассказывал о далёких звёздах, о тайнах Галактики, о сказочных путешествиях и ещё о чём – то, что навевало Людке счастливые чувства, делало вечер фантастически прекрасным.

А потом он опять будто бы отстранялся, провожал других и, наверное, им тоже говорил о звёздах, дарил букеты, горячо сжимал ладонь, обнимал… А Людка опять плакала. И ждала…

Осенью Антона забрали в армию. Его попытка поступить в ВУЗ не увенчалась успехом и осталась одна дорога – идти служить. Людка не провожала его. Она молча стояла поодаль от военкомата и наблюдала, как прощались с ним родные, друзья. Как погрузились призывники в поданный автобус и покатили в сторону железнодорожной станции…

Он не писал ей писем. Казалось, исчез из её жизни. Хотя от его друзей знала, что служит Антон в танковых войсках, что скучает по дому. Никогда не передавал ей приветов…А она ждала. И любила. Вечерами нередко шла к его дому, далеко, на другой край длинной деревни, останавливалась на противоположной стороне в тени раскидистых клёнов и подолгу смотрела на светящиеся окна плотно закрытые шторами. Потом возвращалась домой и засыпая, вспоминала тёплые майские вечера, прогулки в саду и букеты сирени…

Той же осенью Людка уехала учиться. Начался новый жизненный виток – овладение будущей профессией.

***

Вскоре после обеда в кабинете журналистов сработала внутриселекторная связь. Людмила ответила, подняв трубку аппарата.

- Людмила Степановна, - раздался спокойный приятный голос редактора Елены Олеговны Селютиной, - зайдите ко мне. У меня к Вам серьёзное поручение.

Людмила, отложив почти готовое интервью с главным врачом районной больницы Тимуром Игоревичем Казаковым о проблемах здравоохранения в районе, направилась в редакторский кабинет.

Кроме Селютиной в кабинете находилась невысокая, худенькая черноволосая женщина с аккуратно уложенной причёской, в тонкой голубой блузочке и серой чуть клешёной юбке. Была она довольно приятной на вид на вид женщиной, но глаза показались Людмиле грустными, даже как будто заплаканными.

- Вот, - начала редакторша, - Юна Викторовна Золотарёва работает в отделе кадров швейной фабрики «Рубин». По непонятной причине её увольняют. Без согласования с профсоюзной организацией. Просит помощи у нашей газеты. История, надо сказать путанная… Я думаю, Вы, Людмила Степановна, сумеете разобраться.

Людмила ещё раз внимательно посмотрела на женщину, с которой предстояло разобраться в путанице возникшей проблемы, и, улыбнувшись, пригласила её пройти в свой кабинет. Юна Викторовна легко поднялась и, поблагодарив редактора, вышла в коридор.

- Люда, постарайся докопаться до истины, - негромко сказала Елена Олеговна, - я надеюсь, ты выявишь все нюансы.

Улыбнувшись, добавила:

- Ты у нас упорная! И настырная!

В кабинете Людмила прежде всего постаралась вникнуть в суть проблемы, но одновременно исподволь пыталась сформировать мнение о собеседнице. Это она считала немаловажным основанием для понимания обстоятельств.

- Расскажите, Юна Викторовна, что случилось? – попросила она. – Постарайтесь

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

подробнее, не упуская мельчайших подробностей, взаимоотношений в коллективе.

- Можно просто – Юна, - сказала собеседница. – Я сама не понимаю, чем вызвано моё увольнение. Проработала на фабрике пять лет. Никаких проблем не было. В последнее время начались придирки начальника отдела кадров Зайковой. То одна запись ей не нравится, то найдёт документ, несвоевременно поданный на подпись директору, то ещё какой – нибудь огрех выявит. Посыпались жалобы на меня начальству, а меня, соответственно вызывают «на ковёр» и отсчитывают. А теперь вот приказ на увольнение издан. А профсоюза почему – то у нас не стало. И это к тому, что он был всегда… куда подевался – непонятно. В местный райком профсоюза обращалась, там сказали, что профорганизация на фабрике есть, по крайней мере, в списках значится. По закону увольнение члена профсоюза обязательно должно быть согласовано с профкомом. Должно быть его согласие…

Юна помолчала. Почти шёпотом добавила:

- Газета – моя последняя инстанция. Я очень надеюсь, что мне помогут… К тому же, у меня двое несовершеннолетних детей. Это тоже не позволяет меня уволить… Ведь так?

Она посмотрела на Людмилу, словно ожидая поддержки.

- Я постараюсь помочь разобраться в Вашей проблеме, - заверила Людмила. – Напишите мне контакты профорга фабрики, председателя райкома профсоюза работников агропромышленного комплекса. И всю Вашу проблему изложите письменно. Я буду работать с письмом.

***

Весь вечер Людмила строила план предстоящих встреч, вопросов, необходимых к выяснению. Она составила список тех участников конфликта, с которыми нужно было встретиться в первую очередь.

Утром она первым делом набрала номер телефона директора «Рубина» Ильи Ильича Лобова и попросила его о встрече.

- А в чём, собственно, дело? – поинтересовался директор.

- Письмо в редакцию поступило. Нужно выяснить вопрос, - ответила Людмила.

- Уж не от Юны ли Золотарёвой? – парировал Лобов. – она у нас обиженная. Везде жалуется.

- Обо всём разговор при личной встрече, - отрапортовала Людмила. – Так назовите время, когда мне лучше подойти к Вам?

- Сейчас я уезжаю в область, а в два часа жду Вас у себя, - ответил директор.

В назначенное время Завьялова постучала в дверь директорского кабинета.

Лобов встретил её широкой улыбкой, пригласил жестом сесть и с любопытством поинтересовался:

- Что же привело Вас в наши скромные пенаты? Может, о направлениях моды в одежде нынешнего сезона хотите написать? Нас сегодня в губернии как раз по этому вопросу собирали.

- Да, нет. Я уже Вам говорила, что хочу побеседовать по письму, поступившему в газету. По поводу законности увольнения сотрудницы отдела кадров Юны Викторовны Золотарёвой.

- Я так и подумал. Что, собственно, Вас интересует? Увольняем её в виду сокращения кадров. Она у нас недавно работает. К тому же, имеет ряд нареканий по выполнению обязанностей. Ничего незаконного в этом нет.

- Как же нет? А согласие профкома?

- Нет у нас никакого профкома. Разве Вы не в курсе, что профсоюзы изжили себя. В наше время эта общественная организация не имеет той силы, что ранее.

- Отчего же? Профсоюзы существуют и обладают прежними законными

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

возможностями, стоят на защите прав и интересов своих членов.

Людмила помолчала и добавила:

- Кроме того, у Юны Викторовны двое маленьких детей. Их интересы тоже под защитой государства. Вы, как руководитель, знаете, что в случае сокращения штата должны предложить сотруднику работу. Оставить мать несовершеннолетних детей без средств существования недопустимо.

Илья Ильич оставался спокойным и даже пытался приводить какие – либо обосновывающие аргументы своего решения по увольнению сотрудницы. Он даже продолжал держать скрытую улыбку.

- А вот знаете, я с Вами, Людмила, не во всём согласен. Во – первых, сокращение кадров – проблема, которая не от нас зависит. Поступило указание сверху – сократить, мы вынуждены выполнять. На отделе кадров вполне достаточно одного сотрудника. Вот и принято решение – сократить Юну. Ей будет выплачено выходное пособие, она легко зарегистрируется в службе занятости населения, станет получать там пособие. Таким образом, решится другая проблема – её дети не останутся без помощи государства. А там, глядишь, и вопрос с трудоустройством решится. Предложить ей другую работу на нашем предприятии нет возможности.

Людмила поняла, что дальнейший её разговор с директором – безрезультатен. Попрощавшись, она вышла из кабинета.

Встреча с профсоюзным лидером фабрики не дала Людмиле совершенно ничего положительного. Профорг Лиза Щеглова ответила коротко и односложно:

- Профсоюзной организации у нас нет.

Людмиле оставалось лишь направиться в райком профсоюза работников агропромышленного комплекса, куда почему – то входила и фабрика «Рубин», как предприятие лёгкой промышленности.

Беседа с председателем райкома Надеждой Скворцовой оказалась более продуктивной.

- Знаете, - начала разговор она, - в последние годы сложилось ложное представление о том, что роль и значение профсоюза в качестве защитника прав и интересов работников заметно снизились. Однако, достаточно лишь внимательно изучить «Трудовой кодекс РФ», чтобы убедиться в обратном. В ряде статей прямо указывается необходимость учёта мнения профсоюза в определённых случаях. При этом перечень вопросов решаемых работодателем с учётом мнения профсоюзного органа многогранен. Кроме того, это находит отражение в коллективном договоре, разрабатываемом совместно с профкомом. Нарушение данных договорённостей влечёт недействительность решения работодателя. Что касается действий в отношении Юны Золотарёвой, то она не просто являлась членом профсоюза, а входила в состав профкома. Поэтому она не может быть уволена без согласия с этой общественной организацией.

- Но на фабрике утверждают, что профсоюзной организации на предприятии нет, - вставила Людмила.

- Куда же она делась? – парировала Скворцова, - Ничего подобного в райкоме не имеется. Никаких решений о приостановке деятельности профкома. В списке наших организаций таковая значится. И коллективный договор мы с ними разрабатывали, и на общем собрании принимали, и взносы перечислялись. Правда, делалось это с опозданием, но тем не менее. Сейчас многие профкомы имеют задолженность по взносам, однако, по мере возможности, погашают её.

Председатель райкома помолчала, обдумывая что – то, и, встав, прошлась по комнате. Остановилась у окна.

- На мой взгляд, увольнение Юны кроется в чём – то ином. Лобов – человек

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

злопамятный. Знать чем – то не угодила ему Юна, вот и пошёл в «лобовую атаку», решил наказать её. На фабрике - он царь и бог. Как решит – так и будет… Нет у него никакого указания свыше о сокращении штата. Уверена. Сам, по своему усмотрению, действует…

- А как же так? – удивилась Людмила.

- А вот так! Приходила ко мне Юна…Плакала… Ухаживал он за ней…Только она не приняла этих ухаживаний. Она ведь одна воспитывает двоих мальчишек, к тому же один из них не совсем здоров. Муж уехал куда – то на вахту, да так не вернулся – новую семью завёл. С тех пор и бьётся Юна одна, детей поднимает… Разумеется личные мотивы, думаю, задевать ни к чему. Упор должен быть сделан на закон. Увольнение её не вписывается в рамки закона. Я посоветовала ей обратиться в суд. Только боится она чего – то. Вероятно, мести Лобова. Однако райком профсоюза встанет на её защиту. Точно! Помогу подготовить документы, дам все необходимые выписки и пусть идёт в суд.

Новая встреча с Надеждой Скворцовой состоялась дней через десять. Она сообщила, что её вызывали в обком профсоюза.

- Написал на меня «телегу» наш Лобов, - улыбнулась она, жаловался, что полномочия превышаю, не в своё дело лезу. Только председатель обкома выслушал меня и одобрил мои действия. Так что готовим документы в суд.

- У меня тоже были подобные проблемы, - ответила Людмила, - приходил Илья к редактору, выразил недовольство моим действиям. Только Елена Олеговна уведомила его, что мне поручено работать с письмом, а вмешиваться в мои действия она не намерена. Вот так. Думаю, дело доведём до успешного конца.

Суд всё – таки состоялся. Людмиле разрешили присутствовать на заседании. Юну на работе восстановили. Лобову было вынесено предписание. Вскоре Юна Викторовна уволилась и нашла себе другую работу.

В районной газете «Светлогорский вестник» под рубрикой «Письмо позвало в дорогу» вышла статья Людмилы Завьяловой «Страсти по профсоюзам».

***

Училась Людка хорошо, с интересом и желанием. Время мчалось быстро, и после окончания училища она приехала работать в Светлогорскую начальную школу. Этой же осенью подала документы в институт на факультет «Русский язык и литература». Экзамены сдала успешно. Работа и учёба требовали много усилий и свободного времени почти не оставалось.

Осенью пришёл из армии Антон. Встретились они в клубе. Нечасто, но вместе с подружками Людка бывала тут на танцах. Встречи с Антоном в душе хотела и ждала, хотя одновременно побаивалась. Как – то всё получится? Каким он стал? Она по – прежнему любила его. Вспоминала давнюю весну, прогулки в саду и запах сирени…

В клубе играла музыка. Танцевали пары. Парни столпились на невысокой сцене, где был установлен биллиардный стол, азартно катали шары. Среди ребят Людка увидела Антона. В короткой спортивного покроя курточке, светлых брюках, он показался ей необыкновенно красивым. Дрогнуло сердце, накатило то состояние, как тогда, в первую встречу на танцах, когда она чувствовала себя невесомой, лёгкой, неуправляемой пушинкой.

Антон тоже увидел Людку. Посмотрел на неё долгим взглядом, будто припоминая…

Заиграла медленная мелодия. Она выплёскивалась в зал, словно лёгкими волнами, звуками плачущей на фоне оркестра гитары. Антон направился в сторону девчат. Он подошёл к Людке и протянул ей ладонь. Она на миг растерялась, но, взяв себя в руки, шагнула вслед за ним в круг танцующих. Всё было как тогда, три года назад, когда он впервые пригласил её на танец.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Ну здравствуй, Люда, - наклонившись тихо сказал он, - рад увидеть тебя.

- Здравствуй, - прошептала Людка.

Она не знала, что ещё сказать. Она просто испытывала чувство огромной радости от того, что он смотрит на неё, тихо ведёт её в танце по залу, в котором, кажется, качается пол, плывут вокруг стены. И никого нет вокруг: только он и она! «Разве может быть такое? – удивлённо гадала Людка, - Почему я никого не вижу кроме него? Неужели он рядом?»

Ей вдруг захотелось прижаться к Антону крепко – крепко. Положить голову на его грудь и заплакать счастливо и беззвучно.

Она подняла глаза и встретилась взглядом с его глазами, серыми и улыбающимися. Он вдруг тихонько сжал её руку. Людкино сердце готово было выпрыгнуть из груди. Ей казалось, что не только он, а все вокруг слышат его громкие удары.

- Пойдём погуляем, - предложил Антон.

- Хорошо, - прошептала Людка.

Не дожидаясь когда окончится музыка, они вышли из зала. Миновав небольшой коридор, оказались на улице. Старые тополя в клубном парке уже осыпали свой осенний наряд цвета серебра, и листья лежали плотным ковром на пожухлой траве. Холодноватый ветер обдавал лицо. Высоко в небе горели звёзды. Людка поёжилась.

- Замёрзла, - спросил Антон. Он вдруг резко и в то же время мягко прижал её к себе, повернув лицом. И неожиданно поцеловал долго и нежно. Людка вдруг ощутила тепло, исходящее от его ласковых губ, крепких рук. И совсем не хотелось отстраняться от его объятий, от горячего дыхания и щекотавшего ухо шёпота:

- Я вспоминал тебя, Люда. Я видел тебя во сне. Ждал встречи с тобой. Мне с тобой очень легко. Я помню, как мы встречали с тобой однажды рассвет за околицей, как пел соловей, как ты смеялась и радовалась цветам сирени… Я помню всё… Посмотри на звёзды. Они ведь тоже всё помнят. Они те же… И мы те же…

Людка слушала горячий шёпот Антона и словно таяла от слов. А он опять целовал её, прижимая к себе. Ей уже не было зябко. Она будто горела в счастливом пламени чувств.

Танцы давно закончились. Молодёжь разошлась: кто парочками, кто весёлой шумной ватагой. А они с Антоном всё бродили по тихой деревенской улочке, иногда присаживались на лавочки у домов и смотрели на высокие звёзды, круглолицую луну. Он рассказывал о том, как служил, о друзьях, как скучал о родной деревне, о том, как собирается строить своё будущее – где учиться, работать. Она делилась впечатлениями о своей работе, как ей нравится заниматься с детьми, как много она читает, пишет, что учёба в институте – это так здорово!

Потом Антон проводил Людку до дому.

***

Новогодье выдалось красочным. Снег лежал белым пушистым покрывалом, деревья, укутанные кружевом инея, выглядели по – царски богато и сказочно. Светлогорск оделся в разноцветье гирлянд, которые по вечерам превращали центр и центральный парк в сверкающий, переливающийся в свете мерцающих огней островок праздника. Огромные снежные фигуры добавляли ощущение радости. Звучала музыка и она олицетворяла красоту русской зимы, знакомые с детства персонажи Нового Года – Деда Мороза и Снегурочки.

Людка и Антон с наслаждением гуляли по улицам. Приподнятое настроение, сияние ёлки – всё дополняло и усиливало приближающееся торжество новогодней ночи.

Их компания готовилась встречать Новый Год у Тайки Ершовой.

- Предки мои «отбывают» на праздник в деревню к своим родителям. Они ведь оба

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

оттуда. Так что хата свободна и мне разрешили пригласить друзей. Только порядок потребовали соблюдать строгий, - сообщила Тайка.

Праздничное меню обсуждали девчата весело и шутливо. Хотелось сделать праздник ярким, запоминающимся.

Парням было поручено доставить и установить ёлку. Кроме того, они обязаны были закупить, согласно составленного списка, продукты.

В канун праздника с утра девчонки взялись за дело: варили, стряпали, чистили, резали…Готовились основательно. Стол получился богатый, красивый. Столько разной вкуснотищи наготовили волшебницы – девчонки.

А ёлка получилась яркая, прекрасная, сияющая разноцветными огнями гирлянд, блестящая серебряным дождём и мишурой. Настроение у всех было на пике огромной радости, фантастического удовольствия.

Зимние сумерки незаметно укутали деревню. Ярко светились окна клуба. Молодёжь и взрослые, дети – все собирались на праздничное новогоднее представление. Получилось оно весёлым, с шутками, розыгрышами, играми, аттракционами. С появлением долгожданных главных персонажей – Деда Мороза и Снегурочки – зажглась ёлка, и начались танцы. Работала игровая «почта», доставляющая по номеркам, прикреплённым на груди у каждого, поздравлений с Новым Годом, пожеланий удачи, счастья и добра!

Людка тоже написала письма своим подружкам, родителям учеников, хорошим знакомым и Антону. Он в ответ прислал ей поздравление и сделал под ним приписку – «Целую!»

Ближе к полуночи клуб начал пустеть. Все спешили домой, встретить наступающий праздник за семейным столом, под бой курантов загадать желания и поднять бокалы с пенящимся шампанским.

Людка и Антон пришли к Тайке, когда уже все были в сборе. Заняв оставленные им места, включились в общий непринуждённо – шуточный разговор. До боя курантов оставались считанные минуты. В красивых тонких фужерах искрилось шипучее шампанское. Первые удары главных часов страны утонули в криках и звоне соприкасающихся бокалов.

Всю новогоднюю ночь Антон ухаживал за Людкой, шутил. Они смеялись, танцевали, играли в игры…

Разошлись перед самым утром. Людка осталась у Тайки. Они сноровисто убрали и вымыли посуду, пропылесосили палас в комнате. Остатки застолья составили в холодильник.

После обеда приехали Тайкины родители. Наведённым порядком остались довольны. Заглянув в комнату, где крепко спали девчонки, Тайкина мать, Наталья Сергеевна, только улыбнулась и тихонько прикрыла дверь.

***

Под утро Людмиле приснилась река. Неизвестная. Будто стоит она на берегу и смотрит на спокойный её бег. Река широкая и красивая. И на душе у Людмилы светлое чувство, упоение спокойствием и необыкновенная лёгкость.

Уже проснувшись, Людмила чувствовала, что не хочет открывать глаза. Блаженное состояние продолжается какое – то время. Ещё стоит картина тихой спокойной реки.

Нехотя открыв глаза, Людмила обдумывает сон. Вспоминает толкования, что когда – то давала мать: «Коли снятся огурцы – к огорчению, яйца – знать в гости кто заявится, шуба – к шуму, рыба – к слезам. А коли котята привидятся – без сомнения, к беременности, вода – к воле…».

«А к чему же река? – думала Людмила. - Конечно, это вода. Но только не обычная, а именно река. Такая тихая, спокойная, умиротворённая. Людмила приподнялась на локте,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

нашла на тумбочке в стопке книг «Сонник». Открыв его, нашла толкование: «река – к успеху в делах». Улыбнулась. Ну что же, это неплохо.

Субботнее утро начиналось хорошим настроением. Легко поднявшись, Людмила бесшумно направилась в кухню. Муж Андрей сладко спал, отвернувшись к стоне, подложив под щёку сразу обе ладошки. Он всегда так спал, как ребёнок. Смотреть на него спящего без улыбки было невозможно. Бывало, он посапывал во сне, что усиливало его детскую безмятежность.

Девчонки – погодки – Леночка и Любашка – спали в другой комнате. Тут же, устроившись в кресле, свернулась клубочком кофейного цвета кошечка Пуша, похожая мордашкой на миленького книжного котёнка по имени Гав.

Яркие лучи утреннего солнца стремились просочиться между плотными шторами и ложились светлой полосой на синий ковёр на полу.

Сегодня Людмила обещала побаловать домочадцев блинчиками. Это было любимое угощение всей семьи. Блины у Людмилы получались всегда удачными : тоненькие, с ажурными дырочками и на удивление вкусные. Когда – то такие блинчики научила её печь мама Таня. Она с улыбкой говаривала: «Чтоб блинчики испечь, надо их с любовью завесть. Тогда они солнечными, да вкусненькими получатся. Ни единого комочка быть не должно. Должны они улыбаться, да в рот сами проситься»! Искусством «блинопечения» Людмила овладела в совершенстве. Печь блины для неё было удовольствием и радостью одновременно.

Она почти допекала блины, когда на кухню заглянул Андрей.

- А я думаю, чем так вкусненько пахнет? Тут оказывается мамулечка – стряпулечка нам блинчики затеяла, - весело выдал он. Потянулся к тарелке с горкой горячих блинов.

- Нет! – мягко остановила его попытку Людмила. – Что это такое? Быстро умываться! Уж потом за завтрак браться!

Дружный топоток раздался в коридоре и две улыбающиеся мордашки разом просунулись на кухню.

- Ура! Блинный день! – выдала Леночка.

- Чур, я первая умываюсь! – взвизгнула Любашка, и бросилась в ванную.

- Вообще – то я первый встал. Мне и умываться первому,- вставил Андрей.

- Не – е – ет! Сначала девочки! Мальчики позднее! – раздался голос Любашки, уже вылетаемый в шум водяной струи.

Наконец, умывшись и одевшись, все чинно устроились за столом, и наступил счастливый момент домашнего завтрака – чаепития.

У каждого в «блинном» угощении было своё предпочтение. Девчонки любили их со сгущенным молоком, Андрей – со сметаной, а Людмила обожала с растопленным в чашечке сливочным маслом, как когда – то в детстве. Трапеза длилась долго и сопровождалась, как правило, семейными беседами.

- Мы сегодня собирались в гости к тёте Шуре, - сказала Леночка.

- Ну, во – первых, собирались в воскресенье, - вставила Людмила, - а сегодня, как известно, суббота. Поэтому и дела субботние надлежит сделать. Сначала – уборка. Папе – вытрясти дорожки, Любе – в вашей комнате прибрать, нам с Леной – в зале. Так что убираем кухню после завтрака и за дело!

До обеда с поставленной задачей справились. Квартира сияла чистотой, настроение было приподнятым.

Во второй половине дня девчонки ушли гулять, Андрей устроился у телевизора за просмотром своих любимых передач на политические темы, а Людмила решила дописать неоконченную зарисовку о клубном коллективе из соседнего села.

Почему – то вспомнился утренний сон. Река, широкая и спокойная, бегущая вдаль и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

манящая вперёд. И опять возникло ощущение спокойствия. «К успеху в делах» - вспомнила Людмила толкование и улыбнулась. Всё у неё было хорошо. Полное взаимопонимание в семье, любимая работа, друзья – всё гармонично вписывалось в её жизнь. Кажется, так было всегда. А ведь как часто и безжалостно била её судьба. Наотмашь…

***

Тот Новый Год не стал для Людки счастливым. Уже в начале марта она почувствовала как отношения с Антоном стали натянутыми. Восьмого марта в клубе он не подошёл к ней. Танцевал с другими девчатами. Людка ушла домой одна. Больше на танцы она не ходила. И Антон будто исчез из её жизни. Доходили слухи, что провожает он девчонку из Климовки Надю Климову.

«…Бросил…, - отчаянно билась в Людкиной голове мысль. - Только непонятно что случилось. Ведь не было же никакой причины, ни малейшего повода. Просто, ушёл и всё. Ничего не объясняя…»

Людка вспоминала встречи с Антоном, их прогулки, разговоры. И вот тут она сделала вывод: «Не любил!» приходило на память, что действительно за всё время, проведённое вместе, Антон ни разу не сказал ей, что любит. А она и не заметила этого. Наверное, потому, что любила сама. И, получая знаки его внимания, считала, что так и должно быть. Что он рядом, и этого вполне достаточно, чтобы быть счастливой. А он взял и неожиданно исчез.

Миновала весна. Отцвела – отбушевала сирень, осыпали цвет яблони, отпахла душистая черёмуха. Вот уже отмела июньская вьюга белым пухом тополей. Людка сдала летнюю сессию в институте и пошла в отпуск.

В День Молодёжи отправились они с девчатами в Светлогорский центральный парк на танцы на летней площадке. Было тут многолюдно, шумно, весело.

Неожиданно к Людке подошёл высокий симпатичный парень со спортивной фигурой. Им оказался бывший сокурсник по педучилищу Вася Батурин.

- Привет! – широко улыбнулся, - а я вот смотрю и думаю – ты или не ты!? Сколько ведь времени не виделись! А ты изменилась. Повзрослела. Похорошела.

- Здравствуй, Васёк – трубачок! – засмеялась Людка, вспомнив, как в шутку звали его в училище. Он был единственный парнишка в группе, и девчонки относились к нему, как к подружке, не стеснялись вести при нём свои девчачьи разговоры, делиться душевными переживаниями. Васька был у них и братом, и другом, и жилеткой, в которую можно в трудные моменты поплакаться.

- Я вот в гости приехал в ваш колхоз, - засмеялся Васька, - у меня недавно старшая сестра с мужем сюда переехали. Его главным агрономом назначили. А она воспитателем в детсаду работает. Вот и приехал погостить. Сам я в городе устроился. Тренером по борьбе в спорткомплексе при заводе работаю. А ты как?

- Да тоже нормально. Учителем начальных классов в местной школе. В институт поступила. Вот с сессии только вернулась.

- Умница! – резюмировал Васька. – Пойдём, потанцуем.

И только они вышли на круг, как прямо перед ними, будто из – под земли, появился Антон.

- А ну, отойди, - резко отодвинул он в сторону Ваську.- Моя девушка!

И, обхватив Людмилу за талию, повёл по кругу. Васька, пожав плечами, вышел с площадки. С этого вечера всё началось, будто движение по спирали: встречи, провожания…

***

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Лето было в разгаре. День стоял душный, безветренный. Солнышка не было видно за клочковатыми серыми облаками. Мокрая от дождя земля парила. На траве висели тяжёлые капли. Людка и Антон сидели на мокрых ошкурённых брёвнах вновь строящегося дома. Молчали.

- Завтра к другу в гости уезжаю…, - тихо сообщил он. - Может насовсем там останусь. Работу найду. В городе ведь легче хорошую работу найти. А у меня и образования нет. Учиться пойду. Людка слушала этот монолог и думала о своём. «Ну и пусть валит на все четыре. – стучала в голове мысль. – Видать не судьба быть вместе. Как был перелётной птичкой, так и остался. Это про таких, как он, говорят: «Сам – не ам, другим – не дам». Вот и он – сам толком не относится ко мне, и другим никому подойти не даёт. Держит на коротком поводке. Устала я от такой любви. И пусть уезжает…»

- Что ты молчишь, Люда? – прервал её мысли Антон.

- А что я должна сказать? – осведомилась она. – Удачно устроиться. Счастливого пути.

- Скучать – то будешь? – полушутя спросил он.

- Не знаю. Может быть. Только вряд ли тебя это волнует.

- Почему же? Очень даже интересно.

- Пустой интерес. В городе девчат много. Скучно тебе не будет, может, и любовь встретишь. Может, и судьбу найдёшь.

- Да, ладно тебе, Люда. Вдруг ты моя судьба?

- Да нет, Антон. Ты ведь не любишь меня… Да и вряд ли кого – то любил в своей жизни. Так. Летаешь по жизни. А чувств настоящих не испытывал. Хотя и пора уже..., - спокойно рассуждала она.

А он молчал. К ужасу своему Людка понимала, что он не перечил ей. А значит она права. Значит, выяснили свои отношения, и нет смысла продолжать их дальше…

На душе было пусто и одиноко.

- Пока. Счастливого пути тебе, и хорошо устроиться.

- Постой ты, - удивлённо посмотрел на неё Антон.

- Чего ж стоять – то? – усмехнулась Людка. – Всё хорошо. Видно разные у нас дороги.

Она ушла не оглянувшись. Он не окликнул её.

На следующий день он уехал.

***

Дни текли и были похожи один на другой. Ждала ли она возвращения Антона? Этого Людка не знала сама. Подолгу сидела одна на скамейке в парке. Просто наблюдала , как резвятся на детской площадке ребятишки, как гуляют по аллеям парочки и просто одинокие прохожие, как гомонят на асфальтовых дорожках голуби, как гудят над цветами шмели…

Людка не чувствовала себя одинокой. Она просто сидела и думала о своём.

- Привет! – вдруг услышала она. Незнакомый парень стоял напротив и улыбался. Казалось, улыбка исходит из его глаз. Настолько искристыми и жизнерадостными они были. И голос показался ей бархатистым и будто пропитанным той же улыбкой.

– Смотрю вот: сидит девушка, скучает. Решил помочь разделить одиночество и скуку. Можно? – кивнул он на пустующее рядом место на скамейке.

- Садись, - без каких – либо эмоций ответила Людка.

Он легко устроился рядом и протянул руку. Представился:

- Егор… Егоров.

- Ух, ты! – засмеялась неожиданно Людка. – Егор, да ещё и Егоров! Случайно не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Егорович?

- Нет, - улыбнулся парень всё той же ослепительно красивой улыбкой, - вот отчество в эту схему не вписалось. Васильич я. А именем – фамилией родители наградили. Впрочем, друзья зовут меня просто «Гор – Гор»!

Егор оказался Людмилиным ровесником. Они даже, оказывается, учились в одной школе. Но почему – то не помнили друг друга, хотя некоторых девчонок и мальчишек из ровесников знали. Да и немудрено это было, ведь в школе насчитывалось целых пять восьмых классов от «А» до «Д». Егор получил в школе среднее образование и, выучившись, на связиста, теперь готовился к осеннему призыву в армию. А ещё он увлекался футболом и пригласил новую знакомую на товарищеский матч с командой из соседнего села, который должен был состояться в воскресенье. Людка приглашение приняла. И вообще весёлый, разговорчивый Егор ей понравился. Ей с ним впервые за последнее время было легко и просто.

Так вписался в её жизнь Егор. Их встречи стали частыми. Причём о них не договаривались. Просто он находил её в парке на знакомой скамье, приносил ей шоколадки, скромные букетики цветов. Они весело болтали, гуляли по тенистым аллеям. Иногда вечерами ходили на танцы. Впервые за годы своей безответной и такой ненадёжной любви она чувствовала себя уверенной и счастливой.

***

После утренней пятиминутки Людмила направилась в небольшую уютную комнатку, называемую красным уголком, неспешно приготовила всё, что было необходимо для предстоящего мероприятия – встречи за круглым столом с воинами – афганцами. Включила чайник, поставила на столик чашки с блюдцами, коробку с конфетами «Ассорти», красивое блюдо с печеньем, баночку кофе, упаковку чёрного чая, небольшую вазочку с букетиком цветов. Сегодня она ждала гостей, с которыми в процессе чаепития должна была пройти встреча. Ребят, прошедших через Афган, она в районе знала почти всех. Афганская тема уже давно была для неё отработанной, не раз писала о тех, чья судьба в разные годы была связана с событиями в горячей точке. Они вернулись с той войны, с огненной земли Афганистана. Чужой земли. Но навсегда и накрепко связанной с нашей Родиной. Потому что там за пограничной чертой осталась частица жизни русских ребят, опалённых войной.

Любая война, в том числе и афганская, не только сражение, но и жизнь. Это тяжёлое испытание, которое не каждый мог пережить. Наверное, по этой причине бывшие афганцы не любят рассказывать о том, что выпало на их судьбу. И вот сегодня, на встрече им вновь предстояло окунуться в пекло минувших дней, вспомнить трудные дни Афгана, друзей, события.

До встречи оставалось полчаса. Людмила ещё раз пробежала взглядом по «шпаргалке», с намеченными вопросами, которые планировала задать ребятам, чтобы высветить основные моменты разговора, направить его в нужное русло.

Все четверо приглашённых пришли одновременно. Одетые в тельняшки и военную форму, в беретах, с заслуженными наградами на груди, они напоминали бравых воинов, вернувшихся с боевого задания. Каждый из них прошёл через Афган в разное время. Разговор сразу вошёл в нужное русло.

Дима Лузин родом из небольшой деревеньки. Когда учился в школе, как и любой мальчишка мечтал о подвиге. Много читал о войне, об отважных героях. Жило в нём чувство романтики, мечталось о чём – то необыкновенном. Наверное, поэтому, когда пришло время призыва на военную службу, в военкомате выразил желание попасть в Афганистан, где шла война. Хотелось проявить мужество, закалить волю. Четыре с половиной месяца в учебном центре в Фергане пролетели быстро. Спецподготовка

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

военных десантников включала марш – броски, стрельбища, походы в горы и, конечно, прыжки с парашютом. Условия были максимально приближены к афганским. Отсюда – прямая дорога под небо чужого края. Работа напряжённая, каждодневная, утомительная. Но Дмитрий был готов ко многому. Ведь ещё дома перед армией занимался в областном клубе ДОСААФ, где обучался прыжкам с парашютом. Поэтому и солдатом стал быстро. Хорошим солдатом.

- В Кабул прибыли самолётом, - рассказывал Дима, - оттуда – в Баграм. Там раскидали нас по ротам. Попал во взвод управления, где стал связистом – корректировщиком…

Так начался Афган для Дмитрия.

Толя Бахметов прошёл свой путь иначе. К началу 80-х годов он был человеком вполне сформировавшихся взглядов и убеждений. За плечами была армейская служба, становление военного специалиста, спортивные успехи. Доброй школой стала и служба в органах внутренних дел. Прежде чем попасть в Афган, прошёл подготовку в составе элитных частей спецназа, предназначенных для разведывательной работы на далёкой афганской земле. Прибыл на опалённую жарким солнцем землю в составе отряда особого назначения. Первых наших в Афгане встречали доброжелательно. Им приветствовали, жали руки. Конечно, не везде, но, тем не менее, родилось убеждение: им рады. Но война расколола народ на части. Вскоре и вовсе ситуация оказалась запутанной. В кишлаках, где жили мирные, православные люди, которых прибыли защищать русские солдаты, стали случаться диверсии, в ребят стреляли, с ними зверски расправлялись. Стало непонятно, где враги, а где нет. Рождались непонимание, отчаяние, жестокость…

- Наш отряд охранял асфальтовую дорогу в провинции Мозори – Шариф – Хайротон, - рассказывал Анатолий. – Было раннее утро. Мы двигались на БТРах. Видим – впереди, у дороги, в полумраке темнеет какая – то куча. Подошли. То, что увидели, страшно передать даже словами, а не то что видеть: молодой русский солдат, сержант, не просто убит, до неузнаваемости, по – страшному изувечен. Труп расчленён, живот вспорот. Его буквально кромсали по частям, издевались, уродовали… А парню оставалось три дня до дембеля…

Ребята замолчали. Видно каждый вспоминал свои жуткие моменты той войны. Людмила боялась потревожить эту тишину. Самый молодой из участников встречи Игнат Семенчук взял в руки гитару. Тронул струны. И зазвенели они, будто тревожный набат. Негромко запел парень песню об Афгане. Грустную, насквозь пронизанную болью. Казалось, кровоточит та песня глубокой раной…

- Смерть всегда нелепа…- промолвил оборвав песню Игнат, - ведь никто не желает умирать. А молодость стремится к жизни по – особому. Помню, как в перестрелке погиб парень. А нам всё казалось, что он живой, рядом. В такие моменты всегда была одна мысль, отчаянно стучавшая в голове: очень хочется жить…

А в Союз «чёрные тюльпаны» доставляли груз № 200 – цинковые гробы, в которых и тел – то погибших, порой, не было…Невозможно их было собрать во что – то целое после кровавой мясорубки, так называемых боевых действий. Мы об этом знаем из печати. А они, солдаты Афгана, видели всё это своими глазами. Но рассказывать об этом выше их сил. Поэтому и предпочитают молчать. И только душа, порою, озлобляется, когда несправедливо брошен упрёк в адрес ребят, прошедших дорогами той, оказывается никому не нужной, войны. Но это сегодня.

- А тогда, - продолжил Толя Бахметов, - мы считали, что это нужно. Что выполняем долг. И было чувство гордости. Мы стремились научить жить афганцев на советский манер. Ведь нам казалось, что мы живём очень правильно. А получилось, что это никому не надо. И отношения между двумя сторонами афганцев – это их внутреннее дело.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Столько лет прошло, как наши войска выведены из Афгана, а они как воевали, так и воюют…

- И всё – таки вы участвовали в боевых действиях. Какие – то эпизоды запомнились? – попыталась Людмила «выжать» из собеседников.

- Запомнились… Хотите смешное расскажу?- попытался увести разговор в сторону Серёжа Ожегов. – Было это , когда мы вышли на Хост. Затишье. Ушли мы с ребятами за палатку, костерок развели, тесто замешали и начали блинчики печь. Шутим, смеёмся. Совсем, как дома на пикничок вышли. И вдруг обстрел. Снаряды полетели: недолёт – перелёт, только «вжи-и-и-к», и вдруг один как жахнет метрах в 15 – ти от нас. Упал и лежит. Не взрывается. А нас как ветром всех в сторону. Разбежались. Затихли. Ждём. Все в готовности. А он так и не взорвался. И вот тут буквально все закатились нервным смехом. Друг над другом смеялись. И, наверное, над тем, что краем прошла опасность, лишь холодком от неё потянуло…

- А если всерьёз,- продолжил разговор Анатолий, - то боевые действия были жестокими. Не щадили никого. Ни они нас, ни мы их. Стреляли. Видели кровь, огонь, смерть. И выжили. Вернулись домой. Долго ещё после Афгана стояло это в глазах и днём, и ночью. Заводились с полуоборота. И до сей поры даёт себя знать то, что испытали…

- А знаете, ребята, - неожиданно выдала Людмила, - я вот слушала вас и не поверите – стихи написала… Послушайте.

Память болью в сердце стучится:
Не даёт покоя она.
И ночами солдатам снится
Бестолковая эта война.
Там под знойным афганским небом,
Где песок забивает рот,
Никакой гарантии не было
Кто вернётся, а кто умрёт.
И когда вдруг после атаки
Лучший друг не вернулся в строй,
Ты, уткнувшись в ладони, плакал,
Что убит он. А ты – живой.
Улетит на «Чёрном тюльпане»
Этот груз, что под кодом «200»…
И заплачет отчаянно мама,
И придёт вся в чёрном невеста…
Лишь солдаты Афгана помнят
Мясорубку кровавых лет…
Только очень жаль, что сегодня
В той войне виноватых нет.

Она замолчала. Будто поставила последнюю точку в этой встрече. Ребята тоже молчали. И, наконец, Игнат совсем тихо сказал:

- Здорово. Я обязательно подберу мелодию и сделаю это песней.

***

Письма от Егора приходили часто. Длинные. Написанные романтично, а порой с живым юмором, они вызывали у Людки интерес. Она часто читала их, будто увлекательную книгу. Иногда перечитывала, стараясь увидеть между строк улыбку Егора, услышать его голос. Он писал обо всём: о тренировочных занятиях по военной подготовке, о марш – бросках, каких – то учениях, о друзьях – сослуживцах. Но никогда не зацикливался на трудностях, на том, как скучает по родному краю. В своих описаниях

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

находил шуточные моменты и вкладывал в них столько юмора, что Людка не могла читать письма без улыбки. А бывало от души хохотала. Часто в конвертах находила фотографии. На всех Егор улыбался своей очаровательной улыбкой. Подписи на фото тоже сквозили шутками навроде: «Чтоб спалось тебе спокойно, службу я несу достойно!», или «Светел разум! Ясен взор! Верный твой солдат – Гор – Гор!»

Однажды Егор прислал стихи. Автор остался для Людки неизвестен. Только было в тех стихах много искренности. Она невольно запомнила наизусть простые строки:

Кто сказал, что лгут в любви солдаты!?
Вызвать болтунов на строгий суд!
То они во многом виноваты,
Что порой нас девушки не ждут…
Я сужу о том не понаслышке:
Сам хожу в солдатских сапогах.
Сам люблю уже два года с лишним
Ту, что ждёт меня в родных краях.

***

Антон, между тем, растворился где – то в городе, куда уехал той весной после последней их с Людкой встречи. Поговаривали, что там он женился и теперь живёт и работает в областном центре. В деревню он не приезжал. Людка старалась не вспоминать о нём. Только во сне часто снились ей встречи с Антоном, тёплые майские вечера, цветущая сирень, прогулки по тенистым аллеям парка, любимые глаза. Она просыпалась с хорошим настроением, и ещё какое – то время не открывала глаза, пытаясь продлить радостное ощущение счастливой встречи с Антоном. Она по – прежнему любила его, и душа её рвалась в этот сладостный плен безответной любви.

Ноябрь выдался снежным и морозным. Ранняя зима ворвалась незваной гостьей. Октябрьские праздники встречали в зимней одежде. Традиционно праздничная демонстрация прошла на заснеженной центральной площади Светлогорска. Трудовые коллективы и школьники с флагами и транспарантами под звуки марша , с криками «Ура!» и «Слава!» отчеканили шаг мимо трибун и люди разошлись в тёплые дома и квартиры отмечать «красный день календаря»…

Вечером сельчане собрались в клубе на мероприятие организованное в честь праздника. Местные самодеятельные артисты подготовили концерт. Дети вдохновенно читали стихи, танцевали. Взрослые исполнили сольные и вокальной группой песни. Тёплые аплодисменты сопровождали каждое выступление. Атмосфера приподнятого настроения царила в зале. После завершения концертной программы старшие оживлённо покинули зал, а молодёжь ждала танцы. Шумной толпой ввалились ребята. Здоровались за руку, смеялись, шутили. Девчата стайками собрались у стенок уютного зала. Звучала музыка. Первые пары выходили на круг.

В какой – то момент, будто из – под земли, встал перед Людкой…. Антон. Она от удивления широко распахнула глаза, не успела убрать с раскрасневшегося лица улыбку. Так и смотрела на него : растерянно, ошарашено. Он, в свою очередь, уже взял её за руку и повёл в круг танцующих. Людка, ничего не понимая, будто во сне двигалась в ритм музыке, полностью покоряясь уверенным движениям ведущего её в танце Антона. Она даже на мгновение закрыла глаза и отчаянно помотала головой, пытаясь будто избавиться от сна. Но это была реальность. Самая настоящая.

- Добрый вечер, Людочка! – сказал, наклонившись к ней, Антон.

-…Здравствуй…, - еле слышно прошептала она.

- Я рад нашей встрече. Очень хотел увидеть тебя сегодня… А ты повзрослела. Похорошела… Соскучился по тебе…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Он ещё что – то взволнованно говорил, но в висках у Людки стучали громкие молоточки, которые не позволяли сосредоточиться на одной мысли. Рассыпаясь мелкими частичками, они не давали собрать воедино испытываемые чувства.

Наконец, взяв себя в руки, она усилием воли заставила себя поднять на него взгляд. Его глаза, серые, ясные, улыбающиеся, были так близко. Такие дорогие, знакомыми, любимыми. Только не хотелось Людке раствориться в этом ласковом взгляде, утонуть в нём. Она опять боялась обмануться. Ведь такое было не раз. Он возвращался и исчезал… А она опять плакала. Нет! Хватит! У неё есть Егор! Его письма… Пусть нет той любви, как к Антону, он ей небезразличен. Он ей нравится. Он надёжный, открытый, не способный к лести и обиде. В конце концов, пора ей, Людке, иметь самолюбие, простую девичью гордость, чтобы не поддаться на очередную выходку Антона.

- Что тебе надо? – неожиданно для себя спросила Людка. – Оставь меня… Ты же, кажется, женился…

- Уже нет. – ответил он. Не сложилось у меня. Поспешил жениться. Разбежались. Спрашиваешь что мне надо? С тобой быть! Ты самая надёжная для меня. Я это теперь понял…

- Нет, Антон.- уверенно оборвала его Людка. – Мы чужие. Наш поезд ушёл. Прости. Нам дальше не по пути.

- Ты уже не любишь меня? – спросил он.

Она молчала. Не знала что ответить. Танец, между тем, закончился. Как и раньше, Антон довёл её до группы девчат – подружек и отошёл. Людка спешно повернулась и вышла в фойе. В раздевалке она нашла своё пальто, накинула его, и выбежав на улицу, быстро направилась в сторону дома. Он догнал её уже на середине пути. Обхватил за плечи, повернул лицом к себе.

- Почему ты ушла, Люда? Ты не ответила на мой вопрос.

- Уходи, Антон… Я не хочу ни о чём говорить…Прощай…

Она освободилась от его рук и вошла в калитку, закрыв её за собой. Удушливым комком стояли в горле слёзы. Неслышно струились по щекам. Теперь можно было дать волю эмоциям.

***

Никому и никогда Людмила не рассказывала о последней встрече с Антоном. Он был и остался для неё единственной любовью. Но вычеркнуть его из своей судьбы надо было бесповоротно. И она это сделала в тот холодный ноябрьский вечер.

А после Нового года она уехала из Светлогорска в большое село с красивым названием Ромашково, стала работать в профтехучилище учителем русского языка и литературы. В Светлогорск наведывалась нечасто. Встречалась с подружками. Об Антоне ничего не желала слышать.

А подруги у неё были самые близкие и надёжные. Дружили с детских лет. Все жили по – соседству. Такой верной дружбе можно было позавидовать. Они делили друг с другом и радости и огорчения. Знали все свои девичьи секреты и поддерживали в трудные минуты. Их было шестеро: две Оли, Женя, Нина, Таня и она – Люда. Вместе росли, играли в куклы, детские игры, купались в речке, ходили в лес. Когда подросли, вместе бегали на танцульки. А потом у каждой появилась первая любовь. У кого – то счастливая, у кого – то безответная. Открывали друг другу свою душу, делились заветными мечтами, сокровенными мыслями и чувствами. В клуб ходили дружной компанией. Возвращались тоже почти всегда вместе, наполняя деревенскую улицу звонкими песнями.

Первую свадьбу отгуляли у Оли Белкиной. Потом вышла замуж Женя Соломина. Почти одновременно соединили свои судьбы со вторыми половинками Оля Сёмина и Танюха Корнеева. Вскоре встретила единственного Ниночка Томина…Через год

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

появились в семьях первенцы. Счастье пришло к подружкам. И только она, Люда Крапивина, оставалась одна. Иногда сама себе она казалась неким изгоем. Хотя никому никогда не высказывала своего беспокойства. «Знать ещё не судьба…» _ успокаивала она себя. Тем не менее, глядя на хлопоты подруг, испытывала непонятное чувство какой – то неустроенности. Хотелось так же, как они, катать в коляске малыша, варить борщи, ждать с работы мужа, хлопотать по дому. И быть счастливой от семейной суеты, материнских забот.

Только дружба шестерых не прекратилась. Она лишь перешла на новый уровень. Теперь девчонки, как они себя величали, всё чаще при встречах рассказывали о мужьях, о детях. Людка не чувствовала себя лишней рядом с подругами. Она слушала их счастливые рассуждения и радовалась их семейному счастью. И хотя собственная жизнь не успела вот так устроиться, она с удовольствием встречалась с девчонками.

Когда и как свела её судьба с Анюткой Гришаевой она как – то и не заметила. Их семья приехала в деревню в конце лета. Аня была весёлой хохотушкой, общительной и открытой девчонкой. Она как – то сразу привязалась к Людмиле, частенько прибегала к ней просто поболтать, иногда оставалась у неё ночевать. Людкина мама, Татьяна Семёновна, привечала девчонку, относилась к ней уважительно. Иногда Люда с Аней ходили в сельский клуб на танцы. Постепенно их общение переросло в дружбу. Хотя была Анька на три года младше Людки, это не чувствовалось в их общении. Они делились своими маленькими секретами. Когда Анютка начала встречаться с Мишей Юриным, Людка от души радовалась за подругу и хотела ей настоящего счастья, тем более знала, что Мишка ей нравится.

***

Егор пришёл из армии в начале декабря. Людка приехала домой на выходные. Старшая сестра Шура сразу выдала радостную весть:

- Егор вчера приходил, спрашивал, когда ты приедешь. Ждёт тебя. Возмужал. Думаю, тебе надо самой сходить к нему.

- Ну, вот завтра и схожу, - ответила Людка.

Утром она отправилась за реку, в Светлогорск. Утро выдалось солнечное, морозное. Деревья красиво стояли в инее. В саду на раскидистой яблоне устроились красногрудые снегири, на рябине весёлые хохлатки – свиристели бойко клевали ягоды – рубины. Настроение у Людмилы было приподнятое. Она ожидала встречи с Егором с внутренним трепетом.

Егора дома не оказалось. Его мама, Екатерина Ефимовна, сказала, что он у друга – Толи Ожегова – что живёт на соседней улице. Люда отправилась туда. Парней она встретила не доходя до Толькиного дома. Они шли ей навстречу о чём – то оживлённо беседуя. Егор, увидев девушку, бросился к ней, заключил в объятия и прижал к себе. Радостно и восторженно затараторил:

- Людок! Как я долго ждал этой встречи! Скучал по тебе! Рад тебя видеть…Ты большая молодец, что пришла. Теперь не отпущу тебя ни на шаг. Идём быстрее ко мне. Так много надо сказать тебе…

Простившись с Толиком, они направились к дому Егора.

Долго и увлечённо он рассказывал о далёкой заставе, где служил, о ребятах, с которыми дружил и нёс нелёгкую службу, о том, как ехал домой и грезил встречей с родными, друзьями, с ней…

Она, в свою очередь, делилась мыслями о своей работе, о том, как нравится ей вести уроки, заниматься кружковой работой, проводить общественные мероприятия.

Вечером они наведались к Людке. На другой день ей надо было ехать в Ромашково. Егор сказал, что поедет с ней. Не хотел расставаться. Казалось, что теперь так будет

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

всегда.

Татьяна Семёновна, собирая дочь в дорогу, радовалась, что у ребят всё хорошо, что они счастливы. Но в то же время где – то в душе затаилась непонятная тревога. Улучив минутку, она шептала Людке:

- Будь осторожна, доченька. Не теряй голову. Надо, чтоб всё было обдуманно, взвешенно. Помни: ты девушка. Лишнего не позволяй. Людка с улыбкой слушала наставления матери.

- Не волнуйся, мамочка. Я достаточно взрослая и знаю разницу меж чувством и разумом. К тому же к Егору нет той страстной любви, от которой теряют голову. Он просто нравится мне. Только я уж не девочка – подросток, чтобы бездумно бросаться в омут чувств. Всё будет хорошо.

- Правильно, Людочка. Ты моя умница. Я верю, что ты понимаешь меня. Коли Егор твоя судьба, то будет с тобой. А коли нет… Время покажет.

Дни пошли своим чередом. Воскресные встречи Люды и Егора были их общей радостью. Встретили новогодние праздники. Вместе радовались первой весенней капели, прилетевшим скворцам, молодой зелени трав и майским листочкам на белых берёзах. Егор устроился работать тренером в Светлогорскую спортивную школу. Людмила планировала после завершения учебного года вернуться на прежнее место работы – в школу.

Май выдался тёплым и солнечным. В садах до кипения цвела сирень. Её аромат заполнял деревенскую улицу, плыл сиреневым туманом, дурманил. Казалось, и небо, и солнце, и вся земля тонут в этом мареве цветущей сирени.

Людка, сидя у раскрытого окна, подолгу смотрела в деревенскую улицу. Порой, ей чудилось, что вот теперь подойдёт к окну Антон с огромным букетом сирени и улыбнётся ей знакомой улыбкой. Протянет цветы, и она растворится в этом мгновении счастья, любви. Но она обрывала эти мысли, не позволяла им занимать воображение.

Вечером приходил Егор. Они гуляли по знакомой улице или же шли за реку в Светлогорск или просто сидели в комнате, слушая музыку.

Как – то в такой момент в комнату вошла Татьяна Семёновна.

- А что, тётя Таня, - улыбнулся Егор,- вот если мы с Людой уедем жить в город, к брату моему, Вы не против?

Татьяна Семёновна растерянно посмотрела на Людку. Ничего подобного не говорила ей дочь, никуда вроде не собиралась ехать. Вот и теперь сидела с удивлённым взглядом, не понимая такого вопроса Егора.

- Что – то я не совсем в курсе, Егор. – ответила меж тем Татьяна Семёновна.

- Да, что непонятного, тётя Таня, - пора уж нам с Людой в одну судьбу определяться, - заключил Егор.

- Что – то и я не понимаю, - вступила в беседу Людка, - ты мне замуж что ли предлагаешь?- Так вроде эту тему мы не обсуждали.

- Вот и давайте обсудим, - уверенно произнёс Егор.

- Такой вопрос несколько по – иному решается, - растерянно сказала Татьяна Семёновна.– Во – первых, я даже твоих родителей не знаю. К тому же никто Люду не сватал. Вроде как – то неправильно это…

- В чём проблема – то? – не то спросил, не то удивился Егор. – Люда меня из армии ждала. Теперь вот сколько времени встречаемся – гуляем. Потому и думаю, что надо нам жизнь свою в иное русло направлять.

- Стоп! – резко подняла руки вверх Людка. – Давай сперва сами вопрос обсудим, а уж потом родителей будем напрягать.

Она встала и вышла из комнаты. Татьяна Семёновна неловко пожала плечами и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

последовала за ней. Так ни на чём и закончился этот разговор.

Вечером молодые ушли гулять в Светлогорск. А на следующий день Людка уехала в своё Ромашково.

***

Июньский дождик быстро и весело пробежал по сухой растрескавшейся земле, по зелёным кронам деревьев, по буйно цветущим ромашкам. В воздухе запахло свежестью и озоном. Лёгкие тучки вмиг улетели к востоку, а солнце залило округу ярким сиянием. Капли дождя блестели на листьях, на траве, на цветах. Яркой дугой перекинулась над Светлогорском радуга. Людмила с улыбкой смотрела на цветное семицветное коромысло радуги и отчего – то твердила мысленно известное из детства изречение: « Каждый охотник желает знать, где сидят фазаны…» Так в детстве мама учила её запоминанию цветов радуги. И вот теперь, глядя на цветную дугу, Людка вспомнила детскую радость, что испытывала всякий раз после летнего дождя, когда тёплые лужи пенились белой пеной. А они, ребятишки, бежали по ним, расплёскивая вокруг яркие солнечные брызги, а в небе также стояла красавица – радуга, которая одним концом уходила за деревенские холмы за околицей, а другим опускалась куда – то в речку Светлую. И казалось запросто можно добежать до этого начала радуги и по ней взобраться высоко в синее небо умытое дождём.

Счастливые воспоминания. Не хотелось отвлекаться от них. Тем более спешить было некуда. Наступило время долгожданного отпуска. В лесу, говорят, уже появилась земляника. Накануне Егор принёс в пакете красивые и ароматные подберёзовики. А до чего вкусными они получились! Уплетали, сидя за столом во дворе, за милую душу. Татьяна Семёновна поставила на стол маленький графинчик с янтарной вишнёвой наливочкой, которая приятно вписалась в благодатный ужин на лоне природы. Потом Людмила с Егором ушли погулять. Дошли до реки, постояли на берегу. За разговором незаметно перешли по мосту на другую сторону, прошли улицей, и как – то неспешно дошли до дома Егора.

- Зайдём? – спросил он.

- Ага, - ответила она.

Его комната имела отдельный от родительского дома вход. Он открыл дверь ключом, по – джентльментски пригласил её войти. В маленькой кухонке они согрели чайник, Егор достал из шкафа баночку малинового варенья, коробку конфет, упаковку печенья и они устроили весёлое чаепитие. Потом, усевшись на диван, смотрели дембельский фотоальбом Егора. Он увлеченно рассказывал о каждой очередной фотографии. За окном, между тем, опускалась прохлада вечера…

Неожиданно Егор обнял Людку, поцеловал сначала нежно, потом чуть настойчивее. Его горячие руки прижимали её всё сильнее. Вдруг они заскользили куда – то вниз, он чуть наклонил её, пытаясь теснее прижать к себе…

Людка вздрогнула. Резко дёрнулась. Отстранилась настойчивым движением.

- Что ты, Людок? – прошептал Егор. – Мы ведь поженимся скоро…

Он вновь попытался притянуть её.

- Нет!- резко оттолкнула его руки Людка, - Кто тебе сказал, что поженимся? Не было ведь никакого разговора об этом. Никто меня за тебя не высватывал…

Она быстро поднялась и шагнула к двери…

- Проводи меня, - тихо сказала она.

- Хорошо, - ответил Егор.

Потом помолчал и добавил:

- Просто ты не любишь меня. Всё по Антону своему страдаешь. А он уж давно забыл тебя. У него теперь семья. А ты ему не нужна. А я тебя люблю.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Егор проводил Людку до дома. Но в гости не зашёл. Всю дорогу они молчали. Молча расстались.

До конца июня Егор не приходил к ней. Она, собственно, и не переживала. Только Татьяна Семёновна как – то спросила:

- Люда, а что Егор, куда исчез?

- Некогда, наверное. На работе, - ответила Людка.

На том и завершился разговор.

Между тем, наступил День Молодёжи. В центральном парке Светлогорска организовалось традиционное празднование. Людка с Анькой весело щебетали, собираясь на торжество. Людка надела свой любимый наряд – голубой сарафан в крупный белый горох. Он сидел на ней красиво и изящно. Анютка попросила у неё розовую блузочку с белыми ромашками, которая очень гармонировала с её лёгкой бежевой юбочкой. Нарядившись, девчонки направились в парк, где вовсю уже кипело праздничное веселье. Посмотрев программу, Люда с Аней подошли к торговой палатке, купили мороженое и весело направились к выходу.

-Домой? – спросила Аня.

- Домой! – кивнула Люда.

И они, уплетая прохладное мороженое, пошагали в сторону дома.

- Ты не забыла, что сегодня мы приглашены на день рождения к Люське Горяевой?

- Нет, конечно, - засмеялась Людка. – Сейчас букет ей красивый у мамы организуем. А подарок мы уже купили. Так что к пяти пойдём.

Анютка оглянулась и прошептала Людке:

- Там за нами Егор с Толиком идут. Не оглядывайся. Они уже близко.

Вскоре парни догнали их.

- Добрый день королевам! – весело приветствовал Толик.

- Привет! – отреагировали девчата.

Егор сдержанно поздоровался. Все вместе перешли мост и по узкой тропинке, что вилась по лугу в сторону деревни, зашагали вперёд.

- Куда идём?- поинтересовался Толик.

- Да пока ко мне, а потом на день рождения к подруге, - ответила Люда.

Егор и Аня шли чуть позади за ней и Толькой. О чём они говорили Люда не слышала, только весёлый смех Анютки доносился до неё.

Дома их ждал горячий пирог с капустой, свежий овощной салат. Пили холодный компот с горячим пирогом и непринуждённо разговаривали о разном. Улучив момент, Аня шепнула подруге:

- О тебе с Егором разговаривали. Помириться хочет. Собираются с нами к Люське на день рождения.

К пяти часам все вместе заявились к имениннице. За столом было шумно и весело. Поздравления текли рекой. Раскрасневшаяся Люська принимала подарки и букеты. Звенели бокалы с пенящимся шампанским, играла музыка. Потом начались танцы. Весь вечер Анютка танцевала с Егором. К Люде он не подошёл. Когда в конце вечера они неожиданно исчезли, расстроенная Людка ушла домой. Войдя в комнату, она увидела накинутую на спинку стула свою блузку. Поняла, что Аня приходила переодеться в своё. Татьяна Семёновна, заметив растерянность дочери, сказала:

- Аня приходила. Переоделась. За воротами её ждал Егор. Ушли куда – то вместе. Что случилось, Люда?

Ничего, мама, - ответила Людмила и ушла в свою комнату.

Осенью Аня вышла замуж за Егора.

Сказать, что расстроилась, Людмила не могла. Просто было неприятно. Ведь по

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

большому счёту получалось, что её предали люди, которым она доверяла. Конечно, Егор ей нравился, ей с ним было легко. Она за время, что были вместе, привыкла, что он всегда понимает её, стремится поддержать, делится своими планами. Привыкла, что он рядом. А вот рана, нанесённая Аней, была особенно больной. Ведь Людмила считала её подругой. А это в её понимании было святым. Иначе, как предательство, она не расценивала её поступок.

Как- то встретилась ей бывшая одноклассница Зинка Рябова. Поболтали о том – о сём. Неожиданно Зинка полюбопытствовала:

- А что, Людка, не сложилось у тебя с Гор – Гором? Мы ведь считали, что вы обязательно вместе будете.

- Не сложилось, Зина. Видно не судьба, - как можно равнодушнее ответила Людка

- Довелось мне побывать на их свадьбе. Егор ведь с моим Гринькой друзьями были. Вот и пригласил нас. А Анька – то какова! Быстро охмурила Егорку! Да ещё и довольна собой осталась. Верка Зотеева прямо на свадьбе ей сказала: «Отчаянная ты, Анька! Быстро парня в ЗАГС затащила!» А она такая довольная. И ответа не заставила долго ждать. «Ага, - говорит, - я такая! У подружки жениха увела!»

Людка с трудом проглотила обидные слова.

- Не хочу я, Зина, об этом говорить…В конце концов, это был его выбор. Пусть будут совет, да любовь.

На том и завершилась ещё одна страница несчастливой Людкиной судьбы.

***

Стоял последний день августа. Ещё одно лето, прощалось, уходило, оставляя светлые и тёплые воспоминания о бесконечности нашего движения во времени. Где – то когда – то прочитанные Людмилой строки «за жарким летом снова будет осень косым дождём дорожки поливать…» назойливо крутились в голове. А август уже вплёл в зелёные ещё кроны берёз жёлтые веточки, будто раннюю седину в причёску женщины. В палисадниках буйствовало яркое разноцветье, радуя глаза красками любимых цветов. Солнышко ещё ласково разбрасывало лучи. Но вокруг уже чувствовалось дыхание осени: холодные утренние росы на травах; исчезнувшее щебетание птиц; отдалённое гортанное курлыканье журавлей на дальних выгоревших лугах, где собираются они перед предстоящим отлётом в тёплые края; хлопотные заботы сельчан на огородах; прогнувшиеся от изобилия плодов тяжёлые ветки яблонь в садах… А в сельхозпредприятиях уже начались уборочные работы. Людмила любила это время года. Ей нравилось бывать на полях, где набирала обороты осенняя жатва, где, образно выражаясь, начиналась битва за хлеб! Вот и сегодня ей предстояло сделать яркий материал с поля.

Героем она выбрала молодого механизатора Ивана Хлопотова из Ожеговки, где, вопреки всем перестройкам и преобразованиям последних лет, сохранился колхоз со старым названием «Путь к коммунизму». Коммунизм давным – давно, поистине, стал призраком, но путь к нему на удивление видно продолжал маячить. Старый, опытный председатель колхоза Борис Григорьевич Баринов не только сохранил прежнее название коллективного хозяйства, но и сумел не допустить его развала. Уж какими путями он этого достиг, было неведомо районным властям, но колхоз продолжал жить, пусть трудно, но сохраняя былую славу, костяк коллектива. Не просто хозяйство держалось на плаву, а находило возможность приобретать новую технику, обновлять производственную базу, иметь свой семенной фонд. За тяжелейшие годы реформ не было потеряно ни гектара пахотных земель. Баринов буквально сражался за своё хозяйство. И его рьяно поддерживали земляки. Всю зиму ожеговцы добросовестно перебирали – латали старую технику, каждая шестерёнка, каждый винтик проходили через их руки, чтобы надёжно встать на своё место. На новую технику средства собирали всем колхозом. Вносили кто

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

сколько мог. И это при том, что надо было самим выживать, одевать и учить детей, кормить семьи. Благо, что прежде богатый колхоз имел надёжную основу: хорошее колхозное жильё, у каждого крепкое подсобное хозяйство. Ожеговцы выстояли в те нелёгкие времена. Нашли пути остаться на родной земле и не предать малую родину. Баринов сплотил своих земляков, будто крепче притянул их к отчине. Все три колхозные деревни были как островок, хранимый Всевышним среди бушующего урагана непогоды в степи. Издавна в колхозе работали династии хлеборобов. Отец передавал своё дело сыну. Когда – то и Боря Баринов пришёл на смену отцу Григорию Ефимовичу, пахавшему ожеговские поля вслед за его отцом Ефимом Бариновым. Борису Баринову не дал бог сына, однако на смену пришёл зять Виктор, а уж нынешний передовик Ванюшка Хлопотов приходится внуком. Его – то и выбрала Людмила Завьялова героем своего будущего очерка. В поле она приехала утром. Работа уже кипела вовсю. На том конце поля двигались крошечные комбайны, казавшиеся на фоне безоблачного неба тёмными букашками. Редакционная «шестёрка» остановилась на полевой дорожке у берёзового колка. Людмила и фотокор Максим Колотыгин устроились в тенёчке, чтобы дождаться, когда комбайн прибудет на этот край. Приехавший с ними агроном, конечно, спешил по своим делам, но всё - таки охотно рассказывал о том, как идёт работа на жатве и подробнее о передовике Иване Хлопотове.

А поле, раскинувшееся до самого горизонта, было действительно золотым. Оно волновалось под лёгкими порывами ветерка, шумело загадочно и ласково. Тяжёлые колосья стояли чуть склонившись и, казалось, светились налитым зерном. Красота! Людмила вышла в густоту поля, наклонила над ладонью чуть шероховатые колосья и нашелушила в горсть тёплое янтарное зерно. Сдула сухую шелуху и, довольная, положила зерно на язык. Чуть сладковатое на вкус оно жевалось легко и приятно.

Комбайн Ивана уже приближался и не выглядел той тёмной букащкой, как на том конце поля, он имел вполне реальные очертания, даже был виден сидящий за штурвалом комбайнёр, слышался гул мотора.

Встреча на краю пшеничного поля была недолгой. Иван, вытерев тряпкой пыльное лицо, улыбнулся приветливо и чуть застенчиво, коротко бросил:

- Не люблю я о себе рассказывать. Работаю и работаю. Как все. Просто стараюсь всё на совесть делать. Люблю поле. Нравится, что труд мой не напрасно славен. Ведь известно, что хлеб – всему голова. А значит, важен и нужен.

- А почему ты, Иван, этот труд выбрал, а не иной? Ведь мог и в город уехать. Парень ты грамотный, спортсмен, - начала беседу Людмила.

- Нет.- твёрдо ответил Иван, - Я пришёл работать в сельское хозяйство, потому что мне нравится этот простор, техника. Я, можно сказать, вырос в поле, когда мальчишкой бывал здесь с отцом в дни осенней страды. Ему благодарен за любовь к труду хлебороба, что привил он мне. Где ещё можно увидеть этот вольный простор, почувствовать свежий ветер, ощутить радость приобщения к значимости своего труда! Разве можно остаться равнодушным, когда бункер комбайна наполняется солнечным зерном! Когда его тяжесть можно почувствовать, зачерпнув в ладони, а потом сыпать, будто золото! Это гордость и счастье, которые проходят через самое сердце!

Людмила слушала эти слова молодого комбайнёра, будто волшебные звуки мелодии, что шла из глубины души. А он рассказывал о том, как осваивал новую технику, стремился к трудовому подвигу, как каждая уборочная страда для него становится праздником. Вот и теперь он с гордостью работает на новом современном комбайне марки «Джон Дир», держит лидерство.

- А вот и отец подоспел, - улыбнулся Иван, бросив взгляд на подошедший к краю поля второй комбайн. – Он для меня не просто наставник, а главный жизненный

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ориентир.

Людмила поспешила к комбайну. Не могла она не побеседовать с хлеборобом, чьё имя много лет значилось в числе лучших тружеников хлебной нивы в районе. Виктор Хлопотов был хорошо знаком Людмиле, ведь когда – то ей довелось писать о трудовых достижениях знатного хлебороба.

Виктор тепло поприветствовал корреспондента.

- Вот, теперь сын нашу хлеборобскую славу продолжает, - отметил он с улыбкой, - Ванюха с детства любил в поле работать. Нравилось ему помогать мне на полевых работах. С желанием всё делал: то ключ принесёт, то гайку подтянет. Так и прикипел душой к сельскому труду, к земле – матушке.

Попрощавшись с хлеборобами, журналисты довольные возвращались в родные пенаты. Творческая командировка имела успех, позволила Людмиле испытать эмоциональную удовлетворённость.

***

Утром она принесла готовый материал. До поздней ночи писала. Очерк получился эмоциональным. Удачные сюжетные фотоснимки, сделанные Максимом, ярко дополняли его. Вставленные фонарики несли дополнительную информацию. Новая заместительша редактора Валентина Крутых вызвала её после обеда. На её рабочем столе лежал Людмилин материал с жирными красными метками на листах.

- Посмотрела я Ваш очерк, - сдержанно сказала она. – Неплохо. Только вот, Люда, придётся сократить. Слишком много лирики. Подать надо покороче и конкретнее. Побольше цифр, позволяющих увидеть, что это передовик. Должно же быть сравнение его показателей с другими. А у Вас он выглядит не совсем лучшим, поскольку нет соперников рядом…

Выслушав тираду мыслей начальницы, Людмила твёрдо ответила:

- Ничего я сокращать не буду. Именно лирические моменты помогают высветить личность моего героя, широту его души, любовь к делу, верность земле. Он показан таким, как есть. Кстати, вот такие материалы, с художественным уклоном, с лирикой, любят мои читатели. А что касается цифр, так они совершенно не нужны людям, которые будут читать публикацию. Это же не сводка о сельхозработах. К тому же главные показатели его успеха – скошено площадей, валовой намолот - даны в фонарике. Сравнивать же его с другими участниками жатвы просто некорректно. Все работают добросовестно. Высвечивать его на фоне других нет необходимости.

- Что же, - недовольно парировала Валентина, - Вам виднее… Пусть редактор смотрит материал.

Уже вслед уходящей Людмиле иронично бросила:

- Вам бы книги писать с такой лирикой…

В кабинете Людмила нервно уставилась в компьютер. Ничего не видя на экране монитора, старалась взять себя в руки, успокоиться. Ничего же не произошло. Очередная стычка с Валентиной. В последнее время таковые случались нередко. И хотя она не вступала в резкие конфликты, чувствовалось раздражение, точнее непонятное напряжение. «Должно быть наши звёзды разные, знаки Зодиака резко противодействуют друг другу» - думала Людмила. У неё никогда не случались какие – либо непонимания в коллективе. И вот теперь она переживала из – за этого противостояния с заместительшей. Даже подумывала о том, что надо просто уйти с работы. Хотя любила своё дело до глубины души. Любила за творческие поездки в отдалённые деревни, за встречи с людьми, за умение перевоплощаться в самые разные профессии, за всё, что таила в себе волшебная страна «Журналистика». Ей нравилось разворачивать свежий номер родной газеты, пахнущий типографской краской, видеть на полосах готовые материалы со

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

знакомыми подписями коллег, чёткие снимки, снятые фотокором…Работа для неё была той гаванью, куда спешила она с любовью и желанием. Это была часть её жизни.

Вечером Людмилу пригласила редактор Елена Олеговна.

- Хорошо, Людмила, написала. Я с удовольствием прочитала. Отдала в печать. В этом номере и выйдет твоя полоса.

Помолчав, поинтересовалась:

- Только что у вас с Валентиной Игоревной случилось?

- Да всё нормально, - заверила Людмила, - немного разошлись во взглядах. Бывает.

Очерк «Отец и сын» вышел под рубрикой «Герои хлебной нивы». На очередной планёрке он был признан лучшим материалом недели.

***

В церкви было немноголюдно. Лишь несколько старушек, да молодая женщина с девочкой лет пяти стояли у разных икон, прося каждый о своём. Литургия недавно закончилась. У алтаря горели свечи. Пахло ладаном. Вся атмосфера располагала к спокойствию, навевала благодать. Люда вошла в храм почти неслышно. Перекрестилась как – то взволнованно и даже торжественно. Поискала глазами иконы Христа – Спасителя и Матери Божьей.

Вчера вечером к ней в комнату зашла Татьяна Семёновна. Молча села напротив и внимательно посмотрела в глаза.

- Неважно выглядишь, доченька, - с затаённой печалью промолвила она. – Волнуюсь я за тебя. Надо тебе взять себя в руки, успокоиться. В конце концов не небо рухнуло. Это жизнь, Люда. Всякое случается…

- Знаю, мама, - тихо ответила Людмила. – Я всё понимаю…Только так мне тяжело далось это предательство… И Егор. Ладно бы расстались, как с Антоном и ушёл бы к другой, к незнакомой… А Аня… Тут вообще в голове не укладывается. Я ей, как сестре доверяла. А она…Знаю, всё проходит. И это пройдёт. Не переживай, мамочка, я справлюсь…

Она замолчала, опустив голову и с трудом сдерживая подступивший к горлу комок.

- Сходила бы ты, Люда, в церковь, - прервала молчание Татьяна Семёновна. – Надо снять тебе, родная, боль души. Помолись Господу, Пресвятой Богородице. Свечки поставь…Сходи, дочь…

И опять в комнате повисло напряжённое молчание.

- И вот ещё что, Люда, - продолжила мать, - не держи зла, да обиды. Это грех. Отпусти их от себя. Запомни: Господь милостив. Поставь свечи за здравие тех, кто обидел… Всё у тебя будет хорошо. Ты сильная, ты справишься. Найди силы и прости…

Всю ночь Людмила думала над словами матери. Действительно, ничего самого страшного не произошло. Никто не умер. Не грянула катастрофа. «Не рухнуло небо», как выразилась мать.

Да, предательство – это страшно. Это тяжело. Но это – испытание. Его надо выдержать. Где – то она слышала, что испытания Господь даёт по мере сил наших. Значит, у неё достаточно сил для преодоления данного испытания. А помощи Божьей попросить не вредно. И утром Людмила направилась в Храм. Молитв она не знала. Но порывы души подсказывали нужные слова. Она со слезами на глазах рассказывала, стоя перед иконой, о той боли, что уже несколько месяцев терзала её, не отпускала ни днём, ни ночью. Она просила Господа помочь ей справиться с этой болью. У иконы Богородицы была прикреплена крупно напечатанная молитва. Её слова проникали в самую душу, будто трогали за живое её нежные тонкие струны:

« Царице моя Преблагая, надеждо моя Богородице…Зриши мою беду, зриши мою скорбь…», - шептали губы, а слёзы сами собою текли по щекам, - «Помоги мя яко

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

немощну, окорми мя яко странна. Обиду мою веси разреши ту яко волиши…»

Людмила закончила читать молитву, и некоторое время стояла у иконы, вглядываясь в огромные ясные глаза Богородицы, и чувствовала, как уходит из души тяжесть, и будто незримо вплывает успокоение, лёгкость. Она зажгла свечи и бережно поставила их за здоровье Егора, Ани…И Антона. Помолилась. Уже направляясь к выходу, неожиданно вернулась. Взяла ещё несколько свеч. Поставила их за здравие мамы, сестры Шуры и её домочадцев. Одну свечу зажгла в другом уголке, у иконы распятого на кресте Христа, прочитав заупокойную молитву о рабе Божием Степане… У выхода, троекратно перекрестившись, Людмила шагнула за порог Храма. Чувствовала она себя так, как будто заново увидела окружающий мир – синее небо, ясное солнце, зелёные деревья, цветущие клумбы… Подняла голову и, сощурившись, посмотрела на позолоченные купола и крест над церковью, от которых ярко отражались солнечные лучи. Душа её словно качалась в лёгкой колыбели неземной Благодати…

***

Ей снилось «Колесо обозрения». Оно медленно и размеренно вращалось. Внизу, как на ладони, были хорошо видны зелёные аллеи парка, водоём, карусели, качели, игровые площадки – всё то, что притягивало в парк и взрослых, и детей. А вдали – город, с его кварталами, домами, заводскими трубами, движущимся как букашки авто и транспортом… Красота! Из всех видов аттракционов Людка любила больше всего именно «Колесо обозрения». На нём она чувствовала себя умиротворённо. Лёгкий ветерок ласкал лицо, а мысли текли ровно, спокойно. Порой она совершала на нём по три – четыре оборота…

И вот сегодня ей снилось «Колесо». Было то состояние, когда не чувствуешь ничего кроме блаженства. Уже проснувшись, она лежала, не открывая глаз и, казалось, продолжала движение. На душе было легко и очень спокойно. «А что бы ни поехать в город, не сходить в парк? Не покружиться на «Колесе»? - подумала она.- Ведь до города лишь пятьдесят минут езды на автобусе. Сегодня воскресенье – выходной. И день прекрасный. И дел особо важных нет. Отдохнуть!»

Она решительно встала и начала собираться.

Июльский денёк выдался очень хорошим. В автобусе ехали не более десятка человек. Людка села у окна и с удовольствием любовалась мелькающими за ним пейзажами – тянущимся вдоль дороги то величественным сосновым бором, то светлыми берёзовыми колками, то бесконечностью раздольных, начинающих уже колоситься полей. А по обочинам тянулись цветущие плантации белых ромашек, жёлтого подмаринника, фиолетового иван – чая.

В городском парке было многолюдно. Играла музыка. Вверх – вниз летали качели, кружились карусели, неслись кабинки по страшным горкам, плавно крутились цветные лошадки для самых маленьких. Всё было как обычно. Людка купила билет на аттракцион и прошла к любимому «Колесу». Удобно устроилась в кабинке, пристегнулась ремешками безопасности. Медленно двигаясь по кругу, с удовольствием любовалась знакомыми картинами. Ей было очень хорошо. «Ну, вот видишь: подарила себе маленькую радость. Так сказать – исполнила каприз», - улыбаясь, думала Людка.

Она ещё погуляла по парку, уплела своё любимое шоколадное мороженое. Купила белую булочку и отламывая маленькие кусочки с удовольствием бросала голубям, рядышком расхаживающим у скамейки, где она уютненько устроилась. Время близилось к вечеру, и она отправилась на автовокзал. Как и в первый путь, пассажиров на рейс оказалось немного. Усевшись на облюбованное место у окна, Людка опять начала просматривать мелькающие за ним картины. Но каким – то чутьём чувствовала на себе пристальный взгляд сидящего наискосок молодого человека. На него она обратила

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

внимание ещё там, у билетной кассы: среднего роста, сероглазый, с короткими аккуратно подстриженными тёмными волосами, он был одет в лёгкую полосатую тельняшку и светло – синие бриджи. «Дембельнулся недавно», - почему – то подумала Людка. Ещё один момент привлёк её внимание: билет он брал до Ромашково. Но, ни разу за два учебных года Людка в селе его не видела.

- Девушка, - вторгся в её раздумья парень, - может познакомимся? За разговором и время быстрее пролетит.

Он улыбнулся и протянул руку:

- Андрей.

- Людмила, - ответила она, принимая рукопожатие. Он довольно крепко сжал её ладонь. В один момент пересел на свободное рядом с ней место. Продолжил знакомство:

- Родился, вырос и живу в посёлке Ромашково. Закончил школу. Недавно вот со службы вернулся. Ещё не успел на гражданке привыкнуть. Служил на флоте. Вот такие вехи моей скромной биографии. А Вы?

- Я из Светлогорска. Теперь работаю в Ромашково, в ГПТУ – 12, литературу преподаю.

- Вот это да! – обрадовался Андрей, - значит, в одном краю живём! А теперь куда едете?

- Домой, в Светлогорск. Я сейчас в отпуске.

Время за беседой пролетело быстрёхонько. За кольцом автобус повернул в сторону Светлогорска. Вскоре показалась знакомая окраина. На автовокзале Людмила попрощалась с новым знакомым.

- До встречи, Люда, - улыбнулся Андрей. – Буду ждать тебя в конце августа.

- Пока! – кивнула Людка.

***

Творческие командировки были для Людмилы той благодатной почвой, которая давала энергию, новые находки для её мыслей, людей, чьи образы ложились в основу публикаций. Она возвращалась из поездок по району в приподнятом настроении, сюжетом очерка, репортажем или интервью. Около года назад она разработала новый проект публикаций «Точка на карте района», где взялась за освещение малых деревень, живших своей незавидной жизнью. Ясное дело, трудно выживали такие «точки»: ни перспективы развития, ни социальных объектов, ни работы…Молодёжь в большинстве своём покидает родной уголок, а старики коротают дни и годы. Но теплится ещё деревня. И о том каковы её проблемы, надежды, трудности и маленькие радости и рассказывала на тематических страницах «районки» Людмила Завьялова. В такие командировки она всегда ездила с удовольствием. Планировала их тщательно и привозила кучу информации. Писала быстро, так сказать « с колёс». Эти страницы являлись её любимым детищем. Их любили читатели, ценили коллеги.

А вот в этот день она вернулась с каким – то непонятным осадком тягостного чувства на душе. Отчего? Она сама толком не понимала. Всё, как всегда, шло по намеченному сценарию: беседа с главой местной администрации о проблемах населения, встреча с деревенскими активистами, посещение молодой многодетной семьи, маленького клуба, где изредка собирались жители, чтобы обсудить насущные проблемы своего выживания. Даже в обветшалый крохотный магазинчик заглянула. Бойкая продавщица, женщина средних лет, грустно поведала, как трудно ей работать в этом «нищем магазине», где и продать – то доброго ничего не бывает. Так мелочовка!

- А деваться – то некуда. Вот и прозябаю в этой «мышеловке», - пожалобилась она.- Кто за сахаром зайдёт, кто за солью. Мужики только за куревом, да за «пойлом»…

Людмила даже познакомилась и побеседовала с казачьим атаманом. Не каждая

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

деревня может похвастаться тем, что имеет на своей территории представителей казачества. А вот Васюткино – может. Станичный атаман Тимофей Васюков рассказал много интересного. Для встречи даже надел казачью одежду, высокую папаху и пристегнул саблю. Предстал перед гостьей во всём наряде бравого казака.

- Мы представляем здесь Оренбургское казачье войско. В моём подразделении десять казаков. Главное призвание казачества – служить России, а наша территория – это малая часть страны, поэтому задача для нас – сохранять покой и порядок в её пределах, - рапортовал он.

Потом Людмила направилась к старейшей жительнице деревни Матрёне Ниловне Дерябиной. Ей исполнилось 98! Стоп! Кажется вот она причина такого настроения у Людмилы. Прежде, чем пойти на встречу со старушкой, корреспондентский «уазик» подъехал к дому в центре деревни. Тут жила дочь Матрёны с семьёй. Забрав её, покатили к матери. Матрёнина избушка, низенькая, никудышная, стояла на деревенской окраине. Сразу бросился в глаза заросший до самых окон крапивой да полынью двор. Узенькая тропинка вела к ветхому с шаткими перильцами крылечку. В ограде, за развалившимся сгнившим заборчиком неприглядно топорщилась сухими ветками старая яблоня, да переплелись заросли малинника. Было жутко неуютно и как – то пустынно. Обветшалые сарайки, вероятно когда – то служившие баней да пригоном, сиротливо дополняли картину полнейшей разрухи. В другое время Людмила решила бы, что тут вообще никто не живёт. Ан, нет! Именно здесь, оказывается, предстояла ей встреча со старейшей жительницей деревни.

По шатким ступенькам Анна, дочь старушки, провела гостью в маленькие сени, и, открыв низкую, обитую грязным старым одеялом дверь, пригласила в избу. То, что увидела Людмила, не вписывается вообще ни в какие рамки. Грязные, давно небеленые стены, тенёты по углам, пыльные окна за непонятного цвета занавесками. Единственная маленькая лампочка под низким потолком, замызганная домотканая дорожка…

На провалившейся панцирной кровати под не то выгоревшим, не то грязным одеялом сидит закутанная в старый клетчатый полушалок старушка. Надетая тёплая кофта буквально лоснится от нечистоты. А в помещении стоит тяжёлый запах застоявшейся мочи. От всего этого убогого стойкого вида и запаха у Людмилы закружилась голова, подступил комок тошноты. Захотелось убежать от этого ужаса. Она с трудом преодолела себя и представилась старушке, ознакомила с целью своего визита. А в голове возникло неприязненное отношение к дочери. Стучала назойливая мысль: « Неужели мать в конце своей жизни не заслужила тепла и заботы? Как можно в такой грязи и убожестве держать самого близкого человека? Почему не привести в чистоту и порядок её жилище? Да и саму старушку не помыть, не одеть чистенько и аккуратно? Наверное, и внуки есть, чтоб позаботиться?» Вопросы без ответов роились в голове Людмилы. Ни разу за все годы работы в газете она не видела такой ситуации. Почему бы вообще Анне не взять мать к себе? Ведь в её большом доме нашёлся бы, наверное, уголок для матери.

А память у Матрёны Ниловны оказалась отменной. Несмотря на свой возраст, она доподлинно помнила вехи своей жизни: семью, в которой родилась и выросла, годы трудной молодости, коллективизацию, военное лихолетье и последующие периоды. Немало испытаний выпало на её долю. Особенно врезались в память годы войны. Трудилась она тогда трактористкой.

- Дали мне перед самой войной трактор – колёсник. В колхозе их имелось несколько, а управлять ими доверяли самым надёжным. Помню с какой радостью выводила его на поле. Пахала землю весной и осенью и гордилась, что вот я, простая деревенская девчонка, а управляюсь с железным конём. Испытывала такое удовлетворение, что и не высказать. А ведь в войну приходилось выполнять тяжёлую неженскую работу.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Матрёна на минуту замолчала, будто что – то вспоминая. Людмила не торопила её. Тоже молчала. Ей будто наяву виделась та девушка, что вела трактор по широкому полю и хлебородная земля ложилась вслед чёрными пластами и источала ни с чем несравнимый запах свежей пахоты. Вот такое молодое поколение вписало яркие страницы в историю нашей страны. А теперь вот сидит в грязной избушке старая женщина и доживает век в нищете на мизерную пенсию. Забыта всеми: родными, Родиной, местными и районными властями…А ведь наверняка мечтала жить в богатой России, которую любила всей душой и верила в её светлый завтрашний день.

- Пятнадцать лет пахала, боронила, сеяла, - будто очнувшись, задумчиво продолжила Матрёна Ниловна. – Работать в сезон посевной и уборки нередко приходилось и по ночам. Только усталость старались не замечать. Молодость справлялась с ней. Бывало, что спали прямо в поле. Вздремнём часок – другой и опять за работу…

Попрощавшись со старушкой, Людмила вышла на крыльцо и полной грудью вдохнула свежий воздух, прошла по заросшей густой травой тропинке и, выйдя за скрипучую калитку, ещё раз оглянулась на ветхую избушку и полуразвалившиеся сгнившие постройки. Чувство жалости и обиды за судьбу старой труженицы не покидало её. Всю дорогу до редакции она молчала, «переваривая» увиденное и услышанное.

- Что ты, Людмила, будто в воду опущенная? – искоса глянув на неё, произнёс водитель Алексей Николаевич.

- Не знаю. Что – то тяжело на душе, – тихо ответила она. – Должно быть, жара эта навалилась…

***

Лето как всегда пролетело незаметно. Сухое и жаркое оно манило на речку или в прохладу леса, где можно было укрыться от зноя, насладиться природой, набрать грибов и ягод. Людмила любила бывать в лесу. Тут она могла побыть наедине со своими мыслями. Август перевалил за вторую половину. Пора было собираться в Ромашково, где ждали её привычные заботы и хлопоты. Предстояла встреча с новыми ребятами. Весной она выпустила в жизнь свою первую группу, которую вела два года. Девчонки плакали, расставаясь с полюбившейся им « классручкой», обещали звонить и писать. От некоторых действительно пришли первые письма, где они сообщали, что определились на работу, что скучают по посёлку, по училищу и по ней, приглашали в гости. Она улыбалась, читая эти добрые весточки. И радовалась, что вот так и она оставила в чьй – то судьбе заметный след. Начала нового учебного года она ждала с предвкушением реализации новых планов и творческих задумок. Ещё перед отпуском, составляя учебный план на предстоящий год, она разработала новую для себя методику изучения нового материала, форму его подачи не традиционным путём изучения произведения, а подготовку сообщений ребятами, просмотра кинокадров и инсценировки коротких ключевых сцен, подготовленных студентами на дополнительных занятиях. Таких, как «Первый бал Наташи Ростовой», «Ночь в Отрадном», «Небо Аустерлица» по роману Л.Н. Толстого «Война и мир»; «Раздумья Раскольникова» из романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание, где героев дополняла звукозапись их мыслей и чувств. Такие моменты можно умело найти и вычленить в сюжетах А.П. Чехова «Вишнёвый сад», И.С. Тургенева «Отцы и дети» и в каждом другом программном произведении. А в качестве закрепления материала запланировала составление мини – ребусов, небольших кроссвордов, проведение викторин и игровых конкурсов. Такие творческие моменты по её расчётам позволяли ребятам глубже изучить произведения классиков, вызвать интерес к современному литературному наследию.

Кроме того она мечтала организовать работу «Клуба любителей поэзии», где наряду с творчеством любимых мастеров стихосложения планировала и самим получить азы

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

этого мастерства, попробовать свои силы в поисках лирической музы.

Заместитель директора по учебной работе Людмила Васильевна Васина («Вась – Вась», как звали её коллеги, а это почему – то напоминало Людмиле «Гор – Гор») ознакомившись с планом молодого педагога, удивлённо заметила: «Необычный план Людмила Степановна! Интересный! Только вот справишься ли с такой формой построения уроков?

- Справлюсь! – уверила Людмила.

- Ну что ж попробуй, новатор наш! – улыбнулась Вась – Вась, возвращая план.

В последние дни августа Людмила уехала в Ромашково. Предстояло подготовить плакаты, наглядные пособия, праздничное выступление, оформление класса к первому учебному дню и приступить к реализации задуманного.

Андрей встретил её у прибывшего автобуса с букетом пушистых астр, коробкой с тортом и они сразу же отправились в её комнату в центре посёлка – пить чай. Всё было просто и естественно. Чаепитие удалось. Андрей с удовольствием слушал её восторженные рассуждения и даже вызвался помочь в подготовке: сделать рамки к наглядным пособиям, подобрать музыку к торжественному проведению праздника и оформить класс.

***

Через два года Андрей и Людмила поженились. Свадьба была скромной и немноголюдной: родные, друзья коллеги. Училище выделило молодым квартиру недалеко от места работы. Подряд родились девчонки Лена и Люба. А ещё через два года перебрались Завьяловы в райцентр. И в Светлогорске всё складывалось хорошо: семья, работа, решение квартирного вопроса. Пожалуй, самым тёмным пятном в судьбе тех лет стала перестройка. А потом тяжёлые девяностые. Эту пору Людмила и теперь вспоминала с содроганием души: финансовые трудности, связанные с невыплатой зарплаты, пустые магазинные полки, очереди за ставшими дефицитом товарами первой необходимости, рост безработицы…Всё это тяжким бременем ложилось на людей, выбивало из жизненной колеи, лишало уверенности в завтрашнем дне. Почти три года Андрею пришлось периодически уезжать на заработки в северные регионы. Людмила терпеливо тянула и дом, и хозяйство, и детей. Помогала сестра Шура. Но ведь и у неё была семья. Приходилось не легче. Деньги, привезённые Андреем с вахты, расходились быстро на самое необходимое, на сборы детей в школу, на одежду, обувь, питание.

Часто в минуты отчаяния Людмила шла на погост, где были похоронены родители, плакала на могиле матери, рассказывала о выпавших испытаниях. Потом, вернувшись домой, принималась за привычные семейные дела.

Особенно ярко из тех девяностых врезался в её память, кажется пустячный случай. Как – то в зимний день девчонки вернулись из школы. Была суббота и Людмила находилась на выходном. Усадив дочек за кухонный стол, поставила тарелки с обедом. И вдруг младшенькая – Любаша – сорвалась с места и бегом убежала в комнату, что – то достала из портфеля. Вернулась с одной карамелькой в синем фантике.

- Мама, раздели нам с Леной конфетку, - попросила она, сунув Людмиле маленькую сладость. – Это у Тани Рюминой сегодня день рождения и она всем по конфетке дала. Я принесла домой… Подумала, что Лена ведь тоже хочет…Конфетка вкусная…Зина Ладкина ела, так она очень вкусно пахла…Раздели нам с Леной, мама…

Людмила взяла карамельку в синем фантике и прочитала на обёртке: «Слива». На глаза навернулись слёзы, и комок подступил к горлу. «Господи…Да что ж это творится? – отчаянно билась мысль, - слыханное ли дело резать карамельку пополам?»

Она бережно разделила её и положила перед девчонками две равные дольки…А потом, покормив детей и убрав посуду, ушла в ванную и там неслышно плакала от

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

безысходности и обиды.

На другой день отправилась в больницу на станцию переливания крови. Там за донорскую сдачу её давали пачку печенья и небольшой кулёчек с карамельками или дешёвыми конфетками. И это был выход, чтобы побаловать детей сладостями. Такие периодические походы на длительное время стали для неё закономерностью.

И только работа являлась для неё отдушиной. Она ездила в творческие командировки, собирала материал, готовила интервью, репортажи, очерки. Общение с людьми помогало ей снимать напряжение, а подготовка материалов отвлекала от проблем и трудностей. Нередко по ночам писала зарисовки о тружениках сёл, где побывала, старалась вложить в них весь свой творческий потенциал.

***

В один из последних дней октября выпал снег. Мокрый и тяжёлый он укрыл землю, лёг на золотой ковёр осенних листьев, пожухлые цветы, серые крыши домов, облепил провода, развесистые лапы елей. Злой и холодный северный ветер пробирал насквозь. Казалось, зима взяла свой бешеный разбег и не на шутку разбушевалась.

К вечеру стало чуть спокойнее. Андрей повесил за окном на дереве кормушку для птиц. Серые воробьи, желтогрудые синицы стаей устремились к ней, толкаясь, клевали семечки. Людмила любила наблюдать из окна за оживлённым гомоном. Вот и сегодня она смотрела на птиц и вспоминала, как много лет назад вместе с Андреем кормили пернатых их девчонки. С радостью и восторгом они ждали дня, когда слетятся птички в домик – кормушку на угощение. С первым снегопадом Леночка и Любашка наперебой кричали: «Папа! Папа! Там птички в столовую прилетели! Пойдём их кормить! Они такие голодные!» и Андрей шёл весить кормушку. Птицы рассаживались на развесистое вишнёвое дерево и терпеливо ждали, когда можно будет приступить к трапезе. К кормушке прилетали шустрые воробьи, синички в жёлтых блузочках с чёрными галстучками, красногрудые снегири. А иногда наведывались жадные галки, длинноносые вороны. Даже белобокие сороки не брезговали маленьким уютным домиком, где можно было полакомиться. В такие минуты шустрая мелочь стаей снималась с кормушки и, усевшись на вишнёвом кусту, ждала очереди. Только снегири не боялись крупных сородичей и садились на краешек «столовой».

Сегодня птиц пока не было. Они, вероятно, попрятались от порывистого ветра и пережидали непогоду. Андрей, насыпав семечки, спешно направился домой.

- Ой, какая холодрыга! – весело бросил он, закрыв за собой дверь. – Ветер просто адский! Не хочется на улицу выходить.

- Ну что ж будем к зимней стуже готовиться, - заключила Людмила.

Они, не сговариваясь, прошли на кухню и, уютненько устроившись за столом, приступили к чаепитию с яблочным пирогом, что с утра испекла Людмила.

***

Вот уже много лет они жили вдвоём. У каждой из девчонок была своя семья, крыша над головой, стабильная работа. Андрей и Людмила отметили сапфировую свадьбу. Время приближало золотой юбилей. С радостью помогали растить внуков. Жизнь текла своим чередом. Каждый прожитый день приносил новые надежды и ожидания. И как прежде на смену летней жаре приходила золотая осень, белая зима, а в мае цвела сирень.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Ширманов Игорь Александрович (Олег Яненагорский)

Ханты-Мансийск

Родился в Зауралье в 1959 году, образование высшее, литературным творчеством стал заниматься в 45 лет. Член "Союза писателей России". В настоящие время живет в Тюменской области. Сфера интересов: философия, право, история и русская литература. Издано шесть печатных сборников: «Торговля смыслами и другие рассказы» (2005 г.), «Безумные известия и другие литературные формы» (2005), «Бесконечность в особенном: философская проза и рассказы для молодых юристов» (2006 г.), «Чужие маски, собственная жизнь…» Сборник рассказов и миниатюр (2013 г.), "Путешествие по скрытой части айсберга.Сборник рассказов и миниатюр" (2015 г., США), "Ангелы не усмехаются и другая печальная проза"(2017 г.).
Кроме того, публиковался в журналах, альманаха и коллективных сборниках российских авторов: "Второй Петербург", "Кольцо А", "Чаша круговая", "Эринтур", "Врата Сибири", "Меридиан", "Высокие широты", а также в «Вестнике Российского философского общества», в журнале «Здравый смысл» и других печатных и электронных периодических изданиях.
Ответственный секретарь Ханты-Мансийской окружной организации Союза писателей России.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Олег Яненагорский

Остров неявных смертей

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие
Глава первая. «Рай на реке Квай». Первые знакомства
Глава вторая. Утро первого дня. Морское путешествия на маленькой яхте
Глава третья. Полдень первого дня. Тридцать секунд для первого впечатления
Глава четвертая. Вечер первого дня. «Встреча с поэзией» и другие не плотские развлечения
Глава пятая. Вечер первого дня. Время поэзии и первые осложнения
Глава шестая. Вечер первого дня. Коварство незнакомых коктейлей, или несколько слов на тему «Столько пить не надо»…
Глава седьмая. Утро второго дня. Первая смерть
Глава восьмая. Утро второго дня. Миролюбивые беседы над обрывом
Глава девятая. Вечер второго дня. Длинный рассказ про отпечатки пальцев
Глава десятая. День второй, до обеда. Как не надо падать с лестницы…
Глава одиннадцатая. День второй, после обеда Дневное общение в маленьких бассейнах
Глава двенадцатая. День и вечер второго дня. «Воспоминанья о минувших днях»…
Глава тринадцатая. Вечер второго дня. О пользе рассказов про массовые убийства
Глава четырнадцатая. Поздний вечер второго дня. «У одинокого оптимиста кровать наполовину занята»…
Глава пятнадцатая. Утро третьего дня. Нужно ли пожилому джентльмену заглядывать в мусорную корзину?
Глава шестнадцатая. Полдень третьего дня. «Уже не персик, но еще не курага»…
Глава семнадцатая. Вторая половина третьего дня. Рассуждения Сан Саныча о геополитике и воспоминания о жучках.
Глава восемнадцатая. Вторая половина третьего дня. Воспоминания о моей молодости
Глава девятнадцатая. Вторая половина и вечер третьего дня. Размышления об объёме сосудов
Глава двадцатая. Вторая половина третьего дня. «Вам не надо брать в руки это оружие»…
Глава двадцать первая. Вечер третьего дня. О пользе изучения философии и логики
Глава двадцать вторая. Поздний вечер третьего дня. Дружеские беседы под холодное пиво
Глава двадцать третья. Очень поздний вечер третьего дня. Об искусстве заключения вынужденных сделок
Глава двадцать четвертая. Ночь между днем третьим и днем четвертым. Короткий разговор в состоянии сильной усталости
Глава двадцать пятая. Утро четвёртого дня. «Каждый доли своей хозяин, счастья своего кузнец»
Глава двадцать шестая. День четвертый, после завтрака. Как правильно вводить в заблуждение…
Глава двадцать седьмая. День четвертый, после обеда. «Море, море, шум прибоя»…
Глава двадцать восьмая. День четвертый, перед ужином. Версии, рожденные на пирсе…
Глава двадцать девятая. Вечер четвертого дня. Можно ли обмануть свою судьбу? Или чужую?
Глава тридцатая. Ночь между днями четвертым и пятым. Разговоры о перистых облаках или «Красота в глазах смотрящего»…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава тридцать первая. Утро пятого дня. Тайник и «сломанная хризантема».
Глава тридцать вторая. День шестой. Разговоры о красивой любви и плотских желаниях
Глава тридцать третья. День седьмой. «Мы разошлись, как в море корабли»...
Эпилог. Два письма с неожиданными предложениями

Предисловие

И смерть – предел всего,
и мы идём пустыней,
живя тревогою земной.

Альфред Теннисон

В моем рассказе не будет захватывающих погонь на арабских скакунах, гонок на супермашинах с пронзительным визгом автомобильных шин. Какие погони на одинокой скале? Не будет уличных драк и спортивных боев. Не будет рассказов и показов, как в американских фильмах, о красивых схватках, когда на крышах герои на потеху публики долго дерутся руками, ногами или на мечах. Пне будет сцен о том, как «хорошие парни» красиво умирают, а их друзья, роняя скупые мужские слезы, клянутся отомстить врагам… Не будет оглушительной пальбы и прочих атрибутов повестей и фильмов в жанре «экшен». Так – пара негромких выстрелов да один взрыв… Не будет никакой мистики – ибо смерть всегда материальна. Поэтому многие сразу могут отложить книгу и забыть про нее. О чем же я хочу рассказать? О группе российских туристов, оставшихся на одиноком острове без телефонной связи с миром, о бассейне и бутылке кока-колы, о коротком полете со скалы, о плавании с аквалангом и неожиданных находках.
Это будет рассказ об испорченном отдыхе, о жизни и смерти, о любви и сексе, о том, как порой незначительные слова и малозначительные поступки, а также совершенные и несовершенные преступления, могут резко изменить жизненный путь. О случайностях в нашей жизни, которые влекут непредсказуемые последствия…
Об испорченном отдыхе рассказчика, ибо загадочные смерти на том острове происходили и надо было что-то делать... по мере наших сил и возможностей. И том, что смерть иногда обостряет поиски смысла жизни.
Мой друг, первым прочитавший рукопись, сказал: «Классический «английский детектив». Много диалогов, а действие развивается медленно и вдумчиво». Наверное, он все же пошутил – какой английский детектив, если на острове была только группа российских туристов да обслуживающий персонал отеля, как будто специально набранный со всей Юго-Восточной Азии? Обо всем, конечно, не расскажешь. А некоторые моменты я для себя так и не прояснил. Например, откуда у Бажены были деньги на дорогой отдых в экзотическом месте? Что происходило в отеле между обслуживающим персоналом и с кем спал управляющий. Но в наиболее важных аспектах всё постарался отразить.
Все имена и фамилии изменены, все совпадения – совершенно случайны. Умышленно не указываю, какому государству принадлежит остров и его географические координаты. Таких островов много на бескрайных просторах от Индийского и Тихого океанов. Позднее посмотрел на карте - сколько там морей? И очень удивился… Я даже не стал указывать время года, чтобы умные люди не смогли определить период событий.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава первая

«Рай на реке Квай»

Женщина опасна для каждого рая.
Поль Клодель

Занесло меня в эту историю с несколькими смертями на тропическом острове совершенно случайно. Хочу сразу о себе кое-что рассказать, да и о других участниках этой печальной истории упомянуть надо, иначе не понятно будет, кто кого и за что убивал.
На пенсию я вышел рано, потому что имел «северный стаж», человек «почти здоровый» и одинокий. Пенсия у меня не большая, но и не маленькая по российским меркам, кое-какие сбережения есть, так что я не бедствую, да и дети иногда помогают. Дочь туристическую путевку подарила – сначала поездка в Таиланд, а потом морское путешествие на остров. Конечно, и она бы не смогла полную стоимость заплатить, но туристический сезон в Юго-Восточной Азии еще не начался, да и после пандемии 2019 гола меньше стало туристов из Европы и США.
В общем, можно сказать, что живу «в свое удовольствие», путешествую иногда, да еще после ухода на пенсию, поучиться решил на старость лет и поступил в аспирантуру по философии. Понятно, учение философское уже не создам, школу научную не организую, но как средство от старческого маразма серьезное обучение вполне приемлемо.
Путешествие мое началось в Банконге, самое сильное впечатление произвела статуя лежащего Будды в храме Ват Пхо. Длина Будды 46 метров, а высота – 15! Вся покрыта сверху настоящим золотом, а глаза и ступни покрыты перламутром. Зрелище! Иногда я серьезно подумываю, что в недавнем прошлом на Земле процветала иная цивилизация, а мы лишь являемся её случайными и нерадивыми наследниками.
Потом была поездка на реку Квай. На этой речке я и познакомился с супружеской парой - Аллой Петровной и Николаем Владимировичем Сидоровыми, а также с Сан Санычем Петровым. А уж затем – вместе мы попали на одинокий остров в тропическом море. Нас туда на туристической яхте «забросили на неделю». Но так уж получилось, что не все живыми в Россию вернулись с того острова.
Ну, я опять забегаю вперед. Сначала про «Рай на реке Квай». В глубокой юности читал роман «Мост через реку Квай», все забыл кроме названия – а когда рекламу увидел про путешествие, то и название вспомнилось. Одним словом - поехал… Исторический мост через реку Квай меня очень разочаровал – мостик, а не мост. На этом мостике вдруг в мыслях проявилась фраза: «А может не того подполковника зарезали»? Наверное, какое-то отношение к роману она имела, иначе откуда такие ассоциации?
«Рай на реке Квай» - это хваленый рекламой отель – несколько домиков на воде или на берегу и ресторан – на понтонах, покрытых досками. Ресторан небольшой пара десятков столиков. Каждый столик на четверых рассчитан, но можно и сдвигать их для больших компаний.
Вот там за ужином я и познакомился с Сидоровыми и Сан Санычем. Сидоровы тоже пенсионеры, но постарше меня на несколько лет. Алла Петровна, дама «с повышенной окружностью талии» и большим количеством косметики на лице. Глядя на нее, я вспомнил когда-то прочитанную фразу: «Для того, чтобы похудеть, нужно есть понемногу, но часто». Похоже, что Алла Петровна особо усердно выполнял вторую половину этого правила». Зато Николай был худой, точнее сказать - тощий. Кстати, не раз видел такие супружеские пары, у меня никогда не было сомнений, кто там «семейный вампир».
Позднее узнал, что в «лихие девяностые» Сидоровы на чем-то сделали «хорошие деньги»,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

умело вложили их в коммерческую недвижимость, а сейчас живут на ренту и проценты по банковским вкладам. Не сказать, что очень богатые, но не бедные – это точно. Оказались они людьми «хорошо пьющими», и поэтому слишком разговорчивыми. Я за ужином больше помалкивал, как и Николай Владимирович потому, что перебить Аллу Петровну было очень трудно, ибо она одна бутылку мартини за вечер «уговорила».
А вот Сан Саныч показался мне персонажем более интересным. В 80-х годах прошлого века, закончил, по его словам, МГИМО, и отправился на работу во Вьетнам, а потом в Лаос. Да так и застрял на Востоке – ныне владеет маленькой туристической фирмой в Банконге, организует индивидуальные и мини-групповые туры по Юго-Восточной Азии. Что-то у него сорвалось из ранее запланированного, вот он и взялся за краткий тур для Сидоровых – не ахти какой большой доход, но и лишними деньги не бывают. После ужина и дополнительного приема «горячительных напитков» вспыхнул скандал между супругами. Впрочем, сначала было все благопристойно, но алкоголь быстро действовал на супружеские мозги. Повод для вспышки Алла Петровны был чисто символическим – Николай рассказал анекдот о просьбе мужика колдуну – снять старое заклятие. «Как звучало заклятие», - спросил колдун? «Объявляю вас мужем и женой, - ответил мужик. Тут и Алла Петровна и разразилась… грубой нецензурной бранью.
Воспользовавшись ссорой супругов, я попрощался, и сославшись на усталость, пошел спать. А народ еще, наверное, до двух часов ночи колобродил в ресторане. Можете себе представить как трогательно над рекой Квай звучали слова из старой песни - «Зачем он к нам в колхоз приехал, зачем нарушил мой покой»…
Выспался я хорошо и встал на рассвете. Остальная публика еще спала. Я сидел на понтоне, смотрел на речной туман и слушал щебетание птиц. Тишина и покой… хоть медитацией занимайся.
- Рано Вы что-то поднялись, - раздался рядом голос Сан Саныча, - не возражаете если я рядом присяду.
- Да ради Бога, места тут всем хватит, - ответил я.
- Что-то я вчера даже не успел как следует с Вами познакомиться… А ведь нам еще на остров вместе ехать.
Мы посмотрели друг на друга, вспомнили повышенную разговорчивость Аллы Петровны и оба усмехнулись.
- Одно понял, что Вы тоже пенсионер, хотя и молодо выглядите. Как удалось так хорошо сохраниться?
- Север останавливает процесс старения… да к тому же я ни алкоголем, ни работой не злоупотреблял.
- А кем работали на Севере? Нефтяник или газовик? Вообще – по профессии Вы кто?
- Увы, последние годы – маленький чиновник, а до этого чем только не занимался, включая микробизнес. Когда-то – после школы - на заводе слесарем работал, и даже на помощника комбайнера учили, но ничего не пригодилось… Да, не интересно это всё, лучше расскажите, чем сегодня туристы будут заниматься? Вы ведь здесь не первый раз…
Сан Саныч махнул рукой:
- И не десятый и не даже не двадцатый. После завтрака поедем к горным целебным источникам, по дороге завернём в одну тайскую аптеку. Потом - целебные купания в родоновых источниках, потом сплав плотах или в спасательных жилетах до этого отеля, отдых, а вечером возвращаемся на побережье. Могу ночную рыбалку организовать…
- Спасибо. Я не рыбак и не охотник.
- А что так?
- «Когда срываешь былинку, вздрагивает вся Вселенная», - ответил я.
Сан Саныч с уважением посмотрел на меня. Видно редко российские туристы цитируют

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Упанишады».

- Ладно, пойду побреюсь перед завтраком, - сказал Сан Саныч и удалился.

Оставшись один я немного повспоминал разговоры за вчерашним ужином, сделал телефоном пару фотографий и вернулся в свой домик для утренних процедур.

Добрые отношения с Сан Санычем в тоже утро укрепились в тайской аптеке. У входа стоял большой стеклянный круглый аквариум с коричневой жидкостью, а на дне лежали какие-то ветки, корешки и даже маленькие деревянные бруски. Сан Саныч объяснил, что это знаменитый настой из 77 лечебных трав на крепком алкоголе, и что каждый может попробовать его бесплатно. Помощница аптекаря, миловидная таечка лет двадцати, с красивыми ножками, наряженная в короткий белый халатик, поварешкой наливала настойку каждому желающему. В одноразовый пластиковый стаканчик входило не много – грамм по 30 или чуть больше. Одновременно Сан Саныч рекламировал чудодейственные свойства настойки, которой можно лечить чуть ли не сто болезней.

Потом, пока народ рассматривал аптеку, а дамы выбирали бальзамы, масла и прочие лосьоны, обеспечивающие «вечную молодость кожи лица, груди и внутренней поверхности бедер», Сан Саныч подошел ко мне

- Может быть, еще по стаканчику? У меня тут есть «халявные порции», но я злоупотреблять не могу - работа, а Вы-то на отдыхе. Рекомендую купить несколько пакетов травяного сбора – дома на трех литрах водки можно каждый пакет настоять и пару раз в день по 50 грамм употреблять. Мощное иммуностимулирующее средств.

- Не откажусь, вкус приятный, - приветливо ответил я. Действительно – «на отдыхе я или как»?

Сан Саныч, видимо на тайском языке о чем-то переговорил с помощницей аптекаря, и она принесла нам два стакана – ему со стандартной порцией, а мне – в большом - грамм сто или около того. Я глянул на улыбающуюся помощницу, на Сан Саныча, посмотрел на свою дозу и уточнил:

- Может заплатить надо? А то разорю аптеку с такой дегустацией…

- Угощаю, - засмеялся Сан Саныч, - у меня этих доз тут столько за сезон накопилось, что всю группу могу снабдить, да бизнес аптечный не хочу портить. Хозяин – мой давний знакомец, иногда делает мне настойку на очень редких лечебных травах. Женьшень по сравнению с ними как баночное пиво против коллекционного коньяка. Ну давайте, выпьем, да и на «ты» перейдем.

Чтобы закончить рассказ о тайской аптеке, скажу, что я купил три пакета этого чуда-сбора из 77 трав, и перед выходом получил еще грамм пятьдесят или шестьдесят настойки. Сан Саныч пояснил, что это моя «премия» от аптекаря за покупку трех пакетов целебного сбора, и пошел к супругам Сидоровым, которые уже нетерпеливо махали ему с крыльца. В результате употребления этой порции мне стало «совсем хорошо»…

Вы, конечно, может спросить к чему все эти подробности и имеют ли они отношения к гибели наших туристов? Не могу однозначно сказать, что имело или не имело отношения к убийствам и смертям, но размышляя над поведением Сан Саныча на острове, я вспоминал всё: и наши разговоры на реке Квай и употребление настойки в горной аптеке… Может быть, зря ему позднее про свой псевдоним сказал? Кто знает, как бы по-иному могла сложиться ситуация на острове, если бы не знакомство Сан Саныча с моим литературным творческом? «Нам не дано предугадать как слово наше отзовется»…

По дороге на леченые источники Сидоровы, сидящие в автобусе впереди нас, ссорились из-за аптечных покупок Аллы Петровны, а мы с Сан Санычем разговаривали об истории российско-тайских отношений и литераторе. Тогда-то я ему и сказал, что пишу рассказы под псевдонимом, а иногда даже публикую их.

Купание в родоновых источниках, посещение водопада и сплав в спасательных жилетах

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

по реке Квай хорошо описаны в туристических буклетах. Поэтому всех интересующихся отправляю к бумажным и электронным справочникам, поскольку к нашей истории это не имеет никакого отношения.
На следующий день после возвращения с реки Квай, рано утром мы встретились в морском порту Паттайя́ чтобы на яхте отправиться в морское путешествие к острову. Когда я приехал, Сан Саныч и Сидоровы уже стояли на причале. Мы уже были «группой» и держались вместе. Там же было еще несколько человек – по внешнему виду «наших». Наверное, со мной многие согласятся - российских туристов за рубежом так же легко узнать, как раньше узнавали советских...

Глава вторая

Утро первого дня.
Морское путешествия на маленькой яхте

Вот целый год мечтаешь о море,
а потом приезжаешь, смотришь на него
и не знаешь, как оно всё поместится в сердце.
Мэрил Стрип

Еще на причале я начал приглядываться к тем, кто вместе с нами должен был отправиться на остров. Моторная яхта была небольшой, но и пассажиров было не много. Пока собирались попутчики к нам подошла продавщица шляп, солнечных очков и прочих мелких предметов для отдыхающих. Многие, наверное, знают этот тип разносчиков - голова и шея укутаны платками в яркую красно-белую клетку, две корзины, плетенные из молодого бамбука, висящие на бамбуком же шесте. Я купил себе большую оранжевую шляпу типа «сомбреро» - пригодится на острове. Знаете, голову надо беречь не только от перепоя, но и от перегрева.
Если бы кто-то в этот момент посмотрел на меня со стороны, то увидел пожилого «джентльмена» (мне реально – слегка «за шестьдесят», но, когда побрит, выгляжу моложе), рост 167, вес – «хорошо за семьдесят» - с животом, который еще можно втягивать перед моментом фотографирования. Усы седые, голова с короткими волосами, признаков облысения еще не видно. И конечно, очки на носу, потому, что с детства плохое зрение. Когда я их снимаю – видны не загоревшие участки кожи под глазами. Не красавец и не урод, совершенно заурядная внешность… С юности был таким. Из сегодняшних достоинств можно назвать только «отсутствие морщин на животе», «наплевательское отношение к своей внешности» и к «модным прикидам». Это совершенно не означает, что я не моюсь, не стригусь, не бреюсь и одеваюсь в тряпье. Просто не задумываюсь над каждой морщиной «на морде своего лица» или лишним килограммом веса. Меня вполне устраивают джинсы и футболка, после того как сорок лет носил светлые сорочки с галстуками темных расцветок и костюмы консервативного кроя.
Несколько слов о том, что не видно по внешности. Я могу неплохо говорить, но еще лучше умею слушать. Вслушиваюсь в сказанное и в не сказанное. Часто легко могу отличить правду от лжи, но бывают и ошибки… Пожалуй, что для первого знакомства информации хватит...
Мое внимание привлекла красивая молодая женщина, на вид лет 25-30, с копной темно-русых волос и красивым ровным загаром. Звали ее Ольгой – Сан Саныч мгновенно познакомился с ней и через минуту нас представил друг другу. Белые шорты прекрасно смотрелись на стройных ногах, а под бежевой кофточкой угадывалась хорошо развитая

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

грудь. Чем она меня привлекла? Очень была похожа на молодую Жаклин Кеннеди – а мне всегда такой тип женщин нравился. Сейчас не многие помнят, что «Джеки» была эталоном стиля и женственности, гордостью американской нации, на которую равнялись женщины 60-х годов. Современники Жаклин Кеннеди писали, что даже цветные фотографии и кинопленки не передавали полностью обаяние этой женщины…
А-а-а… да что уж тут скрывать – и «Джекки» и Ольга были похожа на мою первую юношескую любовь… вот поэтому я сразу и обратил на Ольгу внимание. Смотрел на нее и словно возвращался в свою юность…
Второй попутчицей оказалась Инна, маленькая хрупкая женщина лет сорока или сорока пяти, бледная, с рыжеватыми волосами, одетая в блекло-синий брючный костюм. Симпатичная? Может быть, она когда-то была симпатичной, но не в моем вкусе. Кроме того, ее суетливость, раздражительность и недовольством всем производили не очень благоприятное впечатление. Инна всем быстро и навязчиво рассказала, что ее муж – «очень богатый красноярский бизнесмен», сам выехать на отдых не смог – «важные переговоры с китайцами». Но у меня сразу родилось подозрение, что муж отправил жену на остров, чтобы самому пару недель передохнуть в одиночестве. Разговоры на яхте Инна начала с вопросов, кто сколько «отдал» за отдых на острове и очень расстроилась, когда узнала, что кто-то заплатил за тур, меньше чем она.
Уже в баре на яхте Алла Петровна, «добрая душа», оживившаяся после второго или третьего стаканчика рома с колой, посоветовала Инне сразу после возвращения в Красноярск «разобраться с продавцом тура». Но та не собиралась для «разборки» ждать возвращения – она заявила, что как только доберется до острова, то сразу «позвонит и всем покажет»…
Для себя я решил подальше держаться и от Аллы Петровны и от Инны. Такие женщины отдых могут испортить любому, даже не намереваясь это делать специально.
Третьей женщиной была Бажена – чрезвычайно худая крашенная блондинка в красной футболке и синих джинсах. Именно из-за худобы тогда я даже примерно не смог определить ее возраст. Она оценивающе осмотрела всех мужчин на причале и лишь потом перенесла внимание на женщин. «Список в голове формирует», - неприязненно подумал я. В прежние годы я уже сталкивался с таким «типажом».
Перед нами на трап яхты поднялся крепкий мужчина, на вид лет сорока и ростом около 170 см. Одет в джинсовые брюки, и во что-то типа тенниски с коротким рукавом, открывающий очень развитую мускулатуру рук. Короткие волосы модной стрижки придавали ему шарм.
«Спортсмен? - мелькнула мысль, - и если да, то какой вид спорта? На штангиста, борца или боксера не очень похож… Может быть биатлонист»?
Спокойный и молчаливый, с офицерской выправкой… Такие нравятся женщинам, которые нуждаются в «крепком мужском плече». Через час мы познакомились – его звали Виктор.
Еще двое попутчиков не явились к отплытию, по телефону Сан Санычу связаться с ними не удалось, и капитан, прождав час, отдал команду на отплытие. Мне показалось, что никто из пассажиров этой задержки не заметил, потому, что, осмотрев свои каюты, все устремились в бар.
На выходе из порта, когда еще была сотовая связь, я случайно стал невольным свидетелем телефонного разговора Виктора. Он меня не видел, но слышимость была хорошей и даже слова собеседника Виктора я вполне разобрал:
- Может быть никто не приедет… отдыхай…
- Как не приедет? – спросил Виктор - А я-то тогда там зачем? Яхта уже отошла, ее не развернуть…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Отдыхай и все же попробуй что-нибудь узнать… Есть другая информация...
- Подожди, - сказал Виктор, - наушники подключу…
Продолжения разговора я уже не слышал. Море открывалось передо мной во всей безбрежности, от которой у меня – обычного городского жителя северных равнин – захватывало дух, вызывая восторг приключений, который много лет назад кружил голову, как первая юношеская любовь.
После того, как порт и город скрылись из глаз, я тоже спустился в маленький судовой бар. Там собрались все, кроме Ольги, и уже взялись за алкоголь. Супруги Сидоровы пили ром со льдом, Сан Саныч и Виктор с видимым удовольствием тянули какое-то светлое пиво. Оба сидели лицом к двери в бар, за спинами – глухая переборка. «Случайность? – подумал я, - или привычка контролировать вход? Бывают люди, которые всегда умело выбирают себе места, даже если перед этим места эти были заняты…
Инна сидела с бокалом апельсинового сока, а Бажена – с каким-то сложным разноцветным коктейлем, украшенным ломтиком неизвестного мне фрукта. Своим приходом я прервал рассказ Сан Саныча.
- Что будете пить, сэр? - обратился ко мне судовой бармен с ярко выраженной азиатской внешностью. Чтобы понять эту фразу хватило даже моих скудных познаний на английском.
- Красное сухое есть? – спросил я тоже на английском.
В ответ бармен произнес длинную речь, в которой я сначала различал название разных стран – Франция. Италия, Германия, а потом совсем запутался.
- Сан Саныч, помоги – воззвал я к нашему полиглоту, - моих познаний уже не хватает, объясни маэстро, что мне нужен «Медок» из Бордо. А если нет – уточни, пожалуйста, есть ли далатские вина.
- Да я смотрю «у тебя губа не дура», - засмеялся Сан Саныч, - не каждый про далатские вина знает.
Но «Медок» на борту был, и вскоре я держал в руке достаточно вместительный бокал, наполненный на 3/4.
- Извините, что прервал беседу. Если не секрет – о чем шла речь?
- Сан Саныч рассказал об острове, на котором мы будем отдыхать, - ответила мне Алла Петровна.
- Да, - подтвердил Сан Саныч, - на остров взглянуть будет интересно. О нем сейчас столько пишут и говорят… Раньше это была частная закрытая резиденция какого-то гонконгского финансового магната – забыл, как звали… А после его внезапной и насильственной смерти резиденция была продана наследниками известной международной сети и там сделали престижный отель. Сам остров арендован на 49 лет. Российские туристы едут туда второй сезон и все довольны. И это - не смотря на отдалённость острова от побережья – морем идти около шести или семи часов, в зависимости от ветра и степени волнения на море. Райское место – сам я там еще не был, но друзья рассказывали только хорошее. Впрочем, через несколько часов всё сами увидите.
Затем начались общие воспоминания, кто где бывал и отдыхал, какой был сервис и особенности экзотики - обычные разговоры. Алкоголь быстро развязал языки, и лишь Виктор был сдержан, да я предпочитал больше молчать, хотя мог бы многое рассказать о своих путешествиях в пятнадцать зарубежных стран.
Слушая и незаметно приглядываясь к сидящим за столом, я пытался составить первое впечатление и позднее сравнить - угадал характеры людей или нет. Нормальное поведение нормального литератора – вдруг что-то из наблюдений когда-нибудь в творчестве пригодится.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

К моему сожалению, Ольга в баре так и не появилась. Может быть, она постояла на корме, а потом ушла в свою каюту? А жаль – посмотреть на красивых женщин в моем возрасте это уже удовольствие.
Яхта быстро шла по волнам южного моря...

Глава третья

Полдень первого дня.
Тридцать секунд для первого впечатления

«Женщину мало смущает то, что у нее нет
некоторых высоких понятий, что она пуглива и
не предназначена для важных дел;
она прекрасна и пленяет — этого достаточно».
Иммануил Кант

Сначала несколько слов скажу об острове, на котором нам предстояло провести неделю отдыха. Он представлял из себя торчащую из моря довольно большую одинокую скалу с несколькими вершинами. Внизу у скалы по окружности была довольно узкая полоска пляжа с крупным песком. Широкий причал (или правильно его надо называть пирс?) уходил в море метров на десять. С одной стороны, к пирсу был пришвартованы небольшой катер, пара весельных лодок и три гидромотоцикла неизвестной мне марки, а с другой – швартовались яхты и большие катера. Неподалёку от пирса, у подножия скалы, был оборудован большой стеклянный лиф, ведущий на вершину, а там же начиналась лестница, вырубленная в скале, и огражденная стальными тросами. Лестница несколькими пролетами подымалась к отелю и почти огибала скалу.
Отель был расположен на двух уровнях. На нижнем – где-то в середине скалы - была терраса и большой бассейн с морской водой, которая закачивалась мощными насосами. Рядом с бассейном несколько тентов и шезлонги, а также маленькая открытая спортивная площадка, теннисный корт, обнесенный зеленой пластиковой сеткой и тренажерный зал, вырубленный в скале.
Наверху, на южной стороне, были построены 15 или 16 жилых апартаментов (или правильно назвать их бунгало?). Это были отдельные одноэтажные домики, стоящие друг от друга метрах в трех или четырех. Между домика был посажен кустарник и разбиты небольшие цветочные клумбы. Домики полукругом охватывали второй большой бассейн, который наполнялся пресной дождевой водой. Апартаменты были соединены между собой широкой крытой галерей, которая заканчивалась у входа в ресторан. От него другая крытая галерея уходился к пяти роскошным двухэтажным виллам (каждая со своим бассейном), стоявшими друг от друга примерно в десяти метрах.
У меня сложилось впечатление, что ранее – еще когда островом владел убийеный позднее гонконгский финансист – здесь жила часть охраны и лица, сопровождавшиеся почетных гостей хозяина. Те, без сомнения располагались в виллах. И если я правильно понял, стоимость проживания там была не по карману никому из нашей теплой компании.
В закрытом одноэтажном ресторане с большими окнами могли свободно разместиться человек сорок или пятьдесят. Между рестораном и бассейном был оборудован открытый бар под черепичным навесом, стояло пять или шесть деревянных столиков. Возле бассейна размещались передвижные зонты и шезлонги, а далее – метрах в тридцати была

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

устроена небольшая танцевальная площадка со сценой. Как объяснил управляющий отелем, перед ней при необходимости ставили легкие кресла в необходимом количестве. На западной стороне, под прикрытием одной из вершин, над высоким скальным обрывом, были оборудованы еще два маленьких бассейна с сидениями и лежаками – для медитации на уходящее солнце. Все хозяйственные постройки и жилые помещения для персонала находились на более высокой северной стороне, но и они были прикрыты скалами. Со стороны отеля их было почти не видно, за исключением мачты ветрогенератора и отдельно стоящей вышки связи. Там же в углублении скалы был огромный резервуар для дождевой воды. Позднее я узнал, что во время тропических ливней, когда резервуар переполнялся, лишняя вода сбрасывалась в море через расщелину в скале и получался довольно красивый, хотя и маленький водопад.

Вообще, мне показалось, что выдающийся архитектор все постройки спроектировал с большим искусством, учитывая природный рельеф и предусмотрев посадку разнообразных зеленых насаждений, включая пальмы и какие-то хвойные породы. За несколько лет корневая система, засыпанная грунтом, укрепилась в расщелинах скал и деревья выдерживали сильные ветра. Всё было сделано очень качественно и постройкам не страшны были тайфуны, которые часто бушуют в этих широтах.

Да, чуть не забыл - на острове, кроме электрического освещения, питаемого за счет солнечных батарей и ветрогенератора, было множество самых современных светодиодных фонарей. Они были размещены на лестнице, ведущей от пирса к отелю, на деревьях и беседках, на крышах и балконах домов и вдоль галереи, ведущей к ресторану. Всё ограждение на скале возле отеля и внизу на террасе было буквально утыкано различными светильниками. Они же были вмонтированы в дно бассейнов и окружали их по бортам. Множество светильников было на пирсе. Светодиодные светильники были везде - проблем с освещением территории на острове не было.

Наши домики были почти все одинаковые по размерам и планировке и отличались только внутренним оформлением. Знаю это, потому, что заходил в несколько домиков. Они имели по два входа – один с торца домика вел в небольшую прихожую. Из нее дверь вела в довольно большую комнату - метров тридцать или чуть больше. Справа у одной стены смонтировано большое гардеробное отделение с раздвигающимися дверцами, а рядом за отдельными панелями были спрятаны небольшой переносной сейф, холодильник и бар, а также откидывающаяся полка для ноутбука и принтера. Слева, у другой стены, стояла огромная кровать, с двумя небольшими прикроватными тумбами, а над ними бра в восточном стиле. Третья стена была, по сути, одним большим оконном с дверью, выходящей на балкон, с которого открывался вид на бассейн. Возле этой стены стоял письменный стол и небольшое крутящееся кресло. При необходимости вся стена закрывалась большой и плотной темно-коричневой шторой.

Почти посреди моей комнаты стояли стеклянный журнальный столик овальной формы и три низких мягких кресла. На потолке большая, но соизмеримая с размерами комнаты, хрустальная люстра, а на полу – ковер с восточной расцветкой. Стены были украшены зеркалами в резных рамах и деревянными панно. Определить происхождение резьбы по дереву я бы не взялся. Возможно, Китай или Таиланд... Но однозначно – Юго-Восточная Азия. Несмотря на смесь европейской мебели с азиатским оформлением, интерьер не вызывал раздражения.

В ванной комнате на площади пятнадцать или шестнадцать метров размещалось вполне современное оборудование: большая душевая кабина, сама ванна, унитаз, биде, умывальник, туалетный столик, открытая тумбочка с набором полотенец и разных салфеток, зеркала, светильники, фены.

Теперь вы можете представит на какой «сцене» разворачивалась драмы и трагедия…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

точнее сказать, несколько трагедий.
Когда лифт перенес нас с берега на вершину, перед рестораном мы увидели отельную прислугу, выстроившуюся в ряд: официанты, повара, горничные, портье, бармен «и прочие-прочие», обязанности которых я не знал. Впереди стоял управляющий – молодой вьетнамец. Он приветствовал нас на очень хорошем русском языке. То, что русский не был ему родным, выдавала только мягкость и мелодичность произношения.
Управляющий сообщил, что его зовут Данг Минь Ван, и что русским тяжело запоминать и произносить это имя, поэтому он не обижается если русские его зовут Иван, Ван, а также Вано, а французы - Жан.
«Ну да, ну да, как же, - я мысленно два раза хлопнул в ладоши. - Конечно, именно русские и называли тебя Вано. Наверняка тут побывал до нас какой-то грузинский мини-олигарх».
Между тем, Ван еще раз напомнил, что нам и так было хорошо известно – режим «всё включено», нет никаких ограничений на питание и напитки, выбор которых очень богатый… Тайский массаж и другие услуги тоже были бесплатными… «Еще один филиал Рая», - подумал я, с любопытством оглядываясь.
Управляющий, начиная с шеф-повара, представил каждого сотрудника, сообщив как его зовут и чем он занимается, но я тут же забыл все экзотические восточные имена.
Обслуживающий персонал, по знаку Вана, склонил головы в традиционных азиатских поклонах, и разошелся.
Возле открытого бара за столиками сидели те, кто покидал отель на яхте. Матросы, переносившие наш багаж, забрали их вещи и отправились к лифту, а мы немного поболтали с отъезжающими о том какой здесь отдых и что интересного. Я обратил внимание на немолодую, но очень симпатичную и ухоженную женщину, лет сорока на вид. Она о чем-то спросила капитана. Тот в ответ отрицательно покачал головой и ответил короткой фразой. Повернувшись к бару, я заметил за этой сценой из-под навеса наблюдал и Виктор.
Через полчаса яхта ушла. Она должна была за нами вернуться через неделю. Мы помахали «во след», и пошли в свои номера, поскольку все формальности с паспортами уже были закончены, а наши вещи перенесены.
Перед обедом все собрались у бара возле бассейна – «побаловаться аперитивчиком». Выбор напитков был великолепным, бармен (он же – один из официантов) – молодой вьетнамец легко болтал на английском и французском языках, и даже знал несколько слов на русском: водка, ром, вино, текила, коньяк, пиво, шампанское, коктейль и «давай еще по одной».
Сан Саныч, как опытный массовик-затейник былых времен, организацию всеобщего знакомства взял на себя, и предложил присутствующим в течении 30 секунд рассказать о себе. Схема представления была простой – имя и фамилия, страна и город, из которого человек прибыл, род занятий или профессия и ну, всё остальное по желанию человека.
- Бейджиков у нас тут нет, рано или поздно за неделю все, конечно, перезнакомятся, но вот такой метод позволяет быстрей сплотить «команду отдыхающих», - широко улыбнувшись закончил свое выступление Сан Саныч. Послышались голоса одобрения, а я, не надеясь на память, незаметно включил на телефоне записывающее устройство. Вот эта аудиозапись и позволяет мне теперь почти дословно воспроизвести «самопредставление» наших туристов. Про Сан Саныча уже рассказывал, поэтому не буду повторять, хотя он, для примера, выступил первым и уложился в 29 секунд. Я специально засек время.
За Сидоровых выступала Алла Петровна. Он сообщила, что супруги живут в Тюмени, раньше занимались бизнесом, а сейчас на пенсии. Их цель – отдых, массаж и другие оздоровительные процедуры, способствующие снижению веса. При этих словах,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

несколько взглядов скрестились на Николае, который , как я уже упоминал, был довольно худым. У некоторых на лицах промелькнули слабые улыбки. Николай о себе добавил немного, хотя говорил так энергично, что расплескал виски из бокала. Видимо, сказывалось выпитое на яхте... Мы услышали, что когда-то он трудился инженером на заводе, потом заведовал кафедрой, и что любит рыбалку. У Сидоровых на представление ушло больше двух минут.
Ольга сообщила, что ее фамилии Крутова, она из Москвы, раньше работала в крупном банке, недавно очень сильно переболела гриппом и пневмонией, и сейчас должна восстановить здоровье на морских курортах в тёплых водах. Это - ее основная задача, а все остальное – как получиться…
«Молодец», - подумал я, дослушав речь Ольги, - кратко и по сути. Интересно – она на свои деньги приехала? Или спонсоры есть?
Виктор Косов, тоже очень кратко, я бы сказал «по-военному» «доложил», что ему сорок лет, и что сейчас он владелец и директор екатеринбургского агентства маркетинговых исследований. Все женщины с интересом взглянули на Виктора, и это отметил не только я, но и Сан Саныч.
Инна Старикова в полминуты отведённого времени, конечно, не уложилась, поскольку начала рассказывать какой большой бизнес у них с мужем в Красноярске и по всей Сибири, и что скоро «начнется развитие» в Китае, вот тогда все конкуренты «слезами умоются»… Она сама «ведет «здоровый образ жизни», алкоголь, никотин и наркотики, а также мясо не употребляет, ибо это варварство в современных условиях убивать животных ради пропитания»…
Скука читалась на лицах присутствующих, видно многим был знаком такой тип «жены бизнесмена» и вегетарианки. Некоторое оживление мелькнуло лишь тогда, как Инна с загадочным видом сказала, что она любит стихи, пишет «экспериментальную прозу» и готова как-нибудь выступить на своем творческом вечере, если ее попросят...
«Спаси и сохрани», - мелькнуло у меня в голове, - и меня и «вечер». Ведь с острова не сбежать… Хотя можно крепко выпить и уснуть.
В этот момент Сан Саныч предложил сегодня же вечером и устроить «встречу с поэзией», на которой каждый из присутствующих прочитает одно или несколько стихотворений. Народ ответил недружными возгласами согласия. Я промолчал, но тут появились новые мысли.
А что… неплохо для продолжения знакомства, - подумалось мне, - «скажи мне какие ты любишь стихи, и я скажу кто ты».
Бажена, худая, как узник концлагеря или модная фотомодель, манерно поведала, что она по специальности социолог и после окончания университета работает в правительстве… Тут возле барной стойки хлопнула пробка от шампанского, и я не услышал название области – то ли Самарской, то ли Саратовской… Сейчас в каждой области «свое правительство» и «свой парламент», а также – «белый дом». Слава Богу, что хоть пока нет своих «капитолиев» и «ватиканов». Впрочем, это совершенно не важно для моего рассказа.
Потом с улыбкой, которую сама Бажена, наверное, считала «томной», а я бы квалифицировал как ..лядскую, поведала нам, что она не замужем и что ей «нравятся мужчины, которые старшее ее» … «Ну, точно, - мысленно хмыкнул я, - составила список мужиков, ранжировала его и вышла на «тропу охоты!». Как говорил одни советский сатирик «в хороший сезон двух-трех мужей взять можно».
Тут справа послышалось тихое, но очень ехидное замечание Ольги: «Пожилых мужчин она любит, за то что у них слабое зрение»… Слегка повернул к Ольге голову я также тихо сказал: «Добрая фея от отличается от злой ведьмы только настроением». Она лишь

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

фыркнула в ответ.
Надо еще упомянуть, что на яхте Бажена не ограничила себя в поглощении алкогольных коктейлей, и выпитое сейчас очень сильно сказывалось на ее поведении.
Самым молодым в нашей компании был Костик, довольно упитанный юноша лет двадцати, известивший, что он студент и учиться Питере на факультете рекламы и связей с общественностью, любит хип-хоп и электронную музыку. Как-то сразу было понятно, что это сынок богатых родителей – вряд ли у самого студента были деньги на оплату дорогого тура в моря Юго-Восточной Азии, а Костик «гостил» тут уже вторую неделю.
Мне показалось, что для парня, которому исполнилось двадцать лет, имя «Костик» звучит уж как-то сильно по-детски. Можно было бы назваться Константином или хотя бы Костей. Что ты придираешься к парню, - мысленно одернул себя, - меряешь по своим годам… Это тебя в его возрасте уже называли Олег Петрович… И вдруг мелькнула мысль – а что же Костик, указав факультет, университет-то не назвал?
Когда начала выступать Надежда Владимирова, мне что-то почудилось, и я попробовал разглядеть ее лицо получше, но не получилось. Надо сказать, что зрение у меня слабое, а очки были старые. Я сидел далековато и поэтому лицо Надежды толком не разглядел. Но выслушал ее очень внимательно – слух-то у меня до сих пор отличный. Надежда сообщила, что она москвичка, много лет занимается журналистикой, сейчас – фрилансер и пишет книгу воспоминаний о встречах с «разными видными фигурами». На остров приехала, чтобы никто и ничто не отвлекало от написания книги. Для себя я решил, что позднее обязательно надо поближе взглянуть на Надежду – интересно же посмотреть на «свободное копье» современной отечественной журналистики. И сколько же денег надо зарабатывать фрилансерам, чтобы писать книги на дорогих курортах в теплых морях?
Она, как и Костик, тоже вторую неделю жила на острове. И говор ее не был «чиста масковским»…
Дошла очередь и до меня. Свои «тридцать секунд» я использовал максимально, сообщив, что недавно перешагнул шестидесятилетний рубеж, на пенсии уже пять лет, дети взрослые, учусь в аспирантуре по философии, потихоньку пишу диссертацию на тему «Аксиологические аспекты хобби и иных форм творческой занятости», люблю книги, красное вино и хороший коньяк. На острове намерен сначала «ничего не делать», а потом как следует «хорошо отдохнуть».
Слова «философия», «аспирантура и «диссертация» у присутствующих вызвали оживление и усмешки. Инна спросила, не поздновато ли учиться после шестидесяти? К таким вопросам я давно был готов, и не задумываясь уточнил, что и учебу, и диссертацию рассматриваю как средства торможения будущего старческого слабоумия, сиречь, деменции и маразма, и что это лучшее занятие и времяпрепровождение для старых импотентов.
- И вообще – добавил я, - определение возраста зависит от позиции – можно сказать, что тебе седьмой десяток идет, а можно утверждать, что только первая сотня. В этот момент в дверях ресторана появился шеф-повар и торжественно провозгласил, что обед готов.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава четвертая

День первый. Послеобеденные разговоры

Я всё равно ни о чем не жалею –
хотя бы потому, что это бессмысленно.
Эльчин Сафарли

Временем после обеда каждый распорядился по своему усмотрению. Одни пошли отдыхать в свои домики, другие – осматривать остров и купаться в море или в бассейне. Сан Саныч, Надежда, Виктор и Ольга собрались покататься на гидромотоциклах. Я постоял с ними на причале, с удовольствием посмотрел на женские фигуры в красивых купальниках, и вернулся к отелю.
Возле ресторана встретил Вана и решил выяснить откуда у него такое хорошее знание русского языка… и вообще познакомиться поближе. Мы присели под навес у бассейна, я попросил бармена принести мне бокал красного сухого далатского, но в отеле такого вина не оказалось.
- Рекомендую Вам попробовать наше знаменитое яблочное вино «тао мео», - сказал Ван. - Оно обладает сладким вкусом с примесью горькости и резкости, как у нас говорят, «ароматом гор». Очень благотворно влияет на сердечно сосудистую систему.
- Ван, ты говоришь, как врач, а не как управляющий отелем, - с удивлением заметил я.
- К сожалению, мне не пришлось стать врачом – только три курса закончил в Минском медицинском институте. Потом – как у вас говорят - по семейным обстоятельствам вынужден был оставить учебу.
- Ты так хорошо русский язык в Минске выучил? – мое удивление еще больше возрастало.
- Нет, не там… Я ведь в Ленинграде родился и там же в школу закончил. Мой отец учился, а потом и работал в Ленинградском высшем военно-политическом училище противовоздушной обороны имени Ю.В. Андропова – это современное название. Дома…на Родине… он был зенитчиком, воевал с американцами, потом в СССР учиться направили, мама к нему позднее приехала.
Вот это была неожиданность – встретить ленинградского вьетнамца посреди тропического моря.
- Слушай, а сколько же тебе лет?
- Уже больше сорока – я в 1977 году родился.
- Ну, тогда понятно, откуда такой прекрасный русский язык - советская школа в Ленинграде! А что потом?
- А потом в СССР началась перестройка, которая закончилась распадом вашей великой страны… Моя семья сначала переехала в Белоруссию, а потом мы вернулась во Вьетнам. Я устроился в туристическую фирму – знание русского языка помогло, потом решил делать карьеру в отельном бизнесе… Месяц назад руководство фирмы назначило меня сюда управляющим. Если хорошо себя зарекомендую в течение года – перейду на следующую ступень…
- Однако, крутые повороты в твоей судьбе… Но я бы на вид тебе больше тридцати лет и не дал…
- Европейцы, в том числе и русские часто ошибаются, определяя возраст вьетнамцем, и вообще азиатов. У вас другие возрастные понятия. Простите, - сказал Ван с неизменной улыбкой, - мне надо идти – дела требуют моего внимания. Надеюсь, что Вы прекрасно отдохнете в нашем отеле.
- Да, конечно, иди, - спохватился и я, - «бизнес есть бизнес». Но ты меня крепко удивил…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Ладно, еще не раз поговорим…
Мы действительно еще не один раз поговорили с Ваном… но не об отдыхе, а о смерти.

Глава пятая

Вечер первого дня
«Встреча с поэзией» и другие не плотские развлечения

Не тот поэт, кто врет о многом,
но тот, кто пишет чистым слогом,
умеет здраво рассуждать.

Янкович де Мириево

Еще перед обедом Ван всем объявил, что вечером, для более тесного знакомства он, как представитель принимающей фирмы, организует коктейль-вечеринку. Мы решили совместить ее с вечером поэзии.
После ужина достопочтенная публика собралась возле бара. Учитывая, «коктейльный вариант» вечеринки, эстрадой для поэтического вечера решили не пользоваться – просто полукругом поставили возле бара столы и стулья.
Я включил диктофон – любопытно было, кто какие стихи будет читать? Для составления психологических портретов это многое дает… Также как и анализ нарядов и украшений. Поверьте, на слово… как литератору.
Алла Петровна вырядилась в откровенные прозрачные тряпочки, едва прикрывавшие её оплывшее тело. Но уши оттягивали тяжёлые золотые серьги с довольно крупными брильянтами, а на толстых пальцах красовались массивные перстни с изумрудами и рубинами.
Платье Ольги было странного кроя. Будто она просто обернула себя куском тонкой, едва мерцающей материи, уложив всё мягкими складками. При каждом движении ткань переливалась, натягивалась и колыхалась, ненавязчиво подчёркивая соблазнительные формы молодой женщины. На шее у нее были две тонкие золотые цепочки. На короткой висела подвеска из белого золота или платины в виде стилизованной буквы «О», а с длинной свисала очень вытянутая продолговатая капелька из того же металла, с шариком на конце. На запястье левой руке был разомкнутый браслет, концы которого украшали круглые белые жемчужины, а на пальце правой руки одно кольцо – тонкий ободок с большой белой жемчужиной неправильной, но интересной формы.
Через несколько дней я услышал фрагмент разговора Надежды и Аллы Петровны по поводу украшений Ольги в начале коктейльной вечеринки. Надежда сказала: «Это работа ювелирного дома «ШомЭ» . Я почти такой же видела в Париже на выставке. Серия лимитирована, и комплект, если не употреблять слово «дорого», стоит «очень и очень недешево. Похоже, что не бедная девушка Оля, если это не подарок богатого любовника».
При каких обстоятельствах я слушал эти слова, расскажу позднее.
Но сначала моё внимание привлекла Бажена. Во время долгого перелета Москва-Банконг, от вынужденного безделья и скуки, я пролистал рекламный каталог с фотографиями женских и мужских украшений, и получил представление, что было ультрамодным в этом сезоне. А вообще-то ювелирные украшения мне интересны с молодости – когда-то я дружил с городскими художниками и ювелирами, и видел, как идея, набросанная карандашом на измятом листе бумаги, между двумя-тремя затяжками папиросы, позднее

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

превращается в законченное изделие. Правда, работали тогда мои друзья в домашних мастерских, украшения делали из мельхиора и серебра, а за поделочными камнями сами ходили в Уральские горы… Но какие у них были работы!
Бажена втиснулась в узкое зелёное платье наподобие змеиной кожи. И в лице её тут же проступило что-то от крупной змеи. На ней была дорогая бижутерия, и по замыслу, украшения видимо должны были придать ей гламурные нотки, изящность и элегантность, показать роскошь и шик. Но мне чудилась в обилии украшений какая-то дисгармония, если не сказать – безвкусица. Сформулировать словами, в чем именно это проявлялось, я бы, наверное, не смог. А может быть, всё дело было в моих консервативных взглядах на женские украшения… Мне кажется, что несколько цепей и цепочек разного размера на одной шее – это явный перебор. Особенно неуместным показался мне кулон в виде навесного замка желтого цвета, свисающий на длинной цепочке до ложбинки у груди Бажены. Почему-то вспомнилась дурная традиция влюбленных навешивать замки на решетки и другие ограждения мостов и мостиков, а ключ бросать в воду. Видел я однажды в Екатеринбурге на мосту у «Плотинки» сотни навешанных замков с гравированными «романтическими» надписями. И один из них поразил меня – замок был ржавым… «Ржавая любовь»? На что Бажена намекала своим кулоном-замком? Что ее сердце и душа закрыты? Или она вообще никогда не думала о символике украшений?
Платье Надежды оказалось самым традиционным – в пол, глубокого синего цвета, вполне прилично открывающим её загорелые руки и крепкую шею. «Не спорили» с платьем золотые серьги в виде двух довольно длинных цепочек, не доходящих до плеч, которые держали крупные чёрные жемчужины. Правую руку украшало фигурное кольцо с большой жемчужиной в середине и четырьмя маленькими бриллиантами. У нее был хороший вкус или очень опытный «советник». В тот вечер, не кривя душой, я вполне мог бы назвать Надежду красивой женщиной.
Очень удивила меня Инна своим серебряным гарнитуром с натуральным чароитом - красивые круглые серьги, кольцо и два ручных браслета. И платье оказалось ему подстать - лёгкое, летящее с крупными цветами по подолу. Оно одинаково хорошо смотрелось бы и днём на залитой солнцем набережной, и вечером при свете электричества. Я сказал Инне искренний комплимент по поводу ее украшений. Она ответила, что это авторская работа известного красноярского ювелира, сделанная в одном экземпляре по заказу мужа на двадцатилетний юбилей супружеской жизни.
«Из тёмно-фиолетового как бы прорываются таящиеся в нём катастрофы, но, стоит его хоть чуть высветлить, как мы тотчас начинаем видеть его благочестие». Кажется, так писал Иоханнес Иттер в своей работе «Искусство цвета»? - спросил я у Инны. Мне показалось, что при слове «катастрофа» Инна чуть вздрогнула и изменилась в лице, но может быть это была только игра света, теней и порыва морского ветра, качнувшего ветви деревьев.
- Простите, - сказала Инна и отошла от меня. И даже в этом коротком «простите» прозвучали какие-то тревожные нотки. Может быть, она в «пограничном состоянии»? - подумал я, - хотя где четкие грани между нормой и патологией? И «основной вопрос Бытия» остается без ответа - всем ли женщинам надо демонстрировать ум и образование?
Мужчины были одеты гораздо проще. Николай - в мятых светлых брюках и в белой рубашке с коротким рукавом. Для его впалого живота не хватало дырок на желтом кожаном ремне…
Сан Саныч - в белом костюме и светло-голубой сорочке без галстука. Впрочем, пиджак он сразу снял – хотя дневная жара спала и с моря дул ветерок, но в пиджаке все равно было бы жарко.
Виктор явно предпочитал спортивный стиль. Он был джинсах и темной хлопковой

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

футболке с коротким рукавом и небольшим воротником.
На Костика я почти не обратил внимание – какие-то «брендовые шмотки» с ядовитой расцветкой. То ли в длинных шортах, то ли в коротких брюках… Рубаха расстегнута почти до пупа, обнажая безволосую грудь. Что были за бренды? Не смогу назвать под угрозой смертной казни… Далек от молодежной моды, как кометы от Земли.
Я одел легкие кремовые брюки и темную шелковую рубашку с короткими рукавами. Ни на кого производить впечатление внешним видом не собирался – главное, чтобы было удобно и не жарко.
Коктейльная вечеринка четко разделилась на две неравные части – поэтическую и танцевально-алкогольную, и честно скажу – алкоголь помешал запомнить все детали второй части. Увы, хоть и очень редко случается со мной такое, но бывает… Поэтому расскажу сначала о поэтической части.
С декламацией решились выступить не все. Заявились Инна, Бажена и я. Сан Саныч сказал, что он подумает и позднее решит – выступать или нет. Виктор заявил, что он помнит только матерные стихи. Остальные заявили, что он будут «благодарными слушателями».
Встречу с поэзией начала Инна, но то, что она прочитала, вызвало как минимум, недоумение.
- Это стихи одной хорошей поэтессы... я фамилию забыла… Это крик израненной души, - с надрывом сказала Инна, а потом с чувством продекламировала:

чего не захочешь, того не будет -
врут мне в лицо...
ребята, товарищи, граждане, люди
в конце концов,
это ли не театр, заговор фантомасов,
сценическая брехня?
на меня наматывают ошметки мяса
среди белого дня.
и говорят: для твоей же пользы.
давай помогай.
принимай непринужденные позы,
не дыши, не моргай.
и потом обновленной тварью,
скроенной из кусков,
из мышц выпариваешь хлор и калий,
разлагаешься злой тоской....

Публика ошарашенно молчала. Видимо такой «крик» всех «достал до нутра». «Завтра попрошу у Инны текст сего «шедевра поэтической мысли» и напишу злую пародию», - подумал я. И снова вспомнил про «пограничное состояние». Не дождавшись аплодисментов Инна села на свое место.
Сан Саныч тонко чувствовал обстановку, и видимо решил «действовать на контрасте». Он допил свой коктейль с виски «Крестный отец», встал, откашлялся и сказал:
- Я прочитаю вам в русском переводе стихи Хо Ши Мина, или как его иногда называли «Дядюшка Хо». Он был видным деятель Коминтерна, основателем Коммунистической партии Вьетнама и Коммунистической партии Индокитая, первым президентом Демократической Республики Вьетнам и создателем «Вьетконга» - Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Хо Ши Мин долгое время сидел в тюрьме по

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

политическим мотивам и там писал стихи. На вьетнамском языке они, конечно, звучат по-иному. Но вряд ли, кто-то кроме Вана, сможет их понять. Прочитаю два стихотворения на русском и одно на вьетнамском.
«Сан Саныч», - мысленно возопил я, - кому ты тут рассказываешь про Хо Ши Мина, Коминтерн и Вьетконг? Они все выросли после распада СССР, ни в школе, ни за ее пределами, в принципе слов таких слышать не могли. Это мы с тобой – «осколки Великой эпохи», а они – «поколение, отравленное пепси». И… кроме того… на дорогом курорте читать стихи «дядюшки Хо», держа в руке бокал с «Крестным отцом»? Очень оригинально»!
Сан Саныч с очень умело и с чувством прочитал стихи, чем опять меня изрядно удивил - «Молодец! Не только Шекспира может на английском»…

ГОЛОС ФЛЕЙТЫ

Мелодия флейты все нежней и выше,
В ней страсть, забвенье и печаль.
За тысячи ли на высокой крыше
Любимая смотрит тоскливо вдаль.

ЛУННАЯ НОЧЬ

В тюрьме не сыщешь роз и вина.
Лишь ночь одна благовоньем полна.
Колдунья луна глядит сквозь решетку,
И узнику шлет вдохновенье она.

Потом он прочитал четверостишие на вьетнамском. Мы ничего не поняли, но громко хлопали, потрясенный Ван с большим уважением поклонился Сан Санычу и долго жал ему руку. «Ну всё, - подумал я, - теперь Сан Саныч у Вана в большом авторитете». Надо будет это учесть – вдруг пригодится»…

Чьи стихи читала Бажена я не понял – может быть и свои… Но они мне не понравились, тем более, что хмельная Бажена читала их «с дурным завыванием» и «театральным заламыванием рук».

В ночь уходили сонные вагоны...
В такую темноту - не до погони.
Двух человек навек разъединял
Холодный и безрадостный вокзал.

Паук обиды ткал свои узоры,
Вплетая в них обрывки разговора...
...Так ЛЮБИШЬ, драгоценный?
Ну что ж, прими
Подарочный набор
МОЕЙ ЛЮБВИ…

«И на эту хрень напишу пародию», - твёрдо решил я, - глядя на кривляние Бажены. Тут ощутил порыв ветра – и видимо он принес следующую мысль - И про Бажену стих сложу

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– а вот… уже и первая строка есть: «В зеленом платье на ветру змея качалась…»
Но в этот момент услышал голос Сан Саныча:
- Олег Петрович, Ваша очередь.
Поставил бокал на столик, встал и произнес:
- Я прочитаю стихи Иннокентия Сентябрьского, написанные в разные годы. Некоторые из них – это подражание Омару Хайяму, другие – лирические выражают настроение автора.

В том кувшине – отрава, а в этом – лекарство...
«Пей, - Хайям написал, - ибо третьего нам не дано»...
Но в обоих кувшинах игриво плескалось вино...
Жаль… что третьего нам не дано...

Николай Сидоров захлопал в ладоши, потом взял стакан с ромом и с большим воодушевлением повторил:
- «Пей, Хайям написал»! Браво!! За это надо выпить!!!
Все засмеялись и пригубили свои коктейли.
Я тоже воодушевился, приложился к своему бокалу, в котором еще оставался «Короткий медовый месяц» и сказал:
- Учитывая, что тема вина пошла хорошо, перейдем к гуриям, а потом к любовной лирике,

В стакане плещется рубин хмельной
И гурия лицо мое целует…
Создатель мне прощение дарует…
Когда в конце пути… поникну головой…

И в завершение любовная лирика на морскую тему, - провозгласил и прочитал:

В волнах исчезнет отраженье
Узоров пены и песка...
В мечтах не будет повторенья...
Но облик твой... но ты одна...
В стихах моих... застынут на века...
И волны памяти омоют...
Забытые любовью берега...
И тут я поймал (или почуял) заинтересованные взгляды Ольги и Бажены. Настроение у всех улучшалось с каждой минутой и с каждым коктейлем. Полагаю, что ажиотажу и успеху поэтического турнира сильно способствовали алкогольные напитки разной крепости. Потом я так и не мог припомнить, кто что пил и в каком количестве?
Под влиянием общего настроения даже Виктор расчувствовался и прочитал чьи-то строки:

В чужом стакане крепче брага
Грудь больше у чужой жены…
Когда до пропасти полшага
Друзьям мы больше не нужны…

И понял я одну из истин -
Что грязь везде найдет свинья…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Не хватит пуль, стрелять по крысам,
Что убегают с корабля…

«Читает с чувством, - отметил я про себя, - есть личностное отношение к стихам. Как-то связано с биографией? Эмоционально выражена строка про крыс и пули…».
Николай неуклюже вскочил, заявил, что сейчас он «прочитает басню с матом», но Алла Петровна посоветовала мужу сесть и заткнуться. При этом она так дернула его за брюки, что Николай с шумом грохнулся на стул.
«Расхулиганившись» (коньяк уже оказывал на меня свое «благотворное» воздействие), я прочитал ещё два стихотворения:

В журнале философском как-то ночью
Статью прочел «Языковые игры»:
Про «дар богов» и «смыслов порчу»,
Про «космос, обступивший человека»,
Что игры те уж длятся многие века…

Вопрос серьезный поднят был в статье,
(И автор умный улыбался жизни криво -
Сквозь текст глядела многолетняя тоска),
Но мысль моя, шалунья, прыснула игриво:
«А будет ли игрой, когда язык касается соска»?

Оживленные аплодисменты всех присутствовавших были мне наградой - только Инна никак не прореагировала – она сидела какая-то вся встревоженная.
В завершении я прочитал шутливое стихотворение про скромность:

Мы столкнулись с ней лишь вчера,...
Косо глянули друг на друга…
И промолвил я… не шутя:
Проходи-ка ты мимо, «подруга»…
«Смерть от скромности» - ты не моя…
Зря это сделал… Не надо было на ночь про смерть вспоминать. Нет, я не суеверен, но иногда мысли материализуются, совсем не так, как мы бы хотели…

Глава шестая

Коварство незнакомых коктейлей,
или несколько слов на тему «Столько пить не надо»…

Да что вы говорите?
Танцевала на столе? Я?!
В трусах? Да вы рано ушли...
Из рассказов Фаины Раневской

Категорически не допустима
постановка наводящих вопросов...

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Из методических рекомендаций
по подготовке скрытых опросов

После окончания «встречи с поэзией» всеми присутствующими было принято решение, о том, что коктейлей больше не надо и каждый теперь будет употреблять то, что хочет. Поскольку бар был великолепным, то мы пили вино, ром с колой, текилу, мартини, коньяк и что-то еще… И танцевали возле бассейна под медленную музыку. Бажена, пригласив меня танцевать, тесно прижималась худым телом и что-то шепча про любовь к поэзии, смотрела широко раскрытыми глазами, кокетливо наклоняла голову, без нужды трогала свои волосы.
Как-то сами собой вспомнились блоковские строки, которые выучил еще в десятом классе:

Милая девушка, что ты колдуешь
Черным зрачком и плечом?
Так и меня ты, пожалуй, взволнуешь,
Только - я здесь ни при чем...

«Девушка глупая в платье зеленом, - мысленно стихами начал добавлять классика, - фокусы эти знакомы давно», - но потом сбился и стал сам у себя уточнять «на сколько давно»? Уже сорок пять лет… И, окончательно потеряв поэтический настрой, продолжил «суровой прозой» - Ты еще не родилась, а «дочери Евы» уже давно тренировали на мне свои ужимки. Дело, конечно, не в тебе… Дело во мне… и мне нравятся красивые и умные». Вот такой монолог звучал в моей голове под влиянием выпитого…
Но внешне я оставался вполне галантным кавалером, дабы не наживать ненужных врагов в лице обиженных женщин… Ибо разъярённая женщина хуже, чем разъярённая общественность.
Краем глаза я видел, как Сан Саныч танцует с Надеждой, а Виктор – с Ольгой и подумал: «Пары начинают складываться? Ничего удивительного – люди все взрослые, и наверняка не растерявшие сексуальный пыл и опыт».
Я пригласил на танец Инну, но она отказалась, сославшись на усталость. Посмотрел на нее внимательно снова мелькнула мысль: «Где та грань, которая отделяет нормального человека, заботящегося о своем здоровье, от человека, одержимого здоровым образом жизни? Не огорчившись после отказа Инны, я сходил к себе в номер, принял холодный душ, чтобы «привести голову в порядок», и через несколько минут вернулся в компанию.
Первым кто попался мне на глаза был Костик. И снова вспомнилось, что он не сказал в каком университете учиться… «Эту занозу надо вытащить из сознания», - твердое намерение сформировалось само собой.
- Костик, мы с тобой еще не пили за знакомство, - радостно крикнул я издалека и приглашающе махнул рукой, - иди сюда, присаживайся, ликвидируем этот пробел в наших биографиях.
Он захватил свой ром с колой, и мы присели за свободный крайний столик. Подняв очередную рюмку коньяка, я самокритично решил, что в общем-то «сегодня мне уже хватит», и «эта будет последняя». Вскоре легко выжал из Костика, что он учится в Петербургском университете аэрокосмического приборостроения.
- Да разве там есть факультет рекламы и связей с общественностью? – удивился я.
Костик заверил, что есть такой факультет.
- А кто там декан, - продолжал я расспросы. Костику смутился и сказал, что не помнит.
Честно скажу это меня удивило еще больше. В принципе студенты не обязаны знать

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

руководство вуза даже по фамилиям, но обычно всё-таки знают деканов своих факультетов.
- Костик, а ваш факультет точно на Большой Морской расположен? – уже вполне осознанно поставил я контрольный вопрос.
Костик опять замялся, и я «поспешил ему на помощь», сыграв «совсем пьяного» (что, впрочем, было уже очень легко):
- Хотя что это я спьяну путаю… у нас же все гуманитарии в корпусе на Суворовском учатся… - и доверительно с широкой пьяной ухмылкой, поведал, - я ведь, Костик, в этом университет аспирантуру заканчивал. А на Большой Морской только документы оформлял…
Надо сказать, что была в моей биографии действительно и такая страница - аспирантура университете аэрокосмического приборостроения. Но к рассказу об острове это не относится.
Костик облегченно подтвердил, что именно на Суворовском проспекте он и учится.
- Ну, давай выпьем за альма-матер. Костик радостно согласился, мы чокнулись и выпили.
«А теперь, милый мальчик, - мысленно приказал я, - получи еще один контрольный вопрос».
- Слушай, Костик, кто сейчас вам основы аксиологии преподает? – заплетающимся языком спросил я. Но тут Костик мастерски вывернулся:
- Не знаю. Нам это еще не читали. Может быть, на следующем курсе начнут? Но сейчас ни думать, ни говорить про учебу не хочу. Я, пожалуй, пойду потанцую. Рад был с Вами ближе познакомиться.
Он поднял бокал, шутливо отсалютовал и, по-моему, несколько поспешно, удалился. Не стал я смотреть Костику вслед – даже пьяные люди хорошо чувствуют «взгляд в спину». Наклонив голову, вдохнул аромат коньяка и отчётливо сформулировал свои мысли: «Здесь что-то не так. Да, студент может не знать фамилию декана. Но он не может забыть адрес, по которому расположен его учебный корпус. Допускаю мысль, что после моей аспирантуры в университете многое переменилось и даже мог появиться гуманитарный факультет на Суворовском бульваре, но что стоило Костику поправить меня и внести утонения? А если бы для проверки была названа Садовая улица? Но самое главное – аксиологию студентам рекламных факультетов не читают… Аксиология только для философов…
Издалека я смотрел, как Костик приглашает танцевать Ольгу, но она отрицательно качает головой. А вот Бажена, уже изрядно пьяная, пошла с ним на «танцплощадку»... Позднее, стало понятно, что это был ее «жест» в сторону Виктора, который никак не желал поддаваться на чары Бажены.
Глядя на это, я продолжал размышлять: «Из трех вопросов Костик не на один не смог ответить. Это надо будет обдумать, но только на трезвую голову». Действие коктейлей и коньяка уже сказывалось: чувствовал, что «я поплыл», внимание рассеиваться, самоконтроль заметно утрачен. Дальнейшее воспринималось уже фрагментами.
Мы еще выпили коньяк с Николаем и Аллой. Видно было, что крепко пьяной Алле Петровне не хватает мужского внимания, что ее раздражают женщины - явная зависть к тем, кто был красив и молод, чувствовалось в каждом ее слове.
Отметил про себя, что Сан Саныч и Виктор, как настоящие джентльмены, почти в равной мере уделяют внимание Надежде, Ольге, Инне и Бажене. Но всё же Надежде и Ольге его доставалось больше. По-моему, это было нормально – они здесь самые красивые.
Виктор привлекал к себе повышенное внимание почти всех женщин, но был очень сдержан. Он танцевал, но как мне показалось не очень охотно.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Зато Сан Саныч был в большом ударе. Он ухаживал за всеми женщинами, кроме Аллы Петровны, со всеми танцевал, рассказывал анекдоты и рассыпал комплименты, читал стихи Шекспира на английском и русском...
Где-то в отдалении возникли мысли: «Это у него прирождённое чувство, опыт общения или использование засекреченной методики? Аккуратный зондаж границ дозволенного в конкретной компании, и в общении с каждым человеком? Попытка помочь в преодолении страха при общении с незнакомыми людьми? Сосредоточиться на этих вопросах я уже не мог…
Инна вообще не употребляла алкогольные напитки, даже слабые коктейли, но зато всем надоедала разговорами о здоровом образе жизни и о том, как она любит своего мужа…
Но, в тоже время ей явно хотелось, чтобы присутствующие мужчины обращали на нее внимание. Надежда очень тонко язвила и посмеивалась над Инной. Знаете, как из серии «Не понять – то ли похвала, то ли оскорбление». Умна, однако… ценю умных…
Костика в компании никто не воспринимал всерьез – и похоже, что он начинал злиться.
Ван вел себя как гостеприимный хозяин – каждому он уделил должное внимание. По его незаметным знакам бармен прекрасно всех обслуживал и мгновенно подносил новые коктейли и прохладительные напитки. Пожалуй, это были мои последние конструктивные мысли - «а дальше закружило-понесло»… И уже не всё сказанное, услышанное или увиденное в тот вечер я смог запомнить и воспроизвести в памяти. Остались только фрагменты… Как там пел Высоцкий? «Я разошёлся, но не ушел». Позднее для самооправдания пришлось выдвинуть версию, что виной тому было изменение атмосферного давления над южным морем и усталость прошедшего дня.
Помню, что с большим воодушевлением гневно клеймил англичан, которые ртутью отравили Ивана Грозного и сына его, оклеветали Стеньку Разина, приписав ему то, чего никогда не было – утопление в пьяном неистовстве персидской княжны, а также свергли с престола Императора Павла I. Вспоминал слова Маяковского о том, что «англичанка всегда гадит». Потом спорил с Сан Санычем в чьём же переводе лучше стихи Роберта Бернса, и с большим чувством декламировал «Мне нужна жена лучше или хуже…».
Видимо песня стимулировала мои воспоминания о женах…
Сразу после этого Надежде и Ольге пришлось терпеливо выслушать мой рассказ о том, что «один раз в двадцать лет готовлю уникальное блюдо», но не всем женам удавалось его попробовать в этот временной период - «Ну, не успевали, так уж ничего не поделаешь».
После этих слов поймал на себе странные взгляды Ольги и Надежды, попытался сосредоточиться и расшифровать их, но увы, не получилось.
Инне, с непонятной для самого целью, но на доверительной основе, я громким шепотом сообщил, что Георг Вильгельм Фридрих Гегель в 1801-м году читал свои лекции в Йенском и Берлинском университетах, а потом он женился и в спокойствии брака написал свое важнейшее произведение «Наука логики». К чему я это вещал? Убей, не помню…
Может быть, воспоминания о женах и ненаписанные «Этюды о логике» сыграли со мной злые шутки?
Позднее – через пару дней - размышлял, что, может быть, мое не совсем адекватное поведение в тот вечер напугало Инну?… И «произошло то, что произошло»…
Виктору и Бажене я доказывал, что Гитлер по воспоминаниям современников «не любил и не понимал шутки», а известный монах заблуждался утверждая, что «Иисус никогда не смеялся».
Перед уходом провозгласил любимый тост своего друга: «Выпьем за то, что мы живы, здоровы и на свободе», а в ответ на шутки присутствовавших обосновывал его актуальность базовыми ценностями человеческой жизни. … Как там у Блока? «И пьяницы с глазами кроликов «In vino veritas!» кричат...

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Полагая, что «вечер вполне удался», я уже действительно собрался «уйти на покой», как вспыхнул скандал между супругами Сидоровыми. Это они испортили конец вчера. Оба крепко напились, но если Николай был тих и благостен, то Алла Петровна раздражалась все больше и больше. Полагаю, ее злило, что мужики внимание уделяют молодым женщинам, а не ей. У стареющих женщин «в голове иногда такое твориться», что Дьявол вздрагивает от неожиданности…
Все завершилось безобразной выходкой – когда Николай шутливо сказал Надежде какой-то комплимент, Алла швырнула в него бокалом, обматерила, тяжело поднялась со стула и пошатываясь ушла к себе в номер. Сан Саныч уговаривал Николая, что «надо пойти и успокоить жену», и что ему «на сегодня уже хватит». Николай утверждал, что совершенно трезв и сейчас еще будет танцевать, а потом - купаться... Но через некоторое время ушёл и Николай. Мы, конечно, не знали, что больше не увидим его живым…
А за час пред рассветом прошла короткая гроза – с сильными порывами ветра, россыпью ветвистых молний и проливным дождем.

Глава седьмая

Утро второго дня.
Первая смерть

Смерть — это покой, легкость…
жизнь труднее.
Фраза из какого-то фильма

На рассвете раздался дикий женский крик. Я решил, что это дурной алкогольный сон моей больной головы, натянув на голову простыню, перевернулся на правый бок и снова уснул.
И снился мне сон, что вчерашняя вечеринка продолжается, но я, сидя за столиком пью не коньяк, а очень горячий чай. К столику подходит Костик и с наглостью спрашивает: «Чай пьете»? Я киваю. Костик, с еще большей наглостью уточняет: «Горячий чай»? Я снова киваю. Вижу, что на нас с недоумением смотрят все присутствующие. Уже понятно, что Костик нарывается на скандал. Он наклоняется ко мне, сует палец в чай, потом выпрямляется, с торжествующей улыбкой смотрит вокруг, а потом чрезвычайно развязно говорит: «Не чай, а теплое пойло. Но этот старый мудак большого не заслуживает»…
Я подымаюсь со стула и выплескиваю чай в лицо Костика. Он начинает орать, что ему выжгли глаза, раздаются многочисленные женские крики: «Что Вы делаете? Он же ребенок! Ты зачем мальчика ошпарил?»…
Еще успел подумать, что у этого «мальчика» уже борода выросла, и, наверное, трахается как молодой кролик, но громкий стук в дверь вырывал меня из этого поганого и мутного сна. Послышался голос Сан Саныча:
- Олег, вставай. Беда!… Николай умер - голос его был очень тревожным, и понятно было, что так не шутят. Натянув шорты и футболку, я босым вышел из номера. Сан Саныч стоял возле двери.
- Что? Где? Когда? – отрывисто спросил я.
Сан Саныч махнул рукой в сторону бассейна. Через несколько секунд я подошел к бассейну. Там стояли Ван и одна из горничных. Вид у них был растерянный.
Подтягивались и наши отдыхающее, разбуженные криком и стуком.
Возле торцевой стороны бассейна стоял деревянный шезлонг, рядом с ним маленький

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

столик. На шезлонге лежала наполовину пустая пластиковая бутылка с кока-колой. А на дне ярко освещенного бассейна лицом вниз лежало тело Николая Сидорова. На теле были только купальные плавки… И не было никаких сомнений в его смерти…
Не раздеваясь я прыгнул в бассейн и по дну подошёл к телу. «Да… никаких сомнений…». Видимых повреждений на голове и теле не было
- Ван, Сан Саныч, принимайте Николая, - скомандовал я, наклонился в воду и схватив за левую руку, потянул к бортику бассейна мертвое тело. Сан Саныч отреагировал быстро и подошел, а Ван словно застыл.
- Ван, шевелись, б…дь такая! - я так рявкнул, что женщины, толпившиеся у бассейна, вздрогнули. Но Ван очнулся и бросился помогать Сан Санычу.
Тело Николая вытащили и положили на спину возле шезлонга. Я достал со дна бассейна пустую бутылку из- под тайского рома «SangSom Superior», поставил ее на борт бассейна, подтянулся на руках и вылез из воды. Подойдя к лежащему телу, понимая всю бессмысленность своих действий, потрогал сонную артерию, потом поднял правое веко и посмотрел зрачок.
- Он мертв, - послышался голос Виктора. Оказывается, он подошел неслышно и стоял рядом со мной. Разогнувшись, я увидел, что тут же по-прежнему стоят Ван и Сан Саныч. Метрах в пяти толпились наши женщины, две горничных, повара, бармен, официанты и ещё кто-то. Аллы Петровны и Костика среди них не было.
- Сам вижу, - буркнул я угрюмо, стянул мокрую футболку и бросил ее на бутылку колы. Потом, посмотрев на Вана, жестко спросил, - холодильные или морозильные камеры на острове есть?
Вопрос я умышленно задал сурово. Понятно, что есть на острове холодильники. Но сейчас для полного счастья нам не хватало только истерик и расслабления.
- Есть, - ответил Ван, - но там продукты…
- Продукты переложить, освободить одну камеру. Тело поместить туда. Дай команду, пусть кто-нибудь принесет большой пластиковый пакет и какие-нибудь носилки. Тело Николая в этом пакете положить в холодильник. Да шевелитесь вы все – прикрикнул, - а то замерли, как беременные тараканы. После этого посмотрел в сторону собравшихся на галерее.
- Все граждане, расходитесь по своим номерам – ничего интересного больше не будет, - сказал достаточно грубо и зло, – и Алле Петровне скажите…
Ван видимо окончательно обрел способность действовать – он что-то сказал одному из официантов на вьетнамском и тот быстро убежал. Через десять минут на тело Николая вьетнамцы натянули большой черный пластиковый пакет для мусора, положили на медицинские носилки и унесли. Люди еще толпились неподалеку от бассейна и не торопились расходиться, что-то обсуждая приглушенными голосами.
Воспользовавшись суетой с трупом, я нагнулся, через футболку прихватил двумя пальцами за ребристое горлышко бутылку кока-колы и прикрывая ее мокрой футболкой понес к себе. Уже почти дойдя до своего домика, почувствовал взгляд на спине. Небрежно обернувшись на пороге балконной двери, увидел, что Сан Саныч внимательно смотрит на меня. И этот взгляд мне очень не понравился.
«А что уж тут… не удалось забрать бутылку незаметно… и ничего теперь не поделаешь, - думалось, пока открывал дверь, - и надо принять душ…».
Однако, зайдя в номер, сначала чуть-чуть «подлечил голову» парой добрых глотков коньяка из мини-бара. Потом, включив свет настенного бра, внимательно осмотрел бутылку, хмыкнул, сунул ее в нижний ящик письменного стола и пошел в ванную комнату.
Долго стоял под холодными и горячими струями воды, попеременно меняя температуру,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

но не принял никакого решения. Поэтому размышления продолжались и после того, как закутавшись в роскошный махровый халат с вышитой золотом эмблемой отеля, я налил еще полрюмки коньяка и сел в кресло, придвинув его к окну.
И размышлял я о печальном… Ну, какого хрена мне надо было хапать эту бутылку, да еще стараться незаметно утащить ее в свой номер? Ведь вполне можно было обойтись без этого… Конечно, еще и сейчас можно от бутылки избавиться – выбросить в мусорную корзину в номере или возле бара – никто ее искать не будет. Да, Сан Саныч видел, как я ее забирал. Ну и что? Если спросит, то скажу «на голубом глазу», что автоматические убрал мусор, находясь в «состоянии сильного эмоционального напряжения» после того, как труп Николая достали из бассейна.
Можно бутылку наполовину или чуть больше наполнить водой и выбросить в море – волны и ветер унесут ее черт знает куда… Или на пляже песочку в нее насыпать под самое горлышко, размахнуться как следует, да и бросить далеко в море… там, где из отеля никто ничего не увидит. И скоро занесет бутылочку песком или донными отложениями, и никто никогда ее не найдет.
Как там древние говорили: «Ничтожная причина может стать основой больших последствий»… Или у них звучало по-другому? «Каждая причина производит более, чем одно следствие». Голова с похмелья раскалывалась на неровные и острые части, которые кажется шевелились и задевали друг друга...
…Вспомни, - уговаривал я сам себя, - что ты хотел делать на этом острове? Неделя спокойного отдыха… купаться и пить для здоровья красное вино… может быть небольшой флирт с красивыми женщинами без вступления в сексуальные контакты… Ничего не читать – ни одной строчки, отключить телефон, не думать ни о чем … вести почти растительное существование… «Покой и воля» при полном отсутствии любых забот… Не надо лезть туда, куда тебя никто не просит… Ни во что не надо вмешиваться и пусть всё идет своим чередом…
Но тот внутренний голос, которым, наверное, иногда говорит совесть, резонно возражал: «А если еще что-то произойдет из-за твоего безделья и равнодушия? Может быть, здесь и нет злого умысла, но ситуация очень похожа на умышленные действия. Сами по себе маленькие отверстия в пластиковых бутылках не появляются – тут нужна рука человека, действующая очень аккуратно… и еще нужен шприц».
А может, всё-таки, как-то объяснить Сан Санычу случай с бутылкой? Мол, бросил футболку случайно на бутылку, а потом по ошибке забрал и футболку, и бутылку…
Ага, - правильно подумает Сан Саныч, - ну, совершенно случайно, не отдавая себе отчета, взял Олег Петрович свою футболку вместе с чужой бутылкой… И при этом очень аккуратно взял за ребристую пробку, где не могут сохраниться отпечатки пальцев…
Нет, это глупое объяснение никак не списать на мое «сильное эмоциональное напряжение»… Может быть, свалить на похмелье? Черт, как нас подводят иногда необдуманные поступки… и последствия от них бывают хуже, чем от проговорок… Да, «и на старухе выбывает прореха»! Надо поспать часик-другой, может быть и голова болеть перестанет…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава восьмая

День второй.
Миролюбивые беседы над обрывом

За внешней оболочкой и тусклой внешностью
у меня скрывается благородная душа и пылкое сердце...
Из письма пенсионера на сайт знакомства

Еще с вечера у меня была мысль сфотографировать восход солнца над морем. Но после обнаружения трупа это намерение просто забылось. Раздумья над случившемся с Николаем ни к чему не привели. Да и не могли привести в условиях дефицита информации. Проснувшись, я принял душ, побрился, и снова достал бутылку из-под колы. Включил в телефоне фонарик и под ярким освещением еще внимательно ее осмотрел. Потом фонарик выключил, поднес бутылку к настенному бра и сфотографировал место прокола.
«Однако, к чему всё это? - мысленно хмыкнул я и одновременно стал думать, куда бы понадежнее спрятать эту бутылочку? Вдруг да пригодиться… - Раздвоение сознания или борьба мотивов? Да кто ж ответит мне на этот вопрос, если он вслух не задан… Надо принять таблетку парацетамола и тащиться на сбор информации»…
Выйдя из номера, пошел в кабинет Вана. Со слов прислуги он рассказал мне, что один из официантов ночью видел Николая, сидящего в шезлонге. Рядом на столике стояли бутылки. Николай был в плавках – ночное купание в бассейне официанта не удивило – он уже насмотрелся на русских туристов.
- Ван, ты извини меня за утреннюю ругань - не с целью твоего оскорбления так рявкнул… Ситуация, сам понимаешь, какая сложилась…
- Да нет… все нормально… я понимаю… я так растерялся, а как русский мат услышал, так сразу в себя пришел, - Ван улыбался вежливо и растерянно.
«Типичный ответ русского, - подумал я, - «да нет»… наверное, только мы так выражаемся… «Стой там иди сюда». Но промолчал и вышел из кабинета управляющего отелем. Заглянув в бар, постоял, покачиваясь с пяток на носки, возле стеклянного шкафа с прохладительными напитками, достал бутылку кока-колы, покрутил ее в руках и выпил половину.
Затем я спустился на террасу и увидел Сан Саныча, который проделывал каких-то упражнения - возможно даже из комплекса боевых искусств. Не желая отвлекать его от физзарядки, обошел всю террасу и снова поднялся к отелю. Через несколько минут ко мне подошел Сан Саныч. Тут, на краю скалы и состоялся наш первый серьезный разговор. Ибо пора было определиться в отношениях хотя бы с одним человеком.
- Неожиданное рядом, - нейтральным тоном сказал Сан Саныч.
- То про Николая? – уточнил я.
- Да… и про него… и про тебя, - ответил Сан Саныч, - интересный ты человек… Я еще на реке стал к тебе присматриваться…
- И чем же был вызван твой интерес к моей личности – там на реке Квай?
- Меня всегда люди интересуют. А ты еще и не обычный турист.
- Я? Не обычный турист? Да Бога побойся! Что во мне необычного?
- Боюсь, боюсь… Всех богов боюсь. Я, знаешь ли, с туристами много лет работаю – всяких повидал… богатых и бедных, умных и дураков, пьющих и абсолютных трезвенников, болтунов и молчунов. Процветание моего бизнеса зависит от правильного понимания – кто передо мной в сей момент и как с ним контакт установить, кто будет потом меня везде расхваливать, а кто матом отзываться. А мне дурная слава ни к чему…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Начал там с тобой говорить – человек вроде образованный, на контакт легко идешь, разговоры разговариваешь, а что ты сказал о себе? Какой для меня результат беседы – что я узнал о тебе?
- Ну, ты еще меня шпионом обзови, подготовленным по секретным методичкам КГБ-ЦРУ для внедрения в Китай, - захохотал я.
- Нет, такой глупости ты от меня не дождешься – видел я тут и шпионов, свободная пресса о многом пишет, в том числе и о разоблаченных разведчиках и агентах. У шпиона всегда хорошая легенда и в соответствии с ней он себя и ведет. А ты вроде и не скрываешь ничего, но и ничего не говоришь. Нет у тебя никакой легенды, но и о жизни своей не торопишься рассказывать…
- Да с чего бы мне исповедь начинать перед первым встречным?
- Знаешь, как люди на отдыхе расслабляются? Башку с одной рюмки сносит… а иной раз словесный понос от банки пива наступает.
Тут я мысленно с ним согласился – бывают такие ситуации, особенно в российских поездах, когда человек после напряженной работы в отпуск едет – «эффект случайного попутчика» срабатывает «на полную катушку» и откровенность не знает никаких границ. Однажды, когда я из Нижневартовска ехал в Тюмень, в Сургуте в купе села семья – муж, жена и трёхлетний ребенок. Он - инженер одной нефтегазовой фирмы. Выпил при мне бутылку легкого пива, начал разговор… и три часа не мог остановиться. Жаль, что я не промышленный шпион – всё бы узнал бесплатно.
- А-а-а… так вот чем в горной аптеке забота твоя обо мне была вызвана… Сколько я тогда той доброй настойки «зараз на грудь принял» – грамм двести или больше? Ну и… получил ты желаемый результат?
- Получил! Ты же рассказал в автобусе под каким литературным псевдонимом публикуешься…
- И что? Тайна сия велика есть? Я, между прочим, литературные премии под этим псевдонимом получаю и, соответственно, абсолютно не скрываю его.
- Вот-вот и стало мне еще интереснее – persona scriptum, «человек пишущий»! Как говорил товарищ Сталин: «инженер человеческих душ»! Решил посмотреть, что же ты написал, да каким был твои литературный путь. А если повезет, так и биографию хотел изучить. Вечером после возвращения в Паттайю скачал в интернете твои сборники, просмотрел исторические рассказы, философскую прозу и…
- И решил, что я «липовый философ» и пишу о том, чего не знаю?
- И решил, что ты юрист. Так ведь?
- И этого никогда не скрывал – преподавал студентам юриспруденцию лет двадцать. Ты же вот не скрываешь, что МГИМО закончил, языки разные знаешь, много лет бизнес ведешь на Востоке ведешь. А Восток, как известно «дело тонкое»… И что – в чем «чисто конкретно» мне тебя подозревать?
- О! К слову – а ты меня в чем-то подозреваешь? Давай поделись – интересно услышать «юриста и писателя в одном флаконе». Так сказать, результат «взгляда со стороны». Может тоже думаешь, что я шпион?
- А чем плоха такая версия? Если верить тому, что ты сам о себе сказал… Если верить… Здесь живёшь много лет – укоренился. Самые широкие контакты - такие как в туристическом бизнесе – для «шпиёна» что можно лучше придумать? «Общение без ограничения». Причем общение с любой категорией – местное население, российские и зарубежные туристы, рекламщики, журналисты, отельеры, перевозчики… «Крыша» лучше, чем у журналиста или обычного бизнесмена… И хрен кто тебя, «шпиёна», отследит в джунглях Лаоса, горах Камбоджи или островах Новой Зеландии… Два или три раза в год летаешь в Москву – сам говорил - для подробного отчета под обоснованным

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

предлогом «поиска новых заказчиков в России»… Лепота! Чем не нравиться вариант?
- Да уж в твоем изложение версия звучит очень красиво… Только сам ты в нее не веришь.
- Почему? Тут не в том дело «верю – не верю». Как говорил товарищ Сталин «Возможно ли это? Конечно, возможно, если не исключено»…
- Слушай, а правда, что у тебя никогда не было серьезных травм? – Сан Саныч явно решил сменить тему, - Помнишь ты про это упоминал, когда мы все купались в родоновых источниках…
- Правда. А ты, Сан Саныч, так решил уйти от разговора о шпионах?
- Да нет… Ты не дурак, юристом, видать был хорошим, раз без травм почти до шестидесяти лет прожил, а это значит, что «по жизни» проявлял «разумную осторожность». И допускай реально возможность моей шпионской деятельности, ты бы ничего из только что сказанного мне не излагал бы… Придумал бы чего-нибудь «нейтральное» и вполне безопасное… Слышал я тебя вчера – красиво говорить умеешь на совершенно разные темы.
Последнею фразу я полностью проигнорировал, как бы и не услышав ее. Стыдно было за вчерашнюю расслабуху, за излишне употребленный алкоголь.
- Тоже верно… Слишком уж на поверхности лежат версии «резидент», «агент» или «связник», а я про шпионов все же лучшего мнения… Пока я не верю, что ты шпион, а потом может быть и подумать не успею… Что-то не нравиться мне смертность среди российских туристов на этом острове. Ладно… Ты к чему все эти полу-пустые разговоры ведешь? Колись…
- Объединять нам надо свои мозги и силы, а иначе в этой неясной ситуации можем свои телами пополнить холодильники отеля или пойти на корм морским обитателям прибрежных вод, - задумчиво сказала Сан Саныч.
И это – честно сказать – напрягло меня. А чего же он боится? Вроде лично для него нет никакой опасности, хотя я, может быть, ничего не знаю. Как это он сформулировал? «Процветание моего бизнеса зависит от правильного понимания – кто передо мной в сей момент и как с ним контакт установить…». Это относиться только к туристическому бизнесу? Но такие мысли, я конечно, оставил при себе.
- Принципиальных возражений нет, - в тон ему ответил я, - но если про себя я точно знаю, что «не убивец» и не «шпиён, то про тебя-то я вообще ничего не знаю. Хотя верю, что есть у тебя маленькая туристическая фирма… Но ведь это не может помешать ни шпионажу, ни убийствам… или может?
- Слушай, мы тут с тобой, как ты говоришь, «полу-пустые разговоры» можем до следующей смерти вести. Придется довериться друг другу… Начну с себя. Не шпион я, не шпион, хотя ты угадал, что мой «маленький туристический бизнес» это только прикрытие. Основная работа – региональные исследования экспортного потенциала и анализ конкурентной среды… Чего улыбаешься?
- Да вот попытался вспомнить разницу между бизнес-разведкой и анализом конкурентной среды на фоне промышленного шпионажа…
- Язва ты… не вспоминай и не задумывайся… вообще и не углубляйся в эти темы. Одно могу сказать – работаю на российские интересы, а это в мире нравиться далеко не всем, а если уж быть совсем точным – всем не нравиться. И некоторую… проистекающую из этого опасность я не могу игнорировать. Опять ехидно улыбаешься?
- Ничего подобного – просто представил, что я должен поверить твоим словам и провозглашенному патриотизму, Но… но я всё еще помню из прочитанной литературы про вербовку «под чужим флагом». Понимаешь, Сан Саныч, перед тем как я сам начал писать, за сорок лет кучу разных книг прочитал – в том числе - детективы про шпионов.
- Ну, не чем мне тебе сейчас доказать свою работу в российских интересах. Будь связь с

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

миром – договорились бы о том, как тебя убедить информацией из России. Но если бы связь была, то может быть мне и союзники не нужны были бы, да и смертей бы не было… Не справится мне одному – «мозгов не хватает»…
«Да, - подумал я - союзники или помощники мне тоже нужны, тем более знающие местные языки. Проверить его слова я действительно никак не могу. Работать он может на кого угодно, но что это для меня меняет в сей момент? Ничего! И придется довериться. Он, конечно, чего-то боится… Нет, не так – не боится, а опасается». Однако в слух я произнес совершенно иное:
- Лесть – одно из сильнейших средств воздействия на человека…
- Иди ты к черту… Смерть Николая какая-то странная, и я не понимаю, что происходит… Нужен взгляд со стороны. Я случайно видел, как ты «заботливо умыкнул» бутылку с остатками кока-колы – после обнаружения тела Сидорова у бассейна. Что хотел найти - отпечатки пальцев?
Я молчал.
О, черт! – продолжил он, - только сейчас понял – ведь ты своим ехидством меня провоцируешь. Надеешься, что разозлюсь и о чем-нибудь проговорюсь?
- Ну, это вряд ли – если ты прошел спецподготовку, то я со своим дилетантизмом бессилен против «асса», как плотник супротив столяра. Ладно уговорил - заключаем «Пакт о сотрудничестве». Теперь давай о бутылке. После тропического ливня никаких отпечатков на ней в принципе не могло остаться. На бутылке из-под рома, лежавшей в бассейне – тем более. Да и будь отпечатки - толку-то нам от них… Как без лаборатории и специальных компьютерных программ отпечатки пальцев сравнивать? И самое главное – с чем сравнивать? Никаких подозрений у меня нет – просто хотелось аккуратно кока-колу из бутылочки понюхать… очень аккуратно… И саму бутылочку осмотреть хотелось…
- Ну и как? Осмотрел? И что в результате?
- Осмотрел… бутылка не из запасов отеля… Думаю, что привезена из Таиланда… Или взята в баре яхты. Я посмотрел недавно этикетки на нескольких бутылках кока-колы из местного бара – вот одна из них...
Передав булку колы, взятую несколько минут назад в баре отеля, я продолжил?
- Сам потом посмотри и сравни тексты на разных этикетках. Но главное не в этом - возле пробки у «нашей бутылки» есть маленький прокол на горлышке, еле заметил его и задумался... Зачем кому-то что-то понадобилось шприцем в кока-колу добавлять? Идею ловишь?
- Ну, вот не зря я искал себе «союзничка». Сразу после Соглашения о сотрудничестве и первый результат появился. Думаешь, отравили Николая?
- Есть такая слабая версия… Подтверждать ее нечем – никаких исследований крови и внутренних органов мы здесь не проведем, а пока тело в цивилизованные места будет доставлено, может все следы уже исчезнут. Да и с мотивом отравления нет ясности. Если оно совершенно с целью убийства – то нужны мотив и цель, а также заинтересованное лицо… или лица. Есть «классика жанра» в уголовном праве – четыре обязательных элемента любого преступления – объект, субъект, объективная и субъективная сторона. А еще есть дополнительные или факультативные элементы – мотив и цель, которые иногда очень помогают в установлении субъекта и раскрытии преступления.
- Слушай, нам надо подумать, как, не привлекая чужого внимания и не давая возможности подслушать наши рассуждения, все это обсудить? И цели для исследования ситуации определить… А шифроваться нам похоже очень надо будет…
- «Да уж»… как говорил герой одной советской кинокомедии. Пойдем завтракать – а потом и думать будем… думать будем потихоньку-полегоньку.
Во время завтрака Ван всем сообщил новость – ночная буря повредила вышку связи и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

что-то там еще так неудачно упало, что и ветрогенератор зацепило. Остров остался без телефонной связи, интернета тоже не было… Ничего трагичного в этом не было, запасов продовольствия и воды хватил на месяц, через шесть дней за нами придет яхта… Понятно, что современный человек жить не может без интернета и телефона, но что прикажете делать, если связи нет? Женщины разволновались больше всех – особенно Инна.
«Ага, - ехидно подумал я, - мужа не сможешь каждый час звонками донимать. Повезло мужику, что на далеком острове вышка связи сломалась». Во время завтрака я решил еще одну из вчерашних задач – вплотную посмотреть на лицо заинтересовавшей меня женщины. С разрешения Надежды и Ольги я присел к ним за столик, спросил, не возвращался ли Николай после моего ухода, а потом аккуратно перешел к их планам на день. По-моему, никто ничего не заподозрил – ибо как разговаривать с человеком, не глядя ему в лицо?
После завтрака вместе с Сан Санычем я отправился «размышлять» на пляж – чтобы исключить возможность подслушивания наших разговоров, мы расположились так, чтобы было видно лифт и пирс. Легли на полотенца лицом к морю и стали вспоминать разговоры с Николаем Сидоровым на яхте и острове, а также его ссоры с Аллой Петровной в автобусе и на реке Квай. Вспоминали всё, что относилось к Сидоровым. После этого замолчали минут на десть, переваривая полученную друг от друга информацию.
- Сам-то что думаешь? – прервал молчание Сан Саныч.
- Да маловато материала для раздумий. Может быть, клофелин в кока-коле? Если добавить его, то цвет не различим будет и вкус в пьяном виде не сразу определишь… А потом уже поздно будет… быстрое снижение артериального давления и возможная смерть.
- Мотив меня смущает, - признался Сан Саныч, - все же убийство мужа - это не супружеская измена, серьезные основания нужны.
- Знал я в жизни нескольких мужеубийц… Один случай навсегда запомнил и даже рассказ про это написал.
- Ты про «Холодок под солнечным сплетением»? – уточнил Сан Саныч. – Я его успел прочитать. Название привлекло…
- Да. Многое еще в памяти всплывает, но сейчас всё это бессмысленно. Что же касается мотивов то можно подумать над стандартным набором – корысть, месть, ревность… Или над их комбинацией. Конечно, первый кандидат в подозреваемые Алла Петровна. Надоел пьющий муж, как говорила моя бабушка, «хуже горькой редьки», и вдруг возможность подвернулась на далеком острове… Кто тут будет разбираться – отчего пьяный турист умер или как он утонул в бассейне? Но было бы неправильным зацикливаться на одной версии.
- Что предлагаешь? – уточнил Сан Саныч.
- Пока ничего. Давай понаблюдаем денек за вдовой, а потом и думать будем.
А денек выдался «еще тот» - после обеда с крутой винтовой лестницы свалился бармен и сломал себе шею. Но об этом происшествии расскажу позднее.
Весь день у наших отдыхающих прошел под впечатлением этих смертей и невозможности выйти в интернет. При этом я не смог бы однозначно, что народ угнетало сильнее…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава девятая

Вечер второго дня
Длинный рассказ про отпечатки пальцев

«Черта ловят на жужалку,
фраера - на зажигалку»
Поговорка

Перед заходом солнца мы постояли с Сан Санычем на нижней террасе.
- После того, как все поужинают, и возле бара возьмутся за напитки, начну свои «воспоминания в большой компании». А ты сначала, поддержи разговор, а потом внезапно прерви его - после того как скажу «сигнальную» для тебя фразу. И еще кое-что давай обговорим… Вдова не выглядит слишком печальной и наверняка присоединится к «вечерним посиделкам». Объяснит что-нибудь в духе «мне сейчас тяжело», «не хочу оставаться одна»…
Мы обсудили варианты развития события и уточнили некоторые детали.
- Про пиво ты хорошо придумал, - задумчиво сказал Сан Саныч, - тряхнем стариной, поухаживаем за дамами.
- Да, вот еще один момент… и если я правильно думаю, то нам вдвоем… а еще лучше, втроем надо будет потом заглянуть в мой номер… Дверь дома оставлю открытой… Переговори с Виктором… у тебя вроде бы с ним хороший контакт установился? Ван вечером наверняка к нашей компании тоже присоединится - что ему скучать в одиночестве?
После ужина быстро темнело, но фонари хорошо освещали всю площадку между рестораном, баром и бассейном. Мы сами передвинули столы полукругом возле бассейна и взялись за пиво и вино. Сан Саныч сел рядом с Надеждой и Аллой Петровной. Соболезнуя вдове, постоянно наливал ей «Little Creatures Pale Ale». А она – чувствуя мужскую заботу – «оттаивала душой и телом». Надежда тоже не осталась без внимания, но она практически ничего не пила – так и просидела с одним бокалом вина. Виктор сидел между Ольгой и Надеждой. Они разместились слева от меня, а Инна, Ван, Бажена и Костик - справа. Я специально занял место в центре, чтобы был максимальный обзор. Естественно разговор зашел про смерть бармена и почти каждый высказывал свое мнение – был ли это несчастный случай, или кто-то помог бедняге удариться при падении с лестниц, и как это можно выяснить.
Алла Петровна, Надежда, Ольга и Бажена считали, что смерть наступила в результате несчастного случая. Сан Саныч и Виктор допускали, что это может быть убийством, замаскированное под падение с лестницы. Костик промолчал – видимо своего мнения на это счет у него не было.
А вот Инна, без всякой видимой связи с ранее сказанным, вдруг заявила, что мы все здесь умрем, что всех нас убьют. На неё с удивлением посмотрела несколько человек, но промолчали. Однако Инна не унималась, почти истерически повторяя:
- Вспомните «Десять негритят» Агаты Кристи…одинокий остров… вспомните… там все тоже сначала думали, что происходят несчастные случаи. А потом все умерли… всех убили…
- Но мы то не совершали никаких уголовных преступлений, - спокойно заметила Надежда, - и нас тут никто не собирал, Каждый сам приехал…
- Уж если говорить о повести Агаты Кристи, так только отрезанный от мира остров может напомнить этот сюжет, - уточнил я.…
- Вот-вот, - нервно вскрикнула Инна – остров, с которого никто не может выбраться, и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

никто не узнает, как мы умрем… Телефоны не работают, интернета нет… что муж делает не известно, а я тут одна…
Наступило молчание. Я покрутил свой почти полный бокал сухого вина и начал заготовленную речь:
- Большинство людей, нарушивших закон - я не имею ввиду профессиональных преступников - перед совершением преступления не продумывают его детали и способы сокрытия улик. Тем более, если преступление совершается внезапно, даже если раньше были мотивы к его совершению. Поэтому достаточно большое количество преступлений все же раскрывается по оставленным следам, чему подтверждением являются наполненные тюрьмы, а также исправительные лагеря.
Сан Саныч легко подыграл мне:
- Ты, Петрович, как-то иллюстрировал бы свои заявления. А то ведь не у всех из нас есть опыт совершения нераскрытых преступлений.
- Да и у меня нет опыта совершения преступлений – вообще никаких - ни раскрытых, ни тайных. – Я широко улыбнулся, - но все вы легко можете привести множество примеров из книг и кино. Ну, например, в результате изнасилования в теле жертвы остаётся сперма. Сто лет назад насильника определяли по группе крови, потому, что любые выделения конкретного человеческого организма – кровь, сперма, слюна, пот, слезы и так далее – всегда одной группы, совпадающей с группой крови. А сейчас – при современном развитии генетических исследований – вообще нет проблем. Сейчас даже потожировые выделения при отпечатках пальцев дадут ответ на вопрос – кто их оставил? И заметьте – это можно сделать даже если сами отпечатки не поддаются идентификации. А при контакте преступника с жертвой – например, при драке, на одежде или теле каждого из них остаются микроследы. Например, частицы ткани или волокна шерсти, или волосы…
Сан Саныч опять подхватил:
- Или частицы кожи под ногтями женщины, которая сопротивлялась убийце или насильнику…
Тут раздался голос Надежды:
- Да хватит вам про изнасилования и убийства, слушать противно, – она передернулась. - Уж если завели свои дурацкие разговоры про преступность, так хоть какие-то другие примерны найдите.
Сан Саныч резонно ей возразил:
- Про изнасилования, конечно, можно и не заводить речь. У нас тут слава Богу никто никого не насилует, и некоторые добровольно на всё согласны. Но как-то мне не очень вериться, что обошлось без убийств на этом проклятом острове. Вы что верите все в несчастные случаи, которые вдруг повалились на наши головы? Я не верю и очень не хочу стать очередной жертвой такого «несчастного случая». Тут я с Инной согласен про «Десять негритят» - там будущие жертвы действительно думали сначала, что несчастные случаи происходят…
Я продолжил, сделав успокаивающий жест:
- Сан Саныч, не кипятись. Женщин можно понять – им тоже не по себе после двух смертей за одни сутки при не возможности убраться с этого поганого острова. Понятно, что по номерам сидеть в одиночку с вечера до утра тоже нет особой радости. Может быть, и хорошо, что мы все здесь на виду друг у друга и спокойно разговариваем…
Но я хотел рассказать про отпечатки пальцев, как пример, подлинную историю из далеких восьмидесятых годов прошлого века. У моей первой жены была тетя, а муж тети – руководил городскими производственными мастерскими Всесоюзного общества слепых. Были такие общественные организации в Советском Союзе – предоставляли работу инвалидам. Но я про другое – конечно, директор этот – муж тети моей жены - мне

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

родственником не был, но добрые отношения мы всё же поддерживали. И вот однажды пришел он ко мне посоветоваться – что делать? Завелся у них в организации мелкий вор – таскал у женщин из сумочек деньги во время обеденного перерыва. Не много – по три или пять рублей, и не часто – как удавалось. Наверное, сейчас можно приравнять это к сумме в три или пять тысяч рублей. Впрочем, не в конкретных суммах дело.
Я сделал глоток вина, посмотрел на присутствующих, и продолжил:
- Нравы в тех мастерских были простые – двери кабинетов и производственных помещений не закрывались, женщины сумочки оставляли на рабочих местах – одним словом – «бери не хочу». Естественно, крал ворюга, когда никто не видел. Кроме того, учтите, что там большинство работников было либо совсем слепые или слабо видящиеся. И если даже кто-то проходил по коридору и видел подозреваемого, то свидетельствовать об этом не мог.
«Что делать»? - спрашивал мой полу-родственник, он же директор мастерских. Я уточнил - заявлял ли он кражах в милицию? Нет, - ответил директор - просто переговорил с начальником милиции перед каким-то совещанием в городском комитете КПСС, а тот объяснил, что кража трех или пяти рублей, не образует состава преступления. Понятно, что соврал ему начальник милиции – не хотелось ему несколькими нераскрытыми кражами «статистику портить». С одной стороны – какие доказательства найдешь, если полгода назад в кабинете из сумочки три рубля исчезло. С другой стороны – если преступления не раскрывать, так они сами не раскроются... В общем я предложил директору организовать общее собрание трудового коллектива, рассказать о кражах и о возможностях дактилоскопической экспертизы – как способе обнаружения преступника по отпечаткам пальцев, которые он оставил на месте совершения краж. Дело в том, что тогда были в моде женские кожаные сумочки, покрытые лаком. А на таком покрытии отпечатки пальцев отражаются также хорошо, как на бумаге, стекле или пластике…
- А, я понял, - почти весело заявил Сан Саныч, - так вот для чего ты утром уволок бутылку от тела Николая и держишь её в своем холодильнике. Хочешь потом в полицию отдать их для выявления отпечатков?
- Ну, не только для обнаружения отпечатков, - сказал я неторопливо, – там ведь в остатках кока-колы может еще яд содержаться. Пусть полиция все проверит… Если бы на острове случилась только одна смерть, то может быть и не надо таких подозрений…
Никто не заметил несуразности и отсутствия логики в моих словах – то, что смерть Николая была первой, и никто, в том числе и я, когда утащил бутылку, о случившейся днем смерти бармена, еще и думать не мог.
Однако ключевая фраза уже была произнесена и Сан Саныч торопливо перебил меня словами:
- Подожди, не рассказывай дальше, я в бар за пивом схожу. Кому пива?
Алла Петровна поддержала его:
- Да, Олег, не рассказывай без меня – я сейчас к себе в номер схожу, чтобы было место для нового пива, да шаль возьму, что-то прохладно стало… Сан Саныч, принеси мне темного…
Виктор стал, потянулся и сказал:
- Да и я, пожалуй, перед новым пивом к себе в номер загляну… и сигареты кончились.
Они ушли по крытой галерее к своим домикам, а столом остались Надежда, Ольга, Инна и Бажена, Костик и я.
Сан Саныч вернулся через две или три минуты, но без пива. Он незаметно кивнул мне. Тут же появился и Виктор.
- Так, девушки и ты, милый вьюноша, - вставая сказал я, - поскучайте немного, мы надеемся на сюрприз… Ван, побереги женщин. Женщины, Ван и Костик с удивлением

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

посмотрели на меня.
А мы втроем мы устремились в мой номер… Я толкнул дверь и включил люстру под потолком – у открытого холодильника с бутылкой кока-колы в руке стояла Алла Петровна, ослеплённая внезапным и ярким светом.
- Бутылку ищите? – ехидно уточнил я, - кока-колы после пива захотелось?
Мы зашли в номер, прикрыв за собой дверь. Алла Петровна, быстро поборола смущение и начала говорить, что она случайно зашла ко мне, ошиблась, мол дверью в расстроенных чувствах, домики одинаковые, выключатель не нашла, «пиво в голове плещется» и «все такое прочее».
- Дура ты, Алла Петровна, - крайне невежливо и сурово сказал Сан Саныч, - и трезвая ты дура и пьяная. Не было твоих отпечатков на этой бутылке, а теперь есть…
- Как не было? – было видно, что Алла Петровна растерялась еще больше… Она уставилась на бутылку в руке.
- А вот так – смыл все отпечатки ночью тропический ливень, - Сан Саныч был не умолим, - а теперь они снова есть. И еще я помню, как Николай надеялся тебя пережить… Помнишь разговор на реке Квай?
- Сволочи, - зло прошипела Алла Петровна, - гаденыши, провокаторы, - руки ее нервно мяли пластиковую бутылку, потом она открутила пробку, и вдруг рванулась на балкон с резвостью, неожиданной для ее оплывшей фигуры. Открыв дверь, она швырнула бутылку. Почти тут же послышался всплеск воды в бассейне, который был в нескольких метрах от моего домика.
- Хрен вам, а не мои отпечатки, - Алла Петровна теперь злорадно улыбалась, - хрен вам, а не анализы остатков, хрен вы что докажете, детективы доморощенные, мудаки…
Точности ради надо сказать, что Алла Петровна, употребляла гораздо более грубое выражение, чем «хрен вам», и материлась она еще довольно долго.
Мы присели: я на крутящийся стул возле письменного стола, Сан Саныч и Виктор в кресла. И спокойно слушали это «извержении словесного вулкана». Третье кресло осталось свободным. Алла Петровна по-прежнему стояла возле балконной двери. Я наблюдал и молча фиксировал ее вегетативные реакции – лицо покраснело, губы дергались, дыхание было учащенным… Сан Саныч и Виктор тоже не сводили глаз с Аллы Петровны.
Когда она выдохлась, я предложил:
- Алла Петровна, закройте дверь на балкон – у бассейна Вас сейчас слушает куча свидетелей. И уж они-то слова про то, что «мы ничего не докажем» вряд ли забудут… Присядьте – вдруг разговор долгим будет…
- А если кто-то забудет, так напомним, - сказал Виктор и включил свой телефон.
Диктофон прилежно воспроизвел крики Елены Петровны: «Хрен вам, а не мои отпечатки, хрен вам, а не анализы остатков, хрен вы что докажете, детективы доморощенные, мудаки»…
Она продолжала стоять, злобно глядя на нас. Но больше не материлась.
- Алла Петровна, насколько я понял из Ваших ранних рассказов, ни Оксфорда с Кембриджем, ни Сорбоны или Гарварда Вы тоже не заканчивали. Откуда же такое пренебрежение к советскому образованию? Все мы доморощенные. Но нас ведь и дома хорошо учили… К примеру, я в 1981 году закончил лучший юридический вуз СССР – Свердловский юридический институт…
Вы что, серьезно решили, что я вещественные доказательства буду в холодильнике держать, ожидаючи Вашего визита в мой номер? Какая наивность… Огорчу я Вас – бутылка, которую Вы так поспешно бросили в бассейн, к смерти Вашего мужа не имеет никакого отношения – я утром пил из нее и не умер. Обычная бутылка из местного бара.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Подставил я Вас, неутешная вдова… «Черта ловят на жужалку, фраера – на зажигалку». Если Вам скрывать нечего – зачем пошли в мой номер? Ведь никто из слушавших рассказы про кражи денег у слепых и отпечатки пальцев, кроме Вас, не заторопился к моему холодильнику… В теории доказательств это называется «улики поведения»…
- Кроме того, Ваше поведение после смерти Николая уж никак не было похоже на безутешность вдовы, прожившей с любимым супругом больше сорока лет, - дожал подозреваемую Сан Саныч.
Алла Петровна отошла от балкона, рухнула в кресло и разрыдалась… Я встал и закрыл балконную дверь.
Через полчаса мы почти все знали о тяжёлой жизни супругов Сидоровых, и наши подозрения о насильственной смерти Николая лишь укрепились. Она действительно шприцом что-то вкачала в кока-колу… Аудиозапись с признанием Аллы Петровны Виктор начал копировать на мой телефон, а сам, по моей просьбе, пошел проводить обессилившую Аллу Петровну в ее номер. Вскоре он вернулся.
- Не завершит она в одиночестве «свой путь земной»? - спросил его Сан Саныч, когда копирование файла и на его телефон было закончено.
- Да и хрен с ней, – равнодушно ответил Виктор, - не понимаю я таких баб. Ну, не живётся – так разведись. Ничто не мешает – дети давно взрослые, скоро уж внуки сами жениться будут… Убивать-то зачем?
Он вышел на балкон, глянул на бассейн и спросил:
- Ну, что пойдем к вечернему столу? Никто не разошелся и все явно с большим нетерпением ждут наших пояснений…
Разговоры затянулись до поздней ночи – кто-то ахал и повторял «да не может быть». Кто-то успокоился, услышав про мотив Аллы Петровны, понимая, что для них опасности с ее стороны нет.
- Это правда, что по статистике женщины живут дольше мужчин, - сказала Надежда, - но не все, а только вдовы.

Глава десятая

День второй, до обеда.
Как не надо падать с лестницы…

Все на свете можно исправить, кроме смерти.
Мигель де Сервантес

Теперь - с чужих слов и поэтому очень коротко - расскажу про смерть бармена. В это время, после купания в море, я вздремнул в своем номере. По словам Вана, тело обнаружили горничные, которые шли на обед. Они тут же развернулись и бросились в кабинет управляющего. Бармен лежал у нижней ступеньки крутой винтовой лестницы, соединявшей две площадки на разных уровнях скал. С верхней площадки дорожка уходила к домикам, где жила отельная прислуга, располагались складские помещение и технические службы. Складывалось впечатление, что бармен подвернул ногу или поскользнулся на ступеньке и неудачно упал вниз. Очень неудачно упал – расставшись при этом с жизнью. Вслед за Ваном прибежала и вся остальная обслуга: официанты, повар и кухонные рабочие. И уж потом, услышав крики, к лестнице подошли Виктор, Надежда и Ольга, до этого купавшиеся в бассейне.
Всё это примерно через час в кабинете управляющего я узнал от Виктора и Вана. Слушая их, размышлял о том, что две смерти за один день «слишком много». Но никаких версий кроме несчастного случая со смертельным исходом у меня не было. Попытки запомнить

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

имя бармена ни к чему не привели – тут же забывал его.
Дождавшись, когда Виктор уйдет, я задал управляющему несколько вопросов.
- Ван, ты свой персонал хорошо знаешь? – спросил я.
- Некоторых знаю достаточно хорошо, - ответил Ван, - горничные и два официанта из той провинции, где я жил, это мои очень, очень дальние родственники – старики попросили взять их на работу.
«Так, с этим всё ясно, подумал я, - клановость на Востоке великое дело. Вьетнамцы наверняка лично преданы Вану, и вряд ли что-то можно узнать у них без его разрешения. Для них Ван – «большой бос» и благодетель. Да и не знаю я никаких языков, чтобы самому спрашивать».
- Бармена, поваров и кухонных рабочих, садовника (он у нас «мастер на всё» - и слесарь, и плотник) знаю плохо – только по работе, - продолжал Ван. – Это китайцы и они были здесь до меня. Техник (он же кладовщик) вроде бы родом с Формозы или из Гонконга, портье и садовник – тайцы из Банконга, приехали неделю назад, но они и раньше здесь работали. Мне об этом известно из документов, которые я смотрел при назначении на должность управляющего.
«Китайцы и тайцы – думал я, - группы? Не факт. Их может связывать только национальность. Что-то важное они могут Вану и не сообщить. Он для них, может быть, и «не фигура». Где родился техник - Формоза (она же Тайвань) или Гонконг – почему такая неясность? И в целом имеет ли это хоть какое-то значение?
Ван еще что-то говорил, но я на несколько мгновений отвлёкся и не слушал его. «Что я знаю о преступных группировках Юго-Восточной Азии? Ничего, кроме общеизвестных терминов – японская якудза, китайские триады, где-то слышал, что «китайская мафия» все продумывает и планирует на много лет вперед, что она «не живет только сегодняшним днем». О «вьетнамской мафии» читал когда-то в российских газетах, но это было двадцать лет назад. А ведь абсолютно в каждом государстве Юго-Восточной Азии есть свои этнические преступные организации, поэтому надо помнить про Малайзию, Филиппины, Тайвань и еще множество стран. Пожалуй, надо с Сан Санычем обговорить этот вопрос… Интересно, а из какой провинции Ван?
- Ван, попробуй собрать максимум информации от своих подчиненных. Но только очень осторожно. Начни с земляков. Аккуратно и осторожно. Понял?
Ван закивал, подумал и сказал:
- Извините, можно Вам вопрос задать?
- Валяй, - спокойно ответил я.
- Только пожалуйста, Вы не обижайтесь… я ничего плохого не думаю...
- Давай, прыгай с обрыва, - доброжелательно подбодрил я Вана, хотя внутренне напрягся, - не до обид сейчас...
Ван еще помолчал, а потом выдавил из себя:
- Я случайно видел, как Вы на ресепшен с компьютера копию паспорта распечатали… Потом посмотрел этот файл…
Вот это было для меня полной неожиданностью. Действительно на второй день после завтрака, проходя мимо стойки я увидел, что компьютер не выключен. И решил - пока никто не видит - посмотреть и распечатать скан паспорта Надежды Владимировой… Так-так… надо выкручиваться – если Ван меня в чем-то начнет подозревать, то помощи он него не дождешься. Чтобы такое «на скорую руку слепить»?
- А, ты про это… Красивая женщина, согласен? – небрежно заметил я. Всегда надо вызвать согласие в результате первого вопроса.
- Да, - ответил Ван, но в его голосе чувствовалось напряжение.
- Вот я и решил собрать о ней немножко информации, прежде, чем начать ухаживание.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Человек я холостой, красивые женщины мне нравятся, но возраст с Надеждой у нас к разный… к моему великому сожалению. Да и про замужество хотелось узнать не с ее слов, а из штампа о регистрации барка в паспорте… или отсутствии такового… Замужняя женщина – это все-таки особый статус… И - если она замужем - то ни к чему мне приключения «на старую задницу». Ван, «не бери лишнего в голову» – нет в моих действиях ничего аморального, безнравственного или преступного. Только интерес к красивой женщине… Кстати, хорошо, что ты про это вспомнил – потом сбрось мне на телефон сканы всех паспортов наших туристов – посмотрю на досуге.
Ван кивнул. Поверил ли он мне? Не знаю. К тому же в спешке я «лопухнулся со страшной силой». Какие отметки о браке в зарубежном российском паспорте? Нет их там и быть не могло. Лопухнулся… Вот что значит «отсутствие толковых заготовок» на разные случаи жизни. Показалось, что Ван с определённым недоверием отнесся к услышанному от меня. Ну, и чёрт с ним… Есть проблемы поважнее. Не верилось мне в случайное падение бармена с крутой лестницы – тут было что-то иное…
«Надо пойти и самому посмотреть на лестницу, с которой так неудачно свалился бармен, - решил я, а за одним и побродить в местах, где живет отельный персонал. Туда я еще не ходил…».

Глава одиннадцатая

День второй, после обеда.
Устное общение в маленьких бассейнах

Время от времени следует говорить глупости,
это способствует созданию теплой
дружеской атмосферы.

Макс Фрай. Лабиринты Ехо

Тень одной из вершин днем закрывала от прямых солнечных лучей мини-бассейны, предназначенные для вечерней медитации с видом на заходящее солнце. Я погрузился в один из них, надвинул на лицо свою новую оранжевую шляпу и предался размышлениям.
«Две смерти за один день… многовато для маленького острова… Один великий криминалист как-то сказал: «Один раз – это один раз. Два раза – это два раза. Но два и более – это уже система».
Услышав шаги, я поднял шляпу и посмотрел – к бассейнам подходила Ольга.
- Не занят бассейн? Можно я тоже посижу здесь? - спросила она.
- Да ради Бога!
Ольга стала раздеваться – сняла блузку и юбку, в которых была на обеде, и осталась в закрытом купальнике, который, впрочем, почти ничего не закрывал. «Хороша, холера, - подумал я, вновь прикрывая лицо шляпой. Ольга легла в бассейн и спросила:
- Ты правда в детстве много читал?
- Да, очень много – я снова снял шляпу, потому, что джентльмену неприлично было бы разговаривать с девушкой, не обнажив головы и не показывая лицо. - В пять лет как научился читать… так до сих пор не могу остановиться.
- А что ты читал?
- Да практически всё, до чего дотягивались руки… Сказки и фантастику разную, включая Станислава Лема, советские и зарубежные детективы (если такие попадались), детскую литературу и «Книгу для родителей» Антона Макаренко, «Рассказы о животных» Сетон-

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Томпсона и военные приключения, Пушкина и Гоголя, журналы «Вокруг света», «Огонек», «Наука и жизнь», «Человек и закон», «Здоровье» и «Работницу», которые выписывали родители, и еще кучу всяких разных книг, брошюр, газет и журналов…
- Я даже названий таких не слышала…
- Дитя другой эпохи… Ты в 90-м или в 91-м родилась?
- В какой-то старой книге читала, что раньше было неприлично спрашивать у женщины про возраст? – с усмешкой проговорила Ольга
- В моем возрасте уже всё прилично… Ты закончила школу и университет – это раз. Значит, считаем, что не может быть возраст меньше, чем 23 года, а скорей всего – 24. Где-то работала, набираясь опыта – это два. Прикинем еще от двух до пяти лет. Получается от 25 до 29 лет. Плюс - внешний вид… младше моей дочери лет на десять, и лет на пятнадцать старше внучки. Это - три. Значит, раза в два меня моложе. Угадал?
- Почти. А сколько у тебя детей?
- Сын и дочь… от первой жены. Не всегда же страдал импотенцией… Про жен не спрашивай – никогда про женщин не распространяюсь.
- То есть, до и после жен у тебя тоже были женщины? Пока импотенция не поразила в самое важное? – ехидно уточнила собеседница.
- Юная леди, Вам-то зачем знать интимные подробности моей жизни? Давайте, лучше поговорим об искусстве или о литературе.
- Давай. Ты правда живопись и графику коллекционируешь?
- Правда. И еще немного стекло и керамику – но это сравнительно недавно. И выставки устраиваю и статьи пишу о работах из своей коллекции, и о друзьях-художниках. Всё без обмана. Был бы интернет – показал бы тебе свои страницы в соц. сетях.
- И еще ты писатель – мне Сан Саныч за завтраком сказал… Вчера слушала тебя очень внимательно, а сегодня вместе с Надеждой расспрашивала Сан Саныча. Странный ты какой-то … точнее, не совсем обычный… Я таких раньше не встречала…
- Обычный советский человек, продукт поздней «тоталитарной эпохи», вошедшей в стадию разложения… Когда ты родилась, такие как я начали вымирать… а перед этим еще была «перестройка-перестрелка», борьба с пьянством и еще много «веселого и разного». Поэтому ты и не встречала таких – типаж только в провинции сохранился.
- Я не про то… Кстати, ты заметил, как тут к тебе другие относятся?
- Нет. Думаю, что тут каждый собой занят или интересуется «лицами противоположенного пола». Бажена вон на краю бассейна второй день очень тщательно гимнастику делает, когда мужики рядом. Наклоняется, что бы все видели ее достоинства ниже спины, включая ноги. Но на что там смотреть, кроме дурацких татуировок? А мужики упорно глазеют на тебя и Надежду.
- Дура она… Неудовлетворенная… А ты?
- А что я? По определению не могу быть «неудовлетворенной дурой». Или ты про «глазею ли я на тебя и Надежду»? Конечно, глазею - эстетическое удовольствие могут получать даже такие старцы как я…
Замаскированный комплимент Ольга проигнорировала. Может быть потому, что он распространялся и на Надежду…
- Знаешь, что я заметила?
- Поделись, милое создание…
- Инна специально держится подальше от тебя. Виктор и Надежда очень внимательно слушают и постоянно приглядываются к тебе, но стараются делать это незаметно. Вот у Сан Саныча всё это вполне естественно происходит.
- Очень интересно, - хмыкнул я, - надеюсь, что они приглядываются без эротического подтекста. Я знаешь ли эти «европейские ценности» и «светлую любовь» между

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

мужчинами не признаю. И путь меня клеймят за отсутствие сексуального интереса к своему полу. Был… и остаюсь по психологическому типу ярко выраженным гетеросексуалом.
- А Надежда?
- Что Надежда?
- К ней есть интерес?
- Милая девушка, не хочу никому наносить психологические травмы – ни ей, ни себе. «Ту женщину вовек не позабудешь, с которою не вышлю ничего»…
- Это не Шекспир?
- Не знаю – в интернете как-то прочитал и запомнил. Да и нет у Надежды ко мне сексуального интереса – я бы уловил. Однако, ты еще про других ничего не сказала.
- Бажена, после вчерашнего на тебя обратит внимание только тогда, когда исчезнет у ней надежда других очаровать своим скелетом…
- Добрая ты девушка, и речь очень образная… Не боишься, что она тебя, как конкурентку, замочит – на почве ревности?
- Пока нет.
- Про отношение Бажены с твоим мнением полностью согласен. «На все сто», как говорил Иван Бездомный. Я у ней сейчас - «в конце списка», если вообще вхожу теперь в список… хотя количество российских мужиков на этом острове сократилось, но ведь есть еще азиаты. Они тоже трахаться умеют… Мне показалось, что после вчерашних танцев с Виктором и Сан Санычем она сильно раскраснелась? Или ошибаюсь?
- Не знаю – я на нее не обращаю внимания. А про какой список ты говоришь?
- Да это я так – фигурально выражаюсь… про условное обозначение очереди, в порядке которой, такие как Бажена мужиков фильтруют. Была у меня в Турции занятная история лет пятнадцать назад… с такой же «Баженой».
- Расскажи… интересно.
- Как-нибудь позднее. А сейчас лучше я тебя послушаю – очень, очень интересные вещи рассказываешь.
- Ну, то что Алла Петровна на тебя теперь волком смотреть будет, это понятно. Хотя раньше вроде бы и на тебя она с интересом поглядывала. – Ольга помолчала. - Сан Саныча – не пойму. Ваши долгие разговоры наедине многие заметили…
- Чистое общение – без всякой сексуальной основы, - шутливо ответил я.
- Ну, это понятно… А почему ты от разговоров с Надеждой уклоняешься?
- Я? Уклоняюсь от разговоров с красивой женщиной? Наглая ложь и циничная клевета. Да это же всё, что мне в жизни осталось… На седьмом небе от счастья, когда есть возможность поговорить с красивой женщиной… Млею и таю… Вспомни, как я к вам за столик перед завтраком подсел…
- Разговоры разговорам рознь… я наблюдала за вами пару раз…
Тут я внимательно посмотрел на Ольгу, и она чуть заметно смутилась.
- Милая девушка, Вы в банке где работали? Не в службе ли безопасности? Под предводительством какого-нибудь асса невидимых фронтов?
- Нет, я работала в аналитическом отделе…
- Ага, а в аналитики Вас взяли за стройные ножки и красивую фигуру? Или за мозги и навыки?
- По совокупности указанных факторов... Ты не думай плохо – я ведь еще после университета проходила психологические курсы и подготовку как потенциальный кризис-менеджер. Там много интересного рассказывали.
- Что такое «зеленый шантаж»?
- Проверяешь? Это ситуация, при которой фирма, пытаясь предотвратить поглощение,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

предлагает агрессору выкупить акции по цене выше рыночной.
- Молодец. А с мужем из-за чего разошлась?
От неожиданного вопроса Ольга растерялась и молчала довольно долго:
- Ну… разлюбила – разошлась. Что мне жизнь молодую на козлов зря тратить?
- Он жив? Бывший муж…
- Да ты что!… Конечно жив, здоров, теперь спокойно трахает юных девиц, правда, дождавшись, когда им 18 лет исполниться. Как это у вас называется – «кризис среднего возраста»?
Я проигнорировал вопрос о кризисе.
- И здесь ты никого не грохнула?
Ольга занервничала и это было хорошо видно.
- Ты, это вообще, о чем?
- Шучу…
- Не надо так шутить, - серьезно сказала она, передёрнув плечами, - и так тошно… Я же тебя не подозреваю ни в чем…
- Да пошутил, я пошутил… А сейчас другая мысль появилась – как тошноту твою развеять. В смысле применения аналитических способностей…
Ольга молча смотрела на меня, ожидая продолжения. Но тут раздался голос незаметно подошедшей Инны.
- А вот вы где уединились. Пойдемте вниз, искупаемся в море… Она уже была в купальнике, на плечах большое желтое полотенце, а в правой руке - матерчатая сумка.
- А что одной купаться скучно? – спросил я, помня слова Ольги, что Инна меня сторониться.
- Страшно одной, - помрачнев сказала Инна, - а вас двоих, когда вы вместе, не боюсь.
- Ну, спасибо на добром слове, - улыбнулся я и сказал Ольге, - пойдем спасать Инну от акул, гигантских морских осьминогов, склонных к сексуальным извращениям и особо злобных медуз. А разговор про психологию и жизненные наблюдения потом закончим...

Глава двенадцатая

День и вечер второго дня.
«Воспоминанья о минувших днях»…

Судьба не дура…
Зря людей сводить не станет!
Макс Фрай

На пляже к нам присоединился Сан Саныч, а после недолгого купания Инна и Ольга вскоре ушли. Мы еще раз нырнули с пирса, поплавали и выбрались на берег. Расстелили полотенца, легли на песок и начали серьезный разговор.
- Давай-ка обсудим наших соседей, - сказал я.
- С кого начнем? – охотно откликнулся Сан Саныч
- Как тебе московская журналистка Надежда?
- Ничего подозрительного за ней не замечаю. Журналистка вроде бы она настоящая – по крайней мере в московской тусовке ориентируется, поболтал с ней немного – нашлись общие знакомые. Эх, был бы интернет – враз бы все выяснили.
- Наша цивилизация разом рухнет, если исчезнет электричество и соответственно вся интернет-индустрия. И как источник знания останутся только старые добрые бумажные книги… Если они уцелеют. И что тебе Надежда порассказала-наплела?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Приехала отдохнуть и одновременно поработать – пишет книгу вдали от Родины, чтобы никто не дергал. «Скрылась», так сказать. «По секрету» шепнув двум лучшим подругам, что едет в Швейцарию на тайную пластическую операцию то ли груди и задницы, то ли лица. Это для того, чтобы ее никто не искал пару-тройку недель. Уверена, что уже вся Москва об этом знает…
- Молодец! Люблю умных женщин – «простенько и со вкусом» - «в пластику» при ее возрасте все поверят. А когда вернется в Москву без «результатов на лице», еще что-нибудь придумает – мол, операцию перенесли, ведущий хирург руку себе повредил при систематическом занятии онанизмом, землетрясение в Швейцарии было, террористический акт во Франции или Испании… Ну, я бы с десяток причин придумал, почему не состоялось очередное достижение пластической хирургии на ее красивом лице или не менее красивой груди. А может быть она отсюда вернется в Швейцарию и все же сделает операцию, просто на это уйдет неделя, а не две или три. И тогда вообще «концы в воду». Главное, чтобы ее здесь не грохнули – умышленно или по ошибке.
- Ты ее в чем-то подозреваешь?
- Да Господь с тобой – какие основания для подозрений. Никаких! А вот неясности есть. Посмотрел на нее с интересом еще когда ты вчера днем первое общее знакомство организовал – красивая женщина, на сей момент одна – в смысле здесь у нее пары нет. Решил понаблюдать немного, а уж потом поближе познакомиться. Но не торопиться… куда нам пенсионерам спешить. К тому мне показалось, что Виктор к ней «клинья подбивает»… Утром я специально подсел за стол к Надежде и Ольге, чтобы поболтать да присмотреться.
На ресепшен, пока наш «портье» был в отлучке на несколько минут, заглянул в компьютер, да и распечатал листок со сканом ее паспорта. Жаль флешки не было с собой – скачал бы паспорта и остальных. На вот посмотри, - с этими словами я передал сложенный вчетверо листок бумаги.
Про то, что Ван видел меня за этим занятием, пока решил не говорить. Ненужная для анализа информация.
Сан Саныч взял листок с цветным фото и углубился в изучении паспортных данных Надежды Владимировой. Через пару минут он вернул мне листок со словами:
- Не понимаю, чем тебе паспорт не нравиться? Вроде не фальшивый – по крайней мере все официальные реквизиты вроде бы есть, и на первый взгляд соответствуют московским реалиям.
- Вспомнилась мне одна история - друг рассказывал. Полюбил он одну «молодую, красивую, одинокую», и решили любовники в Ленинград на недельку слетать. А было это еще в советские времена – перед самым концом Советского Союза. И была у них проблема – не селили тогда любовников в гостиницах вместе - только супругов. Вот проституток в номер уже тогда заказать можно, а с любимым человеком жить в одной комнате – нельзя! Ну, дружок у меня человек очень сообразительный - жене заранее купил путевку в Болгарию, проводил ее в аэропорт. Потом забрал из дома советский паспорт жены. Прилетел с любовницей в Ленинград и спокойно в гостинице предъявил два паспорта на одну фамилию, пока любовница возле чемоданов недалеко от стойки регистрации стояла. Просто, изящно и со вкусом.
- И что? Я уже понял, что твои воспоминания не просто так в голове появляются.
Снова развернув листок со сканом паспорта Надежды Владимировой, я прикрыл рукой нижнею часть лица на фотографии.
- Посмотри.
- Посмотрел.
- А теперь вот так, - и я закрыл верхнею часть лица, - похожа Надежда на фотографии на

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

живую Надежду?
- Похожа. А почему ты об этом спрашиваешь? Ты считаешь, что Надежда не похожа на фото в паспорте?
- Похожа, очень похожа, а все мои сомнения можно отнести за счет возрастных изменений с момента выдачи паспорта, смены прически и другого макияжа, и даже предыдущей пластической операции. Эх, было бы время, рассказал бы тебе одну увлекательную историю о работе тюменских нотариусов. Давай на мгновение допустим, что паспорт настоящий, но «наша Надя» позаимствовала его на время у сестры или подруги, чтобы слетать на остров и «в тишине книгу написать»… вдали от любопытных взглядов и «отвлекающих моментов». Может быть, с согласия владелицы паспорта это было сделано, а может и без такового обошлись. И организовала заинтересованная личность дело так, чтобы владелица некоторое время «не нуждалась» в заграничном паспорте и не вспоминала про него. Например, отправили в путешествие по России, эту гипотетическую «сестру» или «подругу. Как тебе такая идея?
- Какие интересные повороты у твоих мыслей... И рабочая версия есть? – задумчиво протянул Сан Саныч.
- А в качестве рабочей версии такая идея - у Надежды тут была назначена встреча – личная, в смысле любовная, или деловая. Но что-то не срослось… Помнишь двух неявившихся к отходу яхты пассажиров? Поэтому она и нервничает. Но в шпионских делах ее не подозреваю.
Промолчал я пока про другие подозрения. И это ни к чему было - раньше времени оглашать свои «неподтверждённые мысли».
- Ну и как с этой версией нам работать? – спросил Сан Саныч.
- Поухаживай за Надеждой, попробуй еще проверить – точно ли она журналистка из Москвы? Послушай говор – ты же москвич… Сможешь отличить коренных горожан от приезжих? За Виктором понаблюдай. Мне кажется, что и Надежда, и Виктор в каком-то напряжении пребывают… Может быть, причины тревоги определить сможешь…
- Яволь! Слушай, вчера после обеда одну странную картинку случайно наблюдал – Виктор выходил из домика Надежды…
- И что же тут странного? Из комнаты одинокой женщины в курортном отеле выходит одинокий мужчина…
- Странность в том, что сама Надежда в это время плавала в бассейне на террасе…
- Ну, может быть она попросила его зайти к ней в номер и что-то принести… Или он забытую ночью вещь приходил забирать…
- Не похоже. Выйдя из номера Надежды, Виктор пошел к себе, в руках у него ничего не было, и вообще - чувствовался в нем какой-то напряг…
- О, как интересно! Во сколько это было?
Сан Саныч назвал примерное время.
- Слушай, пойду-ка сейчас к себе в номер и подумаю над этим фактом и возможной игрой слов… Может быть, нам вечером взбудоражить публику воспоминаниями о старых книгах и фильмах? Ты же должен был смотреть в свое время американский фильм «Три дня «Кондора»?
- Конечно смотрел – два раза. По тем временам очень крутой был фильм. 1982 или 1983 год? А?
- Я смотрел в Алма-Ате в 83-м… Есть мысль – заставить народ понервничать рассказами про убийства в стокгольмском автобусе и про «Три дня «Кондора». Шутки, это безусловно, жестокие, но для раскачки мозговой деятельности, эффективные. Что может это нам дать – сам не знаю… Вдруг кто-нибудь задергается?
Идея у меня такая…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава тринадцатая

Вечер второго дня.
О пользе рассказов про массовые убийства

Чтобы мы не говорили,
люди верят в то, во что хотят
Харуки Мураками

На острове сложилась довольно странная ситуация. Смерть Николая и бармена Хонгсавана (наконец-то я запомнил это имя) накладывала свой отпечаток. Но при этом никто не собирался «скорбеть беспрерывно», отказываться от отдыха и развлечений. Народ активно общался между собой, за исключением Аллы Петровны, которая ушла в суровый запой и похоже в ближайшее время не собиралась возвращаться. Уже намечался кое-где легкий флирт, и по моим прикидкам, скоро он должен был воплотиться в сексуальные контакты между мужчинами и женщинами. А что? Дело житейское… Это лучше однополой любви в разных смыслах этого слова…
После ужина снова все собрались возле бара. Надо сказать, что народ, кроме Инны, постоянно пил что-то алкогольное – утром, днем и вечером. А некоторые – даже ночью. «Холява, please, леди и джентльмены». Не подумайте, что я кого-то осуждению. Ни в коем случае – я и сам так же делал, поскольку выбор отличного алкоголя в отеле был очень разнообразен.
Естественно, речь снова зашла о смерти Николая и Хонгсавана. Послушав разные мнения, я приступил к исполнению своего плана.
- В юности и в молодости довольно много читал, в том числе иностранные детективы. И мне очень нравились произведения двух шведских авторов – это супруги Май Шёвалль и Пер Валё. Так вот сюжет одного из их криминальных романов был довольно запутан – групповое убийство в стокгольмском автобусе. Неизвестный преступник застрелил восемь пассажиров и водителя, а потом скрылся. По-моему, в журнальном варианте повесть называлась «Рейс на эшафот», а в книжном – «Смеющийся полицейский». Или наоборот… Может кто-то читал?
- Я читал, но подробности плохо помню, - сказал Сан Саныч.
- Но здесь нет автобусов, и очень надеюсь, что не будет группового убийства, - со странной усмешкой сказал Надежда. – Я уже даже не протестую против ваших бесконечных рассказов про убийства. Чувствую, что сегодня это бесполезно. Пусть будут разговоры – лишь новых смертей не было.
- Надежда, полностью с тобой согласен, - тут же отозвался я. – И тоже надеюсь на это. Но хотел сказать про другое. В конце детектива выясняется, что групповое убийство было совершено для того, чтобы скрыть убийство одного человека – который представлял опасность для преступника. А все остальные жертвы – случайные люди, застреленные для запутывания следов. Может быть, и в нашем случае – уже мертвые жертвы - это только маскировка перед основным убийством? Которое еще только планируется…
Повисла тягостная тишина. Надежда со злостью смотрела на меня. Потом раздался дрожащий голос Инны.
- Я говорила… говорила… Как в том фильме … как в «Десяти негритятах»… Меня никто не хочет слушать…
- Но «Десять негритят» как модель, в таком случае, не актуальны, - заявил Сан Саныч. Нас на острове никто не собирал – все приехали по собственной воле. Поэтому в другой модели преступления – «Смеющийся полицейский» - каждый из нас может быть

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«случайном пассажиром позднего автобуса». К слову, в молодости смотрел американский боевик, так там по приказу ЦРУ уничтожили целый «литературный отдел», который, функционировал как небольшая фирма в Нью-Йорке. Фирма, состоящая из восьми сотрудников, занималась для ЦРУ сбором утечек информации в СМИ и в других открытых источниках о работе этой «конторы» во всем мире. Однажды во время обеденного перерыва кто-то убил всех сотрудников, кроме «Кондора»… ну, главного героя фильма. Сотрудники фирмы случайно, не понимая этого вышли на заговор внутри ЦРУ, поэтому на «самом верху» было принято решение о ликвидации всех сотрудников для исключения утечки информации. В самом начале фильма происходит массовое убийство, а «Кондор» уцелел по чистой случайности, уйдя в кафе за пончиками.
Опять наступило тягостное молчание. Потом Надежда, со злой дрожью в голосе спросила:
- Мужики, а вы не охерели? Пичкаете нас рассказами про массовые убийства после того как мы сегодня два трупа уже видели? Вы нас запугиваете или к чему-то готовите?
В этот момент Инна вдруг обмякла и повалилась с кресла.

Глава четырнадцатая

Очень поздний вечер второго дня
У одинокого оптимиста кровать наполовину занята…

Чтобы сблизиться с человеком –
нужно хоть однажды побеседовать
с ним с глазу на глаз. Иван Тургенев «Накануне»

Виктор едва успел подхватить падающую Инну – хорошая реакция у мужика. Хвала Всевышнему это был только обморок, а не смерть… Инну кое-как привели в чувство, ответили в номер, и все разошлись по своим номерам – общаться больше ни у кого не было желания. Пока польза от наших рассказов оказалось «очень сомнительной»… Как говориться – «И никакой пользы, окромя вреда».
Принял душ, я уже почти закончился обтирание полотенцем, когда раздался стук в дверь. Какого черта? Сан Саныч что ли притащился с очередной идеей? Не мог до утра подождать?!
- Минуту, - крикнул я, натянул зеленые шорты и белую футболку, вышел из ванной и открыл дверь. На пороге стояла Ольга и в левой руке у нее была бутылка французского шампанского. Явно прихватила из своего мини-бара.
- Продолжим прерванный разговор? - спросила Ольга.
«Вечер перестает быть томным», - вспомнилась фраза из старого советского фильма. Я посторонился и широким жестом пригласил девушку войти.
Мысли прыгали: принесенное вино пить не буду, свое есть. Это, конечно, не означает полной безопасности – в мое отсутствие в любую бутылку «заинтересованные лица» всякой «химии» могли накачать. Но не умирать же теперь от жажды… Кроме того, кроме отравления еще есть десятки способов отделить мою светлую душу от грешного тела. Осторожность не должна переходить в манию преследования.
- Проходи, присаживайся, сейчас переоденусь, - широкая улыбка не оставлялся никаких сомнений в моей радости и доброжелательности.
- Да ладно, какие условности – целый день полуголыми друг друга видим, можно по-простому, - улыбнулась в ответ Ольга.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Да-да, конечно, - молча хмыкнул я, - а у самой свежая «боевая раскраска», впрочем, косметика применялась ею очень умеренно и со вкусом. Да и нельзя сказать, что прическа в беспорядке после купания. Кофточка на груди заманчиво расстегнута, шорты красиво обтягивают всё, что можно обятнуть… Взяв у Ольги шампанское, приложил бутылку к своей щеке и сказал:
- Теплое шампанское пить в духоте? Это же извращение!
- У меня холодильник отключился – видимо не хватает электричества на всё, пожаловалась Ольга.
Электричества, после поломки ветрогенератора, действительно не хватало, хотя солнечных панелей на острове было много. Как объяснил Ван, электроприборы отключались компьютером по какой-то сложной схеме – сначала электроплиты в кухне ресторана, и тогда повара начинали работать на газовых баллонах, большой запас которых был на складе. Потом отключались насосы в бассейнах, лифт, кондиционеры в ресторане и прочие приборы с повышенным энергопотреблением - все, без чего можно было обходиться некоторое время. Электричество в гостевых домиках отключалось тоже, но ненадолго. В самую последнею очередь могли отключатся холодильники и морозильники продуктовых складов. Так что была надежда, что трупы не испортятся… Компьютерная сеть имела свое энергоснабжение от специальных солнечных панелей: «управленье важный фактор»...
После выхода из строя ветроэнергогенератора, обслуга принесла дополнительные переносные светодиодные светильники и поставила их на балконе и возле входных дверей.
- А у меня еще есть напряжение в сети и холодильник работает, - бодро заявил я и в этот момент в комнате погас свет. – Черт, не успел порадоваться. Но мое шампанское все же холоднее. Сейчас зажжем пару свечей, светильники с балкона принесу… и будет у нас деловая романтическая обстановка…
- Для разговора о покойниках и смертях, - хмуро добавила Ольга.
- Ты вроде в хорошем настроении пришла? - удивился я, зажигая свечи - и вдруг разом помрачнела. Что-то еще случилось?
- Инну вспомнила. Как она в обморок грохнулась…
- В этом мире все возможно, а человек, как справедливо говорил Воланд, смертен. При чем – внезапно смертен. Но Инна жива – и это радует. Ты хотела поговорить о несчастных случаях?
- Мы не закончили разговор – ну, тот который Инна прервала. Ты сказал, что можно мои способности как-то использовать…
-А-а-а, вот ты о чем, - достав из холодильника шампанское я спросил, - хлопнуть пробкой или тихо открыть?
- Лучше тихо, а это еще кто-нибудь притащиться на звук и на огонек свечи. Заметил, как народ старается кучками держаться? Девки льнут к мужикам, но стараются, чтобы при этом кто-то третий обязательно был. А при нехватке народа это не у всех получается.
- Тихо открою, - пообещал я, и через пару секунд, после лёгкого хлопка, правой рукой я разливал вино по бокалам, а левой показывал Ольге пробку, которая никуда не полетела. - Но ты оставаться со мной наедине не боишься, и надеешься на деловой союз в сложной и опасной ситуации?
- Не боюсь… Точнее сказать, боюсь немного, но гораздо меньше, чем других. Кому-то надо верить и доверять. С тобой как-то… спокойнее, чем с другими… Я смотрела как ты утром над мертвым Николаем наклонился, осматривая его, как потом, когда все были в растерянности, командовал, чтобы тело унесли в холодильник… Что-то властное было в твоем голосе…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Не рассматриваешь вариант, что я Николая поздней ночью протопил в бассейне и спать пошел…
- Нет! Ты вечером крепко напился и видно было, что засыпаешь на ходу… - голос у Ольги был спокойным - Позднее Сан Саныч с Виктором рассказывали, как эту старуху Аллу обыграл… Сан Саныч с каким-то особым удовольствием произнес, явно цитируя тебя – «Черта ловят на жужалку, фраера - на зажигалку». Откуда такие сочные, но не понятные выражения?
- Ну, это – наследие трудного детства – вырос на бедной городской окраине, где каждый второй был ранее судим, наслушался - всякая дрянь легко проникала в детские уши и души… А про то, что надо верить – полностью согласен. Нет в природе Абсолюта, а значит не могут все и всегда врать. Время покажет правильность наших расчетов о вере и неверии. Выпьем за… за что мы выпьем? За удачу? За внебрачный союз, - пошутил я, - в смысле делового партнерства?
- Выпьем за жизнь, - серьезно сказала Ольга. – Инна, конечно, истеричка и дура. Но ее слова про «Десять негритят» никак не выходят у меня из головы. Может правда, мы все здесь умрем?
- Глупости! Успокойся… «Десять негритят» - это интеллектуальный детектив, где Агата Кристи развернулась на «всю катушку». Советский фильм, безусловно, шедевр! Но всё это – игра ума и актерское мастерство. Ну, за что нас с тобой убивать?
Мы выпили по половине бокала и помолчали. Снизу доносился шум волн, бьющихся о скалу. Видимо усиливался ветер.
- Ну, так как ты хотел меня использовать? - спросила Ольга.
- Милая девушка, будем точны в формулировках – не тебя «использовать», а твои аналитические способности. В прежние времена в американских фильмах героини любили истерически кричать «Ты меня использовал», что было, по их мнению, крайне обидно, а по нынешним временам так еще и не «политкорректно». Помнишь это гневное «You obused me!»? Конечно, это можно перевести по-другому: «Ты злоупотребил моим к тебе отношением, попользовал в своих целях и обманул» и в далее в таком же духе. Но сейчас там – в Америке - все гораздо хуже. Однако, «вернёмся к нашим баранам», то есть к нашим проблемам. Перед тем, как я изложу свои идеи, скажи, что тебя тревожит и что ты сама думаешь?
- Понимаешь, количество несчастных случаев на этом острове в ограниченный период времени никак не укладывается в норму. Сначала Николай утонул в бассейне, потом что-то случилось с барменом. Мне просто страшно…
Помолчав, Ольга продолжала:
- Какая-то тревога вокруг, мне кажется, что каждый прикидывается не тем, кто он есть на самом деле. Ты видел глаза Виктора, когда он голову и шею мертвого бармена трогал?
- Нет, я же спал, когда его обнаружили.
- А я видела. И мне вдруг показалось, что Виктор любому голову свернуть может… без всяких угрызений совести.
- Вот как… интересно, интересно, - подал я поощряющую реплику и глотнул шампанское.
- Надежда… вся какая-то фальшивая … всегда сначала всё обдумает, а уж потом на вопрос ответит. Как будто все просчитывает… или что-то скрывает… Инна, точно «с головой не дружит», вроде бы беспомощная и безобидная, но иногда что-то такое в ней проглядывает, что отодвинуться хочется. Особенно когда пропаганду здорового образа жизни начинает… Фанатичка!
Бажена, на любого мужика готова прыгнуть, и в тоже время боится… Да все бабы боятся – но каждая боится чего-то своего, кроме смерти, конечно. Мне кажется, что еще кто-то умрет скоро… на этом проклятом острове. Ты веришь в предчувствия?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Мадам, я верю в себя и наличные деньги», – всплыла в голове фраза из старого советского теледетектива. Но я промолчал. Ольга допила бокал, и я сразу же налил новую порцию.

- Все мы, всем мы в этом мире смертны, - неточно процитировал я строку великого поэта.

- Но! Нет у меня уверенности, что смерть наступила в результате преступных действий, а уж тем более – в результате убийства…

- Как так? Разве Алла не отравила Николая? Ты же сам слышал ее признания! Ведь ты же её сам подловил, ну, в смысле разоблачил… Сан Саныч говорил, что это твоя идея была… Ну, это - «создание ситуации для самораскрытия личности»… Что ты ее спровоцировал на действия, которыми она сама себя изобличила.

- Выпей и успокойся. Еще ничего не ясно… Как писал мудрец Омар Хайям

Все, что видим мы, — видимость только одна,
Далеко от поверхности моря до дна.
Полагай несущественным явное в мире,
Ибо тайная сущность вещей не видна.

- Да что не ясного?! Какая видимость?! Николай мертв! Это все видели и в первую очередь – ты сам!!

- Николай, конечно, мертв. Но вот от чего он умер не знаю. Да, у меня есть версия, что Алла Петровна, что-то добавила в кока-колу – скорей всего, клофелин или что-то подобное - и Николай мог этот «коктейль» выпить и умереть. А мог и не выпить, и умереть, например, от сердечного приступа, вызванного неумеренным употреблением алкоголя. С момента знакомства я ни разу его трезвым не видел. И дело не в том, что здесь «все включено» - «кушай любые напитки в любом количестве». Он и за свои деньги в путешествии на реку Квай пил не переставая. Для определения причины смерти Николая нужны лабораторные исследования после патологоанатомического вскрытия. И даже если Алла его траванула, то еще доказать надо причинно-следственную связь ее действий с наступлением смерти. Есть такое понятие – покушение с негодными средствами…

- Это как? - с изумлением спросила Ольга.

- А вот так – подбрасывает женщина мужчине яд в пищу или питье, но яд уже безвредный – разложилась отрава из-за давности лет или неправильного хранения. Или муж стреляет в любовника жены из ружья, не зная, что патроны холостые… Злоумышленник портит тормоза у автомашины, чтобы водитель на следующий день разбился на горной дороге, а мотора в машине нет – в ремонте тот мотор и никуда потенциальная жертва на следующий день не поедет. Примеров еще можно привести много, но ты, надеюсь, уже всё поняла…

- Так что… Алла может выкрутиться? – Ольга была поражена и не скрывала этого.

- Не знаю… Не знаю местного законодательства о преступлениях против жизни и здоровья человека. О причинно-следственной связи уже говорил так же, как и о неясности с объективными доказательствами. Будет у нее хороший адвокат – может и выкрутиться. И, если я правильно понимаю, – денег на толковых защитников у нее хватит…

- Ладно… Уговорил, пока с Аллой и Николаем не будем делать поспешных выводов. А бармен? У него-то точно шея свёрнута. И он был мертвее мертвого…

- И здесь не будем делать поспешных выводов. Сам ничего не видел и нет у меня информации даже для версий. Кто сказал про свернутую шею? Виктор! Мог он ошибиться? Мог… Куда спешим с версией об убийстве бармена?

Мы выпили и тут Ольга, заметно повеселев, сказала:

- Слушай, незаметно бутылку опустошили, и еще хочется. Ты меня как-то успокоил…

- Красное сухое будешь? - спросил я, направляясь к холодильнику.

- Буду, - просто сказала Ольга. – Но вот только сейчас подумала – а если так все хорошо,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

то зачем ты мои способности хотел использовать?
- Здесь идеальное место для совершения преступлений. Но и для раскрытия оно тоже идеально: изолированная территория или выражаясь по-иному «замкнутое пространство», ограниченное количество участников или акторов. Знаешь, что такое актор?
Ольга кивнула.
- Знаю. Участник какого-либо преобразования, движимый собственными мотивами или смыслами, ожиданиями или эмоциональными проживаниями – примерно так запомнила из университетского курса.
- Ты умная и образованная девушка с хорошей памятью, за это обязательно надо выпить, - сказал я, наливая в бокалы сухое вино. - Поэтому у меня к тебе предложение: составить схему расположения наших «акторов» с указанием временных точек, начиная с первого вечера. Про кого вспомнить сможешь. Но это только половина дела – а вторая и самая главная – проанализировать схему и выявить скрытые моменты.
- И что это нам даст? - задумчиво спросила Ольга, делая добрый глоток вина.
- «Нам» звучит очень оптимистически! Было бы плохо, если бы ты сказала, «что это тебе даст»? А так, будем считать, что первая часть нашего командообразующего этапа прошла успешно. Если злодей или злодеи рядом, то может быть мы поймем, что у них на уме и предохранимся, - я тоже сделал глоток.
Мы еще поговорили немного, обсуждая детали, на которые надо обратить внимание. Техника в целом простая, хотя сил и внимания много требует и не всегда результат гарантирован. Но голова у Ольги будет занята, а это снижает тревожность…
Бутылка с вином почти опустела. Ольга успокоилась и заметно повеселела.
- Ну, что заканчивать будем? - спросил я, разливая остатки красного сухого вина.
- Будем… Ты меня напоил… Не надо было мне пить красное вино… Как ты вчера стихи читал?
В стакане плещется рубин хмельной
И гурия лицо твое целует…
Сейчас вернусь, - сказал она, направляясь в ванную комнату.
- Светильник возьми, темно там, - сказал я, подавая светодиодный фонарь. Когда Ольга скрылась в ванной, быстро выбросил в корзину для мусора пустые бутылки и передвинул столик. В голове шумело – «на вчерашние дрожжи» сверху пришло шампанское и красное сухое… Соображалось уже плохо, а какая-то мысль о смертности на острове пыталась сформироваться...
Шум воды в унитазе и в раковине умывальника отвлёк меня от этой мысли. Вскоре появилась Ольга и направилась было к креслу, но пошатнулась и чуть не упала. Еле успел ее поддержать ее за плечи.
- Ты меня напоил, - прошептала Ольга, глядя мне в глаза. Пламя свечей плескалось в ее зрачках. Через мгновение мы целовались, а как потом оказались в постели не помню… Дальнейшее тоже всплывало в памяти фрагментами… Я на Ольге, Ольга – на мне… Мы с Ольгой на ковре… «Шепот, стоны, тел сплетенье»…
Общеизвестно, что длительное половое воздержание в сочетании с алкоголем иногда приводит к сексуальным эксцессам… И похоже, что не я один до этого вечера долго воздерживался…
Проснувшись на рассвете, сходив в туалет, достал из холодильника бутылочку «Perrier» и выпил залпом.
- Дай мне тоже, - послышался голос Ольги. Достал еще одну бутылочку и принес ей. Опустошив ее, она спросила:
- Головка болит?
Я захохотал.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Знаешь старый анекдот? Утром женщина у мужика спрашивает: «Дорогой, головка не болит? Нет, - отвечает мужик, - головка не болит, а вот голова раскалывается».
- Знаю…
- А ты как себя чувствуешь?
- Ноги дрожат и когда-то успела колени ободрать… Вот значит, что такое «старый импотент» в твоем исполнении, - протянула она с иронией.
- Не виноват я… Она сама пришла…, - я постарался как можно лучше воспроизвести интонацию Светланы Светличной из «Бриллиантовой руки».
- И как это ты с такими талантами одиноким по свету бродишь?
- Не льсти царю. Мне в первом классе за хорошую учебу подарили сборник басен И.А. Крылова. С тех пор помню бессмертные слова:
«Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только все не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок»...
Если же говорить презренной прозой и вполне серьезно – трудно приходится… Цветов много, а шмель один…
- Так ты еще и бабник?!
- Милая девушка, бабники и периоды длительного полового воздержания – понятия не совместимые… если бабники не сидят в тюрьме… Еще поспим или пойдем в море купаться?
- Давай еще вздремнем, - немного подумав, сказала Ольга. – Как говорит одна моя подруга: «Переночевала у него – выспалась и поняла – «не мое».
- Чего хочет женщина, того хочет Бог, - абсолютно правильно утверждают французы. Но сначала предлагаю принять грамм по 25 коньячку - у меня тут в баре мини-флакончик «Хеннесси» есть.
Но после коньяка мы уснули не сразу… Шалости и вольности в постели продолжались…
- Что ты там Бажене вчера вкручивал о пике сексуальности, который у женщин наступает в тридцать лет, а у мужчин – в восемнадцать? – уже засыпая спросила Ольга.
- Это не я – это Анастасия Кински сделала выводы из своих научных исследований, - в полудреме пробормотал я. И последней мыслью угасающего разума было «Укатали сивку крутые горки»…

Глава пятнадцатая

Утро третьего дня.
Нужно ли пожилому джентльмену
заглядывать в мусорную корзину?

В этом мире происходит больше
неожиданного, чем ожидаемого.
Сельма Лагерлёф

Фотография не сообщает о том,
чего уже нет, но исключительно
и наверняка о том, что было.
Ролан Барт

Утро было на редкость солнечным. Я решил еще до завтрака искупаться – пока не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

началась жара. На пляже ко мне присоединилась Ольга – она заходила к себе за купальником. Поплавав в море, мы легли на песок. Немного помолчав, Ольга спросила:
- А чем та история закончилась – с кражами в Обществе слепых? Ты ее тогда не закончил, а потом бутылки в бассейн полетели, и не до этого стало… Или ты все это специально придумал?
- Ни в коем случае – история подлинная. Ты можешь не поверить – но благодаря моим советам проблема была решена. На следующий день после общего собрания трудового коллектива - на котором говорилось об успехах дактилоскопии - один мужик (не слепой инвалид) срочно уволился «по семейным обстоятельствам»… и кражи сразу прекратились…
- Так может это случайное совпадение обстоятельств…
- Конечно, может быть и случайность – все может быть… Но есть «улики поведения», а есть прямые доказательства… Надо правильно понимать разницу между ними и… и правильно использовать.
- И что теперь будут делать «Шерлоки Холмсы» и «доктора Ватсоны» после достижения столь блестящих результатов?
Ответить я не успел – с верху раздался голос Сан Саныча:
- Олег, срочно давай сюда, - тут новая проблема!
- О Господи, - выдохнула Ольга, - что еще?
- Очень надеюсь, что Алла Петровна не намылила ночью веревочку для себя, любимой, или не наглоталась снотворного с алкоголем, - пробормотал я тихонько, но Ольга услышала…
Но проблема была в другом – исчезла Инна. И к тому же выяснилось, что ночью перестали работать камеры видеонаблюдения – электроэнергии солнечных батарей на всё не хватало. На управляющего отелем было грустно смотреть.
- Ван, давай команду на завтрак – сказал Сан Саныч, - «война войной, а обед по расписанию», мне жрать охота уже с рассвета. Потом прикинем куда наша истеричка испарилась… Да выруби ты эту музыку – не до веселья... Динамики скоро смолкли.
Завтрак прошел в тяжком молчании. Потом я наскоро поговорил со всеми нашими туристами, но узнал не очень много. В сумме получалось следующе: Инну вечером оставили в номере, она закрыла дверь, а перед этим сказала, что сама ляжет спать и больше ей помощь не нужна.
- Что думаешь? - спросил Сан Саныч после окончания мини-опросов, когда мы спустились на нижнюю террасу.
- А ты-то почему взволновался отсутствием Инны и как это выяснилось? – задал я встречный вопрос.
- Понимаешь, все утром собрались на завтрак, а ее нет. Я попросил Бажену сходить за Инной, еще подумал, вдруг с этой придурошной что-то случилось. «Здоровый образ жизни» в извращенном состоянии не всех до добра доводит… Бажена вернулась и сказала, что постучала в номер, никто не ответил – толкнула дверь, оказалось, что она не закрыта. Но в номере никого не было. Бажена метнулась обратно с круглыми глазами… Я тоже пошел посмотреть – аналогичный результат.
- Слушай, а где Алла Петровна?
- Эта сволочь у себя в номере – храпит, как богатырь после сечи, издалека слышно. Я думаю, что она вчера весь день квасила, а потом еще поддала чего-нибудь крепкого… с «большого расстройства». Да черт с ней – надо остров осмотреть.
- Да… Согласен, осмотреть надо островок… Поручим это Виктору и Надежде. Она вроде бы самая адекватная из женской половины нашей веселой компании. Впрочем, может быть еще Ольгу пригласить на осмотр. Если не пойдет – пусть сидит вместе с Баженой у

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

бассейна на видном месте. И чтобы друг друга контролировали … до окончания поисков. Мы с тобой пойдем к Вану и с ним потолкуем.
Ван сидел в своем рабочем кабинете, пребывая в глубокой печали. Он посмотрел на нас и вымолвил:
- Что происходит? Я уже смирился с окончанием моей карьеры – кому нужен управляющий отелем, у которого гости мрут как белорусские мухи в октябре, или исчезают с острова в неизвестном направлении? Никому! Впрочем, я уже теперь не уверен, что и сам отель останется отелем, после того как журналисты и конкуренты узнают, что здесь происходило… и происходит… Зачем, зачем я согласился сюда устроиться?
- Хватит причитать, думать надо, - оборвал я Вана, - персонал об исчезновении Инны знает?
- Конечно – я сам им сказал. Никто ничего не видел, - специально спрашивал.
- Пойдем с нами, осмотрим номер Инны, может что-то найдем…
Осмотр номера Инны много времени не занял и никаких улик мы не нашли. Постель была заправлена – похоже, что вчера вечером никто в нее не ложился. На кресле лежало платье, в котором Инна была вечером первого дня. Дверь на балкон и окна были открыты, вещи висели в шкафу, там же стояли сумки и чемодан. Вытащив их на середину комнаты, открыл и бегло перебрал содержимое. Что исчезло, если что-либо исчезло вообще – было не ясно. Я сфотографировал номер по всем правилам осмотра места происшествия, заглянул в холодильник и мини-бар, сделал очередные фотоснимки, потом бегло осмотрел ванную комнату и даже заглянул в мусорную корзину. После этого снова вернулся к чемодану и сумкам и сфотографировал их содержимое.
- Ван, у тебя есть универсальный код к сейфам в номерах и мастер-ключ? – спросил я, задумчиво глядя на маленький переносной сейф.
- Конечно, но это все в моем кабинете, в сейфе закрыто, - ответил Ван.
- Хорошо, забирай сейф из этого номера, потрошить его будем у тебя.
Я подошёл к балкону, закрыл дверь и задернул шторы. Сан Саныч и Ван молча смотрели на мои действия.
- Ладно, господа, - сказал я, сделав еще пару обзорных снимков, и убирая в карман брюк свой телефон, - возвращаемся в кабинет господина управляющего. Ван закрывай дверь в номер, запри его так, чтобы никто сюда не мог проникнуть без твоего ведома. Ни черта я не пойму...
В кабине была духота – кондиционеры не работали из-за нехватки электричества. Сан Саныч сказал:
- Может пойдем на свежий воздух. Тут мы сразу задохнемся – уж вы мне поверьте.
- Подожди, - ответил я, - сейчас еще кое-что выяснить надо. Ван садись в своё руководящее кресло, делай грозный вид и зови горничную, которая убирала номер Инны. Побеседуем с девушкой. А уж потом на свежий воздух отправимся.
Беседа особо ценных результатов не принесла. Горничная с поэтически именем Китм Кук, симпатичная вьетнамочка лет двадцати, мялась, что-то щебетала о своей невиновности, о том, что мадам была довольна ею, что вчера днем она убрала номер, застелила постель, в холодильник положила две литровые бутылки минеральной воды, хотя там еще была вода, и ушла. Мадам, то есть, Инну, видела перед ужином возле бассейна. Спать, по словам Китм Кук, она легла около 22 часов – и это видела вторая горничная - Нгок Бич . Ночью ничего не слышала – спала крепко, устав за день. По крайней мере, так переводил ее ответы Ван. Система видеонаблюдения, как я уже говорил ночью отключилась из-за перебоев с электроэнергией.
Отпустив Китм Кук, мы вскрыли сейф из номера Инны – он был пустой. Выйдя из

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

кабинета Вана, сели за столик возле бара. Через три минуты к нам присоединился Виктор – остров он осмотрел вместе с Надеждой, результатов не было – ни живой или мёртвой Инны, ни каких-либо брошенных, забытых или потерянных предметов и вещей.
- А где Надежда, - озабоченно спросил его Сан Саныч.
- Пошла душ принять – взмокли мы, по дорожкам бегая, по скалам прыгая, жара уже началась - ответил Виктор, а потом добавил, - а эта сволочь всё ещё пьет в номере… Похоже в запой ушла…
Мы поняли, что это он про Аллу Петровну.
- Понятно, - пробурчал Сан Саныч, - тонкая натура не выдержала изобличения… Ну, что господа пинкертоны и пуаро российского разлива, какие версии есть на сей счет?
Все задумались – но версии никто не огласил. Тогда я подал голос:
- Эйнштейн, не банкир, а тот парень, который теорию относительности замутил, говорил, что лучшее идеи ему приходят под душем. Пойду-ка и я постою под струями пресной воды – смою морскую соль. Новую теорию относительности не обещаю, но «вдруг и я на что-то сгожусь».
- Давай, мой друг, давай – на тебя с надеждой смотрит все прогрессивное человечество в нашем обгорелом лице, - напутствовал меня Сан Саныч.
- «Каждый счастья своего хозяин, доли своей кузнец. Запомни это фразу – всё будет, но не сразу», - шутливо ответил я и ушел.

Глава шестнадцатая

Полдень третьего дня.
«Уже не персик, но ещё не курага»…

Не всякой находке радуйся!
Русская поговорка

После душа, обернувшись до пояса полотенцем, я сел в кресло, поставил телефон на подзарядку и долго рассматривал фото, сделанные в номере Инны.
Может быть еще раз, побеседовать с Ким Кук? - вяло подумал я, потому, что духота в номере начинала дрему нагонять. Ладно, потом побеседую с ней, - решил я, - сначала надо с Ольгой поговорить.
Но в следующий раз Ким Кук я увидел уже мертвой… Как гласит старинная русская поговорка? – «Не откладывай допрос на завтра, если можешь провести его сегодня».
Я пошел искать Ольгу. Она вместе с Баженой была на террасе – сидели, опустив ноги в бассейн. Я присел рядом с ними, опять посмотрел на татуировки Бажены. Одна на плече - какая-то разлапистая хрень, видимо изображающая цветы, а вторая – цветная стрекоза на стопе. Молча хмыкнул… и вспомнил самые выразительные татуировки, которую видел в жизни. На веках у одного зэка были выколото «Не буди», а на ногах – «Они устали ходить по зоне». Правда, разбудить его уже никто не мог - ибо покоилось тело на анатомическом столе с четырьмя ножевым ранами в области груди…
- А расскажите-ка мне, девушки, что вчера днем и вечером говорила Инна? Или может быть вы что-то необычное заметили в ее поведении?
- У нас тут всё необычное, - хмуро буркнула Бажена, - с ума сойти можно… Если перед этим жизни не лишишься. Не знаю я ничего.
Бажена была напугана и явно не хотела разговаривать. Понять это, конечно, можно, вот только пользы никакой - ни от ее поведения, ни от моего понимания.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Ну-ну… не всё так мрачно в этом лучшем из миров, - постарался я успокоить Бажену, хотя получилось это плохо. – Пока мы живы – нет смерти, когда придет смерть мы уже не будем жить. А прежде чем сойти с ума – нужно иметь его.
- Циничный оптимист, - ехидно прокомментировала мои слова Ольга, - или оптимистический циник.
- Сурово, но справедливо, - легко согласился я. – Но это полбеды. А вот чего мне всегда не хватало, так это ледяного прагматизма. Тут меня Создатель слегка обидел… Бажена, ты поболтай тут… стрекозой, а мы с Ольгой отойдем куда-нибудь в тень.
Бажена посмотрела на меня с непонятным и не приятным выражением лица, но промолчала.
- Вставай, комсомольское племя, - бросил я Ольге, - пойдем выпьем чего-нибудь вкусненького… Например, водки… или рома со льдом. Она продолжала сидеть возле бассейна, наверное, не поняла призыв комсомольцев.
- Camon, baby
Она двинулась за мной с недовольным видом и через пару минут сварливо уточнила:.
- Куда мы идем?
- Ко мне в номер – там тишина, там ром, там ледяная кола…
- Да ты поэт… Как звучит! – и Ольга передразнила меня, - «Там тишина, там ром, там ледяная кола»…
- В душе, только в душе я поэт...
Ольга все еще дулась неизвестно на что, но после первых слов в номере обиды были забыты.
- Дорогая, не сердись на меня за неловкие шутки. Молодость у меня была тревожная… Это я сейчас «весь белый и пушистый». Ты продолжай составлять карту и график – «кто, где, когда, с кем» в конкретный период времени, пока я с народом общаться буду. Но общение начну с тебя. Вот несколько вопросов, которые меня очень интересуют:
- Первое. Какие украшения были у Инны кроме серебряного гарнитура с чароитом? Можно ли их считать драгоценностями, и если да – то сколько примерно они могут стоить? Оценка приблизительная – тут мне особая точность не нужна.
Второе. Инна меняла разноцветные чехлы на своих телефонах или телефоны у нее были разные? Ну, вспомни тот разговор перед первым ужином - что чехлы телефонов у модной девушки должны быть под ее «гардероб».
Третье. Пыталась ли Инна «клеиться» к кому-то из мужиков или, может быть, кто-то к ней проявлял повышенный интерес? Включая Вана и азиатов из отельной обслуги. И ещё – о чем она говорила в мое отсутствие. Ту дурь, которую она изрекала при мне сам помню.
- Ты думаешь ее ограбили и убили?!
- Знаешь… как-то прочитал интересную фразу. Дословно процитировать уже не сумею, но общий смысл таков: любая версия - это гипотетический вывод, частично обоснованный уже выявленными и известными фактами о событии происшествия в целом или его отдельными структурными компонентами. Смысл любой версии в том, что она должна объяснять исходные данные и ориентировать на выявление неизвестных обстоятельств. Так вот, чтобы выдвигать версии у меня просто нет достаточной информации, а также фактов для их построения. Но как только подобная версия появиться, ты первая о ней узнаешь.
Помолчав, я добавил, - И пожалуйста, береги свой телефон… из рук не выпускай. Но делай это всё незаметно и аккуратно, не привлекая внимания. Теперь каждый вечер ты будешь любую информацию, собранную за день, перекачивать на мой телефон. А теперь давай про Инну – все что сейчас можешь вспомнить.
Выслушав Ольгу, я задумчиво почесал щеку и только сейчас понял, что утром не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

побрился. Однако…
- Уже не персик, но еще не курага, - задумчиво пробормотал, размышляя на услышанным…
- Ты это про кого? Про Инну? - спросила Ольга.
- А?... Нет, это я про себя... Пойдем-ка погуляем вокруг острова – ходьба босыми ногами по песку укрепляет их и массажирует нервные окончания на стопах. Хотя может быть нет там никаких нервных окончаний, а есть только биологически активные точки, способствующие укреплению нервной системы. Одним словом, полезно иногда погулять по песочку.
- Ты что-то хочешь искать? - уточнила Ольга.
- В этом мире искать можно всё … кроме Любви и Смерти. Они сами тебя найдут… когда придет время, - задумчиво ответил я.
Лифт не работал из-за нехватки электроэнергии, поэтому пришлось спускать к морю по лестнице. Шли молча – я думал, а Ольга видимо поняла, что не надо сейчас со мной щебетать. Когда мы вышли к пирсу, она спросила.
- А как пойдем? Справа налево от пирса, или слева направо?
- Налево пойдем, - ответил я, - по привычке.
- Не истребимая мужская привычка «ходить налево», - привычно съязвила она…
Мы почти обошли остров, когда Ольга схватила меня за руку:
- Смотри! Да не на море смотри – вон под скалу!
Я присмотрелся, а потом подошел поближе и остановился, разглядывая находку – под выступом скалы лежало яркое желтое полотенце, пляжная матерчатая сумка Инны, солнцезащитные очки и телефон…
Песок в зоне находки был изрядно истоптан и совершено непонятно было кто и когда эти следы оставил. Но я все же сделал несколько снимков береговой полосы, а затем сфотографировал вещи Инны. Потом достал носовой платок, и стараясь не оставлять своих отпечаток пальцев, все собрал, завернул в полотенце и положил в сумку. Ольга молча смотрела на мои манипуляции…
- Пойдем «народ порадуем находкой», - сказал я, закончив упаковку.
- Она правда утонула? – передернув плечами, спросила Ольга. – Сбылись ее опасения про «Десять негритят»?
- Не обязательно… может быть ее акулы съели, или морской змей в подводный гарем утащил, - буркнул я. – Ты задаешь вопросы, на которые я не знаю ответов. Да, может быть, она утонула… такое не только в море случается, но и в реках, озерах, а также в бассейнах, ваннах и даже в лужах. Но это опять же не доказывает, что неизвестный преступник собрал нас здесь как «негритят» и будет убивать «медленно и со смаком».
- Ну, вот как ты можешь так спокойно говорить… да еще шутить по-дурацки, - ведь человек погиб.
- Да что мне теперь – головой о скалу биться и голосить во весь голос? Она мне не мать, не сестра, и даже не любовница… Глупость – такой же источник человеческих бед и несчастий, как и злая воля… Пойдем наверх.
Ольга осуждающе посмотрела на меня.
- Не думала я, что ты такой, - бросила она и надолго замолчала. Но мне было не до ее обид. Как-то не естественно лежали вещи Инны под выступом скалы…
В ресторане собрались Сан Саныч, Виктор, Ван, Ольга и я. На столе лежали найденные вещи Инны.
Виктор аккуратно взял ее телефон за боковые поверхности и попробовал его активировать. Потом положил его на стол и сказал:
- Бесполезно, если не знаешь пароль. А может нужно палец приложить… Хозяйский

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

палец.
Я прикусил язык, чтобы не брякнуть что-нибудь вроде «Извини, не отрезал вовремя у Инны пальцы»... Моя репутация и так сильно пострадала за последние дни. Похоже, что пора как следует побеседовать с кем-нибудь»… «бережно, аккуратно, интенсивно»… Но пока будем действовать в другом направлении.
- Виктор, ты вроде говорил, что с аквалангом нырять и плавать можешь? – спросил я.
- Да. А куда и зачем нырять надо?
- Да сам еще не знаю – может посмотреть дно вокруг острова? Ван говорил, что есть готовые к употреблению аквалангы.
Все присутствующие уставились на меня. Но одни взгляды были недоуменные, а другие - оценивающие…
Мы разошлись за час до обеда. На Вана было жалко смотреть. Виктор о чем-то сосредоточенно размышлял. Сан Саныч сказал, что ему тоже надо подумать и ушел к себе в номер.
- Прелестное создание, как ты относишься к аперитиву, - спросил я у Ольги. – «Джентльмены угощают дамов» ?? - причем ну, совершенно бесплатно. То есть даром!
В номере мы открыли ту бутылку шампанского, которую накануне принесла Ольга. Опасений у меня больше не было. Холодное вино прекрасно освежало и настроение мое улучшилось, хотя до нормы было еще далеко.
- Хочешь посмотреть какие у меня вчера утром селфи получились? – спросила Ольга. - Я еще в первый день собиралась на фоне бассейна под таким солнечным освещением снимки и видео сделать…
Голова моя была в это время занята размышлением об Инне. Но не проявить внимание к предложению девушки, с которой провел вчера бурную ночь, как минимум было бы неприлично. Я взял у Ольги телефон и посмотрел фотоснимки и видеоролики.
- Прекрасно выглядишь, несмотря на недосып, - с улыбкой прокомментировал я, возвращая телефон. Помню твою фразу: «Переночевала у него, выспалась и поняла – «не мое»…
И вдруг, еще не закончив шутку, я ощутил острое желание еще раз посмотреть видео Ольги и попросил:
- Дай-ка еще раз глянуть.
- Понравилась, - засмеялась Ольга, - я такая, молодая, красивая, стройная - и отдала мне телефон.
Два раза я внимательно посмотрел видео – в левом нижнем углу было хорошо видно, что Виктор, сидевший возле бара, взял сумочку Надежды, висевшую на спинке стула, открыл ее и что-то сделал. Но вот что именно – было не понятно. Из сумочки он ничего не доставал и можно сказать, что почти не осматривал ее. Тут же вспомнился рассказ Сан Саныча о том, как Виктор выходил из номера Надежды в отсутствии хозяйки. Ай да, Виктор…
- Такое ощущение, что ты не на меня там смотришь, - удивилась Ольга моему молчанию.
Я вернул телефон, немного подумал и сказал:
- Посмотри на задний план, левый нижний угол…
Просмотрев свою запись Ольга с недоумением спросила:
- И как это понимать?
- Кто бы знал… кто бы знал… Перекачай потом эти файлы на мой телефон… «Чапай думать будет»…
До обеда, хвала Всевышнему, ничего не случилось. Про убийства и исчезновение никто не начинал разговоров. Алла Петровна из номера так и не выходила, Нгок Бич, которая утром после завтрака к ней постучала, на хорошем русском языке грубой нецензурной

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

бранью отправила «в эротическую прогулку» с указанием конкретных мест для посещения. По словам Надежды, которая в это время проходила мимо по галерее и всё слышала, Алла Петровна похоже была «в состоянии сильного алкогольного опьянения». Ольга в обед пересела за наш столик, мотивируя, что не хочет обедать в одиночестве. Оно и понятно - Инны исчезла, Костик на обед не пришел. Ольгу что-то явно томило или даже угнетало. У меня даже сложилось впечатление, что ей хотелось переговорить со мной наедине. Может быть она что-то знала, но не говорила? Но пока было не до неё...
После обеда я предложил Сан Санычу сходить на теневую сторону острова и там искупаться. Сан Саныч понятливо кивнул головой, сходил за полотенцем и плавками, и мы спустились на пляж.

Глава семнадцатая

Вторая половина третьего дня.
Рассуждения Сан Саныча о геополитике и воспоминания о жучках

Некоторые сюрпризы сваливаются вам как снег на голову.
А другие подкрадываются, когда вы меньше всего их ждете.
И иногда самый большой сюрприз ты делаешь себе сам...
Фраза из забытой книги

- Слушай, Сан Саныч, всё собираюсь спросить тебя о фирменных методах «региональных исследованиях экспортного потенциала и анализа конкурентной среды» в Юго-Восточной Азии. Но что-нибудь или кто-нибудь всё время мешает. Расскажи конкретных примерах, и чтобы было понятно – «А на кой хрен это надо российскому бизнесу»? Сразу скажу – скрытых мотивов нет, мне просто интересно. Азию не знаю – был во Вьетнаме на отдыхе да в китайском Даляне на лечении. А ты тут много лет «анализируешь» местную экономическую и политическую экзотику.
- Не устаю поражаться разнообразию интересов пожилых аспирантов «с философской направленностью». Ты бы себя со стороны послушал – с какой скоростью и лёгкостью проговорил фразу о «региональных исследованиях экспортного потенциала и анализа конкурентной среды». А ведь про это я лишь мимоходом сказал, когда обсуждали смерть Николая… Но ты запомнил.
- Услышав слова про твою тайную специализацию, я их 144 раза проговорил мысленно, пришел к себе в комнату и записал на бумажку 20 раз подряд. Потом разорвал ее на мелкие кусочки, сжег, пепел растворил в воде и выпил раствор. Вот такой простой способ запоминания незнакомых слов.
- Черт с тобой – «и дальше так учи и запоминай». Возьмём для примера… ну, давай для примера, возьмём Новую Зеландию. Для большинства европейцев, американцев и наших соотечественников, это «черт знает где» и не заслуживает никакого внимания. Из числа европейцев, естественно, надо исключить англичан и французов – тут ситуация особая. Но в современной реальности – Новая Зеландия, это стратегический регион, за влияние в котором идет борьба между Японией, США, Китаем, Францией (ибо Новая Каледония - это ее заморская территория), Австралией, как доминионом Англии, и конечно, самой Великобританией.
- Не силен я в геополитике, мировой торговле и макроэкономике. Ты скажи, русским-то что надо в этом регионе? Половина своей страны еще не освоена…
- Кончай дураком прикидываться – здесь нет ни Инны, ни Бажены. 99% процентов

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

юристов таких слов, как «геополитика» не знают, а если и слышали, то не понимают - о чем это? И совершенно не удивлюсь, если ты вдруг начнёшь рассуждать о семантической или цивилизационной обусловленности динамики международных отношений в целом, и мировой торговли в частности.
- За комплемент благодарю, но к таким рассуждениям пока не готов. А про вышеупомянутых - есть такие люди, к которым хочется подойти, взглянуть в глаза, обнять за плечи и так ласково спросить: «Как же ты живешь, без мозгов-то?»
- Вот-вот – пока не готов, но что такое семантическая и цивилизационная обусловленность ты всё же понимаешь.
Мой пассаж про мозги Инны и Бажены он просто не заметил.
- Сан Саныч, не отвлекайся от Новой Зеландии в попытках изобличить мой низкий интеллектуальный уровень.
- Как юрист ты должен знать – хотя в общих чертах – что такое морское право, территориальное море, прилегающая зона, эксклюзивная экономическая зона и международные воды. Территория континентального шельфа не должна превышать 350 морских миль от базовой линии берега.
- В самых общих чертах понимаю, о чем ты говоришь. Но не вижу отечественного интереса.
- В начале XXI века начался крупнейший после окончания колониальной эпохи передел территории – морские страны претендуют на сотни тысяч квадратных миль континентального шельфа, немалая часть которого, как считается, богата природными ресурсами. Мы претендуем на расширение шельфа Арктики, а Новая Зеландия подала заявку на расширение шельфа вокруг своих островов. И территория континентального шельфа может разом увеличиться в пять, десять или пятнадцать раз. Представь себе, что территория российского континентального шельфа увеличиться хотя бы в два раза… Вот в чем стратегическая важность этого региона – и льдов здесь нет. И это – только одна страна. Ты думаешь почему Япония не может смириться с тем, что Курильские острова – это наша территория? Не за голые скалы идет борьба, а за тысячи квадратных километров континентального шельфа. Почему Китай искусственные острова насыпает в открытом море? Здесь стратегические узлы мировой политики и экономики XXI века, а не в том куске на окраине Евразии, которая называется Западной Европой. Вот поэтому сижу в Таиланде и провожу «региональные исследования» вместе с «конкурентным анализом». И вдруг на одинокой скале – за сутки сразу две очень странные смерти. А я без связи и без помощи. Хорошо, что, хотя бы ты морально поддерживаешь. Что скажешь? Доходчивое объяснение российских интересов в этом регионе?
- «Сеня, береги руку» в смысле «береги свою фирму»… И во что моя задница опять неожиданно вляпалась? В конкурентные игры великих держав? Подойдет к нашему островку американский авианосец, да и сметет его в море орудием главного калибра… чтобы мы конкуренцию англосаксам не портили. И погибнем смертью храбрых в состоянии не сильного алкогольного опьянения… Зачем я задал тебе ненужные вопросы? Спал бы спокойно… Сгубило кошку любопытство, а кота потянули за уши…
Сан Саныч с ехидной улыбкой смотрел на меня и молчал с довольным видом. Я тоже замолк, а потом добавил:
- Ладно, «живы будем – не умрем». Оставим в стороне геополитику и опасности американских авианосцев. И прикинем хрен к носу, или, как говорят в определенных кругах, проведем «мозговой штурм. Посмотри вот этот короткий видеоролик и скажи, что думаешь. Для ускорения процесса – сразу обрати внимание на задний план… смотри в левый нижний угол.
Я передал ему телефон, на который Ольга переписала свое «видеоселфи». Сан Саныч

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

внимательно посмотрел его два раза, и задумался.
- Это как-то может сочетаться с тем, что ты видел Виктора, выходящего из комнаты Надежды, в то время, когда она плавала в бассейне? – поторопил я его с размышлениями.
- То, что я тебе сейчас расскажу может быть чистой случайностью и совпадением, - начал Сан Саныч, - это… может быть… никак не связано с нашими проблемами на этом острове…
- Начало уже интригующее, - хмыкнул я, - не тяни кота за уши…
- Поздним вечером после нашего возвращения с реки Квай, - начал Сан Саныч, - я зашел в магазин своего доброго знакомого купить новый аккумулятор для телефона. Он там всякой техникой торгует – телефоны, часы, компьютеры, цифровые диктофоны, фотоаппараты и видеокамеры… Сотни разных наименований…
И в дверях я почти столкнулся с мужчиной. Ничего особенного или примечательного в нем не было – рост почти как у меня, одет в джинсовые шорты и черную майку, на голове бейсболка, надвинутая на лоб. Лица я почти не разглядел. Извинился перед человеком и тут же забыл. Поболтал с хозяином, спросил, как идут дела. Знакомец мой пошутил на счет того, как плохо иностранцы говорят на английском, да еще тайского не знают. Как с такими вести торговлю? Только с помощью компьютерных программ автоматического перевода. Знаешь, сейчас такие в каждом телефоне есть. Рассказал, что предыдущий покупатель только благодаря телефонному переводчику сумел объяснить, что ему надо было…
- Это был Виктор? – высказал я возникшую догадку.
- Да. Только сейчас вспомнил про тот случай. Виктора я ведь только на следующее утро увидел на пирсе возле яхты. Но не узнал в нем покупателя из магазина моего знакомого... И одет он был уже по-другому. А теперь держись за полотенце, а то в море унесет… Знаешь, что он купил в том магазине накануне отъезда? Набор самых современных миниатюрных радиозакладок для акустического контроля, радиоприемник, цифровой диктофон для автоматической многоканальной записи… ну, и еще какую-то хрень для полного комплекта. Название и функции этой хрени не помню. Тебе все понятно?
Я молчал, переваривая услышанное. Вот это фокус! Ай да Виктор! Айда да сукин сын! Какие интересные «маркетологи», оказывается, водятся в Екатеринбурге…
- Ты хочешь сказать, что не только Надежда находится постоянно в зоне акустического контроля, но и каждый из нас?
- Не знаю, - ответил Сан Саныч. - Мне иногда смешны были твои желания разговаривать вдали от людей и жилых помещений. Вот как тут – «лицом в море». Но сейчас – «снимаю шляпу» и каюсь в легкомыслии. Ты это предвидел это?
- Нет, конечно! Но «старый конь борозды не портит, хоть и пашет неглубоко»… Однако, многое теперь видится в ином свете – и посещение номера Надежды в ее отсутствие и манипуляции с её сумочкой… А сколько он купил радиозакладок?
- Не знаю. Не спрашивал… Не думаю, что очень много – если жучков будет «не меряно», то рано или поздно их кто-то обнаружит, несмотря на миниатюрность.
- То же верно, - согласился я. – А не пора ли нам душевно побеседовать с Виктором, а если повезет, то и «расколоть» его.
- И что мы ему скажем? На чем «колоть» будем. Силу не применишь... А он может посмеяться над нашими попытками и послать на хрен…
- Фу, как это не гуманно – силу применять. Сан Саныч, друг мой! Я Вами возмущен до глубины души. Насилие – не наш профиль. Наш профиль – душевные беседы и обещание помощи. Кроме того - уж не знаю, как ты со своими «боевыми искусствами» - а я против Виктора и пяти секунд не продержусь, если попробую к нему силу применить. Последний раз я дрался пятнадцать лет назад с соседом по лестничной площадке и ничего хорошего

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

из этого не вышло… Слава Богу, вовремя разняли. Поэтому, с Виктором – только душевные беседы!
И ещё момент - раз у нас тут сегодня «час воспоминаний, то и ты меня послушай. И тоже – «держись за полотенце». Но сначала, скажи – а может Виктор быть представитель конкурирующих с тобой фирм? Он ведь тоже… «исследователь маркетинговых процессов».
- Нет здесь у меня никаких конкурентов – и дел нет. Чтобы «в простое зря не находится», я взялся за туристическое сопровождение Сидоровых, тем более, что они заранее всё оплатили. По сути дела, если не считать поездку на реку Квай, то у меня здесь… у самого «чистый отдых» со 100% предоплатой. Ведь никто не знал, что так печально для Николая это путешествие закончится. Так, что Виктор мне в принципе не может быть конкурентом.

Глава восемнадцатая

Вторая половина третьего дня. Воспоминания о моей молодости

В рассказах часто встречается это «но вдруг».
Авторы правы: жизнь так полна внезапностей!
Антон Павлович Чехов

Верил ли я Сан Санычу? Конечно, верил. Все происшедшие события подтверждали его слова. Но еще я пытался вспомнить с кем из предыдущей туристической группы он успел пообщаться за тот «час с небольшим», пока яхта стояла у пирса. Вроде бы с кем-то из отъезжающих он здоровался у отеля, а с кем-то прощался на пирсе… То ли старые знакомые, то ли бывшие деловые партнеры… Мог он провести «моменталку»? Мог. Даже в наше время активного действия спутников-шпионов, передачи шифрованной информации через интернет-каналы и спутниковые телефоны, бывают еще нужны «старые добрые способы», в том числе – «моменталка». Долго и муторно добираться до острова, жить здесь неделю, чтобы потом «в одно касание» передать материалы? Конечно, долго и муторно. Но порой не скорость поступления информации, а безопасность имеет важнейшее значение… Здесь на одиноком острове всё на виду и легче обнаружить контроль и слежку. Да и сама идея неспешной подготовки к передаче информации в наш суматошный век, когда счет на секунды, а тут срок исчисляется неделями – довольно оригинальна, а значит может быть выигрышной.
А может быть всё было не так? Может быть, есть на острове тайник – один турист закладывает информацию, а другой ее забирает… И они даже не встречаются друг с другом и никто никого не знает. Всё может быть, но мне нет дела до этих «шпионских игр», даже если это только промышленный шпионаж. И не важно – какая именно разведка здесь могла быть задействована: научно-техническая, военная или политическая… И чья она? Дай Бог, российская – если всё же тут такие «игры» ведутся. Но не моя это забота… Поэтому буду верить словам Сан Саныча.
Все эти мысли довольно быстро пронеслись в моей голове. Сан Саныч терпеливо ждал.
- Слушай воспоминания о моей молодости. Жила-была на белом свете девочка Люба. Она родилась в 1971 году в провинциальном городе, который всё же был областным центром. К двадцати годам Люба стала очень красивой девушкой с решительным характером. Еще через два года она закончила старинный сибирский университет по специальности «филология». Во время учебы вышла за муж за однокурсника – «тихого интеллигентного

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

мальчика». И в первой половине «лихих девяностых» Люба вместе с мужем вернулась в родной город. Когда я впервые увидел мужа Любы, то первой и единственной мыслью была – «не пара», бросит она его…
Капитализм уже вовсю шагал по российским просторам и активно начинал развиваться рекламный рынок. Люба устроилась в региональном филиале российской медиакомпании, проработала год, затем развелась с мужем и уехала в Москву. И там красивая молодая женщина быстро сделала «блестящую карьеру» в рекламном бизнесе крупных зарубежных медиа-гигантов. Точнее сказать - в российском сегменте этих гигантов. Насколько мне известно, дважды или трижды Люба в Москве выходила замуж, каждый раз всё выше подымаясь по карьерной лестнице. И это «не считая мелких увлечений» полу-романтического характера. Теперь это «крутая бизнес-леди» с очень хорошим личным капиталом…
- А ты как всё это узнал?
- Случайно нас судьба свела в филиале медиокомпании – я там службу информации организовывал в то время. Потом в интернете ее фото видел с краткой информацией о служебной деятельности.…
- Юрист, организующий службу информации в СМИ? Интересный ты человек… А была какая-то романтическая история или ты просто спал с этой Любой? – с веселой ехидцей в голосе спросил Сан Саныч. – Тогда ты еще ведь не был «старым импотентом»?
- Ваш неприкрытый цинизм меня огорчает. Не все красивые девушки, которые встречались на моем жизненном пути были в моих объятьях… Не с любОй я спал. К тому же именно тогда - «по большой любви» - я женился во второй раз. Нет, с Любой никогда не спал… Но не запомнить красивую женщину было нельзя.
- Ну, вот… теперь ты кота за уши тянешь…
- Во время завтрака на второй день нашего пребывания здесь, я подсел к столу, где сидели Ольга и Надежда. Цель была простой – в упор посмотреть на лицо Надежды. А после этого я с компьютера респешен распечатал скан ее паспорта. Это всё ты уже знаешь.
- Так… понял, откуда «ноги растут» твоих воспоминаний о поездке в Ленинград твоего друга с любовницей. Ты считаешь, что Люба прибыла сюда по паспорту Надежды Владимировой?
- Есть такой грех подозрения. Но хотя уверенность в результатах идентификации почти полная, но проверку всё же надо провести. И разобраться в интересе Виктора к Надежде, «которая Люба» - «усталая женщина, приехавшая на далекий остров отдохнуть и написать книгу».
- И как мы это провернем? – поинтересовался Сан Саныч.
- Хочу попробовать такую штуку, - начал я, но в этот момент вдруг послышался звук работающего мотора. Мы не сразу поняли, что это мотор катера, пришвартованного возле пирса. Звук начал удаляться. Вскочив с песка мы бросились в сторону пирса. Обогнув скалу и выскочив на пирс, увидели удаляющийся катер. Затем услышали звук выстрела, доносившегося откуда-то сверху, и раздался сильный взрыв. Над морем взметнулся столб воды и катер загорелся. Пока мы добежали до края пирса катер затонул.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Глава девятнадцатая

Вторая половина и вечер третьего дня. Размышления об объёме сосудов

Следы лучше вообще не оставлять,
чем пытаться их запутывать.
Из советов моего знакомого

Наверху возле отеля раздавались крики – там тоже видели и слышали взрыв катера.
- Пойдем наверх, - запыхавшись сказал Сан Саныч.
- Пойдем, но мне надо забрать телефон и полотенце. Забыл про него, когда рванулся к пирсу.
- Да и мое полотенце захвати, если не трудно. А я сразу в отель. Ох, как мне всё это не нравиться. Тут уже точно убийство – потому, что после выстрела катер взорвался.
Да, это было убийство, но мы тогда, конечно не знали, что второе скоро будет совершено - через несколько часов после взрыва катера…
Сан Саныч побежал вверх по лестнице (лифт опять не работал), а я направился за вещами. У конца пирса я остановился передохнуть. Увы, уже не мальчик, и даже бег на короткие дистанции, заставляет сердце стучать слишком часто. Сан Санычу легче – он спортсмен…
Мой взгляд остановился на песке возле пирса. А это что такое? Я долго смотрел на песок, потом перевел взгляд на волны, набегающие на берег. Еще через минуту, вернувшись к пирсу, стал снимать телефоном кусок берега. Точнее сказать – фотографировал следы на песке.
Памятник надо бы поставить человеку, который в одном корпусе объединил телефон и фотоаппарат. Как жаль, что в пору моей молодости не было таких прекрасных «цифровых игрушек». Я без всякого умиления вспомнил хороший, но большой и тяжелый «Зенит-TTL». Впрочем, по тем временам он считался малоформатным. Однако если его носить в руках или на шее целый день, то удовольствие от фотографирования совершенно исчезало.
Дальнейшие события этого дня происходили в таком темпе и были столь насыщены разными аспектами, что о них приходится вынуждено рассказывать отдельными фрагментами, нарушая подлинный хронологический порядок. Иначе все может перепутаться и станет совсем не ясным.
Итак – сначала о следах возле пирса. За столиком возле бара собрались Сан Саныч, Виктор, Ван и я.
- Ван, кто из сотрудников исчез – спросил Сан Саныч, - надо понять, кто пытался уйти на катере.
- Я думаю, что это был помощник повара Вэйдун ответил Ван. - Остальные на месте.
- Ты же нам раньше говорил, что на катере было мало бензина, - уточнил я, - и поэтому мы не могли бы его использовать, чтобы добраться до берега. Помнишь, когда вышка связи рухнула?
- Да, конечно. Того горючего, что было в баке хватило бы на пару часов, а это очень мало – катер дошел бы только до того места, где практически нет судоходства.
Тут в разговор вступил Виктор:
- Тогда на что надеялся Вэйдун, бежав с острова на этом катере? Что-то ведь заставило его попытаться скрыться с острова? И чего он боялся?
- Я не знаю, - ответил Ван, - может быть от хотел скрыться от опасности… от смертельной опасности. Но не сумел.
Не буду греха таить – некоторые сомнения в честности Вана у меня возникали. Не то,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

чтобы он нам врал или говорил частичную неправду. Иногда можно обойтись без этого – просто промолчать о правде или не всю правду рассказать. Надеюсь, что вы понимаете, о чем идет речь? Это - «тонкие материи», но их надо различать и учитывать. Проверить слова Вана я не мог – без знания языка практически в той ситуации ничего невозможно было сделать. Наш полиглот Сан Саныч, тоже не всеми диалектами владел.
Я достал свой телефон, нашел нужные фотографии и показал их собеседникам.
- Это следы на песке возле пирса. Думаю, что сейчас волны прибоя уже смыли их. Но по фотоснимку ясно, что это – отпечатки канистр с бензином, которые Вэйдун загружал в катер. Издалека, под пирсом они были не заметны, да и народ там почти не ходил в последние дни.
Сан Саныч еще раз внимательно посмотрел на фотографии и что-то в уме начал высчитывать. Потом сказал:
- А что? Судя по количеству отпечатков канистр вполне могло хватить горючки, чтобы добраться до берега на катере. И не пришлось бы болтаться в море с заглохшим мотором.
- Мы не знаем объем канистры, - резонно заметил Виктор, - по снимкам можно представить площадь ее дня, но не высоту, а, следовательно, невозможно точно определить объём. Если канистры высокие, то в них могло входить не 30, а 50 литров.
- Да… согласен с Виктором, - сказал Сан Саныч, - и хочу уточнить, что не во всех канистрах мог быть бензин. Наш беглец еще должен был взять питьевую воду. Это в идеальном варианте он мог добраться до берега за десять или двенадцать часов с учетом максимальной скорости катера. Но в море нет идеальных условий, поэтому в первую очередь он должен был подумать о питьевой воде. То есть, взять с собой, как минимум, одну канистру с водой… А я бы, на его месте, взял больше. Уж лучше несколько дней болтаться в теплом море с заглохнувшим мотором, чем умирать от жажды.
Потом Сан Саныч повернулся ко мне.
- Петрович, а ты молодец – заметил следы на песке. А я пробежал туда и обратно и даже не взглянул.
- Зайца в цирке за полгода учат на барабане играть, - отшутился я, но шутку никто не понял. Откуда им знать, что в феврале теперь уже очень далекого 1980 года так мне сказал наставник. И добавил – и тебя всему за год научим, а уж дальше сам совершенствуйся в «игре на барабане».
Собеседники ждали расшифровки моей шутки, но я заговорил о другом.
- Все эти вычисления интересны, но остался вопрос – а где Вэйдун взял эти канистры с горючим?
Над столом повисла тишина и наши взгляды скрестились на Ване. Он молчал. А когда молчание затянулось, Сан Саныч жестко спросил:
- Ван, ты язык проглотил что ли?
- Не знаю, - проблеял Ван. Виктор молча смотрел на него, но под таким «спокойным» взглядом и мне было бы очень неуютно.
- Я правда не знаю, - почти прошептал Ван.
Пришлось мне вмешаться.
- Сан Саныч, Ван действительно может этого не знать. Но нам надо найти этот тайный склад – ведь где-то бензин хранился, до того, как Вэйдун перетащил его на катер. Про него точно знал «неудачливый беглец»… и может знает кто-то еще. Но, этот «кто-то» – не обязательно Ван, который работает здесь «без году неделя». И может быть мы там не только бензин найдем…
Все замолчали, обдумывая сказанное.
- Да, надо искать, - сказал Виктор, - но перед этим неплохо было хоть чем-то вооружиться.
Сан Саныч согласно качнул головой.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- У нас нет никакого оружия, - печально сказал Ван.
- И даже кухонные ножи уже сломались? - довольно ехидно уточнил Сан Саныч. – Ван неси из кухни самые большие ножи.
- И топорики для поваров, - добавил Виктор.
- А также планы зданий и помещений, расположенных на острове, и хорошие ручные фонари - это уже я внес предложение.
Осмотры и обыски на больших площадях без карт и схем производить трудно, а в темных помещения без фонарей это делать просто невозможно.

Глава двадцатая

Вторая половина третьего дня.
«Вам не надо брать в руки это оружие…».

Обходя разложенные грабли
ты теряешь драгоценный опыт.
Чье-то мудрое высказывания

Все, что может быть использовано как оружие,
будет использовано как оружие.
Станислав Лем

Поиски затянулись до вечера, но «оно того стоило». Перед их началом Ван принес здоровый нож-измельчитель, больше похожий на топор, нож для шеф-повара, длинный нож для нарезки и еще пару-тройку обычных кухонных... И стопку листов бумаги с планами помещений.
Сан Саныч и Виктор выбрали себе по одному большому и одному нормальному кухонному ножу. Ван взял нож для шеф-повара. Разглядывая бумаги, краем глаза я видел, как Виктор взвешивал ножи на руке, как мгновенно перебросил нож небольшого размера из прямого хвата правой рукой в обратный хват левой… Умелец…
Видя, что не принимаю участия в увлекательной процедуре выбора ножей, Сан Саныч спросил:
- «Когда срываешь былинку, вздрагивает вся Вселенная»?
Виктор и Ван удивленно посмотрели на нас. Я молча кивнул.
- Не валяй дурака – не известно с чем или с кем встретиться придется.
- Сан Саныч, я не боец-ножевик. Мое оружие – мозги. Их, конечно, можно крепко повредить или отобрать у меня… вместе с головой. Но это обстоятельство не делает из меня бойца… Каждый должен правильно использовать свои навыки и возможности. Я же вижу, как ты и Виктор умело взялись за ножи… Особенно Виктор… Пусть один из нас будет безоружным.
Потом мы посмотрели планы и схемы. И опять я обратил внимание на Виктора – он явно привык быстро читать карты и схемы. Однако в этот раз промолчал – помнил, как Виктор взглянул на меня после слов «боец-ножевик». Ни к чему мне «удивленные взгляды» мужчин… пусть лучше девушки глядят с удивлением и постоянным восхищением.
Я сходил к себе в домик, одел джинсы с ремнем и обулся в кроссовки. На ремень повесил ручной электрофонарь, в карман сунул футляр с запасными очками. На выходе

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

столкнулся с Ольгой.
- Ты куда? – спросила она.
- «Дурная голова ногам покоя не дает» - пойду с мужиками погуляю по окрестностям. Вдруг что-нибудь интересное увидим. А вы соберитесь стайкой и присядьте у бара… не шарахайтесь по острову.
- А… - Ольга что-то хотела сказать, но я решительно прервал ее.
- Всё, дорогая, некогда, вечером поговорим. Сгоняй всех в бар и пейте прохладительные напитки. Это очень пользительно в жарком климате для нежной женской кожи.
Про утомительные поиски и осмотры рассказывать не буду – скучное это дело. Тайник мы нашли через 2,5 часа в одном из складских помещений, вырубленных в скале. Возле стены до самого потолка стояли коробки со стиральным порошком, мылом, туалетной бумагой и прочей хозяйственной мелочью. В верхнем ряду не было одной коробки и Виктор углядел электропровод, уходящий в стену. Отодвинув коробки, мы увидели дверь в стене. Само интересное, что она была закрыта, но в замке торчал ключ. Видно последний посетитель склада просто забыл забрать ключ.
В большой комнате-тайнике мы увидели канистры с бензином, коробки мясных и рыбных консервов, какие-то нейлоновые тросы, бухты толстых и тонких веревок, и еще «черт знает что». Там же было оружие: два помповых ружья, которые Сан Саныч определил, как охотничьи «Винчестеры 1300», три шестизарядных револьвера, с откидным барабаном, которые Виктор назвал «Тип 05 классической конструкции», четыре длинноствольных пистолета никому не известной марки с ПБС , в просторечии именуемые «глушителями!». Про них Сан Саныч ухмыляясь сказал: «Это для любителей тишины».
Там еще были разные патроны, бронежилеты, ножи и что-то похожее на гранаты. Виктор пояснил, что это – светошумовые боеприпасы и дымовые гранаты. Он предложил всем вооружится револьверами и пистолетами, Сан Саныч и Ван, по всему было видно готовы были поддержать эту безумную идею. Но тут я призвал мужиков к проявлению здравого смысла.
- Очнитесь, господа! Я не знаю какие в этой стране законы, но очень сомневаюсь, что они разрешают частным лицам свободное владение или ношение короткоствольного огнестрельного оружия. И тем более – иностранцам. И вряд ли в качестве наказания за нарушение запретов используются штрафы – наверняка, лишение свободы... Второй момент – никто из вас не знает, где это оружие раньше использовалось и что «на нем висит»? Может быть, какое-нибудь «смертное злодейство» да не одно. «Оно вам надо» - влипнуть в какую-нибудь историю с чужим оружием в руках в чужой стране? И третье – вы с кем на острове воевать-то собрались?
Очнулись… Сан Саныч меня поддержал:
- А ведь наш «гуманист и пацифист» прав. Одно дело кухонные ножи для возможной самозащиты, и совершенно другое – пистолеты в руках… которые «случайно» и выстрелить могут.
Виктор с явной неохотой положил на полку пистолет, который держал в руках. Я вытянул из заднего кармана джинсов носовой платок и протянул его Виктору:
- Оботри всё, чего руками касался. Платок потом верни мне – я сам от него избавлюсь.
Сан Саныч демонстративно и громко хмыкнул. Виктор помедлил, посмотрел на него и на меня, но платок взял и протер им все оружие, за которое брался.
- Всё, уважаемые господа, закрываем эту «пещеру сокровищ», маскируем обратно дверь коробками и сваливаем отсюда со словами «Усталые, но довольные ребята возвращались домой». Нам надо еще по списку сотрудников отеля хотя бы бегло пройтись. Теперь ясно, что «убивец» среди них… «или убивцы».
Сан Саныч, тебе как саму разумному, поручаем хранить «ключ к богатствам», - я перевал

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ему ключ от тайного склада.
Возражений не последовало.
Наш «военно-лингвистический совет» заседал на террасе возле большего бассейна, подтянув шезлонги и столик, который уставили пивными бутылками. После того как я убедился, что Ван сам не мог стрелять по катеру, я попросил у него список сотрудников отеля и предложил дать краткую характеристику каждого. Имена Ван назвал, а вот с характеристиками ничего не вышло. Кроме стандартных фраз, «старателен, нарушений не было» Ван толком ничего не сказал Расшифровка имен, тоже ничего на дала… И, наверное, в принципе ничего не могла дать. Вот такой получился список:
Фа (выдающийся) – шеф-повар.
Вэйдун (защитник востока) - помощник повара.
Джиан (здоровый мальчик) - кухонный рабочий и официант.
Феng (острое лезвие) – кухонный рабочий и официант.
Ксиабо (маленький борец) – я напрочь забыл, что он делал, хотя Ван говорил (не та уже память, не та).
Хонгсаван (небесный лебедь) – бармен.
Цзинсун (сильная сосна) - техник, обслуживающий «все движимое и недвижимое оборудование» в отеле, а также кладовщик.
Джен (корень) – портье и садовник.
Ким Кук (золотая хризантема) – горничная.
Нгок Бич (драгоценный нефрит) – горничная.
Понг – массажистка. Но это было не имя, а тайская фамилия, что-то вроде «веселая» или «щедрая». Ван сам не помнил ее имя.
Но реальных результатов нашего «линг.совета» не было. Сан Саныч правильно сказал, что это - «тупиковая дорога» и мы зря ломаем свои головы в надежде найти убийцу таким способом. По его мнению, китайские имена до сих пор могут даваться в соответствии с древними традициями той или иной провинции. Самые популярные имена напоминают список добрых напутствий в жизни. Но сейчас многие родители называют мальчиков на западный лад. Кроме того, стрелок мог устроится в отель под чужим именем. Пришлось согласиться, что версия моя была «красивой, но бесплодной». Ну, что же – вовремя отказаться от собственных заблуждений, это определенная заслуга. «Мой опыт – сын ошибок важных…».
Мы вернулись к бару, присели за столики и с большим удовольствием снова взялись за холодное пиво. Но предварительно зашли на кухню, вернули все ножи и там же оставив фонари. Ван сказал, что потом все сам уберет. На вопросы женщин, мы отвечали, что ничего интересного не нашли. Уж не знаю, поверили они нам или нет? Но все долго обсуждали взрыв катера и гибель Вэйдуна.

Глава двадцать первая

Вечер третьего дня.
О пользе изучения философии и логики

Есть три ошибки в общении людей:
первая - это желание говорить прежде, чем нужно;
вторая - застенчивость, не говорить, когда это нужно;

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

третья - говорить, не наблюдая за вашим слушателем.
Конфуций

Через полчаса после ужина Виктор пошел к себе. Подождав несколько минут, я незаметно кивнул Сан Санычу и сказал, что тоже пойду передохну немного. Ольга дернулась было встать со стула, но поймав мой взгляд и недвусмысленный жест рукой, села обратно. Вскоре в мою дверь постучал Сан Саныч. Я открыл, и он зашел. Недвусмысленно пошевелив свои уши руками, правой я помахал над головой, а указательный палец левой прижал к губам. Сан Саныч догадливо кивнул и спросил:
- Ваши предложения, мой дорогой друг?
- Предлагаю посоветоваться с Виктором. Он сегодня определённо проявил себя как эксперт в некоторых очень специфических вопросах. У меня, например, таких знаний нет.

- Полностью согласен с предыдущим оратором и у меня знания по многим специальным вопросам отсутствуют. Пойдем?
По дороге к Виктору я спросил:
- Игры про доброго и злого следователя знаешь?
- А то! И мы кино смотрим, и мы когда-то книжки читали…
- Роль «злого» исполнить сможешь? Но «без фанатизма»…
- А ты, «гуманист», значит «добрым» будешь, - добродушно засмеялся Сан Саныч.
- Добрые предложения должны делать добрые люди, - ответил я любимой фразой и включил диктофон на своем телефоне.
Виктор явно не ожидал увидеть нас у своих дверей.
- Приглашай – посоветоваться надо, - с широкой улыбкой сказал Сан Саныч, стоя у порога. Виктор молча посторонился. Мы прошли и присели у журнального столика, причем я сел спиной к окну. Хозяин отошел к холодильнику и спросил
- Может выпьете чего-нибудь? - он явно старался изобразить гостеприимного хозяина.
- Потом, - ответил ему я, - сначала нам действительно надо серьёзно поговорить.
Виктор тоже присел.
- Понимаешь, начал я, - в суете после взрыва катера как-то на задний план отошли вопросы кто и откуда стрелял? «Ежу понятно было», что стрелок не будет дожидаться, пока кто-то «любопытствующий» не придет посмотреть на «такого меткого». Ясно, что пальнул умело и тут же скрылся.
А вот завтра можно попробовать отыскать винтовку или иное оружие, из которого были произведены выстрелы по катеру. Но для этого надо определить место и расстояние, поправку на угол цели, возможность прицельного выстрела при движении катера по морской поверхности… может быть, учесть силу притяжения, которая воздействует на пулю…
Теперь усмехался Виктор.
- Что-то для философа и коллекционера акварели у тебя слишком специфические познания и вытекающие из них вопросы. Наводит на определённые размышления...
- Ну, что ты, не надо ненужных подозрений, - спокойно ответил я и широко улыбнулся. - На самом деле все объясняется совершенно обыденными вещами или их комбинацией. Да будет тебе известно, что изучение логики является… и всегда являлось частью общефилософской подготовки. И многие выдающиеся философы были одновременно и блестящими логиками. В любом случае философская подготовка подразумевает изучение причинно-следственных связей. Кроме того, я не всегда был философом, хотя и любил философию с юных дней. И акварель коллекционирую только тридцать лет из шестидесяти.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

А логика моих рассуждений проста – чтобы попасть с одного выстрела, сделанного с вершины скалы, в катер «пляшущий на морской волне», надо обладать определёнными навыками стрельбы и, возможно, снайперской винтовкой. Можно, конечно, обшарить все верхушки острова, но лучше сузить зону поиска.
- Мне не совсем понятно, почему вы решили, что я смогу определить сектор стрельбы? – поинтересовался Виктор.
- Виктор, складывается впечатление, что ты не хочешь нам помочь - с нажимом в голосе сказал Сан Саныч, - и это тоже наводит на определённые размышления…
Ну, вот – пошла игра в «злого следователя». Теперь снова «мой ход». Я внимательно посмотрел на Виктора, благо свет падал на его лицо, и сказал:
- Подожди, Сан Саныч, я кое-что объясню товарищу майору.
На миг лицо Виктора дрогнуло, но он остался спокойным и ничего не сказал. Пришлось продолжать по заготовленному варианту:
- До выхода на пенсию я работал в разных муниципальных и государственных органах на различных штатских должностях – начальником отдела экспертизы, советником по широкому кругу вопросов и прочее, прочее, прочее. И однажды меня направили на научно-практическую конференцию по вопросам муниципального развития, которую организовывала Тюменская областная Дума. Проходила эта конференция в Ишиме. Глава города подготовил для участников экскурсию по Ишиму, и в разговоре упомянул про то, что воинский городок уже несколько лет пустует, после вывода оттуда военных связистов. В первый наш совместный вечер – между чтением стихов о любви - я краем уха слышал, как ты кому-то из женщин говорил, про то что, когда служил в Ишиме у тебя красивая девушка была.
- Да уж… «логика у тебя железная» – раз в Ишиме дружил с красивой девушкой, то могу «на глаз определить сектор снайперской стрельбы на скале в экваториальных водах».
- Виктор, он не такой дурак, как на первый взгляд кажется, - подал свою реплику Сан Саныч, - тебя где учили «недооценивать противника»?
- Что уже «противник» среди нас появился? – мгновенно отреагировал Виктор.
Держался он спокойно и уверенно. Но и я еще не все сказал…
- Сан Саныч, да подожди ты с упреками, - примирительно сказал я. – Можно продолжать?
- Валяй, - добродушно улыбнулся Виктор.
- На следующий день, когда я в бассейне девушкам рассказывал о своей нереализованной мечте прыгнуть с парашютом, ты заметил, что сделал не один прыжок. Так было? Ничего я не напутал?
- Так было – ничего не напутал. Не один раз я прыгал с парашютом. И что? - Виктор был абсолютно спокоен.
- А вчера на мой вопрос о готовности понырять и поплавать с аквалангом ты что сказал?
- Спросил для чего нырять. Умею с аквалангом обращаться. Ну и что? Красивая девушка в Ишиме, парашют и акваланг… Выводы-то какие? Не пойму - к чему ты клонишь?
- А он к тому клонит, - захохотал Сан Саныч, - что наличие определенных навыков хорошо укладывается в определение «специальная парашютно-десантная и водолазная подготовка». Конечно, не каждый майор может этим похвастаться. Но ты его дальше слушай – настоящий философ зря слово не скажет. Пиво у тебя в холодильнике есть? Что-опять в глотке пересохло.
- Пива нет – в холодильнике только вино, а в баре - коньяк, ром и текила есть. - ответил Виктор.
- Сан Саныч, притащи пива из бара… На троих – я тоже нынче пивком побалуюсь. И на девушек посмотри – как они там без мужского внимания?
Сан Саныч без споров согласился «сгонять за пивом», «глянуть на девушек» и ушел.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Нужная психологическая обстановка была создана для продолжения разговора.
- Много лет назад я где-то прочитал, что до 95% разведывательной информации находится в открытых источниках. Аналогичная ситуация с экономической информацией… Впрочем, что это я тебе – директору маркетингового агентства – рассказываю азы профессии… Сегодня я внимательно наблюдал как ты обращаешься с ножами, с какой неохотой положил пистолет на полку...
Рота связи действительно располагалась в военном городке в центре Ишима. Но раньше там была учебная часть спецназа РВСН, позднее переведенная куда-то под Новосибирск. Мэр Ишима коротким словом «спецназ» обозначил тех, кто там служил. А уж представить чему там учили было не сложно: охране стратегических объектов и борьбе с диверсионно-разведывательными группами противника, разведке, боевому охранению и сопровождением колонн, прикладной рукопашке … Может быть, я что-то упустил как лицо, сугубо гражданское?
- «Болтун – находка для шпиона», - буркнул Виктор.
- Ты это про меня или про ишимского мэра?
- Про мэра.
- Да… мэры они такие… Не всегда базар фильтруют. Знал я одного мэра, который решил выделиться оригинальностью избирательной кампании, пришел на предвыборный митинг в СИЗО и бодро заявил: «Я очень рад видеть вас здесь»…
Что же касается вопроса, который ты хотел бы задать, но воздерживаешься, то ответ простой. Я просто прикинул твой возраст, предполагаемые годы службы в Ишиме, умение обращаться с оружием, парашютом и аквалангом, и сделал вывод о службе в специальных подразделениях Министерства обороны. Как подтверждение – сегодняшний разговор. Я говорил о месте, с которого был произведен выстрел, а ты – о «секторе снайперской стрельбы». Мелочь, а приятно. А сам факт твоей службы в армейском спецназе вряд является государственной или военной тайной. Так?
- Так… это - не тайна. Просто не привык я рот разевать и языком трепать, когда дело службы касается.
- И это – правильно!
- Про выстрел по катеру вот что могу сказать – конечно, из пистолета на таком расстоянии его не достать… Винтовка или карабин нужен. Кроме того, было два выстрела – сразу один за другим, поэтому звук почти слился и только опытное ухом могло различить. И скорей всего пули были зажигательные, поэтому канистры с бензином и взорвались.
Виктор замолчал, о чем-то раздумывая, потом кивнул головой и продолжил:
- Но для взрыва после выстрела должно быть совпадение нескольких факторов: высокая температура в полупустой канистре с нагретыми парами бензина - то есть избыточное давление… по сравнению с нормальной ситуацией. Тогда при попадании трассера на выходе пуля и подожжёт истекающие пары бензина, будет взрыв канистры.
Теперь задумался я и стал вслух прикидывать варианты:
- Жаркая погода у нас есть… Если первая пуля просто прошила полную канистру – без взрыва, то все равно бензин начал вытекать… Вторая пуля или могла попасть в неполную канистру и взорвать ее, или иным образом поджечь вытекающий бензин и с последующим взрывом. Возможен еще вариант с минированием катера и совпадением по времени взрыва и стрельбы. Ну маловероятным кажется мне такое совпадение из секунды в секунду. Да и зачем катер минировать? Дойти до берега с тем запасом горючки, которая в баках оставалась, нельзя было, а вот покататься или на рыбалку выйти недалеко вполне можно. И тогда вопрос – зачем взрывать случайных людей? Нет! Более разумным кажется все-же взрыв после выстрела. А ты как думаешь?
- Пожалуй… всё же взрыв как результат выстрелов… Сейчас уже стемнело, а завтра

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

попробуем найти позицию стрелка. – Виктор помолчал и добавил, - зря я логиков и философов недооценивал… А как ты догадался, что я майор?

Глава двадцать вторая

Поздний вечер третьего дня.
Дружеские беседы под холодное пиво

Согласно закону Запада,
кольт 45-го калибра бьет четырех тузов.
Билл Джонс

В тот момент, когда прозвучал вопрос Виктора, в номер без стука ввалился Сан Саныч с шестью бутылками пива в руках и с порога спросил:
- Ну, что? Раскололся майор?
- Сан Саныч, Вы меня огорчаете… Какой раскол? Откуда такие выражения? Мы с Виктором обсуждали вопрос необходимости таких научных и учебных дисциплин как логика и философия. Он признает, что они имеют право на существование. Предложил на завтра свою помощь в обнаружении точки, откуда велась стрельба. Давай пиво открывай быстрей – умные разговоры горло сушат.
Виктор достал три пивных бокала, а Сан Саныч сноровисто разлил пиво. Он поднял свой бокал и провозгласил:
- За обнаружение!
Дождавшись пока мы начнем пить, и Виктор наполовину опустошит свой бокал, Сан Саныч, глядя в упор, спросил его:
- Ты нам всем жучков для прослушки насовал или только бабам?
Вот тут Виктор захлебнулся и закашлялся. Это не было притворством… несколько секунд. Но когда кашель стал затягиваться – Виктор явно тянул время, чтобы сформулировать ответ – я добавил:
- Виктор, давай поговорим без дураков. «Не надо песен», что ты ничего не понимаешь. Мы точно знаем, какой комплекс для прослушки ты купил в Паттайе, в каком магазине и сколько за это заплатил. При необходимости будет копия кассового и товарного чека, а также видеозапись самой покупки, сделанная камерами видеонаблюдения в магазине.
Сан Саныч взглянул на меня и тут же отвел глаза. Виктор поставил свой стакан на столик. Выглядев он растерянным… или хотел так выглядеть в наших глазах?
- Бл…ь, вы ребята кто? Коллекционеры, искусствоведы и «философы в штатском»? Я же проверялся перед тем, как в тот магазин зайти… И выбор магазина был случайным – таких там десяток или больше… И что вы от меня хотите?
- «Правду, одну только правду и ничего кроме правды», - сказал Сан Саныч. Чеканная фраза – такие пишут на века.
- Виктор, если бы не трупы, не убийства и не взорванный сегодня катер… И не сложившаяся в целом ситуация, - уточнил я, - нам было бы совершенно безразлично за кем ты наладил акустический радиоконтроль и кого круглосуточно пишешь. Вообще было бы наплевать – кто ты и что ты здесь делаешь? Отдыхаешь или работаешь…
Но ситуация очень поганая и нам всем на этом острове крупно не повезло. Но одним уже смертельно не повезло, а другие еще живы. И с непонятками надо срочно разбираться.
Снова встрял «злой полицейский» Сан Саныч:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Поэтому Витя, или ты колешься… как сухое полено, и мы тебе верим, или делаем другие выводы и начинаем тебя подозревать «во всем сразу» и еще немножко больше.
Так… снова «доброму» пора на сцену…
- Виктор, у нас есть видеоролик… и хорошо видна на экране женская сумочка. Я этому эпизоду присвоил поэтическая название – «Бережное обращение с «жучками». И свидетель есть, который видел, как ты днем выходил из номера Надежды, пока она плавала в бассейне. Если будешь отрицать – можем очную ставку провести… А можем просто жучки собрать… там, где они обычно не водятся.
В комнате повисла тишина… («Э-э… «злой»! Ты уснул что ли? Твой выход… Молчит «злой»… не слышит мои мысли? Потерял нить разговора или вдохновение пропало? Придется «доброму» продолжать свои речи и «пряником манить»).
- Виктор, у меня есть версии… по поводу того, что ты здесь делаешь… И если мы услышим правду, то можешь рассчитывать на нашу помощь. Я расскажу тебе про конкретного человека то, что ты сам никогда не узнаешь… Информация - «без дураков» - эксклюзивная… и надеюсь, что она облегчит тебе принятие решений.
Виктор думал, я затаил дыхание – лишь бы сейчас Сан Саныч не влез и не испортил игру.
- Хорошо, - сказал Виктор, - договорились. Но на равных условиях. Вы тоже о себе расскажете. Что вас интересует?
(Молодец! Мне нравится этот парень, - подумал я. - Изящная попытка узнать, что же мы сами-то знаем. Классическая методика.)
- Давай с самого начала, - сказал Сан Саныч, - ты действительно директор и владелец екатеринбургского агентства маркетинговых исследований.
- Да.
- А конкурентной разведкой агентство занимается? - продолжал Сан Саныч.
- Иногда.
«Точно молодец! – я мысленно восхищался Виктором. На два развернутых вопрос дал ответы – по одному слову. Ну, что же пора и мне несколько вопросов задать».
- Виктор, сотрудники агентства пишут научные статьи или обзоры?
- Нет… у нас другие задачи.
(Молодец! Но ответил с замедлением)
- Сколько глубинных интервью в год проводится твоими сотрудниками? Примерное число…
- Не помню… «Не царское это дело – прикажу отрахают» … Я – директор! Другие этим занимаются.
(Отлично! В ход пошли «шутки юмора». От конкретики уходит).
- Агентство оказывает детективные услуги?
- Бывает…
- Какова доля детективных услуг в доходах агентства?
- Не помню…
- Директор и владелец агентства не помнит о доходах агентства?
- Не помню точно…
- Самому не смешно?
- Да у меня зам. по экономике за этим смотрит. Мое дело - общее руководство, контроль и все такое. Главное, чтобы деньги за работу нормальные шли.
(Молодец. Думает, что выкрутится. Но ответы стали многословнее. Однако, продолжим… Усилим темп… Лишь бы Сан Саныч не вмешался).
- Виктор, а до того как создать агентство маркетинговых исследований, ты чем занимался?
- Был инструктором физической подготовки в управлении налоговой полиции. Точнее, начальником отдела физической подготовки.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Любишь рукопашку? Сейчас занимаешься? В соревнования участвуешь?
- Да. Руковожу спортивным клубом... на общественных началах. Иногда на соревнования езжу – не сам выступаю, судейством занимаюсь.
- Виктор, давай подведем промежуточный итог. Я верю твоим словам, что ты владелец и директор агентства маркетинговых исследований. Верю, что любишь рукопашку, участвуешь соревнованиях, что руководишь спортивным клубом на общественных началах. Подтверждением является, что ты в прекрасной физической форме – с террасы видел, как ты в море плавал – очень впечатляет. Верю, что агентство занимается конкурентной разведкой и оказывает детективные услуги. Я ничего не пропустил?
- Вроде бы ничего…, - ответил Виктор, явно ожидающий подвоха с моей стороны. Сан Саныч молчал, видимо понял, что его помощь пока не нужна.
- Отлично! Еще вопрос – много в агентстве работает бывших сотрудников милиции-полиции, разведки, контрразведки и прочих силовых и специальных структур?
- Ну, есть, конечно, они все хорошие работники, бывшие офицеры. На них можно положиться в серьезных делах.
- Прекрасно. А теперь скажу, чему я не верю. Пойдем по пунктам. Не верю, что инструктор по физической подготовке – а я бы уточнил – «по боевой и физической подготовке», даже бывший начальник отдела, после увольнения из управления налоговой полиции самостоятельно создает и раскручивает агентство маркетинговых исследований. Формально ты владелец и директор, но реально бизнес делают и руководят другие люди. И поэтому агентство процветает, пока номинальный директор занимается рукопашкой, ездит на соревнования и руководит делами спортивного клуба. Маркетинговые исследования – это лишь вывеска. Основной доход приносят конкурентная разведка, детективные услуги и бизнес-шпионаж. Реальные владельцы не желают светиться - причины могут быть самыми разными, в том числе – то, что они еще носят погоны, возможно с генеральскими звездам, и занимают высокие посты. Скажи в чем ущербность моих выводов?
- А почему ты решил, что агентство процветает? Я про это ни слова не говорил…
- Ты же хвалил своих работников! Будут классные специалисты за гроши работать? Или ты им зарплату задерживаешь, чтобы в отпуск съездить? Мы-то знаем, сколько вот здесь неделя отдыха стоит?
- Кстати, а ты сам-то, бедный пенсионер, на какие деньги сюда приехал?
(Ага, стадия «встречной атаки» началась «вопросом на вопрос». Молодец!)
- А вот тут нет загадки – дочь подарок сделала. Работает в одной крупной северной нефтегазовой компании и на очень хорошей должности. Это первое. Есть еще и второе – с чего ты взял, что я – «бедный пенсионер»?
- Слушай, ты реально кто? Чем по жизни занимался?
(Опять вопросом на вопрос. Ну, что же – я и сам так могу).
- А сам что про меня и Сан Саныча думаешь? Включи логику…
- Не разведка… и не менты. Да и на особистов не похожи….
- Виктор, «все мимо»… Не знаю, как Сан Саныч, а я даже в Советской армии не служил. В российской, впрочем, тоже не служил. И в ментовке не пахал и в КГБ не работал. Я вообще к спецслужбам никогда никакого отношения не имел. Хочешь верь – не хочешь н верь. Но пусть отсохнут мои яйца, если я вру.
Я действительно сказал Виктору правду и поэтому «не рисковал» своими половыми органами. А то, что десять лет всё же носил мундир, так про это зачем говорить, если никто специально не спрашивает?
- А навыки откуда?
- Какие навыки?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Допрашивать?
- Сан Саныч, а Виктор-то шутник смеется он, друг мой, над навыками общения, обычную беседу допросом называет.
(Пусть ещё задумается – кто мне друг – он или Сан Саныч?)
- Виктор, я же тебя предупреждал – не считай ты его дураком. Сам он дураком может сколько угодно прикидываться – да вот Бажена его таким считает, и еще подозревает, что он плохие стихи пишет. Но если ты хочешь с нами в одной команде быть и рассчитываешь на нашу помощь – «включай логику».
(А, вот теперь Сан Саныч молодец – даже про свою службу в армии ничего не сказал. И черт его поймет – носил ли он когда-нибудь погоны. И если носил – то какие? И про Бажену хорошо ввернул).
- Виктор, ты знаешь, что такое перекрёстный допрос? – задал я отвлекающий вопрос.
- Ну, в общем-то… когда двое…или трое допрашивают одного на следствии или в суде.
- Почти правильно. А как это словосочетание звучит на английском языке?
- Не знаю.
- С легкостью ликвидирую пробел твоих знаний в этом вопросе. Звучит как Cross-examination. И ключевое слово здесь – экзамен. Я почти двадцать лет студентов на экзаменах «допрашивал». Некоторые были как умные собаки – всё знали, но сказать не могли, а выпускать-то их надо... Самые яркие примеры перекрёстных допросов – это сдача государственных экзаменов, когда «перекрестный допрос» выпускника ведет комиссия из нескольких человек.
И так я «насобачился», что из 100 экзаменующихся всего тремя вопросами 99 мог «в чистую завалить». Давай пари заключим, что ты, человек с высшим образованием и богатым жизненным опытом, «целый директор» агентства маркетинговых исследований, на простые вопросы ответы дать не сможешь?
- На что спорим?
- На бутылку Hennessy: объем не менее 0,7, производство и розлив только Франция - Hennessy Paradis – или Hennessy Richard – на твое усмотрение.
Сан Саныч, услышав это просто заржал:
- Витя, заключай пари, ты человек не бедный – проспоришь и отдашь. Но ставь обязательное встречное условие – после проигрыша – твоего проигрышна - Олег тебе должен рассказать анекдот, как две группы юристов на коробку коньяка пари заключали. А я буду рефери! Ты мне веришь?
- Ладно, - немного подумав сказал Виктор, - сегодня уже некуда спешить, заключаем пари на твоих условиях, но с обязательством рассказать анекдот. Сан Саныч, разбивай!
(Это тебе спешить некуда, потому, что ты не хочешь «колоться» и рассказывать о своих делах – вот и тянешь кота за уши. А у меня ситуация другая – но попробовать дожать тебя надо сегодня обязательно, а для этого подойдут и простые методы интеллектуально-эмоционального воздействия… Чтобы не считал ты себя самым умным и самым хитрым – все это мгновенно пролетело в моей голове).
Мы пожали руки друг другу, Сан Саныч символически «разбил» рукопожатие.
- Первый вопрос: Каждый ли человек в России имеет право на жизнь?
- Каждый, даже я знаю, что это в Конституции записано.
(Класс! Как ты парень сам подставился… на этой теме я тебя точно дожму – легко, просто и даже с изяществом).
- Отлично, что ты знаешь Конституцию – пригодится. Да, в статье 20-й написано «Каждый имеет право на жизнь». Пять хороших слов… Но там же – в Конституции – чуть ниже написано «смертная казнь разрешена за совершение тяжких преступлений». Так значит ли это, что не каждый имеет право на жизнь»? Поэтому вопрос простой – каждый

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

или не каждый в России имеет право на жизнь?
- В России нет смертной казни с 1993 года – это я точно знаю. Тут ты меня с толку не собьешь!
(Ага, значит он всё-таки боится, что в других вопросах я могу его сбить с толку… Это хорошо).
- В России действует мораторий на исполнение смертных приговоров, но это не означает, что приговоры не могут выноситься. Как высшая мера наказания смертная казнь в России не отменена и об это прямо написано в Конституции. А это значит, что не каждый имеет право на жизнь.
- Витя, - в разговор опять вмешался Сан Саныч – возвращаясь на автобусе с реки Квай, я с ним заговорил про эвтаназию и аборты – никогда в жизни на эти темы у меня не было столь интересной беседы... Особенно про запреты на самоубийства в раннем христианстве с их экономической основой, и указы Петра Великого про позорящие наказания… А некоторые части постановление ЦИК и СНК СССР 1936 года «О запрещении абортов» он наизусть цитировал…
- Сан Саныч, не отвлекай, а то Виктор решит, что мы ему «информационную перегрузку мозга» устраиваем.
- Ну, что Виктор, продолжаем?
Виктор молча кивнул.
- Вернемся к Конституции. В России есть три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная. Но к какой ветви власти относится Президент?
- К исполнительной – под ним правительство, министерства и губернаторы.
- Согласен. Но разве представитель исполнительной власти занимается законодательной деятельностью? А наш Президент законы, принятые ГосДумой и одобренные Советом Федерации, подписывает. А это, согласись, уже законодательная деятельность. И соответственно, законодательная ветвь власти.
- Да, пожалуй… как это про это я раньше не думал…
- Но Президент еще осуществляет функции судебной власти…
- Да ладно… тут ты мне лапшу на уши уж точно не навешаешь – суд у нас независим и президент никого не судит…
- Согласен и про независимый суд, и про то, что президент сам никого не судит. Но Президент назначает федеральных судей – а это функции судебной ветви власти… Кроме того, в России только Президент может помиловать осужденного… И это тоже относится к судебной власти.
Виктор заметно помрачнел. Оно и понятно – кому охота дураком выглядеть… даже в собственных глазах. Но какой черт его за язык дернул? Не ляпнул бы про Конституцию, мне бы сложней было.
- Ну, и третий вопрос – про любовь. Упоминается ли в действующей российской Конституции слово «любовь»?
На Виктора было жалко смотреть. Нужный уровень подавленности почти достигнут. Я его понимаю, – скажи «да, упоминается» - Сан Саныч может заржать и скажет, что Конституция, это не любовный роман или еще что-нибудь в таком же духе. Скажи «нет» - тоже может начать подколки про «брак по любви» и семью, родителей и детей.
Сан Саныч опять захохотал и увидев наши взгляды, пояснил:
- Старый советский анекдот вспомнил – «лекция со слайдами про любовь»…
Виктор решился и уверенно сказал:
- «Нет такой буквы»… в смысле слова «любовь» в российской Конституции нет.
- Ошибаешься ты, а значит пари полностью проиграл. В Преамбуле Конституции есть слово про любовь. Цитирую фрагмент по памяти: «чтя память предков, передавших нам

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость».
(Вот так, уважаемый супермен… А теперь, пока ты не очухался от интеллектуального поражения, вернемся все же к делам нашим скорбным).
-Так развлеклись маленько и пора к делам возвращаться. Виктор, в чем суть твоего задания и что ты должен был сделать на этом острове? И не виляй – я слушал твой телефонный разговор на яхте, когда выходили из Паттайи.
(Люблю великий русский язык за его многозначность. Слова «я слушал твой телефонный разговор» можно истолковать и как то, что я оказался случайным свидетелем фрагмента разговора, и как то, что я сразу контролировал его переговоры или позднее слушал в аудиозаписи. С учетом того, что Виктор сам здесь наладил акустический контроль, скорее всего, сейчас он будет думать по второму варианту. Но может и сообразить – зачем спрашиваю о задании если сам слушал его разговор.).
И Виктор раскололся… или пустил в ход «домашнюю заготовку», надеясь убедить нас своим «расколом» и ввести в заблуждение?
- Наша фирма, - начал Виктор - действительно проводит маркетинговые исследования… но только для маскировки. От таких заказов мы не отказываемся, чтобы не расшифровываться, но и не рекламируем этот вид услуг. Если заказы случайно приходят, то мы их тут же передаем на исполнение одной «дружественной структуре». Основной бизнес – промышленная разведка и контрразведка по заказам… «крупных структур»… и соответствующий вид детективных услуг. Хотя иногда занимается и «классикой» - прошлый год искали пропавшую дочь регионального олигарха.
Ты правильно угадал – я номинальный директор. Сначала план организаторов был другим… изначально люди намеревались организовать серьезное детективное бюро, которое должен был возглавить генерал ФСБ в отставке, бывший начальник одного областного управления. Но тут случилось непредвиденное – он в Алжир съездил с молодой любовницей, видимо там «по жаре» перенапрягся с ней, вернулся и через несколько дней умер от сердечного приступа. Вот тогда и запустили в дело заготовку «Агентство маркетинговых исследований». Спортивный клуб, которым я руковожу – закрытый. Туда незнакомые люди не ходят – только свои и некоторые действующие офицеры. Тренировки им провожу «без дураков».
Неделю назад поступил неожиданный заказ – проконтролировать тайные предварительные переговоры о слиянии двух холдингов. Но «слияние» - это красивые слова. На самом деле одна структура на выгодных для себя условиях должна была просто «заглотить» другую. Цена вопроса «меньше миллиарда евро»… меньше «очень не на много». Но у нас проблема – всю люди заняты в других проектах. Реально некому было поручить – это ведь не бухгалтера из отпуска выдернуть. И от заказа отказаться нельзя – уж слишком «серьезные люди» попросили помощи…
Пиво будете? – спросил Виктор, открывая бутылку. Мы молча подставили свои бокалы.
(А вот этот момент надо будет потом обдумать – почему он прервал рассказ? Что-то на ходу решил изменить или о чем-то промолчать?)
- Заказчики знали, кто с одной стороны поедет на этот остров, - продолжал Виктор. - Но вот кто приедет с другой стороны было неизвестно. Знали только, что этот человек готов «сдать интересы фирмы» и предварительные переговоры здесь должны были пройти о его «личных условиях». Не исключался вариант, что человек приедет не сам, а вышлет представителя – доверенное лицо с четкими инструкциями до каких границ можно торговаться. Условия на острове для таких переговоров идеальные – народу мало, а мест для тихой беседы много. А если скал для уединения не хватит, так можно в море вдвоем на лодке выйти и уже не один жучок не поможет.
Короче, решили послать меня, хотя, конечно, знали, что опыта оперативной работы у меня

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

нет. Все всё понимали, но уж так «карта легла» – либо я сюда лечу, либо вообще некому будет даже попытку сделать. Приказ был простым – «Сделай, что сможешь и будь что будет», а инструктаж - подробным. В конце концов тут должны были согласовать только «условия предательства», а это не самое важное. Основные переговоры настоящие профессионалы будут контролировать. Если я отсюда ничего не притащу, то это затруднит работу, но не смертельно. Сумею что-то узнать – спасибо скажут. В общем, «командировка с приятным отдыхом и без серьезных обязательств». Кто же мог подумать, что тут смерть разгуляется...
Виктор помолчал, а я для себя сделал мысленную отметку – почему он опять сделал перерыв? Ждет наших вопросов? Или дух решил перевести? Или опять сюжет на ходу перекраивает? Лишь бы Сан Саныч промолчал. Мне нужна тут «мхатовская пауза», хотя я сам сейчас ничего не говорю.
Виктор отхлебнул пива и продолжил:
- Вылетел я не из Екатеринбурга, тайно… слежка со стороны «заинтересованных лиц» не исключалась. Поэтому и оборудование для прослушки не тащил с собой «через три границы», а в Паттайе купил в последний вечер. И всё равно влип… раз вы это узнали.
Виктор посмотрел на меня, еще отпил пива и сказал:
- Ты знаешь, что в последний момент меня предупредили, что первый представитель не прибудет на остров. Что произошло – не знаю… может внезапно дизентерией заразился… может помогли аллергии обостриться, а может быть вообще чистая случайность произошла.
(Почему он так часто пьёт пиво? Сохнет во рту потому что врет? Или выигрывает время для обдумывания дальнейших слов? – размышлял я, глядя на Виктора. - Вазомоторные реакции в норме, то есть без сильных видимых проявлений. Тело расслаблено, когда не держит бокал руки спокойно лежат на коленях... Но ведь он же опытный рукопашник, а значит уверено владеет своим телом).
А Виктор тем временем продолжал свой рассказ:
- Дополнительной информацией было то, что на второй стороне переговоры должна будет проводить женщина. И я уже вздохнул с облегчением, но тут услышал, что и первый представитель мог послать своего «гонца» - чтобы «успокоить, заверить, а может быть аванс выплатить». И что «второй гонец» тоже мог быть женщиной. В общем на острове я должен был «бдить», «вычислять и контролировать». И ни хрена у меня до сих пор не получилось – никого вычислить не могу, хотя и баб вроде немного и у всех у них жучки. На вас микрофонов не хватило – уж не обижайтесь.
(Опять шутит… это хорошо. Осознание, что к тебе применяют отвлекающий момент, это всегда интересно.
Верил ли я Виктору? Конечно, верил – всё, что он сказал полностью укладывалось в картину, которую мы нарисовали. Он ее только раскрашивал красками деталей и подробностей. Но еще была мысль – а не услышал ли я «прекрасную городскую легенду» из славного града Екатеринбурга? И не заглотил ли блестящий крючок отличной дезинформации? Как вариант: Виктор «складно прозвонил» - а я, честный лох, с удовольствием все схавал… Ладно потом обсудим это с Сан Санычем и сам еще подумаю.
- Я всё сказал…Теперь жду ваших слов, - Виктор с видимым удовольствием допил свое пиво.
- У нас не только слова – у нас картинка есть. Я сейчас к себе схожу за бумагой, а Сан Саныч еще пиво принесет. Потом, поглощая пенный напиток, мы окажем тебе скорую информационную помощь. Не закрывай дверь – сейчас вернёмся.
Мы вышли, переместились на безопасное расстояние, и я тихо сказал Сан Санычу:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Пиво неси и быстрой возвращайся. Пока Виктор не успел всё проанализировать, надо еще кое-что у него узнать. Если вернёшься раньше меня – начинай неторопливый рассказ про «Любу-Надежду» но про имя, возраст и красоту пока ничего не говори… и без подробностей, касающихся меня. Короче, отвлекая его внимание, не переусердствуй при изложении «сухой информационной справки о бизнес-карьере». И жди меня.
- Умеешь ты предельно простые задания ясно формулировать. А может ты все-таки шпион? А? Как это было бы интересно, - Сан Саныч даже зажмурился от удовольствия. Но мастер-класс был отличный – мне самому захотелось изучать и философию, и логику, и методики перекрестных допросов, извини, оговорился – практику приема экзаменов. Ты там что залепил ему про кассовый чек при покупке прослушки?
- Я же не сказал Виктору, что кассовый чек у меня в кармане – он это сам додумал. Я всего лишь имел ввиду, что потом… при острой необходимости у твоего приятеля из магазина копию чека получим. Вот и всё – «простенько и со вкусом». Я всем советую – никогда не лгите, люди сами всё за вас придумают. Сам только так и делаю. Теперь «про твою мечту» - если мозг занять больше не чем, поработай над версией «Олег Петрович - престарелый шпион на экзотическом отдыхе». Но про пиво не забудь… Всё пошли. Я тоже мигом вернусь…
Но мигом не получилось…

Глава двадцать третья

Очень поздний вечер третьего дня.
Об искусстве заключения вынужденных сделок

Джентльменское соглашение –
это сделка, условия которой
не потрудились изложить
на бумаге оба партнера.
Из печальных воспоминаний
старого адвоката

Выпитое пиво давило не только на мозг, и зайдя в своей номер первым делом я отправился в туалет... Потом, уже намыливая руки, услышал стук в дверь. «Черт возьми, Сан Саныч, – тебе надо к Виктору торопиться, а я сам найду к нему дорогу, - подумалось мне, когда взялся за дверную ручку. Но это была Ольга…
- Я тебя давно жду, а ты где-то пропал. Я уже беспокоиться начала… Слушай, мне надо тебе кое-что срочно рассказать.
Господи, как это было сейчас не кстати – «время летело, клиент остывал» - всего несколько лишних минут… и «психологическая готовность» Виктора к сотрудничеству могла испариться… При условии, что она вообще у него была... Ах, Оля, Оля, как ты мне сейчас мешаешь… но всё это я тебе, конечно, не скажу…
- Гордость и тщеславие, расширяющееся мужское самолюбие, мощное самолюбование сейчас взорвут меня изнутри, а плачущая от счастья душа, взлетит в ночное небо как тайские фонарики кхой. И всё это только потому, что красивая девушка Оля беспокоилась за меня…
- Да ну тебя… я серьезно, а ты… До последних слов не могла понять, о чем же ты сейчас сказать собирался? Где так красиво говорить научился? Тоже в глубокой юности на бедной городской окраине среди провинциального плебса… слушая ранее судимых? Неприкрытое ехидство звучало в ее голосе... Во мне же «плескалось пиво»… И я завелся

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«с пол-оборота»:
- Милая девушка, если бы ты знала, какие люди живут на городских окраинах в провинциальных городках России… Как иногда за обеденным столом вспыхивают споры на английском языке, а потом - в запале - собеседники неожиданно переходят на французский и немецкий, при этом каждый понимает другого… Как раскрывают люди большой и толстый энциклопедический словарь, изданный в Лондоне в 1907 году, как бережно перелистывают его цветные иллюстрации, защищенные матовой папиросной бумагой… Как вечером слушают фортепьяно и скрипку, а по ночам всматриваются в комбинации мад джяна … Но вам, надменным москвичкам, это не известно… И даже если бы случайно вы стали этому свидетелями, то всё равно ничего не поняли бы… и не осознали в надменности своей…
Ольга молчала… Потом промолвила:
- А ведь ты это не выдумал… Ты словно описывал картинку, заглянув куда-то в свое далекое прошлое… У тебя было такое выражение лица… и голос…
(Черт возьми, от усталости становлюсь раздражительным и сентиментальным, - укорил я себя, - а ведь задача-то простая – любым способом отделаться сейчас от девушки и вернуться к Виктору и Сан Санычу. Как бы он там не напортил чего-нибудь…).
- Слушай, - сказал я решительно, - мне надо завершить небольшой разговор. Клянусь, буду стараться закончить его как можно скорее. А чтобы у меня был мощный стимул для ускоренного возвращения – жди здесь. Зная, что ты одна скучаешь, мне будет очень стыдно задерживаться без нужды…
- Ты и стыд – понятия не совместимые, - засмеялась Ольга, - и как тебе жены выдерживали?
- Увы, не выдерживали… поэтому систематически разводились со мной… и оставался я на несколько лет печальным и одиноким… до следующей жены…
- Ладно, давай ключ, я схожу к себе и потом вернусь сюда. Беги уж… а то на месте подпрыгиваешь от нетерпения… Вот ты бы ко мне так рвался…
Захватив листок со сканом паспорта Надежды Владимировой, я вернулся в номер Виктора. Хвала Всевышнему, Сан Саныч ничего не испортил. Он как-то сумел растянуть свой рассказ надолго и при этом ухитрился не сказать больше, чем надо. Виктор слушал его внимательно. Я сел в кресло и положил на столик свернутый вчетверо лист бумаги.
- Просветите отсутствовавшего до какого момента интересной истории вы уже добрались?
- До третьего замужества нашей героини, - сказал сан Саныч.
(Вот орел! – мысленно восхитился я, - так долго «жевать» три строчки краткой информации, пока я от девушки пытался отделаться. Наверняка, он классный переговорщик…).
- Виктор, я предлагаю ещё поменять «слова на слова». Мы тебя выслушали, ты – нас. Как пишут в официальных сообщениях «стороны выразили глубокое удовлетворение достигнутыми результатами и в дальнейшим намерены расширять сотрудничество».
(Грузи его словами, грузи, - мысленно подстрекал я сам себя, - предложение должно быть неожиданным. А вдруг да получиться…)
- Предлагаю развивать сотрудничество на новом этапе и от вербальной стадии перейти к передаче материальных объектов в порядке дружеского обмена. Короче, ты нам даешь аудиокопии всех материалов прослушки, а мы тебе – этот листок с дополнительными пояснениями. Кроме того, в качестве бонуса – «ну, совершено бесплатно, то есть даром» - я излагаю идею проверки – в твоих интересах - одной милой дамы. Проверку можем провести завтра вечером.
Виктор опять задумался. Я выразительно глянул на Сан Саныч, он всё понял и мгновенно

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вступил в торг.
- Витя, не жмись – может быть, мы там услышим что-то такое… на что ты, исключительно по недостатку информации, просто не обратил внимание. А потом втроем все обсудим… «включив логику».
(И опять Сан Саныч «на лету из ствола в тарелочку попал», - с одобрением подумал я). И добавил уже вслух:
- Как говорит старинная русская поговорка в современном изложении «Одна голова хорошо, а три с половиной лучше».
- Ну, про три головы мне понятно, а половина чья? - Виктор косо усмехнулся, - Женская?
- Женоненавистник, - проворчал Сан Саныч, - не слышат тебя воинственные феминистки, а то бы заклеймили за сексизм и дискриминацию по гендерным признакам… и по судам бы затаскали.
- «Пол головы» - это образное выражение, иллюстрирующее синергетический эффект от активной детальности трех светлых голов.
- Слушай, немолодой философ, ты случайно на курсы красноречия и ораторского мастерства не ходил? – интонацию, с которой Виктор задал этот вопрос, я определить не смог, но он явно хотел меня задеть.
- Ходил, - солидно ответил я, - как могут быть хорошие курсы без живого лектора. Более того, я после этого для слушателей даже учебное пособие по риторике написал, но, правда, в соавторстве.
- Бл…ь, да с вами даже пошутить нельзя… в разговоре, как на минном поле, осторожность надо проявлять…
(Ты мне зубы не заговаривай – понимаю, размышляешь как правильное решение принять, подсчитываешь выгоды и возможные убытки. И глазом косишь на мой листочек). Но вслух я сказал совершенно иное:
- Виктор, время позднее, а у меня еще одна встреча назначена. Давай решать, и путь твое «да» будет «да», а твое «нет» будет «нет». Ибо всё остальное от Лукавого.
- Умеешь ты, Олег Петрович, уговаривать. Договорились. Давай листок.
- Отличное решение принятое в надлежащий срок. Сбрасывай файлы на телефон Сан Саныча, а я, пока перезапись идет, изложу детали.
Виктор встал, чтобы достать аппаратуру из чемодана, а Сан Саныч за его спиной округлил глаза и начал активно, но молча жестикулировать.
(Ага, ты тоже на свой телефон нашу беседу пишешь. Молодец! Но так надо – сейчас у меня миг невиданной щедрости. Ты же первый записи прослушаешь. А мне этой ночью, похоже будет не до чужих разговоров – я надеялся, что Сан Саныч на моем лице прочитает хотя бы половину текущих мыслей).
Жестами кое-как я успокоил Сан Саныча, пальцем показав ему на свой телефон. Он понял, что я тоже пишу разговоры с первой минуты и немного успокоился. Все это заняло несколько секунд, пока Виктор брал магнитофон из комплекта прослушки. После начала копирования аудиофайлов, Виктор вернулся на свое место.
- Держи и смотри внимательно, - сказал я ему, подавая листок. - Понятно, что розыскников из вас не готовили, но очень надеюсь, что, хотя бы основы габитологии преподавали. Ну, на самый худой конец, учили использованию словесных портретов, проверке документов и анализу фотографий разыскиваемого лица. Не торопись делать выводы, включи логику.
Виктор молча долго и тщательно изучал изображение и паспортные данные. У меня сложилось впечатление, что он старался выучить текст наизусть. Ну, что же и ему пусть пойдет на пользу моя невиданная щедрость.
- Листок оставь себе – для меня это уже вчерашний день, в смысле отработанная версия.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Приложишь к отчету – вдруг твоим коллегам пригодится.
По доброте душевной я промолчал о том, что в моем телефоне есть фотокопия, а при необходимости на компьютере Вана скан паспорта еще распечатаю. Полагаю, что эта информация могла бы обесценить мой подарок в глазах Виктора.
- Похожа. Чертовски похожа, – наконец сказал Виктор. - Если бы ты не предупредил о ненужности поспешных выводов, а Сан Саныч не рассказывал о карьерном росте пока неизвестной мне личности, сам бы не догадался - даже если бы паспорт увидел. У нее отличная легенда - «усталая женщина, приехала на отдаленный остров отдохнуть и дописать книгу». Я ко всем присматривался: Инна и Надежда в первой паре, Бажена и Ольга– во второй. Соответственно и скудный запаса жучков так распределял.
- А почему Инна на первом месте была? – с интересом спросил Сан Саныч.
- Понимаешь, мне показалось ее поведение талантливой игрой. А потом она пропала. Кстати по исчезновению Инны есть рабочие версии?
- Есть рабочие версии, - заверил его я. - Но сейчас давай о Надежде поговорим.
- А как ее зовут на самом деле?
- Мне она известна как Любовь Васильевна Костырева. Отдельные факты ее биографии торчат, как Курильские острова над водой, а вот вся остальная биография – «под водой». От усталости я образно выражаюсь, но ты меня поймешь.
И я подробно пересказал Виктору, все, что знал о Любе Костыревой и закончил словами:
- На сегодняшний день она заместитель генерального директора крупного издательского холдинга, член совет директоров нескольких очень крупных предприятий. Снова разведена. Полагаю, что это «твоя цель».
Время было позднее. Мы еще поговорили, как будем действовать завтра и разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи. Мне показалось, что Виктор с облегчением закрывал за нами дверь.
- Пойдем пошепчемся на краю скалы, - предложил Сан Саныч. Я молча кивнул, хотя сил уже не было. Предыдущая ночь была веселая... Долгие сексуальные забавы в большом количестве хороши лет в сорок пять или в пятьдесят лет, но потом требуется отдых. А нынешний день был напряженным, и вечер не очень отличался ото дня. Да, я помню, что «свистеть - не мешки ворочать» , но «свист свисту рознь».
- Что думаешь, - спросил Сан Саныч, когда мы остановились в таком месте, где нас никто не мог подслушать без специальной техники. – Правду Виктор говорил или нет?
- Может быть и правду, но не всю, - да и ты бы вряд ли на его месте вывернулся до донышка. Проверить мы его всё равно не можем. Но результаты есть – прослушай, всё что списал – может действительно что-то интересное мелькнет… В то, что он причастен к смертям на острове я сильно сомневаюсь – похоже, что задачи у него действительно другие. Пока будем работать вместе – нам его навыки завтра точно пригодятся. Всё, пошли по номерам… спать охота, сил нет.
- К Ольге спешишь? Как у тебя с ней?
- Ты о чем?
- Брось, Петрович, мы оба уже давно не мальчики. Видел я ее сегодня утром – на лице блаженство лучилось. Помнишь - «После тщательно измятой постели, женщина выглядит хорошо отдохнувшей»? Эти дни за всеми внимательно смотрел – и поверь, все женщины внимательно изучали и продолжают изучать не только друг друга, но и мужиков. До вчерашнего дня мы с тобой котировались не очень высоко, видимо из-за возраста, а Костик вообще во внимание женщинами не принимался. Основной интерес – был сосредоточен на супермене Викторе.
- Сан Саныч, завидовать грешно, - вяло пробормотал я, усталость нахлынула так, что не хотелось ни говорить, ни двигаться. – Включи обаяние, да сам приголубь кого-нибудь…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Или с Виктором переговори – чтобы не было пересечения сексуальных интересов. Ладно, всё оставляем на завтра… Потащились по домам.

Глава двадцать четвертая

Ночь между днем третьим и днем четвертым.
Короткий ночной разговор в состоянии сильной усталости

Жизнь прекрасна... Если не вспоминать
о прошлом и не думать о будущем.

Из моих размышлений перед первым разводом

Видимо Ольга вздремнула, пока я развлекался беседой с Виктором. Вид у неё был заспанный, и открыв дверь на мой стук и голос, она откровенно зевнула.
- Теперь я точно знаю, что ты старый импотент – красивая девушка в постели ждет, а ты где-то шарахаешься…
Разговаривать не было сил, но и молчать тоже было неловко.
- Спасибо, добрая душа за то, что критика твоя актуальна и конструктивна. Что там в баре осталось?
- Я вообще к твоему бару не подходила.
Сбросив туфли у порога, я дотащился до бара, взял коньяк и вино, потом добрался до холодильника и залпом выпил бутылку холодной минеральной воды. Стало чуть-чуть легче. Хорошо еще, что я пива мало выпил… Ольга стояла и молча смотрела на меня.
- Присядь, красивая девушка с доброй душой, пока я очухиваюсь, - сказал я, снял очки и прикрыл глаза.
Ольга молча села в кресло. Мысли мои продолжали крутиться вокруг услышанного вечером, но ничего интересного в голове не рождалось. Ладно, как правильно говорила Василиса Прекрасная… - или Василиса Премудрая? - «утро вечера мудренее», завтра и будем разбираться. Тем более, что Сан Саныч может быть что-то интересное услышит в аудиофайлах, добытых честным трудом и без применения насилия.
Открыв глаза через пару минут, я увидел, что Ольга внимательно смотрит на меня.
- Что-нибудь выпьешь? Вино? Коньяк? - преодолевая усталость спросил я.
- А ты что будешь?
- Как всегда вопрос на вопрос… Я, пожалуй, немного коньяка…
- Тогда я тоже…
Мы молча выпили по рюмке.
- Я хотела тебе про Костика рассказать…
- Дорогая, если это не вопрос жизни и смерти, то черт с ним, с Костиком… Устал я… Ты вздремнула?
- Немножко… пока тебя ждала…
Наступило мгновение, когда надо было принимать решение – нанести Ольге «смертельную обиду», отправив девушку в ее номер, или забираться вместе в постель с риском продолжения сексуальных забав. Эх, «Где мои семнадцать лет? На Большом Каретном…».
Была бы «смертельная обида»? Была бы, хотя может и не до конца «смертельная»…
Женщины таких вещей не прощают и не забывают, даже если потом с пылом утверждают

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

обратное… Были у меня печальные прецеденты.
До прихода яхты еще три дня, а ведь другие опасности не исчезли и надо было разбираться с остальными «непонятками»… и еще «решать с Инной»…
Похоже, что Ольга что-то поняла в моем поведении и в раздумьях… или уловила извечным женским чутьем. Она как-то напряглась и чуть-чуть – совершенно не произвольно – надула губки… Вот он – «момент истины»… И не бык, и не матодор не имеют к этому никакого отношения. Всё сейчас зависит только от меня…
Через полчаса, в изможднии мы откинулись на подушки. Потом Ольга повернулась и прошептала в ухо:
- Я думала, что ты даже шевелиться не мог… с трудом рюмку коньяка поднял… И вдруг…
- Да будет тебе известно, что хороший коньяк в умеренных дозах оказывает на мужской организм стимулирующее воздействие… почти такое же, как красивая женщина. А красота женщины - с коньяком в придачу - вообще творит чудеса со старыми импотентами. Я сейчас готов горы свернуть… прямо во сне!
- Тьфу на тебя… Запомни, что дважды повторенные шутки про старых импотентов уже не кажутся мне оригинальными. Другим можешь это по-прежнему говорить. Пусть мне все сочувствуют…
- А что – все уже знают про нас?
- Конечно, и пусть вместо зависти испытывают ко мне сочувствие.
- Полностью с тобой согласен, шутить не буду, повернись ко мне спиной и будем спать…
И обняв Ольгу, я провалился в глубокий сон. Последняя мысль была проста, как три копейки: «Плевать на завтрак, надо отоспаться».
И может так всё и получилось, если бы рано утром Виктор не обнаружил тело Костика…

Глава двадцать пятая

Утро четвёртого дня.
«Каждый счастья своего хозяин, доли своей кузнец»

Не нужно питать глупых иллюзий,
это не лечится.
Юхи Инугами

Виктор пошел купаться на море и, проходя вдоль ограждения террасы, увидел, что Костик лежит внизу на скалах и не шевелиться. Прикинув расстояние вниз от террасы до тела, рассмотрев кровавое пятно под головой, Виктор сделал совершенно правильный вывод - Костик мертв. Сначала он постучался ко мне в номер, но я этого не слышал. Потом Виктор поднял Сан Саныча, и они вместе пошли к Вану, а уже потом втроем отправились на террасу. В это время уже поднялись Надежда и Бажена для своей утренней гимнастики. Увидев группу куда-то спешащих мужиков, они тоже, как позднее выразилась Надежда, не подумали «ни о чем хорошем»… двинулись за ними, а дойдя до края террасы увидели тело Костика.
Сан Саныч был настойчивее Виктора и громким стуком в дверь сумел меня поднять с постели. Чертыхаясь (не мог с спросонья не мог найти свои плавки или шорты), я обернулся полотенцем и открыл дверь.
- Костик мертв, - тихо сказал Сан Саныч, - лежит на камнях под террасой. Я выматерился, помолчал и сказал:
- Возвращайся, сейчас подойду.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Разбудив Ольгу, я спросил:
- Что ты мне вчера хотела сказать про Костика?
Не выспавшаяся Ольга таращила на меня глава и ничего не могла понять. Я встряхнул ее и повторил вопрос. Ольга молчала – видимо, просоночное состояние не проходило. На деликатность не было времени – встряхнув ее покрепче, я рыкнул: «Костик умер! О чем ты вчера мне хотела рассказать?
Наконец-то она проснулась и помотала головой.
- Давай про Костика в темпе и коротко. Подробности потом, - безжалостно продолжал я.
Выслушав короткий рассказ Ольги, через три минуты после этого я был на террасе.
Как и говорил Сан Саныч, тело Костика лежало внизу на скалах. На террасе столпились почти все, кто был на острове, включая отельную прислугу, державшуюся чуть поодаль. Бледная Бажена стояла чуть в стороне, отвернувшись от ограждения. Все молчали.
Я подошел и поздоровался, посмотрел вниз на труп, достал из кармана шорт телефон и сделал несколько снимков, а потом взглянул на Виктора. Он кратко доложил, при каких обстоятельствах обнаружил тело. Надо было что-то делать… Я еще раз посмотрел на скалы – как доставать тело? Сейчас начнется жара и через несколько часов труп распухнет и начнет зловонить. В это время подошла Ольга, но обращать внимание на ее состояние не было времени.
- Виктор, высотно-штурмовая подготовка в комплекс входила?
Эх, если бы вы видели, как на меня женщины смотрели! Наверное, подумали, что я слегка умом подвинулся.
И только Виктор и Сан Саныч правильно поняли мой вопрос.
- Нет, - ответил Виктор, - но у меня был 1-й юношеский по туризму. Справлюсь.
- Ван, опять нужны носилки и крепкие веревки или канаты. Вроде тех, которые мы нашли…
Ван понятливо закивал и что-то сказал на вьетнамском и еще каком-то языке. Три человека из обслуги куда-то заторопились.
- Ван, - спохватился я, - еще мне хороший бинокль нужен.
- У меня в кабинете есть, я сейчас сам принесу, - быстро сказал Ван и устремился с террасы. Тоже, наверное, решил, что у меня крыша поехала, - мысленно усмехнулся я.
Подъем тела прошел быстрее, чем я предполагал. Виктор из принесенных веревок сделал нечто вроде страховочной петли и закрепил конец за стойку ограждения. Перед тем, как Виктор спустился вниз, я отвел его в сторону и тихо сказал:
- Посмотри вокруг тела и под телом – если что-то увидишь, незаметно спрячь в карман.
После того как Виктор спустился, мы сбросили ему веревки и опустили носилки. Закрепив тело Костика на носилках, он махнул рукой, и мы втроем потянули их. Но когда переваливали носилки через ограждение террасы, чуть не уронили их вниз. Мы дернули носилки и поспешно перевалили груз. Носилки грохнулись на террасу. Кто-то из женщин глухо вскрикнул, а Бажена начала блевать.
- Да идите вы все… отсюда, - я в последний момент прикусил язык, и остаток фразы женщины не услышали. Но явно поняли, что я хотел сказать. - Отведите Бажену наверх и сами там сидите. Нет здесь ничего интересного или любопытного для женских глаз.
Потом взглянул на Виктора – он отрицательно помотал головой. Наклонившись над мертвым телом, стараясь не испачкаться кровью, я открыл один глаз Костика, потом второй – посмотрел зрачки, затем согнул руку и ногу – трупного окоченения не было.
Мало времени прошло для трупного окоченения… Обшарив карманы брюк и ничего не найдя, я разогнулся, тихо крякнул и сказал Вану:
- Пусть твои орлы тащат тело в холодильник. Где бинокль?
После того как труп унесли, я принялся в бинокль по секторам осматривать камни вокруг

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

того места, где лежало тело. Сан Саныч, Виктор и Ван молча стояли рядом. Может быть, на осмотр ушла бы куча времени, если бы не глазастый Виктор.
- Влево на 45 градусов от точки где лежала голова, метра два, - негромко сказал он.
Переместив бинокль в нужную точку, я долго смотрел на клочок бумажки, лежавший между камней. Ветер шевелил его и в любой момент мог унести в море. Потом передал бинокль Виктору. После него посмотрели Сан Саныч и Ван. Я достал из кармана шорт свой телефон и на максимальном увеличении сделал несколько снимков.
- Может достать? - Виктор кивнул на клочок бумаги, застрявший меж камней, - я спущусь.
Пока я размышлял над этим предложением, порыв ветра поднял клочок и куда-то унес.
- Да и не очень-то надо было, - сказал я, то ли себе, то ли окружающим, то ли ветру.
- Пойдемте, осмотрим номер Костика, - сказал я, и мы двинулись наверх к отелю. Что надо было искать поняли все и поэтому осмотр комнаты и вещей погибшего много времени не занял. Всё собранное в номере я сложил в три почтовых конверта с символикой отеля, которые лежали в ящике письменного стола.
Возвращаясь к бару, я увидел, что женщины о чем-то очень оживленно спорят. Когда мы подошли все замолчали. Ну, что же – придётся сейчас говорить и Костике и об Инне. Дальше тянуть нет смысла. За барной стойкой в холодильнике я взял бутылку минеральной воды и бокал. Потом вернулся к сидящим за столиками, сел, налил воды выпил и сказал:
- Каждый доли своей хозяин, счастья своего кузнец. На 99% процентов я уверен, что Костик погиб без посторонней помощи, сорвавшись со скалы в состоянии сильного наркотического опьянения. Можно один раз обмануть людей, можно долго их обманывать, но Бог всё видит. Может быть для Костика это самый лучший исход. Подробности, если есть у кого-то желание услышать их, могу рассказать позднее. Сейчас меня интересует Инна, точнее - ее исчезновение.
Мои слова произвели эффект! Надежда дернула головой, Ольга, которая всё еще отпаивала Бажену, застыла, а Бажена захлебнулась водой. Сан Саныч, Виктор и вернувшийся Ван тоже с удивлением посмотрели на меня.
- Для себя я составил ее психологический портрет – вздорная баба, которая изводит окружающих, и сама мучается. Скорей всего детство, юность и молодость прошли в бедности, а потом на голову свалилось богатство. Так случалось у людей и раньше, но в «лихих девяностых» это проявлялось очень красочно. Богатство пришло, но и страх потерять его навсегда поселился в душе. Все это осложнялось еще особенностями психики: ревность и страх потерять мужа, низкий культурный уровень. Знаете выражение: «Девушку можно вытащить из деревни, но нельзя деревню вытащить из девушки»…
Тут подала голос Надежда:
- Олег, есть такое выражение: «О мертвых или хорошо или ничего»…
Бажена вдруг закричала тонким визгливым голосом:
- Ты сволочь! Ты злой дурак! Ты… ты… - а потом разрыдалась. Ольга смотрена на меня с укоризной.
- Есть такое выражение, - согласился я с Надеждой, и даже не посмотрел в сторону Ольги и Бажены, - но кто знает его продолжение?
Повисло молчание, а потом Виктор хмуро сказал:
- «О мертвых или хорошо, или ничего, кроме правды».
- Спасибо, Виктор. Мне плевать, что по этому поводу может подумать про меня Инна или Бажена. Есть такое понятие в психологии «Значимый Другой». Для меня их мнение ничего не значит. Но скажите мне, почему вы все решили, что Инна мертва?
Сегодняшним утром сотворение эффектов у меня явно удавалось. Публика замерла.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Однако, Сан Саныч всё понял очень быстро:
- Петрович, не тяни кота за уши. Пусть народ хоть что-то позитивное услышит.
- Инна жива, и я так думаю, не потому, что ее мертвое тело не нашли на острове. Понятно, что она могла утонуть, но я в это сразу не верил. Не хотел ничего говорить, пока не придет яхта, но смерть Костика заставляет действовать. Как бы с этой истеричкой тоже не случилось что-нибудь плохое.
Я допил воду и продолжил
- Дорогие женщины, нужна будет ваша помощь – причем всех сразу. Кому-то одной из вас или мужикам Инна не поверит… может не поверить.
Тут вмешался Сан Саныч, сказав с широкой усмешкой:
- Петрович, чтобы весь народ не считал тебя дураком, как Бажена, изложи вслух свои дедуктивные мысли.
- Нет проблем, - отозвался я на этот призыв. - Первые сомнения у меня зародились при осмотре комнаты Инны. Все вещи были на месте, кроме денег, украшений, документов и телефонов. И это наводило на размышления о краже или грабеже. Потом на пляже мы с Ольгой нашли один из телефонов Инны, ее солнечные очки, сумму и шляпу. Появилась версия об утоплении. Но еще в номере Инны я внимательно осмотрел бар и холодильник. Весь алкоголь был не тронут – это понятно, Инна вообще его не употребляет, и я это помнил. Но в баре не было ничего кроме алкоголя – ни шоколада, ни орехов, ни печенья и прочего, чем набивают наши бары. В холодильнике не было ни одной бутылки воды. Позднее горничная рассказала, что днем она приносила Инне две литровых бутылки воды. Но пустой тары в номере не было – я специально все осматривал и даже проверил мусорное ведро. Полагать, что Инна все содержимое бара разом сожрала, выпила всю воду и спрятала упаковку и пустые бутылки, было бы не очень разумным. Вывод у меня был простой: Инна сделала запасы воды и пищи, и со страху забилась в какой-то угол, чтобы дождаться яхты. Думаю, что она прячется в одной из вилл, благо туда никто из обслуги отеля сейчас не ходит.
Все молчали.
- Мое предложение – все женщины вместе с Ваном идут осматривать виллы. Кричите Инну по очереди, чтобы она слышала ваши голоса. Ван будет открывать двери. Аллу Петровну не тревожьте – она еще не вышла из запоя. А мы посидим здесь и подождем вас с Инной.
Через двадцать минут Инна была найдена и «возвращена городу и миру» . Завтрак прошел в приподнятом настроении. Ко мне подошла Бажена, извинилась, поцеловала в щеку… и как-то уж очень крепко прижалась ко мне всем телом. Когда она оторвалась от меня, я увидел взгляд Ольги… и молча пожал плечами – «А я-то в чем виноват»?
Тут же подошел Ван и долго тряс мне руку… Похоже, меня никто больше не считал ни просто дураком, ни сумасшедшим.

Глава двадцать шестая

День четвертый, после завтрака.
Как правильно вводить в заблуждение…

Скрыть правду там, где это нужно, -
и благоразумно, и непредосудительно,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

тогда как солгать - в любом случае - и низко и глупо.
Филип Честерфилд

После завтрака мы с Виктором снова спустились на террасу, чтобы поговорить в тишине. Сан Сныч остался успокаивать Бажену… а может и охмурять. Впрочем, не мое это дело – оба люди взрослые, и даже половозрелые.
- Сможешь сегодня поплавать с аквалангом вокруг острова? - спросил я Виктора.
- А сейчас-то зачем, - удивился он, - я думал, что ты хотел тело Инны в море найти.
- Как проверочный вариант я не исключал и такого. Но больше интересовали остатки катера. Может быть, после взрыва не все сгорело и что-то интересное пока лежит на дне.
- Не устаю удивляться широте твоих интересов, - сказал Виктор, - а если бы сам умел плавать с аквалангом, первым бы в море полез?
- «Бодливой корове Бог рогов не дал», - вздохнул я с сожалением.
- Видел я как ты утром размышлял – не спуститься ли самому к телу Костика?
- Что сильно было заметно? – спросил я.
- После вчерашнего я теперь с тебя глаз не спускаю, а уж слушаю внимательно… как любимую девушку. Лихо ты меня вчера выжал…
- Не льсти царю. Кстати, о вчерашнем... пока никто не слышит. Скажи, а действующие коллеги услугами вашей фирмы не пользуется? Ну, так «не в службу, а в дружбу»… в ответ на ваши «просьбы». Этакий взаимовыгодный обмен, он же симбиоз.
Виктор молчал.
- Ладно, не отвечай, - улыбнулся я, - и так всё понял.
- Ты умеешь хранить тайны? - наконец спросил Виктор.
- А ты когда родился?
- В 80-м, - с удивлением ответил Виктор.
В каком месяце? – уточнил я.
- В феврале, - с еще большим удивлением сказал Виктор.
- Какое парадоксальное совпадение, - промолвил я, - именно в феврале 1980 года мне и объяснили, что такое «служебные и другие тайны» и как надо их хранить. Добрые люди студента учили «как правильно жить и работать».
- А тебе тогда сколько было, - спросил Виктор, явно в уме что-то подсчитывая, - если ты был студентом?
- Виктор, не ломай голову, - засмеялся я, - и так всё скажу. Двадцать с половиной лет… цветущий возраст… и учился тогда на четвертом курсе. Но ты меня не отвлекай от главного – когда в воду пойти сможешь?
Виктор поднял голову, посмотрел на Солнце и на море, что-то прикинул и сказал:
- После обеда освещение будет лучше, тогда и поплаваю.
- Отлично, я тогда на пляже позагораю… в тени скалы. А пока пойду вздремну часок-другой. Что-то меня наш интенсивный отдых и количество происшествий утомляет очень сильно.
Но стоило мне вернуться в номер, как пришла Ольга. «Придется попрощаться с мыслями об отдыхе, - уныло подумал я, но вслух сказал другое:
- О, звезда его очей! О, знойная девушка и мечта поэта! Предлагаю переспать до обеда – вдвоем или по одиночке. Утомлен я… чуть-чуть, но до крайности…
- Ага, герой дня боится оставаться наедине со скромной девушкой! - засмеялась Ольга. – Успокойся, я тоже хочу спать, но еще больше хочу удовлетворить свое любопытство. Отблеск твоей славы упал на меня, а вот на расспросы любопытствующих дам мне сказать нечего. Бажена рвется лично расспросить тебя наедине, чтобы было «полное понимание и удовлетворение по всем вопросам». А может быть хочет загладить свою вину невинными

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

поцелуями – так чтобы всё её худое тело чувствовалось… Сан Саныч пока ее удерживает, но на сколько его хватит? Плюнет и переключиться на обаяние Надежды. Так что смотри у меня…
- Сан Саныч правильно и мудро регулярно цитирует старика Шекспира – «О, женщины, порожденье крокодила»!
- Давай выпьем по стакану шампанского за твои успехи, и ты мне всё расскажешь.
- По утрам пьют шампанское аристократы и…
Но Ольга не дала мне закончить известную цитату.:
- Да кто же виноват, если у тебя успехи и подвиги происходят до десяти часов утра? Нет, серьезно, давай выпьем немного, поговорим, а потом спи до обеда. Если я с тобой не усну, пойду, собирать «аки пчела нектар» новую информацию. Вот - вспомнила твои слова про французов, желание Бога и женщину.
- «И создал Бог женщину – существо зловредное, но временами забавное». Ты про это?
- Не уклоняйся от темы. И шаманское наливай, - Ольга была непреклонна.
Пришлось подчиниться. Выпив по бокалу, и выслушав вопросы Ольги, я сказал:
- Друг мой, очень часто бывает, что не всё из того, что ты видишь своими глазами или слышишь ушами, отражает реальность, соответствует истине и является правдой, иди хотя бы частичной правдой или элементами истинного положения.
- Да, ладно тебе…
- Есть у меня приятель – большой шутник и оригинал. Практически никогда не врет, но так умеет говорить правду, что у самых разных собеседников – от молодых женщин до зрелых адвокатов, возникают иллюзии, практически соответствующие истине.
- Очень интересно. Правда, интересно… А, может и примеры приведешь? Для наглядности и лучшего понимания…
- Можно и примеры – это не тайна, он и сам частенько про это рассказывает. Пример номер «раз». Работал он начальником юридического отдела в городской администрации, а в обеденный перерыв успевал что-то преподавать в местном университете – какой-то мелкий спецкурс, вроде спортивного права или юридических основ физкультурной деятельности. Благо, от места его постоянной работы до университета идти было меньше пяти минут. Не помню уже всех подробностей этой истории. Вот краткая суть. Познакомился он с красивой девушкой, честно сказал ей что преподает в университете, а про работу в городской администрации промолчал. Уж не знаю по каким причинам не хотел об этом упоминать. И вот как-то раз утром - после бурно проведённой ночи - шли они по улице, на которой стояли и здание администрации и корпуса университета. И приятель, широким жестом показывая вдоль улицы, говорит: «Вон там я работаю» и показывает на здание администрации. И девушка искренне полагает, что он указывает на университетский комплекс – ибо помнит, что он преподает в университет. А на здание администрации, которое ближе, просто не обращает внимание.
- Ввел девушку в заблуждение. Видимо, по привычке. А что адвокат?
- Там была немного другая история. Приятель с большим удовольствием ее рассказывает, похохатывая над опытным тюменским адвокатом. Если я правильно помню, суть дела была такова. Приятель в суде выиграл практически безнадежное дело – юрист он не плохой. Тот адвокат был на другой стороне. Процесс тянулся очень долго, и по какой-то причине на последнем заседании адвоката не было. Короче, через несколько дней он позвонил моему приятелю с вопросами «что да как» было в суде. И представляешь – не сказав ни одного ложного или неправдивого слова, только отвечая на уточняющие вопросы адвоката, сумел мой приятель породить у него иллюзию, что это адвокат выиграл дело. Еще раз подчерку – не врал, а только употреблял такие слова и выражения, рассказывая о последнем судебном заседании, что адвокат, твёрдо рассчитывающий на

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

свою победу, поверил ему. Дословно этот рассказ я, конечно, не помню, но что-то в таком духе: «Ну, вы же понимаете, что суд должен был принять такое решение… Доказательства такие-то и такие-то были судом были исследованы… Ваши доводы были учтены… Дело сложное, у меня давно не было таких дел...». Всё соответствовало действительности – и доказательства были исследованы, и доводы адвоката суд учел, и дело действительно сложным. Но в самонадеянности своей адвокат не спросил, какое именно решение было вынесено судом или хотя бы в чью пользу оно было принято? А приятель промолчал, поскольку его об этом собеседник не спрашивал…
- Любопытные примеры. Теперь понимаю, почему, когда я отвечаю на твой вопрос «Конечно», ты всегда уточняешь – «конечно, да» или «конечно, нет».
- Ну, я по сравнению с приятелем я тупой студент… если вообще не первоклассник. Многих я удовольствием слушаю, но его – с особым удовольствием. У него таких историй «вагон и маленькая тележка».
- Про Инну я сама слышала, про Аллу Петровну и Николая Сан Саныч достаточно много рассказывал, про Костика слушать не хочу, а вот про всё остальное на этом острове расскажи.
- Злобная девушка, дай мне поспать – потом расскажу… если не умру от усталости в дни отдыха. Ложись – у нас есть целых два часа для полноценного сна.
Но опять мы уснули не сразу… Молодость ненасытна…

Глава двадцать седьмая

День четвертый, после обеда.
«Море, море, шум прибоя»…

Душа просится на море,
а тело собирается на работу…
Лаки Лучано

Любая находка ничья,
потому что сложно доказать,
что это кто-то потерял,
а не выбросил за ненадобностью…
Из курсовой работы по гражданскому праву

Виктор обедать отказался, пояснив, что с аквалангом лучше плавать на голодный желудок, а поесть он может и потом. Пока все остальные обедали, он и Ван готовили акваланг, переносили его на берег и занимались другими «нужными делами». Чуть позднее к ним присоединился Сан Саныч.
После полуторачасового сна и хорошего обеда я чувствовал себя великолепно. Отношение женщин ко мне резко переменилось в лучшую сторону, но наслаждаться успехом было некогда. На пляже я нашел место в тени, бросил туда сумку с полотенцем, телефоном и наушниками. К этому моменту Сан Саныч уже переписал на мой телефон аудиофайлы прослушки. Пока Виктор будет исследовать море, я послушаю записи.
Ван, Сан Саныч и Виктор на лодке ушли к месту взрыва катера. С берега я видел, как Виктор опрокинулся с борта спиной в воду. На берегу перед отплытием, он сказал, что на большие глубины не пойдет, по его расчетам, принимая во внимание температуру воды,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

запаса воздуха в баллонах должно хватить минут на 45-50. Он считал, что этого времени должно хватить на осмотр места взрыва катера и дна по окружности острова, благо он был не большой.
Но всё закончилось раньше…
А пока я включил диктофон и начал работать ушами и мозгами. Понимал ли я, что нехорошо прослушивать чужие разговоры? Конечно, понимал – разговоры надо анализировать, а не прослушивать - иначе это напрасный труд и трата времени. Как всегда, в таких ситуациях было много словесной шелухи, которая не давала никакой полезной информации. Бесконечная женская болтовня, среди которой время от времени появлялись «перлы», они же – жемчужины стиля. Например, после поэтического вечера Надежда сказала Ольге про Бажену: «Пьяный неликвид брачного рынка». Понравился мне фрагмент диалога Инны и Надежды:
Инна: «Я чувствую, что меня все ненавидят»…
Надежда (пьяным голосом): «Не драматизируй – только те, с кем ты знакома»…
Умные люди, особенно женщины, умеют тонко, но издевательски шутить над другими. У самого иногда получается так – правда, совершенно случайно. Один из моих бывших руководителей, как-то сказал: Олег Петрович, вот Вы скажете иногда «что-нибудь этакое» - вроде бы похвалите кого-то из сослуживцев или мне комплимент сделаете, а я потом подолгу размышляю – нет ли в этом оскорбления?
О-хо-хо… вот и я попал на запись в первый вечер (голос пьяный, рассказываю еврейский анекдот Ольге и Надежде):
«Абрам Моисеевич, шо Вы имеете сказать за старость?
- Моня, старость - это, когда из половых органов остались одни глаза. Но взгляд – твердый»!
Веселый женский смех и звон бокалов. Опять ненужный мне треп, как информационный мусор. Стоп! Еще интересный фрагмент: голос Надежды: «Что ты читаешь»? Ответ Ольги: «Как стать успешной стервой, которой все завидуют». Перед вылетом скачала с десяток книг этой авторки...».
Ну, ни хрена себе – какое чтение у современных девушек!
А, вот еще прикольный момент:
Инна - Ольге: Ты неправильно питаешься… Ольга в ответ: - А ты мне не завидуй.
Что там дальше? Сан Саныч Шекспира цитирует, правда на русском: «Любовь бежит от тех, кто гонится за нею. А тем, кто прочь бежит, кидается на шею»…
Так, а это что за суета на лодке? Посмотрел время на телефоне – с момента погружения Виктора прошло 25 минут? Что случилось? Так… Виктора подымают на борт лодки… гребут сюда… Ну, ладно, «спасибо, что живой»…
Я снял наушники, сунул телефон в карман и пошел на пирс. Через несколько минут причалила лодка.
- Виктор, что случилось? – встревоженно спросил я.
- Что-то редуктор забарахлил после того, как места взрыва катера осмотрел, сказал Виктор, - я не стал рисковать понапрасну, тем более что там нет ничего интересного. Завтра попробую еще раз – но сначала акваланг тщательно проверю.
- Правильный подход, - одобрил я его, - нам еще только аквалангиста-утопленника для полноты коллекции не хватает.
- Сплюнь и постучи по дереву, - серьёзно сказал Сан Саныч. Ван молчал…
- Ладно, давайте отдохнем, - сказал я, - а вечером праздничный ужин устроим по поводу возвращения Инны в нашу теплую компанию.
- А по поводу гибели Костика праздновать не будем? – с каким-то не понятным недовольством в голосе спросил Сан Саныч.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Сан Саныч, - ответил я достаточно жёстко, - у меня на сегодня ещё осталась одна скупая мужская слеза для демонстрации скорби и печали. Скажи мне, кто-то в Костика наркоту силой заталкивал? Нет, он сам решил покайфовать. Ну и хрен с ним! Решил полетать над скалами – лети, голубь.

Мужики смотрели на меня с удивлением и каким-то упреком.

- Да не смотрите вы на меня так, - с раздражением продолжал я, - туда ему, суке, и дорога. Если бы не сорвался со скалы, так от передоза бы умер. Я первый раз в жизни наркомана увидел в 15 лет – а это были сравнительно спокойные советские годы… застой, середина семидесятых… тогда наркомания в России была еще в новинку… И с тех пор много еще чего увидел…

Мужики молчали.

- Ладно, хватит об этом, - примирительно сказал я, - что-то разгорячился на пустом месте. Пошли наверх. Вам помочь с аквалангом?

- Иди. Сами справимся, - буркнул Сан Саныч. А Виктор посмотрел на меня каким-то странным взглядом.

Ну вот, ещё «проблема не недопонимания» на пустом месте возникла. Придется мужикам всё рассказать… Но без Вана…

Глава двадцать восьмая

День четвертый, перед ужином.
Версии, рожденные на пирсе…

Случай — псевдоним Бога,
когда он не хочет подписываться
собственным именем.
Анатоль Франс

Перед ужином я предложил Виктору и Сан Санычу снова вернуться на пирс и там рассказал то, что услышал утром от Ольги и что сам раньше читал в интернете. В моем кратком изложении (без молодежного сленга) и некоторых подробностей это звучало так. Костик, стремясь произвести впечатление на Ольгу, рассказывал, как из Москвы он летал в Лондон на концерт Билли Айлиш. Ольга кивала головой, но «не впечатлялась». Потом Костик, крепко поддав рома с колой, трепался какой у него «родак крутой мэн» - владеет контрольным пакетом акций в греческой отельной сети, а также имеет крепкие позиции в российском информационном бизнесе. Вдруг Ольга, сопоставив треп Костика со своими знаниями, поняла, что на самом деле это не «Костик» – это Тарас Христофоров. После возвращения из Лондона в Москву, находясь под воздействием наркоты, он изнасиловал десятилетнюю девочку, младшую сестру ее подруги, тоже работавшей в банке. Девочка случайно осталась без охраны – какой-то «дикий сбой» в работе службы безопасности ее отца - Ольга подробности не знала. Накануне вечером она именно это хотела мне рассказать – но я, уставший, не стал ее слушать. А Ольга, видя мое состояние, решила, что до утра может и промолчать о своем «открытии».

Будь потерпевшая обычной девочка, «Костик-Тарас» мог бы и «соскочить» с этого дела или отделаться «легким испугом» по случаю… сами знаете каким бывает наше «правосудие», если «в деле большие деньги»... Но не знала эта сука поганая, что отец девочки – крупный чеченский бизнесмен, что братья ее на Коране поклялись - «любого

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

достанем»...
Вы, парни взрослые, сами понимаете, что такое для чеченцев «клятва на Коране» и чтобы они с насильником сделали… «Костику» сегодня очень крупно повезло, что он сам в состоянии кайфа со скалы рухнул…
Дальше - моя реконструкция последующих событий, потому что Ольга сама не до конца понимает, что говорит… Не её это «профиль» - впервые в жизни с таким столкнулась.
Когда родители «Костика-Тараса» поняли, что на этот раз «бабло» не поможет и никто переговоры с ними вести не будет, когда осознали, что их самые дорогие и надежные адвокаты, не рискуя своей головой, дружно отказываются от защиты «мальчика», то «сыночку» спрятали сначала на Украине, через несколько дней по чужому паспорту через Турцию перебросили в Таиланд, а потом - на эту одинокую скалу. Телефон у «Костика» сопровождающие отобрали, чтобы не «заказывал наркоту» и «не светился в эфире».
Думаю, что чеченцы потеряли его след в Банконге.
Но полагаю, что рано или поздно они бы его нашли - немного знаком с такими ребятами, и представляю на что они способны. Может быть, в этой схеме что-то не знаю и не учитываю, но это не принципиально и подробности не важны.
Свою легенду «Костик» выучил плохо – поэтому в первый же вечер я за минуту легко проверил «где он учился в Питере». Но дальше этих подозрений продвинуться не успел. Сами знаете, как потом «события разворачивались»… А «Костик» «отошел от первого испуга», решил, что здесь его никто не узнает и начал трепаться при Ольге про бизнес родителей. Ума не хватило прикинуть, что люди в крупном банковском бизнесе тоже много знают.
Пока не знаю, где он взял наркоту – может кто-то из персонала снабдил? Но моя основная версия – вытряхнул лекарства из аптечки Аллы Петровны. Она в отрубе могла даже не заметить не только пропажу таблеток и капель, но и в упор не увидеть самого «Костика». Упаковку от таблеток вы сами сегодня на камнях в бинокль видели…
Надеюсь, что теперь вы меня понимаете – почему я на пирсе так взорвался? Ну, когда Сан Саныч спросил с упреком «не будем ли мы гибель Костика праздновать». На знаю, как вы, а я смерть этой суки поганой сегодня отпраздную…
Все молчали несколько минут, глядя на море, а потом Сан Саныч спросил:
- У тебя что-то личное было связано с изнасилованием несовершеннолетних?
- А? – не сразу поняв, о чем вопрос, я «тормознулся с ответом». - Нет, это не то, что ты подумал – ничего личного. Студентам иногда шутя говорил, что надо выяснять кто кого изнасиловал… Но к десятилетним девочкам это никак не относится. Две категории нелюдей ненавижу – насильников малолетних и конченных наркоманов… «Костик-Тарас» - избалованный мажор, единственный наследник супербогатых родителей – это «два в одном»…
- Ну, раз зашла речь о наркоте, то наверно пора и мне новостями поделиться, - Виктор вклинился в разговор, и к вопросам об изнасиловании и гибели Костика мы больше не возвращались.
Солнце уже садилось в море и, подсвечивая облака, создавало удивительную игру света и тени. Нам бы наслаждаться красотой и покоем, но услышанное от Виктора успокоению не способствовало.
- Акваланг был полностью исправен, - не торопясь продолжил Виктор, - при Ване я сказал неправду. Мы ошиблись с расстоянием, и лодка не вышла на место взрыва катера. Когда искал его обломки, увидел на дне каменные выступы. Если посмотреть на окончание пирса, - Виктор рукой показал направление, - влево примерно на шестьдесят градусов и на расстоянии отсюда около трехсот метров – это явно подводная часть нашего острова. Глубина там около пятнадцати метров. Осматривая камни, случайно заметил в одной

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

расщелине оранжевый буек на коротком конце. Подплыл, осмотрел, убедился, что никаких поганых сюрпризов там нет. Большие пластмассовые контейнеры голубого цвета, похожие на корзины в супермаркетах. Открыл крышку одного контейнера, а в нем упакованные пластиковые пакеты, размером примерно сорок на шестьдесят сантиметров. Может быть, чуть больше... Думаю, что там наркота, хотя возможны варианты. В любом случае место для тайника выбрано очень хорошо – пока прямо над расщелиной не проплывешь – ничего не увидишь. Поскольку это рядом с островом, я не стал ничего при Ване говорить. Может быть он сам и «не в теме», но кто-то на острове должен об этом знать. Мне кажется идеальным вариантом закладка тайника с небольшого суденышка, ночью, когда на острове все спят. Подойти можно под парусом – тихо, без огней. Даже если кто-то из посторонних заметит – решит, что местную рыбацкую лоханку случайно занесло к острову. Но кто заметит, если ночью в море не смотреть? А на экране хорошего эхолота эти камни должны быть отлично видны.
Сан Саныч и я согласно покивали головами, видимо одинаково подумали, что никто из нас за всё время ни разу не смотрел на ночное море.
- Боюсь впасть в конспирологию, - задумчиво сказал я, - но меня как-то удивляло обилие светильников на ограждении скалы и у отеля, на нижней террасе и на пирсе. Заряда солнечной энергии хватает практически на всю ночь, хотя, конечно, к утру уровень освещения слабеет. Но если развивать мысль Виктора, то стоя ночью у ограждения между светильниками или на пирсе, на море ничего не увидишь. А вот с моря можно прекрасно ориентироваться на хорошо освещенный остров и пирс.
- Пожалуй, соглашусь с тобой, - ответил Сан Саныч, - а сегодня ночью постою между светильниками, чтобы проверить твои рассуждения. Он повернулся к Виктору:
- Что-то еще интересное?
- Вроде всё… - ответил Виктор. - Обломки катера лежат на грунте, там довольно сильное подводное течение, наверное, всё скоро растащит и занесет. Найти, конечно, можно будет, но что это реально даст?
Слушая их разговор, я пытался новой информацией дополнить картины предыдущих событий.
- Петрович, ты не уснул? - спросил Сан Саныч, - или в глубокой задумчивости версии прикидываешь?
- Прикидываю, - хмуро буркнул я, - тут явно два потока событий. Один наш – туристический… В его течении смерть Николая и «Костика». Другой поток – «местная криминальная жизнь». Условно обозначим его как «Наркота». Хотя возможны и другие разные варианты – контрабанда драгоценных металлов или камней, оружия и прочего «дорогого товара». Просто наркота мне кажется в этом раскладе самым выгодным делом. Сюда относится подводный тайник, попытка бегства с острова и стрельба по катеру, и, возможно, смерть бармена. Потоки эти не пересекаются, если не брать во внимание возможность приобретения «Костиком» наркоты у кого-то из местных… и маловероятную причастность к смерти Николая отельной обслуги. Сам понимаю, что версия с утоплением Николая сотрудником отеля полностью надумана, но «обжегшись на молоке, дуют на водку», так как абсолютной уверенности у меня ни в чём нет. Единственное реальное пересечение этих условных «потоков» – совершенно случайное обнаружение Виктором тайника. Если бы не ошибка с определением места взрыва катера, то он и камни мог бы не заметить, не то что тайник увидеть. Случайность «чистой воды»… чистой морской воды.
- Как думаешь, - подал голос Виктор, - Ван в курсе местной криминальной жизни?
Крепко поразмыслив, ответил Виктору:
- Не знаю. Не хватает информации чтобы уверенно что-то сформулировать. А поэтому

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

включаем на полную катушку «режим осторожности и недоверия» ко всем «местным кадрам», в том числе - и к Вану. Наших девушек в причастности к здешней криминальной жизни не могу подозревать – это было бы уже «бесконечной дурной фантастикой» или графоманством авторов плохих детективов. Пусть этим развлекаются создатели российских телесериалов…
- Тогда встаем на крыло и летим в бар, - подытожил Сан Саныч, - девушки ждут вечернего общения. У Виктора – свои заботы, у меня – свои. А ты, счастливец, опять Ольгу будешь очаровывать.
Это замечание я пропустил мимо ушей, потому что задумался – а у кого из персонала отеля был свободный доступ к аквалангам?

Глава двадцать девятая

Вечер четвертого дня.
Можно ли обмануть свою судьбу? Или чужую?

Случайность - всего лишь иная форма судьбы...
возможно, более привлекательная,
но и более неизбежная.

Эрих Мария Ремарк

После ужина вся наша компания собралась возле бара. Инна уже была в полном порядке. Для успокоения публики я рассказал о том, что «Костик» сам свалился со скалы в состоянии опьянения. Какого рода было опьянения не упомянул – кому нужны излишние подробности? Ольгу я предупредил заранее – он тоже промолчала о своих открытиях после откровений «Костика-Тараса». Как ни странно, моему рассказу нашлось объективное подтверждение. По какой-то неясной компьютерной причине, после того как предыдущей ночью все легли спать и уровень потребления электроэнергии снизился, включились камеры видеонаблюдения. И на одной из записей было хорошо видно, как Костик - уже под утро - шарахается возле ограждения, и в конце концов валится вниз, размахивая руками, как будто-то, собрался взлетать. «Икар долбанный»… Видеозапись мне показал Ван и он же, тем вечером, подтвердил всем мой рассказ. Дамы наши повеселели, ибо не было больше «тайны смерти» «Костика» и можно было отмечать возвращение Инны «городу и миру».
Но зато вспомнили про Аллу Петровну, которая продолжала квасить, не выходя из номера. Я на третий день попросил Вана не ограничивать ее в алкоголе, но приносить в номер максимально слабые и дешевые напитки. Отель своим запоем Алла, конечно, не разорит, но «зачем добро зря переводить»? Питьевую воду ей тоже притаскивали.
Николая теперь все жалели, как милого и доброго человека, будто и не был он старым алкоголиком. Насильственная смерть облагораживает жертву в глазах окружающих?
- Не понимаю, зачем убивать, - сказала Надежда, - если можно расстаться. Я вот три раза разводилась… не считая других расставаний.
Еле заметные взгляды, которые бросили друг на друга Сан Саныч и Виктор, после слов Надежды о трех разводах, я бы не заметил, если не знал, о чем они подумали и сам бы не смотрел на них в тот момент.
- В жизни все сложно, - задумчиво сказал я, посмотрев через бокал с красным вином на

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

свет фонаря. - Кроме наших желаний, существует еще миллион случайностей, которые мы не можем контролировать. Как предусмотреть события, из-за которых мы оказываемся в определенном месте и в определенное время? А ведь часто эти события меняют нашу жизнь или приводят к смерти.
Юноша опаздывает на вечернюю электричку, целый час ждет следующий поезд, в вагоне защищает девушку от пьяного хулигана, потом провожает ее домой… В благодарность за избавление от хулигана девушка приглашает юношу к себе домой «на чашку чая», потом – случайный секс… Через полгода они женятся, а еще через год после рождения ребенка, расходятся…
Девушка на первом курсе в мединституте случайно увидела невысокого и худенького еврейского мальчика, еще не достигшего восемнадцати лет. И тут же она сказала подругам: «Я выйду за него замуж». Всю жизнь муж ей изменял, но при этом придерживался принципа: «Пусть будет сто любовниц, но жена на первом месте». Он умер через пятьдесят три года после той – судьбоносной – их встречи на первом курсе, а горюющая вдова продолжает чтить и любить мужа.
Большая компания встречает Новый год. Все веселы и переполнены ожиданиями всего самого наилучшего, так всегда бывает в первые минуты нового года. Через час одна супружеская пара собирается идти домой. Их отговаривают, ссылаясь на отсутствие такси и холодную погоду, предлагают продолжить праздник. Но супруги неумолимы и уходят домой пешком. За два квартала до дома, они встречают кого-то, и этот неизвестный двумя ударами ножа в сердце убивает и мужа, и жену. Преступление так и осталось нераскрытым. Могли супруги в ту ночь остаться у друзей до утра, или хотя бы на час или два позднее пойти домой? Могли… и случайная встреча с убийцей могла бы не состоятся. Кто управляет этими случайностями? Точно знаю только одно — это не мы.
- Не хочешь ли ты сказать, что все убийства случайны? – спросила Надежда.
- Послушать тебя, так все мы безвольные куклы, - поддержала ее Инна.
- Ни в коем случае… Не все убийства случайны, - ответил я сразу обеим. – И часто воля человека направлена именно на лишение жизни кого-то другого. Но, на мой взгляд, процентов девяносто, так называемых «бытовых убийств» обусловлены случайностями – кто-то не вовремя пришел или ушел, кто-то выпил больше, чем надо и приревновал «на пустом месте», а кто-то обиделся, неправильно поняв собеседника. В понятие «бытовые убийства» я не включаю «заказные убийства», а также совершенные при разбойных нападениях и в местах лишения свободы… ну, и другие в таком же духе… Надеюсь, вы понимаете, что я имею ввиду.
Замолкнув, я подождал от присутствующих предложения «сменить тему». Но народ молчал и видимо ждал продолжения. Сделав глоток, продолжил свой рассказ.
- В жизни довелось мне встретить трех мужеубийц. И уж так судьба распорядилась, что одна из них была молодой, вторая – старой, а третья – средних лет.
Молодая совершила убийства не в порыве гнева или по неосторожности. Нет, она все обдумала, заготовила длинный электропровод от газовой зажигалки, оголила концы, увела маленьких детей в дом своей матери… А когда пьяный муж уснул, обмотала проводами горло и левое предплечье, воткнула вилку в электророзетку… «Не долго музыка играла, не долго фраер танцевал»… Потом женщина вышла из дома, добрела до будки телефона-автомата, позвонила в милицию и сказала: «Приезжайте, я убила мужа». На следствии выяснилось, что в тот вечер, вымогая у жены последние деньги на водку, муж поднял свою двухлетнею дочку за ногу и пригрозил - если денег сейчас не даст - он ребенку голову о радиатор отопления размозжит… Мать за спасение дочери отдала последние деньги, на которые рассчитывала еще неделю до получки прожить всей семьей.
- Еще в Паттайе прочитал этот рассказ, - продолжил за меня Сан Саныч, - и вам советую,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

как доберётесь до интернета. «Холодок под солнечным сплетением» называется. И уже обращаясь ко мне попросил:
- Давай теперь про «старую» и «не старую» расскажи.
- В тех случаях всё было по-другому, - продолжил я свой печальный рассказ. - Бабушка, «божий одуванчик», двух лет не дотянула до «золотой свадьбы» - прошлась топором по дедушкиной голове и шее. Как смягчающее обстоятельство надо указать, что дедушка крепко спал после употребления бутылки самогона, то есть, не страдал перед смертью и не мучился. Случайность? Наверное, да… Мог бы дедушка в тот день самогон не пить и не ссориться с бабушкой… Хотя вся жизнь у них в таких ссорах прошла. Или бабушка могла в это время в больнице лежать - для лечения и облегчения своих многочисленных хворей… Или могли бы дети с внуками приехать в гости на всю неделю. В конце концом, могло не оказаться в доме топора, который накануне соседи брали, да вовремя вернули.
А вот третий случай для меня самый непонятный. Вроде была обычная, как говориться, «средняя семья». Ни муж, ни жена ранее не судимы и даже к административной ответственности не привлекались. Законопослушные обыватели, не подтверждённые влиянию преступной среды. Несколько лет брака, нет уже любви, но нет и особой ненависти… Так – глухое недовольство и раздражение друг от друга. Во время обеда вспыхнула ссора по какому-то очень незначительному спору – то ли какую программу по телевизору смотреть, то ли из-за уровня громкости телевизора. Жена взяла со стола обычный кухонный нож и с одного удара в сердце завалила мужа. И ничем свой поступок потом объяснить не смогла… Я долго следователя пытал – хотел разобраться в мотивах обвиняемой. Но и он ничего сказать толком не мог – кроме того, что «вину не отрицала, обстоятельств не скрывала», на работе и в быту характеризуется положительно.
Ольга тяжело вздохнула и сказала:
- Получается, что вся наша жизнь - это какая-то нескончаемая последовательность случайностей… И каждая из них влияет… или может повлиять… на другие случайности… причем совершенно неожиданно, непредсказуемо, а иногда - смертельно губительно. И как теперь в Бога верить?
- А причем здесь Бог? – удивился я. – Бог, как мне кажется, хочет от человека со-творчества. И если человек уклоняется от такого со-сотворчества, то сам губит свою жизнь, а Бог просто не вмешивается в его судьбу. Вот свежий, и хороший, на мой взгляд, пример с наркоманом «Костиком»… Не нужна ему была жизнь… и другим вред причинял… Вот и не поддержал его ангел-хранитель, когда тело качнулось над скалой.
И потом – не всё так плохо в этом мире. Миллионы людей живут счастливо, а умирают, достигнув внушительного преклонного возраста в полном покое. Может быть прав старик Вольтер, что случайностей вообще не существует и всё на этом свете либо испытание, либо наказание, либо награда, либо предвестие...
Впрочем, я в своих рассказах не один раз писал про это… Сейчас повторятся не время и не место. Кому будет интересно – почитайте «Утраченные воспоминания ученика бога Тота» - это философские миниатюры, и «Беседы с Ангелом-хранителем» - сборник рассказов, написанных на основе реальных событий.
Давайте выпьем за то, что мы живы и здоровы, своей жизнью будем распоряжаться правильно и синие птицы удачи ежедневно будут клевать свой корм с наших рук.
- Умеешь, ты философ, красиво говорить, иногда завить берет – улыбнулся Виктор, - рассказы твои почитаю, может «логика будет быстрей включаться» …
Все женщины с недоумением посмотрели Виктора, и Сан Саныч тут же отреагировал:
- Милые дамы, не обращайте на некоторые слова и выражения – это мы «о своем, о мужском» - выработали «птичий язык» для субъективного отражения текущей реальности. Давай и правда выпьем и может быть не один раз, чтобы больше ничего не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

случалось…
Все, кроме Инны, выпили, а потом общий разговор раздробился на несколько частей. Виктор о чем-то беседовал с Надеждой, Сан Саныч и Бажена слушали проповедь Инны про здоровый образ жизни, который может исключить многие болезни и случайности…При этом мне на мгновенье показалось, что Сан Саныч, слушая Инну с самым серьезным видом, но не прекращая при этом потягивать виски, поглаживает под столом руку Бажены, лежащую на ноге… или ногу, возле руки… Интересно, окажутся они сегодня в одной постели или нет? И что привлекательного Сан Саныч нашел в тощей Бажене? Может быть, у него никогда не было таких худых и тянет на «экзотику»?
Ольга поднялась, сказала, что устала за этот долгий день и пойдет отдыхать, пожелала всем спокойной ночи и ушла. Я еще немного поинтриговал Инну и Бажену рассказом о рецепте древнегреческих гетер для сохранения здорового и красивого цвета лица, пообещал, что открою его перед отъездом с острова и тоже попрощался. Спать хотелось со страшной силой…

Глава тридцатая

Ночь между днями четвертым и пятым
Разговоры о перистых облаках
или «Красота в глазах смотрящего» …

У нее было прекрасное выразительное лицо
и немыслимо красивая фигура,
от которой завелся бы даже
испорченный будильник
Джеймс Морроу

Приход Ольги я уже определял по тихому стуку в дверь. Обернувшись большим полотенцем, я вышел из ванной комнаты, открыл входную дверь, жестом показал, чтобы она проходила в комнату, закрыл дверь, провернул ключ замка на два оборота, и снова направился в душ. Напор воды был сильным и струи с шумом летели вниз. Внезапно погас свет, я услышал, как раздвигаются дверцы душевой кабины, а через мгновение теплые руки Ольги уже обнимали меня за шею. Ну вот… явление тонкое, вездесущее, загадочное, многоликое… и это всё сказано про секс…
Я повернулся к Ольге лицом, прижал ее обнаженное тело и чуть отодвинул от потока воды. Теперь душевые струи били меня по спине, не попадая нам на лица. Целуя закрытые глаза и губы, я чувствовал, как твердеют ее соски, а руки скользнули вниз… Ах, ты юная шалунья… Сейчас я тебе покажу, что старый конь борозды не портит… И что в моей жизни - это не первый секс под струями воды… Молодость против опыта…
Повернув девушку спиной к себе, обнял и стал ласкать ее груди, слегка покусывая за правую мочку уха…
Мы лежали в постели, спокойные, удовлетворенные, расслабленные. И спать не хотелось… За собой я знаю «такой грех» – хороший и радостный секс наполняет энергией, отгоняет усталость и сон. И так было с юности. Похоже, что и Ольга такая же…
- Я думала не дождусь сегодня вечера, - тихо сказала Ольга, - черт тебя дернул вести длинные разговоры о убийцах… могли бы уже два часа валяться в постели.
- Это я групповую психотерапию провожу, - чтобы народ не паниковал… Людям всегда интересны кровавые и сексуальные подробности, и услышав об убийствах других, они подсознательно успокаиваться – ведь это же не с ними произошло…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- К черту всех убийц и все убийства… Расскажи лучше о себе. Ты кто?
- Однако, какой лобовой вопрос… Я – «каждый восьмой». Ты же, как как банковский аналитик, должна это знать…
- Опять придуриваешься? Причем здесь банк? И что такое или кто такой «каждый восьмой»?
- Дорогая, сейчас на планете каждый восьмой житель в возрасте старше шестидесяти лет. Я уже вошел в эту группу. Свой возраст никогда не скрывал и не скрываю. «Седина бобра не портит»…
- У тебя, правда, красивая седина, а вот у Сан Саныча – не красивая.
- «Красота в глазах смотрящего» - старик Шекспир зря не это глаголил…
- А ты когда седеть начал?
- В двадцать лет.
- Серьезно? Быть не может!
- Абсолютно серьезно – тревожная молодость, тяжелая работа, систематическое сексуальное изможднение, первая седина…
- Да ну тебя… Я с тобой серьезно разговариваю, а ты дурака валяешь.
- Как можно несерьезно говорить о сексуальном изможднении? Ну, сама подумай…
- Я сейчас подумала о другом. На курсах по психологии личностного роста один из лекторов приводил цитату из Ницше. Точно не передам, но смысл такой – много рассказывать о себе – это один из способов скрывать правду о себе.
- Так я о себе и рассказываю не много, а это значит, что ничего не скрываю. «Я весь как открытая книга – читай - не хочу».
- С тобой невозможно серьёзно говорить – я к тебе всей душой…
- А ты лучше на меня всей грудью… а потом – повернись спиной…
- Ты меня за полную дуру держишь?
- Я держу тебя за правую руку…
- Олег, ну серьезно, расскажи мне о себе… Я с тобой третью ночь в постели, днем тебя вижу и слышу, вслушиваюсь, как ты с другими говоришь… слушаю, что о тебе другие говорят… и понимаю, что, не смотря на всё это, ничего о тебе не знаю – как будто первый раз увидела тебя на пирсе возле яхты. Я тебя не понимаю. Такого со мной не было… Я хочу тебя…
- И это прекрасно – хотеть именно меня! Так и должны делать все красивые девушки – блондинки, брюнетки и шатенки.
- Я хочу тебя понять… и немного боюсь…
- Не бойся, Красная шапочка, я тебя обязательно съем… Вот только пусть бабушка перевариться… Старушка оказалось жестковатой… но это вполне объяснимо активной деятельностью Пенсионного фонда…
- И как только тебя жены терпели? С тобой же разговаривать невозможно!
- Так они и не терпели – разводились сразу, как только семь или четырнадцать лет пройдет… Цикличность – это великое дело! И каждый цикл завершается кризисом и ведет к следующему этапу – так психологи утверждают. Или к новому браку…
- Ты правда сейчас не женат?
- Правда. Это правда, одна только правда и ничего кроме правды.
- А какие они были – твои жены?
- Умные, красивые и сексуальные – как ты… А теперь предлагаю остановиться, забыть про моих жен, и поговорить о чем-нибудь высоком – например, о перистых облаках. Ты что-нибудь знаешь о перистых облаках? Если нет, то я готов до утра читать тебе лекцию об этом удивительном природном явлении и о визуально-инструментальных методах изучения перистых облаков самолетами-лабораториями для гидрометеорологических

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

исследований...
- А давай лучше вина выпьем… Хочу холодного красного вина, - мечтательно продолжила Ольга, - потом целоваться будем…
- Вот как с тобой на серьезные темы говорить можно? Если ты, для того чтобы уклониться от лекции о высоком, готова ночью пить вино и целоваться со стариком… Какое падение нравов и удивительное отвращение к знаниям!
- Да… еще тот старичок… Завидую тем, с кем ты в молодости спал…. Расскажи про свою первую любовь…
- Конечно, обязательно расскажу. Перистые облака – это моя первая любовь… Тогда я хотел быть лётчиком…
- Ты не выносим!
- А зачем меня выносить? Мне и здесь – с тобой в постели - хорошо. Не надо меня никуда выносить.
- Знаешь, ты мне сначала не понравился, - Ольга поторопилась поправиться, - ну, то есть не то, чтобы не понравился, просто внимание на тебя сначала не обращала. Потом… как-то незаметно стала присматриваться, прислушиваться, сравнивать… Наблюдала, как ты с женщинами общаешься… прикидывала, кто может твой интерес вызвать? Понятно, что дура Бажена и долбанутая «здоровым образом жизни» Инна вряд ли могут тебя интересовать… А вот Надежда… На нее ты очень внимательно смотрел после «вечера поэзии» - пьяный был в хлам, еле языком ворочал, рассказывая нам про свои кулинарные способности… Но смотрел…
- Рецепт коктейля «Бурный секс» не обещал? Не рассказывал, как его читают люди, не выговаривающие букву «р», заменяя ее «й»? Так это значит, что я еще трезвый был!
- Не перебивай меня ерундой. В тот вечер ты нам с Надеждой хвастался своими кулинарными способностями, которые проявляются «один раз в двадцать лет»? Я была почти трезвая и с насмешкой наблюдала за пьяным трепом… пока не увидела, как ты смотрел в глаза Надежды. Ты что-то говорил, а сам смотрел на неё… смотрел… смотрел… и мне даже показалось, что ты ее гипнотизировал. Надежда - она кстати тогда тоже «хорошо коктейлями побаловалась» - словно замерла после твоего ухода, правда, затем встряхнулась, как будто что-то для себя решила. Ты отошел и чуть стол не опрокинул – хорошо, что Сан Саныч тебя вовремя поддержал.
«Неужели Надежда что-то заподозрила» в тот вечер? - встревожился я, в пол-уха слушая Ольгу.
- Потом - утром у бассейна – видела, как ты мужиками командуешь… со страшного похмелья… Рявкнул так, что некоторые из присутствующих присели… В армии, наверное, командирский голос тренировал?
- Никогда не служил в армии… Хотя в молодости три раза призывался. Но это не интересно. Давай лучше поговорим о тебе.
- Нет, подожди. Еще я смотрела как ты танцевал с Баженой… Думала, что она исцарапает тебя своими костями. Но ты был джентльменом и даже не отстранялся от этого ходячего скелета. Потом ты пил со всеми, включая Костика… Признайся, что ты в тот вечер «напился в хлам».
- Признаюсь. Дневная усталость, голодное детство, наследственный алкоголизм и грустные воспоминания о рухнувшей империи сделали свое черное дело – я немного опьянел…
- Немного?! Повторяю, что ты был пьян до безобразия. Все боялись, что ты упадешь между столиками во время своих перемещений.
- Боялись этого все трезвые или все пьяные?
Я слушал Ольгу и мысленно материл себя за самонадеянность последними словами –

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

«Вот так тебе старая сволочь и надо… Никто не заметил, что присматриваюсь к Надежде… как же… Ты кого обмануть хотел? Женщин? Так они нас видят насквозь и на полметра глубже… С кем решил тягаться? Да еще в пьяном виде или с похмелья… С женщинами? У них чутье работает, даже когда мозгов не хватает… Пьянь ты, проклятая… вот потому и не смог правильно понять взгляды Ольги и Надежды… И что теперь Надежда? Замкнется? Будет сторониться?

- Зато утром присел за наш столик, «весь белый и пушистый», доброжелательный и вежливый, как будто не ты три часа назад у бассейна матом орал на бедного Вана. И опять что-то говорил и смотрел в лицо Надежды… И она к тебе все время приглядывается, - продолжала Ольга. - Ты ее, случайно, не трахнул где-нибудь когда-нибудь мимоходом и спьяну? Так, что даже друг друга не запомнили… Не смущайся - секс не повод для знакомства.

- Милая девушка, меня поражает цинизм молодого поколения, наследников сексуальной революции девяностых годов. За незаслуженный комплимент выражаю особую благодарность. Но увы, не имел счастья трахать каждую красивую женщину в пределах моей досягаемости. Впрочем, честно надо сказать - и не всегда стремился к этому. И с Надеждой у меня никогда ничего не было. Ввернись к рассказу о себе… -

- А что рассказывать про меня? Взяла вечером бутылку шампанского и решила – «Будь, что будет» - пойду поговорю с Олегом Петровичем, не понравится - уйти смогу в любой момент!

- Ты, словно бабочка к огню, стремилась так неодолимо…

- Это ты написал?

- Девушка, милая, Бога побойтесь! Это стихи Марины Цветаевой! Понимаю, что страна переполнена жертвами ЕГЭ, но Вы-то как в их число попали?

- Ну, вот… оскорбления начались… вино отельное зажал… пусть умная и красивая от жажды умирает… недоцелованая… Грустно и печально… Поговорим тогда про другое… Знаешь, я люблю дома обнаженной ходить, когда никто не видит…

- Психологическая склонность к самолюбованию? Тяга к комфорту? Протест против оков цивилизации? Подготовка к тому, что ты сейчас встанешь и обнажённой пойдешь через всю комнату доставать бутылку холодного вина?

- Олег Петрович, официально заявляю Вам – Вы совершенно не выносимы!

- Повторяешься, дорогая! И я с удовольствием повторюсь – не надо меня выносить. По крайней мере, пока с тобой в постели хорошо. Более того, ты меня сильно возбудила своими разговорами… и я немедленно хочу… да, что там «хочу», меня захлёстывает вожделение… я просто жажду… стакан холодного вина!

- Я тебя сейчас искусаю! Больно! Очень больно! Вот ведь знаю уже, что окончание фразы по смыслу не будет соответствовать ее началу и продолжению, а все равно жду и надеюсь услышать от тебя что-то хорошее, ласковое, возбуждающее. А, впрочем, желание искусать тоже можно считать возбуждающим…

- Молодец! Быстро учишься адекватно реагировать на слова! Вот за это мы сейчас выпьем красное сухое…

- Ну вот – опять шутишь. Третью ночь сама прихожу к тебе, слушаю, что-то говорю, но не понимаю тебя.

- О, звезда его очей! Не терзайся понапрасну. Пусть тебя успокоит, что некоторые люди – в том числе мои жены - годами жили рядом, а понять не смогли. Натура я совершенно загадочная и высокохудожественная, а также многогранная и многосложная, как банковский процент или налоговая ставка. Вот за это предлагаю выпить по стакану сухого красного холодного… И в завершении этого разговора два вопроса. Кто из нас продемонстрирует прекрасную обнаженную женскую фигуру по дороге к холодильнику?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

И что ты говорила о множественных оргазмах?
Мы, выпили бутылку вина… долго целовались и долго ласкали друг друга… уснули перед рассветом. Негаданная страсть на одиноком острове в теплом южном море… Мои надежды на легкий флирт без сексуальных контактов развеялись уже на второй день, как горный туман … И последними мыслями в мозгу, затуманенном усталостью, вином и сексом, был вопрос: «Что же делать с этой девушкой, желающей узнать меня получше? Это желание – тревожный признак… Так уже было – и печально закончилось».

Глава тридцать первая

Утро пятого дня.
Тайник и сломанная хризантема

Облетели цветы,
догорели огни.
Семён Надсон

После завтрака Виктор, Сан Саныч и я пошли искать место стрельбы по катеру. Виктор определил примерно сектор и пока мы туда добирались провел мини-лекцию о стрельбе в горных условиях. Лично я с интересом узнал, что стрелок, кроме расстояния, должен учитывать множество факторов: характер оружия и боеприпасов, угол места цели, высота над уровнем моря и ветер, атмосферное давление, влажность и температуру, плотность воздуха, и даже рост стреляющего.
А вот Сан Саныч, похоже и сам мог бы кое-что дополнительно рассказать. Такое впечатление у меня сложилось после того, как послушал их спор об эффективности использования в полнолуние ночных прицелов и приборов ночного видения. «Век живи – век учись»… И хотя ни воевать, ни охотится с применением приборов ночного видения, я не собираюсь, но интересно было узнать о достижениях человеческой мысли в деле уничтожения живых существ.
Когда вышли на одну из вершин нашего острова, с которого открывался вид на пирс и тот участок моря, где затонул катер, Виктор определил два места, подходящие с его точки зрения для прицельной стрельбы. Сан Саныч с интересом наблюдал за ним – похоже его больше интересовало не место стрельбы, а методы Виктора.
- Ну, что «отец-командир», доволен, - спросил меня Виктор с нотками ехидности в голосе.
Это он мне за «вопросы по Конституции», - сообразил я, но сделал вид, что вообще ничего не замечаю.
- Передаю руководство на местности более опытным бойцам. Скажите-ка, братья-славяне, на какое максимальное расстояние в зависимости от типа оружия может вылететь гильза и в каком направлении?
Может быть, ничего и не найдем – на попробовать надо… Чтобы не было мучительно горько за бесцельно потраченное время. Не верю в то, что стрелок терпеливо искал здесь свои гильзы – не было у него на это времени.
- Какие странные желания бывают у коллекционеров графики и живописи, - опять съехидничал Виктор, - это, наверное, созерцание нежной акварели рождает извращенное желание искать гильзы.
Но тут меня поддержал Сан Саныч:
- Конечно, мы не знаем из какого оружия стреляли, и гильзы могли разалеться куда

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

угодно. Но похоже, что все мы ребята удачливые, а это значит, что «шансы не равны 0». «Включаем логику» и начинаем. Я беру левую точку, Виктор – ты бери правую, а «коллекционеру акварели» разрешаем свободный поиск и размышления над текущей реальностью. Ты согласен? - спросил Сан Саныч.
- Согласен. Во-первых, не с моим слабым зрением исследовать взглядом большие участки, а при поиске «в наклон с поясничным хандрозом» через полчаса выйду из строя. Во-вторых, честно скажу – не совсем понял куда должны гильзы лететь. Зачем мне с крутыми ассами тягаться?
Напарники хмыкнули с превосходством (на что я и рассчитывал), и взялись за поиски. А я сел на камень и стал думать – что стрелок мог или не мог делать после выстрелов? Мог ли он тащить оружие отсюда с риском, что его кто-то увидит?
Гильзы мы не нашли… Виктор нашел английскую снайперскую винтовку L96A1. При этом тайник он вскрыл очень аккуратно – не оставляя видимых следов. Хорошее все-таки образование в нашей стране… в военных училищах. Не я оказался самым умным в нашей маленькой компании. Выяснилось, что Виктор, одновременно с поиском гильз, сразу начал поиск тайника для оружия, обоснованно предположив, что стрелку не было смысла «шарахаться» по острову днем с оружием в руках. Винтовка была завернута в воздушно-пузырьковую пленку и какой-то пакет из толстого черного пластика. Спора о марке оружия и стране производства при осмотре между Виктором и Сан Санычем не было. Как «истинный джентльмен» я всегда ношу с собой два носовых платка (один для протирания очков). Они пригодились при осмотре винтовки – никогда бы не простил себе, если кто-то из нас оставил там свои следы. Вообще не люблю оружие, а уж с отпечатками своих пальцев не люблю втройне.
Споры возникли у нас по другим вопросам: что делать с находкой? Надо ли сообщать о ней Вану?
К тому времени, я уже рассказал мужикам, как методом исключения устанавливал, «кто не мог» стрелять по катеру. Виктор предлагал винтовку забрать с собой и спрятать в наших домиках. Я возражал, предвидя проблемы обнаружения оружия у кого-то из российских туристов. Убедил, что «это не будет есть хорошо», если снайперскую винтовку найдут у кого-то из нас – ведь не будем же мы прятать ее в домиках у женщин. Сан Саныч предлагал винтовку перепрятать в скалах в другом месте, но не нашел ответа на мой вопрос: «А для чего это делать»? Потом у Виктор родилась шальная идея – установить в тайнике сигнальную ракету с растяжкой – из запасов тайного склада. Тот, кто будет забирать винтовку потянет и «растяжку» ракеты…
И он не нашел ответа на мой очередной вопрос: «А для чего это делать»?
- Виктор, будь у тебя в подчинении группа захвата, это может быть имело смысл, а так… Представь, ты спишь ночью, вдруг взлетает сигнальная ракета – ясно, что кто-то взял винтовку из тайника. А дальше что? Ты срываешься с постели, бежишь сюда? В лучшем варианте, здесь никого не будет – есть время скрыться, в худшем - ты натыкаешься на человека, вооруженного винтовкой и получаешь пулю, а твой труп летит вниз на скалы. «Оно тебе надо»?
- Ладно, убедил, - неохотно согласился Виктор, - вряд ли любимая жена и дочь обрадовались бы такому варианту. В охотничьем азарте погорячился и «херню-с спорол».
- Петрович, - сказал Сан Саныч, - критика наших идей вполне обоснована, но мы не слышали от тебя никаких предложений. Я разочарован, ибо для «философов» это не характерно.
- Понимаете, философы всё же не боги и дар предвидения им не дан. Пределом моих мечтаний было обнаружение гильзы и в надежде на это взял два бумажных конверта из номера. То, что стрелок спрячет здесь винтовку – это было за пределами личного опыта. И

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

поэтому мое предложение мизерно – отрезать аккуратно кусок пленки и полоску пластика и упаковать в конверты. Что-нибудь острое с собой есть?
Увы, ножи в этот раз с собой никто не взял. Пришлось рвать упаковку руками… Потом Виктор снова замаскировал винтовку в тайнике.
Мы вернулись к отелю, сели возле бара, но не успели и жажду утолить холодным пивом и вином, как увидели бегущую Нгок Бич.
- Куда это «нефритовая девушка» с таким выражением лица понеслась, - удивился Сан Саныч. Он один запомнил в первый день, когда Ван представлял обслуживающий персонал, что Нгок Бич означает «драгоценный нефрит», а Ким Кук - это «золотая хризантема».
- Судя по направлению - в кабинет Вана, - ответил Виктор.
Мы втроем посмотрели друг на друга. Не знаю, что ни подумали или почувствовали, но я понял, что нас ждет новая проблема, а скорей всего – это очередная смерть…
- Даже если она за нами наблюдала издалека и видела, как мы винтовку нашли, - это еще не повод носится по острову, как волк за косулей, - сказал Виктор, - ну, видела и видела… стуканула бы тихонько своему начальнику и всё.
- Сан Саныч, - задумчиво промолвил я, ставя на стол свой бокал недопитым с красным вином, - а может тебе что-то срочно понадобиться именно сейчас в кабинете Вана? И вдруг, перед тем, как постучишь в дверь, ты совершенно случайно что-то услышишь…
Сан Саныч понятливо кивнул и пошел в кабинет управляющего. Но этой хитрости не понадобились…
Когда он подходил к дверям из кабинета вылетел Ван с белым перекошенным лицом, и увидев Сан Саныча стал что-то кричать на вьетнамском языке, сильно размахивая руками.
Еще через сорок минут, мы снова все собрались в кабинете Вана. Тело несчастной Ким Кук было отправлено в холодильную камеру. По моему мнению, она была задушена подушкой, и перед смертью, вероятно уже в агонии, поцарапала своего убийцу.
Основания для такого вывода были в том, что под двумя ногтями Ким Кук были следы крови и частицы, очень похожие на содранную кожу.
Осмотр комнаты и трупа (если не считать следов под ногтями девушки) мне лично не дал никакой нужной информации. Скорей всего, убийца открыл дверь комнаты запасным ключом, придавил девушку подушкой, и тихо ушел, ничего не трогая. Видимых признаков изнасилования не было.
Попытка растолковать Вану, что надо попробовать незаметно осмотреть руки всех сотрудников отеля, ни к чему не привела. Он был практически в состоянии невменяемости, и, по-моему, не слышал нас, а если слышал – то не понимал.
С помощью Сан Саныча еле удалось выжать из Нгок Бич, что живую Ким Кук видели накануне ранним вечером – Ван разрешил ей уйти отдыхать пораньше и не выходить на работу на следующий день. Я долго пытался выяснить причину такого «бережного отношения к человеческому капиталу», но до конца это так и не удалось. Если Сан Саныч правильно понял Нгок Бич, то погибшая накануне или заболела, или плохо себя чувствовала, и управляющий разрешил ей отдыхать, так как работы было мало. Тогда и мелькнула у меня мысль, что Ван был в сексуальной связи с погибшей.
- Сан Саныч, - спросил я, - можешь выяснить у Нгок Бич был ли у Ким Кук период менструации?
Он добросовестно попытался это сделать, но совершенно безрезультатно - девушка или не понимала вопроса, или по каким-то национальным причинам, не хотела говорить с посторонними мужчинами на эти темы.
Окружающие почти сутки считали, что Ким Кук отдыхает или болеет в своей комнате, и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

не волновались, не видя ее. Нгок Бич что-то понадобилось спросить у Ким Кук и зайдя в ее комнату, она обнаружила холодное тело с подушкой на лице…

Глава тридцать вторая.

День шестой.
Разговоры о красивой любви, плотских желаниях и разбитом бокале

Да, так любить, как любит наша кровь,
Никто из вас давно не любит!
Забыли вы, что в мире есть любовь,
Которая и жжет, и губит!
Мы любим все - и жар холодных числ,
И дар божественных видений,
Нам внятно всё - и острый галльский смысл,
И сумрачный германский гений...
Александр Блок

Я лежал в бассейне, по замыслу архитектора или ландшафтного дизайнера, предназначенного для вечерних медитаций на уходящее солнце. Лежал и с грустью думал, что ни разу не удалось проводить Солнце в море, спокойно взирая на закат. Из телефона тихо доносились звуки былого шлягера Ирины Аллегровой «Неоконченный роман».

Красивая любовь - мы отдали ей дань безумства
О, боже, как была к лицу тебе твоя весна…
Но осень на дворе, деревья в серебре
Увы, привычка, охладила нас…

Послышался шорох, потом наступила тишина. Я снял с лица шляпу и посмотрел вокруг. Не то, чтобы боялся кого-то, но на звуки надо реагировать, тем более, когда ты трезвый. Но слышалась только песня. И было странно под горячим солнцем в порывах морского ветра представить себе, как на ресницах таяли снежинки…

Снежинки на ресницах таяли,
И зачарованно читали мы
Красивый, незаконченный роман
Про любовь без измен.
Но все когда-нибудь кончается,
Так от судьбы давай уйдем сейчас.
Оставив незаконченный роман
В парке на скамье…

Снова раздался шорох – как будто кто-то на камнях переступил с ноги на ногу. Я стал шумно подыматься из бассейна и в этот момент показалась Ольга. «Песню слушала, - догадался я, - интересно что скажет»? Она присела на край бассейна и молча слушала продолжение. Я снова погрузился в воду, плеснув ее через край.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Немало между нами радостных воспоминаний
Но я бы не хотела знать агонию любви.
Расставшись, мы с тобой
Спасем свою любовь
От сложных разговоров и обид…

- Только сейчас вдруг поняла, что завтра мы покинем это проклятый остров и всё закончится, - прозвучал голос Ольги, - дневная жара и вечерняя прохлада, загадки и подозрения, неожиданные смерти и страх, сжимающий сердце, разговоры с умными мужчинами и вынужденное общение с невыносимыми дурами…
- О, звезда его очей! – я выбрал один из привычных стилей общения с женщинами, - в свободное время сядь на ковер раздумий, и положив рот пальцы удивления, задай себе простые вопросы: «Может быть только от самой женщины зависит будет она в жизни общаться с умными или глупыми? И какое значение при общении с умными людьми имеет пол или возраст? Главное – «роскошь человеческого общения».
- Ты знал много умных женщин?
- Знал и знаю. Есть умные, перед которыми я в любой миг готов «встать и снять шляпу»… Это – образное выражение, но ты понимаешь, что хочу сказать…
-Ты? Перед женщиной?! «Встать и снять шляпу»… Удивительно! Господи, хоть бы раз взглянуть на такую женщину!!
- Да что тут удивительного? Мир полн умных женщин и мужчин. Открою тебе «страшную тайну» - есть даже умные дети – девочки и мальчики. Но вот беда – чтобы стать умные взрослыми им надо без значимых потерь пройти период полового созревания. Много лет я общался со студентами и мог бы привести множество примеров трудностей этого периода. Но ведь ты пришла не за тем, чтобы слушать мои байки про изменения умственных способностей студентов в период гормональных бурь, спермотоксикоза и первых сексуальных опытов… Хотя, насколько я знаю, у многих первые опыты начинаются еще в школе…
Что еще случилось на этом Богом забытом острове?
- Ничего не произошло. Мы завтра расстаемся…
- Так это же произойдет не сегодня… Как говорила одна красивая женщина «Я подумаю об этом завтра». Знаешь, как полностью звучит эта фраза?
- Нет.
- Читать надо больше книг из классической литературы. «Я не буду думать об этом сегодня, я подумаю об этом завтра». Прием из «техники отложенных решений» - аналог нашего «Утро вечера мудренее». Живи здесь и сейчас! Этот остров наглядно продемонстрировал многим здесь присутствовавшим, как хрупка человеческая жизнь.
- А ты сам также поступаешь? Следуешь своим советам?
- Конечно. Тем более, что мне осталась только половина жизни… И очень надеюсь, что это будет лучшая половина жизни.
Ольга внимательно посмотрела на меня, видимо пытаясь понять – шучу или нет? Не поняла и сказала:
- Я не понимаю, когда ты шутишь, а когда говоришь серьезно.
- И это прекрасно! В шестидесятилетних мужчинах должна быть какая-то загадка, чтобы тридцатилетние женщины чаще вспоминали их мудрые советы. Например, «День без секса – время, вычеркнутое из жизни». Но секс должен быть радостным, безопасным и качественным.
- Да ну тебя… Всё издеваешься над бедной доверчивой девушкой… Где я каждый день найду такой секс? А, впрочем, - Ольга лукаво улыбнулась, - я подумаю об этом завтра.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

- Молодец! Мудрее становишься прямо на глазах! Однако, от этих разговоров у меня пробуждаются плотские желания. Не пора ли перекусить как следует?
- Ах, ты… Ты, наверное, не исправим и ничего романтического от тебя не услышишь… Лучше бы девушке аперитив предложил - прямо в своей постели…
- Это предложение заслуживает обдумывания уже сегодня. Пойдем?
- Подожди… а ты что-нибудь про любовь писал? Или про секс?
- Конечно писал, потому, что это часть человеческой жизни.
- На примерах из личного опыта?
- Ну, что ты… Примеры из чужой жизни гораздо интереснее для нормального литератора. Однажды в исковом заявлении о компенсации морального вреда прочитал великолепную фразу: «Меня насиловали в ночь с двадцать третьего февраля на восьмое марта…». Потом, лет через десять, рассказ написал на эту тему. Называется «Всё началось с изнасилования». Истица была «знойной женщиной и мечтой поэта» - цитирую Остапа Бендера.
- Всё! Срочно идем к тебе – «там тишина, там ром, там ледяная кола» - и ты мне там немедленно расскажешь, как можно насиловать «в ночь с двадцать третьего февраля на восьмое марта». А после удовлетворишь свои плотские желания – набьешь желудок морепродуктами»…
Вечером после ужина все туристы собрались на коктейль-вечеринку по случаю окончания нашего «тревожного отдыха».
Вана не было, весь персонал забился по своим комнатам, а может быть, наоборот, где-то собрались все вместе… Но нам сейчас и не нужна была обслуга. Какое-то облегчение чувствовалось у всех
- Всё, кончился «смертельный отдых», завтра придет яхта, - сказала Надежда, - а я так не закончила свою книгу, и даже толком не писала. Что, впрочем, совершенно не удивительно – количество трупов на квадратный километр как на большой войне. Виктор, поухаживай за красивой женщиной – налей мне вина.
- Вот услышать бы такие слова, да от Инны, - пошутил Сан Саныч, - и улыбка сползла с лица Бажены.
Виктор налил вино Надежде и вопросительно посмотрел на Ольгу, но она отрицательно покачала головой.
Зато Сан Саныч, заглаживая эффект от своей шутки, тут же щедро плеснул рому в бокал Бажены, и для приличия добавил немножко колы.
Ольга пребывала в печали… «О чем задумалась, знойная девушка? – подумал я, но тут же переключился на «задачу № 1» сегодняшнего вечера. Пора было выполнять обещание, данное Виктору, во время того памятного разговора. Но для этого надо было напоить Надежду…
- Костика жалко, - вдруг без всякой связи с предыдущими разговорами, сказала Инна, - такой хороший мальчик был…
Все, кто знал правду про «Костика-Тараса» с достаточно выраженной неприязнью на лицах, посмотрели на Инну, но промолчали. Однако, - подумалось мне, - а это неплохой шанс начать разворот текущей ситуации в нужную сторону.
- Давайте, выпьем за Костика, - сказал я, - может быть, простит его Господь за грехи тяжкие. Выпьем до дна.
Вот теперь Сан Саныч, Ольга и Виктор с удивлением смотрели на меня.
- Виктор, не забывая ухаживать за Надеждой – у неё опять пустой бокал.
И кажется тут Виктор начал правильно понимать мои намерения. А я продолжал:
- Сан Саныч, а ты следи, чтобы Бажена не была обделена и обижена, и у Инны сок был постоянно. За Ольгу не беспокойтесь – не дрогнет у меня рука, наливаючи ей пьянящие

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

напитки. Всё… пьем до дна!
Как это ни странно, но все, кажется, выпили до дна. А Сан Саныч, дождавшись полного поглощения, добавил: «Природа-мать мудра, да сын безмозглый».
- Сан Саныч, я тебя умоляю, - давай сегодня будем говорить только о хорошем, - сказала Надежда.
- Или хотя бы о чем-нибудь нейтральном, - подержала её Ольга. Инна и Бажена в знак согласия закивали головой.
- В такой вечер надо говорить о любви и жизни, - задумчиво промолвила Ольга.
Да, что же это с ней сегодня? – подумал я. Как минорное настроение девушке исправить?
- У Ольги отличная мысль – предлагаю выпить за жизнь и за любовь! Парни, налейте девушкам и себя не забудьте. А я попробую вспомнить стихи моего доброго друга Иннокентия Сентябрьского – он писал про любовь и про жизнь.
Полногрудые гурии ждут меня в небесах
Я надеюсь, что милость проявит Аллах…
Но прошел я всего половину пути…
О, Аллах, ты прости пригрешенья мои…

И тут, совершенно неожиданно - и для меня, и полагаю для всех присутствующих, «блеснула» Бажена:
- А вот французы говорит: «То, что входит в ладонь - то грудь, а остальное мясо».
- Так это смотря какая ладонь, - с ехидной усмешкой сказала Надежда.
- Девушки, вы отвлекаетесь на ненужные споры, вместо того, чтобы пить за жизнь и за любовь, - примирительно сказал Сан Саныч – выпьем до дня.
Какой молодец! Уловил мои замыслы и создает ситуацию? Или действительно хочет, что алкоголь у всех снял подспудную тревогу? В любом случае, ты молодец, Сан Саныч, - мысленно похвалил я его.
Если никто не возражает, я прочту еще одно четверостишие Инока про чашу вина. Народ, вошедший в состояние алкогольного опьянения, не возражал.
Манит грешного чаша вина… и забыто ученье…
И улыбки подруг разжигают хмельное веселье…
Может Истина в свитках иль в книгах ученых…
Может в кубке стеклянном… иль в сердце влюбленных…
Вечер покатился к полуночи – с шутками, подколками, веселыми историями. Я кратко пересказал свой рассказ о заявлении, в котором истица написала, что ее «насиловали в ночь с 23 февраля на 8 марта». Это вызвало новый взрыв веселья. Нервное напряжение прошедших дней и ночей смывалось алкоголем и все девушки, кроме Инны, хорошо выпили. Затем я подробно рассказывал, как правильно надо готовить коктейль «Сибирские ночи», и том, что он «очень хорошо идет под эротические поцелуи… особенно на турецком ковре возле камина»... За это тоже выпили. Я терпеливо ждал… и дождался.
- Ой, мальчики что-то я лишнего сегодня выпила, - сказала Надежды, поднимая бокал. - Хотя на таком «отдыхе», когда обслуживающий персонал и отдыхающее мрут как тараканы от отравы, нервы издерганы… Переволновалась. Все равно – это последний раз – больше пить не буду…
- Люба…
Бокал из руки Надежды выпал и разлетелся на мелкие осколки. Напряженная тишина сменила веселье.
- Я не Люба… Почему ты меня так назвал? – Надежда разом побледнела и губы с яркой помадой сильно выделялись на ее лице. Все смотрели на нее, а Виктор просто впился

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

глазами в лицо Надежды.
Явно фиксирует вазомоторные реакции… и он тоже молодец, - с удовлетворением хмыкнул я. Конечно, только мысленно. Что же обещание одного джентльмена, данное другому джентльмену, выполнено. Можно и на покой отправляться… Хотя будет ли у меня сегодня покой? Придется еще Ольгу утешать… захандрила девушка перед расставанием. Однако мысли мыслями, но надо было отвечать на вопрос.
- Я? Я тебя назвал Любой?! – мое удивление было искренним и безграничным, - Надежда, ты точно перенервничала… Тебе надо еще выпить, а потом хорошо выспаться. Я лишь хотел сказать, что любая на твоём месте волновалась бы… Да и так все волнуются на этом острове… даже мужики.
Закончил я с широкой и обаятельной улыбкой:
- И потом… «Почему не любую должен Любой звать»?
Женщина всё-таки взяла себя в руки. Молодчина, Люба! – я ей мысленно аплодировал. Если бы не нервное напряжение и алкоголь, фокус мой не удался бы.
- Извини, Олег, что-то я правда перенервничала, - вымученно улыбнулась она, - долго меня еще в Азию на отдых тянуть не будет. Спокойной всем ночи… Виктор, ты проводишь меня?
- Сан Саныч, а Вы меня проводите? – с нервным смехом спросила Бажена.
Джентльмены уже встали и делали последние глотки из своих бокалов. За ними ушла Инна. Мы остались с Ольгой наедине и молчали.
Наконец, она не выдержала:
- Языковые игры? «Черта ловят на жужалку…»? Ты… вы… все тут какими играми развлекаетесь? Или может будешь мне тут вкручивать, что случайно Надежду Любой назвал?
- У каждой случайности есть своя цель, у каждого случая есть свой смысл. «Не случайная цепь совершенно случайных событий», - так однажды написал мной друг. И я с ним полностью согласен.
- Олег… я тебя боюсь, не понимаю и боюсь… Ты мгновенно меняешь маски, ты можешь говорить практически на любые темы, но невозможно предугадать, чем ты закончишь свою речь… Я не знаю, «кто есть ху» в этой пестрой, случайно собравшейся компании, и поэтому теперь боюсь ещё больше. Половина из оставшихся в живых не похожа на нормальных туристов… а может и больше, чем половина.
Надежда… или как ее зовут на самом деле – тут самая умная из нас… из баб. Умная и осторожная, но ты ее легко заманил в словесную ловушку… Я видела, как Виктор смотрел на нее после твоих слов. Не знаю, зачем он пошел её провожать… но не думаю, что сейчас там будут трахаться. Наверное, только Сан Саныч с Баженой нынешней ночью… А может и он с «дурочкой играется»…
Ольга решительно встала, помолчала несколько мгновений и сказала:
- Спокойной ночи. Пойду, попробую уснуть после такого прекрасного вечера.
Я спустился на пирс, постоял несколько минут, слушая как волны бьются о берег. Могли эти ребята – Сан Саныч и Виктор – в «темную» использовать меня, как лоха? Безусловно, могли, особенно если работали в паре… Однако, что это меняет? Нельзя убивать безнаказанно. Всё равно я бы втянулся в эту историю при неясных обстоятельствах… сразу после смерти Николая. Каждый день надо делать по одному доброму делу… можно и бесплатно. Если кому-то помог – то пусть Создатель учтет это, когда на «тех весах» будут взвешивать мои грехи… Делай, что должно и будь, что будет…
Прав, однако, старик Кант: «Одна из несомненных и чистых радостей есть отдых после труда». Пойду и отдохну с чистой совестью. Кто может сделать больше – пусть делает…
Три раза я тихонько стукнул в дверь номера Ольги. Она открыла почти мгновенно.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Мокрые волосы, полотенце на шее, запахнутый халат, на ногах шлепанцы… Наверное, только что вышла из ванной… Не заходя в номер, молча взял ее за руку, вытянул на галерею, потом достал ключ из замочной скважины, закрыл дверь, а ключ опустил в карман халата.
Также молча довел до своего номера, в прихожей сбросил туфли, поднял Ольгу на руки и понес в комнату. Положив на постель, тихо шепнул в ушко «Жди, я сейчас»…
Трехминутный холодный душ взбодрил меня. Обернувшись полотенцем, вернулся в комнату, отбросил его и лег рядом с Ольгой. Она тоже была обнажена… прижалась и нашла мои губы…

Глава тридцать третья

День седьмой.
«Мы разошлись, как в море корабли»...

Наверное, в конечном счёте,
вся жизнь — это череда расставаний,
но больней всего бывает, если с тобой
даже не удосужились проститься.
Пи Патель

Яхта пришла за нами рано утром. На этот раз она была без туристов. Ван через бортовую радиостанцию вызвал полицию. Видимо его сообщение о событиях на острове повлекли нешуточную реакцию высокого начальства, поскольку через три или четыре часа прилетели два полицейских вертолета, на борту которых, кроме пилотов, находились шесть полицейских, в том числе – три офицера. В каком они были чине я не понял, но Сан Саныч тихо присвистнул, увидев знаки отличия одного из них. Сначала полицейские допросили Вана и Сан Саныча, а потом – используя их же в качестве приводчиков – всех нас. Сан Саныч показал полицейским тайник с винтовкой, Ван – склад с оружием в скале. Я рассказал о своих предположениях, отдал бутылку с остатками кока-колы и перекачал файлы с нужными фотографиями. Естественно, всё, что касалось только наших дел и отношений, прилетевшим осталось неизвестным.
Потом полицейские взялись за отельную обслугу. Видимо какая-то информация у полицейских была еще до прилета на остров, потому, что уже через полчаса мы увидели Цзинсуна, идущего в наручниках и в сопровождении двух полицейских.
Перед тем, как наша яхта покинула остров, полицейские на лодке отправились к подводному тайнику с наркотиками, на который им указал Виктор. Потом изъятые пакеты погрузили на один из вертолётов и вместе с двумя офицерами и арестованным Цзинсуном они улетел. Остальные полицейские остались на острове. Ван сказал мне, что за телами умерших и Аллой Петровной придет специально оборудованный полицейских катер. Ну, это было «ежу понятно» – без холодильных камер в таком теплом климате транспортировка трупов на большие расстояния просто не возможна. А «веселая вдова», наверное, должна была изображать «почетный конвой» трупов в сопровождении конвоя обычного, но предназначенного уже только для нее… Кто его знает, какой юмор у азиатских полицейских?
Во время последнего обеда царили смешанные чувства – с одной стороны все мы были рады покинуть остров, с другой – воспоминания о погибших не способствовали проявлению сильного удовольствия. Наши вещи заранее были собраны, упакованы и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

давно перенесены на борт яхты. Мы попрощались с Ваном, поблагодарили оставшихся в живых служащих отеля и по лестнице спустились на пирс.
- Ван, прости за подозрения, - сказал я, перед тем как шагнуть на трап. - Трудно верить всем, не зная языка и в такой необычной обстановке. И не дай Бог тебе еще такого туристического сезона. Удачи!
Ван печально улыбнулся, крепко пожал мне руку и сказал, видимо, запутавшись в русских выражениях:
- К черту!
Яхта легла на курс, а мы, столпившись на корме, смотрели на удаляющуюся скалу - «Остров неясных смертей». Когда он почти скрылся из глаз, все отправились в судовой бар. Я придержал Инну за локоть и попросил задержаться. Она испуганно вздрогнула, а я засмеялся:
- Боишься, что в подводный гарем к Нептуну отправлю?
- Дурацкие у тебя шутки, - ответила Инна. Ольга задержалась на трапе и молча смотрела на нас.
- Иди, - махнул я ей рукой, - сейчас мы к вам присоединимся.
Ольга спустилась внутрь. Помолчав, я сказал:
- Инна, ты умная женщина. Подумай о своей жизни, пересмотри взгляды, займись чем-то серьезным и настоящим. Не ешь ты сама себя изнутри и не мучай мужа. Иначе это плохо может кончиться… Для тебя – серьезной болезнью, а он – от усталости – может найти себе другую. Поверь человеку, любившему своих жен и пережившему два развода. Помогай мужу в бизнесе, для души займись чем-нибудь. И не важно, что именно это будет – твой личный бизнес или благотворительная деятельность, учеба или литература… А может быть художественная фотография… Ведь у тебя получаются интересные пейзажные снимки – я видел их - а это значит, что есть «чувство кадра». Хватит тебе растрачивать свою жизнь по мелочам в неосновательных тревогах и в умственной жвачке придуманных проблем. Ты умная женщина, и половина жизни еще впереди. А теперь пойдем в бар – ты выпьешь какой-нибудь полезный сок, а я – «вредное вино». На берегу, с легким сердцем я помашу тебе вслед, потому, что сказал, всё, что хотел.
Очень надеюсь, что Инна задумалась над моими словами, ибо какая женщина в душе не считает себя умной? Зачем я это сделал? Мужская солидарность – помоги незнакомцу если можешь… Делай, что можешь, и будь что будет.
И еще два коротких разговора состоялись, пока яхта шла по спокойному морю. Бажене, с глазу на глаз, предварительно сообщив, что был рад знакомству и высокого мнения о ней, как о личности, посоветовал переоценить себя и не гоняться за мужиками.
- Можно еще долго прыгать из кровати в кровать, - говорил я, стоя рядом Баженой на носу яхты, - но молодость быстро проходит, подрастает конкурирующее поколение и однажды можно ощутить свою не востребованность. Знаю одну даму, полностью растратившей себя на случайных мужиков… Сейчас перед сном поглаживает разноцветные вибраторы – черный, красный, белый и желтый – и засыпает в сильной неудовлетворенности. Подумай над моими словами – это я тебе почти по-отцовски говорю, хотя не каждый отец может на такие темы говорить с дочерями.
Если Бажена дура – может пренебречь моими словами. Если нет – то сделает правильные выводы. «Каждый хозяин своей судьбы… И доли своей кузнец…». И делай, что сможешь…
Надежде я не стал сообщать, что знаю ее настоящее имя и часть биографии. Зачем? В баре, подняв бокал и поочерёдно глядя на всех, торжественно провозгласил:
- Свободный пилот и свободный философ Ричард Бах однажды правильно сказал: «В своей жизни мы можем найти себе оправдание, а можем найти здоровье, любовь,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

понимание и счастье. Мы создаем свою жизнь силой своего выбора». Очень надеюсь, что в ближайшее время каждый из нас сделает правильный выбор – в этот момент специально посмотрел в глазе Надежде - и будет рад этому до конца жизни. Сколько бы этой жизни не осталось… Выпьем за правильный выбор, ибо только он является залогом счастья.
Sapienti sat!
Все молча выпили, и надеюсь, что каждый осознал серьезность моего призыва.
Через полтора часа яхта вошла в залив у Паттайи. В порту заказанные такси уже ждали своих пассажиров. Мы выгрузились на пирс.
- Ну, что товарищи офицеры, будем прощаться? - мой вопрос был обращен к Сан Санычу и Виктору.
- Ты так и не рассказал, как вычислил, что я майор, - улыбнулся Виктор.
- А еще он не рассказал тебе анекдот, как две группы юристов спорили на коробку коньяка, - добавил Сан Саныч.
Ты смотри-ка, - мелькнула мысль, - как Сан Саныч элегантно уклонился от скрытого вопроса про его офицерское звание, и переключил внимание Виктора. Ох, не прост, Сан Саныч, ох не прост.
- Напишу Виктора письмо с анекдотом, - как только получу коньяк, выигранный на пари, - отшутился я.
Мы пожали друг другу руки, пожелали «всего наилучшего». Виктор на прощание сказал, что «не зря он здесь так отдыхал – есть польза и будет благодарность». Польза понятно у него, а вот кому благодарность будет? Сан Саныч помахал рукой и оба уехала.
С Баженой, Инной и «Надеждой» я попрощался еще на яхте, выпив с ними по бокалу шампанского – Инна чокнулась с нами бутылочкой минеральной воды. Они тоже уже разъехались. Осталась только Ольга - она стояла в стороне и казалось чего-то ждала. Подойдя, улыбнулся и обнял ее, потом поцеловал в лоб и сказал:
- О, звезда его очей! Ты умная, красивая, богатая… Постарайся теперь быть счастливой. Прощай...
На ресницах Ольги дрожали слезы, но она пыталась улыбаться:
- Прощай, «старый импотент»… Я буду счастлива. Многому ты меня научил… меньше, чем за неделю. И, наконец-то, я поняла выражение «Самый сексуальный орган мужичины – это его мозг». И ты будь счастлив… сколько сможешь…
Дойдя до такси, Ольга оглянулась, помедлила, будто чего-то ждала или хотела сказать, но потом решительно открыла дверцу и села в салон. Глядя на разворачивающееся такси, я испытывал сложные чувства. Красиво расставаться – великое искусство! «И жизнь удалась, если коньяк, который ты пьёшь, старше женщины, с которой ты спишь»… Или спал, - горькой усмешкой блеснула шальная мысль.

Эпилог.

Два письма с неожиданными предложениями…

Над землею птицы белые летят,
Собирает их в большие стаи осень.
А за нею холода идут опять,—
Наше счастье гуси-лебеди уносят…
Из песни «Любовь останется»

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

С теми, кто был на острове я больше не виделся и ничего про них не знаю. Надеюсь, что Алла Петровна ответила за сделанное – если не перед людьми, то перед Богом. Инна и Бажена, если честно сказать, то меня не интересуют. Перевернутые страницы прочитанной книги из ушедшего времени...
Пару раз в течение следующего месяца мне звонил Сан Саныч, рассказывал окончание нашей печальной истории. О ней много писали в местных и центральных газетах нескольких азиатских стран. Но у меня после разговоров осталось стойкое впечатление, что Сан Саныч пользовался не только информацией из прессы. Впрочем, это не удивительно, если вспомнить широкий круг его знакомых в самых разных учреждениях и средствах массовой информации.
Если подвести краткий итог, то вырисовывались две версии. По официальной версии, опубликованной полицией в газетах, выходило, что убийства бармена Хонгсавана, и Вейдуна, пытавшегося скрыться с острова на катере, совершил Цзинсун. Преступления были результатом столкновения интересов двух преступных кланов, пытавшихся взять остров под свой контроль для последующей контрабанды наркотиков. Ким Кук погибла как случайный свидетель, на свою беду видевшая, как после выстрела Цзинсун спускался с вершины скалы. Мое предположение оказалось правильным – Цзинсун ее задушил. По неофициальной версии, которую я сформулировал сам после аккуратных недомолвок Сан Саныча (не всё же он мог в открытую говорить по телефону), Вейдун был агентом полиции, внедренным в одну из группировок. Когда и на чем он «засветился», было не ясно, но видимо почувствовав опасность он решил бежать с острова. Наверное, лично я никогда не узнаю всех подробностей тех печальных событий. Впрочем, иногда всех подробностей не знают даже люди, проводившие официальное расследование.
Сан Саныч видимо поддерживал контакт с Виктором. От него узнал, что «Надежда не умерла последней» и Виктор теперь «на хорошем счету у партнеров». Значит удалось нейтрализовать замыслы «Надежды-Любы»… А может быть она сама от них отказалась. Умная женщина сообразила, что денег может быть много, а вот жизнь – только одна. Со слов Сан Саныча также знаю, что у Вана все нормально – продолжает руководить отелем.
Я вспоминал тот далёкий остров в южном море, а «Белый орел» пел «Дорогую пропажу» Александра Вертинского:
Самой нежной любви наступает конец,
Бесконечной тоски обрывается пряжа...
Что мне делать с тобой и с собой, наконец,
Как тебя позабыть, дорогая пропажа?!

Не в первый раз слушая прекрасный поэтический текст, думал – насколько обоснована версия, что Вертинский был звездой довоенной советской разведки?
Когда звучал проигрыш после первого куплета, компьютер подал сигнал, что пришли электронные письма.
В одном - на фирменном бланке «Агентства маркетинговых исследований» - Виктор, в очень вежливой форме, задавал вопрос о возможности консультаций его сотрудников по отдельным вопросам, связанных с текущими делами. Достойное вознаграждение гарантировалось…
Второе письмо было сугубо личным. Ольга писала, что на новую работу она пока не устроилась – нет интересных предложений с высокой доходностью… Поэтому «занимается самообразованием и серьёзно подумывает получить еще одно высшее…».
«Молодые женщины, даже если они очень богаты, - должны работать. Праздная жизнь развращает, а безделье, как известно «мать всех пороков и кузница Дьявола», - подумал я, прочитав эти строки.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Дальше Ольга довольно сухо сообщала, что ознакомилась почти со всем, опубликованным мной в интернете. Но «отдельные аспекты литературного творчества конкретного автора всё же не были понятны до конца», и поэтому «есть предложение обсудить их в Праге в рождественские каникулы»…

В конце письма, выразив надежду на правильное понимание ее предложения, Ольга добавила, что номер в хорошем отеле на тихой улице в центре Праги уже забронирован, билеты куплены, вылет из Москвы вечером 22 декабря...

И еще была приписка: «Там… на пирсе, я обещала тебе и себе быть счастливой… Но увы, без тебя это пока как-то плохо получается»…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Ольков Николай Максимович

с.Бердюжье (Тюменская область)

Родился 24 августа 1946 года в селе Афонькино Казанского района Тюменской области. Окончил Литературный институт имени А.М. Горького Союза писателей СССР в 1976 году. Работал в районных и областных газетах нескольких регионов страны. Возглавлял районный отдел культуры. Был предпринимателем. Построил православную церковь в селе Бердюжье Тюменской области, где сейчас живёт и работает.
Автор девяти романов, четырнадцати повестей и около пятидесяти рассказов.
Член Союза журналистов СССР и России, член Союза писателей России.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ЧЕРЕМУХИ ЦВЕТ

Мне рассказал эту незатейливую на первый взгляд историю, но полную загадочных совпадений и немыслимых поворотов сюжета, пожилой уже журналист, с которым мы оказались в одном доме отдыха в сезон, надо сказать, не самый лучший. Была зима, сильные февральские морозы со свойственными такой поре ветрами, не выпускали отдыхающих в сосновый бор, который был единственной достопримечательностью этих мест. Мы заехали в один день, сразу сошлись, разница в возрасте как-то сама собой потерялась, потому что сосед мой оказался человеком довольно общительным и эмоциональным. Когда я узнал его профессию, все стало понятно: нельзя людям его дела быть равнодушными и флегматичными, такие не могут заинтересовать меня своим скучным изложением увиденного, а переживаний у них не бывает по определению.
Он назвался Петром Петровичем, был среднего роста и средней же полноты, черты лица приятные, чуть поредевшие волосы зачесаны на косой пробор и всегда в полном порядке, чистые и спокойные. Выпить мой сосед в первый же день отказался, без затей объяснив, что «ему пая нет», чем ввел меня в крайнее смущение: я подумал, что он говорит о неучастии в приобретении бутылки коньяка. Заметив мое замешательство, Петр Петрович заливисто засмеялся, несколько раз сильно хлопнув в ладоши. Смеялся он примечательно, громко и от души, в самые пиковые моменты переходя даже на свист, у нас еще будет много поводов для этого. Мне же он объяснил, что имеет в виду отведенную ему норму, «свой пай выпил давно», но против ничего не имеет, если я развлекусь коньячком.
Раскрыв свою большую сумку, он вынул портативный компьютер и большой фотоаппарат, улыбнулся, развел руками:
– Думаю тут поработать, надо написать одну вещицу. Я ведь, брат, балуюсь письмом, не могу не писать. Правда, не предполагал, что окажусь с соседом, это меняет условия, придется выходить в холл.
– Нет-нет, вы работайте, я буду уходить.
– Куда? – весело спросил Петр Петрович. – Вы не сумеете мне угодить, вот уйдете, будете где-то маяться, а я ни строки не напишу, потому что настроения нет. И напротив, вы в комнате, а меня подперло, дрожь в руках. Уж лучше я застолблю место в холле, там замечательно, в углу за фикусом, уже присмотрел.
Он вставал удивительно рано, забирал свой компьютер и уходил, оставив меня досыпать, возвращался перед завтраком, хмурый, недовольный собой, ел без аппетита, потом снова прятался за своим фикусом. Только после ужина оставался в комнате, ложился на кровать и молча смотрел в потолок. Я не знал, как себя вести. Перемена с моим соседом случилась быстро и столь неожиданно, что подумалось, не заболел ли.
– Вы не спите, Петр Петрович?
– Нет. Слушаю вас.
– Не сочтите за любопытство: как сосед, я просто обязан спросить, что случилось? Вы сильно изменились, как только стали уходить работать.
Он помолчал.
– Видите ли, я пишу сложную для себя исповедь, чтобы в письме хоть сколько-нибудь соответствовать внутреннему состоянию, должен всякий раз вживаться, пытаться разум приблизить к душе. Надеюсь, вы согласитесь, это довольно непросто, и вся

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

писательская сложность как раз в том и состоит, чтобы научиться мыслью познавать чувство, перенести его на бумагу. Конечно, я опускаю разговор о том, что душу и переживания нравственные, как минимум, надо иметь, без них ничего не бывает в литературе. Вы меня извините, я вынужден уходить в себя, чтобы сохранить это состояние, не растрясти, не утратить в праздных разговорах, понимаю, что со мной скучно, потому и просил отдельную комнату.
Я тут же перебил собеседника страстными заверениями, что у меня нет никаких претензий, что крайне неловко себя чувствую оттого, что не могу создать своему товарищу приличные условия для работы.
Он никак не отреагировал на мою тираду и продолжал смотреть в потолок, хотя заметно было, что весь он со своими мыслями очень далеко от нашей комнаты. Я выключил прикроватную лампу и затих. Петр Петрович еще с полчаса лежал неподвижно, потом сел, посмотрел в мою сторону, глаза наши встретились.
– Вы тоже не спите? Знаете, я должен кому-то рассказать свою историю, которую пытаюсь писать. Есть несколько моментов, они смущают, не могу найти им места.
Я поднялся, потянулся было за сигаретой, но вовремя одумался.
– Ничего, закурите, люблю, когда пахнет хорошим табаком, а у вас, заметил, табак приличный. Потом комнату проветрим.
Я закурил.
Метель в этот вечер была какая-то бешеная, порывы плотного, упругого воздуха срывали верхушки сугробов, с размаху бросали сухую белую массу в стену нашего корпуса, а потом кружили снег по двору, беспорядочно распределяя между чахлыми кустиками аллеек, забором и подсобными строениями. После ужина я пытался пойти погулять, но вернулся, не пройдя и ста метров, так силен был ветер и так много снега швырял он в лицо насмелившемуся человеку. Несколько времени постоял на веранде, через стекло наблюдая буйство стихии, и ушел в комнату.
Петр Петрович словно забыл о своем намерении рассказать мучившую его историю и забыл о моем присутствии, он все так же сидел на кровати, лицо чуть покраснело, глаза наполнились слезами. Мне стало не по себе. Наконец, он встал, включил чайник, приготовил добрую порцию настоящего индийского чая, залил кипятком и сел, держа в руках горячую фарфоровую чашку.
– Не знаю, друг мой, с чего начать свой рассказ, чтобы вам было все понятно. Я журналист, как вам известно, но уже лет пятнадцать пишу прозу, издаю книги, писатель, так сказать. Догадываюсь, что имя мое вам не знакомо, и не только потому, что вы из другой области. Тиражи книг по финансовым причинам ничтожно малы, и не только моих. Эти сволочи сделали все, чтобы народ довольствовался мерзкими детективами и откровенной пошлятиной. Впрочем, не об этом речь, информация о писательстве вам совершенно необходима. Итак, год назад я по договоренности с одним журнальчиком готовил материал о большом сельскохозяйственном предприятии, жил там несколько дней, с руководителем и раньше были хорошо знакомы, а за это время и вовсе подружились. Его Иваном Егоровичем зовут. Он сам возил меня на производство, сам комментировал, замечательно проводили время. И вот приехали мы в маленькую деревню на вечернюю дойку, надо было заснять лучших доярок, посидели в комнате отдыха, в урочный час пошли в коровник. Вы не бывали в коровниках? Поразительные перемены, скажу вам, я захватил еще ручное доение, когда доярки с бидончиком ходили. Труженицы! Пришлось мне сопровождать делегацию животноводов района, в котором тогда работал, на областное совещание передовиков. Моя задача состояла в том, чтобы у них никаких житейских проблем не было. Уложил всех спать, тогда в Тюмени одна гостиница была, «Заря», номера на семь коек, как раз для всей женской

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

делегации. Просыпаюсь: кто-то ходит по коридору. Выхожу, доярочка наша передовая, Балясина, ходит и руки сомкнутые, как малое дитя, качает. Спрашиваю: «Вы почему не спите?». И знаете, что она ответила? «Рученьки мои не спят, так их ломает, время пять, утренняя дойка начинается, им работать надо». Вот так. На этом предприятии ферма современная, чистота, как в приличной столовой, запаха совсем нет, хороших денег стоит это удовольствие, но не о том речь… Снял я доярок, их теперь операторами зовут, а они молодежь, старых сейчас не держат, и вдвоем встанут, и втроем: сделай милость, увековечь! Нащелкал их, дела все закончил, вернулся домой. Да, следует вам знать, что мужчина я одинокий и уже давно, жена моя от меня ушла, правда, развод не оформляли, она не настаивала, да и у меня не было намерения жениться. Уже тогда начал много писать, а дело это, брат ты мой, одиночества требует, потому, если женщина у меня появлялась, то лишь на вечер. Дома скачал все отснятое в компьютер и стал отбирать снимки для обработки. И вдруг увидел ее.

Он задохнулся, отхлебнул чаю, я во все глаза наблюдал за рассказчиком. Его волнение передалось мне, мы оба молчали.

– Снимок, – он тихонько откашлялся, – снимок был групповой, три девушки, она в центре. Я крупно взял ее лицо, и она прямо в душу мне заглянула. Наверно, преувеличиваю, но глаза ее выразительны, в тот момент был поражен. А лицо! Поверьте, друг мой, я видел тысячи лиц на фото, мне хорошо известно, что может фотография. Она одного не может, даже современная цифровая, из обыденного сделать благородство. Деревенская девчонка, самая простая, как медный пятак, а лицо… пушкинского времени, барышня светлая. Продолжаю работать, и время от времени открываю файл, любуюсь портретом. Да… Понимаете, я никогда не был аскетом, и вино пил, и женщин любил, но чувства большого не испытывал, а тут вдруг затосковал. Гоню от себя мысли о ней, а они приходят, даже во сне. Кажется, чего бы проще, садись в машину и к ней, знакомься, наводи мосты. Но, надеюсь, вы понимаете мое смятение: девочка, девчонка совсем, а я сед, в два раза старше. Подумаю так, и вроде устыжусь, охлыну, только не надолго, к тому времени в городской лаборатории большой портрет ее сделал, положил в стол. Ничего не скажу, стыдился ее, изредка достану, полюбуюсь и спрячу. Чего, кажется, прятаться, поставь на стол и смотри, ко мне в кабинет вообще никто не входит, ан, нет, стеснялся, ее стеснялся. Журнал материал напечатал, Иван Егорович приглашает в гости, машину за мной прислал. Посидели за чаем, он тоже не пьет спиртного, а я никак не могу найти подхода, чтобы заговорить о той ферме и о той девушке, ведь даже имени ее не знаю. Вы не поверите, это мистика какая-то, но ближе к вечеру хозяин предлагает съездить в ту самую деревеньку, мол, есть у него разговор к животноводам, да и автору, дескать, полезно пообщаться с героями своего очерка. Можете себе представить, что со мной творилось, хозяин даже поинтересовался, как себя чувствую. Приехали рановато, девушки только собираться начали, а я все на дверь посматриваю, и вдруг входит она. С морозца румяная, шаль сбросила, пальтишко повесила, прошла вперед, села. Я себя не помню, смотрю на нее: она – и уже вроде другая, голос звонкий, улыбка открытая, головку повернет – волосы скатятся на сторону. Я ведь ее совсем тогда, при съемках, не заметил, по фотографии одну представлял, а тут она другая, живая, неожиданная. И вдруг моя героиня говорит, обращаясь к руководителю, что корреспондент снимал, а фотографий-то они пока не видят. Иван Егорович засмеялся и пообещал, что Петр Петрович непременно сделает фотографии и передаст их лично Марине Николаевне для всего коллектива. Конечно, он не мог знать о моих сердечных муках, потому что я даже сам себе в них боялся признаться, но, видно, был чей-то промысел, чтобы свести меня с этой девушкой хотя бы раз.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Очень приличный повод! – обрадовался я.
– Верно, – мой рассказчик оживился. – Фотографии мне напечатали, они со мной в машине катались все время, и как-то в Тюмени в одной конторе встречаю Ивана Егоровича, напоминаю, что с его подачи я должником оказался и осторожно намекаю про Маришку: мол, поручили лично ей передать, а кто она такая – не знаю. Он хоть и крутой бизнесмен, но душу еще не заложил, трогательно о ней говорил, что осталась она круглой сиротой с братиком на руках, бабушка помогла им вырасти. Девчонка техникум окончила, зоотехником стала, в институт заочный поступила, теперь брата доучивает в школе. Редкая по нынешним временам самостоятельность. Сказал, что домик у нее с голубыми наличниками, не ошибешься, я на всякий случай предложил ему взять фотографии, а он смеется: «Вы обещали, вы и вручайте». Никаких намеков, так все простодушно. И я поехал. Был конец мая, кругом зелено, улочка ее с одной стороны застроена, а напротив болотце, по весне наполнилось водой, что твой пруд, по бережку черемуха растет. Столь много ее, что белый от цвету весь берег, словно в снегу кусты. Подъехал к домику, из машины вышел, потерялся совсем, такая робость напала, как в юности, только и спасло, что она сама вышла. Улыбается беззаботной улыбкой, светится вся. Поздоровались, на скамейку сели, я фотографии достаю. Она недовольно губку вздернула: «Какая-то я тут непохожая, а тут смеюсь, будто пьяная». И говорит, говорит, что снимки на ферму унесет, что доярки над ней подшучивать будут, а я глаз от нее не отвожу, такая во мне жаль, такая боль загорелась. «Что же вы молчите? Я не люблю, когда молчат. Говорите!». А что говорить? Что одурел от девичьей свежести и простоты, что видеть ее для меня уже радость и счастье? «Можно, я к вам еще приеду?». «Приезжайте, – улыбается, – в любое время». Много ли мужчине надо? Только всего и сказала, а у меня сердце петухом поет. Глупость, конечно, но случается. Еще одна странность: действительно, не похожа Маринка на свою фотографию, это она правильно заметила, но я-то позднее объяснение получил от нее. «Вы, – говорит, – придумали меня, а я такая, какая есть». Вот как точно! Встаю со скамейки, прощаться пора. Про телефон спросил, опять разрешения спрашиваю, Маринка смеется: «Звоните, только меня трудно дома застать». «Можно, я веточку черемухи на память возьму?». Побежала, надломила бутончик, быстрым шагом идет через улицу – легкая, словно плывет, а улыбка открытая, как будто рада она мне до невозможности. Как мне хотелось в тот миг обнять ее с разбегу и зажать, затискать в осторожных руках! «Завянет, пока везете, черемухи цвет – на одно мгновение». «Память о нашей встрече буду хранить». «Глупости это». «Так я приеду еще?». «Приезжайте».
Рассказчик мой опять замолчал, долго сидел почти неподвижно, слегка потирая виски. Увлеченный этой историей, я ждал продолжения, ничем не мешая воспоминаниям. Наконец, Петр Петрович встал, прошелся по комнате. Вьюга за окном стала стихать, фонарь на соседнем столбе перестал раскачиваться и бросать желтые блики на шторы.
– Вы еще слишком молоды, чтобы понять состояние человека, впервые осознавшего свой возраст, не старость, а просто возникновение для него возрастного ценза. Наступает такое время, когда о любви вообще говорить неприлично, а о чувствах к молодой девушке…, если она тебе в дочери годится… Но я себя знаю, столько в себе копался, что всякие движения души понимаю, к чему они ведут – догадываюсь. Должен признаться, что при всей своей эмоциональности влюблялся редко, обошел меня создатель таким талантом. Или наказанием, не знаю, что лучше. А тут точно определил, что влюбился в эту девочку так страстно, как никогда до этого не случалось. Я же не юноша, отдавал себе отчет, что неладное творю. И затих, стиснул сердце и молчу, не звоню, не еду. Доложу вам, что самое тяжелое в жизни – собственное сердце в руках держать. Только недолго это продолжалось, набрал ее телефон, голос услышал и не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

нашел ничего другого, как попросить десять минут для встречи. Десять! А до нее ехать два часа. Стою на трассе у дорожки, что с фермы ведет, одна женщина прошла, другая, я включу фары – нет, не Маришка. Долго стоял, потом набрал ее телефон с мобильника, брат отвечает, что она на работе, что-то сломалось у них на ферме. Уже ближе к полночи с фермы к ее домику подкатила машина, видимо, управляющий подвез. Конечно, не стал беспокоить, на второй день звоню, повторяю просьбу, она беззаботно соглашается. «Только, – говорит, – не знаю, когда освобожусь». И опять стою на том же месте, всех встречаю и провожаю, опять не могу дождаться, к тому же телефон домашний не отвечает. Так огорчился, что на повороте скорость не рассчитал, за малым в кювет не слетел. Разжигаю себя, что и с фермы по другой дорожке ушла, и телефон выключила специально, два дня молчу, потом звоню, с ужасом жду ответа. А она, как ни в чем не бывало, поясняет, что уезжала в офис с отчетом, на ферме не была, а телефон не работает – так это часто бывает. Опять еду! Садится она в машину и смеется радостно: по деревне слух прошел, что появился какой-то маньяк на легковушке, который женщин с фермы выслеживает. А управляющий ей понимающе подмигивает: «В ночь поломки ты одна из женщин на ферме была, машина весь вечер крутилась, я же видел, сколько он кругов по снегу нарезал, выходит, тебя и ждал». Ребенок, чистый ребенок, ей интересно, что все боятся, и только она одна знает истину. Понимаете, она сказала: «Я же знаю, чей это ухажер!». Стыдно сказать, но я принял было случайную реплику на свой счет. Конечно, сгоряча.

Петр Петрович тяжело вздохнул, опять походил по комнате. Воспоминания, как мне казалось, были ему приятны, он с болью и удовольствием переживал еще раз уже бывшие свои чувства, возможно, тут же примерял устный свой рассказ к тому, что писал в углу за фикусом. Он включил чайник и опять заварил крепкий чай. Я молча наблюдал со своего места за этим немолодым уже человеком и невольно поражался огромной внутренней силе и красоте. Мы отвыкли от откровенных проявлений возвышенного, от чистых чувств, временами его рассказ казался мне повестью тургеневских времен, не будь в нем автомобилей, телефонов и прочего.

– На чем мы остановились? – отхлебнув чай, спросил сам себя Петр Петрович. – Да, не стоит и говорить, с каким настроением ездил на эти свидания, состояние мое было столь высоко, что писал по десяти страниц в сутки легко, без напряжения, сейчас перечитываю эти тексты и нахожу их вполне приличными. Только ничего не менялось в наших отношениях, я, честное слово, даже затрудняюсь определить, в качестве кого я при сем присутствовал, а уж точно не любовник. Совершенно! Говорили о пустяках, хотя заранее готовился к более серьезному разговору, но при ней все забывал или боялся, могу признать. Даже за руку ее ни разу не взял.

– А она? Она же приходила на ваши встречи, в машину садилась. Ну, не просто же так?

– Вот на это не могу ответить, не знаю! Предполагать можно что угодно, в повести обязан буду найти объяснение, но в реальности не могу ничего сказать за нее, за Маринку. Одно только ясно, что корысти с ее стороны никакой и быть не могло, она с первого разговора категорически отказалась от какой-либо материальной поддержки, даже подарки принимала с оговоркой, вполне достойно. И вот в ноябре она уезжает на сессию, мы встретились за два дня до отъезда, очень недолго поговорили, она махнула ручкой «До свидания» и ушла. Учеба на полтора месяца, предлагал купить ей мобильник, она отказалась, спросил разрешения приехать – «Не надо, очень много занятий».

Он опять надолго умолк, бессмысленно держа в руках чашку с остывшим чаем, я тоже молчал, понимая, что не имею права вмешиваться.

Ветер продолжал буйствовать, и тепло в нашей комнате спасало только расположение

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

ее с подветренной стороны, но плотные шторы беспокойно покачивались, вползая на подоконник и плавно скатываясь с него.
– Не утомил я вас рассказом? – неожиданно спросил Петр Петрович.
– Конечно, нет, но, если вам трудно вспоминать – не нужно, не тревожьте душу.
– Это вы напрасно, моей душе сейчас как раз и нужно это выплеснуть, слишком много на ней скопилось всего. Да… Когда началась реформаторская чехарда, я оказался без работы, русский человек доверчив, как ребенок, и раб ваш покорный за чистую монету принял болтовню о свободе, один материал опубликовал «не к месту», второй. Там и критики особой не было, я сельские районы хорошо знал, видел, куда их заводят перемены, вот и излил душу в нескольких очерках. Два напечатал, остальные вернули вместе с трудовой книжкой. Сильно обидно было, уехал в деревню, купил домик, два магазина арендовал и начал торговать. Противное, мерзкое это дело, но у меня много знакомых на оптовых базах, я уже при капитализме продукты закупал по социалистическим ценам, была такая ситуация года полтора. Дела мои круто пошли, цены низкие, а доход приличный, потому что закупал удачно. И вот однажды километров сто преследовала меня паршивая иномарка, я на «девятке» ухожу, они пытаются обойти, знаки подают. Останавливаться нельзя, у меня полный дипломат денег, расчет везу на фирму. В общем, ушел, но страх появился, обратился к начальнику милиции, у нас хорошие были отношения, он мне «Макарова» организовал. Я у него в тире пострелял, до этого пистолета в руках не держал, конечно, сплошное «молоко» на мишенях, а он меня успокаивает: «Ничего, когда бандиты прижмут, не промажешь». Не стал ему говорить, что в живого человека не смогу выстрелить, я и курицы в жизни не зарубил. Торговлю скоро бросил, но пистолет остался, начальник тот большим человеком в органах стал, всякий раз мне разрешение продлевал.
Вот пистолет этот и сыграл роковую роль. Я с возрастом хандрить научился, такая тоска порой накатит – хоть в петлю. Обратился к докторам, депрессия, говорят, надо лечить нормальным образом жизни. Работал много, писал по ночам, даже засыпал за компьютером. В ноябре издал большую книгу, ее не поняли, не приняли, в писательской организации обхамили, почти ничего не продал. Такая дичь! Зол был на весь белый свет, в тоску впал. И Маринки нет, звоню – тишина.
– А брат? Он же оставался дома.
– Конечно, но – тишина, как будто нет никого. Знаете, как бывает, пришла беда – открывай ворота, одно к одному. Две недели из дома не выходил, ко мне никто не ходит и не звонит. И тут я про пистолет вспомнил. Вынул его из сейфа, смазку протер, чакнул вхолостую, положил на стол. Вам может показаться странным, друг мой, да и я немало тому удивился: совершенно спокоен! Даже руки не дрожат. Тут же обоймы с патронами, а мне и надо всего один. Вот решение, вот выход! Как говорил мой покойный отец, «плакущих по мне немного», родных никого, а кто и есть, так не роднимся по разным причинам, возможно, и я виноват. Представьте себе, внутренне готов. И тут она.
– Приехала! – вырвалось у меня.
– Нет. Портретик тот в открытом ящике стола. Зачем полез – не помню, а взгляд у нее острый, осуждающий, прямо материнский взгляд, и улыбка лукавая на губах. Сгрохотал ящиком, избежал взгляда, а сам уже другой, куда решимость подевалась, убрал оружие, охватил голову, плачу. Над чем плачу? Да над собой, над жизнью своей никудышней, над скорой расправой. Жалко, видите ли, себя стало. Нажал две цифры на телефоне, электронная барышня сообщает, что сегодня 31 декабря. Год кончается, а я и не знаю, счет потерял. И вмиг у меня все перевернулось. В новогоднюю ночь всякие чудеса случаются, будь что будет, но Марину Николаевну, Маришку, как звал ее для себя,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

увижу.
Без предупреждения, без телефонного звонка еду в деревню, пробираюсь по сугробам к домику заветному, свет во всех окнах, выхожу из машины, набираю на мобильнике номер, отвечает женский голос, но не ее. Успел подумать, что кто-то из подруг праздновать пришел, поздравляю с наступающим, прошу пригласить Марину Николаевну. И слышу: «Она тут больше не живет». «А где она живет?». «Не знаю». «Простите, но вы ее квартиру занимали, неужели не знаете, куда она уехала и почему?!». «Не знаю, потому что нам квартиру от производства дали, я на ее месте зоотехником, мы из Казахстана приехали». Вот и все.
– Но вы ее нашли?
– Зачем? Мне кажется, судьба специально так нас развела, чтобы меня не загонять в угол, не было у нее другого выхода. Смотрите, как славно все разрешилось, никаких разочаровывающих объяснений, никаких трагедий. Незавершенность, незаконченность развития сюжета всегда была одним из ловких приемов в литературе, почему бы ей ни быть таковой в жизни?
11–17 января 2007 года

Букет

Дмитрий Борисович Витюков был редактором маленькой районной газеты в маленьком и не очень перспективном районе, дело свое не любил, но знал хорошо, мог четко поставить задачи сотрудникам, сам писал передовицы, обзорные статьи и даже очерки о хороших людях. Все в районе его знали, относились почтительно, все привыкли к его членству в руководящих органах и мягкому, ровному голосу при выступлениях, он считался человеком без будущего, но успешным и состоявшимся. Как-то ему даже вручили медаль «За трудовую доблесть», что вообще для газетчиков было редкостью. Дмитрий Борисович и сам уже верил, что жизнь прошла, вялотекущая действительность его мало волновала, как, впрочем, и дом, и жена. Все стало привычным, ровным, скучным. Он заметно отяжелел и в свои почти пятьдесят выглядел старше и даже запущеннее. Очень любил читать, выписывал несколько журналов, покупал книги, в библиотеке ему всегда оставляли новинки. Он молча брал и молча приносил. Как-то заведующая попросила его высказаться о новом романе известного писателя на читательской конференции, на что редактор пожал плечами, но промолчал.
Дмитрий Борисович и сам забыл, что когда-то был немножко другим, чуть энергичнее, чуть эмоциональнее, в Уральском университете, где он учился на журфаке, в самодеятельности читал со сцены, имел успех, особенно по патриотической тематике. Маяковский в его исполнении был неповторим, голос и чувство завоевывали внимание слушателей, и зал обычно взрывался аплодисментами. На одном из студенческих концертов он увидел белокурую девушку, которая в паре с молодым человеком танцевала какой-то остроумный сюжетный танец. Стоя в кулисах, Дмитрий наблюдал за ней и восхищался, так она была грациозна и легка, мила и шаловлива. У стоявшей рядом однокурсницы спросил, кто та, что танцует, узнал, что с филологического, кажется, Середина. Дмитрий так и не уточнил ударение, Середина или Середина. Впрочем, какая разница, все равно он не подойдет и не будет говорить ей комплименты, и потому что не умеет, и потому, что сейчас его выход, «Стихи о советском паспорте». Громовым голосом он выдал знаменитую завершающую фразу, поклонился и ушел под грохот аплодисментов, в кулисах остановился, вытер платком лоб. Нервная дрожь легонько колотила его, но это было приятно, радовал успех, завтра декан непременно поблагодарит его перед лекцией, потому что декан в парткоме университета отвечает за

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

идеологию, а Дмитрий и Маяковский очень даже этому способствуют. Он не сразу осознал, что есть еще одна причина для радостного настроения, эта маленькая светлая девушка со странной фамилией, надо бы найти ее, познакомиться. Он сам испугался этой мысли.
– Вот вы где, а я на выходе жду.
Она смотрела на него с обезоруживающей улыбкой, в короткой юбочке и белой кофте, в черных туфлях-лодочках. Лицо круглое в обрамлении волнистых светленьких волос, глаза голубые, губки чуть вздернуты, наверно, потому и нос тоже немножко вверх… Красивая!
– Я должна вам сказать, что вы очень здорово читаете Маяковского. Я бы тоже хотела, но у него стихи мужские, те, что можно со сцены. А вообще поэт – лирик, вы любите его лирику?
Никакой лирики Маяковского Дмитрий не читал и не знал, но молча кивнул, что любит.
– Это хорошо, – довольно сказала девушка. – Меня зовут Лиля, а вас?
– Дмитрий, Дима.
– Вы на каком?
– Журфак.
– А я литфак, филология. Третий курс. А вы?
– Тоже третий.
– Здорово! Пойдемте, или вы еще читаете?
– Нет, могу уйти.
Они вышли из дома культуры, где проходил праздничный концерт в честь годовщины Великого Октября, на город медленно падал снежок, закрывая вчерашнюю грязь, мутные лужи и черный тротуар. Лиля туфли несла в сумке, смело шагая в поношенных сапожках, Дмитрий в туфлях вынужден был прыгать через лужи, разметав полы широкого плаща, под задорный смех своей красивой спутницы.
За двадцать минут пути до общежития Лиля рассказала о себе почти все: она из маленького уральского городка, родители учителя в третьем колене, ее так же воспитали, в семье еще брат и сестра, но брат в Армии, а сестренка в следующем году тоже приедет поступать на филологический.
– Дима, вы почему молчите? Куда подевалась ваша сценическая мужественность и громогласность?
Дмитрий остановился:
– Вы меня извините, но я привык больше слушать, сцена – это совсем другое, а в жизни я…, наверное, стеснительный.
Лиля подошла к нему, приподняла кепку, надвинутую на самые брови:
– Давай перейдем на ты, что мы, в самом деле, как на балу?! Ты деревенский?
– Да, – обреченно признался Дмитрий и подумал: «Ну, все, это конец, сейчас она уйдет».
– Ой, как здорово! Я люблю деревню, каждое лето мы на месяц уезжали к теткам, у нас их много на Урале и в Курганской области, это сестры родителей. Чудные места и народ добрый. Ведь в деревне народ чище, чем в городе, согласен?
– Да, – кивнул Дмитрий.
– Расскажи о своей деревне.
– У нас село…
Дмитрий вспомнил о большом изгибе бывшего берега древнего моря или реки, ставшего местной горой, о своем старом селе Афонино, об одноименном озере, точнее – старице, в которой он дважды тонул в детстве, о таинственном и хмуром сельском кладбище, которое в начале века обосновал местный священник и на котором покоится

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

прах его мамы. Он опасался, что Лиле это будет не интересно, но она слушала, сочувственно жала ему руку, когда он говорил о маме, смеялась, когда рассказывал о приключениях на рыбалке или в лесу.
У общежития Лиля сказала, что ей приятно было познакомиться с Димой, Дима буркнул в ответ, что ему тоже, и замолчал. Девушка улыбнулась:
– Дима, я жду, что ты назначишь мне свиданье хотя бы через день, завтра у нас семинар, я не смогу. Давай встретимся послезавтра?
– Да, – кивнул Дима.
– В семь часов вечера здесь же. Не забудешь?
– Не забуду.
Он был взволнован, очень рад знакомству и злился на свою беспомощность. Конечно, надо было еще в школе научиться танцевать, приглашать девушек, дружить, попробовать целоваться. А он влюбился сразу и безнадежно в самую красивую девушку класса и школы, мог только украдкой на нее смотреть, все знали о его влюбленности и все потешались над ним. Он очень страдал, когда она на школьных вечерах в тесном коридорчике танцевала под радиолу с ловкими и улыбчивыми парнями, когда на переменах смеялась в кругу одноклассников, в который он почему-то не мог войти. Он вообще казался чужим, не ходил в кино, всем прочим занятиям предпочитал книги, и только несколько раз в году становился героем школы, когда под давлением учительницы литературы Веры Алексеевны участвовал в концертах и конкурсах чтецов, занимая первое место.
В год окончания школы Дмитрий Витюков стал печататься в районной газете, его пригласили на районное совещание внештатных корреспондентов, и он там толково выступил, тогдашний редактор назвал его очень перспективным журналистом. С тех пор Дмитрий окончательно потерял покой, много занимался, готовился к вступительным экзаменам в университет. На выпускном вечере та красавица призналась ему, что ей приятны его чувства и что он тоже ей нравится, но Дмитрий к тому времени уже остыл, и этот разговор остался без продолжения.
Как он был благодарен и признателен Лиле, она не ждала его инициативы, не рассчитывала на его сообразительность, сама покупала билеты в кино и театр, сама подводила его к кафе и, смеясь, приглашала. Он смущался, что-то лепетал, но все проходило вполне пристойно. К Новому году Дмитрий с ребятами заработал хорошие деньги на разгрузке вагонов, они устроили вечер с шампанским и богатыми закусками. Лиля была рядом с ним, они танцевали, Димка после шампанского осмелел, приглашал ее снова и снова, Лиля беззаботно смеялась и тихонько ойкала, когда партнер в очередной раз наступал ей на ногу.
Погода была морозная и ветряная, окно комнаты затянуло развесистыми узорами, от прогулки по улицам сразу отказались. Теснились, танцевали, задвинув в угол стол. Пока меняли пластинку, Лиля шепнула Димке на ухо:
– Давай уйдем.
– Куда? – не понял он.
– В коридор выйдем?
Они незаметно вышли, Лиля потянула его за руку подальше от шумной кампании.
– Димка, мне скучно, – нежно глядя ему в глаза, сказала Лиля.
– Что я могу сделать, чтобы тебя развеселить? – несмело спросил он.
– Пойдем в нашу комнату, девчонки разбежались, мы будем одни.
В комнате было непривычно тихо, все аккуратно прибрано, Лиля сказала, что не будет включать свет, от уличных фонарей все видно. Она подошла к Димке, положила руки ему на плечи:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Дима, поцелуй меня.
Димка понимал, что так и будет, уже был готов, осторожно взял ее головку в руки и неожиданно крепко поцеловал. Она с облегчением вздохнула, уткнулась в его грудь и прошептала:
– Господи, я уж боялась, что ты на это никогда не насмелишься.
Димка тяжело дышал и сердце его колотилось.
– Лиля, да, я трус, я боюсь сделать что-то не так, обидеть тебя и отпугнуть. А сегодня осмелел, теперь все время буду тебя целовать.
Они долго сидели на кровати, обнимаясь и целуясь, Димка ощущал трепетное тело девушки, упругую грудь, ее прерывистое дыхание. Она была так близко, только одно движение, и кнопочки блузки распахнутся, а юбочка и без того сбилась, но он вздрагивал и одумывался.
Когда постучались Лилины подруги, оба они были измотаны и обессилены, Лиля открыла дверь и включила свет. Димка смущенно жался к пустому столу.
– С Новым Годом, Дима!
– С Новым Годом, девчата! Лиля, я пойду.
Она вышла его проводить, он хотел обнять ее, но Лиля убрала руки:
– Иди, уже поздно.
– До встречи, Лиля.
– До свиданья.
– С Новым Годом!
– С Новым Годом!
Дмитрий Борисович и теперь, в зрелом возрасте и приличном уме, не нашел бы ответа на вопрос, что же именно изменилось в их отношениях с Нового Года, но точно Лиля переменилась, стала сдержанней, сромнее, что ли, при избытке его скромности их прогулки и беседы были просто товарищескими и очень краткими. Димка не обращал на это внимания, предполагая, что Лиля усиленно готовится к экзаменационной сессии, даже пытался поцеловать девушку при прощании, и иногда это ему удавалось.
Сессия и его закружила, он все сдал успешно и проводил Лилю на поезд.
– Я буду очень скучать без тебя, – сказал он.
Лиля улыбнулась:
– Наверное, нет, ты будешь читать книги и писать курсовую, помнишь, ты говорил?
Да, он говорил, и будет писать, но и скучать тоже будет.
– Дима, скажи, ты действительно любишь меня или ты привык ко мне и считаешь, что вот так и будет всегда?
Он растерялся, не зная, как ответить, что он действительно не представляет свою жизнь без нее, что да, он привык, и что это и есть любовь, наверное… Но он промолчал, потому что вышла проводница и попросила пассажиров пройти в вагон.
– Дима, ты подумай об этом, подумай, а встретимся, ты мне все скажешь.
За две недели каникул он ничего не прочел и ничего не написал, проклинал, что не взял Лилин адрес, чтобы вызвать ее на телефонные переговоры, приехал в Свердловск на два дня раньше, вечером перед началом занятий на стук в дверь комнаты она, наконец, вышла.
– Лиля, здравствуй, как я рад, что ты приехала! – Он обнял ее, она не противилась, но никак не отреагировала, при всей своей неопытности даже Димка это заметил. – Что с тобой, Лиля, ты нездорова?
Она грустно улыбнулась:
– Лучше бы я заболела, может, не было бы этих дурацких мыслей. Ладно, Дима, иди к себе, я буду разбирать вещи и готовиться к занятиям.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Мы завтра встретимся? – тревожно спросил он.
– Наверное. Приходи, как всегда, в семь.
Какие-то странные были эти свиданья, они больше молчали или говорили о ничего не значащих пустяках, уже не ходили в кино с билетами в последний ряд, чтобы никто не мешал обниматься. Лиля не отказывалась от встреч и была им совсем не рада, через полчаса ссылалась на неотложные дела и уходила, холодно попрощавшись.
Димка не знал, что делать, он видел, что теряет ее, что это страшная для него потеря, но что можно изменить, никто не скажет, и она тоже молчит. С ребятами он эту тему не обсуждал, хотя они интересовались: «Что у вас там произошло?».
В мае, после большого концерта в честь дня Победы, Лиля при прощании сказала:
– Дима, у меня день рождения завтра, я тебя приглашаю.
Он обрадовался, весь вечер думал, что ей подарить, но с деньгами было туговато, потому товарищи посоветовали остановиться на цветах. Ближе к вечеру он поехал в цветочный магазин, но там было закрыто, он кинулся на площадь, потом на вокзал, на перроне с явной переплатой купил мимозы, большой букет.
Он эти цветы с тех пор терпеть не может, даже на открытках, и букет этот запомнил на всю жизнь. Когда он вошел, в комнате было несколько девушек, все уже знакомы, он подошел к празднично одетой именинице и с поклоном протянул букет.
– Спасибо, Дима. – Она привстала на цыпочки и почти как брата поцеловала его в щеку.
Девчонки засмеялись, все хвалили букет.
Вдруг пошел дождь, с сильными порывами ветра, окно пришлось закрыть, тем более, что началась гроза, молнии рвали небо, а гром ударялся прямо в крышу общежития.
За столом Дима сидел напротив Лили, ухаживал за соседками, поддакивал тостам и даже сам сказал, что сегодня все тосты за именинницу, что незамедлительно было одобрено застольем. Димка напрасно ловил ее взгляды, она старательно избегала встречи и наигранно смеялась всякой шутке. Вдруг дверь отворилась и в комнату – не вошел – влетел молодой человек в мокрой рубашке, сам весь мокрый от дождя, но впереди себя он нес беремя распустившейся сирени.
Димка знал этого парня, он с юридического, большая умница, папа у него где-то в верхах, парень был модным и пользовался успехом у девушек, так все говорили. Димка пытался сообразить, как тот здесь оказался, ведь не могла же Лиля его пригласить?
– Мне сказали, что в этой комнате празднуется день рождения красивой девушки. Нет-нет, не надо подсказок, я никогда не пользуюсь шпаргалками, дайте мне определить, кто она.
И парень безошибочно потянулся со цветами к Лиле, да и невозможно было ошибиться относительно той, что сидит во главе стола. Лиля была до неприличия счастлива, она охватила букет обеими руками, бутоны выпадали на стол, прямо в тарелки с салатом, все разом заговорили, возле именинницы совсем некстати образовалось свободное место, и парень перелез к нему чуть не через весь стол. Лиля все еще стояла со цветами в руках и вдруг громко сказала:
– Хочу, чтобы все знали: нет для девушки более чудного подарка, чем мокрая от весеннего дождя сирень, это самые красивые цветы на свете.
Димка вдруг ощутил такую пустоту вокруг себя и такую тоску, что едва не заплакал, тихонько вылез изо стола и вышел. Больше он к Лиле не подходил.
На четвертом курсе он заметил, что девушка на раздаче в студенческой столовой очень заинтересованно на него смотрит, и порции у него намного солиднее, чем у товарищей.
Однажды вечером Димка встретил ее у выхода с кухни, они познакомились, в первый же вечер на лестничной площадке ее дома до полуночи целовались, а через месяц сыграли свадьбу. Тамара родила ему троих детей, кормила борщами и котлетами,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

похожими на студенческие, и изредка ворчала, что поторопилась замуж за деревенского и уехала из города. Дмитрий Борисович не обращал на ее слова никакого внимания, брал книгу и уходил на диван в дальней комнате. В книгах часто описывали счастье, о котором он так немного знал.

14-16 марта 2009 года

Встреча

Условия тендера на строительство спортивного комплекса в своём родном городке Владимир Порфирьевич увидел в Интернете случайно, и хоть давно оттуда уехал, а после перевез и родителей, так что никого на родине не осталось, но неожиданная находка как-то встревожила, даже взволновала, ночами вдруг стали приходить картины, которые никогда до этого не вспоминал. Он окончил строительный институт, дослужился до главного инженера строительного треста, перспективы открывались необозримые, но всё пошло кувырком, у треста не оказалось заказов, потом финансирования, начальник как-то утром сухо с ним попрощался и уехал в Москву, насовсем. Правда, после выяснилось, что он успел продать все запасы стройматериалов, но тогда это никого не взволновало. Владимира Порфирьевича пригласил крупный чин из администрации области и предложил без тени смущения: отдай мне базу комплектации, а всё остальное забирай себе. Как забирать – он не знал, но юристы администрации в несколько дней оформили нужные документы, и три городских организации стали его собственностью.
Скоро «Стройсервис» Венгеровского стал ведущей кампанией в городе, он без труда выигрывал конкурсы на самые выгодные объекты, научился давать на лапу и даже сам устанавливал проценты отката. Новый мэр города попытался приручить бизнесмена званием депутата законодательного собрания, но на встрече в его кабинете поздним вечером Владимир Порфирьевич после рюмки коньяка сказал, что его совершенно не интересует общественное положение, что его задача строить и строить. Мэр вежливо согласился, но тут же возразил: строить Венгеровский будет только тогда, когда этого захочет он. Владимир Порфирьевич быстро сообразил, что тональность надо снижать и напрямую спросил, сколько надо мэру, в месяц. После минутных торгов сошлись на сумме, и через пару месяцев главный строитель стал депутатом.
Когда коммунистическая газета опубликовала большую статью о мутных делах в «Стройсервисе» с указанием заработной платы каменщиков, монтажников, отделочников и годового дохода хозяина, его отец, фронтовик и партиец, всю жизнь проработавший слесарем в железнодорожном депо, весь вечер крыл сына матом и называл жуликом. Дело кончилось полным разрывом, Владимир Порфирьевич вызвал из деревни сестру, купил ей большую квартиру и перевез туда отца, назначив хорошее содержание.
Дети выросли и проучились в Европе, но Владимир Порфирьевич не увидел в них помощников и обоих сыновей отправил в столицу, хорошо проплатив их теплые места. Домик себе он построил на первые серьёзные доходы в пяти километрах от города и жил там с женой, тайно от неё имея скромный коттедж в центре для гостей и женщин, с которыми время от времени уединялся, предупредив всех, что уехал по делам. Он никак не вмешивался в политику, не давал интервью и даже издевался над коллегами–депутатами, которые не упускали возможности полепетать с экрана телевизора. У него не было друзей и врагов, ничто за пределами строительного бизнеса его не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

интересовало, и такую жизнь он считал единственно возможной и интересной.
Известие о строительстве стадиона в родном городке стало всё незаметно менять. Вспоминались школьные товарищи и друзья юности, уютный городок, с которым простился, уходя на службу в армию, и бывал там пару раз, пока учился в институте. Всё давно забылось, ан нет – вдруг всплыл в памяти одноклассник Толя Синилов, постоянный конкурент на спортивных соревнованиях, в одиннадцатом классе вырвавший у него победу в кроссе на последних метрах, чем вызвал стойкое неприятие и злобу. Ещё невзрачный Витя Кизеров вспомнился, вдруг оказался соперником в симпатиях к Настеньке, милой и скромной девушке, дружбы с ней искали все парни, но только с Володей она гуляла после школьных вечеров отдыха. Витя совсем было выпал из его интересов, но Настенька стала избегать Володи, а на выпускном вечере открыто призналась в чувствах к этому веснусчатому и не особо броскому пареньку. Володя был тогда сильно обижен, напился портвейна и наговорил гадостей Настеньке. Впрочем, с Витей у неё ничего не получилось, ему писал кто-то, что Настенька вышла замуж за своего однокурсника в пединституте.
Понимая, что просто так ничего не бывает, Венгеровский справедливо отнес свое внезапное беспокойство к происка наступающей старости, всё-таки далеко за пятьдесят, и хоть плоть ещё крепка, два отпуска на заморских пляжах и постоянная забота личного доктора дают результат, но есть ещё нечто, способное перевернуть устоявшуюся жизнь и разбудить чувства, о которых и не подозревал. Скоро стало ясно, что в родной городок придётся ехать и купить право на строительство стадиона. Его не интересовала материальная сторона, пусть даже фифти-фифти сработает на этом объекте, но он его построит, пусть наездами, но побывает в городке, возможно, встретит знакомых, встряхнётся, успокоит душу.
Предварительно договорившись о встрече с главой городка, Владимир Порфирьевич выехал рано утром, чтобы к обозначенным пятнадцати часам быть на месте. Водитель Роман, молодой, но за отдельную плату прошедший подготовку в учебном центре спецслужбы, уверенно вёл джип по истерзанной большегрузами дороге. Венгеровский не дремал, вопреки обыкновению, с удовольствием смотрел на выходящие из-под снега поля, потемневший от набрякших почек лес, радовался чему-то, как будто впервые видел. До родных мест ещё далеко, но волнение уже охватывало его, в таких вот лесках, прострельных берёзовых, мальчишки почти деревенских пригородов пропадали целыми днями не просто убивая время, а добывая кой-какое пропитание к скромным семейным достаткам. На берегу вот такой же речушки загорали после купания, тут же ловили окуней и раков. Венгеровский вовремя ощутил слезу, скатившуюся по щеке, подобрал её платком и отвернулся от водителя, чтобы, не дай Бог, не заметил.
Главе города он сказал, что готов на любые условия получения подряда, тот ответил, что наслышан о мощной строительной кампании и будет очень рад, если она возьмётся за комплекс, но его смущает выраженное желание господина Венгеровского, ведь объект в пятистах километрах от «Стройсервиса», это такие затраты и сложности управления. Тогда Владимир Порфирьевич открылся: это мой город, и я хотел бы поучаствовать в его обновлении, тут же предупредил, что вынужденное откровение должно остаться в кабинете.
Глава пригласил специалистов, на широком полированном столе разложили проект, Владимир Порфирьевич быстро оценил степень его сложности, глянул на итоговую цифру сметной стоимости. Когда ушли специалисты, Венгеровский написал на листке и сказал, что даст в заявке эту цену, она значительно меньше сметы, так что соперников не будет. Он тут же добавил, что готов вознаградить хозяев, если его просьба будет удовлетворена. Глава смутился, попросил на эту тему больше разговора не заводить и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

предложил зайти в конце рабочего дня, к этому времени он постарается решить все вопросы, чтобы дать земляку положительный ответ.
У ресторана он отпустил водителя, потому что хотел побыть один, заказал обед, выпил рюмку коньяка. Обслуга, знавшая своих постоянных клиентов и видевшая шикарный автомобиль гостя, старалась угодить и мешала думать. Он только что ездил к своей школе, её нет, стоят два уродливых коттеджа, но густые заросли черемухи и сирени сохранились в дальнем углу, вот тут пятиклассниками играли в чику, а в девятом классе он целовался с девочкой из восьмого, она потом до последнего звонка за ним бегала, но чувства не было, а по другому юность не может. Как её звали? Валя…, Галя…, Катя…, кажется, Катя. А она любовно звала его Вольдиком, откуда взяла такую форму имени, скорее всего, сама придумала. Венгеровский улыбнулся: какой замечательный пласт своей жизни он упустил, совсем забыл, хорошо, что случай выпал и свёл с дорогим прошлым. Надо поручить юристам, чтобы нашли одноклассников, а потом устроить встречу, учителей найти, кто ещё жив, расходы он возьмёт на себя.
Владимир Порфирьевич погулял по центральной улице, она не очень изменилась, мало новоделов, старые дома кое-как приведены в порядок, но зелени, как и в те годы, с избытком. Вглядывался в лица, порой попадались напоминавшие кого-то, но он знал, что такое бывает, потому не придавал значения. Да и встречаться с кем-то сейчас не очень хотелось.
Из кабинета главы городка он спускался по широкой мраморной лестнице чуть усталый, но довольный положительным решением своего странного вопроса, глава заверил, что вопрос согласован с губернатором и подряд будет передан «Стройсервису». Рабочий день окончен, уборщица в синем халате уже трет пол вестибюля, но яркий свет ещё заливает парадный марш. Венгеровский осторожно ступил на влажный мрамор, боясь поскользнуться.
– Вольдик!
Он вздрогнул и остановился, в тот же миг пронеслось в голове издевательское: до глюков довели воспоминания.
– Вольдик, это ведь ты, не исчезай!
Венгеровский оглянулся: уборщица в синем халате с улыбкой далёкой восьмиклассницы смотрела на него. Он кивнул:
– Да, я Венгеровский. А вы – Катя, Екатерина?
Она обрадовалась:
– Да, Катя, а почему ты со мной на вы?
Он смутился:
– От неожиданности. Извини.
– Ты откуда приехал? На приёме был? Не переживай, если отказали, они теперь нашего брата не понимают. Говорят, капитализм.
Он согласно кивнул.
– Ты спешишь? Я столько лет тебя не видела! Давай выйдем в сквер, посидим на скамейке. Фрося, я потом домою, ладно?
Они вышли. У Кати только улыбка осталась от прошлого, глаза потухли, лицо посерело, она ссутулилась. И голос тоже остался прежний.
– Как живешь, Катя? – спросил Венгеровский, чтобы хоть как-то поддержать разговор.
– Живу, Вольдик, как все. Пенсия плохонькая, но и за то спасибо. Работаю вот. Муж у меня больной и сын в тюрьме сидит, после Чечни на рынке торгашей погонял. Я после того совсем не своя стала. А ты как?
– Да живу…, – неопределённо буркнул Владимир Порфирьевич и добавил нелепо: – Как все.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Тоже тяжело, выходит. Сам выкручивайся, Вольдик, сюда не ходи, им не до нас. Я вот бычью голову сегодня купила, у частника, так что и язык целый. А то брала у хачиков, всё, язык выдран, а это же деликатес. Я тебе подскажу, Вольдик, как голову обрабатывать надо, ты свою жену научишь. Первое – проси, чтобы глаза сразу убрали, я не могу, когда она на меня смотрит, жутко. Потом с челюстей мясо ножом срежь, а челюсти выброс, зубы варить тоже неприятно. Пипку сразу отруби, ни к чему она. Дальше топором разделай коробку и водой залей, вымочи хорошо, в нескольких водах. Мясо тогда красивое делается, белое. Потом варить на тихом огне, часа два-три, только кроме соли ничего не клади. Пусть остынет, и в таз, кости выберешь, а мясо, мозги, всё, что там есть, через мясорубку пропусти и в банки. Потом хоть суп варить, хоть в кашу добавить, вкусно. Язык я отвариваю и, как картошку от мундира, освобождаю от кожи. А потом в салат вместо колбасы хорошо, колбаса-то сейчас – не пойми, что, зато деньжищи... А это натуральное и своё. Запомнил?
Венгеровский тупо кивнул.
– Тебя ждут, наверно. Ты иди. Вольдик, я тебя всю жизнь помню, всё помню до ниточки. Хорошо, что ты со мной не связался, а то мучился бы сейчас. Я, видно, проклята при рождении. Ты иди, мне ещё мыть надо гектар.
Он встал. Как уходить? Попрощаться или сказать до свидания? Пообещать, что ещё увидимся? Соврать?
– Прощай, Вольдик, ты мне, как в награду, привиделся. Прощай.
Она не стала дожидаться ответа, медленно пошла к освещённому крыльцу.
В машине он долго крепился, потом охватил голову руками и завыл. Водитель с испуга резко затормозил, выскочил из машины, открыл дверь со стороны шефа. Владимир Порфирьевич низко опустил голову и рыдал. Роман предусмотрительно отошел в сторону. Через несколько минут шеф окликнул его знакомым командным голосом и приказал забыть всё, что тот сегодня видел.

7-8 марта 2010 года

Женитьба Золотухина

Нет, не напрасно грозился партийный секретарь, что за аморальное поведение передаст дело, он так и сказал, что дело, – передаст в райком, и пусть там с ним разбираются. Семену Золотухину противно было, что в его жизнь вмешиваются посторонние, терпимо, когда это касаемо работы, тут никуда не попрешь, заместитель председателя по животноводству кругом подотчетен, но с бабами-то позвольте самому разобраться. Ничего подобного, в последний раз парторг пригрозил: молва идет, потому собирайся, член партии, в райком и объясняйся, почему ты на старости лет с ума стал сходить, забросил дом, жену свою, с которой прожил без малого сорок лет, и почти перешел к одинокой Анне Бородиной.
Конечно, со стороны это невозможно понять, потому что и года уже подпирают, и семья у Семена Федоровича была немалая, два сына и дочь, теперь в чужих краях живут, давно на своих ногах. Жена бессловесная, никогда поперек слова не скажет, со всем согласна. Дом приличный, хозяйство, мотоцикл «Урал» ему через райком выделили, считай, первому в колхозе. Со стороны посмотреть: что не жить? А он зачастил к чужой бабе, да и не особо скрывался, а когда в колхозной бухгалтерии женщин за обсуждением непутевой Анны застукал, спокойно сказал враз онемевшим, что Анна теперь жена ему, фактически жена, и что формальности все для людей они на

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

днях оформят.
Вскоре после этого в райком поехал, на всякий случай партийный билет с собой взял, Анну успокоил: никакого значения для них этот разговор не возымеет, разве что ускорит события да кровь немного попортит.
Первого секретаря Рыбакова Семен хорошо знал, тот в колхозе бывал частенько, заместителя уважал, советовался по хозяйственным делам, но была за первым нетерпимость к вольным проявлениям, например, пристрастия к спиртному он не прощал, а еще любовных приключений. Поговаривали, что в молодые годы Рыбаков сам был ходок еще тот, но со временем образумился, да и должность уже не позволяла вольничать, все-таки деревня, не спрячешься, люди все видят. В душе Семен заранее смирился с любым решением райкома, но как-то занозило, партбилет он на фронте получал, правда, тот давно отняли и выдали в порядке обмена новый, но год-то вступления обозначен, 1943-й. Знатное было время, по всем фронтам наступали, Семен в роте автоматчиков один остался от первого призыва, всех друзей схоронил или по госпиталям растерял. Отдашь билет – как часть памяти выбросишь.
Перед самым обедом секретарша позвала его из коридора, он вошел в кабинет, в котором не раз бывал на совещаниях. Рыбаков кивнул, не вставая, и руки не протянул, это Золотухин отметил и заодно утвердился, что добра ждать не приходится.
– Садись, – сказал хозяин кабинета. Гость примостился на крайний стульчик. – Рассказывай, Семен Федорович, как дошел до такой жизни.
– Вы про работу или про что, Василий Петрович? – неожиданно для себя переспросил Семен.
– Ты дурака-то не валяй, мы с тобой не тридцать ли годов знакомы, так что давай начистоту, что там у тебя с семьей?
Золотухин хотел было сказать, что семьи у него давно нет, как детей проводили, так и нарушилось все, будто они развезли с собой все благополучие и благопристойность этого завидного дома. Куда-то в пустоту провалились беззаботные дни семейной радости, когда после долгого дня на работе он приходил домой, мылся в баньке, заботливо протопленной хозяйкой, говорил с ребятишками об учебе, об играх, о книжках прочитанных. Не было для него другой жизни, работа и семья, жена и дети. Конечно, не насильно его женили, к тому времени такая мода прошла, сам выбрал свою деревенскую, сразу после демобилизации. Он пытался после определить границу между нормальной жизнью и ее утратой, и находил эту грань как раз на прощании с дочкой, которая после техникума вышла замуж и без свадьбы уехала на Север. Родители остались вдвоем, и сразу стало заметно, насколько они чужие без детей. Семен испугался своего открытия, но каждый день подтверждал, что это правда. Нет, он не ругался с женой, не устраивали они скандалы на всю улицу, как это бывало кое у кого, и сковородками друг в друга не швырялись. Опустела вдруг душа, жену ни в чем не винил, да и сам долго не мог разобраться, почему пироги стали невкусными, почему незаметно стал ночевать на диванчике, сначала как бы случайно засыпал под телевизор, потом и вовсе перебрался.
– Что там у тебя с семьей?
– С женой разводиться буду, Василий Петрович, так получается.
– Ты к женщине этой совсем перешел, с вещами?
– Пока нет, иногда дома ночую, хозяйство все-таки, надо поддерживать.
Секретарь встал из-за стола, прошелся по кабинету:
– Нехорошая картина вырисовывается, Семен Федорович, для руководителя, для члена партии, что люди говорят, ты знаешь? А говорят, что коммунист не может вести аморальный образ жизни. Ты согласен?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Семен напрягся:
– Не согласен, Василий Петрович, потому что коммунист тоже человек, а у человека чувства есть, как тут быть? В уставе нигде не написано, что я должен жить с нелюбимой женщиной.
– Ишь ты, какой теоретик, под свое многоженство уже марксизм подвел. Ладно, не пузырись. Ты кругом не прав, потому слушай. Выговор по партийной линии ты получишь, на работе оставим, тебе сколько до пенсии?
– Два года.
– Доработаешь, там посмотрим. Имей в виду, поблажка тебе только за счет твоих заслуг, а что касается женщин, ну, подумай сам, Семен Федорович, дай сегодня волю – половина мужиков своих баб бросит, ведь так?
Золотухин опять хотел сказать, что партийной дисциплиной семью не удержишь, но перечить не стал.
Анна увидела его в окно и выскочила в ограду, встретила у калитки. Семен обнял ее, пригладил выбившиеся из-под платка волосы, вытер набежавшие слезы. Ему стало легко и просто, так всегда было, когда он приходил к ней. Он давно заметил эту работящую женщину, громкоголосую, но безвредную, она не жаловалась никогда, а прямо высказывала все претензии телятницы к руководству, Семен Федорович старался поправить дела, чтобы в следующий раз вопросов было меньше. Он и сам не заметил, что зачастил в телятник, заботиться о подрастающем молодняке входило в его обязанности, но многие животноводы видели, что не все так просто.
Тогда же устроили на ферме встречу Нового года, голубой огонек назвали, посидели за столом в красном уголке, выпили, песен попели, даже потанцевали под гармошку, скотник Пантелей Шубин съездил домой, привез хромку. Расходились уже под утро, да так вышло, что мимо дома Семен утянулся вслед за Анной, догнал ее в калитке, придержал за рукав:
– Что же ты от меня бежишь, Анна, брезгуешь моими годами?
– Разговоров боюсь, Семен Федорович, жена у тебя и работа ответственная.
– В избу-то пустишь?
Она молча прошла в ограду, открыла дверь, в избе включила свет, задернула занавески на окнах, присела к печке и подпалила приготовленные заранее дрова. Не снимая полушубка, он привалился к столу, положил шапку на подоконник.
– Закурить разрешишь?
– Кури, вот блюдечко под пепел.
– Анна, я есть хочу, салаты-винегреты не по мне. Не дай с голоду помереть.
Она пихнула на элетроплитку кастрюльку с водой, сунула в нее кипятильник и принесла с мороза мешочек с пельменями. Порезала булку подового домашнего хлеба, из подполья достала грузди, огурцы и капусту, открыла банку помидоров, поставила бутылку водки. Готовые пельмени выложила в глубокую тарелку и залила бульоном:
– Угощайся, Семен Федорович.
– А себе рюмку?
– Не пью я совсем.
– Со мной. Прошу, Анна.
– Ради тебя только. С Новым годом, Семен Федорович!
Она пригубила рюмку, сморщилась и закусила грибочком. Семен густо обсыпал пельмени перцем, полил уксусом и хлебал деревянной ложкой вместе с бульоном.
– Анна, отчего замуж не выходишь? Женщина ты видная, все при всем, есть на что посмотреть, на работе молодец, в доме у тебя порядочек.
Анна смахнула слезу:

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– В молодости не повезло на доброго мужика, а потом где его взять, толковые все прибраны, а бросовые мне не нужны, лучше одной мучиться.
– Меня не прогонишь сегодня?
– Не прогоню. Только до света домой уйдешь, чтоб не видел никто…
Давненько это было, с той поры жизнь Семена стала другой, с тайным неведомым смыслом, он в свою ограду заходил как в чужую, свою скотину управлял, как соседскую, когда хозяева уезжали дня на три в гости к детям, зато обрел Анну, в ее избе с отгороженной маленькой горенкой было тепло и уютно, и он не задумывался о причинах этих перемен, только удивлялся уже почти забытому чувству влюбленности. Гнал, конечно, от себя такие мысли, но никуда не денешься, с Анной не просто баловство, как иногда случается, а душевное и сердечное, и это его радовало.
С женой объяснился спокойно, хотя тянул до последнего, она сама и попросила уйти.
– Переходи к ней совсем, Семен, не позорь сам себя, да и детям надо сообщить, а то в каждом письме спрашивают.
– Ты не переживай, я кроме своего барахла ничего не возьму, да мотоцикл еще. Деньги с книжки на твою переведу, половину. Детям напиши, как есть, пусть потерпят с выводами, потом поймут, с годами. Не суди меня строго. Прощай.
Утром на двери колхозного правления Семен увидел объявление о партийном собрании с повесткой «Персональное дело члена КПСС Золотухина С. Ф.», не заходя к себе, прошел в кабинет парторга.
– Собрание ты назначил?
– Не я, а партком по согласованию с райкомом. Твое поведение надо обсудить.
Семен чувствовал, что кровь закипает, но взял себя в руки:
– Убери объявление, не смеши людей. Что же вы, как вампиры, любите в чужих жизнях копаться и кровь пить? Есть у тебя пара подручных ораторов, они сами уже ничего не могут, ни бабу обнять, ни ста грамм выпить, потому готовы растерзать любого, кто выпьет и обнимет. До чего же вы мне надоели со своей дурью! Сними объявление, а я сейчас вернусь.
Он прошел в свой кабинет, открыл сейф, взял партийный билет, аккуратно отделил фотографию от бумаги и вернулся в партком. Секретарь говорил по телефону, увидев вошедшего, крикнул в трубку:
– А вот и он сам! Хорошо, передаю.
И протянул трубку Золотухину.
– Слушаю, – сказал Семен.
– Здравствуй, Рыбаков. Ты чего там вольничаешь? Говорят, совсем перешел к своей любовнице? Зачем требуешь объявление снимать?
– По мне, пусть висит, Василий Петрович, только я на собрание уже не пойду.
– Как не пойдешь, ты что задумал, Семен?
– Уже решил. Чтобы партию не позорить, сдаю партбилет.
– Обожди, не дури, я приеду на собрание.
Золотухин устало улыбнулся:
– Не надо ничего предпринимать, я все решил. И за должность не держусь, раз беспартийный – на рядовую работу пойду, ты же знаешь, Василий Петрович, что я мужик работящий.
И положил трубку.

29 марта – 11 апреля 2009 года.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Повесть Чистая вода

Повесть отмечена Дипломом и статуэткой
Литературного конкурса УРФО в 2013 году.

Чистая вода
Повесть

1._____
Ещё с вечера захороводило, загуляли разные ветры – то южный полыхнет с остатками летнего зноя, то вдруг повернется и закрутит сиверок с невесть откуда взявшейся прохладой, поднимают пыль, выметают улицы, ломают косматые ветки разнежившихся тополей, валят дощатые заборы. Августовский туман тяжело опустился на озеро, только ветер не дал ему отдыха, стал приподнимать от воды, рвал на куски и разбрасывал по окрестностям, заодно потревожил расположившихся на привычный ночлег зажиревших гусей, они тревожно подняли гордые головы на длинных шеях, словно всматриваясь в знакомые берега и ища у них объяснения. Природа разволновалась. Коровы, подкормленные и подоенные хозяйками, уже завалились на свои крутые бока и вынули лакомую свою жвачку, но зашевелились, тяжело переваливаясь, вставали и издавали протяжные жалобные мычания. Воробьи забились под крыши сараев и нахохлились, скворцы загоняли свои выводки куда подальше от стихии, и только ласточка, взмыв высоко к небесам, щебетала что-то тревожное, толи собирая семью, толи просто предупреждая друзей.
Солнце уже село, и только верхний его фитилек снисходительно освещал большое село, красиво разместившееся на взметнувшемся меж озер языке нетронутого ранее чернозема, выходящем из высокого взгорья и потерявшемся в буйных травах поймы широкой реки. Деревянные дома, крытые шифером, образовывали солидные усадьбы с постройками для скота, банями и гаражами. Оставшиеся с колхозных времен несколько избушенок только подчеркивали красоту и современность селения, в них доживали такие же ветхие старики и старухи, бывшие когда-то ударниками и стахановцами. Трехполосный флаг на бывшем сельсовете, едва видимый в вечерних сумерках, такого напора ветра не выдержал и раскроился на несколько лоскутков.
Одинокая машина ворвалась в улицу с большака, резко сбросила скорость и остановилась у сельской администрации. С правой стороны открылась дверца, молодой мужчина лет тридцати, с усами и портфелем, одетый в добротный черный костюм с галстуком, по-хозяйски вышел, глянул на флагшток и крикнул водителю: – Игорь, завтра с утра замени флаг. Хрен его знает, хоть железный вешай, на неделю не хватает.
– Понял, Роман Григорьевич, сделаем.
Роман Григорьевич открыл дверной замок своим ключом, включил свет в коридоре и еще раз щелкнул ключами в двери с табличкой «Глава сельской администрации Канаков Р. Г.». Он еще не остыл после крупного разговора на совещании в районе. Обсуждали подготовку к выборам президента, глава района Треплев сам накануне вернулся из области и был настроен категорически: – Такого позора, как в прошлый раз, мы допустить не можем, скажу больше: нам этого не простят. Тогда сняли двух глав, до меня очередь не дошла, на процент выше показатель. И мы освободились от некоторых товарищей, которые исподтишка смущали людей и допустили в урнах большой процент за коммунистов и прочих. Предупреждаю: такого быть не должно. Особо по тебе, Канаков.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Папаша твой в коммунистических активистах, посади его дома, пусть кактусы растит, а с политикой и без него разберутся.
Роман усмехнулся воспоминаниям, даже улыбнулся: «Папашу дома посадить! Поди, попробуй, он так посадит, что до конца избирательной кампании чесаться будешь».
Выложив все бумаги на стол и спрятав портфель в шкаф, Роман пошел домой. Он уже привык и не замечал, как толково и складно устроил все отец Григорий Андреевич, расселив детей вокруг своего родового гнезда, и теперь крестовой дом его был на бугре над всеми тремя сыновьими домами, точно так, как и он сам все оставался старшим и главным в большом семействе.
Григорий Андреич Канаков, бывший колхозный и совхозный механизатор, потом бригадир полеводческой бригады, был мужиком крепким и рослым, столь с виду суровым, что даже трактористы его опасались. Поговаривали, что в первые годы вся его воспитательная работа сводилась к хрясткому удару по шее провинившегося, от чего тот падал, а отдышавшись, всячески бригадира избегал. Потом Канаков вступил в партию. Агитировали его долго, все не соглашался, но ходил в библиотеку и дома ночами читал толстые книги Маркса и Ленина, предупредив библиотекаршу, чтобы никому ни звука.
Да и внешне Канаков был мужик завидный, густая шевелюра темно-русых волос, крупные и правильные черты лица, прямой, не очень удобный взгляд серых глаз, видевший самые глубины человеческой натуры, и голос – властный, громкий и жесткий.
А вот дома для жены своей Матрены Даниловны не было человека удобней и внимательней. Дрова, ровненько наколотые, всегда грудкой лежали в теплых сенях, две фляги воды для хозяйства всегда полны. Если надо муки в сельницу принесли ведро – сходит и принесет, двухведерную кастрюлю заквашенной капусты до слова вынесет на мороз. Во двор Матрена выходила только корову подоить да малышей накормить-напоить: телят, поросят, ягнят, да и птицу тоже
Канаков гордился, что родился именно на этом месте, что после войны и гибели отца полтора десятка лет кантовалась семья в завалившемся дедовском еще тереме, от которого уже не осталось украшений, и лестницу на второй этаж убрали еще при коллективизации, чтобы не злить партактив. В шестидесятые, когда немного окрепли после войны, выписал передовой колхозник Канаков красного леса через колхоз и срубил крестовой дом, развалив родительские гнилушки.
Дом рубили артельно, помочами, когда собирались все родственники и товарищи, хозяин сразу распределял, кто чем будет заниматься, чтобы не толкались без дела и не мешали друг дружке, как случалось порой на колхозной работе, а каждый бы знал своего напарника или место в сторонке, если работа такая. Жену свою Матрену с сестрами поставил бревна шкурить, какие еще остались от каждодневной вечерней работы, эта работа несложная, под штыковой лопатой вся корка с сосны отскакивает. Четыре крепких мужика сочиняли обвязку, укладывали на чурки брёвна–окладники в пол-обхвата, вымеряли шнуром диагонали и дружно перемещали бревна, чтобы получился правильный угол. Ошибись они хоть на четверть – мука будет потом для строителей, и крышу не свести, как следует, тем более, что мужики уже видели под сараем несколько стопок шифера, а под него крыша должна быть как ельчик. И с полами-потолками потом замаешься, клинья вшивать – позорное дело для путнего плотника. Не зря говорили: как бы не клин да не мох, так и плотник бы сдох.
А как окладники врубили, стали примерять бревна, Филипп Киприянович, авторитетный строитель, бегал с «чертой», такое чудное названье у приспособы, а без нее не обойтись. Положили бревно на окладник, лес справный, ловко будет паз вырубать, вот и ведет Филипп свою двупалую «черту», одним концом по верху окладник копирует, а второй черту проводит на верхнем бревне, да с обеих сторон. Еще с утра Григорий Андреич

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вместе с мастером пошире развели «черту», потому что паз надо вырубать широкий, чтобы стена была толще, не продувалась, не промерзала, в Сибири живем, не на югах. Вот по этой черте и рубят потом паз мужики, сперва поперек насечки сделают, а потом садятся попарно на бревна, которые тоже на чурках, садятся в концах спиной друг к другу и пошли топорами хлестать. Топоры на круге точены, бруском правлены, волос положи – по обе стороны лезвия свалится. На такую работу самые толковые мужики садятся, потому паз получается, как корытце для холодца, как жёлоб – округлый, чистый, и не вдруг скажешь, что топором рублен. Сошлись спинами рубщики – слазят с бревна, расправляют спины, а другие уже подхватили и на место поставили. Хозяин смотрит: как тут и было, спичку не всунуть, комар нос не подточит. Доволен: потом мох толстым слоем положим – красота!

В новый дом перетащили дедовскую еще кровать, широкую, хоть вдоль, хоть поперек ложись, два старинных сундука с носильным барахлом, огромное, в полстены, зеркало, местами облупившееся, но красивое, старинное, с точеными завитушками по всей раме. Столько годков прожили с Матреной, вроде старались, а детишек все не было. Сестры Григория запоговаривали, что порчена Матрена, и потомства не даст, а если и случится, то непременно уродцы.

– Брось ее, Гриша, не будет у тебя семьи.

– Знамо, не будет, порча на ней, да и не в девицах, поди, и взял-то.

– Цыть все, пока по мордам не получили! Про Матрену худого слова чтоб больше не слышал. А ты, Евдинья, если сама до Проньки все бани спознала, по себе не меряй.

Матрена со мной бабой стала, к тому же после свадьбы. Хотя какая там свадьба, так, одно названье. В аккурат с похоронами товарища Сталина совпало. Меня тогда чуть из партии не погнали, дескать, нашел время для гулянки и услады, когда весь советский народ в великом горе. А я как-то и не подумал, что моя женитьба с политикой спутается.

А в новом дому каждые два года приносила Матрена по парню, да все такие здоровые, что кое-как выпрастывались из материной утробы. А она, Христовая, хоть бы крикнула раз, хоть состонала – верила, что для Гриши великая радость, и тем спасалась. Медичка прямо изумлялась, все бабы орут, мужиков матом кроют, клянутся и близко к этому делу не подпускать, а эта только шепчет, если прислушаться: – Для тебя, родной мой и единственный, для тебя терплю завещанное Еве, все снесу, а деток у нас будет полный дом.

Трех парней подряд, один в зыбке, другой на руках, а третий за подол держится. Сестры перестали дурить, на очередных крестинах Евдинья подняла стакан с бражкой, поклонилась Матрене в пояс: – Прости нас, Матрена Даниловна, плохое мы про тебя думали да и говорили мужу твоему, братцу нашему Григорию Андреичу, не держи зла, а робят рожай, коль Бог дает.

Григорий кашлянул, следовательно, надо помолчать: – Бог, может, и дает, только я тоже соучаствую, потому решаю так, что надо отдохнуть, мать, этих сорванцов подрастить. А там видно будет по жизни, ежели все правильно в партии продумано, то не сей день, так завтра коммунизм наступит, вот тогда большое облегчение получится трудовому человеку, тогда и детей можно родить каждый год по паре, и каждый будет ухожен и обогрет государством.

В семье никто с Григорием Андреичем не спорил, как не спорили и в совхозе, где он хоть и был на хорошем счету по работе, но начальство не особо привечало, потому что Канаков мог в любое время и на любом собрании выступить и прямо все назвать, как есть. Парторг с директором как-то об этой его странности говорили, и парторг, окончивший специальную школу КПСС, предположил, что не особо образованный товарищ начитался классиков марксизма-ленинизма, искренне поверил всем партийным документам и

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

сегодня предъявляет ко всем такие требования, какие вычитал в уставе и программе построения коммунизма.
На общесовхозном профсоюзном собрании Канаков прямо говорил о том, о чем матом выражались мужики и бабы на производстве, но молчали при большом начальстве: – До каких пор скотные дворы будут отдавать на ремонт кавказцам? Видимо, до тех пор, товарищи, пока прокурор не увезет в «бобике» кого-нибудь из прорабов или мастеров. Это же никуда не годится, фермы промерзают, протекают, а у прораба дом растет каждый год на троестен в разные стороны.
– Ты тоже, Канаков, второй дом строишь! – крикнул мастер стройучастка Веня Чмокунок.
– Строю, и еще буду, потому что у меня три сына подходят. Но у меня, Веня, на каждый гвоздь бумажка есть, потому что я при социализме воспитывался, в котором прежде всего учет. Так, ты мне больше не мешай. – А сам продолжал: – По какому такому праву управляющий центральной фермой и два его бригадира, Попов и Горлов, двойной тракторной тягой подтащили через огороды к своим дворам доброго лесного сена, а телятишкам совхозным шумиху ложат в кормушки? Все эти товарищи коммунисты, но забыли, что коммунисты так не поступают.
Канаков не знал, что точно такое же сено притащили директору и парторгу, потому совершенно искренне обратился к руководству: – Обращаюсь к руководству, чтобы прекратить это безобразие. Беспартийные товарищи на все это смотрят и видят, и говорят обидные слова: что ни коммунист, тот начальник, что ни начальник, тот вор. Требую: сено вернуть, а товарищей разобрать на партсобрании, чтобы до слез.
Парторг, волнуясь и запинаясь, под тихие смешки в зале пообещал товарищу Канакову, что необходимые меры будут приняты. Когда после собрания вышли на крыльцо, Филипп Киприянович шепнул другу: – Гриша, ты пошто как дите малое? Ты разве не видишь, что они все за счет совхоза живут?
Григорий помолчал: – Пока не вижу, что все. Узнаю – выведу на чистую воду.
– Ладно, пошли ко мне, у меня Варвара с ордой уехала к сестре в район, посидим. – Старый друг не стал напоминать, что Гришу давно уже по-за глаза «Чистой Водой» зовут в селе. Хозяин достал трехлитровую банку браги, ядреной, отстоявшейся, Варвара у Филиппа мастерица что по дому, что по огороду, что в банки закатать, что в бочоночке еще бабкином бражку поставить на пшенице.
– Мастерица, слов нет. А помнишь, когда брагу слили последнюю из бочонка, ты пшеницу на ограду высыпал, а куры наклевались…
Было такое. Размокшая пшеница сразу привлекла петуха, он подбежал к корытцу, долбнул носом, потом еще прострочил в нескольких местах, поднял голову кверху и издал мощный призывный клич. Куры – народ воспитанный, сразу кинулись исполнять команду, и скоро вросшее в землю кормящее корытце опустело. Но и с курями не ведомо что стало происходить, они вдруг закудахтали, словно снесли по яичку, потом стали с разбегу подлетывать, а кончилось все небывалой дракой, самый разгар которой захватила открывшая калитку Варвара.
– Я до смертыньки перепужалась: куры в кровь исхлестаны, с ног валятся и кудахчут, а петух лежит поперек корытца и рот открыт, словно исдох. А потом винный дух зачуяла, поняла, что мужики над птицей погалились, – рассказывала она потом соседкам.
Сели за стол, хозяин нарезал соленого сала, пару луковиц очистил и раздавил – так положено, глазунью на большой сковороде поджарил.
– Григорий, я прямо дивлюсь на тебя, дивлюсь и не узнаю. Ты же нормальный мужик, делай свою работу, и пропади оно все пропадом! – воспитывал Филипп от электроплитки. Взглянул на гостя – сидит, и ухом не ведет. Выпили по стакану, зажевали.
Григорий Андреич долго обдумывал, что другу ответить. Ведь не один же он видит

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

безобразия, все видят, но молчат или судачат позауголью. Почему он встает и вслух говорит о том, что все знают? Не посчитают ли его дураком после этого, или просто чудаком? Нет, вроде слушают и поддакивают.

– Филя, ты почему понять не можешь, что неправильно мы живем. Вот ты плотник, твоей работе цены нет, потому что с бревном – не с бабой, оно не пособит. Для совхоза дома рубишь, базы ремонтируешь. А чего тебе за это платят? И я тебе скажу: ровно столько, сколько прыщавой бухгалтерше в конторе. Разве так справедливо? Я, Филипп, как в партию вступил, стал специальные книжки читать, и многое увидел совсем не так, как раньше. К примеру, читаю у товарища Брежнева, как и что должно быть с оплатой трудящегося человека: человек должен жить достойно, для этого и создавали советскую власть. Там, наверху, все понятно, а пока до нас доходит, все утрачено, вычеркнут, и генеральную линию перевернут.

Филипп слушал молча, ему такие разговоры казались странными и ненужными, они ничего не меняли. А раз так – зачем говорить?

– Ишь ты! – возмутился Григорий. – Помалкивать, значит, а они будут жировать на нашем молчании. Филя, родной, пойми ты, что образовалась у нас в стране и у нас в совхозе такая, (как бы тебе объяснить?) во! прослойка, которая вид состроит, что за народ и за партию, а думает только о своем животе.

– И что ты с ней собрался делать? – вполне серьезно поинтересовался хозяин.

Григорий вздохнул: – Ума не дам, как быть, не должно, чтобы кто другой, поразумней меня, этого не понял. Я вот думаю поехать в район к самому первому секретарю, он, когда мне партбилет вручал, сказал, что я рабочий класс, на мне партия держится, ну, не на одном конечно, чего ты лыбишься? Мол, надеюсь, что ты будешь настоящим коммунистом. Правда, он со мной на вы. А что такое настоящий коммунист? Я так понимаю: кто честно работает на благо, кто в семье достойно ведет сам себя, кто не уворует у государства и другому не даст, в случае чего выведет на чистую воду. Вот так вкратце.

Далеко уводят русского человека свободные кухонные разговоры о политике, еще пара стаканов, и он уже ощущает себя хозяином страны, и все, кто крутятся под ногами, ленятся лишний раз литовкой махнуть, лишнюю копну сена на стог подать, кто вместо пахоты заглушит трактор и проспит смену в кабине, а утром отвернет какой-нибудь болт, и объяснит без зазрения, что из-за поломки простой случился – лоботрясы и умом дети малые. Вместо того, чтобы всем миром… Особо достается в таких случаях местному начальству, которое себе отдельные дома стало строить, на совхозных легковушках баб и семейства свои развозят, сенов не косят, а бескормицы не знают, бычков в совхоз на откорм сдают, а мясо со склада, да не по себестоимости, а как на общественное питание. Помаленьку выходят и на самый высокий уровень, начинают разбираться с кремлевским руководством. Чаще всего ругают, что порядка нет, местные князьки выпряглись, живыми в руки не даются. И управы на них нет. Конечно, сразу вспоминают товарища Сталина.

– Да, суровый был мужик, но – иначе нельзя с нашим братом. И что ему досталось? Разруха, соха да евреи. Это же надо все разгребать. А тут Гитлер. После войны тоже добра мало, полстраны погорельцев.

– А Никита его взял и в грязи измазал за личность. Вот зачем, скажи, пожалуйста? Нет, Никита в вашей партии тоже много чего натворил.

– Филипп, что нагрезил, то правда, но вот уважаю Никиту Сергеича за сельское хозяйство, которое он первым увидал и об нем заботится. В Америку не поленился, съездил, нагляделся, теперь вот у себя кой-чего пробуем. Но, скажи на милость, зачем он дедушку из мавзолея выбросил? Ну, нашли культ, обсудили, разобрали, выговор ему не объявишь, и пусть бы лежал. Народишко ходил, глядел, жалел, потому как при Сталине… А он

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

выкинул. Нехорошо.
Друг к этому относился спокойно: – Себе алтарь готовил, думал, помрет, его всякой херней натрут и в музей.
– Мавзолей, сельпо!
– Пусть в мавзолей, и будет лежать, медальками придавленный.
Григорий покачал головой: – Не любишь ты, Филипп, партию и её начальство, а это нехорошо. В своей стране живем.
– Да. – Сказал Филипп и выпил стакан браги.

2._____
Роман частенько возвращался из района поздновато, но знал, что жена его Маринка уже все управила. Глава сельской власти, хоть и имел приличную зарплату, но от домашнего хозяйства не отказался, держал корову с приплодом, парочку поросят, десяток овец, кур и гусей, гуси были с детства увлечением супруги. Все у неё получалось, посадит трех гусих ранней весной, под каждую подкатит по одиннадцать яиц, тогда уж в доме запрещено курить, одеколоном пользоваться, в ботинках наваксенных заходить. И выйдут в один день, как в сказке, тридцать три желтеньких комочка, забота и забава хозяйки с детишками. Конечно, во дворе управа на мужчине, навоз вывезти, снег из ограды убрать, сена из стога накидать в запасник, чтобы даже десятилетний сын Бориска мог скотине разнести.
С Борисом получилось неловко. Рождение его совпало с двумя событиями, одно государственного масштаба, Ельцина избрали президентом, другое местного, ему, Роману Григорьевичу, бывшему совхозному парторгу, глава района Треплев Ермолай Владимирович предложил возглавить сельскую власть. В полупьяной эйфории от рождения сына и повышения и с поддержкой приехавшего по такому поводу районного начальника Роман записал сына Борисом. Под холостяцкую закуску выпили бутылочку коньяка. Вечером его поджидал у калитки отец: – И как же ты сына своего первенца, внука моего единственного назвал, сукин ты сын! Именем Бориса, продавшего партию и советскую власть! Как ты мог, мой сын, упасть в угодники!? – И отец хлестко ударил сына по лицу, тот ойкнул, захватился руками, но кровь пошла и через пальцы. – Забыли отцовское слово, сукины дети! Забыли, как в морду получать, ежели творишь неладное!? Переименуй завтра же, придешь и доложишь.
Отец широким шагом пошел к своему дому, сын долго останавливал кровь и дрожь в руках. Утром с постели поднял звонок, Треплев поинтересовался, как спалось одному, спросил, не заметил ли хозяин в доме чужой расчески: – Неловко без расчески, надо зайти, купить, да и в чужом доме такую вещь оставлять нельзя. Ничего, Роман, мне кажется, мы с тобой сработаемся. Ты с советами не лезешь, молодец. Есть новости?
Роман поделился: – Ермолай Владимирович, вы же отца моего знаете, вчера мне выволочку сделал за имя для сына.
Треплев долго соображал: – Что ему не понравилось. Как мы сына назвали?
Роман напомнил: – Борисом, в честь президента.
Треплев опять задумался: – И что тут такого? Борис есть Борис. Он что, не любит президента, он, поди, еще и против президента голосовал?
Роман старался смягчить разговор: – Ну, как он голосовал, я не знаю, а вчера крепко сказал: никаких Борисов в нашей породе не будет. Меняй имя.
– А ты что решил? – Треплев икнул.
– Не знаю, – несмело ответил молодой папаша.
– Зато я знаю, – оживился Треплев. – Сменишь имя – ищи работу, и с моей стороны не жди внимания. Все. – И положил трубку.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Имя сыну менять не пошел, и к отцу на доклад не явился. Когда привез Ларису из роддома, пригласил братьев, подошел к дому отца. Мать вышла, видела, что сын побежал по родне, поняла: – Не заходи, Рома, не пойдем мы, отец сердит, в мастерской что-то колотит.
– Ты бы уговорила его…
– Рома, я в эти дела не лезу, да и он не любит. Отгуляйте, может, отойдет.
Но Григорий Андреич с того дня не замечал старшего, мимо пройдет – как рядом с пустым местом, ни скажет, ни спросит. Зная отца, Роман назло не лез. Замирило их горе, когда вдруг потеряла сознание Лариса, и в районную больницу прилетали на вертолете врачи из области, сутки с ней возились, только этим и спасли. У постели больной дежурили посменно, отец молча пришел и бросил сыну: – Иди, поспи, я сутки пробуду.
С тех пор кое-как восстановились отношения, но что-то все-таки между отцом и сыном было, Роман это чувствовал. Однажды за столом, когда всей большой семьей отмечали Новый год, Роман подсел к отцу:
– Папка, объясни, ты почему такой стал?
– Какой? – уточнил Григорий Андреич.
Сын стушевался: – Чужой какой-то. В чем моя вина, скажи.
– Скажу, коли сам напросился. Мне эта власть не по душе, я секрета не делаю, а ты на моей родине и есть эта власть. Вот как мне людям в глаза глядеть и чего говорить, если вы все изнахратили, обещали золотые горы, про крестьянство наплели, народ вроде кинулся, а там шиш с маслом. Пособия люди месяцами не получают, пенсии тоже. Что это за власть, если она человека не видит?
Роман молчал. Да и что он мог ответить человеку, всю жизнь отдавшему сначала колхозу, потом совхозу в родной деревне, а при ликвидации получившего пять гектаров неизвестно где находящейся земли да «долю» в рублях, а те рубли в технике и скотобазах, которые в несколько дней приватизировали толковые мужики. Правда, среди удачливых оказался и брат Никита, работавший в совхозе главным агрономом, его мужики пригласили возглавить крестьянское хозяйство, в которое сволокли все свои паи и доли в конкретной земле и технике. Получилось, что центральное отделение стало самостоятельным кооперативом, а Никиту стали именовать председателем. И над названием не долго думали, раз совхоз был «Кировский», значит, и кооператив таким должен остаться. На этом настоял отец, он член-пайщик, присутствовал на собрании.
Когда стали разбираться со структурой нового хозяйства, Никита вдруг предложил отказаться от животноводства: – Вы все знаете, что молоко и мясо почти всегда были убыточными, но то государство давало дотации и покрывало убытки, а сейчас ждать нечего, каждый живет, как может.
Старший Канаков спросил с места: – И какие у тебя предложения? Коров разобрать по дворам, как после войны? Или на колбасу и завтра же создать изобилие?
– Но другого выхода нет, Григорий Андреич, – развел руками сын.
Григорий встал: – Тебя какой подлец этому научил? Ты же вечно деревенский, деревня всегда на корове выезжала, да корову впору русскому человеку священным животным сделать, как в Индии, а ты под нож! Ты сейчас рассуждаешь, как Гайдар с Чубайсом: это выгодно – наше, это убыточно – в расход. Если бы коммунисты так рассуждали, нам бы никогда из разрухи не вылезти. Ты теперь наш руководитель, должен свою голову на две половинки разделить, пусть одна экономит, а другая следит, чтобы от этой экономии людям польза была. Вопрос о скотине надо снять, он глупый и вредный. Новому председателю объявить внушение, чтобы обдумывал впредь свои предложения.
– Верно сказал, Григорий Андреич, – встал с места Иван Лаврентьевич, когда-то лучшим механизатором был в совхозе. – Я по части скота поддерживаю. Ликвидируем, а людей

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

чем занять, баб, то есть, женщин? Никак нельзя без скотины. А еще вношу: ввести в правление Григория Андреича, для порядку.
Народ зашумел:
– Верно!
– Избрать!
– Тут мы дали маху!
Пришлось вставать, за добрые слова поблагодарил, но сказал: – Для правления и одного Канакова достаточно, а коли я есть отец и член партии, то контроль обеспечу, в чем и ручаюсь.
А когда первый урожай собрали, приехали перекупщики, молодые ребята на иностранных машинах, правда, изрядно поношенных. Зашли в кабинет, в котором в бытность парторгом сиживал брательник Роман, сели вокруг стола: – Наше предложение такое: мы прямо у тебя в складах закупаем все товарное зерно, конечно, проверим качество, цена вот такая. – Старший написал на бумажке цифру и показал Никите. Тому цифра не понравилась.
– Нет, мужики, по такой цене отдать зерно – голыми останемся. Что я людям скажу?
Гости засмеялись: – Ты о себе думай, начальник, а о людях партия и правительство позаботятся. Имей в виду, я пошел по мизеру, могу накинуть, причем, с каждой тонны тебе копейка отдельно. Ладно, если цены будут, а если спроса не окажется, мы же не одни работаем, все связано, не будем брать зерно, и сиди с ним до весны. А людишки требуют, ребятишки голодные, женщины в пустые кастрюли колотят. Тогда как?
У Никиты ладошки вспотели, воткнулись в мозг слова о копейках, которые ему с каждой тонны. Гонит мысль, а она упрямо крутится. Сказал сломавшимся голосом: – Назовите свою окончательную цену.
Старший опять пишет на листочке: – Но это вместе с бонусом. Тебе сколько с тонны? Мы можем сейчас выдать, авансом, под расписку, правда, баксами, деревянных не держим. А остальное – как только зерно заберем, сразу фирму закроем, нас нет. Так что никакой проблемы.
Старший открыл дипломат, отсчитал нужную сумму, постучал по столу: расписку!
Никита взял лист бумаги.
– Пиши: получено наличными от предъявителя… сколько там? Сумму прописью. Все, хлеб наш, деньги привезем, когда машины пригоним под зерно.
Гости поочередно пожали Никите руку и вышли. Он открыл ящик стола и сгреб туда деньги. Было стыдно и страшно. Выглянул за дверь – никого. Сложил деньги в папку с бумагами, которые всегда возил с собой и вышел.
Так опустился первый раз, позорно, стыдно. Была даже мысль сдать завтра в кассу как аванс от покупателей, но папку открыл, посмотрел на зелененькие бумажки и сник. Жене ни слова, спрятал в ящике для ружья, она туда не лазит.

3._____

Самый младший, Прохор, после института остался было в городе, открыли фирму, у отца денег занял для учреждения, сказал, что с первой сделки вернет. Григорий Андреич усмехнулся: «На том свете угольками…». Но вышло ещё проще: на первой сделке ребят нагрели, Прошку поставили на счетчик, с чем он и явился в родной дом.
– Ты мне по-человечески можешь объяснить, какой такой счетчик? Что ты такое натворил? Выкладывай, я все равно дознаюсь, – грубо спросил отец.
Сын неумело выкручивался: – Попали мы, папка, на бандитов, они и товар забрали, и денег не дали, да обложили данью, надо к двадцатому привезти аванс, а к первому числу

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

всю сумму.
– И сколько?
Прохор сказал. Отец ударил в стол кулаком: – Подлец! А ну подойди сюда поближе. – Прохор сделал шаг вперед, отец щелкнул его по щеке: – Это тебе аванец. Щелкнул по другой: – А вот это – получка! Куда ты с русской мордой полез в коммерсанты, ты посмотри, какой там народ, по телевизору показывают – нет там ни одного русского, кроме тебя, дурака. Вот и проучили. Пошел вон, будешь у Никиты скотником работать, это тебе самое то, станешь первым скотником с верхним образованием по федерации вашей.
Отец не знал, что Никита дал брату денег и тот съездил в город, погасил долг. Не с руки было Никите родного брата в скотники определять, пошел к Роману за советом, и тот вспомнил о давнем товарище по партшколе Юрочке Пирожкове, умнице, остряке и гуляке, который вместо партийной работы пошел в торговлю и вскоре стал заведующим огромной продовольственной базой, занимавшейся снабжением Северов. У Юрочки перед праздниками все друзья машинами закупали деликатесы для себя, знакомых и даже для детских подарков от профсоюза. Недавно говорил с ним по телефону, все передряги пережил, удержался, Москва базу приватизировать не дает, частники могут так вздуть цены на продукты, что все нефтяники разбегутся.
– Вези своего брательника, познакомимся, договоримся.
Прохор Юрочке понравился, прошлись по складам, шеф советовал присматриваться, с каких товаров начать, чего в вашей деревне нет.
– У нас село, – поправил Прохор.
Юрочка раскатисто засмеялся.
Пришлось Роману поездить в район, поуговаривать то одного, то другого чиновника, в конце концов, оформили в аренду закрытый год назад сельповский магазин, большой, кирпичный, еще с купеческих времен лавкой был. Все трое пошли к отцу. Матрена Даниловна, увидев сыновей, поняла, что серьезное дело пришли обсудить, кивнула: «В горнице он», сама принялась собирать на стол.
– Здравствуй, папка, – почти хором выговорили мужики, отец повернулся от стола, отложил газету. Роман заметил: «Советская Россия», советовал же не выписывать, в органах все подписчики на учете. Оглядел сыновей, отложил газету, предложил: – Ну, размещайтесь, кто куда, раз пришли. У кого что стряслось?
– Почему обязательно стряслось? – Недоуменно спросил Никита.
– Дак вы же по другому поводу не ходите гуртом, если вместе, стало быть, серьезное дело, а в наше время серьезное дело непременно неприятность, так что я готов, излагайте.
Говорить было поручено Роману: – Мы знаем, папка, как ты переживал, когда Прохор попал в неприятность. Мы это дело закрыли, сейчас у тех ребят к нему претензий нет. Но надо же парню чем-то заниматься, да и не мальчик, жениться пора, а то один в доме, как этот…
– Ромка, я тебя еще в парторгах учил: отвыкай в речах большой разбег делать, говори суть дела, а то, пока ты последние слова говоришь, я первые уже забыл.
– Хорошо, – кивнул Роман. – Есть возможность открыть продуктовый магазин, помещение арендовали, с торговой базой договорились. Мы предлагаем, чтобы этим делом занялся Прохор.
Григорий Андреич скинул очки, солнечный зайчик испуганно прыгнул от них на стенку: – Прошку – в торгаши!? Как вам это только в ум пришло, чтобы Канаковы за прилавком карамельками торговали и деревенских баб обсчитывали? Ловко придумали! А я-то думаю, что Прошка на ферму каждое утро уходит, общественным полезным трудом трудится, а он пола в магазине моет, в торгаши готовится! Вот что я вам скажу, ребята: из

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вашего рая не выйдет ничего.
И тогда Роман вынул туза козырного, специально уговорил девчонок в архиве, чтобы такую справку выдали: – Папка, а ты напрасно торгашей за людей не считаешь, я вот специально в архив ездил, несколько дней в бумагах рылся, а все-таки нашел, что прапрадед наш в начале девятнадцатого века числился по купеческой части и имел три лавки в волости. Вот, почитай.
Григорий Андреевич взял бумагу, точно, районный архив, «Канаков Демид сын Иванов в ревизских сказках за … годы числится по купеческой части, налоги в казну вносит исправно, владеет тремя лавками…». Печать, подписи.
Григорий Андреич повертел бумажку, посмотрел на сыновей: – А скажи, Роман, отчего тогда отец мой был крестьянин, а не купец?
– Какой же он крестьянин, если земли имел три сотни десятин, ты же сам говорил, да скота своего сотню и неизвестно, сколько перекупал у киргизов петропавловских? Возможно, просто сменили бизнес.
– Чего сменили? – не понял отец.
– Род занятий, – неумело поправился Роман. – Так что Прохор просто вернется к тому делу, которым когда-то наши родичи успешно занимались.
Григорий Андреич еще раз повертел в руках бумажку, положил ее на стол и спросил: – Какой магазин оформили?
– Каменный, бывший хозяйственный.
– Хорошее место, людное. Но сам за прилавок не лезь, найди девчонок поприличней. Обожди, я про главное-то упустил: а на какие вши ты собрался товар закупать? Теперь ведь фондов нет, по доверенности не получишь, кончился социализм.
Никита подсел поближе к отцу: – Сейчас, папка, есть такая форма отношений, как дача товара на реализацию. Мы же в своем хозяйстве даем хлеб, мясо с последующим расчетом. Так и Прохор будет работать, пока на ноги не встанет. Конечно, мы с Романом на первых порах поможем деньгами. Что ты нам скажешь, папка?
Григорий Андреич долго молчал, посмотрел на Прохора: вчера был ребенком, из института приезжал, как будто праздник привозил, и вот в торгаши собрался. Торгаши уже есть в селе, народ иначе как спекулянтами не называет, потому как цены такие, что дешевле в район съездить и купить. Опять же за куском мыла да кульком сахара не поедешь, вот и давят из бедного крестьянина…
– Не хочу я, чтобы и про нас такие разговоры были на селе, как про Инночку со Светкой. И бумажку, Роман, ты напрасно привез, не было у нас в роду торгашей, не должно быть. Но, коли дело так повернулось, то я даю согласие, но на условиях. Первое: водкой не торговать. Не дам народ спаивать. Второе: если увижу, что продаешь дороже, чем кто другой – лавку прикрою. Позора не потерплю.
Никита вскочил: – Да сегодня деньги только на водке и делают, папка, как ты не поймешь!? На карамельках, как ты сказал, прибыли не будет.
Григорий Андреич тоже резко встал: – Дак вы о прибыли в первую очередь думаете? А я думал – брата пристроить к делу, чтоб не болтался и чтобы отец на ферму, в самом деле, не проводил. Мое слово последнее, а кто против, тот свободен, я тоже в ваших спекулянтских делах не большой охотник разбираться. И бумажку вы эту зря выхлопотали, вранье это. Все.
Братья вышли, не попрощавшись, потом Роман вернулся, кивнул маме, что все нормально, а то будет беспокоиться, отец ведь ничего не скажет. Зашли к Роману, сели за стол под развесистой яблоней.
– Итак, что будем делать? – Роман выжидающе посмотрел на Никиту.
– А что ты на меня смотришь. Отец же сказал…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Роман аж привстал, наклонившись к братьям: – Старик из ума выживает, неужели не видишь? И сколько мы будем на поводке ходить? И когда это кончится: чуть что – в морду. Мне четвертый десяток, сельский глава, а он в рыло.
Никита хохотнул: – Да тебя он не тронет, это нам с Прошкой перепадает.
– Не тронет? Да на прошлой неделе у самого носа его кулак поймал! Сказал ему, чтобы он на партсобраниях поменьше выступал, ну, остался коммунистом – это твое дело, но меня же Треплев за его пропаганду предупредил, могу вылететь, вот в очередные выборы наберут большевики треть голосов – пойду с Прошкой торговать.
Прохор оживился: – Вы все про политику, а как быть с торговлей? Без водки, в самом деле, навар не тот, ну, по ценам легко всех обойдем, потому что я переписал на базе – крутить можно половину. Девчонок я присмотрю, чтоб посимпатичней, не старье же собирать. Никита, ты помоги мне договора составить на оплату и ответственность.
– Помогу. Только ты вот что имей в виду: тебе налоги платить, отчетность и прочее. Я подошлю своего человечка, он тебе объяснит, как и что. И в договорах указывай зарплату в пределах минималки, остальное будешь в конвертах, как говорят, выдавать. И не обещай золотых гор, больничные там, декретные, отпуска.
– А как?
– А так, Проша, ты слышал, папаша сказал: социализм кончился.

4._____
К Роману Григорьевичу для подготовки к выборам приехал чиновник областной администрации, Парыгин Георгий Иосифович, аккуратный брюнет очаровательной наружности с выраженным желанием всеми руководить. С первой встречи Роману он не понравился, но уполномоченных не выбирают. Беседу за рабочим столом он начал с того, что Роману не надо беспокоиться о выдвижении кандидатов и всю свою деятельность сосредоточить на активной работе по линии своей партии, не давая возможности для пропагандистов и агитаторов других партий и объединений, в то же время делая вид, что перед законом все равны, в том числе и перед избирательным. Роман кивнул, но вспомнил, что в прошлые выборы, толи президентские, толи думские, он получил выволочку от Треплева за то, что разрешил коммунистам провести встречу с избирателями в доме культуры: – Ты бы для них еще посиделки организовал с пением революционных песен.
Роман недоуменно пожал плечами: – Ермолай Владимирович, а как я мог им отказать?
– Просто! Проще пареной репы! Перекрыть отопление накануне – сами откажутся. Назначить на это время репетицию драмкружка. Отключить электричество. Видишь, сколько возможностей, и это я сразу, без подготовки.
Уполномоченный оживился: – Прав Ермолай Владимирович, он хоть и партработник в прошлом, но суть нынешних перемен схватывает на лету. Видимость, дорогой Роман Григорьевич, чистейшей воды видимость равных прав и возможностей, а на самом деле жестко перехватить глотку всем, кто рвется к власти, кроме своих.
Роман хотел уточнить, что Треплев партработником никогда не был, просто на финишной прямой КПСС, когда уже все было ясно, и ядреные секретари райкомов уже подбирали места понадежней, на открывшуюся вакансию второго секретаря друзья и двинули Ермолая Владимировича по его просьбе. Потому что колхоз, который ему доверили несколько лет назад, уже стоял на карачках, и перспективы там не было никакой. Через год партию прихлопнули, но Треплев уже обзавелся связями в области, и через несколько лет вернулся в райкомовский кабинет, но уже главой исполнительной власти. Хотел уточнить, но передумал, потому что боялся, откровенно боялся, что несколько лет работы парторгом ему могут припомнить и турнуть с должности. А куда пойдешь? Не иначе, как

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

к Никитке скотником.

– Вам надо собрать команду молодых людей, чтобы они за скромную плату чистили заборы. Что вы на меня смотрите? А, термин непонятен! Убрать все агитационные материалы наших противников! Ни одного портрета, ни одного призыва! Для встреч с избирателями мест приличных не давать под разными предлогами, а лучше избегать контактов с их представителями: уехал, занят, заболел.

Роман хотел возмутиться, но испугался своей дерзости и только пожал плечами: – Задачу я понимаю, Георгий Иосифович, вот только встреч с населением боюсь, вопросов уйма, а ответ один: нет денег. Вы только посмотрите: детские не платим, бюджетники по три месяца ни копейки не видят. Трудно с людьми говорить.

Парыгин снисходительно поморщился, встал, закурил сигарету из красивой пачки, («Кент», успел прочитать Роман), встал у стола, медленно привставая на носки дорогих ботинок. «Дыбки делает» – не к месту вспомнилось, как в деревне называют это движение ребенка, который собирается сделать первый шаг в жизни.

– Дорогой Роман Григорьевич, я направлен в ваш район для обеспечения победы наших кандидатов. Вы меня провоцируете на откровенность – что ж, я скажу. Выборы мы выиграем, нам сейчас только этого недоставало, чтобы власть выбирало это быдло, не умеющее работать, умеющее только пить и бузотерить. Ваши селяне или сельчане, – как правильно? – свергли бы и вас, и Треплева, потому что им нужна советская власть, аморфная, проедающая национальное достояние, поощряющая бездельников и установившая всем одинаковую зарплату, на которую, извините, можно обновить только фуфайку. Мы же создаем общество, в котором каждый человек свободен, волен делать все, что позволяет закон. К этому стремится все человечество, а наш электорат надо убеждать. Да пропади она, эта агитация и пропаганда! Мы взяли власть, и мы теперь ее никому не отдадим!

Роман слушал и боялся возразить, хотя слова ловил уже на вылете. Мелькнула мысль, что в партийные времена не было столь страстных ораторов, просто необходимости не было напрягать голос и рвать сердце, люди и так все понимали. А тут… Георгий-то Иосифович, считай, почти на броневичке. Ему бы чуть прикартавливать – цены бы не было!

– Роман Григорьевич, я только что вернулся из столицы, было довольно узкое совещание в администрации президента, достаточно сказать, что от области я был в единственном числе! – Парыгин многозначительно поднял указательный палец. – Ребята в администрации нацелены так далеко, как вам и не снилось, они видят Россию завтрашнего дня, с заводами–автоматами, с уникальными технологиями в сельском хозяйстве. Мощная банковская система, способная инвестировать в объекты любого масштаба. Мы сравняемся и сроднимся со Штатами, и тогда никто в мире пикнуть не смеет против России.

Роман тоже встал, достал и прикурил свою «Приму», подошел к книжному шкафу, нашел статистический справочник за 1982 год: – Я с вами спорить не стану, только страной, против которой никто и пикнуть не смел, мы уже были, и, как видите, счастья это нам не принесло. Вот тут, – он показал книгу, – статистика по стране. Я когда-то готовился в аспирантуру, подковывался, но потом все пошло наперекосяк, а книги остались.

Парыгин сел на сильно продавленный диван, оставшийся еще от парткома, положил ногу на ногу, довольно картинно. Посмотрел на собеседника и засмеялся: – Дорогой Роман Григорьевич, да вы так и остались большевичком, президента не любите, у вас даже портрета его нет, нынешнее время называете перекосяком, голосовать собираетесь за коммунистов…

Роман бросил на стол книгу: – Я бы просил не передергивать, Георгий Иосифович, а если на то пошло, то это мое личное дело, за кого буду голосовать. И портрета президента у

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

меня нет, потому что Треплев не дал, так и сказал, что у Канакова его все равно снимут.
Парыгин устало махнул рукой, опять сел на стул. Роман заметил, что у гостя дергается веко на правом глазу, тот даже несколько раз прижимал его незаметно платком: – Действительно, это ваше право и ваше дело, за кого будете голосовать. Только я вас на берегу хочу предупредить: мы вас в свою лодку не пустим! Решительно! – Голос его зазвенел и набряг угрозой. – Мы в результатах выборов, в тех протоколах, которые вы привозите и тщательно переписываете для районной комиссии, на цифры будем смотреть, перед тем, как выбросить этот бумажный хлам, только для того, чтобы определить, наш человечек сидит в самом низу вертикали, или казачок засланный. Надеюсь, вы меня понимаете? И не вздумайте чудить. Я приеду к вам накануне голосования, уж больно вы меня заинтересовали. Говорят, у вас папаша в компартии состоит?
С трудом удержал себя Роман, кулаки сжал, но голосом не выдал: – У нас, господин Парыгин, отцов папашами не зовут, за такое и на площади высечь могли в былые времена. И тоже, представьте, его право, мне он партбилета не отдаст.
Парыгин аж вскочил: – А вы сами, дражайший Роман Григорьевич, к какой партии принадлежите? Нет-нет, про коммунистические убеждения я уже понял. А формально, как представитель власти? Вы в нашей партии состоите?
Роман кивнул.
– Я проверю. И вашу финансовую поддержку партии тоже посмотрю. Проводите меня до машины.
Уже из салона стального цвета «Форда» с нулями на номерных знаках он улыбнулся: – Вы даже представить себе не можете, как я доволен нашей встречей, самим ее фактом. Вы редкое явление для нашей системы управления. Сегодня вечером буду говорить с Анатолием Борисовичем, расскажу, чем Сибирь радует, то-то повеселится мой московский друг.

5_____
Прохор в торговлю ушел с головой, взял у брата в хозяйстве грузовичок с тентом, и сам ездил на базу к Юрику, который сразу предупредил: – На людях зови по отечеству, Юрием Алексеевичем, а в кабинете или еще где просто Юриком, так мне нравится.
В магазине полки сколотили из хорошо строганных досок, прилавок, холодильники и морозилку купил у того же Юрика по сходной цене. Две молоденьки девчонки, сестры-двойняшки, Галя и Валя, только что школу окончили, в институты ехать – нет таких денег, и работы в деревне никакой. А тут услышали, что Канаковы магазин открывают, отправили отца к старшему, Григорию Андреичу, они хоть и не ровесники, но работали вместе и по сию пору здороваются.
– Будь здоров, Григорий Андреич. – Гость открыл калитку и остановился, увидев хозяина.
– Ты ругаться пришел, что ли, в воротах стоишь. Дак я не в том духе сегодня, чтобы чубы рвать. Заходи. Или сразу в дом? Дело какое, или просто покурить? Говори, Артюха, не стесняйся.
Прошли под навес, сели на плетеные кресла, любил из прутиков красоту вить старший Канаков. Артём осмелел: – А нам какого рожна сомущаться, мы не воры и не разбойники, честно жили и так бы продолжали, если бы не пятнистый.
– Артём, ты меня избавь от такого разговора, а то я опять ночь спать не буду.
– Понял, молчу. Прослышал я, Григорий, что вы с робятами магазин начинаете.
– Стоп! Это кто тебе такое сказанул, что я в этом магазине участвую?
Артём оробел: – Не то сказал, не серчай, хотел попросить тебя девок моих пристроить. Надо, чтоб они за зиму какую копейку заработали, чтобы поступать ехать, а там будем как-нинабудь извёртываться. Школу прошли, обе как ударницы, а дальше некуда,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

средств нет. Было на книжке, все копил, думал учить их в городе, а оно вишь как, скукарикали денежки… Ну, понял, не будем об этом. А про девок мне с кем дело иметь?
Григорий Андреич помолчал, соображая, как ему себя повести. С одной стороны, к торговле никоим образом приклеиваться нельзя, с другой – Артему помочь надо, куда он пойдет? И Прошка тоже не сообразит, может и отказать: – Давай так, Артём Сергеич, я вечером с сыном переговорю, а ты утричком забеги. Чай пойдешь пить?
– В другой раз, спасибо, Григорий Андреич, на добром слове.
Вечером отец пошел к Прохору. Не славно, конечно, что мужик уж настоящий, а все один, хозяйки в доме нет, только мать на стол наставлять начинает, Прошка уж тут, без спросу, без приглашения. Раз не утерпел Григорий Андреич, ложку положил: – Обожди, Прохор, пусть суп остынет, больно горяч.
Хозяйка сунулась с объяснением: – Дак с плиты сняла, оттого и горяч.
– Я, кажись, не с тобой. Прохор, я гляжу, тебе такая жизнь глянется, выспался неизвестно с кем и где, нататёшкался, вынежился, у отца в доме без приглашения за стол упал, наелся и вперед. Ты только что в туалет ко мне не ходишь.
Мать аж всплакнула: – Отец, да разве объел он тебя?
Григорий стукнул кулаком по столу: – Ты способен на вопросы отвечать, или мать за тебя будет отдуваться? А ты не встревай, не доводи до греха! Или тебе, сынок, подзатыльник вломить, чтобы в сознание вошел? Я хочу знать, собираешься семью заводить или нет? Если нет – дом продам к чертовой матери, и деньги Зюганову отправлю.
– Отправляй. – Прохор встал со стула.
– Сядь! – рявкнул отец. – Ишь, моду взяли, чуть что – в сторону. Сядь! И слушай меня внимательно, сынок, потому что я дважды повторять не умею. Если к октябрьским праздникам не соберешься, я так тебя оженю, тогда уж точно век будешь отца помнить.
Прохор улыбнулся: – Нету, папка, теперь таких праздников.
Матрена Даниловна и охнуть не успела, как Григорий хлестко ударил сына по шее, встал, зашагал по дому из кухни в горницу, дважды прихватил макушкой верхний косяк, вовсе обозлился:
– Сопляк, в моем доме есть–пьет, и мне же в оппозицию, праздников таких у него не стало! Утрись, не убил, я пока еще не Тарас, – повернулся к жене. – Ишь, волю взяли, а кто тебе, дураку, образование дал? Кто матерь твою спасал, когда на эроплане хирурга привезли. Молчишь? Дак я за тебя ответствую: советцка власть. И при мне такие разговоры зажми, куда хошь – язык засунь, но помолчи. Все, обед испоганил, засранец. Но слово мое помни. А теперь иди, я отдыхать буду.
В тот же вечер, после разговора с Артемом, пошел к Прохору. И не с руки, вроде, в дела сына вмешиваться, но опять же просьбу человека надо уважить, известно ему, каково сегодня содержать двух девок, да у Артюхи, кажись, акромя есть. Прохор или в окно увидел, или сердце подсказало – на крыльцо выскочил: – Проходи, папка, давно не бывал.
Григорий остановился посреди большого двора – тишина и чистота, корова не замычит, поросенок не хрюкнет, курочка не скудахчет – ничего нет, по-городски живет сынок.
– Дело у меня к тебе. Ты Артема Сергеича знаешь, в МТМ работал раньше, хороший мужик. У него две девчонки, двойняшки, запамятовал, как зовут. Окончили школу, а дальше некуда, финансы не позволяют. Так вот, был у меня сегодня отец, просил, чтобы ты их продавцами взял. Я обещал походатайствовать.
– Ладно, папка, я подумаю и скажу тебе.
– А чего тут думать? Надо помочь человеку, девки они должны быть смышленые, мать их толковая женщина, Артюша-то поскромней будет. Так берешь или нет?
Прохор помялся: – Пусть завтра к девяти в магазин приходят, порешаем.
– У-у-у, мерзкое слово, и откуда ты их нахватался: «Порешаем», стратеги хреновы. И не

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вздумай отказать! – Повернулся к калитке и краем глаза заметил – колыхнулась шторина. «Губу раскатил: сыновье сердце учуяло! Баба у него в постели, вот и вылетел на крыльцо! Женить надо подлеца, того и гляди истреплется».

6._____

Дом Прохору рубили всей семьей, когда он еще на практику приезжал в совхоз под руководство родного брата. Старший Канаков лично ходил на склад, отбирал нужные плахи, тесины, все аккуратно укладывал в сторонке, звал кладовщика и велел замерить с точностью. Тот в первый раз заотнекивался, мол, забирайте, Григорий Андреич, а я на ремонт фермы отпишу потом. После первого же такого предложения Канаков ловко поймал его за грудки, подтянул к себе и в самое лицо выдохнул: – Ты кому такую мерзость предложил, рыло твоё немытое! Ты думал, раз сын мой тут предскдатель, значит, я могу себе семь тесин на гроб и без счету взять? Ишь, ты, разшиковались! Всех надо выводить на чистую воду! Я тебя чего-то не могу признать, ты не наш деревенский будешь?

Мужик отряхнулся, на всякий случай на шаг отступил: – С Казахстана я, жена тутошняя была, да не пожилось на новом месте, в прошлом годе убралась.

Канаков сообразил: – Дак ты Любы Москвички мужик будешь? Помню ее молоденькой еще, все в Москву собиралась, вроде как приглашают ее в артистки. Понятно, никуда она не уехала, так Москвичкой и осталась. А потом в Казахстан подалась. Да, слышал про твое горе. Ну, ты не серчай, я тут погорячился малость, а кубатуру до грамма замерь, я проверю. И еще ответь мне: отпускаешь без документов, бывает, что начальство велит? Говори, я все едино прознаю, хуже будет.

Мужик огляделся по сторонам и шепотом почти на ухо: – Прораб больше велит, он потом и концы сводит.

Григорий Андреич хохотнул: – А директора ты не выдашь? Он у тебя ангел.

– Зачем буду на человека наговаривать? Новой раз черкнет гумажку то на брусок, то на плаху человеку. Тогда отдаю, а так – нет.

– Ладно! После обеда подойду, накладную напишешь, я рассчитаюсь и вечером ребят отправлю на своей самоходке, заберут.

– Зачем? У меня вечером машины придут с паклей, загрузим и привезем.

Канаков хотел рявкнуть, но воздержался, только пальцем погрозил: – Ну, ты меня еще поучи!

В серванте он безжалостно выбросил из ящика годами хранящиеся вилки, ложки и ложечки, чайные ситечки, бронзовые подстаканники, которые еще на свадьбу им с Матреной подбросил кто-то из родственников. Навалил полную коробку и позвал жену. Та со слезами села на стульчик: – Гриша, и чем оно тебе все помешало?

– Не помешало, а всякая лишняя вещь в доме атмосферу портит. Но это я кстати. Весь этот хлам, будь моя воля, вывез бы на помойку и не ахнул. Но ты же под колеса ляжешь. Потому прошу указать, в какое место поставить коробку, чтобы ты при случае могла выволочь на стол вот эти подстаканники и потосковать. Мотенька, их уж лет тридцать не пользуют, отдай в школу, говорят, там музей собирают.

Матрена брала по одной вещи из коробки и чуть не плакала: – Гриня, вот эти рюмки нам подарила матушка твоя, вечная ей память!, они старинные, ты посмотри, какое стекло, как хрусталь. А ложки, Гриня, мы с тобой покупали в первый год, в город ездили, я беременная была Никиткой, ты еще шофера ругал, что трясет на кочках. А стаканчики, стаканчики, Гриша, ты же привез, когда в Москву на выставку ездил. Тогда такие тонкие мало у кого были, мы любили из них морс пить и молоко парное. Неужто тебе не жалко

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

такую память выбрасывать?
Григорий приобнял жену и вдруг подумалось: когда же я ее вот так просто обнимал? И стало неловко, стыдно за себя: – Мотюшка, ты не серчай на меня, я же не со зла. Конечно, надо сохранить, потом будешь внукам и правнукам показывать. Это же только нам с тобой дорого, позови любого из внуков, засмеют нас с этими стекляшками. Ящик мне нужен для документов. Все квитанции на Прошкин дом в папке, уже вываливаются.
– И к чему ты их хранишь?
– Не хочу потом глазами перед народом моргать, когда спросят, на какие шиши дома понакатал, Григорий Андреич? Вот тогда-то я бумажки эти и выложу, как козырных тузов.
Матрена все любовалась посудой, протирала фартуком залежалое стекло, помутневшие тяжелые вилки и ложки. Подняла глаза на мужа: – Кто с тебя спросит, кому это надо? Два дома поставили, и никто ни разичку ни одну бумажку не стребовал.
Григорий даже обрадовался: – Потому и не вязнут с ревизий, что знают: у Канакова в учете полный порядок, он сам кого хочешь на чистую воду выведет. Куда приданное твое поставить? Может, в подпол спустить, там у меня на полках места много.

7._____
Как-то зимой привез Никита отцу путевку в пансионат для пожилых людей. Время послерождественское, морозы завернули настоящие, ночи звездные, чистые, тихие, днем чуть дымкой подернется горизонт, и три солнца образуются на промерзшем небе.
Григорий Андреич хоть и крещен был, но веры не знал, в церкви ни разу не бывал, а вот такие явления его смущали. Слышал где-то, что сие бывает к худу. Под худом все понималось самое нежеланное, он все вспоминал деда своего Корнилу, как тот рассказывал домашним: – Сплю я на спине, это привычка детская еще, потому и храплю столь сильно, что вынужден уйти в избушку. А по иному не умею, лягу на бок – жмет, на другой – упеть неловко, на брюхе спать нельзя, из всякого зверья только свинья на брюхе спит. Ну, вот ночесь сплю вроде и не сплю, потому как есть кто-то в избушке, акромя меня. Чуть полежал, вроде курнулся, а он меня за шею ручищами ухватил и душит.
– Кто? – выдохнула молодая сноха, а сама со страху едва на ногах держится.
Дед Корнила перекрестился и говорит тихонько, как бы одной снохе своей: – Это, дочка, не след вслух произносить, но тебе скажу: дедушка–суседушко приходил.
– Чей, дедо? – спросил младший внук.
– Ну, знамо, наш, нашего дому хозяин. Я, когда дом этот поставил, а до того мы со старухой, ей тогда и осьмнадцати не было, вот в такой же избушке при тятином доме жили. Никто, конечно, не прогонял. Сами изъявили, потому как молодняк, один грех на уме. Вот и поставили мы с тятей дом, он большой хозяин был, и дом заказал рубить о двух етажах. Два года только на молитву останавливались плотники да на паужну, потому как с лесом робить, это не из чашки ложкой, а труд шибко трудной. Когда дом готов, освятил его священник, и надо в дом вперед всех приглашать хозяина, суседушку. Тут и вышла у нас с тятей разногласия: если я поведу дедушку, в отцовском-то дому кто останется? Так не положено. И тогда старики сказали: «Корнила, бери икону, кланяйся в своей избушке во все углы и приглашай суседушку, уж коли вы тутака с женой прожили уж больше года, должон у вас завестись свой хозяин». Я и пал на колени: «Дорогой мой хозяин, выстроил я тебе хоромы великие, не чета этой избушке, приглашаю тебя в тот дом хозяином, и буду всякий раз пишчу и питие всякое ставить тебе в подполе». Слышу, где-то скрыпнула плаха, пошел тихонько к дому, дверь отворил и жду. И что вы скажете? Прошел мимо меня, даже ветерком охватило, крышкой сбрякал и в подполье. Так с тех пор и живем. А

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

как я в избушку ушел, да и Лукерьюшку мою схоронили, (царство ей небесное!), и стал он ко мне являться. Бывало, рядом сядет, надо, чтобы я чего-то рассказал. Я и сказываю всякие истории из жизни. Новой раз рукой проведу – тут сидит, и мохнатый весь, чисто тулуп вывернул и надел.
А душить он меня принимался не единожды. Подобно тому, гневается, что из дома ушел. Я ему как-то и присоветовал, мол, коль изба маленькая, так ты направь ко мне внучка своего. В ту ночь он меня и прижал, да так тяжело, что я уж с белым светом прощаюсь. А надобно в это время спросить суседушку, к худу ли к добру?
– Как это спросить? – опять интересуется сноха.
– Дедушка–суседушко за просто так давить не станет. Значит, хочет чего-то сказать. Вот ты и испроси: к худу он к тебе пришел или к добру? В этот раз я едва выговорил, он сразу отпустил и сказал ятно: «К худу!». Так и вышло. На другой день война началась с Гитлером, отец ваш Андрей Корнильевич ушел и не вернулся...
…Вечером пошел к Никите: – Отдай бумагу доброму человеку, пусть едет, а я останусь дома.
Никита возмутился: – Папка, я эту путевку оплатил, она уже и заполнена на тебя. Чего ты заупрямился? Дома работы никакой, маме поможем, будем утро-вечер навещать. Да и срок там – две недели.
– Только две? Вот сволочи, и тут обманывают народ! Мотя, ты пять лет подряд после операции в Кисловодск ездила, на сколько дней?
А сам сыну кивает, дескать, слушай.
– На 24 дня. А у тебя?
– Да не у меня, а у них, у демократов, новых хозяев жизни: две недели! Попробуй, полечись!
Никита засмеялся: – Ты же только что ехать не хотел, теперь тебе двух недель мало.
– Конечно, мало! День приезда пропал, день отъезда тоже пропали. Итого – двенадцать дней, ровно половина от советской путевки.
Никита возмутился: – Папка, да я тебя раненько утром на своей машине отправлю…
– Стоп! На какой это на своей? Мало того, что твоя женушка по выходным из нее не вылазит, так ты и отца родного хочешь в этот позор загнать? Машина не твоя, а совхозная, кооперативная, и шофер совхозный. Зарплату получит и командировочные за то, что папашу начальника на курорт отвезет? Да я пешком уйду, только избавь меня от этого!
Никита встал: – Хорошо, я сам увезу тебя на личных жигулях и оформлю этот день как отпуск за свой счет.
Григорий Андреич вскочил с места: – Вот это правильно, молодец, сынок. И другие пусть видят и знают. Тогда я согласен.
В пансионат они приехали рано, автобус из областного цента, где собирались отдыхающие, еще не пришел. Никита договорился, что отца поместят в двухместный номер и соседа ему подберут спокойного и не очень старого, чтобы они могли поговорить. «Отец это любит» – добавил Никита и поставил с боку кресла регистраторши пакет с гостинцами. Та понимающе кивнула и велела помощнице проводить гостя.
Комната Григорию понравилась: стекла не застыли, видно двор, все еще стоящую в центре высокую елку, тепло, есть горячая вода, душ, туалет.
– Ладно, Никитка, поезжай, маму успокой, что все в порядке. За Прошкой смотри, а то у него каникулы опять до майских праздников затянутся.
Через час в комнату постучали, вошел мужчина средних лет, поздравствовался, представился Николаем, познакомились. Разложил свои вещи, вынул из сумки икону, поставил на свою тумбочку.
– Григорий Андреич, вы не против иконы?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Григорий пожал плечами: – Да нет, не против.
– Вы, должно быть, крещеный человек, судя по возрасту?
– Говорила бабка, что крестили, но на том все и остановилось.
– В церковь не ходите? Хотя бы просто так, из интереса.
Канаков кашлянул: вот послал бог соседа, пожалуй, из секты, их много теперь развелось, он читал в «Советской России». Сам для себя решил: начнет дальше гнуть свою линию, вроде как вербовать – попрошусь в другой номер. Искоса поглядывал – нормальный мужик, бородка аккуратная, волосы длинные. «Э-э-э, – подумал Григорий, – дорогой, а не поп ли ты?». Решил выяснить сразу: – Вы, конечно, извините, если что не так, вы, случаем, не поп?
Николай улыбнулся: – Вы совершенно правы, любезный Григорий Андреич, я православный священник, служу в небольшом храме в городе. Надеюсь, что мы подружимся.
Григорий опять кашлянул: – Сомневаюсь, что мы с вами друзьями сделаемся, но, думаю, две недели друг дружку перетерпим.
Николай сел на свою кровать: – Меня несколько удивляет ваша уверенность, что не подружимся. А что нам может помешать? Я не буду вас склонять к вере в Бога, ибо это или дано, или нет. Вот вы атеист, то есть, не верите в Бога. Это ваше право. Я верю, и это мое право. В остальном, я думаю, мы найдем компромиссы?
– Чего найдем? – не понял Григорий.
Николай опять улыбнулся: – Давайте так договоримся, Григорий Андреич, мы здесь просто отдыхающие, будем принимать процедуры, гулять, насколько погода позволит. Вы не боитесь мороза?
У Григория чуть что-то резкое про мороз не сорвалось с языка, но вовремя поймал: – Я крестьянин, мне морозы пережидать нельзя, каждый день управа со скотом, так что мы привычны.
– Тогда мы сойдемся. Я перед Рождеством занемог, весь потерялся, едва Крещения дождался. Трижды окунулся во Иордани, и, представьте себе, воспрянул.
Григорий вспомнил: – Обождите, в Крещенье был сильный мороз, я даже скотину не гонял на прорубь, флягами воду возил и в бане грел.
– Стало быть, вы ни разу не купались в Крещение?
– Тонуть зимой доводилось, а чтобы сам – нет, не купался.

8._____

На второй день Канаков совершил обход пансионата, и уже через несколько минут у него появилось ощущение, что он когда-то тут бывал. Вот эта стайка берез, одевшаяся в куржак, очень знакома, только почему-то березки стали выше и пушистей. И отвесный берег к застывшей под снегом реке тоже показался знакомым. А потом Григорий вышел на задний двор и улыбнулся: точно, бывал, дочка Никиты Лизанька была тут в пионерском лагере, а он за ней приезжал на новеньком «москвиче», только что полученном от ВДНХ за показатели по урожайности.
Пионерский лагерь новые власти прихлопнули, понятное дело: нет пионеров – зачем лагерь, Канаков вздохнул: сколько глупостей наворочали, прикрыли детскую организацию. Что в ней было плохого? Речовки про Ленина – уберите, если у вас аллергия на этого человека, но организацию оставьте! Как красиво ходили ребятишки строем да с песней на первомайском празднике, в день Победы. Любо посмотреть. Глядел каждый и радовался: такая смена растет, умные, красивые, нарядные. Он и тут, в лагере, налюбовался, как прощальную линейку проводили, сколько красивых слов сказали. Лиза

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

всю дорогу дедушке рассказывала, как весело они жили, как вкусно кормили в столовой, какие костры они жгли на огромной поляне, и песню пели: «Взвейтесь, кострами, синие ночи…».
В корпусе подошел в дежурной, женщина немолодая, можно поговорить. Оказывается, она работала в том лагере воспитателем, он в восьмидесятые годы стал круглогодовым, тут ребята и отдыхали, и основные предметы изучали, чтобы не отстать от программы. А потом свернули, оставили только три смены летом, но через два года закрыли совсем, вроде бы купил его прокурор города, начали перестройку, собирались устроить базу отдыха для состоятельных людей. Один корпус даже перекроили на одноместные номера с двуспальными кроватями. Но кто-то вмешался, прокурора быстро перевели в другую область, а всю базу забрало управление социальной защиты. Вот, теперь пенсионеры в основном приезжают, потому что подешевле и лечение есть.
– Скажи, любезная, отчего путевки так дорогие? Ведь нельзя сказать, что тут такой комфорт.
Дежурная посмотрела на него внимательно, словно определяя, можно ли говорить, наклонилась через столик: – Вам скажу, почему-то доверяю, что не продадите меня. База эта частная, а хозяин – заместитель губернатора, и вроде как государство у него арендует.
Канаков покачал головой: – И вывести их на чистую воду некому. Ладно, извините за беспокойство, пойду, погуляю перед ужином.
Тяжелые думы теснились в его изболевшейся голове. Как могло случиться, что сменились люди у власти, и все пошло к смерти? И раньше менялись, умер один Генсек, принимает второй, но в стране-то ничего не меняется! Заводы дымят, сев идет и уборочная. Понятно, что кто-то соболезнует, жалеет, кто-то зубы скалит, такой огромный народ, всякие людишки попадают. А тут что? Откуда они взялись, эти Чубайсы, Березовские, поди, под тем же прикрытием, как и Бронштейн пробрался в Россию товарищу Ленину помогать революцию делать, только фамилию переправил на Троцкого. Если так, то и добра не следовало ждать. Опять же Ельцин. Был первым секретарем в Свердловске, говорят, еще тогда талоны на мясо вводил. Нихрена область не работала, а он погуливал. А потом бац! – в ЦК, потом на Москву. Разве не видели, что он за птица? Почему я за день могу определить, будет из парня механизатор, или так, только рычаги дергать, а они там такой мощной кампанией, всем Политбюро – не разглядели. А, может, не хотели разглядеть, может, знали, что за кот в мешке? Специально поближе к центру перетащили, чтобы в нужный момент вытолкнуть на танковую броню. Нет, не хватаем ума, чтобы объять все эти события. Тут бы в своих домашних не запутаться. За Никиткой нужен глаз да глаз, у такого корыта его посадили, все в руках, а хватит ли духу это испытанье пройти? Ромка тоже нарасшарагу стоит, Треплев его сломит, и ляжет под него сынок, будет исполнять барскую волю, а народишко – как хошь, так и живи. Прошкина торговля поперек горла Григорию Андреичу, и вся жизнь его вольная. Женить его не удастся, он волю зачуял, теперь при деньгах, больше в городе трется, да и тут потаскивает каких-то, народ видит. Лишь бы на тюрьму не наскочил с какой-нибудь лярвой, обвинит в насилии, трусики в целлофаном пакете в прокуратуру притащит, и останется Прошка голяком, а то и поедет тайгу допиливать.

9._____
Вечером заговорил с Николаем: – Я тут карточку вашу случайно посмотрел, вы, получается, совсем молодой человек, в сыновья мне годитесь. Вот вы про веру говорили, это я понимаю, у меня тоже есть своя вера, я коммунист. Во что я верю, мне все понятно: все люди равны, все люди братья, надо честно трудиться на благо общества, и общество

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

тебя отблагодарит достойной пенсией, вот этой же путевкой, только тогда, при социализме, она стоила копейки. Коммунисты хотят счастья для всех людей на земле. Вот моя вера. А твоя? Ты учился в советской школе, наверное, институт закончил. Расскажи свою биографию, и я буду знать, кто ты есть на самом деле.

Николай долго молчал, Григорий подумал даже, что он вообще не хочет эту тему шевелить, но Николай заговорил: – Да, я окончил среднюю школу, в институт не поступил, потому что сразу призвали в армию. Служил неплохо, был комсомольским активистом, даже предполагалось, что после срочной экстерном сдаю экзамены в Ульяновском среднем политучилище и служу по политчасти. Но случился Чернобыль. Нас подняли ночью и привезли на объект. Никто ничего не знал, даже офицеры. Солдат бросали туда, куда гражданские просто не шли. Мы работали месяц, потом госпиталь, комиссия и домой. Умирать. Я к тому времени уже хорошо понимал, что с моим организмом. Доза, которую мы получили, с жизнью не совместима. Дома мама, отец, они очень умные и грамотные люди, пытались мне помочь, но все понимали, что помочь уже ничем нельзя. И однажды ночью я ушел из дома. На окраине города был монастырь. Я не знаю, что меня туда привело. До этого я ни разу не был в этом монастыре. Меня приняли, подготовили к исповеди, я все рассказал. Старый монах, который меня исповедовал, сказал, что надо молиться и просить Бога о спасении. Надо думать, он не имел в виду мое физическое состояние, он говорил о спасении души. Меня причастили и увели в келью. Это после монах Тихон сказал, что он попросил поместить меня отдельно от других послушников. Я стал читать молитвы, конечно, до того не знал ни одной. Отец Тихон дал мне Старый и Новый Завет с параллельным переводом со старославянского на современный русский. Я не спал и почти не ел, скоро стал понимать старославянский, стал ходить на службы, потом и на работы. В это время во мне произошло странное разделение жизни физической, жизни тела, и понимание жизни души. Я не знаю, как это объяснить, но я перестал бояться смерти, потому что уже почувствовал жизнь души, и о ней заботился больше, чем о теле. Так прошел год. Я обратился к отцу Тихону с просьбой постричь меня в монахи. Он отказался. Он сказал, что я не создан для монастыря, во мне сильно физическое, человеческое начало, он даже допустил такую фразу: «Насколько я тебя понимаю, ты человек общественный, если ты действительно хочешь служить Богу, тебе надо идти в храм, к людям». И я пошел. По рекомендации отца Тихона меня взяли в церковь Николая-Угодника псаломщиком, потом рукоположили в дьяконы.

– Прости, что перебиваю, дорогой мой, а болезнь твоя?

– Я о ней не думал. Да, плохо кушал, мало спал, но это освобождало дорогое для меня время молитвы. И я молился до службы, после службы, ночью. Это великое блаженство говорить с Господом на языке молитв, которые он знает. Святой Николай, а вы должны знать, что он был епископом в Мерликии и сильно страдал за веру свою, так вот, он стал моим покровителем, я часто обращался к нему. Еще год прошел, приехал к нам владыка, управляющий епархией, захотел со мной встретиться. Долго мы проговорили, и он предложил мне приход, вот эту небольшую церковь, раньше она была при духовном училище. Очень хорошо сохранилась, вот и служу.

– А в Бога-то, в Бога как поверил?

– К Богу много путей, самый верный – когда семья верующая и воспитала ребенка в вере. Это, скорее, относится к старому, досоветскому времени. Теперь такое редко, разве что в семьях священников.

– Обожди, Николай, какие семьи, вам же нельзя жениться, запрещено.

Николай улыбнулся: – Монахи, да, они отрекаются от всех благ земных, от богатства, от женщины, от семьи, это слуги Господа, воистину праведные люди. Есть путь через знания, когда великие люди, ученые высокого уровня вдруг все оставляли и уходили в

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

монастыри, либо жизнь и взгляды свои круто меняли. Помните, был такой Дарвин, убеждал, что человечество произошло от обезьяны. С ним даже казус случился. Когда он опубликовал свою работу, мир пошатнулся, Дарвин стал знаменит: еще бы, ниспровергатель Создателя. На балу к нему подошла красивейшая дама общества и громко спросила: «Мистер Дарвин, неужели вы, глядя на меня, станете утверждать, что я тоже произошла от обезьяны?». Хитрый Чарльз ответил: «Да, мадам, только от очень красивой». Так вот, прошло время, теория уже охватила мир, а сам ученый вдруг понял, какую глупость сморозил, отрекся от своего учения и остаток жизни молился.
– Тогда остается, что Бог слепил человека из глины?
– Я не вдаюсь в детали, я знаю одно: человека создал Господь, а потом понял, что создание несовершенно, наказал вероотступников и послал на землю сына своего Иисуса, дабы он показал людям пороки их, взял на себя все грехи человеков и взошел на крест. Он принес обновленную веру, и предки наши славяне приняли ее, как свою.
– Но Иисус был еврей, и вера его еврейская, как это впарили ее славянам? У них же были свои боги?
– Языческие. Но уже тогда были люди, понимающие, что народ должна объединять идея. Христианство – это мощнейшая философия, и грамотные люди, изучив ее, приняли, как свою. Иисус предупредил, что в вере нет ни евреев, ни эллинов, никаких других наций, все отменяет вера в Господа, и все люди равны, все имеют одинаковые права.
– Обожди, тут мы с тобой сходимся, что люди браться.
– Дорогой мой Григорий Андреич, ваш моральный кодекс строителя коммунизма полностью списан с Христовых заповедей.
– Да не может такого быть! Да ты врешь! Неужто в ЦК бы этого не заметили?
– Не думаю, что не заметили, более того – знали, но нет другой морали, кроме Христовой, ну, перелицевали и сделали коммунистической. Теперь о моем пути. Это путь через физические и нравственные страдания. У меня не было выбора, либо гнить, либо молиться. Это соломинка. И она меня спасла. Как же я после этого могу не верить?
Григорий Андреич вздохнул: – Да, дорогой мой человек, перенес ты много чего. Быть у смерти на краю и увернуться – это не каждому дано. А товарищи твои, с которыми вместе был в Чернобыле, они-то как?
Николай трижды перекрестился: – Ушли. Все. У меня есть фотография первого дня на объекте, когда мы еще ничего не знали. Взвод солдат, человек тридцать, всех знаю по именам. Когда прощались, адресами обменялись. Я с родителями связи не теряю, они мне время от времени говорят, за упокой кого молиться. Я крестиком отмечал, все, один остался.
– Семья у тебя большая?
Священник вздохнул: – Нет семьи, перед рукоположением во священники обвенчались мы, но не прожили и месяца, ушла моя жена. Я не предполагал, что… Чернобыль столь безжалостно встанет между мною и женщиной. А поскольку священник не может быть неженатым, владыка дал согласие на монашеский постриг. Вот, отдышусь тут, и в монастырь.
– Это где?
– Тот самый, куда и в первый раз приходил. Буду служить там.
– Там что, и церковь есть?
– Прекрасный храм, возрожденный из развалин, а освящен был в 1780 году. Намоленное место. Как обустроюсь, обязательно вам напишу, вы мне адресок оставьте. Может, доведется бывать в наших местах, все-таки областной центр.
– Ладно, обещать не буду, но адрес дам. Мало ли что…

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

10._____

На третью ночь Григорию приснилась жена, да не сегодняшняя, а молодая, какой была она, когда ходила первенцем, чуть располневшая, большегрудая, медлительная. Гриша в то время души в ней не чаял, ведра воды принести не давал, все по хозяйству делал, даже корову доил сам. Матрена смеялась, а в сердце такая радость была, такое счастье.

Она долго скрывала от мужа, что понесла, только в постели просила горячего Гришу не мять ее, сторонилась крепких объятий, уже и не знала на боли в каком месте сослаться.

Дали Григорию три дня для сенокоса, уехали еще по темну на колхозной Карюхе на свой родовой покос, Гриша быстро шалаш сделал, ямку под продукты, чтоб не сох хлеб, не скислось молоко, да и мясу соленому тоже надежней.

Косил Гриша большой литовкой, Матрене сделал маленькую, ловкую. Гриша один проход сделает, ей надо дважды идти, чтобы такую ширину взять. Матрена старалась не отставать, но и торопиться боялась, живот хоть и прятала под широкими кофтами, но уже выпирал, того и гляди, Гриша заметит.

Поужинали простеньким супчиком, молочко допили, Гриша сказал: – Ты ложись, Мотюшка, а я пройду, погляжу дальний покос.

Легла она на спину, так легко, и даже забылась чуток, вздремнула, а ребеночек легонько ее толкнул, да еще раз. Слезы покатились от радости, и прошептала: – Да миленькой ты мой, как же долго я ждала тебя!

– Ты это с кем говоришь? – тихонько спросил муж, так незаметно прошел в шалаш, что она и не слышала.

– Гришенька, в тягостях я уж четвертый месяц, вот ребеночек и шевельнулся во мне.

Григорий чуть не вскочил во весь рост, встал на коленки: – Чего же ты молчала, глупенькая моя. Или я не рад был бы ребеночку? Умница, сладкая ты моя бабочка. Все, откосила, будешь рядышком со мной, а потом в шалаш, перегреваться тебе тоже нельзя.

Полежал Григорий Андреич, понежился в сладких воспоминаниях. Да, трое парней на радость родителям бегали по большому дому, росли, в школу один за другим, в пионеры, в комсомольцы. Гордился отец сынами, в открытую гордился, а потом случилась революция, сломалось государство, партия, народы разметало по сторонам и странам, люди переменились, и сыновья его тоже, но он этого не заметил. Почему? Разве не было в доме жестокого порядка: не ври, не воруй, не завидуй. Было… Тогда почему почти вдруг ребята его тоже сломались, какая ржа съела их благородный стержень внутри? А может, надо было плюнуть на все, пропади она пропадом и советская власть, и партия вместе с Зюгановым, если за всякое честное слово, за попытку вывести кого-то на чистую воду он платит сыновьим отторжением? Молчал бы, занимался пчелами, рыбачил, как добрые люди, не влазил в дела детей своих – самостоятельных мужиков – и жизнь была бы спокойней, и дети в порядке, и Матренушка моя пекла бы пироги да щи варила? Что, разве не так? Да так, только это не для него. Откуда эта непримиримость? Может, от того, что сам всегда жил честно и чужой копейки в руки не брал, может, потому и бесило его, что тащат не свое, тащат наше, общее, не спросясь, да еще бахвалясь.

Оделся, вышел в коридор, постоял у окна. Интересно, могло ли в другой стране такое случиться, что кучка людей объявила себя властью, изобрели правительство, кто-то пытался вякнуть – расстреляла из танков. И все стали миллионерами, этими, холера, трудное слово: олигархами! А народ голый. И после размышлений приходил к выводу: нет, нигде такого быть не могло, только в России, потому что русский человек равнодушен, это Григорий и на партийных собраниях видел. Обсуждается серьезный вопрос, а зал молчит. Выскочат три–четыре «звоночка», в парткоме написанные речи зачитают и голосуем: «Одобрить». А рядом сидит бригадир, третью лошадь казахам

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

продает, и все падежом списывают с ветврачом. Пошел к директору, тот чуть не выгнал: быть такого не может! А от безразличия до глупости один шаг, и мы его сделали. Да, страна наша такая, что судьба каждого человека невидимой пуповиной связана с судьбой всей страны. Когда-то это было хорошо, когда всей страной работали и на человека, и на страну. «Вот видишь, – подумал Канаков, – если хорошенько порассуждать, к интересным выводам прийти можно. Возможно, где-то тут причина падения моих сыновей».
Утром пошел на почту, вызвал свой дом. Матрена ответила, как всегда:
– Квартира Канаковых слушает,
– А из Канаковых все ли дома? – нарочито громко спросил Григорий.
– Гриша, родной мой, а я сегодня тебя во сне насмотрелась, истосковалась уже.
– Ну, ты наговоришь, четыре дня не прошли, а ты уж тоскуешь!
– Ладно, больше ничего говорить не стану.
– Обиделась, маленькая моя, Матюша, я сам страшно стосковался, и тоже во сне тебя видел.
– Хорошо хоть там у тебя?
– Все нормально, только вот сегодня заскучал шибко. У тебя все нормально?
– Хорошо, Гриша, ты отдыхай и возвращайся скорее. Я хоть обниму тебя, и мне легче будет.
– Все, время выходит, позвоню через два дня.
Кого обманывал Григорий Андреич? Какие два дня, на следующее утро позвонил, потом еще вечером сбегал. После разговора немножко погулял, и вдруг понял: да мы же больше чем на день, с Матюшей не расставались, а тут уж целая неделя прошла. И грустно было, и радостно, что вон какую жизнь прожили, больше полвека, а единого плохого слова друг дружке не сказали. Случалось, по молодости и выпивал Григорий с ребятами с получки, но всегда шел домой, хотя такого мужика заманивали молодухи, тем более, пока детей в семье не было. Он приходил, тихонько раздевался, Мотюшка помогала снять непослушные сапоги, помалкивала, дочиста мыла мужа, кормила горячим супом и укладывала спать. Утром он виновато прятал глаза, а жена, как ни в чем не бывало, подавала чистую рубашку, брюки, вымытые и высушенные сапоги, и целовала крепким поцелуем у порога.

11._____
– Ты не спишь, Николай? Я специально ухожу перед отбоем, чтобы ты молился, при постороннем человеке это, наверно, неловко.
– Да, я заметил ваше понимание и благодарю.
– Вот ты мне скажи про исповедь. Приходит человек, встает перед священником и кается в дурных делах. Ну, про чужую бабу может сказать, про мелочи всякие. Но если он преступник, он же не скажет?
– На исповеди ничего нельзя утаить, и дело не в священнике, Бог-то все равно знает про его грех. Утаил – трижды согрешил, уже не только перед людьми, но перед Богом. Потому надо признавать все прегрешения.
– И ты их отпустишь, освободишь от ответственности. Это по какому праву?
– Я говорю на исповеди от имени Господа, я же не скажу: «Прощаю грех твой», а скажу: «Бог простит», но и назначаю епитимию, наказание, это прежде всего молитва, поклоны, если грех велик – советую паломником пойти в монастырь или даже на святую землю, если, конечно, знаю, что этот прихожанин состоятельный человек.
– Обожди, я чего-то не понял. Вот новый русский, жулик, пришел к тебе и кается, что обманул компаньона или еще что-то, может даже – убил! Убил, да! – и что ты скажешь?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Молиться и каяться, другого нет пути.
Григорий вскочил с кровати: – Жулик, обманул, убил, надсмеялся – ему место на лесоповале или в урановых рудниках, а ты – молиться и каяться? И куда это приведет? Да ты просто обязан сдать его органам!
Николай тоже присел на постели: – Вопрос сложный, но ответ на него простой. Если человек пришел в церковь, значит, он осознает и думает о спасении души. Я не могу советовать ему идти с повинной, и информировать органы тоже не могу, тайна исповеди священна, знает кающийся, священник и Господь. Молитвой и смиренной жизнью оступившийся может заслужить прощение Господа, и на Страшном суде это зачтется.
– Во! Я понял всю вашу фальшь! Вот где собака зарыта! По-вашему получается: греши, грабь, насилуй, а когда пресытишься или, не при тебе будь сказано, ни на что уже желания нету, тогда добирайся до ближайшего попа, он тебе грехи отпустит и душа спасена. Так это или не так? Так, Николай, и тут ты мне ничего не возразишь!
– А я и не стану вам возражать. Я хотел только, чтобы вы поняли: иного спасения души нет, кроме раскаяния и молитвы. Даже если человек забыл о каком-то грехе, есть специальная треба, называется соборование, когда все кающеюся коллективно молятся о невольно забытых грехах, и все отпускается им.
– Но это же предательство интересов народа, я не имею в виду старушек, которые и на самом деле забыли, когда в последний раз грешили, а вот эти жирные рожи, которые по телевизору показывают, сам патриарх с ними, каженный день грехи отпускает.
– Я не в праве обсуждать поступки Святейшего патриарха, но вы, должно быть, слышали притчу о разбойнике Кудеяре? Разбойник был, каких свет не видел, сколько душ невинных погубил, а потом осознал, обратился к Господу и раскаялся. И был прощен.
– Ваша политика прощения всякого подлеца нам не подходит. Мы за то, чтобы каждый ответил за сотворенное здесь, на земле, по нашим советским законам, и мы этого добьемся. А вашей политики я никак не пойму: прощать преступника без наказания!? Куда это годится, и что это за вера такая? Вам ее демократы не подменили, это как раз про них?
– Что вы, Григорий Андреич, христианство старше демократии, по крайней мере, в нынешнем ее виде.– Да, уж в нынешнем-то она без вашего всепрощения никуда. Ладно, сосед, поговорили, и довольно, надо отдыхать. Спокойной ночи.

12._____
Григорий сразу обратил внимание, что в магазине замолчали, когда он вошел. Не надо много ума, чтобы догадаться: либо о нем разговор шел, либо о ком-то из ребят.
Модничать не стал, поздравствовался и попросил: – Я без стуку, потому смущенье сделал, так вы продолжайте, ежели моей семьи касается, то кому же слышать, если не мне? Верно я говорю? А, Семен Федорович?
Семен помялся, но товарищ спрашивает, стало быть, отвечать надо: – Дак вот, Григорий Андреич, судили про то, что председатель наш Никита Григорьевич коров собрался продавать или сдавать, не выгодно молоко, один убыток. Вот и судачит народ: а куда дояркам со скотниками податься? На биржу? Это же позорище!
Григорий Андреич кашлянул, спросил: – Откуда разговоры? На ферме собранье было или другим путем?
Народишко зашевелился: – Григорий Андреич, я дояркой роблю, вчера перед вечерней дойкой приехал Никита Григорьевич, никого собирать не стал, только бригадиру сказал, что через неделю всех коров увезут на мясокомбинат. Мы так ничё и понять не может, коровы доятся большинство, жалко.
Семен Федорович махнул рукой: – Это раньше мы ходили за скотом, все государству

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

молока мало было, драли за каждый грамм, хоть литру дает коровенка, и то чилькали, а теперь экономисты все сделались. Я видал, третьего дня шлялся по ферме с директором какой-то чин, все ботинки в говне замарать боялся, а сам видом, как раздавленный обабок. Он требовал, это я сам слыхал, что нерентальное какое-то животноводство…
– Нерентабельное, – подсказал кто-то.
– Да, вот это надо кончать.
– А чего город жрать будет?
– Ты за город не страдай, их Европа прокормит.
– Ха, а мы на картошке не пропадем!
Канаков одернул: – Сухая картоха глотку дерет, ты разве забыл, как при Хрущеве без коров остались – обратку на молоканке по талонам давали. Ладно, сильно пока не судите, а я разберусь, кто тут у нас за главного животновода. Фрося, подай-ка мне пачку хорошего чая.
– Ты, поди, на индийский губу раскатил? – засмеялся Семен Федорович.
Фрося нырнула под прилавок и подала Григорию большую разрисованную банку. – Григорий Андреич, для друга хранила, да он, сволочь, другу неделю нос не кажет.
Канаков улыбнулся: – Фрося, разговор между нами, но под такой чай я в твоем распоряжении.
От смеха даже чекушки на полке запозвякивали.
В своей ограде закинул пакет с гостинцем Фроси на крыльцо, пошел к дому Никиты. Сообразил: раз машины нет, значит, и его нету. Внучка выскочила, обняла дедушку: – А папа в конторе, он только сейчас обедать приезжал.
– Ладно, дочка, ты вечерком прибегай ко мне, дедушку чаем угостили, индийским.
– Его индейцы выращивают с Чиньгачгугом?
– Не, это красивые девушки и на лбу у них пятнышко. Для красоты.
– Круто! Я тоже сделаю себе пятнышко во весь лоб.
В конторе пусто, прошел до кабинета – поздороваться не с кем. А когда-то тут не протолкнуться было, все сюда шли, и с бедой, и с радостью. Он уж как-то размышлял на эту тему, интересная получилась картина. Открыл дверь без стука, Никита удивленно поднял глаза: – Что случилось, папка?
Григорий прошел вперед и сел за маленький столик, с этого места вел он когда-то разговоры с бывшими директорами. К сыну старался не ходить, неловко. Но вот пришлось: – Пока ничего не случилось, но, похоже, готовится провокация серьезная.
Никита сложил бумаги и убрал в сторону: – Ты бы поконкретней, папка…
– А я тебе, сынок, сейчас всю конкретику изложу. Ты по какому праву под нож гонишь совхозных коров? Ты с каких пор перестал создавать, а только торгуешь, как жид вареными яйцами: хоть какой-то навар, да остается? Свиней продал – я это могу понять, и на собрании людям объяснил, что свинья сожрет весь совхоз при таких расценках. Ты помнишь? И народ меня понял, только ты, похоже, до сих пор мне не простил, что я общественную комиссию создал на том собрании, и все чушки были учтены, и все рубли тоже. Не перебивай меня! Догадывался я, как ты осенью хлеб продавал, понял, когда вдруг деньги зашевелились, и баба в Турцию, и Прошке долги загасил. Но поздно уже было, ничего не доказать.
– Папка, что ты такое говоришь? Я же приличную зарплату получаю, потому и деньги.
Отец посмотрел укоризненно: – Никитка, твоя зарплата, что по ведомости, это две моих пенсии. Ну, ладно, чужие деньги считать – только нервы трепать. Ты мне за коров почему молчишь?
– Объясняю. Производство молока убыточно, закупочные ценны низкие, себестоимость большая. В итоге на каждой тонне мы теряем…сейчас я найду цифру.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Почему перед губернатором не ставите такой вопрос о ценах? Как это получается, что в одном государстве тот, кто производит молоко, гол как сокол, а торгаш в магазине пополам водой разведенное за три цены продает? Кто-нибудь этим будет руководить, или ваши начальники только в лимузинах с ментовским сопровождением да красные ленточки перестригать?
Никита пытался держаться бодро, но не особо хорошо получалось: – Папка, тебе этого не понять, существуют экономические законы, которые никакая власть отменить не может.
Григорий Андреич ухмыльнулся: – До чего же быстро вы научились под плутовство и жульничество теорию подводить?! А уголовные законы уже не действуют? Кто установил такую цену на закуп? Власть?
Никита развел руками: – Бизнес. Предприниматели-переработчики.
Старший Канаков опять за свое: – Почему их власть не поправила?
Тут Никита допустил промашку, позволив себе высказать в упрек собеседнику: – Нельзя. У нас свободное ценообразование.
Григорий вскочил со стула, ударил в стол кулаком! – Забудь при мне языком трепать! Ах, ты, сукин сын! – Канаков поймал сына через стол за конец галстука и притянул к себе: – Как ты кучеряво научился? А ты забыл, как с железной кружкой стояли с братовьями, пока мать корову доит, и ждали, когда каждому прямо из титек нацедит, аж шапку пены ветерком сдувает? Это же молоко, продукт! Недобрый человек это затеял, сынок, и ты в изничтожении народа своего участвовать не будешь, не позволю! – И отпустил галстук.
Долго молчали. Старший Канаков сел ближе к столу сына: – Никита, мы тебя все время учили, и когда председателем ставили на собрании: думай об людях прежде всего. У тебя на коровнике со всей обслугой десятка четыре мужиков и баб. Ты, когда скотину увезешь, как им в глаза станешь глядеть? Ты же их на погибель пустишь. А как жить?
Никита отошел в угол, у зеркала поправил одежду, отер лицо. – Папка, не мы первые идем по этому пути, и никакой трагедии, будут жить подсобным хозяйством, ведь жили же до колхозов.
Слышал Канаков от друзей-товарищей, как живут сегодня в тех деревнях, где не осталось животноводства. Говорят, чины приезжали, не только убеждали, но и ножками стучали на начальников, что скот держать невыгодно. Вот и увезли на длинных машинах, последний раз коровий плач слышали. Как же деревня без скотин? Если на ранней летней зорьке не щелкнет длинный кнут пастуха, не заскрипят воротички в пригонах, не наделают коровы огромных лепешек по всей улице, не выскочат бабы, прообнимавшиеся на солцевосходе с некстати замиловавшимся мужиком и рысью погнавшие коров вдогонку табуну – разве это деревня? Так, выселка какая-то…
– Папка, решение принято, завтра придут скотовозы.
Отец промолчал. Где он просмотрел этого ребенка, которому на роду было написано стать руководителем. И все для того было, и грамота, и понятие, и людское уважение. Да, времена переменились, но человек с твердой верой и упругим характером не стал бы вот так болтаться, как говно в проруби. Что упустил, когда не сказал нужного слова или даже не врезал по шеяке? Как получилось, что его сын мыслит не как крестьянин, не как избранный народом руководитель, а совсем по-другому. Вот за работников, которых придется уволить с фермы, директор уже решил, что будут личным хозяйством заниматься, а ведь отец спрашивал, как он, Никита Канаков, жить собирается после того, как бездарно спустит коллективно нажитое добро.
– Ладно. Твое решение я отменяю сразу как глупое и вредное. Не позволю народ смешить. Но, коли властям наплевать, надо собирать общее собрание и там принимать. А ты как думал? Ты не на своем дворе, хотя на твоем дворе кобель со скуки повесился, а скот это совхозный, и только коллектив решит, как быть.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Папка, да нет давно никакого совхоза, есть кооператив, хотя вчера мы зарегистрировали ООО – общество с ограниченной ответственностью.
Старший Канаков аж привстал: – С какой ответственностью? И чем она ограничена? И кто это «мы»? Почему об этом никто в деревне не знает? Обожди: значит, вы – не знаю с кем конкретно, но явно с жуликами – решили погреться возле нашего горя и нашей безграмотности? Это называется в акции превратить нажитое, а потом тихонько прибрать к рукам? И кто тебе эту ООО зарегистрировал? Треплев? Он у меня одного сына в грязь втоптал, теперь за второго взялся!
Григорий Андреич нервно ходил по кабинету: – Никита, прямо на завтра назначай собранье и готовься все объяснить народу. Сперва про фокус с акциями, кто тебя научил, и кто про это знал. Потом со скотом. Имей в виду, я буду в первом ряду и стану смотреть тебе прямо в глаза. Соврешь – пройду на сцену и прямо с трибуны скину. Ты мое слово знаешь.
Никита разволновался, щеки горели, в горле пересохло. Он понимал, что сегодняшний разговор, первый по существу серьезный после реформы совхоза, этим не кончится, отец ущупал его промахи, и теперь спуску не даст. Он встал, закурил хорошую сигарету, прошелся по кабинету: – Григорий Андреич, давайте по существу, а то толчем воду в ступе. Нет совхоза, нет кооператива. У работников остались паи, но мы возьмем кредиты и их выкупим, ликвидируем убыточные производства, погасим кредиты и будем спокойно работать.
Старший Канаков едва сдерживал себя, но крепился: – Добре, товарищ Канаков, переходим к официальным разговорам. Скажите, пожалуйста, а работать вы с чем собираетесь? Коров не будет, свиней уже съели. Я слышал, где-то на Волге один придурок страусов разводит. А что? Одно яйцо – и глазунья на всё ООО. Опять же бабам в шляпы будет что воткнуть. А пухом будете подушки-думки набивать для депутатиков, а то они спят, христовые, как на вокзале. Ты кому лапшу на уши собрался вешать, сопляк? Вот тебе мое последнее слово: общество с ограничением прикрой, чтоб и духу не было, это раз. Второе: готовься к собранию, все чин чином, чтобы доклад по всей сути и предложения. Рекламу сегодня же выброс, чтоб народ знал. Учти, Никитка, позорить имя свое не позволю, а тебе только соболезную, что живешь ты на глазах у отца. Компаньонам твоим Чубайсам и Абрамовичам повезло, их родители в Святых землях окопались, не могут детей своих приструнить. А ты у меня в кулаке, сожму – только сукровица выступит, и более ничего.
Встал, еще раз глянул на сына, как на чужого глянул, отчего поймал какую-то боль в душе, постучал казанками пальцев по полированной поверхности стола, вздохнул и вышел.

13._____
Такой славной осени давно не было. Весь август погода стояла как по заказу, ни дождинки, ни росы, только по утрам поднимались тяжелые туманы, ночами нежившие теплой влагой нежные груздочки в низинках да весь порядок других лесных грибов, и обабков, и сухих, и даже белых местами. И для хлеба такие ночи в удовольствие: освежит, туманчик, даст чуток влаги для жизни, а с первым солнцем уже сухой стоит кормилец, и колос звенит на ветерке, если хорошо прислушаться.
Григорий любил эту пору, и каждый год, если позволяла погода, заводил своего старого «москвича» и уезжал к дальним полям, оставлял машину, заходил в хлеб, старательно разгребая стебли, останавливался и слушал поле. Странные звуки являлись ему: поверх перепелиной переклички и звона дежурившего в небесах жаворонка слышал он

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

глуховатый напевный разговор деда Корнилы про великую радость крестьянина среди многообещающей пашни, и грубый мат однорукого объездчика Никиши Тронутого, хлыстом изгонявшего ребятишек с горохового сладкого поля, и неуклюжий «Интернационал», по прихоти колхозного председателя исполняемый на гармошке и двух балалайках в честь женщин, выжавших серпами за световой день по гектару пшеницы.

А потом садился спиной к одинокой на опушке березке и вспоминал. Вот трактора пришли в колхоз, и пошли по полю один за другим, пять штук, взламывая схваченную щетиной стерни землю и укладывая пласты один к другому ровно и аккуратно. Вот вдобавок к колхозным пришли в деревню грузовики автороты из района, и шофера тоже схватили плицы и стали помогать бабам, а потом избач Фима прибежал со свертком красного материала, зацепил один край за столб и развернул. Зубным порошком с клеем навечно было написано: «Хлеп – Родине!». Кто-то засмеялся, но водитель уже нагруженной машины взял из рук избача полотнище и на двух воткнутых в зерно лопатах закрепил проволочными скрутками. И никто не осудил избача, наоборот, изувеченный войной Киприян, прозванный Речистым за неумение говорить после контузии, подошел к Фиме и что-то очень ласковое промычал.

Вспомнил, что песни тогда люди пели, за столом по большим праздникам – это само собой, но ведь трезвые пели, после работы идет народ с сенокоса, уже солнце село, темнеет, позади день на жаре, и норма в два раза, и платьишки просолели от пота, а одна вдруг запевает: «Вон кто-то с гороньки спустился, наверно милый мой идет. На нем защитна гимнастерка, она с ума меня сведет». И уже подтягиваются отставшие, и расслабляются напряженные, спаленные работой лица, и морщины пропадают, открывая красивые и честные лица: «Его увижу – сердце сразу в моей волнуется груди. Зачем, зачем я повстречала его на жизненном пути!». Григорий Андреич улыбнулся своим мыслям, он тоже долго не мог понять, почему люди поют, ведь и есть только-только досыта стали, и живем еще кое-как, избушки под дерном, работа вся на плечах, в руках вилы, литовка, лопата, веревочные вожжи от пары гнедых… А потом он понял: люди войну забывать стали, война сделалась прошлым даже для тех, кто не дождался и теперь уже не ждет. Четыре тех года народ прожил молчком, на работу молчком, на принудиловку за карман колосков, на могилки во след своей тощей коровы, везущей на дровнях маломальский ящик с иссохшим тельцем так и не виденного отцом ребенка – только молчком, потому что плач вынет последние силы. Это знали все.

А в семидесятые зажили, а дальше еще лучше. И заработки пошли приличные, и сельпо стало попроворней, и дома начали катать, да не как-нибудь, а крестовые, с маленькой горенкой, с теплыми сенями. Совхоз миллионером стал, мощнейшая техника пришла в деревню. Канаков тяжело вздохнул. Вот до сих пор все ему было понятно, все по той самой диалектике, которую три вечера подряд втемяшивал ему учитель истории на политзанятиях, а потом что случилось? Отчего это сытый и обеспеченный крестьянин стал отворачиваться от партии, стал коммунистов критиковать? Отчего молодежь плюнула на деревню, и хоть на подхвате, но в городе? Почему это рабочий класс вдруг отвернулся от своего вечного союзника, закрыли всякое строительство на селе, а на партсобрании секретарь райкома убеждал, что это временное явление, надо нефть и газ добывать. Вот освоим Севера, потом заживем, а пока про ремень и очередную дырку в нем. Нет, не все так просто, а вот в чем суть – не хватало ума Григорию, чтобы понять.

…Еще раз прошел вдоль поля – добрый хлеб, надо подсказать Никитке, что пора молотить. Несколько колосьев сорвал осторожно, положил в карман – сыну для убедительности. «Москвич», поскрипывая, вышел на ровную дорогу и покатил в сторону дома.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

14._____

Канаков–старший готовил двор к зиме, просмотрел рубленый много лет назад пригон, где в холода стояла корова, летошний теленок, пяток овечек с рогатым бараном. В дальнем углу за высокой перегородкой угол для поросенка, летом за пригоном, подальше, чтоб не воняло, а потом надо перегонять, иначе вес скинет. Тут же седало для курей, несколько ящиков из магазина к стенке приколочены, для несушек. На хороших кормах да в тепле и петух будет нестись, не только курица. Просмотрел пазы, где мох выпал либо воробьи повытаскивали – доколачивал купленной на складе паклей, мох нынче не дерут, не умеют, да и моховые озера пообмелели и усохли. Приставил лестницу, залез на крышу, осмотрел шифер, не лопнул ли где, не подняло ли ветром. С лестницы увидел, что к дому подъезжает грузовик, газончик–самосвал, разворачивается и задним ходом к воротам. «Кого там нелегкая принесла?» – беззлобно подумал Григорий и пошел к калитке. Шофер, молоденький парнишка, его опередил: – Дядя Гриша, зерно развожу на паи. Стелите полог, я вывалю, у меня список большой на сегодняшний день. – И кинулся открывать ворота.

Канаков остановил: – Не спеши. Я гляну.

Встал на колесо, подтянулся за борт. Глянул. Отборная пшеница, чистая, хоть сейчас засыпай в жернова. Прямо с колеса спросил: – И много развез?

Парнишка беззаботно махнул рукой: – Не. Троим. Вот такую, а там многие своим транспортом получают, из другого склада..

Григорий крикнул: – Матрена, я не скоро, без меня обедай. – И шоферу: – Поехали на склад.

В огромном ангаре несколько человек нагребали мешки. Григорий подошел, сунул руку в ворох, в ладони размял горсть зерна: пшеница с щуплыми зернами подгона, влажная, уже согрелась. Все остановили работу, интересно, по какому случаю здесь отец председателя?

– Иван, – обратился Канаков к ближнему: – Тебе на три пая сколько приходится?

– Если по тонне за пай, как в договоре, то, получается, три тонны.

Канаков показал на старенький мотоцикл с прицепом: – И ты их собрался на своем «ижаке» увезти?

Иван засмеялся: – Ты шутишь, Григорий, мне кладовщик велел насыпать шесть центнер.

Григорий кивнул и пошел к кладовщику. Тот, заметив нежеланного гостя, водитель ему уже все обсказал, хотел выйти через ближние ворота, но Канаков крикнул: – Ефим Кириллович, я же тебя все равно найду, так что обожди, и поговорим принародно, потому что один на один я тебя могу нечаянно зашибить. Ты какую труху людям на паи выдаешь?

Ефим Кириллович, вечный заведующий зерновым складом, щуплый и юркий мужичишка, делал вид, что тщательно охлапывал пиджак, хотя пиждак уже стоял от пыли и грязи: – Какую какую?! Что велено, то и даю.

Канаков подождал, пока соберутся люди: – А кто велел? Говоришь, председатель? У тебя и распоряжение есть, или вы друг у дружки на доверии?

Ефим Кириллович насторожился: – На словах.

Канаков нажимал, толпа уже начала ухмыляться: – Как же ты, материально-ответственное лицо, мог пойти на раздачу зерна без распоряжения? Ладно. Обожди, Ефим, у тебя с уборки еще рация должна остаться. Айда, вызови мне председателя.

Вся толпа переместилась к весовой. Через хрипы и свист Канаков услышал знакомый голос.

– Сынок, ты сейчас где? Так вот, сворачивай все дела и крупной рысью на зерновой склад, тут тебя люди желают видеть.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Какие люди, папка, ты с какой стати оказался на складе? Тебе зерно уже должны привезти.

Канаков подмигнул собравшимся: – Повторяю: на складе ждем, и чтоб без игрушек. Бросил трубку и вышел из избушки. Окинул складской ток: сколько ворохов тут лежало в добрые годы, когда все засевалось и все свозилось сюда. Деревня жить переходила на склад, здесь столовую открывали, комбайнеров возили кормить свежим и горячим, а не болтанкой в термосах. Пока они щи хлебали да пельмени ели, за них на комбайнах где шофера, где механики, а у многих свои сыновья на подножках стояли: «Тятя, дай, я тоже…». Некоторые отцы доверяли, потому что проверены ребятишки, чай пили не торопясь, со вкусом.

– Не боишься, Мишку одного оставил? – спросит мужа супружница, она тоже тут при складе.

– У меня, Феша, об нём дум больше, когда его в три часа ночи дома нет. А с мостика он не упадет, будь спок!

Тысячи тонн зерна пропускали, и все уходило, и людям машинами сваливали на ограду натуральную оплату. Вот как сегодня и мне чуть не свалили.

Новенькая «волга», легонько качнувшись, остановилась у весовой. Никита выскочил, явно обеспокоенный. Отец взял его под локоток – Никита знал, это плохая примета: – Пошли со мной.

Подошли к «газончику», на котором приехал Григорий Андреич. – Зачерпни зерна из кузова, – попросил сына. Никита проворно вскочил на колесо, спустился с горстью зерна, протер в ладонях, взял на зуб: – Отличное зерно, что тебя не устраивает? Ты, мне сказали, вернул машину?

Отец как будто его не слышал: – А теперь пойдем туда. – Григорий указал на склад, где у ворот толпились два десятка человек. Трое быстро завели мотоциклы и, далеко объехав начальство, порожняком выскочили мимо весовой.

– Может, в склад зайдешь, или вон у Ивана в мешках посмотри, что твой кладовщик на паи выдает. Это твоё распоряжение?

Никита взял отца за плечи и хотел отвести в сторону: – Да. Но тут не место его обсуждать, отец.

Канаков стряхнул руку сына и громко сказал: – Самое подходящее место. Народ присутствует, объясни, почему ты вместо зерна, какое записано в договоре, выдаешь людям отходы, почему вместо тонны на пай выдаешь два мешка? Кто тебе позволил так вольно обращаться с совхозной собственностью?!

– У нас не совхоз и уже даже не кооператив, папка, забудь ты про совхоз.

– Нет, не забуду, не забуду, как мы за каждый колосок боролись, потому что это было наше, советское. И кооператив из совхоза родился, выкидыш, конечно, но должен выжить, если не шельмовать. Ефим, открой вот этот склад.

Ефим засуетился, ждал команды. Старший Канаков подтолкнул: – Открывай, начальство не возражает.

Склад под самую крышу засыпан отборной пшеницей, видно, отсюда брали зерно для Канакова.

– Это пшеница первого класса, вся пойдет на реализацию, – предупредил все вопросы Никита.

– Нет, Никита Григорьевич, не вся. Собирай свое правление, мы от общества тоже придем, человека четыре, и так решим, чтобы один пай, стало быть, тонна, был выдан продовольственной пшеницей, а остальное можно и той трухой, скотина съест.

– Спасибо, Григорий Андреич, за ценные экономические советы, правление я соберу на восемь часов. До свиданья.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Домой Канаков–старший шел один, и до того паскудно было на душе – хоть волком вой. Что это случилось с Никитой, он, как в председатели избрали, года два, поди, вел себя вполне прилично, и сам отец бдил, да и народишко на итоговых собраниях недовольств особых не высказывал, соглашались люди с раскладом по всем показателям и со скромной зарплатой соглашались, не первый раз, надо потерпеть – дело привычное. Особо отметил тогда для себя Канаков, что руководитель поддерживает подсобные хозяйства, потому как без собственного продукта крестьянину в таких условиях хана, и зерно дробленое дает по норме, а если надо, то и продаст подешевле, и сенов всем поможет накосить кооперативом, и соломы к каждому дому по паре тюков подвезут ребята на тракторах. За магарыч, особенно от пожилых людей, пенсионеров, карал жестоко, однажды тракториста с напарником, которые за привезенную дробленку с бабки бутылку взяли, тут же отправил в магазин, велел водку купить, бабке вернуть и извиниться. А еще наказал, что повторится такое – будет настаивать на увольнении из кооператива. А потом что изменилось? «Волгу» новую купил, никого не спросясь, цены на продажу зерна, мяса и прочего товара перестал согласовывать с правлением. К отцу редко стал заходить, только по приглашению или по праздникам, и все старался производственных тем избегать, отвечал как-то с неохотой, потом вообще сказал, что хоть тут-то отдохнуть дайте.

– Вот сегодня мы и отдохнем коллективно, – закончил размышления Канаков.

Не успел в ограду зайти, калитка сбрякала, сын явился. Шляпу бросил на кабину «москвича», вытер лоб платком.

– Насмелиться не можешь меня дураком назвать? Не советую. Если пришел отговорить от обсуждения твоих глупостей, тоже напрасно, я не допущу, чтобы фамилию мою – слышишь, ты, начальник новорусский! – трепали на перекрестках. Отец мой геройски погиб за народ и за родину, сам я чуть не полвека спины не разгибал, орден имею, литровую банку значков и полную тумбочку почетных грамот. А ты в кого? Какую ты червоточину мог получить на чистых материных перинах да моей ограде выскобленной? Что с тобой случилось, что перестал ты к людям лицом?

– Папка, извини, ты несешь такую глупость про ордена и грамоты, смешно слушать…

Никита не успел договорить, отец наотмашь ударил его по губам: – Проглоти эти слова обратно, пока я не прибил тебя на собственном дворе! Если пришел просить – уходи, я свое решение не отменю, не соберешь правление – завтра соберу общее собрание, и выпрем тебя, пока еще не поздно.

Правление собрали. Никита Григорьевич, причмокивая из-за припухшей губы, сказал, что был неправ, дав распоряжение отоварить за земельные паи фуражным зерном, предложил получить на первый пай по пять центнеров продовольственной пшеницы, а к новому году выдать по пять мешков муки заводского помола. С этим все согласились, Григорий Андреич встал и вышел первым.

15._____

Хоть и не первые выборы проводил Роман, но всякий раз появлялись новые проблемы. Чуть-чуть подправили закон о выборах, заставили перетрясти все участковые комиссии, чтобы свои люди были, никого лишнего. Когда принесли протоколы по выдвижению в состав комиссий жириновцы и коммунисты, Роман позвонил в районную администрацию управляющей делами: как быть?

– Найди причину отказать. И не вноси на территориальную до последнего дня, а потом откажите, найдите повод. В общем, все в твоих руках, Роман Григорьевич, ты же понимаешь: если в комиссиях будут эти люди, процент тебе не набрать.

Когда с комиссиями кое-как утрясли, никого посторонних не пустили, партийцы написали жалобу в облизбирком, но там им ничего не светило, Роман об этом знал. Перед

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

обедом к нему забежал Прохор: – Что опять у тебя за шум? Мои девчонки сейчас сказали, что только и разговоров в магазине про то, что вы большевиков и жириновцев отшили.
– Отшили, есть причина.
– Ну, темни. А не думал, что батя придет разбираться?
Роман вскочил с кресла, нервно закурил.
– Ты же вроде бросал?
– Тут не только закуришь, а запить впору. Вот скажи, что это за положение такое, и рыбку съесть, и на рыбалку не ходить. Выборы еще когда, а мне уже процент сказали, чтобы не меньше.
Прохор засмеялся: – Рома, кому они нужны, эти выборы, если все заранее известно? И ты процент дашь, и другой тоже, Треплев душу из вас вынет, а контрольную цифру выдаст. Кстати, отец знает про ваш ход и загадочно молчит. Как думаешь, почему?
Братья помолчали, переглянулись, Прохор опять засмеялся: – Вот посмотришь, батя привезет удостоверение наблюдателя от Зюганова.
– Ты думаешь?
– А что тут думать? Уверен. И затребует у тебя протоколы всех участковых. Вот и все, потому он спокоен.
После обеда позвонил из района секретарь парторганизации коммунистов, сурово сказал, что в полном соответствии с законом о выборах администрация должна предоставить партии помещение для встречи с избирателями. Роман спросил, на сколько мест нужен зал, секретарь ответил, что не менее трехсот.
– Тогда вам надо в райцентре встречу организовывать, у нас таких залов нет.
– А дом культуры?
– Там двести мест.
– Мы согласны. Встреча завтра в восемь часов. Заявку сейчас сброшу факсом. И вас бы просил присутствовать.
Ближе к вечеру позвонил Треплев: – Ну, хвались, Роман Григорьевич, что у тебя хорошего в подготовке к выборам? У тебя что за разговор был с Парыгиным, он постоянно интересуется, и с такой ехидной ухмылкой. Что ты ему наговорил?
– Да в целом ничего особенного, поговорили об особенностях политической обстановки.
– Ишь ты, какой стратег! Ты думай об особенностях своего сельсовета. Завтра к тебе большевики? О чем договорились?
– Просят дом культуры.
– Не давай.
– Так я вроде пообещал…
– Знаешь, Канаков, если бы я все обещания выполнял, давно бы уже на бирже стоял, как безработный. Сегодня пообещал, завтра отменил. Скажи клубникам, чтоб все двери закрыли и умерли. И Никите Григорьевичу скажи, чтобы нашел способ не пустить в зал заседаний. Кстати, на завтра дождь обещают. Пусть они под зонтиками встречу проводят. Так, теперь о деле. Нашел тебе денег на асфальтирование, у тебя в проекте школьная территория и детский сад, так вот, отложи, я уже сказал дорожникам, пусть делают гостевую улицу, со въезда и до администрации, а то приедет добрый человек, и стыдно, хоть провались. Ты контрольную цифру помнишь? Так вот. Рекомендовано главам за каждый процент перевыполнения по сто долларов. Соображай.
Роман зажал голову руками: что делать, как себя вести? Он запутался во лжи, хоть специальный блокнотик заводи, куда записывать, кому что обещал. Некстати вспомнилось: «Не ври, и ничего не надо запоминать». Половина из обещанного сама собой забывалась, бывает, встретишь на улице человека, точно знаешь, что был он с какой-то просьбой, ты что-то пообещал, наврал, скорее всего, потому что Треплев строго-

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

настрого наказал все заявления и жалобы перед выборами обязательно решать положительно, не можешь сделать – тогда обещай. А выборы пройдут, там видно будет. Вчера вечером Марина завела трудный разговор о его работе, о куче неисполненных просьб населения, о нелестных отзывах односельчан. Роман любил и ценил Марину, она умная женщина, раньше вообще не встревала в его дела, а вчера:

– Роман, ты не сердись, я вижу, как тебе трудно. А трудно потому, что в тебе стержень вашей породы, ты вроде там уступку допустил, в другом месте глаза закрыл: а, ладно, не это главное. И верно, это все мелочи, но они изматывают тебя. Ты же честный и порядочный человек, на тебя дети чуть не молятся: папа справедлив, папа за народ. Вот сейчас с выборами – верхам нужна победа в первом туре, они все уши прожужжали по ящику, а какие брожения в народе, ты знаешь? И в любом случае спрашивать будут с тебя, и власть, и люди. Ты оказался между молотом и наковальней.

– Какие ко мне вопросы, Марина? Я соблюдаю закон о выборах, вот завтра приезжает делегация от компартии, даю им дом культуры, пусть встречаются. Приедут жириновцы – пожалуйста. Все права соблюдены.

Марина взяла полотенце и начала вытирать обтекшую посуду.

– Хочешь правду, Роман? Не дашь ты завтра коммунистам дом культуры, ведь не дашь, и, скорее всего, Треплев уже научил тебя, как сподличать. И ты сделаешь это, потому что границу дозволенного ты уже перешел. Эта история со членами комиссии. Ты думаешь, я поверю, что это случилось без тебя? Роман, надо остановиться. Треплева можно понять, ему нужно кресло в областной администрации, пусть самое скрипучее, и он вас таких десяток может сложить в кучку, чтобы допрыгнуть. А тебе это зачем? Мы пока уважаемые люди, пока с родителями видимость приличных отношений, но я боюсь, Рома, что эти выборы разрушат все, и доверие человеческое, и семью нашу тоже.

Он подошел к столу, обнял жену за плечи, она резко повернулась и уткнулась в плечо.

– Успокойся, все будет хорошо, я тебе обещаю.

Это обещание записывать не надо, оно всегда на виду и всегда в памяти. Роман понимал, что нынешние выборы важны не только для страны. Работая в самом низу пресловутой государственной вертикали власти, не имея сколько-нибудь приличного бюджета, на сто процентов зависимый от отношения к тебе главы района, он понимал, что создаваемая такими путями и столькими усилиями система никогда не будет нормально работать на народ, на его село. Он уже выбрал линию поведения: выполнять, насколько это возможно, указания Треплева и в то же время сохранить свое лицо и свою душу. Он не верил в победу Зюганова, даже если он и наберет голосов больше, эти ребята ни за что не отдадут власть, потому что для них это равносильно смерти. Любая новая власть предъявит обвинения, и они не во многом отличались бы друг от друга, а отвечать пришлось бы на уровне Всенародного суда.

Утром на щите у дома культуры увидел объявление о встрече с доверенным лицом кандидата в президенты от КПРФ С. И. Романчуком. От неожиданности остановился, перечитал: приедет Романчук, бывший первый секретарь райкома, который направил его, Романа Канакова, секретарем парткома в Кировский совхоз, и три года до запрещения партии они работали бок о бок. В голове все смешалось: «Закрыть дом культуры не получится, врать Романчуку я не смогу. А если позвонит Треплев? Не буду подходить к телефону, пусть звонит». Незаметно для себя Роман стал искать путь к истине.

С Романчуком встретились, как старые знакомые, после запрета партии Романчук долго не мог найти работу, хотя толковый экономист, опытный организатор, потом пристроился в лесной конторе, так что почти не встречались. Роману показалось, что Романчук встрече искренне рад.

– Рассказывайте, как работа, как настроение, как семья, дети?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Дома все нормально, работа – сами видите, какая, а настроение ни к черту.
Романчук удивился: – Что так? Вы же все Канаковы из породы оптимистов. Отец здоров?
– Еще как! Ждите, на встречу придет, вопросы будет задавать.
– Я помню его, поверьте, если бы все семнадцать миллионов членов партии были настоящими коммунистами, как Григорий Андреевич, никто бы не сумел нас подмять. Вы знаете, что он приезжал ко мне с предложением вооруженного мятежа и установления партийной власти в районе?
– Когда? – испугался Роман.
– Перед запретом партии. И он был не один. Я связался с обкомом, меня успокоили, что ситуация под контролем. А через несколько дней Ельцин подписал указ, причем, унизительно, беспардонно, в прямом эфире. Я в конце девяностых заканчивал академию при ЦК, уже тогда очень солидные люди говорили о подобном повороте истории. Так, довольно о прошлом, наши прежние отношения позволяют мне задать вам вопрос прямо, Роман Григорьевич: как проголосует ваш избиратель? Вы же чувствуете обстановку, настроения? Даю слово, это строго между нами. Просто мне хочется знать ваши оценки. Можно?
– Сергей Иванович, честно сказать, и мне это все порядком надоело. Наверное, мы в свое время работали плохо, были и ошибки, и откровенные закидоны, типа неперспективных деревень или содержания всего третьего мира за свой счет. Было. Но так мы не жили. Если людей не пугать, не угрожать невыплатами зарплаты или пенсий, а дать проголосовать свободно – проголосуют за коммунистов.
Романчук помолчал, заговорил тихо: – Мне сегодня звонил Геннадий Андреевич, видимо, у него есть координаты всех доверенных лиц. Задал тот же вопрос, что и я вам, и я ответил почти слово в слово, как и вы. Зюганов обеспокоен возней неких группировок, видимо, это идеологическая поддержка из Штатов. Очень много провокаций. Сказал, что у Ельцина очередной инфаркт, по крайней мере, сильнейший приступ. И они его затаскали по разным шоу, даже, говорит, жалко старика. Ему стало известно, что на случай нашей победы готовятся крупные акции, не исключены и военные. Усиленно внедряется лозунг: «Зюганов – это гражданская война!». Какие изощренные сволочи! Они знают, на чем сыграть, наш народ уже один раз чуть не захлебнулся в собственной крови, генетически помнит, что такое гражданская война. Ну, вот, пожалуй, и все. Мы будем просить заверенные копии протоколов участковых комиссий, в рамках закона, не думаю, что вы будете возражать?
Из кабинета бухгалтерии позвонил домой, Марина сразу доложила, что несколько раз звонил Треплев и просил связаться с ним, желательно до встречи.
– Уже поздно, встреча начинается. Я просил бы тебя быть там вместе со мной. Придешь?
– Рома, я уже собираюсь.
Романчук начал встречу ровно в восемь, но народ все подходил, и кто-то крикнул: – Начальник, тормозни минут на пять, народишко соберется.
Романчук улыбнулся: – Хорошо, только я не начальник уже давно, а был первым руководителем района, если помните.
– Помним! – раздались голоса, и Канаков заметил, как заблестели слезой глаза бывшего первого. И вдруг в этом дружном «Помним!» Роман услышал голос отца, здесь, и будет держать речь. Странно, но это даже порадовало его.
– Чтобы не терять время, я приведу вам некоторую статистику. Сегодня район использует только семьдесят процентов посевных площадей. Да, частично заброшены малопродуктивные земли, мы в свое время ими не брезговали, но у нас задачи были другие. Количество скота сократилось на шестьдесят процентов, в том числе коров на половину. Свиней вырезали почти всех. Ликвидирована наша гордость – гусеферма,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

продававшая почти сто тысяч суточных гусят для населения. Молоко стало дешевле газировки, мясо закупают только наши азиатские братья, картофель перестали закупать совсем. В вашем селе жил Моспанов Яков Лаверович, если мне память не изменяет. Мы поставили ему в огород два «ЗИЛа», и он их полностью загрузил, сдал в заготконтору картошки на двенадцать тысяч...
– И триста двадцать пять рублей семнадцать копеек! – Моспанов встал, и зал приветствовал его аплодисментами.
– Помню, что мы тут же выдали распоряжение продать товарищу Моспанову «Ниву». Купили вы машину, Яков Лаверович?
– Купил, и до сегодняшнего дня езжу и благодарю советскую власть.
Романчук довольно умно построил свое выступление, он находил в зале знакомого человека и спрашивал о семье, о детях, о доходах, и люди выворачивали на всеобщее обозрение свои проблемы и беды.
Через полтора часа задушевного разговора Романчук сказал:
– Вот, дорогие товарищи, и закончилась моя агитация. В день выборов вы все должны прийти на участок и проголосовать. Обязательно все, как было в добрые советские времена. Вы все взрослые и умные люди, вы сумеете сделать правильный выбор. Спасибо.
Зал устроил Романчуку такие аплодисменты, каких не слышали даже приезжие артисты. Гостя проводили до самой машины. Канаков подошел последним: – Спасибо, Роман Григорьевич, очень славная получилась встреча, правда?
– Могу вам только позавидовать в умении работать с людьми.
– Да, это наука, но она крепко связана с реальной жизнью. И вы это заметили. И последнее: какие у вас отношения с Треплевым?
– Очень натянутые, и думаю, после выборов будут еще хуже.
– Остерегайтесь его, я возражал против его перевода в райком, но давление было сильное, пришлось сдаться. Мы проработали вместе чуть больше года, а встречались только на бюро и в коридоре. Очень тяжелый, злой и крайне жестокий человек. Впрочем… Чуть не забыл. Помню, консультировал вас по кандидатской. Что-то получилось?
– Ничего. Когда началась эта заварушка, я тоже несколько месяцев был не у дел, не до кандидатской.
– Все, прощаюсь.
Они пожали друг другу руки, и старенькая «нива» бывшего первого секретаря покатила в сторону райцентра.

16._____
Торговля Прохора быстро пошла в гору, взял в банке кредит под гарантию кооператива брата, купил газончика с будкой, каждую неделю ездил в город за товаром. Юрик подписывал все, что просил Канаков, и за дорогу, накинув половину цены на каждый продукт, Прохор мог назвать сумму дохода. Получалось солидно. Конфеты, вафли, печенье, пряники в шоколаде и без, новоявленные изделия типа «сухих завтраков» и печенья «плазма», зефиры и мармелады – все было для села новым, неожиданным, люди покупали коробками, авторитет магазина рос, Прохора хвалили даже в районной газете. Девчонки оказались симпатичными и разными, хоть и близнецы, Валентина смугленькая, круглолицая, ростом повыше сестры, на язык остра. Галина беляна, косу растит, телом поплотнее будет, и тоже хороша. Прохор встретил с улыбкой: – Вы в торговом деле хоть что-нибудь соображаете?
Сестры переглянулись: – Мама всю жизнь в магазине, и мы ей помогали. Так что на весах нас не обойдешь и по кассе не обсчитаешь, – с вызовом ответила Галина.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ну, тогда весь барыш наш. А ведь я вас совсем не помню, учиться уезжал – вы еще пионерками были, а теперь невесты на выданье. Отец ваш просил моего отца, а мой рассуждать не любит, пришел и сказал: принять! Медицинские книжки и паспорта при вас? Положите вот сюда, я потом договора напишу, обсудим. По зарплате. Сами понимаете, пока на берегу, как дело пойдет? Потому сделаем гарантированную и плюс процент от выручки, думаю, месяца через три работы все встанет на свои места. Смены так: одна с восьми, другая с двух, возможно, и вместе придется, если товар ходовой.
– Прохор Григорьевич, а водка будет?
– Сложный вопрос. Пока не будет, отец не разрешает.
– Слава Богу! – В голос выдохнули сестры. – От пьяниц одни неприятности.
Когда девчонки ушли, Прохор почувствовал, как колотится сердце. Такие юные, чистые девушки, и он все время будет с ними рядом. Если и волочится кто-то, надо сразу отшить, найти причину.
Отец не ошибся, в тот день действительно была у Прошки гостья, из соседней деревни приехала на автобусе. Так, ничего серьезного, встретились в райцентре, понравилась, мимо дома проехал, проводил, пригласил в гости. Она и явилась на другой день. Наслаждались до обеда, а потом Инночка стала наводить порядок в комнатах, всю посуду перемыла, пропылесосила, протерла мебель. Прохор уж забеспокоился, не навсегда ли остаться собралась подруга. Как бы между прочим спросил: – У тебя автобус в шесть?
Она засмеялась: – В шесть, Проша, не боись, я в жены не тороплюсь. Ты скажи, если хорошо со мной, то будем встречаться, надоест – тоже скажешь.
Прохор тоже улыбнулся: – Даже так? Абсолютно свободные отношения? Только попрошу, пока мы встречаемся, третьего быть не должно. Договорились?
– Само собой, Проша. Ты завтра купи что-нибудь, у тебя в ванной весь фаянс зеленый. А я приеду, заодно и почищу.
Настоящей любовной школой стал институт, Прошка, деревенский парень, сразу влюбился в городскую девушку из соседней группы, а как подступиться – не знал. Страдал, в учебе отставать начал, и пришел к ним в комнату разбитной паренек, тоже городской, но с родителями не в ладах, добился места в общаге. Ему-то и поведал Прохор свою беду.
– Ты мне ее завтра покажи, – вскользь бросил Славик и продолжал читать какую-то книгу.
Прохор показал издалека, Славка кивнул, и через пару дней на танцах в клубе общежития Лена его пригласила на дамский вальс. Ну, и закружилось. Они сбегали с лекций, когда ее родители были на работе, и курдались в квартире до пяти вечера. Потом Леночка все прибирала и они уходили в кафе или в клуб. Кампания у Леночки была большая и дружная, когда на зимних каникулах поехали в загородный пансионат, Леночка предупредила: – Проша, ты Мадленке очень понравился, так что сегодня она к тебе придет
– А ты? – безнадежно простонал Проша.
– А я у Виталика буду. Да ты не переживай, у нас все просто, ты осмотрись завтра, какая понравится, ту и приглашай. Если она уже забита, она скажет, пойдешь другую искать.
– Лена, я не хочу, чтобы ты куда-то уходила, я тебя люблю.
Леночка расхохоталась, обвила шею друга, поцеловала в губы: – Милый мой лопушок, с любовью придется погодить, пока мы молоды и друг другу интересны. А любовь, Проша, на первые три месяца, а потом начинается рутинная семейная жизнь. Вот переспишь сегодня с Мадленкой, завтра скажешь.
Прохор на все махнул рукой, учился кое-как, на зачетах научился вкладывать в зачетку выменянные на отцовское пособие доллары, бурные встречи в кампании тоже влетали в копеечку. В очередной приезд домой отец его огорошил: – Прохор, может, нам для тебя

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

проще будет диплом купить? Вон, по ящику говорят, что в Москве в каждом переходе продают. Я тебе на самолет денег дам, слетай, это мне дешевле обойдется. Ты посмотри, вот квитанции на твои переводы. Тут не только моя пенсия, но и весь приработок от пчел и куриц.
Прохор пробежал глазами квитанции и покраснел: как он раньше не подумал, что отец шлет ему последнее. Стыдобище! Ладно, если братьям не говорил: – Все, папка, перехожу на самообслуживание, буду зарабатывать. Переводов больше не шли.
– Ты не кобенься, тарелку супу мы тебе купим, но эти гульбища бросай, такие расходы только с бабами связаны, а эта статья безлимитная, особенно по нонешней молодежи. Ты Аннушке почему перестал писать? Приезжаешь, даже не спросишь, может, она тоже в гостях? Э-э-э, дурак ты, Прошка, Анюшка девка наша, на глазах выросла, порода работящая, чистая, а ты связался с отрепьем вокзальным. Есть хоть в твоих кампаниях порядочные девки?
Прохор пожал плечами: – Папка, порядочность настолько размытое понятие…
– Вон отсюда! Щенок малограмотный! Я тебе все сказал, а ты думай.
Думать было некогда, в неделю раз ходил на разгрузку вагонов, на другой день заработок вылетал вместе с пробками шампанского в очередном уютном особнячке. Лена уже была в категории всех остальных, и утром после веселой ночи Прохор сказал: – Лена, я больше в кампании не участвую. Прощай.
– Прощай, Проша, но ты уже хватил свободы, другой жизнью едва ли сможешь жить.

17._____
В свободные от поездок дни Прохор приходил в магазин и работал в оборудованном рядом с залом небольшом застекленном кабинете, откладывал бумаги, выключал свет и, сидя в кресле, наблюдал за продавщицей. Он купил им красивые легкие костюмы, Галя надела его без стеснения, а Валю смущало глубокое декольте. Она в первый же день надела под жакет белую кофточку.
– Ты почему нарушаешь форму одежды? – нарочито сурово спросил Прохор.
– Мне так удобней.
– Валя, надо думать не о себе, а о клиенте. Клиент заходит не только купить что-то, но и полюбоваться на красивую продавщицу, так ведь?
– Ну, не знаю, только я в таком жакете работать не смогу.
– Валюша, – убеждал хозяин, – ты очень красивая девушка, и то, что ты прячешь под блузкой, снижает нашу выручку.
На другой день Галя сказала Прохору: – Вы ее не убеждайте, бесполезно, она даже при мне старается не раздеваться. А после вашего разговора так и отрезала: «Не хватало мне еще груди бросить на весы!».
Прохор засмеялся, а потом спросил: – Галя, а ты этого не боишься? Насчет весов?
– Нет, Роман Григорьевич, не боюсь, у меня все надежно схвачено, это Галина со своим хозяйством пособиться не может.
Эх, как метнулась по организму кровь молодого человека, верно говорят, что одним только словом можно возбудить мужчину, всего одним, которое мгновенно родит в его ждущем сознании образы, от которых невозможно освободиться. Чтобы не выдать себя, он ушел в кабинет, но Валентина заметила перемену и прикусила губу: не просто с хозяином говоришь, а с молодым мужчиной, к тому же слава за ним тянется не только из города. В деревне заметили дневную визитершу, и уже вечером отец как бы случайно встретил сына на дорожке к дому: – Проша, сегодняшний день по православным понятиям постный. А ты грешишь, скоромное дозволяешь. У тебя, поди, и суп мясной? Про другие достоинства не спрашиваю, стороват, да и не отцовская тема, я про пищу. Она тебе

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

сготовила чего, или к матери пойдешь на ужин?
Прохор оглянулся – вроде никого нет, не хватало еще, чтобы люди видели, как отец сына воспитывает. А он точно пришел навести порядок, как бы кулак не поднес посреди улицы.
– Папка, пойдем в дом, что мы на виду всей деревни?
– Застеснялся? Это хорошо, значит, не до конца еще совесть потерял. Пошли. Но вот что я пришел, Прохор. Ты легковушку купил – на какие шиши? Наторговать еще не успел, в долги залез? Ты с деньгами не играй, это штука опасная, не таких, как ты, до могилы доводила. Братья дали? Я так и понял. Второе. Мы с тобой говорили про женитьбу, но ты, я вижу, не спешишь отца порадовать. Аннушку не собираешься разыскать? Скажу тебе честно: лучшей невестки я бы не желал.
– Папка, но не ты ведь на ней жениться должен, а я, по твоему раскладу. А я не хочу.
– Признайся, с ней тоже спал?
Роман замялся: – Ну, как тебе сказать?
– Как было, так и говори! – Рявкнул отец. – Значит, испортил девку, а теперь рыло воротишь? Эх, жалко, прошли те времена, я бы тебя сегодня же оженил. Какая девка! Красавица, умная, светится вся от доброты, а ты, свинья, нос воротишь!
– Папка, на Анне я не буду жениться, у нас все кончено, мы разошлись мирно и дружелюбно.
– Во подлец! Да она тебя, дурака, до сих пор любит, замуж не выходит, по весне матери твоей призналась, что никого, кроме тебя, ей не надо. Во как! Проша, тебе не под три ли десятка? Уже седина прочикнулась! И все орел! Гляди, скоро линька начнется, воронье перо попрет! Значит, так. В столовании я тебе отказываю, это раз. Второе: если до октябрьской не приведешь невесту показать – гоню из дома, у меня на ограде ладная избушка есть, тебе по холостяцким меркам и того много. Я не тихо говорю, ты меня хорошо слышишь?
Ответа ждать не стал, хлопнул калиткой и вышел. Мотнул седой головой, понимал, что пустые речи, от сына, как от стенки горох, все его слова отлетели.
Какая женитьба, если рядом две такие крали, такие цыпочки! Прохор в окно наглядеться на них не мог, иногда перед открытием проходил за прилавок, вроде товар на витрине поправить, протискивался возле девушек нарочито аккуратно, хотя едва сдерживал себя, чтобы не схватить в охапку.
Вечером Вале сказал: – У нас разногласия с фирмой «Альянс», возьми последние фактуры, съездим, сверим.
Валя искренне удивилась: – Роман Григорьевич, так ведь бухгалтер есть?
– Она приболела. Галя день отработает, а потом ты ее подменишь. Я к тебе в шесть утра подъеду.
Машина не новая, но все-таки не «жигули», «мерседес» голубой окраски, так и горит на солнце. Не выходя из салона, наклонился, открыл правую дверцу. Валя в веселеньком зелененьком платье в большую белую горошину, на шее такая же косынка. «Эх, и посыплются белые горошины с зеленого поля» – весело подумал Прохор. Валя села, чуть одернула платье, откинулась на спинку: – Если сильно трясти не будет, то я подремлю.
– А ночь ты чем занималась? Ишь, губки-то припухли. Колись!
– Спала, да плохо. Сны дурацкие снятся.
– Расскажешь?
– Не-е-е. нельзя.
– Ладно, после расскажешь.
– С чего это вы взяли? Может, это моя тайна.
– Вот ты и поделишься. Так, Валюша, мы должны заехать в магазин, на пять минут.
Вернулся с полным пакетом, поставил на заднее сиденье. Поехали улицами, на окраину,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

но не на выезд на трассу.
– Еще куда-то надо забежать, Прохор Григорьевич?
– Ты очень догадливая, Валюша. Мы сейчас заедем к моему товарищу, я тебя с ним познакомлю.
Подъехали к аккуратному домику, Прохор своим ключом открыл калитку, пропустил вперед Валю и защелкнул замок. Валя не подала вида, что слышала. Опять же своим ключом открыл входную дверь, пригласил Валю.
– Так никого же нет, зачем мы идем?
– Друг, наверное, спит, ты проходи в зал, я его подниму.
Из спальни вышел с запиской, прочитал: – «Проша, если меня не будет, значит, я в командировке. Будь, как дома. Игорь». Вот видишь, как хорошо, никто нам не помешает спокойно поговорить. Дуй в ванну, мой руки и готовь завтрак, все нужное в пакете.
– Прохор Григорьевич, а «Альянс»?
– Давай чуть перекусим, там фрукты, шоколад.
Сам достал бутылку коньяка, налил два бокала: – Давай выпьем, Валюша, за твою красоту, молодость, за жизнь!
Валя неумело взяла бокал, но Прохор подошел, помог поднять, поднести к губам и проследил, чтобы она выпила все.
– Мамочки, я никогда не пила, я буду пьяная.
Прохор сел на широкий диван, похлопал рукой рядом с собой: – Валюша, сядь сюда, я тебе все объясню. – Он взял ее руку, заметил, что она мелко вздрагивает. – Валя, я тебя обманул, и ты это уже поняла. Я хочу побыть с тобой наедине, ты мне очень нравишься, но в деревне наши отношения сразу стали бы заметны. Валя, я хочу сделать тебе подарок. Закрой глаза
Он достал из портфеля коробочку, вынул цепочку, встал перед девушкой на колени, осторожно накинул цепочку на шею, крепко обнял вздрогнувшую девчонку и поцеловал в губы. Она отшатнулась, тронула цепочку, глянула на медальон. – Я тебя не обидел, Валюша?
Она с вызовом ответила: – Таким подарком трудно обидеть
– Ты имеешь в виду цепочку или поцелуй?
– Наверное, цепочку, Прохор Григорьевич. А поцелуй – это как бы на сдачу?
Оба засмеялись, и опытный Проша понял, что все будет, как он планировал. Опять целовал и тискал девушку, она временами одумывалась, пыталась высвободиться, и тут Прохор сказал заветное: – Валя, я прошу тебя верить мне, я влюбился в тебя сразу, как увидел. Мы должны быть вместе, я уже схожу с ума. Обними меня, любимая. Ты согласна?
Валя вся горела от поцелуев, от неожиданного предложения, она едва ли понимала, что говорит: – Я согласна, Прохор Григорьевич.
– Валюша, милая, зови меня Прошей, мне так нравится.
– Проша, я согласна.
Он взял ее на руки и понес в спальню, она не сопротивлялась, когда с его помощью снимала платье, когда он целовал ее плечи, щекотал уши.
Они проснулись после обеда, Валя скинула одеяло и обняла Прохора, не веря столь многим переменам, вдруг случившимся в ее маленькой жизни. Прохор встал и вернулся с бокалом коньяка, предложил ей, она отмахнулась, он выпил до дна. Валя закрыла лицо руками и слезы потекли между пальчиков. Прохор сел рядом: – Что ты плачешь, дуреха? Рано или поздно это должно было случиться, ну, не со мной, так с сопливым трактористом. Все будет, как было, мы работаем вместе, встречаемся, уезжаем от разговоров.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– А что дальше?
– Ну, Валюша, мы только начали наши отношения, пусть какое-время пройдет…
– Ты меня не обманешь, Проша?
«Дура, я тебя уже обманул» – так и вертелось у него на языке, но в первый день доходить до такого хамства он воздержался.
К вечере они вернулись домой.

18._____

Никита предложил брату взять пока в аренду, а потом и выкупить за самые малые деньги бывший совхозный магазин, в котором торговать уже было нечем, а закупать и возить продукты в конкуренции с братом – нет смысла. Прохор магазин осмотрел, про ремонт говорить не стал, но Никита опередил: – Расходы на ремонт документально подтверди, сдадим в бухгалтерию, пройдет как арендная плата. И не скупись, все равно твое будет. Трое мужиков за скромную плату привели помещение в порядок, в райцентре у несостоявшегося купца оптом забрал все оборудование, неделя ушла на подготовку. В последний день после смены, когда Галя зашла в кабинет, чтобы сдать выручку, Прохор попросил ее присесть: – Галя, тебе нравится работа?
– Нравится, – скромно ответила она.
Прохор аккуратно искал подход: – Я хотел предложить тебе поработать в новом магазине. Там будет и второй продавец, но я хочу, чтобы один был свой человек, проверенный, я бы даже сказал – родной.
– А Валентина здесь останется?
– Конечно, и ей найдем пару. Вот так у нас получится хорошо.
– Ничего хорошего я не вижу, Прохор Григорьевич, мы сестры, доверие полное, а в тот магазин проще двух новых взять, это же понятно.
– Ну, это тебе так кажется, а с точки зрения организации бизнеса мой вариант лучше. Подумай, Галиночка–Калиночка.
– Ой, Прохор Григорьевич, что за имечко вы мне подобрали! – засмеялась Галя.
– Какой у тебя смех приятный, век бы слушал. Ты согласна с моим предложением? Да, не сказал главного: ты там будешь за старшую, и зарплату мы тебе сделаем в два раза выше.
– А Валентине?
– Ну, что ты опять о ней? Валя останется здесь, хорошо, если ты просишь, а ты просишь, правда? давай и ей увеличим жалованье.
– Тогда можно подумать.
– Галя, ты почему меня сторонишься, как бы стесняешься, что ли? Скажи, я тебе совсем не нравлюсь?
– Нравитесь, Прохор Григорьевич, вы хороший начальник, не грубый, в общем, нормальный.
– И это все? Галинка–Калинка, ты совсем не видишь во мне мужчину, а я, между прочим, холостой человек, ищу невесту. Вдруг к тебе посватаюсь?
Галина засмеялась? – Что вы такое говорите, какая невеста? Мне бы хоть немного заработать, да учиться поступать. Не буду же я век карамельками торговать.
– Ладно, Галя, вопрос о невесте пока отложим, а по первому предложению ты согласна, тем более, что мы решили по зарплате. Товар завезен, завтра и начнем принимать дела. У тебя есть подружка в напарницы?
– Ой, Прохор Григорьевич, а я спросить боюсь, думаю, что вы уже нашли. Я Любашу Зарубину позову, она девочка спокойная, чистюля, и толковая, быстро освоится.
– Пусть она утром ко мне зайдет. Да, и про зарплату ни слова, это коммерческая тайна.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Развести сестер по разным магазинам Прохор надумал сразу после поездки с Валей, она слишком неосторожно вела себя при Галине, может быть, ей льстило почти родство с хозяином, может, простота деревенская сказывалась: если у нас любовь, то почему от сестры надо скрывать? Вечерами в машину она запрыгивала чуть не на ходу, целовала Прошу, жалась к нему. Они уезжали в сторону от дороги, Прохор принимал её ухаживания, поцелуи, комплименты, но Валя как-то заметила: – Проша, я тебе не интересна?
– Почему ты вдруг так решила?
– Не отвечай вопросом, ты стал другим.
Он обнял Валю, хотел, как прежде, горячо и с придыханием – не вышло, отпустил: – Не обижайся, я очень устаю, потом у меня проблемы с деньгами, ничто другое на ум не идет.
Она опять успокоилась и несколько дней не задавала никаких вопросов. Новость о переводе Галины в другой магазин ее смутила: – Проша, ты зачем нас разлучаешь? Галина одна не сможет работать, её любая напарница облапошит. Да и мне чужой человек не нужен.
– Валентина, тут решения принимаю я, Галина будет в новом магазине, проверенный человек, понимающий. Ты же не хочешь, чтобы там торговали какие-то прощелыги? Она сама подобрала себе напарницу, попрошу бухгалтера, чтобы почаще их проверяла, да и ты недалеко, поможешь.
– Ой, не нравится мне все это! – по-бабьи вздохнула Валентина встала: – Ты сегодня приедешь?
– Буду за поворотом стоять, выскакивай налегке.
Валю так кольнуло это «налегке», но вида не подала, да и сам Прохор понял, что слишком напрямик предложил. Ничего, оба сделали вид, что ничего не случилось.
А ведь случилось, сердце не обманешь, куда подевались страсть и горячность Проши, в дом не приглашает, к другу тоже не ездят, только в машине и обнимет, а она чувствует – нехотя, как одолжение делает. Спрашивать – себя унижать, и без того видно. Нет, рюмкой коньяка она себя не корила, и раньше, почти сразу была у нее мысль завлечь солидного жениха, потому и не стеснялась в нарядах, всегда с улыбкой, и в кабинет заскочит кофе попить, пока в зале никого нет, пострекочет с хозяином. Она видела, что Прохор поглядывает на нее, только не доходило до глупой девчонки, что так кот смотрит на сало, грезился ей интерес и даже, может быть, влюбленность. А когда хозяин предложил поехать в город с фирмой разобраться, понимала дурочка, что весь альянс в ней заключается, что не доедут до города, раньше хвост распустит этот павлин.
Как его удержать? По нынешним временам, даже если и разойдутся, все равно найдет она себе жениха, но обида точила и жажда отмщения, если только позволит сама себе. Решила так: еще с месяц повстречаемся, не сделает предложение – скажу, что беременна, а если на то пошло, то и отцу его скажу. Он мужик правильный и серьезный, заставит жениться.
Только знала Валентина из своей деревенской жизни, что насильно мил не будешь, гулеван-то под страхом суда или родительской расправы на все согласится, сватов подошлет, поулыбается на свадьбе, а через год на законных основаниях развод – характерами не сошлись. А щемило ретивое, тянуло к Прохору, завязались в тугой узел девичьи вздыхания, и уже никого не видела за ним, ни на кого смотреть не могла, и неуклюжие мальчишки, которые тискали в школьных коридорах и слюнявили у калитки, стали чужими и противными.
Знала, чувствовала, что он только и ждет прямого вопроса, чтобы все разом разорвать. Нет, не даст она ему такой возможности, а сам он не вдруг насмелится, хоть и пакостун, но трусоват, и понятно, что деревенской огласки он боится меньше, чем кулака отца. А почему, собственно, все должны знать? Что встречаемся – никто не знает, это точно,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

иначе Галина бы все равно услышала, а что расстались – никому не жаловаться, так и останется тайной. От таких мыслей чуток повеселело на душе, но вечерняя встреча, почти без разговоров и даже без поцелуев, Валя это впервые заметила, расстроила до слез. Вспомнилось вдруг где-то вычитанное: перестал целовать – первый признак, что любовь прошла. Написал это человек не с чужих слов, сам сердцем выстрадал.

19._____

Галина молодец, навела в новом магазине порядок, целый отдел выгородили под электронику, компьютер привезли, телевизоры, видеоаппараты. Торговля шла бойко, и Прохор был доволен. Забегая в магазин и дождавшись, когда выйдут покупатели, он ставил локти на прилавок и смотрел прямо в лицо девушки. Конечно, Галя смущалась: – Прохор Григорьевич, не смотрите так, мне неловко.

– Тебе не нравится, что я на тебя смотрю? А мне очень нравится, потому что я скучаю по тебе, всегда думаю, когда же урву минутку, чтобы взглянуть на свою Галинку–Калинку.

– Что это вы так – на свою. Я пока ничья, и в том числе не ваша.

– Галя, не надо играть словами, я вот попрошу отца, чтобы он сватов к тебе направил – что ты на это ответишь?

Галина окончательно смутилась: – Бросьте вы шуточки, Прохор Григорьевич, в восемнадцать лет выскочить и всю жизнь пеленки, кастрюли, стирки? Нет, я хочу учиться, хочу стать химиком, очень мне эта наука нравится.

Прохор даже обрадовался: – Что же ты раньше не сказала? У меня есть несколько фильмов по химии, я в институте тоже интересовался. Приходи сегодня вечером, посмотришь.

– Нет, Прохор Григорьевич, вы лучше в магазин кассеты принесите, я тут погляжу.

Прохор сделал серьезное лицо: – В рабочее время нельзя заниматься побочными делами. Так ты придешь?

– Конечно, нет. Не прилично девушке ходить к неженатому мужчине, да еще вечером.

– Ловлю на слове: а если днем? Галя, и помогла бы мне разобраться со шторами, купил новую ткань, а как со вкусом оформить – ума не хватает. Давай завтра после трех? Если хочешь, я тебя встречу и завезу на машине в гараж, никто и не увидит. Ну, не откажи, Галинка–Калинка!

Галя помолчала, потом сказала: – Я подумаю.

На том и расстались.

На другой день Галина не вышла, и Прохор напрасно ждал ее в переулке. Утром первым вошел в открытый магазин, с укором посмотрел, спросил: – Приготовьте заказ на товар, завтра машину отправляю. И повнимательней, не забудьте ничего, а то люди спрашивают, а нам и ответить нечего. Заказ заберу в конце твоей смены.

Галина удивилась: он так искренне обиделся, даже разговор совсем другой, строгий и без обычных шуточек. Шевельнулось где-то в душе, видимо, есть такая струнка, которая на мужское внимание реагирует, поняла, что приятно. Но слава за ним такая, что лучше подальше держаться, на днях, говорят, какая-то девица из соседнего села у него гостевала. Может, врут. Не надо только вида подавать, что за собой какую-то вину чувствую, он живо ухватится. Не вышла, и все тут, не обязана по первому свистку выскакивать. Лишь бы только на работе не отразилось, ведь хозяин ей аванс выдал больше, чем она в том магазине зарплату получала. Валентина как-то осторожно поинтересовалась деньгами, но Прохор просил никому не говорить, и Галя назвала обычную сумму. Она не заметила, как облегченно вздохнула сестра, подозревавшая своего Прошу в интересе к Галинке, значит, только ей он зарплату повысил, о чем она тоже никому не скажет.

Отец Артём Сергеич за ужином каждый день спрашивал: – Ну, торгаши, докладывайте,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

как дела. Прохор не обижает? Глядите, он еще тот ухарь, коляску подкатит, и глазом не моргнете…
– Отец, ну что ты такое говоришь девчонкам? Разве можно?
Галя все время смеялась, а в этот вечер серьезно ответила: – Тятя, у нас теперь своя голова на плечах, ты нас караулить не набегаешься. Хозяин, конечно, заигрывает легонько, но лишнего не позволяет, правда, сеструха?
– Правда, – выдохнула Валентина и вышла изо стола.
– Чего это она? – Насторожилась мать. – Вроде не в себе?
– Да нет, просто устала. Народ ведь целый день, и каждому того сто грамм, того двести. А коробки по всему магазину вдоль стенки наставлены. Так напрыгаешься за полдня, что и голова, и ноги гудят.
Когда Галина вошла в комнату, сестра уже лежала в постели, отвернувшись к стене. – Валя, ты не приболела случайно?
– Нет, устала. Ты никуда не пойдешь?
– Не пойду, мне завтра в первую смену, да еще заявку оформить. Ты хозяина сегодня видела? Он с чего такой сердитый?
– Не видела, не знаю.
– Ладно, отдыхай, я в комнате почитаю.
Один Артем Сергеич уловил что-то недоброе, чужое в сегодняшнем кратком разговоре, не поверил он добродушным заверениям Галины, насторожил и первый тяжелый вздох Вали. Не ладно сделал, что сунул девчонок в эту толчею, торговля всегда была гиблым местом, и всякие недобрые дела там творились, потому что деньги, потому что выпивка всегда рядом.
– Мать! – толкнул он в бок засыпавшую жену. – Ты не замечала, чтобы девки с работы с винным духом приходили?
– Бог с тобой, Артюша, как только такое на ночь глядя в голову придет, чтоб родное дите с вином связалось с таких лет. Спи!

20._____
Роман был рад, что сам Треплев на встречу с избирателями не приедет, будут два заместителя и кто-то из мелких чиновников. Июнь, жара, все в рубашках с галстуками. Роман увидел в зале отца – в пиджаке с орденом Трудового Красного Знамени, который на рубаху не прицепишь. «Точно, будет выступать», – понял Роман и, глянув на часы, открыл встречу.
Заместитель главы по сельскому хозяйству долго мямлил о больших надеждах на урожай, что-то пытался говорить об успехах фермерского движения, но его освистали. Когда скука стала одолевать полусомлевший от жары зал, старший Канаков выкрикнул: – Прошу слова!
Роман хотел было сказать, что прения еще не открывали, но, глянув на высоких гостей, уже безразличных, предоставил слово отцу.
Григорий Андреич вышел вперед, поправил пиджак, звякнув орденом, кашлянул:
– Вот собрали тут нас власти, чтобы объяснить тупым и убогим, что мы живем хорошо, а не замечаем этого, потому что надо присмотреться. Господин в галстуке пугает Зюгановым и коммунистами, вот я, уважаемые односельчане, вечный коммунист, конечно, теперь уж не красавец, но на страшного не согласен. Так что не надо народишко смешить, господин хороший. Не буду ничего говорить, хотя много накипело и прямо-таки прет выложить, но принесла мне вчера учительница наша уважаемая Вера Алексеевна бумагу, написала в районку, не стали печатать. Говорят, господин Треплев перешел на

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

полставки в цензоры, и сегодня, как в былые времена граф Бенкендорф, просматривает все газеты до печатанья, так вот, он лично запретил, но я прочитаю это письмо Веры Алексеевны:
– Я протестую! – закричал человек в галстуке, и Роман Григорьевич резко повернулся к столу президиума:
– Пришей свой протест к протоколу, чтобы перед Треплевым отчитаться, а мне больше не мешай, я у себя дома, а ты неизвестно откуда взялся.
– Читай, Григорий Андреич! – гудел зал.
– Читаю:
«После выхода на пенсию я принялась трудиться по хозяйству, читать художественную литературу и смотреть по телевизору многосерийные фильмы о красивой жизни. А еще по вечерам – информационную программу «Время» смотрю с нарастающим интересом. Это и понятно: что ни день – новые сногсшибательные открытия. Уснула однажды в одном государстве, а проснулась в совершенно другом.
Пошла жизнь прекрасная и удивительная. Ведь раньше-то что было: не страна, а сплошной лагерь (и как это я сама не догадалась, спасибо, девушка по телевизору объяснила). Был сплошной беспросветный тоталитаризм. Теперь же я – свободный человек в свободной стране. Такой свободной, что даже цены в ней нынче, и то свободные. Не прекрасно ли?
Вот показывают каких-то бездомных людей с узлами, с обшарпанными чемоданами, расположившихся прямо на полу вокзала. Что это за люди, кто они? Оказывается, беженцы. Беженцы во время войны – это понятно. Но где и когда было, чтобы тысячи людей оказались беженцами в мирное время?
В телепередачи постоянно вклинивается (новое дело) реклама.
Показывают продуктовый магазин и в его витринах не то пять, не то шесть видов сыра и не меньше десяти сортов колбасы – от докторской до салями. Как хорошо-то! Но следом идет другая картина: пожилой человек роется в железном мусорном ящике. Что он там ищет? Может, кто по ошибке выбросил туда хорошую вещь? Но он вытащил из ящика полбатона хлеба и положил в свою сумку! Может, он взял для своей собаки? Но вчера показывали набор самой разной еды для собак. Взял бы, да и купил. А то как-то некрасиво. Свободный человек в свободной стране при свободных ценах не хочет, скупердяй, купить для любимой собаки добрый кусок мяса.
Радуюсь изобилию всяких товаров. Но купить их могут лишь пять, ну пусть десять из ста «свободных» жителей: цены такие, что люди в обморок падают. Не изобилие это, а издевательство над людьми: око видит, да зуб неймет.
Радостно осознаю, что кончилось трижды проклятое застойное время, и я, свободный человек, живу в свободной цивилизованной стране, о чем мне не забывают напоминать по телевизору – и не хочешь, да поверишь. Сегодня показывали автомобили разных марок: лады, тойоты, вольво, мерседесы. И никаких очередей. Выбирай, садись и поезжай. С удовольствием уехала бы, но на мои деньги теперь одно колесо едва ли купишь. А потом показали Канарские острова: зелено-голубое, изумрудное море, пальмы, золотой песок. А на песочке загорают веселые благоденствующие люди. И телевизионная красавица предлагает совершить путешествие на эти острова, обещая райский комфорт. Да уж какие там Канары, когда не знаешь, как свести концы с концами!
Врачи рекомендуют побольше фруктов, соков, свежий творожок со сметаной, сыр. Да только не говорят, где на это все денег взять, как за ценами угнаться. Забывают, что мы, старики–пенсионеры, теперь не просто бедные, а нищие. Порой в моей голове мелькает мысль: чем жить на старости лет в унижении и нищете, может, лучше уснуть и не просыпаться?».

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Вот такое письмо. Автора я назвал, но под ним может подписаться каждый советский человек, это вам, товарищи земляки, бюллетень для скорого голосования!
– Ясно!
– Молодец, Канаков, провел агитацию!
– Закрывай собранье, Роман Григорьевич, дышать нечем!
– Все понятно, вы только лозунг «Ельцин наш президент» с собой заберите, нам он без надобности.
Две машины районной администрации с гостями упылили на трассу.
– Ты почему гостей чаем не напоил, или пивком холодненьким? – спросил старший Канаков младшего.
– Все, папка, результат выборов виден уже сегодня, и приказ о моем освобождении тоже просматривается.
Отец был благодушен: – Ты сильно не переживай, освободят – к Никитке пойдешь в помощники, ему крайне нужен свой человек, потому что воровать удобнее с людьми близкими. Вот и будет у вас пара кашемирова.
Подошла Марина: – Папка, вы сильную речь сказали. Понимаю, что Роману она не очень по душе, но как здорово вы все расставили. Я больше чем уверена, что половина проголосует за Зюганова.
Старший Канаков покашлял: – Времена наступили, дочка, сын против отца, отец против сына, пока еще словесно, но, не дай Бог, дойдет до кулачков. И мужика твоего запросто могут с работы турнуть за такие выборы, видишь, как оно… Но отступать никак нельзя, дети мои, им еще один срок дать, и от России ничего не останется.
Марина испугалась: – Уж больно вы круто, Григорий Андреич. Такого же не может быть!
Канаков вздохнул: – Молодежь, вроде грамотные, не глупые, а простых вещей не понимаете. Я у Маркса читал и себе выписал в тетрадку: если дело сулит капиталисту триста процентов барыша, он не остановится ни перед каким преступлением. Поняла? Ладно, пошел я, устал сегодня сильно.

21._____
Так хитрый зверь выслеживает и усыпляет бдительность своей жертвы, то голос подаст, то на ветряную сторону выйдет, чтобы жертва дух его чуяла и заранее умирала от страха. Ходит кругами, ловит единственный момент – и жертва даже мамкнуть не успев, оказывается в его мощных лапах. Так обхаживал Прохор Ганину, такие перед нею ковры расстилал, такие слова говорил, подарки она уж домой не носила, боялась, что Валентина может увидеть и спросить. И в дом к нему уже заходила свободно, без опаски. Он хорошо помнил ее главный аргумент: «учиться надо», потому как-то за чаем, спиртного Галя даже на стол не допускала, вынул из сейфа толстую пачку долларов, и сказал, что это квартира в городе, и, если Галя согласится выйти за него, он оставит на магазинах Валентину за старшего, и они будут в городе вместе, он работать, она учиться. Наверное, последней каплей подлости стала бархатная коробка с обручальными кольцами. Прохор сказал, что в воскресенье к обеду с родителями и братьями придут свататься. Вот и потеряла рассудок девчонка, залилась слезами счастья и радости, обняла своего завтрашнего жениха, а тот только этого и ждал. Напрасно шептала Галинка–Калинка слова-отговорки, напрасно слабенькими ручонками упиралась в его давящее тело, он только жестоко целовал ее, кусал шею, грудь, бормотал о свадьбе и о любви.
Когда стемнело, она вышла из дома Прохора и на тропинке встретилась с отцом его, Григорием Андреевичем. Он даже не кивнул, не узнал, слава Богу, она пришла домой, еще раз обмылась в теплой баньке, оделась и вышла через переулок к озеру. Красивое место, здесь они с Валей пасли гусят, караулили их от коршуна и от кошек, а потом, когда те

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вырастали, никак не могли выманить их с воды, видно, осталось где-то в глубинах их памяти, что гусь должен на воде спать. И спали. Никто не тревожил, отец иногда ходил, проведал.
Галя прошла по бережку, ступая во влажный песок, сбросила босоножки, ноги ощутили тепло нагретой воды, ласковую шероховатость песка. И вдруг как высветило: в прошлом году они с Мишей провели тут целую ночь. Вот так же гуси застыли на воде и спали, уткнув свои клювы под мощные крылья, так же лопушки отбрасывали лунный свет, и кувшинки закрылись до поры, почему из называют балаболками – смешное слово, но никто не знал. Мишка уже окончил первый курс института, приехал на каникулы, помогал отцу сено косить, картошку окучивать. Встретились у магазина, улыбнулся: – Здравствуй, Галя, я тебя едва узнал, ты за этот год такая девушка стала.
Галя смутилась: нравился ей Миша в школе, но у него был свой круг друзей и подруг, а Галя, восьмиклассница, его ничуть не интересовала.
– Какая была, такая и есть.
– Нет, Галя, ты стала красивая, и я тебя даже боюсь.
– Ну-ну, это тебя в городе так научили к деревенским девчонкам подкатывать: ой, боюсь, ой, стесняюсь, пожалейте меня!
Оба весело рассмеялись.
– Галя, если ты свободна, давай вечером погуляем. Согласись, пожалей меня.
Так хорошо стало Галине, так радостно:
– Так и быть, спасу твою душу, приходи на озеро к нашей пристани, как стемнеет.
Едва дождалась темноты, Валя в клуб убежала, кое-как отвязалась от нее, а тут мама:
– Ты куда это, девка, на ночь глядя?
Дочь не стала скрывать: – Мама, Миша Андреев пригласил погулять. Ты не переживай, спи.
Мать кивнула: – Мишка парень хороший, и родители у него приятные. С ним погуляй, он плохого не дозволит.
Миша ждал, сидя на старой опрокинутой лодке, увидел Галю, встал, взял ее за руку.
– Красиво тут. Я тоскую в городе по деревне, по людям, по обстановке. В городе люди другие.
– Хуже?
– Нет, но другие. Тебе не понять, надо прожить хотя бы с год, тогда разница станет заметной. Расскажи, как твои дела, что в школе?
Галя рассмеялась: – Миша, какие у меня могут быть дела? Влюбиться бы надо, да не в кого, нынче в десятый пойду, а дальше – темный лес. Даже если и поступим с Валей, родителям не под силу будет двоих содержать. Вот ты как живешь?
Михаил скинул курточку и постелил ее на дно опрокинутой лодки. Они сели рядышком.
– Мне легче, Галя, я попал на бюджетное место, даже стипендию получаю. И только за счет спорта. Если помнишь, мы в футбол здорово играли, я еще школьником попал в сборную области, потому и заметили. Есть ребята на платном отделении, но тоже разные, короче говоря, деревенских почти нет, так, сынки чьи-то тупые.
Галя повела плечами: от воды потянуло прохладой. Михаил осторожно обнял ее за плечо и подвинулся поближе: – Так теплее?
– Теплее, Миша. Ты знаешь, теперь это уже никакого значения не имеет, потому скажу. Я в восьмом классе за тобой бегала, ну, так говорят. Ты мне очень нравился, но совсем не обращал внимания, не замечал. Я даже плакала. – Она счастливо засмеялась.
Михаил помолчал, потом спросил: – А сейчас, Галя, сейчас я тебе нравлюсь?
– Зря я тебе это сказала, – посуровела Галина. – Можешь подумать черт знает, что. Ты теперь городской, получишь высшее образование, у тебя там выбор – тысячи девушек.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– А если мне не надо тысячи, а только одна, и она сидит рядом со мной и дает глупые советы. Ты мне очень нравишься, Галя, правда, я сегодняшнего вечера кое-как дождался. И мне очень хорошо с тобой.
Галя прижалась к нему: – Мне тоже хорошо, Миша.
– Можно, я тебя поцелую? – Он уложил ее головку себе на колени и стал нежно целовать мягкие податливые губы, она прижималась к нему, выпрастывала губы и сама принималась целовать – неумело, с причмокиванием. Он чуть отвернул воротничок кофты, прижался к истокам ее грудей и, боясь лишних движений, вдыхал удивительно чистый пряный запах милой девушки. Она подняла его лицо, поцеловала в губы и спросила: – Миша, а если я тебя люблю? Если я сегодня на все согласна, что ты скажешь?
Парень опять обнял ее: – Глупышка, ничего я тебе не скажу. Ты мне очень нравишься, очень, может быть, завтра я скажу, что не просто влюбился, а люблю тебя. И хорошо, то ты призналась. Если у нас будет настоящая любовь, мы будем встречаться, целоваться и, в конце концов, сыграем свадьбу.
– Миша, ты не подумай про меня плохого, я тебя проверить хотела.
– Как я могу думать про тебя плохое, если мы с тобой с сегодняшнего дня самые близкие люди? Ты мне веришь?
– Верю.
– И я тебе очень верю.
Они просидели на берегу до рассвета, и только утренняя прохлада погнала их в деревню. У ограды Миша тихонько поцеловал Галю, и она открыла калитку.
Утром Михаила срочной телеграммой вызвали в город, он уехал, всех парней с их курса, кто не сумел откупиться, призвали в армию, а осенью пришло извещение, что Миша пропал без вести. А еще через месяц приехал парень без руки и с обожженным лицом, сказал родителям, чтобы не ждали и не искали: в Чечне Миша подорвался на фугасе, а после такого от солдата остается только фамилия. Командиры, чтобы скрыть потери, объявили с десяток ребят пропавшими без вести.
Галя не плакала. У нее не осталось даже письма, даже фотографии. Остались воспоминания об одной ночи, проведенной на берегу старого озера.

22._____
На открытие избирательного участка собралось много народа, но митинга, как в старые годы, не было. Григорий Андреич проголосовал одним из первых, пожал руки членам комиссии и положил перед председателем мандат наблюдателя: – Ты не сомневайся, Игорь Владимирович, закон избирательный я изучил от корки до корки, свои права и обязанности знаю назубок, так что мешать не буду, а буду наблюдать.
Роман Григорьевич отозвал председателя в сторонку: – Вы с ним в спор не вступайте, если делает замечание – фиксируйте. Если он начнет возмущаться, нам его всей деревней не остановить.
Люди шли и голосовали, торговли колбасой и пивом, как в старые времена, не было, гундела какая-то музыка, ни песен, ни басен.
– Максим Павлович, ты чего ждешь? Голос свой отдал, шуруй домой.
Максим, ехиднейший говорун, ответил: – Нет, я дождусь, на одной ноге такую даль кондыбал, да без стопки обратно? Нет, дождусь.
Мужики знали, кого надо расшевелить:
– А чего ждать? Подавать не будут, это же ясно.
– Как не будут? А горячий обед? Он без стаканчика не обходится.
– Какой горячий обед, о чем ты, Максим Павлович?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Дак ты погляди кругом, мы же на похоронах. И тихо, и музыка такая, что в пору рыдать, и урны с прахом уже опечатаны. И народишко выходит, как из мавзолея, с понурой головой.
– А ты бывал и в мавзолее?
– Да на хер он мне загнулся, чтоб я смотрел на этого лобастого. Потом Никитка был, тоже на прическу богат. Зато у Лёни волос было что на голове, что на бровях – на всю партию хватит.
– Ты, Максим, поаккуратней, здесь Григорий Андреич, он тебе этого не простит.
– Верно, видел. Жалко мужика, толковый, хозяйственный, а вот спутался с марксизмом, и никуда без него.
– Подожди, дядя Максим, а ты за кого голосовал?
– Поясню для бестолковых. Ну, за кого я, фронтовик, калека, мог голосовать? Я спросил: кто из этих красавцев за старую жизню? Мне сказали номер, вот я его и открыжыл, и старухе велел, только она наврет все, бабахнет за Жириновского, и его сразу изберут.
На хохот вышел Роман Григорьевич: – Я смотрю, настроение у вас боевое, проголосовали, теперь будем ждать результатов.
– А чего их ждать, Роман Григорьевич, если вам задание довели, сколько процентов должно быть за Ельцина.
Роман смутился, но тут же ответил: – Это провокационные разговоры, товарищи, голосование продолжается, и мы не имеем права на избирательном участке обсуждать, кто и как голосовал.
Канаков старший только докладывал председателю, с кем он поедет на выездное голосование, садился в машину, вместе со членами комиссии заходил в дома к престарелым и больным людям, никто при нем не отваживался указать избирателю, где ставить птичку. Несколько раз старушки просили: – Дочка, я ничего не понимаю, мне все время показывают, где выводить крестик.
Канаков пояснял: – Нельзя, Марфа Петровна, ты сама должна выбрать.
– Ой, Григорий Андреич, а я ведь тебя не признала. Покажи-ка мне, дочка, где тут коммунист самый главный, за него проголосую.
Председатель комиссии пригласил Канакова в отдельную комнату: – Григорий Андреич, я вам запрещаю выезжать с урной на голосование, вы своим присутствием проводите агитацию.
Он, видимо, все-таки плохо был проинструктирован, что с Канаковым так разговаривать нельзя.
– Простите, мил человек, или я вас не понял, или вы ни хрена не понимаете, хотя сидите в кресле председателя. Мне теперь что, раствориться? Своим видом я агитирую!? Да это же похвала из ваших уст! Буду ехать туда, куда захочу, но водить руками стариков в пользу одного из кандидатов не позволю. Я все сказал, ты свободен.
И проводил раскрасневшегося председателя на его место.
Когда закончилось голосование, пересчитали оставшиеся бюллетени, завернули их в бумагу и опечатали сургучной печатью. Роман взял пакет и понес его в комнату, у порога его встретил отец: – Положи на стол, чтобы все видели.
Перед вскрытием урн провели совещание, распределили, кто какие бюллетени считает, сдвинули столы. В центре два члена комиссии с одной стороны, два с другой считали бюллетени Ельцина и Зюганова. Григорий Андреич не скрывал своей радости: Зюганов на участке выборы выиграл с заметным перевесом. Потом пересчитывали еще по разу, долго писали протоколы, один экземпляр после сверки цифр старший Канаков забрал и ушел домой.
На повторном голосовании обстановка была напряженней, члены комиссии то и дело

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

выскакивали со стульев и давали разъяснения. На крыльце дома культуры какие-то незнакомые молодые люди на нижних ступеньках встречали людей, до самых дверей провожали.
– Это что за конвой? – строго спросил старший Канаков председателя комиссии.
– Простите, я не их не знаю, – ответил тот и убежал в зал.
Григорий Андреич нашел Романа: – Что за агитбригада у тебя орудует возле участка?
Тот пытался отнекаться, но отец наступил ему на туфлю, прижал к земле и прошептал на ухо: – Если через пять минут их тут не будет, я тебе голову отверну прилюдно. Исполняй!
Чужаки исчезли, подъехал на своей «ниве» Романчук, проголосовал, подошел к Канакову, пожал руку. Тот рассказал о визитерах.
– Вы их прогнали, они на другой участок переехали. У них технологий много, и они упор на деревню делают, потому что деревня дисциплинированней, активней. Только едва ли так можно спасти положение, я думаю, в случае явного проигрыша они пойдут на откровенную фальсификацию.
– Сергей Иванович, протоколы я у них изыму.
– Эх, Григорий Андреевич, если бы все строилось только на протоколах…
Когда районная газета опубликовала сводную таблицу результатов финального голосования, Григорий Андреич ничего не мог понять: по его избирательному участку цифры были совсем не те, что значились в его заверенной печатью копии. Он еще раз нацепил очки и сверил: так и есть, оказывается, большинство не у Зюганова, как было, а у Ельцина, и на двадцать процентов больше. Схватив газету, он побежал в администрацию, с Романом столкнулись в коридоре: – Это что? Что это, я тебя спрашиваю?! Как нарисовались эти цифры, которых нигде не было, и быть не может?!
Роман сгреб отца в охапку и уволок в кабинет, наглухо закрыл обе двери. – Папка, не кричи так, вся контора сбежится!
Конаков продолжал кричать: – Я тебе не папка, а представитель коммунистической партии на выборах, и я тебя, подлеца, спрашиваю, как получилось, что выборы выиграл один, а победа присуждена другому?
Роман побагровел: – Да успокойся ты, наконец! И говори тише. Это не моя вина, все изменения внесены в районе. А им приказала область, ты это понимаешь? Что я мог сделать? Если ты сейчас поднимешь шум, то результат будет один: меня выпрут с работы. Папка, это система, ничего изменить нельзя.
Канаков выслушал сына до конца, а потом безнадежно спросил: – Ты же сам возил документы в район, сопровождал, при тебе пачкали результаты народного голосования, измывались над волей твоих людей, твоих земляков. И ты все это молча проглотил, как кусок дерьма? И кто ты после этого? Вот скажи, ты сам себя уважаешь?
Роман почти плакал: – Папка, там присутствовал сам Парыгин, это такой хлюст, он с Чубайсом на ты.
– Брось! Я с этим засранцем тоже на ты, если бы довелось хоть раз в рожу ему двинуть. Мне надо знать, как ты жить собираешься среди этих людей, которых предал, за портфельчик, за «волгу», за путнее жалованье? Ладно, это тебе решать, а мое слово такое: немедленно подаешь на увольнение, сдаешь все дела, а потом думать будем. Завтра утром придешь и все расскажешь.
Утром Роман к отцу не пришел, а вечером прибежала Марина: – Папа, Роман в дым пьяный приехал, сказал, что Треплев его заявление порвал, оставил на работе, просит прощения у вас, сказал, что покончит с собой, если вы не простите. Я ключи от ящика с ружьем спрятала. Я боюсь, папа!
Матрена Даниловна охнула и села у стола. Григорий Андреич усадил Марину, вытер чистым полотенцем ее слезы и улыбнулся: – Марина, милая моя дочь, с мужиком тебе

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

немыслимо повезло. Он тряпка, если бы физией на меня не нашибал, обвинил бы мать, что пригуляла. В нем моей твердости ни грамма нет. Ключ от ружья положи на стол, такие малодушные не стреляются. Если он Треплеву не дал в морду – какое самоубийство? А по существу-то, он давно себя в себе убил, вот как пошел этой власти служить, так и кончил. Отдохни, попей чайку, мать, сгоноши. С Романом еще один разговор сделаю, только независимо, Марина – ты и детки твои – мое родное, я вас не брошу и от себя не отпущу.
Утром старый Канаков был первым посетителем у главы сельской власти. Вошел в кабинет, присел без приглашения, огляделся, новенький портрет Ельцина за спиной сына, новые часы на руке тоже заметил – премия, должно быть.
– Пришел сказать тебе, Роман Григорьевич, что с сегодняшнего дня не стало у тебя родного отца, пусть тебя эти, – он кивнул на портрет. – Эти пусть тебя усыновляют. Дорогу ко мне забудь, с матерью видайся где на стороне, но Марину и деток не смей от нас отбивать. Случится, помру – за оградой выноса дождешься, оттуда проводишь вместе с народом. Все, прощай.
И пошел к дверям. Роман выскочил изо стола: – Папка, прости, ведь я твой сын!
Старший Канаков на мгновенье остановился, дрогнуло что-то в душе, но пересилил, переломил, молча хлопнул дверью. Заскочившие в кабинет перепуганные сотрудницы увидели Романа Григорьевича на коленях, уронившим голову в то место, где только что ступала нога его родного отца.

23._____
Вечером Канаков старший пошел в дом культуры, нашел паренька, которого назвали художником, достал из кармана листок и подал в измазанные краской руки специалиста. Сказал, чтобы к утру щит с текстом висел на рекламной рамке в центре села.
– Аванс, – с трудом выговорил живописец, и Григорий Андреич взял его за ворот куртки:
– Когда напишешь и вывесишь, тогда и аванс, и зарплату получишь. Даю слово, что не обману, ты меня знаешь.
– Тяжело без аванса.
Но Григорий Андреич уже не слышал, по его просьбе в библиотеке девчонки писали бумажные объявления. Тест был один: « 22 июня с. г. в ДК состоится собрание пайщиков кооператива «Кировский» и всех жителей села. Вопрос: О руководстве кооператива. Отчет председателя Канакова Н. Г. Начало в 8 часов вечера. Прибыть всем».
Никита, увидев объявление, с утра всех поднял на ноги. Первым позвонил Треплеву, кратко изложил суть. Треплев выругался: – Я пришлю юриста и начальника сельхозуправления. Акционирование отменять нельзя, я уже почти все вопросы решил по регистрации. И что у вас за отец такой, его детей тянут всеми силами к светлой жизни, а он уперся в марксизм, да хоть бы понимал в нем!
Никита возразил: – Это вы напрасно, Ермолай Владимирович, он из Маркса главное усвоил – о прибавочной стоимости и безнравственности капитала.
Треплев засмеялся: – Вот старики пошли! Главе района некогда газету как следует посмотреть, а они Маркса изучают. Я думаю, надо сразу предложить людям график выплат за натуральные паи, тогда они заткнутся. Я могу вложить десять тысяч баксов, да ты столько же найди. Сколько всего дольщиков?
– Около двухсот. Но часть добрых мужиков оставим работать, с ними можно и попозже.
Треплев махнул рукой: – Выдай всем под роспись, только заголовок оформи правильно, что это аванс за приобретенное имущество бывшего кооператива. И посмелее, все равно будет так, как я сказал. Деньги привезет водитель.
Собрал своих приближенных, которым тоже пообещали по пять процентов акций, это все конторские.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Отчет у меня будет краткий, надо найти по одному–два человека, чтобы выступили в поддержу акционирования. Это хороший шанс выжить, иначе спустим все и пропадем.
Никто из них энтузиазма не проявил, встал молодой человек, агроном Воронин:
– Никита Григорьевич, от всей этой процедуры бурно пахнет аферой. Я отказываюсь в ней участвовать.
– Вот как? – деланно удивился Канаков. – Кто еще у нас брезгливый?
– Да все, – с места ответила старый совхозный экономист. – Никита Григорьевич, откажитесь от акционирования, обсудим с людьми, что можно сделать, чтобы устоять, у меня тоже есть расчеты.
– Ладно, свободны.
Никита охватил голову руками. Как хорошо все шло, все бумаги подготовлены, проверены во всех инстанциях, осталось зарегистрироваться и начать выкуп имущества. Никто бы и не пикнул, тем более, что деньги выплачивались неплохие, и за что? За тракторное колесо, которое тебе приходится по паю, или часть стены коровника, которую ты домой никогда не утащишь? И надо же было болтануть отцу! Хотя рано или поздно, он бы все равно об этом узнал, и скандал был бы ничуть не меньший. А собственно, что я расстроился? Отчитаюсь, все цифры под руками, от акционирования отрекусь, скажу, что только собирались, но без согласия коллектива… В общем, пойдет, и никто ни к чему не прикопается. Зашел к экономисту, извинился, сказал, чтобы готовила свои предложения.
Народу в клубе набилось много, мужики толпились у входа в зал, мест уже не было. Никита приказал снять стол со сцены и поставить в зале, быть ближе к народу. На поданные со сцены стулья сели конторские.
– Будем начинать, товарищи?
– Пора!
– Открывай!
Никита глазами нашел отца, тот сидел на крайнем месте, значит, будет выступать. А что он имеет сказать? Да ничего, кроме вечного недовольства и сравнивания совхоза с кооперативом.
А Григорий Андреич много передумал за сегодняшнюю бессонную ночь и день, проведенный в дороге в район и хождениях по старым друзьям-приятелям, у кого дети или близкие люди работали в нужных ему конторах. Возвращаясь вечерним автобусом, он сам себе задал вопрос: а может не надо вмешиваться в Никиткины дела, ну, вся страна воровская, выведу сегодня Никитку, сына своего, на чистую воду, а ведь мне одному всех на чистую воду не вывести, руки коротки, да и жизни не хватит. Может, сжаться до величины расхристанного сердца, да пожалеть Никитку и жену его, и детей их, да не доводить до обмороков старую свою жену, она и так сдала в последнее время, или больше меня знает, или сильней переживает. Никита без него собрание проведет спокойно, он не дурак, говорит точно, кратко, не в пример многословному Ромке. Хороший был бы председатель по тем временам.
А какие были мужики! Грамотешки мало, но ночей не спали, и людям не давали, все старались для колхоза, и труды их не пропали, их усилиями создавались коллективные хозяйства и воспитывались те люди, которые ценою собственного недоедания прокормили воюющую с фашистами армию и рабочий класс у станков. Ценою отрешения от будущего оплачивали государственные займы на восстановление разрушенной промышленности, играли с государством в безвыигрышные лотереи нескольких пятилеток, сдавали все до зернышка, и при том умудрялись следующей весной сеять. Это они, вынужденные помимо оплаченной «палочками» колхозный работы вести какое-никакое домашнее хозяйство, чтобы не сдохнуть с голода, да еще сдавать Родине все: мясо, молоко, яйца, и «полторы овчины с овцы» – мера, обязывающая получить приплод,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

если хочешь сохранить свою шкуру.
А каких высот достигли, грудь в орденах, тот Герой Труда, а тот депутат Верховного Совета. Всех знал и уважал Григорий Андреич, вместе с ними в партию вступил, рядом жил и вечно учился. А ведь было чему!
Богатый опыт руководства колхозами, тонкое умение провести решение через все рогатки командно–административной системы и выдать-таки колхознику зерно и прочую натуроплату, при этом сохранить благорасположение к себе и, следовательно, к колхозу, вышестоящих товарищей, не уронить собственного достоинства и не навредить хозяйству; знание конкретных условий каждого поля, особенностей климата, повадок каждого бригадира и уловок каждого механизатора, умение взять, что нужно, из рекомендаций заезжего ученого и советов безграмотного, но толкового колхозного старожила; ювелирно лавировать на стыке морального и уголовного кодексов, пройти по лезвию бритвы и не порезаться, быть у воды и не замочить ног, ворочать миллионами и остаться бессребреником – все это вобрало в себя понятие колхозные председатели, руководители.
Мог ли он поставить рядом с ними сына своего родного? Нет, не мог, это значило унизить тех, кто остался в памяти святым и чистым человеком. Повинен сын, и будет призван к ответу, а коли дело это общественное, то и казнь его моральная тоже должна быть при обществе.
Он, опустив голову, слушал доклад сына, расчеты экономиста, размеренную речь районного начальника, который задавил цифрами, гектарами, тоннами, а в конце заговорил про успешное акционирование, но в других хозяйствах.
– У вас эту кампанию проводить пока рано, – заключил начальник.
– Будут ли какие вопросы? – спросил Никита Григорьевич.
– Вопросов будет много. – Григорий Андреич встал. – Первый к районному начальнику: при акционировании рядовые крестьяне что имеют?
Начальник помялся: – Ну, как вам сказать?
– А ты говори прямо: ни хрена они не имеют, сунут им копейки с барского стола, и они уже никто, плаху на гроб покупать придется. Садись. Теперь вопрос к нашему начальнику господину Канакову: так все-таки акционировали вы наш колхоз или нет?
Никита встал: – Я только что все объяснил, мы работаем в формате кооператива с перспективой акционирования. Другого пути нет.
– Ясно. И ты садись. Теперь последний вопрос к народу: сколько мы будем терпеть эту ложь, это вранье?! Вот бумага, я сегодня день потратил, чтобы ее добыть. Это свидетельство о регистрации акционерного общества «Фортуна», а учредители жена главы района Треплева, еще чья-то жена или ****ь, не разбирался, и наш уважаемый председатель Канаков. Вот он, документ! – Григорий Андреич потряс над залом пачкой бумаг. – Уже все на мазях, осталось только вписать в реестр, но что-то задержались. А теперь решайте по председателю, я предлагаю господина Канакова из правления вывести и с председателей снять.
Жуткая тишина нависла над залом, потом люди заперешёптывались, загудели, но Никита Григорьевич, пролистав все бумаги на столе, встал: – Уважаемое собрание, в зале присутствует меньше половины членов-пайщиков кооператива, потому собрание неправомочно решать вопрос о председателе. Повестка дня исчерпана, собрание объявляю закрытым.
Канаков старший вышел вперед, да и народ остановился, словно ждал чего-то: – Никита, пока народ не разошелся, Богом тебя прошу, хоть и не верю, нет веры, но прошу тебя именем матери твоей, святого человека, все скажут: брось все это, до добра не доведет гоньба за златом, не нами замечено. Ты же честным был человеком, сдай дела, а работу найдешь, ты же парень толковый.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Никита сложил бумаги в шикарную, под крокодила, папку, взглянул на отца с сочувствием: – Григорий Андреич, здесь не место для проповедей, что христианских, что коммунистических. Я хозяйственник, у меня бизнес, у меня семья, ваши внуки, кстати, так что последовать вашему совету я не могу.
– Закрой рот! – тихо сказал отец. – Закрой, иначе не постесняюсь добрых людей и заткну его кулаком. Ладно, соглашаюсь, внуки мои и сноха моя, а ты мне с сей минуты не сын. При всех говорю: отрекаюсь. И видеть больше не хочу!
Григорий Андреич тяжело шел домой, сел на лавочку, откинулся на спинку. Эх, Никита-Никита, какой был парень, какая была надежа у отца с матерью, а вот испытания рублем не выдержал. Лариса плачет, он только о деньгах, ничего не читает, даже кино не смотрит, закроется в своем домашнем кабинете и целый вечер с кем-то говорит по телефону. Лариса однажды прислушалась через стенку – продает кому-то десять бычков, потом договорился, что завтра же за наличку заберут тридцать тонн семян озимой ржи. Потом неосторожно звякнул ключами от сейфа, наверное, деньги положил, а может, пересчитывал, Лариса однажды застала его за этой увлекательной процедурой, он смутился, потом развел руками:
– Бизнес, Лариса, должен приносить деньги, иначе день прожит зря.
– У Елизы температура вторые сутки, а ты даже не поинтересуешься.
Никита встал, обнял жену:
– Ты же у меня на хозяйстве, я целиком на тебя полагаюсь. Ну, хорошо, давай завтра свозим ее в больницу. Стоп, завтра я не могу. Я пришлю тебе машину, съездите сами.
Это он вспомнил, что утром придут машины за семенами.
Что он мог сказать любимой своей невестке? Муж жулик, и что делать? А сегодня и того тошней: родной отец с работы снимал, да не получилось. Как дальше жить? Как людям в глаза смотреть? Матери все равно кто-нибудь доложит, опять сляжет.
И о сегодняшней новости ей тоже тихонько скажут.

24._____
Галя старалась избегать Прохора, но куда денешься, если он приходит в магазин и в упор спрашивает: – Ты как-то косо на меня смотришь, Галина, может, вечером встретимся?
Галя не поднимала головы от прилавка: – Нет, не встретимся.
– А на что обида? Такую ночь провели, почти первую брачную, – веселился Прохор.
Галя вскинула взгляд: – Вот именно, что почти. Уходите, Прохор Григорьевич, если будете досаждать, я уволюсь.
– И куда? – Прохор захохотал? – Где вас ждут, крупный специалист по химии? И девушкой вы оказались довольно слабенькой, за первые же золотые побрякушки на шею кинулись.
Она схватила с прилавка тяжелый калькулятор и метнула в него, но Прохор увернулся.
Галя открыла кассу, отсчитала свою зарплату и бросила хозяину ключи. Переодеваться не стала, так в рабочем костюме и ушла домой.
Валя отработала утреннюю смену и была дома, лежала на своей кровати лицом к стенке.
Галина села около сестры: – Валюша, у тебя болит что-то? Ты последнее время сама не своя. Что болит, сестрица?
– Душа, Галя, болит. И так болит, что хоть в петлю…
Галя вздрогнула: – Бог с тобой, ты даже не думай такого, не только говорить. Мама услышит или отец – с ума сойдут от одних только дум.
Валентина повернулась на спину: – Подожди, ты же на смене должна быть, и что случилось, что ты при форме дома?
Галя врать не стала: – Разругалась с хозяином, калькулятором в него запустила, да жалко,

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

что мимо. Ключи бросила, зарплату забрала и ушла.
Валентина ухватила сестру за шею, прижала к себе. Догадалась, конечно, в чем причина, но говорить ничего не стала, сестре и так тяжело.
Вошла мать: – Воркуете, сестрицы? Завтра надо картошку прибрать, которая-то поможет, кто дома с утра.
– Я помогу, мама, – успокоила Галина.
– Ну-ну, а к вечеру я лапшу сварю, вашу любимую, из домашних сочней, отец петушка молодого зарубил, добрая будет лапшица.
Галя опять ушла к озеру, бродила вдоль берега, бросала камешки в потемневшую воду. Тут ни о чем не думалось, все земное оставалось где-то там, а тут фантастическая тишина, мертвая, словно окаменевшая вода, стена камыша с обеих сторон пристани. Лодка, на которой они сидели когда-то, в той еще жизни, с Мишей Андреевым, догнивала на отступившей от воды мели. Тяжелую обиду и запоздалую тоску сменила легкая грусть, когда и заплакать можно без всхлипов, одними слезами, а со слезами у девушки уходят многие печали, которые только что казались такими тяжелыми. Надо будет объяснять родителям, почему ушла с работы. Им трудно будет понять, ведь только месяц назад она хвасталась повышением зарплаты и отдала отцу на сохранение такие деньги, каких он давно в руках не держал. Чем объяснить ссору с хозяином, может, сослаться на недостачу? Но Валя – ее не обманешь, видно, с сестрой придется поделиться своей бедой.

Дома все ей показалось каким-то странным, неестественно оживленный отец, мама со своей хваленой лапшой, какую умеет делать только она во всем свете, Валентина, вдруг оживившаяся, причесанная, красивая, только лицо бледное. Сели за стол, отец налил себе стопку самогонки, мама рюмку любимой настойки на ягодах, девчонкам не предлагали. Только начали есть, Валентина захватила рот руками и выскочила во двор. Мать вроде кинулась за ней, но Галя остановила. Валентина стояла, наклонившись и опершись о стену сарая. Галя подала ей рукотёрт, помогла умыться из летнего умывальника, вытерла лицо. Обе молчали и, наверное, понимали, о чем они молчат. Вошли в дом, сели за стол. Валентина видела, что родители ждут ее слова.
– Тятя и мама, не судите меня строго, я беременна.
Тишина нависла в комнате, густая и грозная. Мать заревела в голос, отец одернул: – Раньше надо было сопли размазывать, раньше! Кто он?
Все притихли. – Папа кто, я спрашиваю? Хозяин?
Валентина молчала. Отец кивнул: – Я так и думал. А ты, Галина, с ним разругалась – не по тому ли поводу? Тоже, небось, домогался?
Галина стиснула зубы: – Нет, тятя, не домогался, он месяц назад меня уговорил, кольца купил и сказал, что завтра сватов направит.
Мать завыла, закрывшись фартуком, запричитала, Артём Сергеич одернул ее опять, хотя сам словно обмер: – Да что этот такое, за что такой позор на мою голову!? Вы, молодые, умные, неужто не видели, что кобель он беспривязный? Как можно было довериться такому кабану? Побрякушками соблазнил? Я за вашей матерью год ходил, до свадьбы прикоснуться стеснялись, а вы в кого такие, что с похотью своей сладить не могли?
Дочери упали перед ним на колени: – Прости нас, тятя, и ты, мама, прости. Я про Валю не знала, а он жениться предложил, кольца купил.
– И я, тятя, не от похоти, а нравился он мне, ухаживал, я думала, что тут мое счастье.
Артём встал на колени рядом с дочерьми, обнял обеих, заплакал: – Простите меня, девчонки, за грубые слова, не со злобы, а с горя. Обманом, не насилием, раздавил меня этот урод. Дочери мои, я всегда говорил, что проще всего обмануть честного простого человека, потому что он сам про обман не имеет никакого понятия. И вы на этом

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

попались. Не думайте, я вас проклинать не буду, я ему отомщу за поруганье наше.
Артём Сергеич подошел к жене, тронул за плечи: – Варюша, перестань, девчонкам и без того тяжело. С завтрашнего дня к нему на работу ни ногой. Валентина, если надумаешь родить, решай, если в больницу поедешь, смотри, чтоб аккуратно. Идите к себе, нам с матерью поговорить надо.
– Ну, что, сестрица, ехать мне в больницу? – спросила Валентина. – Ехать, ничего другого не будет. Не хочу я такого ребенка, и чтоб отец таким подлецом был.
Галя обняла сестру, тихонько плакала, шептала: – Почему мы такие глупые? Ну, ладно я, тюхтя, верю всякому зверю, а ты ведь строгая и серьезная.
Валентина грустно усмехнулась: – Казалась, наверное, строгой, а как по головке погладили, сразу ручная стала. Если честно, Галя, он мне давно нравился, может, потому и получилось так.
Гале не совсем удобно было задавать этот вопрос, но насмелилась: – Вы долго встречались?
Валентина усмехнулась: – Три месяца. А потом он на тебя переключился, я поняла, только говорить ничего не стала, ты же вообще казалась недоступной. Он, правда, свататься обещал? Вот скотина! Уже до последней черты дошел.
Галина вытерла слезы: – Я у него только раз и была, а наутро сразу заметила в его поведении перемену. Какие там кольца, он даже шутить над вчерашним пытался. Потом все время зазывал, видно, не подыскал замену.
Валентина спросила: – Ты ему про сватовство не напоминала?
Сестра возмутилась: – Как можно? А сегодня не удержалась, выплеснула все, ключи от всей души в морду кинула.
Валя остановила: – Подожди, отец про месть говорил – что он хочет сделать, как ты смотришь?
Галя плечами пожала: – Ума не дам. Не убьет же он его? Да и как? У тяти и ружья нет.
Валентина злорадно улыбнулась: – Э-э-э, не скажи, отец наш не столь прост. Только бы не натворил чего.
Наговорившись и успокоившись, сестры уснули, а утром их разбудили громкие разговоры на улице. Валя накинула халат и вышла на кухню. Никого нет. Вышла во двор, рядом стоят с десяток женщин.
– Это же надо – в один миг и дом, и магазин.
– Неужто никто не видел?
– Это конкуренты, точно, товар не поделили.
– Дак ведь как толково подпалили: с ветреной стороны полыхнуло, а когда пожарка пришла, тут и делать уж нечего.
– А Прошка-то выскочил?
– Сказывают, дома не было, тем и спасся.
Валентина бегом убежала в дом, Галя тоже в халате, ждет. Валентина шепотом передала уличные разговоры.
– А тятя где?
Обе побежали во двор, мать вернулась с улицы: – Слыхали, что творится в деревне?
– Тятя где? – в один голос крикнули сестры.
– У себя в мастерской, вроде улей колотил.
Девчонки бросились к мастерской, открыли дверь, отец привычно стоял за высоким верстаком, соединял непослушные дощечки улья.
– Что вы прискакали? Завтракать позвать?
Девчонки в голос: – Тятя, ты разве не знаешь? У Прохора магазин и дом сожгли.
Отец даже не удивился: – Ну вот, теперь знаю. Дочиста все сгорело?

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Говорят, до фундамента.

Артём Сергеич отложил недоделанный улей, отряхнул рабочую курточку: – Два пожара враз случайно не бывают. Значит, крепко кому-то досадил Прохор Григорьевич. Ладно, наше дело сторона, пошли завтракать.

Следователи вызывали обеих сестер, но спрашивали как продавщиц, даже намека на то, что у них могут быть личные мотивы. Значит, умолчал Прохор, хотя подозрения на сестер у него явно были. Через три дня следователи уехали, так ничего и не выяснив. А еще через неделю калитку старшего Канакова открыл Артём Сергеич. На дворе никого, пришлось крикнуть хозяина. Григорий Андреич спустился с крыльца, подал руку, поздравствовались. – В дом не приглашаю, Артюха, жена лежкой лежит, угробят ее детки наши. Пошли в избушку, там у меня тепло и тихо, можно поговорить о чем угодно, никто не услышит.

Вошли, сели у стола, напротив друг друга: – Помнишь, Григорий, я к тебе приходил, просил девчонок моих пристроить, чтоб на учебу накопили. Пристроил. Сын твой Прохор их обех совратил.

Канаков встал над столом: – Врешь! Артюха, скажи, что ты пошутил!

– Какие шутки, Григорий Андреич, когда столь горя. Валентина беременна, а Галину он с месяц назад обмалахтал, убедил, что завтра сватов пришлет. Она и губу раскатила, золотое кольцо впервые в жизни примерила. А наутро он ее же и высмеял. Короче говоря, вчера я узнал об этом позоре, и спалил дом Прошки и магазин. Сжег бы и второй, но он кирпичной. А теперь сдавай меня милиции, Григорий, только раскаиваться мне не в чем.

Долго молчали два побитых жизнью отца, думали каждый про свое. Григорий Андреич понял сейчас, что он растерян, и чувство это пришло к нему давно, должен был появиться Артюха со своим признанием, чтобы оно оформилось в понимание. И этот сын потерян. Хотел спросить Артема, знал ли он, что Прохора нет дома, но не стал: откуда ему было знать, может, ему даже легче было бы, сгори тот в том огне. А Артём Сергеич еще раз сам себе признался, что сделал все правильно, и к отцу подлеца пришел с признанием – тоже правильно. Сдаст Григорий его в милицию или нет – это его дело, а за поругание он отомстил, как мог.

– Плохо сидим, Артём Сергеич, обожди, у меня тут припас есть.

Открыл шкафчик, достал бутылку самогонки, два стакана, где-то в углу нашел две крупные помидорины, быстро порезал на тарелку. Разлил по стаканам, поднял свой: – Артём, горе нас свело, у тебя свое, у меня свое. Хотя оно наше, общее. Про твои действия говорить ничего не буду, я в твоей шкуре не был. Но и обиды не имею, а только прощения у тебя прошу за мерзости выродка моего. Давай выпьем, чтоб меньше горя было в нашей жизни.

Закусили помидором, помолчали.

– Артём Сергеич, я своему слову хозяин. Я тебе обещал, что девчонки заработают на учебу – так и будет. Я знал, где у Прошки деньги лежат, случайно как-то увидел, что он с ящиком в маленькую комнатку ушел, меня не заметил. А пожар первым увидел, в окнах зайчики заиграли, побежал, куфайку задом наперед застегнул, рукавицы зимние надел и в дом. Ладно, что он ящик не перепрятал. Обмотал я его одеялом, и домой. Ночью вскрыл, там есть на что посмотреть, ты ко мне вечером приходи, я хорошенько разберусь.

Артём Сергеич встал над столом, грозно спросил: – Ты что, Григорий, за поруганных моих девчонок хочешь деньгами заплатить?!

– Сядь, Артюха, я же не такой подлец, как мой неудачный сын. Да и есть ли у меня удачные? Сядь, Артём, успокойся. Я же тебе сказал: обещал помочь – выполню. А за девчонок он еще не раз поплатится, только это не в моей власти. Деньги эти девчонки должны были за год заработать, так что они свое получают, а не подачку. Артюха, я тоже

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

в таких делах чистоплюй, но тут все честно: экспроприация экспроприаторов.
Артём насторожился: – Гриша, шибко кучеряво, мне не понять.
Григорий Андреич важно поднял указательный палец: – Во, а я тебе предлагал в партию вступить, там эта наука изучалась. Иными словами, обидел тебя человек – пусть заплатит. Вот и все. Артюха, я тебя прошу, приходи вечером, после коров, вот тут же и посидим, тут же я все приготовлю. И выбрось из головы, что я этого подлеца откупаю, найдешь где – бей в рыло, слова не скажу. Приходи.
Полдня мучился Артём Сергеич, с одной стороны – паскудно деньги брать, а с другой – прав Григорий, это его обещание, и он его выполняет. Идти или не ходить? Однако – пошел, и вернулся со свертком иностранных бумажек. Сверток аккуратно спрятал в мастерской, на ключ запер. Глубокой ночью при свече развернул бумагу, цифры пересчитал и ужаснулся: многие тысячи долларов. Снова свернул, в железный ящик уложил и под плаху спрятал. Пусть полежат до поры, а девчонкам надо сказать, чтобы в институт готовились.

25._____
Прохору брат Роман позвонил на квартиру, которую тот снимал для развлечений и ночевок в случае торговой необходимости, сказал про дом и магазин. Прохор подлетел к дымящимся еще развалинам, кинулся было туда, но пожарники остановили: – Нельзя, в любой момент может пламя вспыхнуть.
Прохор отмахнулся: – Пошел ты…, у меня там деньги!
Пожарник пожал плечами: – Ну, коли так – ищи.
Прохор нашел двухметровый кусок трубы и протыкал ею угли и золу, надеясь услышать металлический звук. Через полчаса бросил трубу, сел в сторонке. Потом опять кинулся к пожарным: – Ребята, ящик у меня был в комнате, в шкафу. Там деньги, документы. Никто не выносил?
Пожарники сказали, что к их приезду тут так горело, что вынести что-либо было невозможно.
– Может быть, раньше? – предположил пожарник.
Прохор ухватился за эту мысль: – Раньше? Точно, могли раньше, но кто? Никто же не знал, где он лежит!
Снова схватил трубу, полез в залитые водой грязные кучи. Измученный, весь в грязи, зашел он в ограду отца, а тот уже стоял посередине. – Вот такие дела, отец, остался твой сын гол, как сокол, – грустно улыбаясь, развел он руками.
Старший Канаков дождался, пока Прохор подошел ближе, почти без замаха хлестко ударил его в лицо: – Вон с моего двора! И чтоб духу твоего тут не было. Если бы верующим был – проклял бы паскудника! Ишь, женилка выросла, уму покоя не дает. Вон со двора, и никогда больше близко не подходи, даже если нас с матерью выносить будут вперед ногами.
Прохор размазал кровь по лицу, она стекала ему под рубашку, он недоуменно смотрел на свои окровавленные руки и ничего не мог понять: – Папка, за что? Меня сожгли, и ты меня же бьёшь?
Канаков угрюмо молчал, его била крупная дрожь, но повторил снова: – У меня нет такого сына, как ты, убирайся вон, ты мерзавец, а подлых людей в родстве иметь не желаю. Вон!
Он схватил Прохора за воротник, довел до калитки и вытолкнул на улицу. Когда вошел в дом, увидел Матрену Даниловну, лежащую на полу без чувств. Схватил на руки, перенес на кровать, нашел на подносе нашатырный спирт, облил руку вместе с куском ваты, поднес к лицу. Все бросил, позвонил в медпункт, фельдшер прибежала быстро. Измерила давление, поставила уколы, посмотрела на прибежавшего Романа: – Надо срочно

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

вызывать скорую и врача, я думаю, у нее инфаркт.
Матрену Даниловну положили в реанимацию, Григорий Андреевич выпросился у врача сидеть в коридоре рядом с палатой.
– Я бы вам советовал ехать домой, когда жена придет в чувства, мы вам сообщим, – посоветовал доктор.
Григорий Андреич посмотрел на него с упреком: – Вот ты бы на моем месте – уехал? А мне зачем советуешь? Я буду ждать, сколько надо, столько и буду.
Поздно вечером медсестра позвала его в кабинет: – Ложитесь на эту кушетку, вот одеяло. В случае чего – я вас позову.
Григорий Андреевич насторожился: – В случае чего?
Сестра поняла ошибку: – Я имела в виду, если ваша жена очнется и ей будет лучше. Хотя едва ли вам можно будет к ней зайти, без доктора я не решусь.
Двое суток прожил Григорий Андреич в коридоре реанимационного отделения. Ему сказали, что Матрена Даниловна пришла в сознание, но говорить с ней нельзя.
Поздно ночью, когда все успокаивалось, он снимал с вешалки докторский халат и в одних носках пробирался в палату. Каждый больной освещен слабенькой лампочкой, и Григорий сразу нашел свою. Матрена Даниловна открыла глаза, и слеза скатилась по ее ввалившейся щеке. Григорий приложил палец к губам, мол, говорить нельзя, тихонько прошептал, что он ждет ее, и сколько надо – будет ждать. Она улыбнулась слабой улыбкой.
Он выходил в коридор и долго из полутемного коридора смотрел в бесконечную глубину ночи. Какие картины проходили перед ним! Не успевший повоевать ни с фашистами, ни с японцами, танкист Канаков шесть лет отслужил в Советской Армии, воспитывая молодое поколение. Домой пришел в пятьдесят втором, сразу в МТС, на трактор. Как-то в город ездил с колхозной машиной, бабы на базаре торговали, а Григорий свои дела устроил и шлялся по рынку. Увидел в очереди молоденькую девчонку, хоть и одета бедненько, но красавица, каких никогда не встречал. Толкался рядом, дождался, когда она из очереди вышла, подошел, доложил по-армейски: – Разрешите с вами познакомиться? Григорий Канаков, тракторист, работаю в колхозе имени Кирова, это полста километров от города.
Девушка не испугалась, не смутилась, только спросила: – И зачем вы все это мне рассказываете?
Григорий стушевался: – Сейчас поясню. Я вас в очереди увидел…
– Это я знаю. Вы для чего со мной решили познакомиться? Вы и меня совсем не знаете.
– А зачем мне знать? – обрадовался Григорий. – Вот подружимся, и все друг про дружку узнаем.
Девушка засмеялась таким смехом, что грубоватый Григорий чуть не заплакал от умиления:
– И как это вы без меня решили, что мы подружимся?
– Но вы ведь не замужем?
– Нет, не замужем.
– Вот, и я холостой. Почему бы нам не подружиться? Я человек надежный, и слово мое – кремень. Я, конечно, не могу к вам часто приезжать, работа у меня такая, но в следующий раз приеду и непременно вас увезу.
Девушка опять засмеялась: – Вы даже не знаете, как меня зовут. Меня зовут Мотя, Матрена.
– А живете вы где? С родителями?
– Нет, у добрых людей.
– Тогда тем более надо переезжать ко мне, у меня дом хоть и старый, но большой, а когда семья возрастет, отдельный дом поставим. Соглашайся, Матюша.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

– Ладно. Пойдем, я покажу, где живу, чтоб ты меня нашел. Только к хозяевам заходить не будем. Ты, когда приедешь, подойди и пропой соловьем. Умеешь?
– Не, не учился. Петухом могу.
Матрена залилась громким смехом: – Ладно, подашь голос, я все время дома.
Такая была странная первая встреча. Нескоро Григорию удалось вырваться в город, пошел к председателю, попросил замену.
– Что тебе приспичило? – рявкнул председатель.
– Жениться хочу, – несмело ответил Григорий.
Председатель подобрел: – Хорошее дело, Гриша, даю два дня, но чтоб женился.
Матрена так долго хохотала над Гришиным рассказом, что он обиделся: – Я к тебе всей душой, а ты смешки строишь. Если один приеду, председатель прогулы поставит и премиальных лишит. Так что собирайся, Мотюшка, поедем домой.
И тогда девушка взяла его под руку и увела на край улицы, сели на сломанную березку, Матрена стала говорить:
– Вот ты зовешь меня, Гриша, и хоть не знаю тебя совсем, но мне почему-то радостно на сердце. Значит, мы с тобой должны были встретиться. А еще слушай. Отец мой был командиром казачьей сотни в 21 году, когда восстание случилось. Он вместе с вашим командиром Атамановым Григорием воевал. Когда их разбили, отец с чужими бумагами убежал в казахские степи, и невесту свою увез. Там жили, скот пасли, детей нарожали, а в тридцать седьмом его нашли. Спасибо, добрый человек предупредил, он все ораву на телегу сгрузил и отправил, а сам дождался. Мама от верных людей узнала, что его расстреляли в Акмолинске. Мама умерла, братья и сестры разбежались, я младшая, одна осталась. Вот и думай теперь, Гриша, что я дочь врага народа, если это вскроется, то и тебе не избежать.
Григорий обнял Матюшу свою, прижал к колыхающемуся сердцу: – Теперь я тебя по любому не оставлю. Беги, собирай пожитки, и на рынок, там наша машина должна быть.
– Приданного у меня, Гриша, одна честь и гордость казачья. Не надо туда ходить, спросят, узнают, могут по глупости на след навести. Если берешь меня – бери, какая есть.
Вот тогда они в первый раз поцеловались, так, только губ коснулись, а молния обоих прошила, и Григорий решил, что нельзя ему прикасаться к девушке, пока в сельсовете все как положено, не запишут и объявят мужем и женой.
Григорий Андреич вытер слезы, прошелся по коридору.

26._____
Прохор после ссоры с отцом пришел к Роману, отмылся, переоделся в братнину одежду, благо одних габаритов были, сели за стол, Марина подала обед, хозяин открыл бутылку коньяка.
– Найди Никиту, – попросил Прохор.
Роман покрутил телефон, нашел, попросил срочно приехать. Никита рассказу Проши даже не удивился:
– Братья, между нами говоря, с отцом неладное творится. Этот постоянный мордобой, эти выступления на собраниях – ну, бред сивой кобылы! А пожар? Вы думаете, само загорелось? А кто мог? Кому Прошка плохо сделал? Да батя и поджег, потому что он нас всех ненавидит, он вообще из ума выжил с этим марксизмом. Обещал он твой дом продать? Обещал?
Прохор кивнул.
– Вот! Не продал, а поджег. Мне уже в отчий дом входить заказано, близ ворот не пустит. Умри сейчас мама – я даже проститься не смогу, не пустит!

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Роман взглянул на брата: – Зачем ты так о маме? Она поправится.
Никита кивнул: – Я сегодня говорил с врачом, вызвал и в машине разговаривали, потому что папаша, как коршун, у дверей сидит, не подойти. Так вот, врач сказал, что ей не выжить, слишком обширный инфаркт. И опять же все из-за него, устроил расправу над родным сыном на глазах у матери. Если он зверь, то мама-то добрейший человек, она и не вынесла увиденного. Так что надо готовиться.
Долго молчали. Роман не удержался: – Проша, все равно у тебя какие-то думки есть, может, в городе с кем поссорился, с девками кому дорогу перешел?
Прохор словно очнулся: – Валька с Галькой, я с ними переспал и бросил. Это они! Точно, больше некому!
Братья переглянулись и засмеялись: – Прошка, если бы каждая брошенная тобой баба по дому сжигала, вся деревня уже выгорела бы. Ну, подумай ты сам, какая из Галинки поджигательница?
Прохор взъярился: – Да ты ничего не знаешь! Если бы ты видел, какое у нее лицо было, какие молнии в глазах, когда она ключи в меня бросила, ты бы не стал так говорить. Они. Их надо трясти.
– Подожди, Роман, – поднял руку Никита. – А папаша их не мог отомстить?
Никита кивнул: – Для того, чтобы мстить, надо хотя бы знать, за что. Неужели ты думаешь, что обе дочери одновременно упали перед папой на колени: «Папа, отомсти Прошке, он нас испортил!»? Да и Артем Сергеич бессловесный человек, он муху не обидит. Нет, это исключено.
Роман встал, прошелся по комнате: – А, собственно, о чем мы судим? Какая разница, кто это сделал, надо что-то с Прошей решать.
Никита спросил: – Проша, у тебя же были деньги, сам хвалился, что квартиру можешь купить в городе.
Прохор улыбнулся: – Говорил и мог, но вовремя не купил, а во время пожала уплыл сейф с деньгами.
– Во как! И что ты молчал?
Прохор взвился: – А что толку визжать на всю деревню?! Кто-то знал о сейфе и о деньгах, без этого в огне его не найти, он в детской комнате в шкафчике укрыт был. Но кто мог знать – ума не приложу.
Роман бросил в пустоту молчания: – Нас ты, надеюсь, не подозреваешь?
Прохор махнул рукой: – О чем ты? – Так осталось хоть что-то, или совсем ничего?
Прохор улыбнулся: – На сигареты.
Опять помолчали. Наконец, Никита подвел итог: – Квартира у тебя в городе снята, живи там, надо с Юрочкой посоветоваться, может, он даст хорошую работу, у них оклады приличные и купоны стригут – дай Бог каждому. Рома, это на тебе. Я попробую поговорить в Треплевым, надо найти в райцентре помещение для магазина, деньги все там, это самое главное.
Опять вернулись к матери:
– Мужики, случись с мамой – он же нас не пустит в дом, каждому об этом отдельно сказано, он может продублировать и у гроба, – что делать? – спросил Роман.
Никита предложил: – Надо через теток на него повлиять, не сейчас, конечно, а – когда случится.
– Он этих теток наших никогда не почитал, неужели ты думаешь, то сейчас что-то изменилось? – не выдержал Прохор. – Слушай, Роман, может, тебе через главного врача…, ну, договориться… , проверить его на вменяемость?
Роман встал: – Да ты что, охерел совсем со своими бабами и пожарами. Забудь, ты мне этого не говорил.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Прохор громко хлопнул в ладоши: – Ну, решайте, только я на еще один мордобой не пойду, уеду в город, после похорон постою у могилы.
– Не то, не то! – Никита мучительно что-то соображал. – Во-первых, мы обязаны проводить и проститься с мамой, во-вторых, ребята, это деревня, да на нас плевать все будут и, в общем-то, они правы.
– Но все же дело в отце! – Роман посмотрел на братьев. – А если мы вместе встанем перед ним на колени, может, простит, хотя бы с мамой проститься позволит по-человечески? Вот как это будет выглядеть? Мы входим, а он встречает на крыльце и гонит, как собак. И как после этого в деревне жить?
– Да, надо что-то придумать.
– Вот ты и придумай. Давайте еще по рюмке, и я пошел, – предложил Никита.

27._____

Извелся Григорий за это время, Мотюшку уже перевели в отдельную палату, и он мог все время быть около нее. Говорить она не могла, только грустно улыбалась, видя, как старается ей угодить. Он говорил с нею постоянно, когда она не спала, вспоминал самое доброе из большой жизни, но всегда избегал речей о детях. Ночами уходи в коридор и давал волю слезам. Странно, но в темноте ночи он научился находить ее образ, и видел всегда такою, какой хотел: и молоденькой девчонкой, и на колхозной работе в поле, когда она широкой лопатой разравнивала зерно в кузове грузовика именно от его комбайна. Видел на гулянках, которые устраивали всей семьей, и Матрена пела никому неизвестные казачьи песни. А потом привиделась она ему серьезной, грустной, как будто они прощались, она обнимала его, как всегда обнимала и целовала, когда он уходил на работу, так было до самой пенсии. Григорий стряхнул виденье. Ничего толком не увидел Григорий, одно только ощущение, что Мотюшка была рядом, он даже дыхание ее слышал, даже запах волос ее терпкий чувствовал. Заглянул в палату – вроде спит, глаза прикрыты и дышит. Успокоился, прилег на кушетку, задремал
Выписали Матрену Даниловну через месяц, за все время дети бывали у матери трижды, в три раза по субботам отец уезжал а баню. Перед выпиской врач позвал Григория в свой кабинет: – Григорий Андреич, за это время я убедился, что жена очень дорога вам. Но как врач, я должен вас поставить в известность: мы выписываем Матрену Даниловну не потому, что излечили, а потому что излечить невозможно. Очень обширный инфаркт, к тому же возраст, гипертония, повышенный сахар. Мы снабдим вас всеми необходимыми препаратами, чтобы снимать боль, наш фельдшер будет у вас утром и вечером. К сожалению, другого я вам сказать не могу.
Канаков слушал молча, уронив голову на грудь. Когда врач закончил, он кивнул: – Значит, мы едем домой помирать. А я думал, вы сумеете поднять ее хоть на пару годиков. Выходит, никуда не двинулась наука после революции. Ей-то вы этого не сказали?
– Конечно, нет.
Домой привезли на «скорой», санитары на носилках внесли больную в дом, сестры уже натопили и все прибрали, положили Матрену Даниловну на супружескую постель, так он велел. Дома ей стало лучше, несколько времени она могла говорить, пусть шепотом. Поманила мужа глазами, указала на край постели: – Гриша, видно, скоро я уберусь. Мой наказ: всю одежду раздай родственникам, у меня много чего накопилось. По мне не тоскуй, это плохо. Найдешь приличную женщину, приводи, одному тяжело. Только какая с тобой уживется, только я.
Он припал к ней и плакал. А она шептала: – Гриша, я крещеная, и не могу помереть без исповеди. Найди священника. Дня три я еще подожду.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Когда Григорий вышел из комнаты, захватил голову руками: – Как же я, черт старый, адрес тому попу дал, а его не взял. Где теперь его брать?
Утром пошел на почту, наклонился к окошку: – Милая, ты мне вызови монастырь под городом, там есть, должен быть монах Николай.
Целый час билась девчонка, никак не соединяют городские телефонистки, то связи нет, то линия занята. Ушел ни с чем. У ворот встретился с Никитой. Сын кивнул и даже поклонился отцу:
– Лариса с Мариной заходили к маме, она про священника говорила. Может, я съезжу?
– Куда? У меня и адреса нет. Не надо ничего делать, сам решу.
Вечером около дома остановилась легковая машина, Григорий глянул в окно: Господи, поп, и весь в черном. Выскочил на крыльцо, спустился по крутым ступеням, отворил калитку – Николай!
Обнялись, вошли во двор.
– Ты меня сначала научи, как к тебе обращаться, чтоб по уставу. А потом и о другом.
– По уставу, сын мой, отец Тихон, так именован при постриге в монахи. Чин мой игумен, так и обращайтесь: отец Тихон, ну, наедине можно игумен Тихон.
– Да как же, сынок, я тебя отцом буду называть? А ты меня сыном?
– Так заведено, Григорий Андреич.
– Ладно. Кто же тебе сказал, что ищу тебя сегодня с самого утра?
– Господь указал путь, понял я в ночной молитве, что вам нужна моя помощь, адрес у меня был. Настоятель благословил, и вот я тут. Какое горе случилось, Григорий Андреич?
– Жена моя при смерти, просит исповедоваться, я и кинулся на телефонную станцию, только бесполезно. Сразу пройдешь, отец Тихон?
– Сначала на кухню, согреюсь, приготовлю все. Вы только проведете меня к больной и уходите. Помните о тайне исповеди?
Матрена Даниловна даже привстала, когда увидела монаха с большим крестом на груди. Григорий запер дверь.
Через час отец Тихон вышел, прикрыв дверь: – Она исповедовалась и причастилась святых даров, ей полегчало, пусть поспит.
– Отец Тихон, сколько она проживет?
– Все в руках Божьих, но жизни в ней осталось немного. Лучше, если бы дети и другие родные побывали у нее при жизни.
– Нет у меня детей, а сестры и так придут скоро.
– Как нет детей, Григорий Андреич? За вами в пансионат сын приезжал, я даже имя помню: Никита. Что случилось?
И Канаков, как на исповеди, все подробнейшим образом рассказал монаху, он слушал молча, кивал, но, когда Григорий Андреич сказал, что сыновей ко гробу матери не пустит, только за воротами они могут попрощаться, потому что отлучил он их всех троих от семьи, монах возразил:
– Григорий Андреич, вы использовали родительскую власть до самого предела. Но гнать детей от гроба матери (он трижды перекрестился) нельзя, не по-христиански это, не по-человечески. На эту минуту страшную надо отозвать свое решение, вы сами на эту минуту можете уйти, но проститься дети имеют право. Если не возражаете, я поживу у вас два дня.
– Только я тебя, отец Тихон, в избушку определю. Там светло и чисто, сегодня сестры придут на ночь, так что мы побеседуем.

28._____
С Матреной Даниловной все село приходило прощаться, стояли люди у гроба, вздыхали.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Сестры Григория все время были в доме, горячий обед готовили в летней кухне, которую пришлось основательно прибирать, потому что давненько не пользовались. Григорий распорядился, что горячий обед будет в своем доме. На ночь хозяин вместе с монахом уходил в избушку, приходили сыновья, почти до утра сидели у гроба матери. Плакали все. Каждый свою вину понимал и чувствовал.

Монах аккуратно спросил хозяина, не будет ли он против отпевания умершей. Григорий Андреич кивнул, мол, делай, как знаешь. Но отец Тихон предупредил, что после отпевания гроб следует закрыть. Такой порядок.

– Тогда, прости меня, сынок, отпевай на кладбище перед погребением, а теперь не позволю гроб закрыть. Я еще не насмотрелся на нее, ведь не увижу больше.

– На том свете все встретимся, Григорий Андреич.

– Возможно, не стану отрицать, только не верю, а коли так, то и закрыть не дам. Решай сам.

Отец Тихон согласился, провел отпевание и вернулся в избушку.

– Как дальше жить собираетесь, Григорий Андреич? С сыновьями в разводе, одному жить не совсем ловко, да вы и не умеете. Молиться вам надо, в этом утешение. Я вам молитвенник оставлю, посмотрите.

Многолюдно было при выносе, да и на кладбище потянулось много народа. Григорий Андреич встал на колени и поцеловал жену в губы. Как прощались остальные, он не видел. Пелена затмила глаза и сознание покинуло его, он молча, как посторонний, глядел, как накинули крышку, не слышал, как стучали молотки, бросил три горсти земли на чистую крышку гроба, дождался, когда образовался высокий холмик, когда поставили крест, поклонился новому сооружению и быстрым шагом пошел к дому.

За общим столом он пригубил рюмку и ушел в избушку. Отец Тихон собирал свои вещи.

– На столе записка, там адрес и телефон, к которому меня могут пригласить. Я уже записал ваш телефон, так что будем общаться. Еще раз обнимаю тебя, сын мой, сострадаю твоему горю и заверяю тебя, что раба божия Матрена в означенное время будет в раю. Григорий Андреич, не должен я такого говорить, но Господь простит, ибо ни корысти, ни злобы в том нет. Жена твоя редкой чистоты женщина, ни один мужчина не прикасался к ней, кроме тебя. И любила она тебя так, как только дозволено женщине любить мужа своего. Не провожайте меня, да благословит вас Бог!

Когда народ разошелся, он вошел в пустой дом, сел за убранный уже стол, уронил голову на свои тяжелые руки и зарыдал. Сестры не смели помешать ему. Выплакавшись, Григорий встал:

– Девчонки, до сорокового дня не шевелите ничего, ночуйте тут, а я в избушке буду. После решим, что и как.

И девять дней провели так же тихо и спокойно, ребята в городе заказали службу, сами увезли цветы на могилу, но в дом не пошли. И в сороковой день собрались люди, посидели за столом, поклонились хозяину и разошлись.

Григорий открыл сундуки и шкафы, велел сестрам смотреть, что им подойдет, да и так просто взять на память. Все остальное велел собрать в узлы и унести в сельсовет, там найдут, кому раздать.

Когда все разошлись, он полез в дальний ящик комода, достал документы на строительство этого дома, которые хранились уж сорок лет, нашел там и справку из совета, что дом этот принадлежит Канаковй Григорию Андреичу на правах личной собственности. Бумаги собрал, положил в хозяйственную сумку, с которой покойница все ходила в магазин за продуктами, и вышел на улицу. Дом Артема Сергеича на крайней к озеру улице нашел сразу, хотя ни разу не бывал. Домик древний, покосился весь. Стукнул калиткой, думал, собака тявкнет – нет, тишина.

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

Из дома вышла девчонка в накинутом пальтишке, узнала отца бывшего хозяина, спросила не очень ласково:
– Вы к кому?
– А ты Галя или Валя?
– Галина я.
– Вот славно. А Артем Сергеич дома?
– В мастерской он. Позвать?
– Нет, дочка, ты лучше меня проводи.
Артем открыл двери, смутился, даже в лице изменился:
– Проходи, Григорий Андреич, или лучше в дом?
– Да нет, тут ловчее наши речи вести. Артюха, ты слышал, что я жену свою дорогую схоронил?
– Знаю, Гриша, сам провожал до могилок. Редкая была женщина.
– Детей изогнал из сердца своего, один на белом свете, и никому не нужен. Решил я, Артюха, уйти в обитель, в монастырь.
– Григорий, ты же партийный!
– Ну и что? Там всяких принимают. Но не затем пришел к тебе. Коли я за сына своего век у тебя и девчонок твоих в долгу, принес я бумаги на дом свой, ты сейчас позовешь двух соседей, и мы напишем договор, что я продал, а ты у меня купил этот дом со всем барахлом в нем и со всеми постройками.
– Григорий Андреич, если тебе деньги нужны, я их так верну, без бумаг.
– Артем, ты меня не понял. Я ухожу в монастырь, нахрена мне там деньги? А договор нужен, чтобы ни одна падла к тебе не предъявила, а таковые могут возникнуть. Так вот, пока я тут, ты в дом перейдешь с семейством. Там все есть, от посуды до постельного белья, еще не тронутого. Поживешь так дня три, я в избушке буду, а когда все поймут, что дело сделано, вот тогда я и уберусь. Только ты никому ни слова. Девки твои красавицы, они свое счастье еще найдут, но одна меня встретила – гордая, могут заартачиться, так ты бери круто: переходим, а эту развалюху бульдозером.
В смущении от неожиданной миссии соседи подписали договор, никак в толк не могли взять, откуда у Артема такие деньги, и куда собрался переезжать Канаков. Когда все было сделано, Григорий пошел в свою избушку. За воротами его догнали Галина с Валентиной:
– Григорий Андреич, вы извините меня, что так недружелюбно встретила вас, – выпалила Галина. – Мы на вас зла не держим.
– Спасибо, дочки, и вы мне любы и приятны, дал бы Бог таких дочерей – гордился бы ими. Завтра утром всей семьей ко мне, жду.
Видно, от простоты душевной, от чистоты принятого решения Григорий смотрел, как радовались девчонки новым комнатам, как осторожно открывала кухонные шкафчики их мать, как растерянно чувствовал себя в новой роли сам Артем Сергеич.
– Валюша с Галюшей, продукты все в холодильнике, там и куры, и свинина, готовьте хороший ужин, давненько я с родными людьми не ужинал.
Ужинали в зале за большим столом, выпили по рюмке, долго говорили о хозяйке этого дома, обо все другом, избегая речей о сыновьях и будущем самого хозяина.
– Артем, завтра пойдем в сельсовет, ну, в администрацию, домовую книгу на тебя перепишем, заодно и общественность поставим в известность. Заранее говорю: если кто-то посыкнется на дом – вызывай Романа Григорьевича, он человек грамотный и законы должен знать. А не знает – я ему популярно объясню.
Невиданная доселе купля –продажа поставила деревню на дыбы. Каких только разговоров не было, вплоть до того, что дочери-то у Артюхи – Григорьевны, а пожар устроил сам Канаков, только вот зачем – никто объяснить не смог. Так в сомнениях и догадках

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/

тихонько затерялась эта новость в ворохе ежедневных деревенских сплетен. Только старший Канаков был уже далеко.

29. У монастыря под скромной кровлей стояли несколько человек. Согбенный и седой старик подошел, поздравствовался. Оказывается, родник бьет из земли, не высоко, а вода чистая и теплая. Ему подали стаканчик, он отпил – приятная и добрая водичка, поблагодарил, отошел в сторонку. А люди стояли и удивлялись: – Какая чистая вода! Нигде более не найдете вы такой чистой воды.
Григорий Андреич стоял в стороне и плакал.

7 декабря 2013 года.
д. Каратаевка,
Казанский район,
Тюменская область

© Copyright: составитель Е. Секерин, 2021, http://literklubisety.ucoz.com/